

ISSN 2542-0445 Print
ISSN 2712-8946 Online

Подписной индекс 78535
Subscription index 78535

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY
HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

Том 30 № 3

Vol. 30 No. 3

2024

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ
VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА DOAJ ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием.

Тематика журнала:

- исторические науки и археология (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.4; 5.6.5; 5.6.7),
- педагогические науки (специальности: 5.8.1; 5.8.7),
- языкознание (специальности: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год. Т. 30, № 3, 2024

Миссия журнала – распространение в России и за рубежом новых научных идей и результатов оригинальных исследований в области истории, педагогики и языкознания как базовых наук гуманитарного цикла, обладающих традиционными эвристическими взаимосвязями, создающими особый синергетический исследовательский эффект как в освоении новых тенденций развития этих наук, так и в раскрытии особенностей различных языков, истории, культуры, традиций образования в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Цели и задачи журнала: привлечение в журнал авторитетных авторов; публикация результатов оригинальных научных исследований (статьи, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу) в области исторических, педагогических наук и языкознания; создание условий для развития и укрепления интеграции российских и зарубежных ученых в сфере социально-гуманитарных исследований; продвижение журнала на российском и международном рынке, в том числе путем расширения возможностей распространения и индексирования научных работ в основных базах данных в России и за рубежом.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор:

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Заместители главного редактора:

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Ответственный секретарь:

П.А. Минстругов, канд. ист. наук, доц., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

Тел. +7(846) 3345406

Е-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация,

Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34.

Выпускающий редактор *Т.А. Мурзинова*

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии **ПИ № ФС 77-67842** от 28.11.2016.

Подписной индекс в Объединенном интернет-каталоге

«Пресса России» **78535**

ISSN 2542-0445 Print

ISSN 2712-8946 Online

Прежнее название – Вестник Самарского государственного университета, ISSN 1810-5378. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-12398 от 19.04.2002 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Подписано в печать 11.10.2024. Выход в свет 16.10.2024.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 28,25.

Тираж 200 экз. (первый завод – 30 экз.). Заказ №

© Самарский университет, 2024

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIJA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIJA
VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (Samara University)

Indexing in databases: eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA DOAJ LAN CROSSREF

*The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003.
On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from 23.06.2017 with the new title.*

Remit of the journal:

- **historical sciences and archaeology** (specialities: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.4; 5.6.5; 5.6.7),
- **pedagogical sciences** (specialities: 5.8.1; 5.8.7),
- **linguistics** (specialities: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Journal is published since 1995. It is published quarterly. Vol. 30, no. 3, 2024

The mission of the journal is to disseminate in Russia and abroad new scientific ideas and the results of original research in the field of history, pedagogics and linguistics as the basic sciences of the humanitarian cycle, which have traditional heuristic relationships that create a special synergistic research effect both in mastering new trends in the development of these sciences and in revealing the features of various languages, history, culture, educational traditions in Russia and in the countries of near and far abroad.

Aims and objectives of the journal: attraction of authoritative authors to the journal; publication of the results of original scientific research (articles, surveys, reviews and reports on scientific literature) in the field of historical and pedagogical sciences and linguistics; creating conditions for the development and strengthening of integration of Russian and foreign scientists in the field of social and humanitarian research; promotion of the journal in the Russian and international markets, including by expanding the possibilities of disseminating and indexing scientific papers in the main databases in Russia and abroad.

All articles are reviewed in the program «Antiplagiat» and double-blind peer-reviewed by the leading scientists in accordance with remit and specialities of the journal.

Chief editor:

P.S. Kabytov, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editors:

E.L. Dubman, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

T.I. Rudneva, Dr. of Pedagogical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

N.A. Ilyukhina, Dr. of Philological Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Executive editor:

P.A. Mistrugov, Cand. of Historical Sciences, associate professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7(846) 3345406

E-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Publisher: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University,

Address Publisher: 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literary editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

L.N. Zakonova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media III № **ФЦ 77-67842** as of 28.11.2016 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Subscription index in the United catalog of Internet «Press of Russia» 78535

ISSN 2542-0445 Print

ISSN 2712-8946 Online

The former title – Vestnik of Samara State University, ISSN 1810-5378. The certificate on registration of mass media III № 77-12398 as of April 19, 2002, was issued by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Passed for printing 11.10.2024. The publication 16.10.2024. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 28,25.

Circulation 200 copies (first printing – 30 copies). Order №

© Samara University, 2024

This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Главный редактор

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

История

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

П.А. Мистрюгов, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Алматы, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация)

Б.У. Меннинг, доктор истории, профессор (Университет Канзаса, Лоренс, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Российская Федерация)

А. Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Университет Мемфиса, Теннесси, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самарский социально-гуманитарный университет, Самара, Российская Федерация)

А. Мантарова, д-р социол. наук (Институт изучения обществ и знания, София, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

С.Н. Филиппченко, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры педагогики факультета психологии (Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, российская Федерация)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

И. Клюканов, PhD, профессор коммуникации (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Б. Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Колледж искусств и науки Генри Кенделла, Талса, США)

М.В. Черкунова, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английской филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

А. Эббингхауз, д-р филол. наук, почетный профессор (Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Вюрцбург, Германия)

Г. Синекопова, PhD, профессор (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент по специальности «Германские языки», профессор кафедры английского языка № 4 (Московский государственный университет международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Туникова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация)

Chief editor

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, Honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial board

History

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

P.A. Mistrugov, Cand. of Historical Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Eurasian National University, Almaty, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B.W. Menning, PhD in History, professor (University of Kansas, Lawrence, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation)

A. Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (University of Memphis, Tennessee, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation)

A. Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

S.N. Filipchenko, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy, Faculty of Psychology (Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation)

Philology

S.I. Dubinin, PhD in Philology, professor, professor of the Department of German Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Ilyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

I. Klyukanov, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

B. Piters, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Henry Kendall College of Arts and Sciences, Tulsa, USA)

M.V. Cherkunova, Doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of the Department of English Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

A. Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, honorary professor (Julius-Maximilians University of Würzburg, Würzburg, Germany)

G. Sinekopova, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor on the specialty «German Languages», professor of English Language Department № 4 (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Поздравляем с 80-летним юбилеем! Педагогический талант профессора Т.И. Рудневой</i>	8
ДИСКУССИИ	
Бабашкин В.В., Толстов С.И. Коллективизация как страница истории и ее место в национальной идеологии современной России	11
ИСТОРИЯ	
Безгина О.А. История города Ставрополя-Тольятти: историографический аспект	20
Асташкин Р.С. Позиция Персии по проблеме «русского транзита» в XVI–XVII вв.: сюжет о ширванских городах	32
Зарубина Е.Г., Крюкова С.С. Освидетельствование душевнобольных в Самарской губернии в 1860-х гг.	39
Рыбин Д.В. Борьба легалистов за уравнение прав евреев с подданными Российской империи в конце XIX – начале XX века	45
Михайлова А.Е. Торгово-промышленные центры Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века	54
Курятников В.Н. На перекрестке мнений: Куйбышев в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.)	63
ПЕДАГОГИКА	
Стрекалова Н.Б., Санько А.М. Научное знание в педагогике о средствах обучения	72
Руднева Т.И. Методическое сопровождение научно-исследовательской деятельности магистров направления «психолого-педагогическое образование»	89
Рылов А.Н., Соловова Н.В. Модель формирования тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов	94
Карапузиков А.А., Уварина Н.В., Мураев Н.П., Низяков А.Д. Педагогическое сопровождение подготовки курсантов вузов МЧС России к деятельности в экстремальных ситуациях	99
Гребенкина А.С., Ляшко П.В. Формирование у школьников предметных умений по математике в процессе цифровой дидактической игры	104
Лысенко В.Г. Цифровая трансформация Центра опережающей профессиональной подготовки Кузбасса: подходы и решения	112
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Карпенко Л.Б., Лю Сяоя Грамматическая системность моделей просьбы в современном русском языке	120
Дубинин С.И. «Противоборство шрифтов: готика vs антиква» в языковой политике Третьего рейха	128
Галиуллина О.Р. Аллюзия как средство реализации интертекстуальности в англоязычной сетевой кинокритике	142
Чалова О.Н. Функционально-прагматические параметры высказываний с эксплицитным модусом незнания в научном диалоге	152
Изместьева И.А. Язык СВО в историко-культурном контексте	159
Шамне Н.Л. Гендерные стереотипы в немецком языке: синхронно-диахронный аспект	167
Савватеева И.А. Виды игрового поведения при выражении категории отношения в английском и итальянском языках	179
Сударева В.С. Функции и специфика метафорических комплексов в романе Д. Кельмана <i>Tull</i>	187
Анциферова А.Н. Роль дисфемизмов в англоязычном кинопространстве	195
Шикина Е.В. Конструкции с повтором референта в предложениях с относительным местоимением <i>который</i> в переводе текста Мавро Орбини <i>Il regno degli slavi</i>	201
Mitrofanova Ye.N. Intonation cues to English public discourse perception	207
РЕЦЕНЗИИ	
Зайнутдинов Д.Р. Рецензия: Западное Приуралье в свете образования Татарской и Башкирской республик 1917–1922 гг.: надежды и реалии: сборник документов и материалов / сост. Р.Ф. Масагутов, М.Х. Ибрагимов. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2023. 256 с.	217
Шевченко В.Д. О новом подходе в изучении лексической метонимии. Рецензия на монографию: Илюхина Н.А. Лексическая метонимия в лингвокогнитивном осмыслении. Самара: ООО «САМАРАМА», 2023. 172 с. ISBN 978-5-6050869-9-4	222
<i>Требования к оформлению статей</i>	226

CONTENTS

<i>Happy 80th anniversary! Pedagogical talent of the professor T.I. Rudneva</i>	8
DISCUSSIONS	
Babashkin V.V., Tolstov S.I. Collectivization as a page of history and its place in the national ideology of modern Russia	11
HISTORY	
Bezgina O.A. History of the city of Stavropol-Togliatti: historiographic aspect	20
Astashkin R.S. Position of Persia on the problem of «Russian transit» in the XVI–XVII centuries: a plot about Shirvan cities	32
Zarubina E.G., Kryukova S.S. Examination of the mentally ill in Samara province in the 1860-ies	39
Rybin D.V. Struggle of legalists for equalize the rights of Jews with other subjects of the Russian Empire at the end of the XIX – beginning of the XX century	45
Mikhailova A.E. Commercial and industrial centers of the Samara region in the second half of the XIX – early XX century	54
Kuryatnikov V.N. At the opinion crossroads: Kuibyshev in the days of the Great Patriotic War (1941–1943)	63
PEDAGOGICS	
Strekalova N.B., Sanko A.M. Scientific knowledge in pedagogy about learning tools	72
Rudneva T.I. Methodological support of the Masters' research activities in the field «psychological and pedagogical education»	89
Rylov A.N., Solovova N.V. Model of formation of tutoring competence of future educational psychologists	94
Karapuzikov A.A., Uvarina N.V., Muraev N.P., Nizyakov A.D. Pedagogical support of preparation of cadets of higher educational institutions of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters to activity in extreme situations	99
Grebenkina A.S., Lyashko P.V. Formation of students' subject skills in mathematics in the process of digital didactic game	104
Lysenko V.G. Digital transformation of the Centre for Advanced Professional Training of Kuzbass: approaches and solutions	112
LINGUISTICS	
Karpenko L.B., Liu Xiaoxia Grammatical systematicity of request models in the modern Russian	120
Dubinin S.I. «Confrontation of fonts: Gothic vs Antiqua» in the language politics of the Third Reich	128
Galiulina O.R. Allusion as a means of implementing intertextuality in English-language online film review	142
Chalova O.N. Functional and pragmatic parameters of speech acts with the explicit mode of ignorance in scientific dialogue	152
Izmestyeva I.A. Language of the SMO in its historical and cultural context	159
Shamne N.L. Gender stereotypes in the German language: synchronic-diachronic perspective	167
Savvateeva I.A. Types of play behavior in the expression of the category of relations in the English and Italian languages	179
Sudareva V.S. Functions and specificity of metaphorical complexes in D. Kehlmann's novel «Tyll»	187
Antsiferova A.N. Role of dysphemisms in the English-language film space	195
Shikina E.V. Constructions with reduplication of the referent in sentences with the relative pronoun <i>который</i> in the translation of «Il regno degli slavi» by Mavro Orbini	201
Mitrofanova Ye.N. Intonation cues to English public discourse perception	207
REVIEWS	
Zaynutdinov D.R. Review: Masagutov R.F., Ibragimov M.Kh. (eds.) Western Urals in the light of the formation of the Tatar and Bashkir Republics in 1917–1922: hopes and realities: collection of documents and materials. Kazan: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr «Shkola», 2023, 256 p.	217
Shevchenko V.D. On a new approach to studying lexical metonymy. Review of a monograph: Ilyukhina N.A. Lexical metonymy in linguistic and cognitive comprehension. Samara: OOO «SAMARAMA», 2023, 172 p. ISBN 978-5-6050869-9-4	222
<i>Requirements to the design of articles</i>	226

**ПОЗДРАВЛЯЕМ С 80-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ!
HAPPY 80TH ANNIVERSARY!**

Татьяна Ивановна Руднева

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
обладатель высокой награды – медали К.Д. Ушинского
за заслуги в области педагогических наук

Педагогический талант профессора Т.И. Рудневой Pedagogical talent of the professor T.I. Rudneva

Имя Татьяны Ивановны Рудневой широко известно в педагогических кругах, к нему обращаются как к авторитету, на него ссылаются. Поэтому ее юбилей – не только личное дело. Есть повод посмотреть на современные проблемы образования с точки зрения вклада в него педагога, учителя, наставника.

Родившись 6 августа 1944 года в семье малограмотных родителей, она взяла главное – тягу к знаниям и человеческую порядочность, верность слову и преданность выбранному делу. Окончив школу в Куйбышеве в 1961 году, Т.И. Руднева поступила в Куйбышевский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет, по окончании которого была направлена в Молгачевскую восьмилетнюю школу Красноярского района Куйбышевской области учителем русского языка и литературы. Впоследствии ее педагогические и филологические способности проявились на должности организатора по внеклассной работе в школе № 27 Красноглинского района.

Интерес к научной работе, возникший еще в студенческие годы, вызвал потребность приобщать к ней своих учеников – участников научного кружка, а позже стать педагогом-исследователем в Куйбышевском государственном университете по окончании аспирантуры Ленинградского университета.

Научная школа и школа жизни

В 1970 году Т.И. Руднева была приглашена в только что созданный университет в Куйбышеве. Прощание со школой было нелегким: десять лет учебы в школе № 27, свои учителя, сложившийся профессиональный коллектив, любимые ученики и первая государственная награда – медаль «За доблестный труд». С желанием приобщиться к большой науке, прикоснуться к истории развития высшего образования начинается ее университетская судьба, которая подарила встречу с настоящими учеными: доктором исторических наук, профессором Ленаром Васильевичем Храмовым, пригласившим ее, завуча школы, перейти в созданный в Куйбышеве университет; доктором психологических наук по педагогике, профессором, членом-корреспондентом Российской академии образования Ниной Васильевной Кузьминой, ставшей научным руководителем по кандидатской диссертации («Исследование деятельности деканов факультетов» – 1977 год); доктором педагогических наук, профессором Борисом Тимофеевичем Лихачевым, научным консультантом по докторской диссертации («Формирование основ педагогического профессионализма у студентов университета» – 1996 год).

Более полувековой путь пройден в Куйбышевском (Самарском) университете: от лаборанта кафедры до начальника учебной части и преподавателя секции педагогики и психологии. Постепенно придет осознание важности развития в университете педагогического образования: появлялись новые типы образовательных учреждений (лицеи, колледжи), для которых потребовались учителя нового типа – исследователи с университетской подготовкой к решению перестроечных задач в образовательном пространстве региона. Университет взял на себя эту ответственность, обозначив одну из значимых его миссий в «Концепции развития Самарского государственного университета как центра науки, образования и культуры Самарского региона». Параллельно с классическими образовательными программами студенты получали квалификацию «учитель», а аспиранты – «преподаватель высшей школы».

После защиты трех докторских диссертаций на кафедре педагогики и психологии университета (Н.М. Магомедов, Т.И. Руднева, М.Д. Горячев) была открыта аспирантура по педагогическим наукам. Неизменным заместителем главного редактора в разделе «Педагогика» журнала «Вестник Самарского государственного университета» (сегодня – «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология») более 25 лет является профессор Т.И. Руднева. Молодые исследователи печатают в этом разделе результаты своих научных трудов. Педагогика становится значимой наукой и для педагогической практики: выходят первые монографии, сборники научных статей по актуальным вопросам российского образования.

Большая часть научной жизни профессора Т.И. Рудневой посвящена созданному в Самарском государственном университете в 1997 году диссертационному совету, председателем которого она была более двадцати лет. Совет стал кузницей научных кадров, специалистов в области профессионального образования. В совете было защищено 125 диссертаций (115 кандидатских и 10 докторских). Под научным руководством профессора Т.И. Рудневой защищено 57 кандидатских и 7 докторских диссертаций. Ответственность за результаты научного поиска, их внедрение в педагогическую практику – ее характерная черта.

Основатель научной школы теории и методики профессионального образования

Профессором Т.И. Рудневой создана уникальная научная школа исследователей актуальных проблем профессионального образования «Педагогические инновации в развитии системы обеспечения качества подготовки специалистов», представители которой известны своими научными трудами и внедрением результатов научного поиска в различных научно-образовательных учреждениях Самары, Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга.

В 2003 году она создает кафедру теории и методики профессионального образования как научный центр изучения специфики и особенностей деятельности в различных профессиональных сферах, задающих требования к личности успешного специалиста. Многочисленные публикации преподавателей кафедры (научные статьи, учебные пособия, монографии) содержат теоретические положения, расширяющие базис педагогической науки, а также методические рекомендации по выбору средств решения инновационных задач современного образования. В них акцентируется внимание на значимых региональных аспектах. В разработке моделей успешной профессиональной деятельности специалистов различных направлений принимают участие исследователи – ученики и коллеги профессора Т.И. Рудневой, работающие в Самарском университете и защитившиеся в диссертационном совете. На кафедре проводятся методологические семинары, посещаемые молодыми исследователями из вузов Самары, Тольятти, Сызрани.

Оценивая значимость внедрения результатов педагогических исследований в образование, более десяти лет профессор Т.И. Руднева проводит Всероссийскую научно-методическую конференцию с международным участием (Казахстан, Белоруссия, Канада, Израиль), а доклады участников публикуются в сборниках научных материалов.

Как общественный деятель, заслуженный деятель науки РФ, профессор, Т.И. Руднева является инициатором и организатором инновационных проектов во благо Самары: «Возрождение», «Русская школа», «Педагог XXI века», «Дополнительное образование». Ответом за запросы времени и региона стало открытие факультета дошкольной педагогики и психологии при Самарском филиале Московского городского педагогического университета, готовившего воспитателей детских садов и методистов дошкольного воспитания.

Научная жизнь профессора Т.И. Рудневой представляется публикациями более 300 статей, многочисленными монографиями, учебными пособиями. Ценными в научном отношении являются эти труды и исследования ее учеников, в которых результатами опытно-экспериментальной работы вносится значительный вклад в развитие педагогической науки: доказана обусловленность профессионально значимой характеристики выпускника вуза спецификой и особенностями будущей деятельности в профессиональной среде; разработан алгоритм определения структуры этой характеристики и отбора показателей для измерения уровня их развития; спроектирована модель успешной профессиональной деятельности.

Научные достижения профессора Т.И. Рудневой получили официальное признание: заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, профессор; почетный работник высшего профессионального образования РФ; основатель научной школы; действительный член Международной педагогической академии; обладатель высокой награды – медали К.Д. Ушинского за заслуги в области педагогических наук и медали «За верность традициям отечественного образования».

А еще Татьяна Ивановна просто замечательный человек, награжденный многими талантами: почитает поэзию, пишет стихи, но главный ее талант – педагогический, она умеет строить добрые отношения с людьми, способна заметить одаренность и помочь ей развиваться.

С юбилеем, глубокоуважаемая Татьяна Ивановна, коллега, Педагог, Учитель, Наставник!

Игорь Давыдович Лельчицкий,
академик Российской академии образования, доктор педагогических наук,
профессор, директор института педагогического образования
Тульского государственного университета

Igor Davydovich Lelchitsky,
academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences,
professor, Director of the Institute of Pedagogical Education, Tula State University

Владимир Петрович Бездухов,
член-корреспондент Российской академии образования,
доктор педагогических наук, профессор Самарского
государственного социально-педагогического университета

Vladimir Petrovich Bezdukhov,
corresponding member of the Russian Academy of Education,
Doctor of Pedagogical Sciences, professor of Samara State University of Social Sciences and Education

*Коллектив Самарского университета, редакция научного журнала
«Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология»
и научная общественность от души поздравляет коллегу, Учителя, Наставника
и прекрасную женщину с 80-летним юбилеем. Желает крепкого здоровья,
научных и творческих успехов, благополучия и удачи во всем!*

ДИСКУССИИ DISCUSSIONS

Уважаемые читатели и авторы журнала

Редакция предлагает вашему вниманию статью В.В. Бабашкина и С.И. Толстова по актуальной проблеме необходимости в современной России единой идеологии как условия упрочения естественно-исторического единства наших соотечественников для организации дискуссии. Ваши мнения и суждения по теме статьи просим направлять по электронной почте don.kabytov2012@yandex.ru до 18 ноября.

В предлагаемом тексте авторы намеренно до предела заострили постановку вопроса и сделали это посредством утверждения, что национальная идеология у народа нашей страны была всегда. И это был отнюдь не «марксизм-ленинизм» позднего СССР и уж тем более не рыночный либерализм дня сегодняшнего. Обе эти версии теории прогресса одинаково далеки от справедливости и здравого смысла в трактовке главного события в истории СССР – коллективизации. Надеемся на отклик со стороны коллег-историков и других профессионалов в области гуманитарного знания. Статья приводится в авторской редакции.

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-11-19

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93

Дата поступления: 17.02.2024
рецензирования: 19.03.2024
принятия: 02.09.2024

Коллективизация как страница истории и ее место в национальной идеологии современной России

В.В. Бабашкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0980-8449>

С.И. Толстов

Томский государственный педагогический университет,
г. Томск, Российская Федерация
E-mail: shpakras@mail.ru

Аннотация: В статье обосновывается необходимость того, чтобы национальная идеология современной Российской Федерации базировалась на адекватных представлениях об основных событиях советского периода истории страны. Российская историография с неизбежностью сформирует систему таких представлений в ближайшем будущем. Центральным из таковых событий авторы с уверенностью называют коллективизацию крестьянской деревни, показывая, почему советская версия коллективизации приблизительно в той же мере далека от исторической правды, что и идеологическая трактовка 90-х гг., пришедшая на смену «марксизму-ленинизму». Историческое краеведение и семейные хроники содержат одно из главных тому доказательств, подтверждающих состоятельность краеведения как инструментария историко-социологических исследований.

Ключевые слова: коллективизация; история России; национальная идеология; историческая правда; краеведение.

Цитирование. Бабашкин В.В., Толстов С.И. Коллективизация как страница истории и ее место в национальной идеологии современной России // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 11–19. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-11-19>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бабашкин В.В., Толстов С.И., 2024

Владимир Валентинович Бабашкин – доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82.

Сергей Иванович Толстов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию, Томский государственный педагогический университет, 634061, Российская Федерация, г. Томск, ул. Киевская, 60.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.02.2024
Revised: 19.03.2024
Accepted: 02.09.2024

Collectivization as a page of history and its place in the national ideology of modern Russia

V.V. Babashkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0980-8449>

S.I. Tolstov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
E-mail: shpakras@mail.ru

Abstract: The article substantiates the necessity of the national ideology of the modern Russian Federation to be based on adequate representations of most important events of the Soviet period of the country's history. Russian historiography will inevitably form a system of such representations in the near future. The authors confidently position collectivization of the peasant village as the central of the events in question, showing why the Soviet version of collectivization is approximately as far from the historical truth as the ideological interpretation of the 90s, which arrived to substitute the so-called «Marxism-Leninism». Local history investigations and family chronicles contain one of the principal proofs of this, confirming the consistence of Peasant Studies as a tool for historical and sociological research.

Key words: collectivization; history of Russia; national ideology; historical truth; peasant studies.

Citation. Babashkin V.V., Tolstov S.I. Collectivization as a page of history and its place in the national ideology of modern Russia. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 11–19. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-11-19>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declared no conflict of interest.

© Babashkin V.V., Tolstov S.I., 2024

Vladimir V. Babashkin – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Political and Legal Disciplines and Social Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation.

Sergey I. Tolstov – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Science, Tomsk State Pedagogical University, 60, Kievskaya Street, Tomsk, 634061, Russian Federation.

Введение

На вопрос, нужна ли сегодня России единая национальная идеология, многие коллеги-историки продолжают отвечать отрицательно, ссылаясь при этом на ст. 13 Конституции РФ. Это неправильный ответ. В обозримом прошлом наличие такой идеологии на всех исторических этапах было неременным условием существования нашей страны. Кто знаком с фольклором народов России, тот понимает, о чем речь. Следовательно, вопрос нужно ставить иначе: а откуда взялась в нашей современной Конституции эта статья 13? «Чертова дюжина», как именуют в народе это числительное. Нет ли в нашем юридическом и политологическом сообществе людей, которые говорили бы о необходимости создания нового конституционного документа [Тараканов 2023, с. 6–7; Клеандров 2022]? Разумеется, новый Основной Закон страны должен исключить эту и целый ряд других статей, подрывающих естественно-историческое единство многонациональной Российской Федерации.

А откуда взялся этот образ России будущего, который и был зафиксирован текстом Конституции 12 декабря 1993 г.? Он прямоком проистекал из серьезно искаженного образа России прошлого, который до массового потребителя исторической информации доносили в те времена тексты Солженицына или, к примеру, пьеса М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше...» [Кабытов 2016, с. 52–53; Бабашкин 2021, с. 11]. В Конституцию

поправки внести несложно, что и было сделано в июне-июле 2020 г. А вот как поправить то положение вещей, когда слишком многие из наших соотечественников испытывают сугубо отрицательные эмоции, услышав такие слова, как «большевики», «коммунисты», «Ленин», «революция», «коллективизация»?.. Как вообще так получилось, что нам успешно привили чувство стыда за то, чем мы не просто вправе – обязаны гордиться?

Все это вопросы риторические. Заинтересованные люди знают ответы, хотя мы не исключаем, что все же пока что в этих ответах может наблюдаться (не может не наблюдаться) некое разнообразие – «плюрализм» (почти как в ст. 13). Но чтобы подчеркнуть, что вопросы это ненадуманные, приведем один факт. Да какой! Вот подстраничная сноска на с. 47 новейшего учебника по истории России для 10 класса средней школы, который издан в 2023 г. и наконец-то вводится как *единый* для всей территории РФ. В единстве (хоть ты *тоталитаризмом* его называй) – вся наша сила. После описания событий «Великой войны» 1914–1918 г. (так именуется в тексте учебника то, что по сути своей было империалистической бойней) доходит речь до бурных политических событий весны-осени 1917 г. в России, и делается следующая сноска: «В исторической науке закрепился термин “**Великая российская революция**” – по аналогии с революцией XVIII в. во Франции и прежним названием октябрьских событий 1917 г. (Великая

Октябрьская Социалистическая революция). Революция в нашей стране действительно оказала огромное влияние как на развитие нашей страны, так и на все последующие общемировые процессы. В этом отношении оценка профессиональных историков обоснованна. Однако последствия революционных событий 1917–1922 гг. стали и трагическими: слом традиционного жизненного уклада, разруха, голод, гибель и эмиграция миллионов сограждан; самое страшное – последовавшая беспощадная братоубийственная Гражданская война. Поскольку значение слова “великая” в русском языке обычно подразумевает положительную оценку, далее в тексте учебника используется сокращенный термин **“Российская революция”** (Мединский, Торкунов 2023).

Незадачливым авторам учебника и в голову не приходит, что датировать «Российскую революцию» 1917–1922 годами – отнюдь не бесспорно. Кто-то в нашем историческом цехе уже пишет о революции в России 1902–1935 гг., подчеркивая при этом именно величие ее: она не сводилась к верхушечным переворотам в политической элите; ее сознательно и организованно осуществлял сам крестьянский народ страны, заставляя при этом политическое руководство делать то, что должно (Бабашкин 2024). В такой постановке вопроса коллективизация – это и есть победа народной революции в России/СССР. Нужно отдать должное авторам критикуемого учебника, там присутствуют такие слова: «Созданная на селе в период коллективизации система организации труда (колхозы и совхозы как структурные единицы сельскохозяйственного производства) продемонстрировала уникальную устойчивость. Коллективный трудовой подвиг, совершенный колхозным крестьянством в годы Великой Отечественной войны, был бы невозможен в случае преобладания единоличных хозяйств» (Мединский, Торкунов 2023, с. 365).

При этом сам параграф, посвященный коллективизации (Мединский, Торкунов 2023, с. 221–228), звучит во многом в унисон с соответствующим параграфом предыдущего издания школьного учебника, который завершается такой вот цитатой из пособия по истории для бакалавров того же 2017 года издания: «В результате коллективизации установилась система “военно-феодальной эксплуатации” деревни государством, которая на протяжении десятилетий вполне устраивала партийно-государственную верхушку» (История 2017, с. 141). Если это не отголоски *единой* идеологии, что навязывалась нам, вопреки упомянутой ст. 13, на протяжении более чем трех десятилетий, то что это?

Основная часть

Нам куда ближе та постановка этого центрального, по нашему убеждению, вопроса современной идеологической борьбы, которую П.П. Марченко и С.Ю. Разин сформулировали так: «Да и та же коллективизация, которая столько раз недобрым

словом помянута была сегодня за нашим “круглым столом” – это что, какой-то абсолютно внешний по отношению к русскому крестьянству проект? Или это реализация того, что уже было потенциально заложено в самом крестьянстве? Разве это не – пусть не самый лучший, но все-таки – вариант развития крестьянской общины? И разве у процесса явного “раскрестьянивания” сталинской России, о котором столько сегодня говорили, не было неясной, изнаночной стороны – “окрестьянивания”, при котором вся огромная, стремительно индустриализирующаяся за счет крестьянства страна превращалась в одну гипертрофированную крестьянскую “коммуну”, “социалистическая экономика” которой резонировала с общинной “моральной экономикой”, а все базовые идеологически “новые” ценности корреспондировали с устоями сельского “мира”? Разве само крестьянство не приносилось в жертву во многом именно во имя воплощения крестьянской утопии?» [Марченко, Разин 2014, с. 601].

Будучи приверженцами крестьяноведения как эффективной методологии исторического познания, уже убедительно показавшей свой универсальный характер, мы критично восприняли введенный в вузовский учебный процесс такой учебный предмет, как «Основы российской государственности» (ОРГ). Оговоримся: «критично» не в смысле неприятия, а с точки зрения стандартного научного выявления сильных и слабых сторон этого предмета с позиций крестьяноведения – раздела знания, игнорирование познавательного потенциала которого для адекватного понимания российской истории в академическом сообществе историков и социологов уже становится моветоном. При всей предметной эклектичности этой учебной дисциплины для первокурсников отрицать ее актуальность не приходится, хотя обоснование необходимости введения ОРГ авторами этой инициативы представляется витиеватым, что дает основания для скептического отношения к нему со стороны привлекаемых к его преподаванию специалистов-обществоведов. На наш взгляд, необходима более глубокая и открытая актуализация учебной дисциплины с тем, чтобы не допустить перехвата первенства права интерпретаций содержания преподаваемого курса теми, кто поближе к власти, т. е. только с высот властно-бюрократических структур, чтобы четко придерживаться целеполагания. Последнее крайне важно, ибо предмет далек от каноничности, и внесение корректив в содержание ОРГ по ходу накопления его мировоззренческой результативности подразумевается по определению.

Не вдаваясь в анамнез того, как наша государственность как атрибут цивилизационной идентичности оказалась у последней черты, констатируем, что для выведения ее из этого состояния понадобилось использовать чрезвычайные меры антикризисного управления. В гуманитарной сфере как раз одним из таких средств стал

новый учебный предмет-конструкт ОРГ. Транзит от банального плюрализма мнений в годы «перестройки» до полной концептуальной неопределенности среди «образованщины» на протяжении жизни одного поколения (25 лет) дал с точностью до наоборот неожиданный для субъектов управления этим процессом эффект: осознание основной массой населения на уровне здравого смысла того, что перспектива оказаться объектом управления в трансгуманистическом обществе для этой основной массы неприемлема; что духовно нужно оставаться самими собой в новой информационной реальности, когда изолироваться от глобального пространства нельзя и ненужно. При этом молодое поколение составляет релевантную часть данного эмоционально-эвристического состояния. Однако все эти благоприятные предпосылки необходимо заново операционализировать посредством постулирования в необходимом и достаточном объеме и, соответственно, обеспечить научной лексикой. Делать это нужно срочно и без чрезмерных сомнений и даже рефлексий. Главное, чтобы под интуитивные ожидания был сформулирован понятный аппарат, обозначающий цивилизационную специфику нашей государственности и унифицирующий мировоззренческую повестку. Требуется стандартизация мировоззрения, которая будет детерминировать консолидированное социальное поведение в нашем обществе. При этом какие-либо ограничения свободы выбора индивидов исключаются, ибо в системе общественного согласия личностная самореализация людей как раз происходит легче, более защищенно, что ли.

Наша история – мощное подспорье в этом деле. Прежде всего – и с большим отрывом по важности от всего остального – в этой перекличке истории с современностью необходимо принимать во внимание общинные практики жизни. В их контексте формировались и эволюционировали стереотипы нравственного поведения людей, и регуляторами ононого были обычаи, пословицы, поговорки, былины, сказания, частушки. Отношения государства и традиционного общества в пределе регламентировались, наряду с законом, главным образом адаптированной под народные представления о балансе интересов версией христианства – православием. В некотором роде традиционное крестьянское общество находилось в режиме самоуправления; государство ему было нужно как защита от внешней угрозы и как интегратор его взаимодействия со всей остальной социальной действительностью.

Уровень экономического развития и качество жизни были таковы, что удовлетворялись только производственно-демографические потребности, семья была хозяйственной единицей, а дети – производственным ресурсом. Это было настолько естественной нормой выживания и воспроизводства общества, что в преемственности поколений они в результате многовековой повторяемости превратились сначала в рациональную традицию,

а далее произошла их естественная сакрализация. Данные параметры практики жизни из рациональных категорий превратились в духовные традиционные ценности, приоритеты смысла жизни. По мере роста производительности труда, перехода к индустриальному обществу данные духовные ценности обретали такие свойства, что все меньше оставалось оснований сводить их просто к условиям выживания; они продолжали действовать все более независимо, сами по себе, трансформируя многодетную семью в потенциал развития общества и государства. Все наработанные веками этические, культурные, религиозные обоснования традиционных ценностей духовно скрепили общественные отношения, обусловили единение власти и народа. Конечно же, эти теоретические положения не исключают высокочастотные (тактические) общественные противоречия, но, напротив, даже подразумевают их как движущую силу функционирования и развития общества, государства, цивилизации. На уровне же низкочастотном (стратегическом), когда действуют уже международные – а сегодня уже проявленные глобальные – противоречия, духовные скрепы – это основополагающий, фундаментальный ресурс конкурентоспособности нашей России, страны-цивилизации.

Так вот животворящая сила традиционных семейных ценностей настолько явственна, что вокруг них, как доминантной идеалистической нормы, ломаются копыя, причем сейчас уже не латентно, а открыто на фронтах идеологической борьбы. Будучи уже не производными от текущей материальной практики жизни, они могут быть привиты только эмоционально-эвристически. Наше подрастающее поколение чуть было не оказалось заложником идеологии постмодерна со всеми его мировоззренческими извращениями (чайлдфри, гедонизм и пр.) и представлением о стирании граней между цивилизациями, о непротиворечивости глобального пространства в связи с концентрацией мировой экономики. Между тем принципиально разные культурно-духовные основания в разных частях мира на сегодняшний день с очевидностью привели к фиаско англосаксонскую версию глобализации. Настала пора, по крайней мере у нас, концептуально самоопределиться в своей цивилизационной идентичности. Россия как государство-крепость была и остается системообразующим фактором русской многонациональной цивилизации. Сейчас это все срочно нужно застраховать изнутри. Главный страховочный механизм – устойчивое патриотическое мировоззрение. Последнее должно стать религиозным категорическим императивом общества. Однако исключительно религиозными способами воспитать в массе своей это состояние души в открытом информационном обществе невозможно, да и ненужно. Науку гуманитарную еще никто не отменил, так как она еще не достигла способности быть символом веры, не соединилась с религией. Все впереди, ибо знание целостно, и на уровне

экспериментально-опытной непознанности, то есть на трансцендентном уровне, объединение интеллектуальных усилий с религией неизбежно. Подрастающее поколение просто нужно вовремя и уместно обучать, прививать ему научное гуманитарное мышление.

Повторимся, введение дисциплины ОРГ весьма целесообразно. Как говорится, лучше позже, чем никогда. И именно на первом курсе вуза сейчас эта дисциплина, как никогда, актуальна. На школьной скамье подрастающее поколение эмоционально проявляется в своей естественной любви не только к большой Родине, но и даже к малой (хотя последовательность должна быть обратной: как сначала арифметика, а потом алгебра, так и сначала краеведение, а затем история). Однако, когда молодые люди вступают в пубертатный возраст, у них обостряется потребность рационализировать патриотизм посредством верификации (проверки на истинность) непреложности любви к Родине категориями доказательности и красоты. Так вот сегодня не нужно повторять ошибок преподавания идеологических дисциплин в СССР.

Прежде всего важно открыто и честно показывать развивающийся в последние десятилетия системный кризис в стране, одним из средств преодоления которого и подразумевается такая учебная дисциплина в вузе, как ОРГ. Обращение к ретроспективному исследовательскому подходу в этой связи уже безусловно. Далее – как само собою разумеющееся – формирование представления о норме: здоровое российское цивилизационное состояние и адекватное ему государство. Без этимологии проблемы не обойтись. Вот и выход на приоритет истории в рабочей программе по учебной дисциплине ОРГ. При выяснении своеобразия и даже феномена России нужна соответствующая методология познания. Для молодых людей вообще крайне важно самостоятельно через познавательную рефлексию прийти к концептуальному самоопределению, тем самым приобщившись как минимум к государственной идеологии, а по максимуму – к цивилизационному знаменателю. Кстати, идеология – это, конечно же, набор определенных идеологем, которые в известном смысле аналогичны религиозным догмам. Она нужна, как нужна системно мыслящему человеку константа, точка отсчета в системе координат жизни, с тем чтобы от неупорядоченности переменных величин, то есть плюрализма моральных принципов, свойственных индивидуалистически-потребительской культуре, не впасть в когнитивный диссонанс и прочие психологические расстройства. Только приверженность ей в условиях информационного общества должна быть осмысленной, осознанной, обусловленной генетическим потенциалом и приемлемыми факторами социокультурной среды. Надо констатировать, что формирующая молодого человека довузовская среда дифференцирована во всех отношениях, в этой связи дисциплина ОРГ призвана выровнять мировоззренческие представления о Российском государстве. Но не как навязанный

катехизис, а как матчасть смыслового исторического конструкта, в которой человек должен разбираться. Инструментарий анализа и синтеза государства также должен быть унифицированным.

Своеобразие истории нашей государственности не вызывает в историографии сомнений. Те или иные историографические позиции на разные исторические сюжеты только помогают ответственно извлекать уроки: брать полезное, отказываться от ошибочного.

Представляется странным, что в курсе ОРГ в том виде, в каком он на сегодняшний день доступен преподавателям в имеющихся пособиях и учебных программах, Российское государство недостаточно охарактеризовано с позиций крестьяноведения – даже по умолчанию, не говоря уж о том, чтобы по оглашению. Да даже и аграрный компонент там нерелевантен. Сохраняются основания многие предлагаемые там постулаты воспринимать эмпирически-интуитивно и, разумеется, не без скептицизма. Они и правда порой звучат как банальные либеральные дефиниции или же как психотропикосткая одержимость тоталитаризмом. Студенты не верят в необходимость равняться на традиционные семейные ценности, ибо им кажется, что это созвучно архаизации жизни. А это не так, причем с точностью до наоборот. Ценности выросли на почве традиционного крестьянского хозяйствования, но обрели универсальный регуляторный характер для индустриального и постиндустриального обществ. Так что давайте «отделять мух от котлет» и «не выплескивать с грязной водой и ребенка».

Если крестьяноведение, которое само по себе продукт русской почвы, не задействовано, то это – злой умысел или глупость, что еще хуже. Нам могут возразить: какой, мол, русской почвы продукт, если «Журнал крестьянских исследований» (*The Journal of Peasant Studies*) был создан в Лондоне еще в 1973 г., когда в СССР никаким крестьяноведением и не пахло. Есть резон, тем более что именно англоязычное словосочетание *Peasant Studies* два десятка лет спустя стали переводить на русский словом «крестьяноведение» [Кедров 2022, с. 213–214], и слово, к счастью, прижилось в нашем академическом сообществе. Но такое возражение дает нам отличную возможность лишней раз подчеркнуть, что крестьяноведение в том смысле, в котором мы употребляем слово в этом контексте, уже во весь свой огромный рост присутствовало в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя, «Устоях» Н.Н. Златовратского, «Власти земли» Г.И. Успенского и, конечно же, в письмах «Из деревни» А.Н. Энгельгардта [Бабашкин 2013].

Не упустим мы возможности подчеркнуть в этой связи также и то, что в СССР 1970-х гг. этот методологический подход был как бы нелегален, поскольку крестьяне официально ассоциировались с некой архаикой, в то время как страна якобы была уже на пороге построения к 1980 г. самого передового социально-экономического устройства – коммунизма. И это – одно из самых выразитель-

ных исторических свидетельств того, сколь разрушительной может оказаться неадекватная государственная идеология, фальшь которой остро ощущается огромным большинством населения нашей страны и едко высмеивается на уровне политического анекдота и других фольклорных жанров. Можно было бы поразмышлять в этой связи о том, насколько принципиально расходились теоретические убеждения по аграрному вопросу позднего Сталина и Хрущева начала 50-х гг., которого первый за эти его взгляды насмешливо называл «наш маленький Маркс» [Бабашкин, Толстов 2016, с. 230]. Но мы воздержимся, поскольку это неизбежно выведет на необходимость использовать сослагательное наклонение, которого было в избытке в 90-е гг., когда целая литература создавалась о том, как все было бы здорово в отечественной истории, если бы не кошмары «преступной сталинской коллективизации» [Современное... 2015, с. 159–220, 383–413]. Мы здесь лишь констатируем, что история не использует частицу «бы», и, если «наш маленький Маркс» сотворил с МТС, ЛПХ, «неперспективными деревнями», целиной и кукурузой то, что он сотворил в контексте своей политики укрупнения колхозов (а по сути – огосударствления колхозов), значит, истории это зачем-то понадобилось. Наша задача – попытаться понять, зачем, и это более чем уместно при работе со студентами по дисциплине ОРГ.

В каком-то смысле аграрную политику 50–60-х гг. можно было бы назвать «второй коллективизацией» для удобства сравнения (и даже противопоставления) убеждений и действий Сталина и его наследника на высшем советском партийно-государственном посту в области решения аграрно-крестьянского вопроса в эпоху индустриализации страны. Хрущев, руководствуясь идеалами троцкизма, уверенно повел страну по пути реализации лево-глобализационного проекта. Он был убежден в том, что Советский Союз как естественный лидер мирового революционного движения просто обязан задать некий шаблон для государств, «вставших на путь строительства социализма» в Восточной Европе и Юго-Восточной Азии, и по этому заданному образцу они должны были бы действовать по отношению к большинству населения своих стран, проживавшему в деревне и занимавшемуся сельским хозяйством. И этот шаблон был задан, но он оказался неприемлем для огромного большинства случаев, связанных с зарубежными попытками создания сельскохозяйственных кооперативов по типу советских колхозов. С одной стороны, это не могло не подрывать веру политических руководителей новоиспеченных соцстран, стран «народной демократии» (если таковая вера там имела место), что марксизм-ленинизм, научный коммунизм (официальная идеология в СССР до рубежа 80–90-х гг.) как общественная наука действительно оперирует объективными закономерностями «социалистического строительства».

С другой стороны, есть серьезные основания полагать, что в своих последних работах в области

политэкономии, составивших книгу «Экономические проблемы социализма», Сталин обосновывал принципиально иную логику дальнейшего развития в нашей стране и аграрно-крестьянского сектора экономики в целом, и эволюции взаимоотношений между городским и сельским населением. Хорошим подтверждением того, что дело обстояло именно так, является известная специалистам история с публикацией Хрущевым 4 марта 1951 г. статьи в «Правде» под названием «О строительстве и благоустройстве в колхозах». Статья была насквозь популистской: пора, мол, отдавать долги колхозам, что и будет сделано в самое ближайшее время в форме укрупнения колхозов, создания благоустроенных «агрогородов» и сселения в них жителей малых деревень, что якобы есть не что иное, как объективная закономерность строительства социализма. Сталин резко одернул мечтателя, и уже 6 марта появилось хрущевское заявление об ошибочности его публикации в «Правде» с признанием глубины заблуждений и выражением готовности выступить с самопровержением. А 2 апреля 1951 г. датируется Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов», в котором предложения ряда партийцев о форсированном сселении жителей малых деревень в крупные колхозные поселки и «агрогорода» названы ошибочными и в корне неправильными [Бабашкин, Толстов 2016, с. 230–231].

Вот где у нас возникает особый соблазн использовать сослагательное наклонение. Ведь внимательное изучение этого документа, а также Постановления ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» позволяет историкам составить неплохое представление о том, в каком направлении партийное руководство планировало дальнейшее развитие взаимоотношений между городом и деревней, по возможности избегая пресловутых «ножниц», т. е. неэквивалентного обмена продукцией, и гипертрофии сельско-городской миграции, всячески способствуя продолжению функционирования колхозов и совхозов в режиме самоуправления. Так хочется верить, что если бы такая линия аграрной политики лежала тогда в основе дальнейшей эволюции советского многонационального общества, то у родной деревни (в том числе и у малой, попавшей потом в разряд «неперспективных») было бы куда больше шансов сохранять в душе огромного большинства советских людей свой естественный статус малой родины как лучшего и красивейшего места на земле. Но происходило то, что происходило, и нам придется, в отличие от критиков сталинизма, воздержаться от использования частицы «бы».

А с постановлением ЦК от 30 мая 1950 г. и первыми шагами по его реализации как раз и был связан тот факт, что в народе пошло гулять выражение «вторая коллективизация» (по аналогии с тем, как в 30-е гг., в годы «первой коллективизации», советские крестьяне расшифровывали ВКП(б) как

«второе крепостное право»). Русскоязычный политический фольклор весьма часто фиксирует ту самую правду, которой, как правило, остро недостает идеологии. Так, «первое крепостное право» отменили в 1861 г. таким образом, что, как оказалось, это не могло не привести (без всяких «бы») через сорок с небольшим лет к началу крестьянской революции. Причем идеологически это преподносилось как дарование свободы «крепостным людям». Однако свободу в том смысле, в каком это слово созвучно святому для каждого жителя России понятию «справедливость», получили их внуки и правнуки. Она воплощалась в революционном лозунге «Землю – тем, кто ее обрабатывает!», и она стала одним из главных результатов крестьянской революции, в которой общинники прочно и надежно опирались на свои вековые традиции самоуправления. Нужно ли говорить, что идеология, дарованная нам в 90-е гг. при щедром финансировании из фонда Сороса, трактовала это крестьянское «второе крепостное право», мягко говоря, не совсем так?

Что касается «второй коллективизации», в нашем понимании, это было доведением до абсурда попыток государственного руководства СССР теоретически (следовательно, идеологически) вписать итоги и результаты «первой» (включая, разумеется, участие колхозников в Великой Отечественной войне) в некую логику эволюции страны, которая тщательно избегала бы упоминаний имени Сталина и той реальности, которая выше была обозначена нами как «окрестьянивание» всего нашего общественно-экономического устройства. Речь идет о более чем десятилетии аграрной политики партии, начиная с сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, и ее идеологическом обеспечении в духе «Краткого курса истории ВКП(б)». И такая эволюция советской идеологии воплощалась в то, что словесно обозначалось как «марксизм-ленинизм» или «научный коммунизм». Парадоксально: критики так называемого «сталинизма» во главе с очень обиженным на Сталина «маленьким Марксом», исходившим из своих левацких теоретических убеждений, опровергали осторожность в аграрной политике и стремились к ее радикализации, отталкиваясь от книги, которую принято ассоциировать с именем Сталина [Кедров 2022, с. 108–109].

Парадоксы (равно как и абсурды) тем хороши, что требуют для своего разъяснения обратить внимание на те вещи, которые как-то ускользали от исследователей, считались само собою разумным делом, что ли. В данном случае давайте вспомним, какая большая работа велась в начале 50-х гг. по написанию нового учебника политэкономии, сколь интенсивно размышлял в этом направлении и сам Сталин, не стесняясь попирает рамки «Краткого курса». У критиков же сталинизма не было другой опоры, им удобнее всего было возвести в абсолют догмы ленинизма, характерные для этого издания. Догматизированный Ленин как истинная общественная наука – марксизм-ленинизм; стали-

низм же – сплошь и рядом отступления от нее и в теории, и на практике. Действительно удобно. Но тут требуется одна важная оговорка: Ленин под давлением реально развивавшихся событий крестьянской революции всю жизнь опровергал то, что было написано в его раннем фундаментальном труде «Развитие капитализма в России». Это с блеском показано в одной из самых ярких работ Т. Шанина под остроумным названием «Четыре с половиной аграрных программы В.И. Ленина» [Современные... 2015, с. 659–676]. Остроумие здесь, в частности, в том, что авторитетный английский крестьяновед под «половинкой» подразумевает статью «О кооперации», которая была предельно догматизирована в «Кратком курсе» и в этом виде служила источником вдохновения либерально мыслящим историкам и другим обществоведам и в 60-е, и в 90-е годы прошлого века. А ведь «половинка» – это, по сути, многоточие, оставляющее возможность для дальнейшей самокритики по данному – до сих пор центральному – вопросу нашей теории и идеологии.

К вопросу о нашей теории и идеологии – у того же Т. Шанина имеется также весьма остроумное объяснение той «невыносимой легкости», с которой советские адепты марксизма-ленинизма (точнее сказать, «как бы марксизма» и «как бы ленинизма») в большинстве своем перешли в начале 90-х гг. к проповеди ценностей рынка и демократии: «Не случаен здесь быстрый переход многих русских обществоведов из ярых марксо-прогрессистов в не менее завзятые рыночно-прогрессисты сегодняшнего дня. Это не только оппортунизм, так как стержень мышления схож, как и схожа натуральная близость этой модели с интуитивными предпочтениями сильных мира, того или сего» [Шанин 1997, с. 17]. Развивая эту важную мысль классика крестьяноведения, скажем так: бессмысленно критиковать «марксо-прогрессизм» с позиций «рыночно-прогрессизма» (не говоря уже о том, чтобы наоборот); если принимать во внимание крестьяноведческую теорию «оружия слабых» [Современные... 2015, с. 64, 69, 508, 646, 647, 689], то под большим вопросом оказываются как теоретические выкладки сильных мира сего, так и автоматическое отнесение крестьян к категории «слабых мира сего».

Следовательно, совершенно недопустимо пребывание далее в той плоскости, которую задают означенные две пересекающиеся прямые идеологии прогресса (а они точно пересекаются и точно прямые, даже слишком), при решении задачи осмысления едва ли не главного вопроса нашей современной истории: что такое коллективизация? Завихрения крестьяноведения успешно взрывают эту плоскость, придавая нашему восприятию этой исторической реальности формат 3D.

Это касается и исторического краеведения. Опыт работы одного из авторов этой статьи с посетителями краеведческого музея г. Асины Томской области позволяет утверждать: культ памяти раскулаченных и репрессированных сегодня

уже доставляет когнитивный дискомфорт. Идеология «рынко-прогрессизма» с ее непереносимой гипертрофией вины нынешнего общества перед их потомками очень похожа на движение ВЛМ в современных США. Люди выражают острую потребность начинать выходить в объяснении этих травмирующих страниц нашей истории за пределы идейных схем либерализма. Навязывание скорбной памяти о событиях коллективизации (как «первой», так и «второй») отторгается, трансформируясь в массовом сознании в представления о тех временах как о золотом веке. У современных людей обостряется интерес к истории своего рода, которая в трех поколениях практически обязательно – крестьянская.

Последнее мы готовы подтвердить собственным житейским опытом. Какую логику общественного поведения предлагает нам, потомкам нерепрессированных и нераскулаченных, продолжающая по инерции превалировать идеология, восторжествовавшая в 90-е гг.? Уже этот лежащий на поверхности вопрос – лучшее свидетельство того, что пришло время идеологию решительно менять. Только не на «плюрализм».

Заключение

Опубликованное недавно исследование подтверждает тот факт, что нынешняя студенческая молодежь очень плохо знает такую страницу родной истории, как коллективизация, и большинство обладателей такого знания/незнания вполне равнодушно к этому относятся. Авторы исследования отмечают, что «ни один студент не соотнес коллективизацию с семейной историей» [Мазур, Горбачев 2022, с. 222–223]. Но это прекрасная возможность для тех, кто готов убеждать представителей молодого поколения россиян, что наше дело – «платить и каяться». Платить за то, что мы так непохожи на «демократический» Запад. Каяться за грехи большевиков/коммунистов и тех, кто шел за ними на протяжении почти трех четвертей XX века. «Марксо-прогрессизм» и «рынко-прогрессизм» есть идеологические схемы, по-своему логичные, однако равноудаленные от правды и справедливости. А по правде, по справедливости в нашей истории много такого, что должно вызывать не стыд, но гордость. На этой основе уже сейчас не без успеха создается единая идеология современной Российской Федерации.

Материалы исследования

Бабашкин 2024 – *Бабашкин В.В.* История России. Крестьянская революция 1902–1935 гг.: закономерности и особенности отечественной модернизации: учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург: Лань, 2024. 204 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/401162?category=4319&ysclid=lyfj6fdthg177748365>.

История 2017 – *История России*. 10 класс: учеб. для общеобразоват. Организаций: в 3 ч. Ч. 1 / [М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.]; под ред. А.В. Торкунова. Москва: Просвещение, 2017. 175 с. URL: <https://go.11klasov.net/6502-istorija-rossii-10-klass-v-3-chastjah-gorinov-mm-danilov-aa-i-dr.html>.

Мединский, Торкунов 2023 – *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* История России. 1914–1945 годы. 10 класс: учебник. Москва, 2023. 496 с. URL: <https://djvu.online/file/5rRHw194JTk5V?ysclid=lyfpofxqbw113992917>.

Библиографический список

Бабашкин 2013 – *Бабашкин В.В.* Писатели о крестьянах и крестьяне о писателях. Рец. на кн.: Казарезов В.В. Крестьяне в произведениях русских писателей. Москва, 2012. 416 с.: илл. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Москва: Дело, 2013. С. 474–478. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24832649>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uxksww>.

Бабашкин 2021 – *Бабашкин В.В.* О научном наследии Г.А. Герасименко: демократия и народовластие как антонимы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 9–16. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-01.pdf>.

Бабашкин, Толстов 2016 – *Бабашкин В.В., Толстов С.И.* Особенности аграрного реформирования 1930–1950-х годов // Историческая психология и социология истории. 2016. Т. 9, № 2. С. 216–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-agrarnogo-reformirovaniya-1930-1950-h-godov/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=27683161>. EDN: <https://elibrary.ru/xhuofp>.

Кабытов 2016 – *Кабытов П.С.* Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов: Техно-Декор, 2016. 136 с.

Кедров 2022 – *Кедров Н.Г.* Апокриф аграрной историографии. Очерки изучения коллективизации в советской и российской исторической литературе. Вологда: Полиграф-Периодика, 2022. 339 с.

Клеандров 2022 – *Клеандров М.И.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520018267-4>; № 3. С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520019160-7>.

Мазур, Горбачев 2022 – *Мазур Л.Н., Горбачев О.В.* Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. Москва: Политическая энциклопедия, 2022. 349 с.: илл. URL: <https://litres.com/book/ludmila-nikolaevna-m/sovetskie-filmy-o-derevne-opyt-istoricheskoy-interpre-67236435/read>.

Марченя, Разин 2014 – *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» (Заседание № 3 теоретического семинара

«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории») // Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. Москва: Изд-во Ипполитова, 2014. С. 535–614. URL: <https://www.vestarchive.ru/images/stories/sb.4.pdf?ysclid=lyfoiz8taa412600086>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22871432>. EDN: <https://elibrary.ru/tgmwup>.

Современное... 2015 – *Современное* крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. 743 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25224072>. EDN: <https://elibrary.ru/vfzled>.

Тараканов 2023 – *Тараканов А.В.* Обращение к участникам Межвузовской научно-практической конференции «Цивилизационные и конституционные основы российской государственности» // Цивилизационные и конституционные основы российской государственности: сб. науч. тр. межвуз. науч.-практ. конф. 22 июня 2023 г., г. Москва / ЧУ ВО «ИГА». Москва: Юстицинформ, 2023. С. 3–7.

Шанин 1997 – *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907 – 1917–1922 гг. Москва: Весь Мир, 1997. 560 с. URL: <https://djvu.online/file/GaPWlbcQtKKXn?ysclid=lyfqeq13cv402839641>.

References

Babashkin 2013 – *Babashkin V.V.* (2013) Writers on the peasants and peasants on the writers. Review of the book: Kazarev V.V. Peasants in the works of Russian writers. Moscow: Dostoinstvo, 2012, 416 p.: illustrated. In: *Peasant studies. Theory. History. Modernity. Scientific notes*. Moscow: Delo, pp. 474–478. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24832649>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uxksww>. (In Russ.)

Babashkin 2021 – *Babashkin V.V.* (2021) Regarding the Scientific Heritage of G.A. Gerasimenko: “Democracy” and “People’s Power” as Antonyms. *Historical Courier*, no. 4 (18), pp. 9–16. Available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-01.pdf>. (In Russ.)

Babashkin, Tolstov 2016 – *Babashkin V.V., Tolstov S.I.* (2016) Features of reforming the agriculture in the 1930-ies and in the 1950-ies. *Historical Psychology and Sociology*, vol. 9, no. 2, pp. 216–234. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-agrarnogo-reformirovaniya-1930-1950-h-godov/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=27683161>. EDN: <https://elibrary.ru/xhuofp>. (In Russ.)

Kabytov 2016 – *Kabytov P.S.* (2016) Life and creative work of professor Grigory Alekseevich Gerasimenko. Saratov: Tekhno-Dekor, 136 p. (In Russ.)

Kedrov 2022 – *Kedrov N.G.* (2022) Apocrypha of agrarian historiography. Essays on the study of collectivization in Soviet and Russian historical literature. Volgda: Poligraf-Periodika, 339 p. (In Russ.)

Kleandrov 2022 – *Kleandrov M.I.* (2022) On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what should be in her. *State and Law*, no. 1, pp. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520018267-4>; no. 3, pp. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520019160-7>. (In Russ.)

Mazur, Gorbachev 2022 – *Mazur L.N., Gorbachev O.V.* (2022) Soviet films about the village: experience of historical interpretation of an artistic image. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 349 p.: illustrated. Available at: <https://litres.com/book/ludmila-nikolaevna-m/sovetskie-filmy-o-derevne-opyt-istoricheskoy-interpre-67236435/read>. (In Russ.)

Marchenya, Razin 2014 – *Marchenya P.P., Razin S.Y.* (2014) Communist Russia as a Mega-Commune: First International Roundtable Discussions «Stalinism and Peasantry» (Session No. 3 of the Theoretical Seminar «Peasant Problem in National and World History»). In: *Marchenya P.P., Razin S.Yu. (Eds.) Stalinism and Peasantry: collection of scientific articles and materials of round tables and meetings of the theoretical seminar «Peasant question in Russian and World History»*. Moscow: Izd-vo Ippolitova, pp. 535–614. Available at: <https://www.vestarchive.ru/images/stories/sb.4.pdf?ysclid=lyfoiz8taa412600086>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22871432>. EDN: <https://elibrary.ru/tgmwup>. (In Russ.)

Medinsky, Torkunov 2023 – *Medinsky V.R., Torkunov A.V.* (2023) History of Russia. 1914–1945 years. 10th grade. Textbook. Moscow, 496 p. Available at: <https://djvu.online/file/5rRHw194JTk5V?ysclid=lyfpofxqbw113992917>. (In Russ.)

Modern... 2015 – *Babashkin V. V. (Ed.)* (2015) Modern peasant studies and the agrarian history of Russia in the XX century. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 743 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25224072>. EDN: <https://elibrary.ru/vfzled>. (In Russ.)

Tarakanov 2023 – *Tarakanov A.V.* (2023) Address to the participants of the Interuniversity research and practical conference «Civilizational and constitutional foundations of Russian statehood». In: *Civilizational and constitutional foundations of Russian statehood: collection of scientific papers of the interuniversity research and practical conference. June 22, 2023, Moscow*. Moscow: Yustitsinform, pp. 3–7. (In Russ.)

Shanin 1997 – *Shanin T.* (1997) Revolution as a Moment of Truth. Russia 1905–1907 – 1917–1922. Moscow: Ves' Mir, 560 p. Available at: <https://djvu.online/file/GaPWlbcQtKKXn?ysclid=lyfqeq13cv402839641>. (In Russ.)

ИСТОРИЯ HISTORY

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-20-31

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930(470.43)

Дата поступления: 14.03.2024
рецензирования: 15.04.2024
принятия: 02.09.2024

История города Ставрополя-Тольятти: историографический аспект

О.А. БезгинаТольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: bezgina@tltsu.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3987-6504>

Аннотация: Город Тольятти, ведущий свою историю с 1737 года и в настоящее время являющийся первым по количеству населения среди российских так называемых моногородов, накопил значительное количество собственной литературы. Вместе с тем историография Ставрополя-Тольятти широко начала развиваться лишь со второй половины XX века, до сих пор продолжает расти, при этом носит эклектичный характер. Автором статьи при использовании метода исторической периодизации, сравнительно-исторического и аналитического методов проанализирована литература по истории города, проведена ее систематизация, выделено шесть историографических групп по теме, названы авторы, внесшие наибольший вклад в изучение истории города Ставрополь-Тольятти.

Ключевые слова: Ставрополь-Тольятти; анализ; историография; моногород; автомобильная столица; эталон советского градостроения; сборники; мемуары.

Цитирование. Безгина О.А. История города Ставрополя-Тольятти: историографический аспект // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 20–31. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-20-31>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Безгина О.А., 2024

Ольга Анатольевна Безгина – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Тольяттинский государственный университет, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.03.2024
Revised: 15.04.2024
Accepted: 02.09.2024

History of the city of Stavropol-Togliatti: historiographic aspect

О.А. БезгинаTogliatti State University, Togliatti, Russian Federation
E-mail: bezgina@tltsu.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3987-6504>

Abstract: The city of Togliatti, which has been leading its history since 1737 and is currently the first in terms of population among Russian so-called «single-industry towns», has accumulated a significant amount of its own literature. At the same time, the historiography of Stavropol-Togliatti began to develop widely only from the second half of the XX century, it still has an eclectic character and continues to progress. The author of the article when using the method of historical periodization, comparative-historical and analytical methods analyzed the literature on the history of the city, its systematization was carried out, six historiographic groups on the topic were allocated, the authors who made the greatest contribution to the study of the city of Stavropol-Togliatti were named.

Key words: Stavropol-Togliatti; analysis; historiography; monotown; automobile capital; standard of Soviet urban planning; collections; memoirs.

Citation. Bezgina O.A. History of the city of Stavropol-Togliatti: historiographic aspect. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 20–31. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-20-31>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interest.

© Bezgina O.A., 2024

Olga A. Bezgina – Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of History and Philosophy, Togliatti State University, 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation.

Введение

Город Ставрополь-Тольятти, имеющий 285-летнюю историю, накопил значительное количество собственной литературы. Вместе с тем историо-

графия Ставрополя-Тольятти начала широко развиваться лишь со второй половины XX века, до сих пор продолжает расти, при этом носит эклектичный характер. В данной статье предпринята

попытка провести систематизацию и анализ основного массива литературы о городе Ставрополе-Тольятти.

Определение цели и задач статьи. Целью данной статьи является проблемно-хронологическая систематизация и анализ литературы по истории Ставрополя-Тольятти, выходящей во второй половине XX – начале XXI века. В рамках этого необходимо выделить авторов, внесших наибольший вклад в изучение истории Ставрополя-Тольятти, ключевые работы, определить их специфику.

Основная часть

Весь массив доступной нам литературы по истории Ставрополя-Тольятти, изданной во второй половине XX – начале XXI века, можно условно разделить на несколько тематических групп: 1. Презентационно-информационные книги о городе, охватывающие все периоды его исторического развития; 2. Учебники и учебные пособия по истории города; 3. Труды, посвященные предприятиям и организациям города; 4. Тематические сборники; 5. Мемуарная литература; 6. Сборники документов, справочная литература.

Презентационно-информационные книги о городе. Первая группа – это книги по истории города, носящие общий презентационно-информационный характер и охватывающие все периоды его исторического развития. Первые шаги по изучению истории города были сделаны местными краеведами. Наиболее известным из них является Александр Михайлович Тураев (1913–1996). Учитель истории, почетный гражданин города Тольятти с 1967 года, он кропотливо собирал сведения по истории города, выступал с краеведческими статьями в местной прессе. Существует мнение, что «благодаря его подвижнической деятельности был создан городской краеведческий музей, первооснову которого составили коллекции и экспозиции А.М. Тураева» (История Ставрополя... 2010, с. 221).

С открытием в Тольятти первого высшего учебного заведения – Тольяттинского политехнического института – центром исторических и, в частности, краеведческих исследований становится кафедра истории КПСС под руководством А.Э. Лившица (1927–2004). Будучи первым в городе профессиональным историком, ученым-исследователем, Лившиц неоднократно привлекался руководством Тольятти к написанию его истории. Изменения, стремительно происходившие с городом, он воспринимал «как факт собственной биографии» [Безгина 2020, с. 175]. Одной из первых работ, посвященных Ставрополю-Тольятти, стала небольшая по формату книга «Город Тольятти», изданная в Куйбышевском книжном издательстве в 1967 году. В число авторского коллектива этой книги, помимо А.М. Тураева, вошли преподаватели Тольяттинского политехнического института А.Э. Лившиц и А.И. Линяев.

Книга «Город Тольятти» охватывает все этапы истории города. Первая глава этой книги «Вглубь времен» содержит короткий исторический экскурс в первые десятилетия существования города Став-

рополя. Советская идеологическая традиция, по законам которой написана эта книга, проявляется в том, что начиная со второй половины XIX века структура повествования разворачивается в логике развития революционного движения в России и, в частности, его проявления в Ставрополе. Иллюстрацией этого могут служить названия разделов первой главы: «Деятельность народников в Ставрополе и уезде», «В годы первой русской революции», «Октябрьская революция и установление советской власти», «Революционные организации молодежи и возникновение комсомола» и т. п. Вторая глава – «Строительство Волжской ГЭС им. В.И. Ленина и второе рождение города» – рассказывает о строительстве гидроэлектростанции, ее руководителях, рабочих и инженерах. Заканчивается она словами: «С окончанием строительства гидроузла открывались новые перспективы для города, получившего свое второе рождение» [Город... 1967, с. 84]. Можно предположить, что именно в этой книге впервые зафиксировано выражение о «втором рождении города», ставшее впоследствии глубоко укоренившимся образом. Содержание и названия глав хорошо передают интонации своего времени и отражают пафос социалистического строительства, так называемый «социальный оптимизм». Такие, например, как «Индустрия Тольятти расправляет плечи» и «Город смотрит в будущее» [Город... 1967, с. 85, 238] и т. п. Отдельные главы посвящены транспортным магистралям города, здравоохранению, культуре, образованию. Так, из главы «Народное образование» мы узнаем, что в Тольятти «в 1965 году создан «городской совет по общественному и семейному воспитанию детей», который «совместно с горно координирует работу родителей, школы и общественности» [Город... 1967, с. 194]. Этот факт хорошо иллюстрирует популярную в те годы идею предоставления широких полномочий общественным органам управления. Книга «Город Тольятти» написана до начала строительства в Тольятти Волжского автомобильного завода, поэтому глава «Здесь делают машины» посвящена не автомобилестроению, как можно было бы подумать сегодня, а продукции Тольяттинского завода цементного машиностроения (Волгоцеммаш) [Город... 1967, с. 132]. Интерес вызывает глава «Научные силы города», которая начинается словами: «Тольяттинцы гордятся своим политехническим институтом» [Город... 1967, с. 195]. Авторы книги не скрывают радости и восхищения новым корпусом ТПИ – первого высшего учебного заведения Тольятти: «огромное светлое здание монументально и легко», «... смелый модернизм внутренней отделки хорошо сочетается с практическим назначением отдельных комнат и аудиторий» [Город... 1967, с. 195]. Рассказ о деятельности Всесоюзных научно-исследовательских институтов: цементного машиностроения (ВНИИЦеммаш) и нерудных строительных материалов (ВНИИНеруд) отражает справедливое представление о Тольятти как значительном научном центре.

В целом особенность книги «Город Тольятти» выражается в том, что она показывает Тольятти как крупный промышленный центр в тот период, когда он еще не был автомобильной столицей. Книга передает представление о своем городе тольяттинцев середины 1960-х годов.

Через 20 лет, в 1987 году, к 250-летию города эта книга была творчески переработана и дополнена партийным и общественным деятелем Тольятти К.М. Гордеевой. В книге появилась глава, посвященная Волжскому автомобильному заводу, а также небольшие очерки о выдающихся тольяттинцах. Раздел о научном потенциале Тольятти дополнен информацией об Институте экологии Волжского бассейна АН СССР [Город... 1987, с. 154]. Обращает на себя внимание образный, эмоциональный язык книги. Она наполнена такими эпитетами, как: «гигантская фабрика электричества», «(город) обрел второе дыхание, шагнул в степь», «город будущего», «в утренние часы воздух насыщен запахами моря, леса, скошенной травы на газонах», «порт, в который заходят белоснежные пассажирские лайнеры с туристами на борту», «величественная панорама водохранилища и Жигулевских гор создает неповторимый по своей красоте уголок отдыха и эмоциональной разгрузки» [Город... 1987, с. 5–9]. Наконец, автор-составитель констатирует, что «о городе Тольятти нередко говорят, что он трижды рожденный» [Город... 1987, с. 5]. Здесь мы видим закрепление мема о «трижды рожденном» городе, который впоследствии будет многократно тиражироваться. Важно заметить, что в книге 1987 года уверенно говорилось о туристическом потенциале Тольятти. Таким образом, в советский период о быстро растущем городе Ставрополе-Тольятти было написано две книги, носящих не только информационный, но и презентационный характер.

В 1990-е годы начался новый этап в развитии тольяттинской историографии. Существенный задел для изучения истории города Ставрополя-Тольятти сделали историки Самарского национального исследовательского университета под руководством профессора П.С. Кабытова, например, в таких исследовательских сериях работ, как «Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней», «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье» и других. Так, в фундаментальной работе «Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней», три тома которой последовательно выходили в 1990-е годы, А.Э. Лившицем был написан раздел, посвященный периоду установления советской власти в Самарской губернии [Самарская летопись... 1993]. Несмотря на то что в большинстве этих работ сведения о Ставрополе-Тольятти носят фрагментарный характер, эти фундаментальные книги позволяют понять тот грандиозный историко-культурный контекст, в который вписана его история.

Непосредственно истории Ставрополя-Тольятти в 1990-е годы было посвящено несколько проектов. Большую работу по созданию научно-популярной истории города в эти годы проводил профессор кафедры истории Тольяттинского политехнического института (с 2001 года – ТГУ), известный тольяттинский краевед Валентин Александрович Овсянников (1942–2004). Он часто выступал на страницах городских газет с материалами, посвященными различным сюжетам из истории Ставрополя, таким как: ставропольское земство, ставропольское купечество, становление советской власти в Ставрополе, проведение коллективизации и другим. По отдельным темам им были написаны небольшие книги.

Активную краеведческую работу в это время вела также главный специалист архивного отдела мэрии г. Тольятти Н.Г. Лобанова, подготовившая несколько работ по истории города. Одной из них стала книга «Ставрополь: фронт и судьбы», посвященная Ставрополю в годы Великой Отечественной войны, когда на территории ставропольского санатория «Лесное» располагался Центр подготовки военных переводчиков. Из приведенных в книге воспоминаний курсантов мы узнаем, что непосредственно в кумысолечебнице, как тогда называли санаторий «Лесное», располагался Военфак, а сами «курсы распространились по всему городу. На занятия мы ходим в помещении райзо, обедать – в столовую райпо, готовить уроки – в агитпункт» [Лобанова 2005, с. 113]. Описания непосредственно Ставрополя в книге нет, он присутствует лишь фрагментарно. Так, один из слушателей вспоминает, что «на лекционные занятия... ходили в кумысолечебницу пешком... маршрутируя по осенним раскисшим и полузамерзшим дорогам» [Лобанова 2005, с. 111].

Также среди текстов, посвященных истории Ставрополя-Тольятти, следует выделить историко-экономический очерк «Рукотворный город» тольяттинского журналиста С.Г. Мельника, вошедший в сборник «Созидатели: строительный комплекс Ставрополя-Тольятти». Структура очерка сохраняет традиционную к тому времени логику «этапов созидания», о чем свидетельствуют прежде всего названия глав: «Лучшая точка на Волге», «Мы приучены к ширине», «Стройка за стройкой», «Время ВАЗа», «Город на вырост» [Созидатели... 2003, с. 447]. По содержанию этот очерк представляет собой профессиональный исторический текст. В сравнительно небольшом по объему материале с привлечением разнообразных источников автору удалось показать историю Ставрополя-Тольятти, выделить выдающихся людей, передать их голоса и интонации, цитируя многочисленные интервью и воспоминания своих героев.

Одной из последних на сегодняшний момент книг о городе Тольятти является работа французского автора Фабьена Белла «Тольятти. Рождение нового города». Эта книга рассказывает о Тольятти как об уникальном архитектурном проекте.

«Расположенный в центре России на берегу Волги Тольятти предстает как один из самых смелых городов, появившихся во второй половине XX века» – так начинает свою книгу автор [Белла Фабьен 2014, с. 7]. Помимо эпитета «смелый город» по отношению к Тольятти, автор употребляет и такие, как: «новый промышленный гигант СССР», «основной город СССР», «автомобильная империя» [Белла Фабьен 2014, с. 69, 70, 78], фиксирует «большое желание разработчиков... использовать мировой опыт в области строительства автомобильных промышленных центров» [Белла Фабьен 2014, с. 79]. Логика повествования книги Фабьена Белла включает анализ истории города в целом, короткие рассказы о выдающихся людях, судьбы которых связаны со Ставрополем-Тольятти, и характеристику его архитектурного облика в сравнении с другими городами России и мира. Будучи архитектором, автор в большей степени именно на архитектурных особенностях Тольятти сосредотачивает свое внимание. В этом смысле его оценки тольяттинской архитектуры вызывают особый интерес: «...город Тольятти, его здания и сооружения и даже творческий путь его создателей отражают в себе основную суть истории советской архитектуры» [Белла Фабьен 2014, с. 8]. Через анализ тольяттинской архитектуры автор делает выводы в целом о советском модернизме как архитектурном явлении позднего СССР.

Отдельно необходимо выделить уникальное, «ранее не публиковавшееся в полном объеме “Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей”, составленное чиновником по особым поручениям при самарском губернаторе Н.А. Вороновым в 1857 г.» [Воронов 2015, с. 2]. Раздел книги, посвященный Ставрополю, интересен не только описанием природного ландшафта, истории, статистических данных, но и оценкой промышленного потенциала города: «Промышленная деятельность г. Ставрополя находится на самой низкой ступени и представляет мало надежды на развитие» [Воронов 2015, с. 98]. Из середины XIX века трудно было себе представить, насколько кардинально изменится жизнь города через 100 лет.

Учебники и учебные пособия по истории города. Вторую группу литературы составили учебники и учебные пособия по истории Ставрополя-Тольятти. В начале 1990-х годов первый мэр города Тольятти С.Ф. Жилкин выступил с идеей преподавания истории города в тольяттинских школах. Реализовал этот план В.А. Овсянников. Книга для учащихся старших классов средней общеобразовательной школы «Ставрополь-Тольятти. Страницы истории» (Часть I) написана в форме исторических очерков, которые в популярной форме рассказывают об основных событиях в жизни Ставрополя-Тольятти, начиная от основания города и заканчивая становлением его новой индустриальной истории 1950–1970-х годов (Овсянников 1996). Вторую часть книги автор посвятил отдельным людям и организациям города (Овсянников

1999). В изучении истории Ставрополя-Тольятти В.А. Овсянников остановился на событиях, связанных с принятием 21 декабря 1973 года Государственной комиссией всего комплекса «Волжского автомобильного завода мощностью 660 тыс. автомобилей в год в эксплуатацию с оценкой “отлично”» (Овсянников 1996, с. 362).

Большую работу по изучению краеведения в эти годы проводил известный самарский историк, профессор Ленар Васильевич Храмов (1934–2009). Учебное пособие «Введение в Самарское краеведение», подготовленное на основе курса лекций, прочитанных им в Самарском государственном университете, отражает также и ключевые события в развитии Ставрополя-Тольятти (Храмов 2003).

Начало созданию системной, наиболее полной истории Ставрополя-Тольятти было положено авторским коллективом историков Тольяттинского государственного университета и кафедры российской истории Самарского государственного университета под руководством профессора П.С. Кабытова. В 2009 году при содействии Тольяттинского краеведческого музея и Управления по делам архивов мэрии г. о. Тольятти, а также департамента образования мэрии г.о. Тольятти было создано учебное пособие по истории Ставрополя-Тольятти для тольяттинских школьников (История Ставрополя... 2010). Книга включает в себя общую информацию о городе, административной принадлежности, геральдических символах, географическом положении, климате, растительном и животном мире. В истории города и территории, на которой он расположен, авторы выделили несколько больших периодов: древность и средневековье, XVIII – первая половина XIX века, когда Ставрополь был основан и начал свое развитие; Ставрополь в составе Самарской губернии во второй половине XIX и начале XX века. Каждый из этих периодов поделен на тематические параграфы, посвященные ставропольскому дворянству и крестьянам, системе городского управления, образованию, здравоохранению, духовной жизни Ставрополя, Чапанному восстанию, голоду 1921–1922 годов, коллективизации и другим темам. Новейший период в истории Ставрополя-Тольятти показан через развитие промышленности города, его населения, формирование культурных традиций. Фактически это первое системное учебное издание по истории города. Спецификой этой книги является включение отрывков из художественных произведений, легенд, воспоминаний. Кроме того, авторский коллектив провел работу по сбору интервью у почетных граждан города, отрывки из которых также вошли в данное учебное пособие. Презентация этой книги стала важным событием в жизни г. Тольятти. Она прошла в Тольяттинском государственном университете при активном участии ректора С.Ф. Жилкина, рецензента учебного пособия Л.В. Храмова, авторов, представителей архива и музеев Тольятти, ветеранов промышленных предприятий.

Продолжением этой работы стало учебное пособие для студентов «Ставрополь-Тольятти: история города», подготовленное авторским коллективом преподавателей кафедры истории и философии ТГУ. Десять глав учебного пособия отражают десять основных этапов в развитии города. В конце каждой главы содержится раздел, посвященный природным и культурным памятникам периода, текст оснащен ссылками на использованные источники, что выгодно отличает эту книгу от большинства аналогов. В Заключении учебного пособия авторы фиксируют нахождение Тольятти «на переломном этапе» и выражают надежду, что «город найдет оптимальную модель развития на основе баланса производственно-технической и социокультурной сферы» (Ставрополь-Тольятти: история... 2016, с. 441).

К этой же группе литературы относится и учебное пособие для общеобразовательных организаций «История Самарского края», подготовленное авторским коллективом самарских историков. Городу Ставрополь-Тольятти в нем посвящен отдельный параграф «В.Н. Татищев и Самарский край, основание и развитие города Ставрополя», который рассказывает о калмыках в Поволжье, основании города Ставрополя и крепости Ставрополь (История Самарского края... Часть 1 2019, с. 93–95). Помимо этого, учебное пособие включает сюжеты о пугачевцах в Ставрополе, Жигулевской ГЭС, химических предприятиях Тольятти и, конечно, АвтоВАЗе. «По дорогам разных континентов мчатся автомобили, произведенные на АвтоВАЗе», «...в сельском хозяйстве используются удобрения, произведенные на тольяттинских заводах» – таким образом авторы учебного пособия подчеркнули роль города Тольятти, говоря о вкладе Самарской области в развитие Российской Федерации (История Самарского края... Часть 2 2019, с. 179).

Труды, посвященные предприятиям и организациям города. Значительную, третью группу работ составляют труды, посвященные предприятиям и организациям города. Чаще всего эта литература затрагивает сугубо корпоративную историю. Однако в период второй волны советской индустриализации 1950-х годов, когда курортно-мещанский Ставрополь превращался в промышленный Тольятти, вновь возникавшие предприятия отвечали не только за производство, но и за кадры, образование и воспитание детей, жилье, быт, культуру, наконец, в целом за облик города. Начало новейшему периоду в истории Ставрополя-Тольятти было положено строительной организацией «Куйбышевгидрострой», созданной в 1950 году для строительства Куйбышевской гидроэлектростанции. Известный самарский писатель, драматург и публицист Евгений Евгеньевич Астахов (1925–2013), непосредственно участвовавший в строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции в качестве инженера-проектировщика, одну из своих книг посвятил строительной организации «Куйбышевгидрострой» [Астахов 1981]. Через

этапы развития крупнейшей строительной организации автор показал историю создания Ставрополя-Тольятти в его новейший период, после переноса города на новое место. О предыдущем историческом этапе Ставрополя Астахов написал: «У Ставрополя была негромкая судьба, ничем особенным не баловавшая его. Жили в нем самые обычные люди, в большинстве своем связанные с землей и с Волгой. Два с лишним века простоял этот городок на волжском берегу, ничем не удивив мир, но и ничем не уронив себя» [Астахов 1981, с. 10, 11].

Активное изучение промышленного развития Ставрополя-Тольятти связано с формированием здесь коллектива ученых-гуманитариев. Историки Тольяттинского политехнического института выбрали эту тему в качестве основной для своих научных исследований. На рубеже 1960–70-х годов историки ТПИ под руководством А.Э. Лившица взялись за создание книги о строительстве Волжского автомобильного завода по заказу его руководства. Однако судьба рукописи оказалась печальной, она получила отрицательную рецензию вазовцев и не была опубликована. Автором и инициатором негативной оценки труда историков был начальник планово-экономического управления ПО «АвтоВАЗ» Б.М. Кацман, который сам взялся за написание книги «об истории великой стройки». Непосредственно о городе автор практически не упоминал, он был интересен ему лишь в контексте строительства и развития Волжского автомобильного завода. Анализируя причины и факторы, повлиявшие на выбор Тольятти в качестве площадки для его строительства, Кацман написал: «Было свыше семидесяти городов и свыше ста площадок... Тольятти оказался единственной точкой, потому что наиболее полно соответствовал той самой совокупности факторов – экономико-географических, строительно-технических и социальных, которые учитывались при определении места его прописки» [Кацман 2007, с. 56]. Однако и эта книга смогла увидеть свет лишь спустя более 30 лет. В рамках данной статьи мы не будем анализировать причины столь непростой судьбы обеих рукописей. По мнению известного новейшего историка Р.Г. Пихои, исследование экономиста Кацмана «соответствует всем профессиональным критериям истории» [Пихоя 2005, с. 20]. Без сомнения, аналогичной оценки заслуживает и первая рукопись. Несмотря на неудачу, профессор Лившиц остался верен идее необходимости широкого изучения истории промышленного роста Тольятти. В 1986 году он писал: «Наш город, его трудовые коллективы, особенно коллектив ВАЗа, – громадная и во многом не использованная база социально-экономических исследований...» [А.Э. Лившиц... 2009, с. 83]. В 1980–1990-е годы под его руководством было подготовлено несколько диссертаций по различным аспектам истории развития промышленности в Поволжье и, в частности, Тольятти.

В новейший период большую работу по сбору источников и написанию истории АвтоВАЗа про-

водила группа проекта по корпоративной культуре Департамента по связям с общественностью ОАО «АвтоВАЗ» под руководством Л.С. Пахуты. Здесь особенно необходимо выделить вклад в вазовскую историографию координатора проекта «Корпоративная история ОАО “АвтоВАЗ”», тольяттинского историка Александра Ефимовича Степанова (1960–2015). Первым шагом в рамках этого проекта стал выход в 2005 году книги «Осенний дебют», приуроченной к 40-летию юбилею автомобильного завода. В ней подробно раскрыты этапы «начальной истории» ВАЗа, выбора даты юбилея завода; прослежены человеческие и профессиональные судьбы советских инженеров-стажеров в Италии и итальянских специалистов в России. В контексте истории предприятия автор рассказал, как возникли некоторые знаковые для Тольятти объекты, связанные с пребыванием в городе иностранных специалистов, участвующих в строительстве и запуске ВАЗа. Среди них «Итальянский пляж» – любимое место летнего отдыха тольяттинцев: «...силами работников автозавода на берегу Куйбышевского водохранилища был организован пляж для зарубежных шеф-монтеров, который открылся 29 июня 1969 года и получил в народе название “итальянский”» [Степанов 2005, с. 118]. Другим известным объектом Тольятти, ярко отражающим свое время, стало здание Интерклуба ВАЗа. Этот клуб был открыт «в ноябре 1970 года на улице Ленинградской» и первоначально назывался «Клуб иностранных специалистов» [Степанов 2005, с. 119]. «В интерклубе разместились тольяттинское отделение общества дружбы “СССР – Италия”... и городской “Клуб интернациональной дружбы”» [Степанов, с. 119]. Именно так называют их и современные жители города, многие из которых, возможно, уже не знают о происхождении этих названий. Второй выпуск этой серии «Шаги дерзновений» интересен тем, что в нем представлен взгляд на историю сотрудничества итальянской корпорации FIAT с Волжским автомобильным заводом в Тольятти глазами очевидцев, журналистов и исследователей Италии, Англии и США [Шаги... 2006]. Этот том содержит, например, интереснейшие доброжелательные зарисовки из жизни Тольятти, сделанные священнослужителем Андреоли, призванным опекать итальянскую общину, который с июня 1969 года на протяжении 3,5 лет жил и работал в Тольятти. Одновременно в книге приводятся весьма категоричные оценки города, сделанные в конце 1990-х годов итальянским автором Ф. Альберто-не: «Тольятти – столица автомобильной советской промышленности, находящейся в упадке», «город автомобилей, представляющий собой окрестности Турина без Турина, перенесенные с реки По на берег Волги», «единственный город России, который до сих пор носит имя коммуниста и, более того, итальянца» [Шаги... 2006, с. 239].

Определенную нишу заняли многочисленные работы о вазовцах и самих вазовцев. Среди них необходимо выделить книгу В. Березина, посвя-

щенную первому генеральному директору ВАЗа В.Н. Полякову, выпущенную издательством «Молодая Гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» [Березин 2007]. Эта книга рассказывает не только о жизненном пути первого генерального директора ВАЗа В.Н. Полякова и его колоссальном вкладе в строительство и деятельность завода, но и о городе Тольятти. В главе «Гении места» В. Березин назвал «Волжский Ставрополь» городом «с долгой и честной историей» [Березин 2007, с. 130] и выделил «людей-символов» этого города. Среди них, помимо В.Н. Полякова, автор указал: основателя крепости Ставрополь В.Н. Татищева, И.В. Комзина – руководителя «Куйбышевгидростроя» – строительной организации, усилиями которой были построены ГЭС им. В.И. Ленина и в последующем все крупнейшие промышленные, культурные и жилые объекты Тольятти, Пальмиро Тольятти, чье имя город носит с августа 1964 года, и других.

Тематические сборники. Четвертая группа включает разного рода тематические сборники, в том числе сборники материалов конференций. Значительным вкладом как в вазовскую, так в целом городскую историографию стали всероссийские научные конференции, проводившиеся историками Тольяттинского государственного университета и Российской академии при Президенте России совместно с ОАО «АвтоВАЗ» в 2003 и 2005 годах. Эти конференции объединили ученых различных вузов и научных центров России с участием исследователей из США и Германии. Два тома материалов этих конференций включают статьи по самому широкому спектру проблем [История ОАО... 2005]. Немаловажную роль по осмыслению и сохранению истории города играют краеведческие конференции, проведение которых начал еще А.Э. Лившиц и затем, после его ухода, продолжили историки кафедры истории и философии Тольяттинского государственного университета.

Среди книг этой группы следует назвать и сборник «Политические репрессии в Ставрополе-Волге в 1920–1950-е годы: Чтобы помнили», инициатором и составителем которого стал Н.А. Ялымов – председатель Тольяттинской городской общественной организации «Жертвы политических репрессий». Авторы данного сборника своей целью поставили желание «внести скромный вклад в восстановление исторической правды о малоизвестном... страшном периоде преследования большевистским режимом миллионов людей» [Политические... 2005, с. 2]. Книга представляет собой сборник воспоминаний, интервью очевидцев описываемых событий, а также исторических очерков С. Мельника, О. Тарасовой, Н. Биколовой и других тольяттинских журналистов. Приложением к книге стал список жителей Ставропольского района Куйбышевской области, приговоренных в 1920–1950-е годы к высшей мере наказания по статье 58 УК РСФСР.

К этой же группе мы относим и книги, посвященные отдельным горожанам. Как правило, они

объединяют воспоминания о них современников и тексты самих героев. Среди этой литературы следует выделить сборники о профессорах Тольятти: А.Э. Лившице [А.Э. Лившиц... 2009], А.Н. Резникове [Первый... 1998], М.А. Криштале [Профессор... 2009], Ю.А. Кустове [Ю.А. Кустов... 2010], И.А. Милорадове [Милорадов... 2021] и других. В контексте нашей темы особый интерес в этих книгах вызывают сюжеты, посвященные городу Ставрополю-Тольятти через восприятие героев.

Мемуарная литература. Пятую группу работ составили воспоминания. Мемуарная литература часто не напрямую, а косвенно в контексте повествования раскрывает тему истории города. Пожалуй, первыми в этом ряду стали работы руководителя «Куйбышевгидростроя» И.В. Комзина, который в своих книгах оставил воспоминания о строительстве Волжской гидроэлектростанции и нового города рядом с ней [Комзин 1959; Комзин 1973]. Среди мемуаров городских руководителей обращают на себя внимание книги А.Т. Паренского, приехавшего в Ставрополь на строительство ГЭС и прошедшего путь от рабочего до председателя тольяттинского горсовета. Рецензентами его книг были историки – профессора А.Э. Лившиц и П.С. Кабытов. Паренский – очевидец и непосредственный участник событий, связанных со строительством ГЭС им. Ленина, переносом на новое место Ставрополя, выбором оптимального маршрута места для строительства дороги между Ставрополем и Куйбышевом и многим другим. Описывая свои встречи с руководителями СССР (В.М. Молотовым, Н.С. Хрущевым, А.Н. Косыгиным, Л.И. Брежневым), приезжавшими на строительство ГЭС, он передал важные детали в поведении и портретах этих людей, реакции на них ставропольчан. Большое внимание в своих книгах автор уделит руководителям «Куйбышевгидростоя» И.В. Комзину и Н.Ф. Семизорову. Описывая картины грандиозного строительства Волжской ГЭС, он вместе с тем в коротких скупых строчках передал многое из того, что переживали жители Ставрополя после затопления города: «Жители города часами стояли на водосливной плотине и наблюдали за необычной картиной весеннего половодья: на льдинах больших размеров плыли огромные деревья, срубы оставшихся домов, домашняя рухлядь, которую не успели предать огню» [Паренский 1997, с. 95].

Важное место в ставропольско-тольяттинской историографии занимает книга «Ставрополь-на-Волге и его окрестностях в воспоминаниях и документах», подготовленная сотрудниками Городского музейного комплекса «Наследие» под руководством В.А. Казаковой. Как указали сами составители сборника, «эта книга по-своему уникальна – она не написана, она действительно составлена. Личные воспоминания, домашние архивы и фотоальбомы ставропольчан – главный источник материала сборника. В выцветших письмах, в рукописных тетрадях, в пожелтевших фотографиях еще пульсирует жизнь – людские судьбы

и характеры, неизвестные, порой самые неожиданные факты местной истории словно ожидают на страницах книги» [Ставрополь-на-Волге... 2004, с. 6]. Безусловным достоинством этой книги является освещение малоизученного периода в истории Ставрополя – первой половины XX века.

Большой интерес вызывает книга воспоминаний первого ректора Тольяттинского политехнического института А.Н. Резникова «Эскизы прошлого в проекции на настоящее» [Резников 1998]. В ней он не только рассказывает о становлении Тольяттинского политехнического института, но и дает характеристики первым руководителям города и крупнейших промышленных предприятий. Эта книга раскрывает исторический пласт, касающийся процессов превращения Ставрополя из провинциального рабочего города, в котором «профессора днем с огнем не сыщешь», в университетский город с постоянно возрастающим числом научной интеллигенции.

Для воссоздания истории Тольятти в период распада СССР нельзя обойти вниманием воспоминания председателя Тольяттинского горсовета народных депутатов в 1990–1992 годах И.Г. Антонова «Я не лирический герой», которые содержат свидетельства о переломных моментах в жизни как города Тольятти, так и России в целом. Одним из таких сюжетов является подробное, практически хронологическое описание событий августа 1991 года и то, как руководство Тольятти действовало в тех экстремальных обстоятельствах [Антонов 2008, с. 175–189]. Значительный вклад в историографию города вносит также книга воспоминаний главы администрации города в 1992–1994 годах и его главы в 2000–2007 годах Н.Д. Уткина [Захаров, Уткин 2017]. Эта книга, представляющая собой ценный источник по истории Тольятти, написана в форме подробного неспешного рассказа о городе и людях, сыгравших важную роль в его развитии в конце XX – начале XXI века.

Сборники документов, справочная литература. Шестую группу литературы составляют сборники документов и справочники. Фундамент в этой работе был заложен самарскими историками и архивистами. «Выявление и введение в научный оборот документов и материалов началось еще во второй половине XIX века и впоследствии sporadически возобновлялось. Особенно активно изучением истории Самарского края стали заниматься в конце 50-х – первой половине 60-х гг. XX века. С образованием Самарского государственного университета поисковой работе был придан новый мощный импульс», – писал П.С. Кабытов [Кабытов 2000, с. 4]. К 150-летию Самарской губернии коллективом специалистов Управления по делам архивов Самарской области при научном руководстве Л.В. Храмова были подготовлены к изданию два тома хроник «Годы и события. Хроника» [Годы и события 2000]. Продолжением этой работы стала хрестоматия «Наш край», предназначенная преподавателям и учащимся средних школ Самарской области (Наш край 2003).

Наиболее полным собранием документов и материалов по истории Самарского Поволжья стали два тома, подготовленные научным коллективом под редакцией П.С. Кабытова. При подготовке этого издания «были использованы как опубликованные, так и архивные документальные материалы», извлеченные из более чем десяти государственных архивов и документохранилищ [Самарское Поволжье... 2000, с. 5, 6]. Уникальные разнообразие источники, собранные в первом томе этого издания, дают представление о начальном периоде Самарского Поволжья, участии населения края в движении под предводительством Степана Разина, о положении Ставрополя во время восстания Емельяна Пугачева, посещении Ставрополя Александром I в сентябре 1824 года, результатах выборов «от городских сословий на различные должности местного самоуправления в г. Ставрополе» в середине XIX века и многом другом [Самарское Поволжье... 2000]. Второй том содержит документы, раскрывающие тему голода 1921–1922 годов, крестьянских восстаний на территории Ставропольского уезда в годы Гражданской войны, периода Великой Отечественной войны, строительства гидроэлектростанции, «увековечения пребывания великого русского художника И.Е. Репина» в Ставрополе [Самарское Поволжье в XX веке... 2000].

Часть этого рода литературы о Ставрополе-Тольяттинской отрасли имеет тематический характер. Среди них «Энциклопедия строителей Ставрополя-Тольятти», в которой собраны «более 1400 биографий людей, составивших гордость и славу трижды рожденного города. Людей, чьими руками построены Волжская ГЭС имени В.И. Ленина, предприятия большой химии и машиностроения», – сообщают авторы [Созидатели... 2003, с. 2]. В 2005 году был издан справочник «Профессора Тольяттинского государственного университета» [Профессора... 2005], а в 2008 году – сборник документов и материалов, посвященный одному из крупнейших химических предприятий нашей страны ООО «Тольяттикаучук» [Первенец... 2008]. Сборник «Исторические хроники Ставрополя-Тольятти», созданный сотрудниками Тольяттинского краеведческого музея, представляет собой хронологическое перечисление наиболее значимых событий в истории города с периодом с глубокой древности до конца 2006 года [Исторические хроники... 2007]. 100-летию окончания Первой мировой войны посвятил свою книгу тольяттинский краевед Д.В. Борисов. Им было собрано значительное количество документов и материалов, отражающих жизнь Ставрополя и Ставропольского уезда в 1914–1918 годах. Результатом этой работы стало издание внушительных размеров сборника, основу которого составили выдержки из местных газет, документов Центрального государственного архива Самарской области, Тольяттинского городского архива, а также фотодокументов из личного архива автора [Ставрополь – Самарский... 2019].

Важным шагом по сбору и сохранению документальной истории города стала изданная

в 2016 году первая часть сборника документов по истории города «Ставрополь – Тольятти в документах и материалах (XVI – начало XX вв.)». В сборник вошли документы из архивных фондов Тольятти, Самары, Ульяновска, Оренбурга, Саратова, Казани и Москвы по основным этапам развития города в указанный период [Ставрополь – Тольятти в документах... 2016, с. 3]. В определенном смысле продолжением этой работы стал сборник документов – хрестоматия, предназначенный школьникам города Тольятти. В хрестоматию вошли документы, преимущественно архивные, отражающие наиболее важные события в истории Ставрополя-Тольятти с периода основания города до начала XXI века. Структурно книга разделена на восемь частей. Документы последней части хрестоматии отражают тенденции в развитии Тольятти в новейший период, которые показывают, что «городу удалось сохранить за собой почетное звание крупного промышленного центра и автомобильной столицы России» (Ставрополь – Тольятти в истории... 2022, с. 144). Вместе с тем, исходя из документов хрестоматии, становится очевидным, что все большую роль в развитии города на новом этапе играют малые инновационные предприятия, культурные и образовательные учреждения, прежде всего Тольяттинский государственный университет.

Заключение

Систематизация и анализ литературы по истории Ставрополя-Тольятти показали, что за последние 70 лет накоплено значительное число работ, количество которых продолжает возрастать. Поэтому в данной статье мы не стремились назвать все имеющиеся книги, так или иначе отражающие историю города, прежде всего нам было важно определить тенденции в данном историографическом процессе.

Анализ литературы по истории города Ставрополя-Тольятти показал, как менялись доминанты в представлении о нем. Город-крепость, город крещеных калмыков, луковый городок, город-курорт, город пяти всероссийских ударных строек, столица автомобилестроения, эталон советского градостроения, образец советского модернизма, университетский город с большим туристическим потенциалом – вот неполный перечень эпитетов, отраженных в ставропольско-тольяттинской историографии. Однако ни одно из этих определений не удовлетворяет и не отражает современного представления о городе. Анализ литературы подтверждает, что Тольятти шире формального статуса «моногород», закрепившегося за ним в последние годы. Также не может удовлетворять и представление Ставрополя-Тольятти как города «трижды рожденного», воспринимаемое сегодня как сильное упрощение его истории. Очевидно, что новейший период требует обобщенной работы по истории города, включающей все его исторические достижения и отражающей смещение доминант в историко-культурном образе Ставрополя-Тольятти.

Материалы исследования

- История Самарского края... Часть 1 2019 – *История Самарского края*. Основное общее образование. Часть 1: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / А.И. Репинецкий [и др.]. Москва: Просвещение, 2019. 160 с.
- История Самарского края... Часть 2 2019 – *История Самарского края*. Основное общее образование. Часть 2: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / А.И. Репинецкий и др. Москва: Просвещение, 2019. 191 с.
- История Ставрополя... 2010 – *История Ставрополя – Тольятти*: учебное пособие для учащихся 9-х классов школ г.о. Тольятти. Тольятти, 2010. 246 с. URL: http://tltmuseum.ru/images/Izdaniya/История%20Ставрополя-Тольятти_учебник.pdf.
- Наш край... 2003 – *Наш край*. Хрестоматия для преподавателей Отечественной истории и учащихся средней школы. Самара, 2003. 400 с.
- Овсянников 1996 – *Овсянников В.А.* Ставрополь-Тольятти. Страницы истории. Часть I. Тольятти: Изд-во Фонда «Развитие через образование», 1996. 364 с.
- Овсянников 1999 – *Овсянников В.А.* Ставрополь-Тольятти. Страницы истории. Часть II. Дела и люди. Тольятти: п/п «Современник», 1999. 400 с.
- Ставрополь – Тольятти: история... 2016 – *Ставрополь – Тольятти: история города*: электронное учебное пособие / под ред. О.А. Безгиной. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2016. 494 с. URL: <https://dspace.tltsu.ru/handle/123456789/2964>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50368193>. EDN: <https://elibrary.ru/qvacvl>.
- Ставрополь – Тольятти в истории... 2022 – *Ставрополь-Тольятти в истории Самарского края*: хрестоматия / сост. Д.В. Янчарук, Е.Л. Налетова, О.А. Безгина. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2022. 190 с.
- Храмков 2003 – *Храмков Л.В.* Введение в Самарское краеведение: учебное пособие. Самара: Изд-во «НТЦ», 2003. 356 с. URL: <https://studfile.net/preview/4513319>.

Библиографический список

- Антонов 2008 – *Антонов И.Г.* Я – не лирический герой. Тольятти: ООО «МНХ», 2008. 512 с.
- Астахов 1981 – *Астахов Е.* Три шага в будущее: Записки писателя о людях и делах Куйбышевгидростроя. Куйбышев: Книжное издательство, 1981. 128 с.
- А.Э. Лившиц... 2009 – *А.Э. Лившиц: Учитель. Ученый. Человек*: сб. воспоминаний и публицистики / сост. О.А. Безгина [и др.]. Тольятти: ТГУ, 2009. 212 с.
- Безгина О.А. 2020 – *Безгина О.А.* Тольяттинский историк А.Э. Лившиц: человек, ученый и учитель // Научное сообщество историков и современный мир: к юбилею университетского исторического образования в Самаре: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию университетского исторического образования в Самаре. Самара, 12 декабря 2019 г. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 171–180. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/NAUChNOE-SOObShESTVO-ISTORIKOV/Tolyattinskii-istorik-A-E-Livshichelovek-uchenyi-i-uchitel-Tekst-elektronnyi-86175?mode=full&ysclid=lyftbpziuu169110402>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44135124>. EDN: <https://elibrary.ru/yglfnp>.
- Белла Фабьен 2014 – *Белла Фабьен*. Тольятти. Рождение нового города. Екатеринбург: TATLIN, 2014. 144 с. URL: https://tatlin.ru/shop/tolyatti_rozhdenie_novogo_goroda?ysclid=lyftm1pctc816895193.
- Березин 2007 – *Березин В.С.* Поляков. Москва: Молодая Гвардия, 2007. 335 с. URL: <https://litmir.club/bd/?b=229112>.
- Воронов 2015 – *Воронов Н.А.* Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / подгот.: А.И. Раздорский, Н.С. Чернышева, Д.Н. Шилов; науч. ред. Ю.Н. Смирнов; Рос. нац. б-ка, Рос. библ. ассоц., Рус. геогр. об-во, Самар. гос. ун-т. Санкт-Петербург: Рос. нац. б-ка, 2015. 118 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28208755>. EDN: <https://elibrary.ru/vjoqja>.
- Годы и события 2000 – *Годы и события. Хроника* (к 150-летию Самарской губернии). Т. 2. 1921–2000 гг. Самара, 2000. 386 с. URL: <https://djvu.online/file/1V8Js2pbbQ1bc?ysclid=lyfu4bd7e314847632>.
- Город... 1967 – *Город Тольятти* / Г.Н. Андреев [и др.]. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1967. 250 с.
- Город... 1987 – *Город Тольятти* / сост. К.М. Гордеева. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1987. 208 с.
- Захаров, Уткин 2017 – *Захаров В., Уткин Н.* Там, где нужен. Тольятти: ООО «МНХ», 2017. 628 с.
- История ОАО... 2005 – *История ОАО «АВТОВАЗ»: уроки, проблемы, современность*: материалы II Всероссийской научной конференции. 26–27 октября 2005 г. Тольятти, 2005. 305 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20855476>. EDN: <https://elibrary.ru/rojwux>.
- Исторические хроники... 2007 – *Исторические хроники Ставрополя-Тольятти*. Изд. 2-е. Самара: Издательский дом «Агни», 2007. 296 с.
- Кабытов 2000 – *Кабытов П.С.* Введение // Самарское Поволжье в XX веке: сборник документов и материалов. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2000. С. 4–5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42948657>. EDN: <https://elibrary.ru/koohnu>.

Кацман 2007 – *Кацман Б.М.* Завод без компромиссов: очерк истории Волжского ордена Трудового Красного Знамени автомобильного завода им. 50-летия СССР, 1966–1975 годы. Тольятти: ОАО «АвтоВАЗ», 2007. 416 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19848307>. EDN: <https://elibrary.ru/qsivaf>.

Комзин 1959 – *Комзин И.В.* Это и есть счастье: Очерки о строительстве Куйбышевского гидроузла. Москва: Молодая Гвардия, 1959. 285 с.

Комзин 1973 – *Комзин И.В.* Я верю в мечту. Москва: Политиздат, 1973. 368 с.

Лобанова 2001 – *Лобанова Н.Г.* Ставрополь: фронт и судьбы. Сборник очерков. Тольятти: ООО НПФ «РАКС», 2001. 183 с.

Милорадов 2021 – *Милорадов И.* Прогрессор. [б.м.]: Издательские решения, 2021. 396 с. URL: <https://www.litres.ru/book/igor-miloradov/progessor-66616090/chitat-onlayn>.

Паренский 1997 – *Паренский А.Т.* Судьба моя – Тольятти: Записки председателя горсовета. Тольятти: Изд-во Фонда «Развитие через образование», 1997. 192 с.

Первенец... 2008 – *Первенец тольяттинской химии.* Сборник документов и материалов по истории Тольяттинского завода синтетического каучука. Тольятти: Изд-во ООО «МХК», 2008. 494 с.

Первый... 2005 – *Первый ректор* / сост. О.А. Вавилина. Тольятти, 2005. 241 с.

Пихоя 2005 – *Пихоя Р.Г.* Историография истории Волжского автомобильного завода // История ОАО «АвтоВАЗ»: уроки, проблемы, современность: материалы II Всероссийской научной конференции. Тольятти, 26–27 октября 2005 г. Тольятти, 2005. С. 11–28.

Политические... 2005 – *Политические репрессии в Ставрополе-на-Волге в 1920–1950-е годы: Чтобы помнили...* Тольятти: МОУ ДПОС Центр информационных технологий, 2005. 320 с.

Профессор... 2009 – *Профессор М.А.* Кристалл и его научная школа. Тольятти: Издательство ТГУ, 2009. 212 с.

Профессора... 2005 – *Профессора* Тольяттинского государственного университета. Тольятти: Издательство ТГУ, 2005. 270 с.

Резников 1998 – *Резников А.Н.* Эскизы прошлого в проекции на настоящее. Самара: Корпорация «Федоров», 1998. 440 с.

Самарская летопись... 1993 – *Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века: в 2 кн. / под ред. П.С. Кабытова. Л.В. Храмова.* Книга вторая: Самарский край второй половины XIX – начала XX столетия. Самара: Самарский университет, 1993. 190 с. URL: https://vk.com/doc37602522_459921959?hash=fkLgLGocoS5OUE8CodLg4NpRtnAsNyMgXZIE4s8F2YD&dl=RylQUKLcaYIYBXgzwZUPZbbDmhjIGJNYTZHjQpPy7bc.

Самарское Поволжье... 2000 – *Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.:* сборник документов и материалов. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2000. 512 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28299814>. EDN: <https://elibrary.ru/xvhkhv>.

Самарское Поволжье в XX веке... 2000 – *Самарское Поволжье в XX веке.* Документы и материалы. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2000. 512 с.

Созидатели... 2003 – *Созидатели: Строительный комплекс Ставрополя-Тольятти. 1950–2000 / под общ. ред. С.Г. Мельника.* Тольятти: Этажи-М, 2003. 448 с.

Ставрополь-на-Волге... 2004 – *Ставрополь-на-Волге и его окрестностях в воспоминаниях и документах.* Тольятти: Городской музейный комплекс «Наследие», 2004. 340 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19696239>. EDN: <https://elibrary.ru/qraimn>.

Ставрополь – Самарский... 2019 – *Ставрополь – Самарский и Ставропольский уезд в Первую мировую войну (1914–1918 гг.):* сборник документов и материалов / сост. Д.В. Борисов; ред. Д.В. Янчарук. Тольятти, 2019. 560 с. URL: <https://proza.ru/2019/10/26/464>.

Ставрополь – Тольятти в документах... 2016 – *Ставрополь – Тольятти в документах и материалах (XVI – начало XX вв.) / отв. ред. Д.В. Янчарук.* Тольятти, 2016. 700 с.

Степанов 2005 – *Степанов А.Е.* Осенний дебют: материалы к начальной истории АвтоВАЗа. Тольятти, 2005. 384 с.

Шаги... 2006 – *Шаги дерзновенный / ред.-сост. А.Е. Степанов.* Тольятти: ОАО «АвтоВАЗ», 2006. 608 с.

Ю.А. Кустов... 2010 – *Ю.А. Кустов:* научная школа учителя. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2010. 219 с.

References

Antonov 2008 – *Antonov I.G.* (2008) I'm not a lyrical hero. Togliatti: ООО «MNKh», 512 p. (In Russ.)

Astakhov 1981 – *Astakhov E.* (1981) Three steps into the future: The writer's notes on the people and affairs of Kuibyshevgidrostroy. Kuibyshev: Knizhnoe izdatel'stvo, 128 p. (In Russ.)

- A.E. Livshits 2009 – *Bezgina O.A. [et al.] (2009) A.E. Livshits: Teacher. Scientist. Man: collection of memoirs and journalism.* Togliatti: TGU, 212 p. (In Russ.)
- Bezgina 2020 – *Bezgina O.A. (2020) Togliatti historian A. E. Livshits: man, scientist and teacher.* In: *Scientific community of historians and the modern world: on the anniversary of university historical education in Samara: materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 50th anniversary of University historical education in Samara. Samara, December 12, 2019.* Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, pp. 171–180. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/NAUChNOE-SOObShESTVO-ISTORIKOV/Tolyattinskii-istorik-A-E-Livshic-chelovek-uchenyi-i-uchitel-Tekst-elektronnyi-86175?mode=full&ysclid=lyftbpiuu169110402>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44135124>. EDN: <https://elibrary.ru/yglfnp>. (In Russ.)
- Bella Fabien 2014 – *Bella Fabien (2014) Togliatti. The birth of a new city.* Yekaterinburg: TATLIN, 144 p. Available at: https://tatlin.ru/shop/tolyatti_rozhdenie_novogo_goroda?ysclid=lyftm1pctc816895193. (In Russ.)
- Berezin 2007 – *Berezin V.S. (2007) Polyakov.* Moscow: Molodaya Gvardiya, 335 p. Available at: <https://litmir.club/bd/?b=229112>. (In Russ.)
- Voronov 2015 – *Voronov N.A. (2015) Description of the Volga coast of the Samara province and its most remarkable areas (1857).* Prepared by: A.I. Razdorsky, N.S. Chernysheva, D.N. Shilov; scientific editorship: Yu.N. Smirnov. Saint Petersburg: Ros. nats. b-ka, 118 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28208755>. EDN: <https://elibrary.ru/vjoqja>. (In Russ.)
- Years and events 2000 – *Years and events. Chronicle.* (on the 150th anniversary of the Samara province). Vol. 2. 1921–2000. Samara, 386 p. Available at: <https://djvu.online/file/1V8Js2pbbQ1bc?ysclid=lyfu4bd7e314847632>. (In Russ.)
- The city... 1967 – *Andreev G.N. et al. (1967) The city of Togliatti.* Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 250 p. (In Russ.)
- The city... 1987 – *Gordeeva K.M. (1987) The city of Togliatti.* Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 208 p. (In Russ.)
- Zakharov, Utkin 2017 – *Zakharov V., Utkin N. (2017) Where you need it.* Togliatti: OOO «MNKh», 628 p. (In Russ.)
- History of OJSC... 2005 – *History of OJSC AVTOVAZ: lessons, problems, modernity: materials of the II All-Russian scientific conference. October 26–27, 2005.* Togliatti, 305 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20855476>. EDN: <https://elibrary.ru/rojwyx>. (In Russ.)
- Historical chronicles... 2007 – *Historical chronicles of Stavropol–Togliatti.* 2nd edition. Samara: Izdatel'skii dom «Agni», 296 p. (In Russ.)
- Kabytov 2000 – *Kabytov P.S. (2000) Introduction.* In: *Samara Volga region in the XX century: collection of documents and materials.* Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 4–5. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42948657>. EDN: <https://elibrary.ru/kooxny>. (In Russ.)
- Katsman 2007 – *Katsman B.M. (2007) A plant without compromise: an essay on the history of the Volga Order of the Red Banner of Labor Automobile Plant named after 50th anniversary of the USSR, 1966–1975.* Togliatti: OAO «AvtoVAZ», 416 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19848307>. EDN: <https://elibrary.ru/qsifaf>. (In Russ.)
- Komzin 1959 – *Komzin I.V. (1959) This is happiness: Essays on the construction of the Kuibyshev hydroelectric complex.* Moscow: Molodaya gvardiya, 285 p. (In Russ.)
- Komzin 1973 – *Komzin I.V. (1973) I believe in the dream.* Moscow: Politizdat, 368 p. (In Russ.)
- Lobanova 2001 – *Lobanova N.G. (2001) Stavropol: the front and the fate.* Collection of essays. Togliatti: OOO NPF «RAKS», 183 p. Available at: <https://www.rulit.me/author/lobanova-n-g/stavropol-front-i-sudby-sbornik-ocherkov-download-259388.html?ysclid=lygxnz2s8r977123507>. (In Russ.)
- Miloradov 2021 – *Miloradov I. (2021) Progressor.* [Sine loco]: Izdatel'skie resheniya, 396 p. Available at: <https://www.litres.ru/book/igor-miloradov/progressor-66616090/chitat-onlayn/>. (In Russ.)
- Parensky 1997 – *Parensky A.T. (1997) My fate is Togliatti: Notes of the chairman of the City Council.* Togliatti: Izd-vo Fonda «Razvitie cherez obrazovanie», 192 p. (In Russ.)
- Firstborn... 2008 – *Firstborn of Togliatti chemistry.* Collection of documents and materials on the history of the Togliatti Synthetic Rubber Plant. Togliatti: Izd-vo OOO «MKhK», 494 p. (In Russ.)
- First... 2005 – *Vavilina O.A. (2005) First rector.* Togliatti, 241 p. (In Russ.)
- Pikhoya 2005 – *Pikhoya R.G. (2005) Historiography of the history of the Volga Automotive Plant.* In: *History of OJSC AVTOVAZ: lessons, problems, modernity: materials of the II All-Russian scientific conference.* Togliatti, October 26–27, 2005. Togliatti, pp. 11–28. (In Russ.)
- Political... 2005 – *Political repression in Stavropol-on-Volga in the 1920-ies – 1950-ies: To be remembered....* Togliatti: MOU DPOS Tsentr informatsionnykh tekhnologii, 320 p. (In Russ.)
- Professor... 2009 – *Professor M.A. Krishtal and his scientific school.* Togliatti: Izdatel'stvo TGU, 212 p. (In Russ.)

- Professors... 2005 – *Professors of Togliatti State University*. Togliatti: Izdatel'stvo TGU, 270 p. (In Russ.)
- Reznikov 1998 – *Reznikov A.N.* (1998) Sketches of the past in projection on the present. Samara: Korporatsiya «Fedorov», 440 p. (In Russ.)
- Samara chronicle... 1993 – *Kabytov P.S., Khramkov L.V. (Eds.)* (1993) Samara chronicle: Essays on the history of the Samara Region from ancient times to the beginning of the XX century: in 2 books. Book two: Samara Region of the second half of the XIX – early XX century. Samara: Samarskii universitet, 190 p. Available at: https://vk.com/doc37602522_459921959?hash=fkLgLGocoS5OUE8CodLg4NpRtnAsNyMgXZIE4s8F2YD&dl=RylQUKLcaYIYBXgzwZUPZbbDmhjlGJHYTZHjQpPy7bc. (In Russ.)
- Samara Volga region... 2000 – *Samara Volga region* from antiquity to the end of the XIX century. Collection of documents and materials. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk, 512 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28299814>. EDN: <https://elibrary.ru/xvhkhv>. (In Russ.)
- Samara Volga region in the XX century... 2000 – *Samara Volga region* in the XX century. Documents and materials. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk, 512 p. (In Russ.)
- Creators... 2003 – *Melnik S.G. (Ed.)* (2003) *Creators*: Stavropol-Togliatti construction complex. 1950–2000. Togliatti: Etazhi-M, 448 p. (In Russ.)
- Stavropol-on-Volga... 2004 – *Stavropol-on-Volga* and its surroundings in memoirs and documents. Togliatti: Gorodskoi muzeinyi kompleks «Nasledie», 340 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19696239>. EDN: <https://elibrary.ru/qpaimn>. (In Russ.)
- Stavropol – Samara... 2019 – *Borisov D.V.* (2019) *Stavropol – Samara* and Stavropol uyezd in the First World War (1914–1918): collection of documents and materials; *D.V. Yancharuk (Ed.)*. Togliatti, 560 p. Available at: <https://proza.ru/2019/10/26/464>. (In Russ.)
- Stavropol – Togliatti in documents... 2016 – *Yancharuk D.V. (Ed.) Stavropol – Tolyatti in documents* and materials (XVI – early XX centuries). Togliatti, 700 p. (In Russ.)
- Stepanov, 2005 – *Stepanov A.E.* (2005) Autumn debut: Materials for the initial history of AvtoVAZ. Togliatti, 384 p. (In Russ.)
- Steps... 2006 – *Stepanov A.E. (Ed.)* Steps of daring. Togliatti: OAO «AVTOVAZ», 608 p. (In Russ.)
- Yu.A. Kustov... 2010 – *Yu.A. Kustov*: scientific school of the teacher. Togliatti: Izd-vo TGU, 219 p.

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-32-38

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(4) «1492/1914»

Дата поступления: 17.04.2024
рецензирования: 25.05.2024
принятия: 02.09.2024

Позиция Персии по проблеме «русского транзита» в XVI–XVII вв.: сюжет о ширванских городах

Р.С. Асташкин

Приволжский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: biblio.min@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8435-3318>

Аннотация: В статье предпринята попытка рассмотреть позицию Персидского государства Сефевидов по вопросу об использовании территории Московского царства для развития европейско-азиатских связей в период XVI–XVII веков с использованием метода диахронического анализа и исторической периодизации. Указанная проблема исследуется в качестве отдельного аспекта научной тематики, связанной с местом тогдашней России в процессе экспансии европейцев в страны Востока. Объектом анализа является практическая деятельность персидских администраций, имевшая как прямое, так и косвенное отношение к условной теме «русского транзита». На сегодняшний день опыт комплексного и концептуального изучения данной проблематики отсутствует не только в отечественной, но и в зарубежной исторической науке. Конкретный предмет исследования связан с неоднократными обещаниями официального Ирана передать русским царям контроль над крупнейшими центрами исторической области Ширван. Источниковую базу данной работы составил массив дипломатических документов по истории русско-персидских межгосударственных отношений XVI–XVII веков. В этих материалах, в частности, получила отражение реакция Москвы на предложения Сефевидов о территориальных уступках. Также были использованы научные труды русскоязычных и иностранных специалистов, в том числе крупнейших представителей классической и современной исторической иранистики. Проведенный анализ позволил вписать дипломатический вопрос о судьбе ширванских городов в контекст общей проблемы «русского транзита». Высказана гипотеза, что персидское правительство осознанно инициировало данную дискуссию с учетом экономического потенциала Волжско-Каспийского торгового пути. Сделан вывод, что в случае достижения соответствующих договоренностей между двумя государствами Русское царство в перспективе могло произвести определенный переворот в межконтинентальной торговле, в особенности на рынке шелка.

Ключевые слова: Московское царство; раннее Новое время; Персия; Сефевиды; история русско-персидских отношений; дипломатия XVI–XVII вв.; международная торговля XVI–XVII вв.

Цитирование. Асташкин Р.С. Позиция Персии по проблеме «русского транзита» в XVI–XVII вв.: сюжет о ширванских городах // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 32–38. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-32-38>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Асташкин Р.С., 2024

Руслан Сергеевич Асташкин – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории науки, Приволжский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2 в.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.04.2024
Revised: 25.05.2024
Accepted: 02.09.2024

Position of Persia on the problem of «Russian transit» in the XVI–XVII centuries: a plot about Shirvan cities

R.S. Astashkin

Volga State Transport University, Samara, Russian Federation
E-mail: biblio.min@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8435-3318>

Abstract: The article attempts to consider the position of the Persian Safavid state on the question of using the territory of the Muscovy empire for the development of the European-Asian relations in the period of the XVI–XVII centuries with the use of the method of diachronic analysis and historical periodization. The aforementioned problem is studied as a separate aspect of scientific topics related to the place of the then Russia in the process of the European expansion into the countries of the East. The object of the analysis is the practical activities of the Persian administrations, which had both a direct and indirect relationship to the conventional topic of «Russian transit». Nowadays the experience of the comprehensive and conceptual study of this issue is absent not only in the domestic, but also in the foreign historical science. The specific subject of the study is related to the repeated promises of official Iran to transfer control over the largest centers of the historical region of Shirvan to the Russian tsars. The source base for this work was an array of diplomatic documents on the history of Russian-Persian interstate relations of the XVI–XVII centuries. These materials, in particular, reflected Moscow's reaction to the Safavid proposals for territorial concessions. The scientific works of Russian-speaking and foreign specialists, including the largest representatives of classical and modern historical Iranian

studies, were also used. The analysis made it possible to fit the diplomatic issue about the fate of the Shirvan cities into the context of the general problem of «Russian transit». It is hypothesized that the Persian government deliberately initiated this discussion taking into account the economic potential of the Volga-Caspian trade route. It is concluded that if the appropriate agreements between the two states were reached, the Russian empire could in the future produce a certain revolution in the intercontinental trade, especially in the silk market.

Key words: the Muscovy empire; early Modern history; Persia; Safavid dynasty; history of the Russian-Persian relations; diplomacy of the XVI–XVII centuries; international trade of the XVI–XVII centuries.

Citation. Astashkin R.S. Position of Persia on the problem of «Russian transit» in the XVI–XVII centuries: a plot about Shirvan cities. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 32–38. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-32-38>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interest.

© Astashkin R.S., 2024

Ruslan S. Astashkin – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and History of Science, Volga State Transport University, 2 v, Svoboda Street, Samara, 443066, Russian Federation.

Введение

В предыдущих публикациях был поставлен вопрос о месте Московского государства в процессе экспансии европейцев в Азию в эпоху раннего Нового времени [Асташкин 2021, с. 20–21]. Термин «экспансия» в данном случае охватывает различные сферы деятельности: торговлю, дипломатию, миссионерство. Русские территории с этой точки зрения играли роль потенциального «транзитного коридора» или «моста», соединявшего континенты. Само Российское государство не только выступало в качестве объекта внимания европейцев, но и было непосредственным участником соответствующих взаимоотношений. При этом остается не до конца выясненной роль азиатских стран в указанных процессах. «Восточный» аспект можно отнести к числу наименее изученных сторон проблемы «русского транзита». Представляется перспективным, в частности, рассмотреть позицию Персидской державы Сефевидов по вопросу об использовании Волжско-Каспийского маршрута, соединявшего Европу с Востоком. Изыскания в этой области позволили бы в том числе взглянуть по-новому на специфику русско-персидских отношений того времени. Напомним, что после 1556 г. под контролем Москвы находился Великий Волжский путь, в крайней южной точке которого открывались дороги в прикаспийские регионы Ирана. Эту ситуацию обычно оценивают с точки зрения интересов европейских купцов, желавших освоить вновь открывшийся выход на азиатские рынки. Предметом данной публикации, напротив, являются мероприятия персидских администраций, затрагивавшие интересующую нас проблематику. В связи с большим объемом материала мы сконцентрируемся на отдельном сюжете из истории дипломатических контактов России и Ирана. В ходе переговоров о заключении антитурецкого союза, начавшихся в конце XVI в., не раз поднимался вопрос о статусе крупнейших городов Ширванского ханства: Дербента, Шемахи, Баку. В историографии до сих пор отсутствовали попытки вписать этот сюжет в контекст тематики «русского транзита».

Источниковую базу исследования составляют актовые материалы Посольского приказа, опубликованные Н.И. Веселовским. По замечанию А.А. Андреева, в архивах самого Ирана период

XVI–XVII вв. представлен лишь «небольшими коллекциями разрозненных документов» [Андреев 2021, с. 159–160]. Также были использованы труды отечественных и иностранных специалистов, включая работы по истории Ширванского региона и Азербайджана в целом [Магарамов 2013; Магомедов, Магарамов 2015; Сеидова 2004]. Отдельного упоминания заслуживает новейшая публикация словацкого историка Л. Рыбара, посвященная роли Ширвана в русско-иранских контактах [Rybar 2020]. Благодаря изысканиям И.В. Магилиной можно оценить реакцию русских властей на дипломатические инициативы персов [Магилина 2008]. Системный взгляд на историю русско-персидских связей изложен в классической монографии П.П. Бушева [Бушев 1976]. Фундаментальное исследование П. Дарабади посвящено феномену Волжско-Каспийского пути [Дарабади 2009, с. 154]. Отдельные направления «транзитной» проблемы освещаются видными западными иранистами [Floor 1993; Matthee 1994].

Ширванское ханство и его значение для «русского транзита»

Исторический Ширван включал в себя прикаспийские территории от бассейна Куры до Дербента. Эта область традиционно славилась процветающими городами и развитой экономикой. Главным богатством региона считался знаменитый сырой шелк. В XV в. отмечался расцвет местного государства Ширваншахов, но уже в следующем столетии эта страна была покорена вновь возникшей державой Сефевидов. В 1538 г. шах Тахмасп I низложил локальную династию и превратил Ширван в провинцию (вилайет) под руководством наместника-беглербека [Bosworth 1987]. Легендарным владельцем здешних земель стал Абдаллах-хан Устаджлу (беглербек в 1549–1565/67 гг.), поддерживавший прямую связь с русским царем. В силу географического положения Ширванское ханство с самого начала было своего рода «мостом» между Ираном и Россией [Сеидова 2004, с. 45]. Регулярная русско-ширванская торговля шла с 1563 г. [Rybar 2020, р. 610]. Так, Дербент одновременно был «центром торговли Дагестана с Россией, а также центром транзитной торговли России с Сефевидским государством» [Магомедов, Магарамов 2015, с. 7, 13]. С 1560-х гг. в столице на-

местничества – Шемахе – действовала русская торговая фактория. Из Баку русские купцы вывозили по морю соль, нефть, шафран и шелк [Дарабади 2009, с. 154].

Вхождение Поволжья в состав Русского государства привело к оформлению цельного Волжско-Каспийского транзитного маршрута, соединявшего южные владения царей с приграничным доменом Сефевидом. Подчеркнем, что из Астрахани открывался прямой морской путь в гавани Ширвана [Flood 1993]. Вскоре эти новые возможности попали в поле зрения европейского купечества. Наибольших успехов в данном отношении добилась английская Московская компания, торговавшая с Персией по Волге и Каспию. Покровителем британцев на Востоке стал все тот же Абдаллах-хан. С санкции последнего Шемаха превратилась в опорный пункт английских коммерсантов [Дарабади 2009, с. 159–160, 161].

Далее ситуация в рассматриваемом регионе менялась главным образом из-за глобального противостояния Ирана и Турции. Уже в дебюте конфликта 1578–1590 гг. персидские участки Волжско-Каспийского транзитного пути перешли под власть султана. Освободить эти земли Сефевидам удалось лишь в ходе следующей войны (1603–1612 гг.). В частности, турецкие армии быстро оккупировали весь Ширван с его важнейшими экономическими центрами. Поскольку «Волжско-Каспийский вопрос» в 1580-х–1620-х гг. приобрел для шахов очевидную антиосманскую направленность, имеет смысл вычленив условный «анти-турецкий» этап в развитии «транзитной» политики Персии [Асташкин 2023, с. 232–235]. Дискуссия о судьбе ширванских городов, по нашему мнению, стала одним из ярких проявлений этого периода.

Тема ширванских городов на русско-персидских переговорах

В источниках конца XVI – начала XVII в. можно найти ссылки на неоднократные обещания персидской стороны уступить русскому царю ключевые города Ширванского ханства. Взамен персы обычно просили северного соседа помочь им в войне с Турцией. Еще отец Аббаса I – Мохаммед Ходабенде (1578–1587 гг.) – через посла Гади-бека делал намеки на возможность передачи России Баку и Дербента [Магилина 2008, с. 153]. Пикантность ситуации заключалась в том, что обе крепости в тот момент уже были оккупированы султаном, т. е. для начала подразумевалось ответить их у общего противника. Помогая очистить Ширван от турок, Рюриковичи как раз оказали бы Сефевидам реальную военную поддержку. Москва отреагировала на восточные посулы с заметным воодушевлением. По пути в Иран в 1588 г. царский посол Г.Б. Васильчиков, если верить его донесениям, вступил в спор с Гади-беком. Последний якобы отказался от недавних заявлений и отныне рассуждал лишь о будущем совместном походе на Дербент и Баку, причем с прицелом, что города вернутся под власть шаха. Московский дипломат же настаивал на подтверждении обе-

щаний, подразумевавших отдачу крепостей России даже в том случае, если персы освободят их в одиночку (Статейный Григорья Васильчикова список 1890, с. 23–25, 96). Принимая Васильчикова, только что воцарившийся Аббас I (1587–1629 гг.) выразил готовность «даровать» оба поселения Федору Иоанновичу даже без объединенной военной кампании, что, однако, сопровождалось просьбой все-таки прислать войска в Ширван. Правитель Ирана, к удивлению иностранного гостя, сослался на слухи о 60 тысячах русских ратников, будто бы уже успевших прибыть под стены Дербента (Статейный Григорья Васильчикова список 1890, с. 88, 97). В итоге посол увез в Москву грамоту, содержащую пункт о будущем переходе городов к русской стороне, но лишь при условии, что сама Россия отнимет их у турок [Бушев 1976, с. 113]. Вместе с Васильчиковым к царю отбыли сразу два посланника (Бутак-бек и Гади-бек), которые везли с собой другое письмо Аббаса. Разница состояла в том, что во второй грамоте шах не выдвигал предварительных условий для уступки искомых земель (Перевод с грамот шаховых гилянского царя и роспись присланным к государю подаркам 1890, с. 129). На переговорах с боярами в 1590 г. Бутак-бек неожиданно завел разговор о всех (!) ширванских цитаделях, занятых османами. 22 мая от лица Аббаса было сказано: «... Чем им [городам. – Р. А.] быть за недругом, ино б лучше были за другом, за государем вашим, а промышляти б над ними государем нашим сопча, укрепясь меж собою в соединенье» (Записка как были те послы у бояр в ответе 1890, с. 140). Формулировка про совместный «промысел» могла означать некий вариант двустороннего управления территориями. Наконец, шахский гонец Кайа в 1592 г. вновь предложил царю самостоятельно завладеть Баку и Дербентом (в монографии Бушева вместо Баку указана Шемаха) (Записка, что сказал тот гонец при распросе в посольской полате 1890, с. 161–162) [Бушев 1976, с. 168]. 11 марта 1595 г. эту позицию, согласно сообщениям посланника А.Г. Звенигородского, устно подтвердил сам шах (Статейный список князя Андрея Звенигородского 1890, с. 273).

Как видно, уже на стадии завязки этот любопытный сюжет содержал признаки запутанной дипломатической игры. Официально Иран объяснял свою позицию по Ширвану общими добрососедскими соображениями (Церемониал приема Булат-бека 1892, с. 413). Специалисты предлагают различные объяснения реальных причин, толкавших персов на вышеуказанные обещания. В современной иранской науке, с одной стороны, есть консенсус о серьезности намерений Ирана, отчаянно пытавшегося вовлечь Московское царство в антитурецкий союз. Для достижения заветной цели шахи, как предполагается, были готовы пойти на любые территориальные уступки. Скепсис по этому вопросу, по словам А.А. Андреева, выражает только М. Сефатгол. С другой стороны, в работах Ф.А. Гусейна заявляется о «юридической неосновательности» посулов персидского руководства [Андреев 2021, с. 161, 166]. В самом деле,

Аббас громогласно собирался передать другой державе города, которые в тот момент ему вообще не принадлежали. На этом факте частично строится альтернативная версия П.П. Бушева. Классик советской историографии доказывает, что Персия не нуждалась в России как в союзнике. Инициативы Сефевидов по теме антитурецкого блока, как утверждает исследователь, являлись «спектаклем», адресованным Стамбулу. Чтобы избежать войны на два фронта, султан был бы вынужден проявлять известную покладистость в общении с шахом. Однако для создания иллюзии коалиции с Россией персам требовалось спровоцировать Москву на практические шаги, в перспективе опасные для турок. Провокацией такого рода, как считает Бушев, и стали предложения о передаче Русскому царству Ширвана как «платы» за военную помощь. Слухи о появлении царского войска у Дербента по этой логике опять-таки должны были вызвать панику в Стамбуле [Бушев 1976, с. 107, 111]. Аналогичное мнение встречается и у современных исследователей [Магарамов 2013, с. 11]. Интересно также замечание А.А. Андреева о привычках Аббаса Великого. Шах при работе с дипломатической перепиской «мало придавал значения текстам посланий, как своих, так и от других правителей» [Андреев 2021, с. 166]. Нельзя исключать, что восточный владыка вообще не обращал большого внимания на пресловутый сюжет с ширванскими городами.

Если заявления Ирана все-таки были приманкой, нужно признать, что русская сторона в некотором роде попала на крючок. Так, в беседе с вновь прибывшим Гади-беком в 1595 г. царь поднял вопрос о передаче ему не только Дербента и Баку, но еще и Шемахи. Федор также пообещал помочь шаху во взятии этих крепостей (Приезд от персидского шаха Аббаса I гонца Анди-бека (в третий раз) и купца Али Хосрова 1890, с. 298–299). Дипломатическая подготовка будущих военных акций была поручена посольству В.В. Тюфякина, которое не смогло выполнить свою миссию в силу трагических обстоятельств. Тем не менее на руках у этой делегации были проекты «докончальных грамот» с пунктом о совместном отвоевании трех городов и передаче их России. Судя по тексту посольского наказа, царь был готов торговаться, допуская возможность возвращения Шемахи Сефевидам. Позиция по поводу Баку и Дербента была более категоричной (Отправление в Персию российского посла князь Василья Тюфякина и дьяка Семена Емельянова для постановления с персидским шахом крепкой дружбы и неподвижного против общих недругов соединения 1890, с. 353, 372, 375). Не будем забывать, что вплоть до недавнего времени статус Шемахи вообще не стоял на повестке дня и сам Иран не проявлял инициативы по этой теме. Следующий московский правитель – Борис Годунов – в 1600 г. отправил на Восток А.Ф. Жирово-Засекина с новым проектом договора. Здесь мы находим те же статьи о трех крепостях вкупе с аналогичной оговоркой про Шемаху (Грамота для заключения союза 1892, с. 141) [Магилина 2008, с. 146–148, 153]. Судьба русского

посольства 1600–1601 гг. остается не до конца выясненной (непонятно даже, добралось ли оно до Персии). В любом случае союз между царем и шахом так и не был оформлен. В эпоху Смуты о ширванской теме внезапно вспомнили сами персы – и это несмотря на успехи в войне 1603–1612 гг., когда Аббас I без всякого иностранного содействия планомерно отвоевывал у османов ранее потерянные земли. В грамоте, привезенной Мюгиб-беком в 1607 г., глава Ирана не только сообщал царю о недавнем взятии Шемахи, но и заявлял следующее: «И будет вам понадобится те города [все три! – Р. А.], и мы вам за то не постоим: все твои, потому что мы с вами дружны и для дружбы так делают» (Переводы с семи шаховых грамот 1892, с. 254). На контрасте с предыдущими событиями это утверждение, по-видимому, осталось без ответа (согласно комментарию Бушева, русские сановники успели «раскусить» уловки персов с их «политикой обещаний») [Бушев 1976, с. 426, 429–431]. В более позднем послании к анонимному «Белому царю» (характерная примета Смутного времени) Аббас просил помощи в освобождении остальных городов Ширвана (Переводы с семи шаховых грамот 1892, с. 255). Позднейшее обращение такого рода датировано 1615 г. Посол Булат-бек поведал думному дьяку П. Третьякову о готовности шаха отдать Шемаху (но лишь в случае, если две державы наконец заключат военный союз) (Церемониал приема Булат-бека 1892, с. 413). Не исключено, что это заявление было связано с нараставшей угрозой новой иранско-турецкой войны.

Гипотеза о мотивах сторон

Итак, на фоне обострения противостояния с Турцией шахи на словах были готовы уступить России едва ли не все Ширванское ханство. По нашему мнению, версия о продуманной дипломатической игре звучит весьма правдоподобно. Ценность Ширвана коренилась в том числе в экономическом потенциале, а главным местным ресурсом считался шелк-сырец. Поскольку экспорт шелка занимал едва ли не ключевое место в политике тогдашних Сефевидов, уже поэтому отказ от ширванских городов был утопией, на что обращает внимание Л. Рыбар [Rybar 2020, p. 615]. Представим, однако, что Баку, Дербент и Шемаха все-таки перешли под юрисдикцию русских монархов. Владая ширванскими гаванями, они могли бы контролировать едва ли не всю каспийскую и кавказскую торговлю [Rybar 2020, p. 614]. В этой гипотетической ситуации царская казна приобрела бы два мощнейших преимущества: господство на рынке сырого шелка и возможность свободно отправлять этот сверхпопулярный товар на Запад по маршруту Ширван – Астрахань – Великий Волжский путь – Архангельск. Образно говоря, Русское царство могло пойти по стопам Московской компании – при отличии, что теперь поставщик становился еще и первоначальным собственником. В перспективе это могло бы означать «революцию» в европейско-азиатском товарообмене (по меньшей мере на конкретном товарном рынке).

Более того, феномен «русского транзита» после перехода Ширвана к царю должен был пережить полную трансформацию. Магистральный отрезок Волжско-Каспийского маршрута отныне принадлежал бы только Русскому государству (строго говоря, уже было бы не вполне уместно говорить о «транзите»). Однако можно ли предполагать, что московское правительство осознанно лелеяло подобные амбиции? Мы убедились, что на рубеже XVI–XVII вв. Россия проявляла изрядную настойчивость в попытках решить «ширванский вопрос» в свою пользу. Л. Рыбар доказывает, что с 1595 г. царь всерьез озаботился присоединением Ширвана [Rybar 2020, p. 615]. Чем же объяснялось желание завладеть этой частью Прикаспийского региона? Есть мнение, что в Москве рассчитывали закрепиться на дорогах в Грузию, проходивших через Дербент [Бушев 1976, с. 64]. Нам же более близко замечание Г.М. Сеидовой: завладев хотя бы Баку и Дербентом, Русская держава приблизилась бы и к другим торговым центрам Азербайджана, находившимся «на стыке транзитных путей Европы и Востока». По словам автора, Россия желала «расширить рынки сбыта, *прибрав к рукам богатый шелком-сырцом регион* [курсив мой – Р. А.]» [Сеидова 2004, с. 40]. Повышенный интерес русской стороны к рынкам Ширвана и персидскому шелку в целом хорошо известен [Rybar 2020, p. 610]. Проявлением этой тенденции можно считать последующее сотрудничество Москвы с «Армянской компанией», призванное пополнить бюджет доходами от торгового транзита [Matthee 1994, p. 751]. В тот же период (вторая половина XVII в.) Россия стремилась «окончательно установить свой контроль над северокавказскими торговыми путями», используя систему крепостей на Восточном Кавказе [Дарабади 2009, с. 162]. Считается, что такая политика предусматривала экспансию в богатые шелком провинции Ирана – Ширван и Гилян [Сеидова 2004, с. 80]. Кульминацией этой линии поведения, несомненно, стал Персидский поход Петра I. В то же время первые планы по захвату Гилянского ханства на южном побережье Каспия датируются 1630-ми гг. Имеется в виду т. н. «проект Бругемана», предполагавший присоединение Гиляна, Мазандарана и Астрабада к Русскому царству [Кулаков 2016, с. 61]. Как и в случае с Ширваном, реализация этой программы помогла бы России подчинить себе «почти всю шелковую торговлю по Каспийскому морю, свободно продавая шелк-сырец на внутреннем рынке и монопольно снабжая им Западную Европу» [Сеидова 2004, с. 53]. Предположим, что в Москве на самом деле сделали ставку на обогащение от межконтинентальной торговли еще в конце XVI в., причем

именно под этим углом зрения оценивалась «ширванская тема» на переговорах с шахом. Документально подтвердить эту версию, к сожалению, вряд ли возможно, хотя она не противоречит ни фактам, ни общей исторической логике. Мы опять-таки не можем доказать, что руководство Персии, поднимая вопрос об уступке Ширвана, рассчитывало соблазнить царя именно такими перспективами. Однако если Аббас I и его окружение хотя бы отчасти учитывали привлекательность ширванского шелка для России, это означает, что иранская внешнеполитическая стратегия использовала феномен Волжско-Каспийского маршрута в качестве некоего дипломатического инструмента («козыря» или «рычага»). Подчеркнем, что данное умозаключение представляет собой не более чем логическую гипотезу, позволяющую вписать «ширванский вопрос» в «транзитную» проблематику.

Заключение

Таким образом, с помощью анализа источников и литературы можно составить приблизительное впечатление о возможной связи между «сюжетом о ширванских городах» и проблемой «русского транзита». Установлено, что в рамках русско-иранского диалога на тему антитурецкого блока активно обсуждался вопрос о возможной передаче Ширванского наместничества под власть Рюриковичей. Мотивация участников переговоров, к сожалению, остается не вполне ясной. При этом очевидно, что Москва до определенного момента относилась к персидским обещаниям с максимальной серьезностью. В основе такой реакции мог лежать, в частности, интерес к ширванскому шелку и Волжско-Каспийскому торговому пути. Реальный переход городских центров Ширвана под руку царя мог спровоцировать сдвиг в европейско-азиатской торговле, что одновременно придало бы феномену «русского транзита» совершенно новое наполнение. Дипломатия Сефевидов, скорее всего, использовала «ширванскую приманку» как дипломатический рычаг для воздействия на Россию и (в конечном итоге) Турцию. Авторы этой тактики опять-таки могли учитывать заинтересованность русской стороны в прямом доступе на рынок ширванского шелка-сырца.

По нашему мнению, итоги данного исследования достаточно значимы для изучения общей проблемы места Русского царства в экспансии европейцев в Азию. В частности, это важно для понимания структуры условного «треугольника» «Запад – Россия – Восток». Хотелось бы отдельно подчеркнуть необходимость активного привлечения зарубежной историографии для рассмотрения подобной тематики.

Материалы исследования

Грамота для заключения союза 1892 – *Грамота для заключения союза* // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 2. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Феодоровича. Санкт-Петербург, 1892. С. 136–143. URL: <https://www.prlib.ru/item/436340>.

Записка как были те послы у бояр в ответе 1890 – *Записка как были те послы у бояр в ответе* // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. Санкт-Петербург, 1890. С. 134–141. URL: <https://www.prlib.ru/item/436342>.

Записка, что сказал тот гонец при распросе в посольской полате 1890 – *Записка, что сказал тот гонец при распросе в посольской полате* // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. Санкт-Петербург, 1890. С. 160–164. URL: <https://www.prlib.ru/item/436342>.

Отправление в Персию российского посла князь Василья Тюфякина и дьяка Семена Емельянова для постановления с персидским шахом крепкой дружбы и неподвижного против общих недругов соединения 1890 – *Отправление в Персию российского посла князь Василья Тюфякина и дьяка Семена Емельянова для постановления с персидским шахом крепкой дружбы и неподвижного против общих недругов соединения* // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. Санкт-Петербург, 1890. С. 334–424. URL: <https://www.prlib.ru/item/436342>.

Перевод с грамот шаховых гиланского царя и роспись присланным к государю подаркам 1890 – *Перевод с грамот шаховых гиланского царя и роспись присланным к государю подаркам* // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. Санкт-Петербург, 1890. С. 128–131. URL: <https://www.prlib.ru/item/436342>.

Переводы с семи шаховых грамот 1892 – *Переводы с семи шаховых грамот* // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 2. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Феодоровича. Санкт-Петербург, 1892. С. 252–256. URL: <https://www.prlib.ru/item/436340>.

Приезд от персидского шаха Аббаса I гонца Анди-бека (в третий раз) и купца Али Хосрова 1890 – *Приезд от персидского шаха Аббаса I гонца Анди-бека (в третий раз) и купца Али Хосрова* // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. Санкт-Петербург, 1890. С. 287–326. URL: <https://www.prlib.ru/item/436342>.

Статейный Григорья Васильчикова список 1890 – *Статейный Григорья Васильчикова список* // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. Санкт-Петербург, 1890. С. 13–107. URL: <https://www.prlib.ru/item/436342>.

Статейный список князя Андрея Звенигородского 1890 – *Статейный список князя Андрея Звенигородского* // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. Санкт-Петербург, 1890. С. 246–287. URL: <https://www.prlib.ru/item/436342>.

Церемониал приема Булат-бека 1892 – *Церемониал приема Булат-бека 1892* // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 2. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Феодоровича. Санкт-Петербург, 1892. С. 412–421. URL: <https://www.prlib.ru/item/436340>.

Библиографический список

Bosworth 1987 – *Bosworth C.E. Azerbaijan IV. Islamic History to 1941* // Encyclopaedia Iranica. 1987. Vol. III. Fasc. 2–3. P. 224–231. URL: <http://iranicaonline.org/articles/azerbaijan-iv>.

Floor 1993 – *Floor W. Commerce VI. In the Safavid and Qajar periods* // Encyclopaedia Iranica. 1993. Vol. VI. Fasc. 1. P. 67–75. URL: <http://iranicaonline.org/articles/commerce-vi>.

Matthee 1994 – *Matthee R. Anti-Ottoman politics and transit rights: The seventeenth-century trade in silk between Safavid Iran and Muscovy* // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. 35, no. 4. P. 739–761. URL: https://www.persee.fr/doc/cmr_1252-6576_1994_num_35_4_2405.

Rybar 2020 – *Rybar L. Shirvān and its role in the Russo-Safavid trade and diplomacy in the 16th century* // Vestnik of Saint Petersburg university. History. 2020. Vol. 65, issue 2. P. 605–617. URL: <http://vestnik.spbu.ru/html20/s02/s02v2/16.pdf>. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.216>.

Андреев 2021 – *Андреев А.А. Шах Аббас и русская Смута: дискуссия в историографии о развитии российско-иранских отношений* // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 156–173. DOI: <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-4-156-173>. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48125618>. EDN: <https://elibrary.ru/jfhvjt>.

Асташкин 2023 – *Асташкин Р.С. Волжско-Каспийский транзит как фактор внешней политики Персии в XVI–XVII вв. (к вопросу о периодизации)* // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции. Москва: Алеф, 2023. С. 230–238. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54653770>. EDN: <https://elibrary.ru/ahnhoi>.

Асташкин 2021 – *Асташкин Р.С. Место Московского царства в экспансии европейцев на Восток в XVI–XVII вв. (к постановке проблемы)* // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4. С. 19–28. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-19-28>. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47502656>. EDN: <https://elibrary.ru/yxgvvf>.

Бушев 1976 – *Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг.* Москва: Наука, 1976. 478 с. URL: <https://djvu.online/file/nb3OB9K33e3QR?ysclid=lyigtulzgx495267977>.

Дарабади 2009 – *Дарабади П. Прикаспийский и Волжско-Каспийский водные пути в геоистории эпохи Средневековья (V–XVII вв.)* // Кавказ и глобализация. 2009. Т. 3, вып. 1. С. 145–163. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19010885>. EDN: <https://elibrary.ru/qaakev>.

Кулаков 2016 – *Кулаков В.А. Северные провинции Ирана в истории русского фронта в Прикаспии* // Журнал фронтальных исследований. 2016. № 1. С. 57–66. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26413167>. EDN: <https://elibrary.ru/wfzzij>.

Магарамов 2013 – *Магарамов Ш.А.* Западно-прикаспийские области в русско-персидских дипломатических отношениях на рубеже XVI–XVII вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 3 (35). С. 5–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21023043>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rsbftt>.

Магилина 2008 – *Магилина И.В.* Проект антитурецкого договора между Московским государством и Персией в 1600 году (реконструкция по материалам посольства кн. А.Ф. Жирово-Засекина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1 (13). С. 145–155. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11563313>. EDN: <https://elibrary.ru/jtbayb>.

Магомедов, Магарамов 2015 – *Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А.* Роль Дербента в развитии русско-персидской торговли XVII в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3 (43). С. 5–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25285998>. EDN: <https://elibrary.ru/vhirfv>.

Сеидова 2004 – *Сеидова Г.М.* Азербайджан во взаимоотношениях Сефевидской империи и Русского государства в XVII веке (по русским источникам). Баку: Nurlan, 2004. 172 с. URL: https://www.anl.az/el_ru/s/sq_avsirq.pdf.

References

Bosworth 1987 – *Bosworth C.E.* (1987) Azerbaijan IV. Islamic History to 1941. In: *Encyclopaedia Iranica*, vol. III, fasc. 2–3, pp. 224–231. Available at: <http://iranicaonline.org/articles/azerbaijan-iv>.

Floor 1993 – *Floor W.* (1993) Commerce VI. In the Safavid and Qajar periods. In: *Encyclopaedia Iranica*, vol. VI, fasc. 1, pp. 67–75. Available at: <http://iranicaonline.org/articles/commerce-vi>.

Matthee 1994 – *Matthee R.* (1994) Anti-Ottoman politics and transit rights: The seventeenth-century trade in silk between Safavid Iran and Muscovy. *Cahiers du Monde russe*, vol. 35, no. 4, pp. 739–761. Available at: https://www.persee.fr/doc/cmr_1252-6576_1994_num_35_4_2405.

Rybar 2020 – *Rybar L.* (2020) Shirvān and its role in the Russo-Safavid trade and diplomacy in the 16th century. *Vestnik of Saint Petersburg university, History*, vol. 65, issue 2, pp. 605–617. Available at: <http://vestnik.spbu.ru/html20/s02/s02v2/16.pdf>. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.216>.

Andreev 2021 – *Andreev A.A.* (2021) Shah Abbas and Russian Time of Troubles: discussion in historiography on the development of Russian-Iranian relations. *The New Past*, no. 4, pp. 156–173. DOI: <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-4-156-173>. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48125618>. EDN: <https://elibrary.ru/jfhivt>. (In Russ.)

Astashkin 2023 – *Astashkin R.S.* (2023) The Volga-Caspian transit as a factor of foreign policy of Persia in the XVI–XVII centuries (on the question of periodization). In: *Development of science and practice in a globally changing world under risk conditions: collection of materials of the XXI International research and practical conference*. Moscow: Alef, pp. 230–238. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54653770>. EDN: <https://elibrary.ru/ahnhoi>. (In Russ.)

Astashkin 2021 – *Astashkin R.S.* (2021) Place of the Muscovy state in the expansion of the Europeans to the East in the XVI–XVII centuries (for the statement of the problem). *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 4, pp. 19–28. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-19-28>. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47502656>. EDN: <https://elibrary.ru/yxgvvf>. (In Russ.)

Bushev 1976 – *Bushev P.P.* (1976) History of the embassies and diplomatic relations of Russian and Iranian states in 1586–1612. Moscow: Nauka, 478 p. Available at: <https://djvu.online/file/nb3OB9K33e3QR?ysclid=lyigtulzgx495267977>. (In Russ.)

Darabadi 2009 – *Darabadi P.* (2009) Geohistory of the Middle Ages: the Caspian and Volga-Caspian water routes of the 5th–17th centuries. *The Caucasus & Globalization*, vol. 3, issue 1, pp. 133–149. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19006957>. EDN: <https://elibrary.ru/pzyeab>. (In English; original in Russian).

Kulakov 2016 – *Kulakov V.A.* (2016) North provinces of Iran in the history of Russian frontier in the Caspian region. *Journal of Frontier Studies*, 2016, no. 1, pp. 57–66. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26413167>. EDN: <https://elibrary.ru/wfzzij>. (In Russ.)

Magaramov 2013 – *Magaramov Sh.A.* (2013) Western Caspian regions in Russian-Persian diplomatic relations at the turn of the 16th–17th centuries. *Herald of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, no. 3 (35), pp. 5–12. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21023043>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rsbftt>. (In Russ.)

Magilina 2008 – *Magilina I.V.* (2008) The project of anti-Turkish treaty between the Muscovite state and Persia in 1600 (reconstruction based on materials from the embassy of Prince A.F. Zhirovo-Zasekin). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, no. 1 (13), pp. 145–155. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11563313>. EDN: <https://elibrary.ru/jtbayb>. (In Russ.)

Magomedov, Magaramov 2015 – *Magomedov N.A., Magaramov Sh.A.* (2015) The role of Derbent in the development of Russian-Persian trade in the XVII century. *Herald of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, no. 3 (43), pp. 5–19. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25285998>. EDN: <https://elibrary.ru/vhirfv>. (In Russ.)

Seidova 2004 – *Seidova G.M.* (2004) Azerbaijan in the trade and political relations between the Safavid Empire and the Russian state in the XVII century (according to Russian sources). Баку: Nurlan, 172 p. Available at: https://www.anl.az/el_ru/s/sq_avsirq.pdf. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

Дата поступления: 11.06.2024
рецензирования: 27.07.2024
принятия: 02.09.2024

Освидетельствование душевнобольных в Самарской губернии в 1860-х гг.

Е.Г. Зарубина

Медицинский университет «Реавиз», г. Самара, Российская Федерация
E-mail: e-zarubina@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7161-1226>

С.С. Крюкова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kryukova-ss@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0007-7497-4683>

Аннотация: В статье рассмотрена динамика восприятия душевнобольных российским обществом и государственной властью с помощью сравнительно-исторического метода и анализа источников. Хронологические рамки работы охватывают период от первых попыток оказания помощи умалишенным с помощью духовного врачевания в монастырях до масштабных реформ 1860-х гг. и переворота в организации общественной медицины. Наибольший интерес у автора вызывают изменения, обусловленные становлением психиатрии как отдельной отрасли медицинской науки, включая появление психиатров-экспертов и внедрение процедуры психиатрического испытания к середине XIX в. Для детального изучения подобных новшеств в психиатрической практике выбрана процедура освидетельствования душевнобольных, осуществляемая в Самарской губернии в 1860-е гг. Источниковой базой для проведения исследования служат архивные материалы из фондов Центрального государственного архива Самарской области, а также введенные в научный оборот и опубликованные письменные источники. К их числу относятся первые русские учебники и пособия по психиатрии. В современной историографии постоянно растет интерес к изучению феномена «безумия». Однако по истории зарождения психиатрии в Самарской губернии в середине XIX в. масштабного системного исследования практически не проводилось. Полученные в ходе исследования выводы дают представление об изменении восприятия умалишенных обществом и властью. Происходит передача главной роли в испытаниях душевнобольных и, соответственно, права делать заключение об их состоянии от представителей административной власти врачам-психиатрам. Формируется и закрепляется отношение к безумию не как к социальной опасности, а как к болезни, требующей специализированной медицинской помощи. Таким образом, происходит трансформация безумия из социального явления в медицинское.

Ключевые слова: Российская империя; Самарская губерния; безумие; психиатрия; пациент; медиализация безумия; освидетельствование умалишенных; психиатрическое испытание.

Цитирование. Зарубина Е.Г., Крюкова С.С. Освидетельствование душевнобольных в Самарской губернии в 1860-х гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 39–44. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-39-44>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Зарубина Е.Г., Крюкова С.С., 2024

Елена Григорьевна Зарубина – доктор медицинских наук, профессор, советник ректора по вопросам научной деятельности, директор центра практических навыков, заведующий кафедрой медико-биологических дисциплин, медицинский университет «Реавиз», 443001, Российская Федерация, г. Самара, ул. Чапаевская, 227.

Светлана Сергеевна Крюкова – магистрант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.06.2024
Revised: 27.07.2024
Accepted: 02.09.2024

Examination of the mentally ill in the Samara province in the 1860-ies

E.G. Zarubina

Medical University «Reaviz», Samara, Russian Federation
E-mail: kryukova-ss@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7161-1226>

S.S. Kryukova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: kryukova-ss@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0007-7497-4683>

Abstract: The article examines the dynamics of perception of the mentally ill by the Russian society and the state authorities with the help of comparative-historical method and analysis of sources. The chronological framework of the work covers the period from the first attempts to help the insane with the help of spiritual healing in monasteries to the large-scale reforms of the 1860-ies and the revolution in the organization of public medicine. The author is most interested

in the changes caused by the formation of psychiatry as a separate branch of medical science, including the emergence of expert psychiatrists and the introduction of psychiatric trials procedures by the middle of the XIX century. For a detailed study of such innovations in psychiatric practice, the procedure of examination of the mentally ill, carried out in the Samara province in the 1860-ies, was chosen. The source base for the research is archival materials from the funds of the Central State Archive of the Samara Region, as well as scientific and published written sources. These include the first Russian textbooks and manuals on psychiatry. There is a growing interest in the study of the phenomenon of «madness» in modern historiography. However, there was practically no large-scale systematic research on the history of the origin of psychiatry in the Samara province in the middle of the XIX century. The findings obtained in the course of the study give an idea of the changing perception of the insane by society and the authorities. There is a transfer of the main role in the trials of the mentally ill and, accordingly, the right to make a conclusion about their condition from representatives of the administrative authorities to psychiatrists. An attitude towards insanity is being formed and consolidated not as a social danger, but as a disease requiring specialized medical care. Thus, madness is transformed from a social phenomenon into a medical one.

Key words: Russian Empire; Samara province; madness; psychiatry; patient; medicalization of insanity; examination of the mentally ill; psychiatric trial.

Citation. Zarubina E.G., Kryukova S.S. Examination of the mentally ill in Samara province in the 1860-ies. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 39–44. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-39-44>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declared no conflict of interest.

© Zarubina E.G., Kryukova S.S., 2024

Elena G. Zarubina – Doctor of Medical Sciences, professor, advisor to the rector on scientific activities, director of the center for practical skills, head of the Department of Biomedical Disciplines, Medical University «Reaviz», 227, Chapaevskaya Street, Samara, 443001, Russian Federation.

Svetlana S. Kryukova – Master's degree student of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

История становления психиатрии в Российской империи, причем как фундаментальной, так и прикладной, интересовала многих отечественных историков. При этом в их работах говорилось о самобытности этих психиатрических исследований, их отличности от аналогичных изысканий, проводимых в западных странах [Эдельштейн 2012, с. 10]. В качестве примера можно привести влияние материалистических тенденций общественной мысли, а также учение русских физиологов И.М. Сеченова и И.П. Павлова о рефlekсах [Сорокина 2014, с. 428–429], что привело к значительному усилению естественно-научного подхода.

Крайне важный переворот в развитии психиатрии произошел примерно в середине XIX в. Появление в 1834 г. первого русского учебника по психическим болезням под редакцией П.А. Бутковского (Бутковский 1834) положило начало русскому профессиональному психиатрическому образованию. А уже к концу 1840-х гг. стали появляться специальные руководства (Малиновский 1847) и введения в науку о душевных болезнях (Пушкарев 1848).

Становление института психиатрии в Российской империи относится к периоду масштабных реформ 1860-х гг. и, соответственно, к времени глобальных перемен в сознании общества и власти. Земская реформа и появление земской медицины приводят к тому, что «начинается перестройка психиатрической помощи, созидавшейся наново на иных, принципиально отличных, прогрессивных началах, отражавших новые веяния» [Эдельштейн 2012, с. 8–9].

В эти же годы начинают появляться и первые изыскания по историографии отечественной психиатрии, к числу которых можно отнести статью А.В. Шульца «Призрение помешанных в России» в журнале «Архив судебной медицины и обще-

ственной гигиены» [Шульц 1865]. В этой работе были приведены результаты анализа положения душевнобольных в обществе, а также рассматривались принципы и тенденции лечения подобных заболеваний.

Советская историография содержит крайне малое число масштабных работ по истории психиатрии XIX в. Наиболее освещенной является проблема прав душевнобольных, наименее – изучение феномена «безумия» как такового. В числе самых значимых исследований можно назвать «Историю психиатрии» Ю.В. Каннабиха [Каннабих 1929], а также «Очерки истории отечественной психиатрии» Т.И. Юдина [Юдин 1851].

В современной историографии растет интерес к вопросам законодательства в отношении умалишенных, примером чего является монография В.Э. Шунк [Шунк 2009]. В то же время современные авторы стали уделять гораздо большее внимание изучению феномена «безумия». Одними из первых работ в данной области можно считать публикации А.М. Шерешевского и И.И. Щиголева [Шерешевский, Щиголов 1995; Щиголов 2002] по истории частных психиатрических лечебниц. Если же говорить об исследованиях Самарской области, то необходимо отметить книгу В.В. Ерофеева по истории Самарской психиатрической больницы [Ерофеев, Чубачкин, Шейфер 2013].

Смена вектора во многом была обусловлена влиянием трудов французского философа и историка М. Фуко. Например, в его работе «Психическая болезнь и личность» безумие оценивается не столько как социальное явление с высокой опасностью для общества и вследствие этого отчужденностью от этого общества, сколько как «психическая болезнь, несущая за собой длинный шлейф теорий, стремящихся отразить ее природу и сущность» [Фуко 2010]. А в своем наиболее известном труде «История безумия в классическую эпо-

ху» М. Фуко дал описание явления, названного им «медикализацией безумия» [Фуко 1997]. Так, он отметил, что еще в XVIII веке в Европе в заведения для содержания душевнобольных принимали также инвалидов, вдов и подкидышей, а руководство подобных заведений обладало безграничной властью, приобретая черты средневековых феодалов, но при этом не имело никакого медицинского образования. М. Фуко писал, что ситуация изменилась только к концу XIX в., когда дома умалишенных трансформировались в психиатрические лечебницы, возглавлять которые стали профессиональные врачи. Соответственно, поменялось и отношение к душевнобольным – они были признаны «больными», «пациентами», нуждающимися в квалифицированной медицинской помощи.

Целью данной статьи является рассмотрение изменений в восприятии умалишенных со стороны общества и государства в середине XIX в., в том числе связанных с появлением психиатров-экспертов и смещением акцента в сторону психиатрического испытания на примере процедур освидетельствования, проводимых в Самарской губернии в 1860-х гг.

Основная часть

В фондах Центрального государственного архива Самарской области хранится значительное количество документов, связанных с процедурами освидетельствования представителей различных сословий. В них детально описываются испытания как крестьян Самарского (ЦГАСО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 147), Бузулукского (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 730) и других уездов, так и дворян (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 894), а также представителей иных сословий. В качестве типичного примера подобных испытаний в данной статье был выбран случай причетника села Куриновка Новотроицкой слободы Алексея Майеранова (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338).

В июне 1868 г. причетник Алексей Майеранов был направлен в новоузенскую земскую больницу на испытание и лечение в качестве душевнобольного. Основанием послужил рапорт священника с. Новотроицкого Андрея Тихомирова от 31 мая 1868 г. (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 1).

Во время нахождения Майеранова в земской больнице лечащим врачом были обнаружены следующие «болезненные припадки: на вопросы не всегда отвечал удовлетворительно, повременами являл бешеный бред, причем бьет и ломает, что попадает ему под руки, страдает бессонницей» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 3–3 об.). По результатам испытания земский врач заключил, что субъект «находится не в нормальном состоянии ума (mania) и подлежит помещению в специальное заведение для умалишенных и что пребывание его на свободе опасно как для него, так и для окружающих» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 3 об.).

Для оценки душевного состояния Майеранова, социальной опасности, исходящей от него, с целью контроля над ситуацией со стороны го-

сударства и исключения различного рода злоупотреблений в июне 1868 г. в слободе Новоузенской было проведено дознание о роде и степени болезни субъекта. По предписанию новоузенского полицейского управления пристав опросил местных крестьян, которые сообщили, что причетник «вел жизнь хорошую... хотя иногда и пил, но не очень много» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 5). Однако расследование показало, что «около полутора месяцев тому назад причетник Майеранов без всякой видимой причины потерял нормальный рассудок... отвечал невпопад, с посторонними был очень смирен, а когда приходил в свой дом, то являлась у него мысль разбить какую-нибудь вещь» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 5 об.). Также было отмечено, что на вопросы посторонних, приглашенных женой субъекта, он «отвечал разными бессвязными фразами» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 6). Таким образом, можно отметить высокую важность показаний независимых свидетелей, не имеющих с субъектом родственных или (скорее всего) имущественных связей.

Кроме того, в связи с тем, что субъект являлся посвященным в духовный сан, со стороны полицейского управления было направлено письмо протоиерею с. Новоузенского Унгвицкому с просьбой сообщить, «по какому случаю и за что отправлен в больницу причетник села Куриновка Майеранов; если вследствие умопомешательства, то сообщить о случаях, сопровождающих оное» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 7). В ответном письме было указано, что умопомешательство «выражалось и в словах, и действиях бессознательных, а по временам – и буйных, так что опасно уже становилось оставлять его без надзора и тем паче – допускать его до церкви и до должности» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 8).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что основными признаками помешательства считались бессвязная речь и буйные действия, а наиболее вероятной причиной помещения в больницу – социальная угроза, источником которой являлся душевнобольной.

Однако следует отметить, что большое внимание уделялось не только защите населения от агрессивных действий со стороны умалишенных, но и соблюдению их прав. Субъект мог быть направлен в лечебницу только по результатам освидетельствования умственных способностей специальной комиссией, которое проводилось в строго установленном порядке.

Так, в справке новоузенского уездного полицейского управления было указано, что «т. к. причетник Майеранов не совершил никакого преступления, то должен быть освидетельствован в умственных способностях по требованию родственников» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 12–12 об.), подтверждением чего стала расписка от жены (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 14–14 об.). Затем, в августе 1868 г., новоузенское уездное полицейское управление предоставило рапорт в Самарское губернское правление о

направлении причетника слободы Новотроицкой Майеранова для освидетельствования и затем помещения в дом умалишенных (с приложением материалов дознания и свидетельства городского врача). Следует отметить, что только рапорта полицейского ведомства было недостаточно для направления человека на психиатрическое испытание – требовалось получить предварительное согласие со стороны губернского врачебного инспектора, т. е. представителя медицинской сферы (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 16).

Согласно процедуре, освидетельствование проходило в Особом присутствии губернского правления. В состав комиссии входили губернатор (или вице-губернатор), председатель Гражданской палаты, губернский прокурор, депутат со стороны Самарской духовной консистории и члены Врачебного отделения (в т. ч. губернский врачебный инспектор Ю.Б. Укке). Процесс освидетельствования заключался в анализе внешнего вида субъекта, наблюдении за его поведением, устным и письменном опросе по бытовым темам (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 17–17 об).

В заключении комиссии были отражены важные с точки зрения того времени факты: «От роду ему <Майеранову>, по-видимому, около 35 лет, телосложения крепкого, росту высокого; выражение лица несколько мрачное, замечено частое поднимание и сморщивание бровей; на вопросы отвечает нерешительно и неуверенно; в письменных ответах его, составляемых также медленно и нерешительно, неправильностей не замечается, за исключением последнего – о времени женитьбы на первой и второй жене. Для более точного определения умственных способностей... Особое Присутствие постановило: отослать его для испытания в Самарскую губернскую земскую больницу под наблюдение старшего врача» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 19). В данном заключении снова прослеживается желание установить, можно ли считать данного человека умалишенным, и если да, то какова степень его помешательства и какое лечение ему требуется.

По истечении установленного испытательного срока в 6 недель старшему врачу Самарской губернской земской больницы было направлено предписание «донести Губернскому правлению, в каком состоянии находятся умственные способности причетника Майеранова» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 21). Таким образом, можно видеть, насколько жестким был контроль за соблюдением процедуры работы с душевнобольными и ненарушением их прав. В соответствии с полученным предписанием старший врач направил рапорт о состоянии Майеранова: «Присланный... причетник... в начале поступления в больницу обнаруживал несколько дней признаки общего умопомешательства; в настоящее же время находится совершенно здоровым» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 22). К рапорту было приложено прошение самого Майеранова «об увольнении... в свой дом» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 23).

В результате повторного освидетельствования (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 24–24 об) комиссия (в том же составе) отметила, что испытуемый «говорит довольно свободно; ...письменные ответы его на предложенные вопросы также правильны, но ответы, в которых нужно припоминать время, пишутся им медленно и иногда после долгого соображения» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 26–26 об.). Следовательно, можно было говорить о явном улучшении состояния субъекта после его нахождения в больнице. На основании опроса и наблюдения комиссия пришла к выводу, что следует «считать причетника Алексея Майеранова умственно здоровым, но имеющим незначительное ослабление памяти» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338. Л. 27).

Случай причетника Майеранова является ярким, но типичным примером изменений, в XIX в. произошедших в отношении к умалишенным и в их восприятии со стороны общества и государства.

Первоначальное понятие «сумасшествие», принятое в российском обществе, значительно отличалось от того, что понимала под этим психиатрия XIX в. В частности, это было связано с особенностями менталитета и религиозного восприятия действительности. Например, так называемые бесноватые, юродивые, блаженные считались «божьими людьми». Предполагалось, что помощь нужна в первую очередь тем, у кого выявлялись существенные отличия в речевой и поведенческой модели взаимодействия с обществом. Более того, в период монастырского ухода за умалишенными безумие вообще не идентифицировалось государством как отдельная проблема и не имело какого-либо политического или административного измерения. Духовное врачевание, находящее в ведении монастырей, относилось скорее к религиозной, а не медицинской помощи.

Реформы Петра I внесли изменения в общую картину восприятия «безумия». «Дураки» законодательных актов того периода рассматриваются в качестве не больных, а бесполезных для государства людей.

Переосмысление вопроса помешательства привело к открытию первых «доллгаузов» (от нем. toll – «безумный, сумасшедший», haus – «дом») в 1775 г. и дальнейшему реформированию заведений для содержания умалишенных. Признание государством наличия данной проблемы привело к тому, что начали создаваться приказы общественного призрения и формироваться основы профессионального психиатрического образования. Однако при этом следует отметить, что база для будущего взаимодействия с душевнобольными была заложена в практиках обращения с преступниками.

А вот период существования земской медицины характеризуется уже окончательным выделением психиатрии в специальный раздел медицинской науки.

Вместе с тем всегда принимались меры по соблюдению прав умалишенных, основной из кото-

рых явилась психиатрическая экспертиза, обеспечивавшая легитимность существования института психиатрии.

Исторические истоки психиатрической экспертизы – это судебно-административные практики и испытания XVII–XVIII вв., в первую очередь освидетельствование, введенное в законодательство Петром I в 1722 г. Это основная процедура, по результатам которой субъекту присваивался или не присваивался статус безумного. Идентификация сумасшествия осуществлялась путем непосредственного созерцания субъекта и формализованной техники «вопрос – ответ». Интерпретация поведения и ответов субъекта осуществлялась специально назначенной комиссией, в состав которой входили представители различных структур власти и общества.

Изначально партнерская по отношению к освидетельствованию практика испытания смещалась с субъектных отношений к отношениям с государством. Испытание XVII–XVIII вв. являлось следственной процедурой, состоящей из двух элементов – расспроса и пытки. Признание факта безумия следовало тогда, когда душевное состояние преступника не позволяло вести следствие. При сомнении в сумасшествии преступника истинность сумасшествия должна была быть испытана.

К отдельной категории «сумасшествия» относились люди с дефектами в речевой и поведенческой системе взаимодействия. Идентификация производилась в рамках расследования государевых дел с помощью выявления «непотребных слов» и действий, для чего применялась речевая практика (опрос по бытовым темам). В результате законодательной реформы 1815 г. именно данная категория была названа основной.

К середине XIX в. освидетельствование стало устойчивейшей и строго регламентированной практикой уголовного и гражданского законодательства. Появление психиатров-экспертов свело практику административного освидетельствования к формальности, сместив акцент к процедуре психиатрического испытания.

В Самарской губернии практика идентификации и помощи умалишенным началась в 1852 г. с рапорта Самарской врачебной управы в Самарское губернское правление, в котором говорилось: «При свидетельстве в присутствии губернского правления лиц, подвергшихся расстройству умственных способностей, члены Врачебной управы встречают нередко затруднение, при заключении своем об умственных способностях свидетельствуемого лица... особенно в случаях притворного сумасшествия... Врачебная управа имеет честь донести о сем Губернскому правлению и покорнейше просить сделать распоряжение о присылке знающего доктора для освидетельствования в умственных способностях... При случаях, когда учинены сумасшедшими смертельные убийства или покушения, то надобно подробно исследовать образ сумасшедшего, его поведение, состояние» (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 573).

Создание Самарской губернии и, соответственно, новых органов местного управления, а также повышение статуса Самары до губернского города привели к необходимости решения ряда социальных проблем. К их числу относилось и наличие в губернской тюрьме заключенных, определение умственных способностей которых было затруднено, а также регулярные нарушения общественного порядка со стороны так называемых «бесноватых». Для решения этой проблемы Самарское губернское правление составило в Министерство внутренних дел прошение о направлении в Самарскую губернию врача, имеющего опыт работы с душевнобольными.

Выбор чиновников пал на доктора Юлия Богдановича Укке, окончившего Дерптский университет и ранее успевшего проявить себя как эксперт в области душевных недугов в нескольких других городах. Он и стал первым самарским психиатром, связав свою судьбу с Самарской губернией примерно на 30 лет. Именно Ю.Б. Укке впервые в истории самарской медицины начал осуществлять обследования умалишенных (т. е. фактически проводить психиатрическую экспертизу), результаты которых оформлялись в виде специальных заключений – «справок об освидетельствовании в умственных способностях». Факты проведения обследований фиксировались в Журнале Самарского губернского присутствия для освидетельствования безумных и сумасшедших. Причем следует отметить, что состав комиссии и алгоритм опроса были одинаковыми и для священника (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 338), и для крестьянина (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 730), и для представителя дворянского сословия (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 894) (что подтверждается архивными материалами).

Заключение

Примерно с середины XIX в. процедура освидетельствования становится унифицированной и распространяется на все слои общества. На замену практики испытания преступников приходит формула «совершенно для здоровья безвредных испытаний», когда субъект на строго определенный срок помещается под надзор врачей для наблюдения и лечения, что свидетельствует о постепенном изменении ментальности людей и гуманизации общества в целом. Наиболее же важным является тот факт, что главную роль в испытании и лечении душевнобольных начинают играть врачи-психиатры, в связи с этим формируется переход права делать заключение о состоянии испытуемых от административных чиновников к врачам. Появляется, а затем и закрепляется трактовка сумасшествия не как социального явления или угрозы, а как болезни, медицинской проблемы, требующей медицинского разрешения. Другими словами, происходит то, что М. Фуко назвал феноменом «медицилизации безумия» – с течением времени безумие переживает трансформацию, превращаясь из социального явления в медицинское.

Материалы исследования

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области.*

Бутковский 1834 – *Бутковский П.А.* Душевные болезни, изложенные сообразно началам нынешнего учения психиатрии в общем и частном, теоретическом и практическом её содержании доктором медицины Петром Бутковским. Ч. 1–2. Санкт-Петербург, 1834. 159 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003822582>.

Малиновский 1847 – *Малиновский П.П.* Помешательство, описанное так, как оно является врачу в практике. Санкт-Петербург: Тип. К. Крайя, 1847. 324 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003561460>.

Пушкарёв 1848 – *Пушкарёв А.Н.* О душевных болезнях в судебно-медицинском отношении / соч. медико-хирурга А. Пушкарёва. Санкт-Петербург: Тип. воен.-учеб. заведений, 1848. 265 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003542301>.

Шульц 1865 – *Шульц А.В.* Призрение помешанных в России // Архив судебной медицины и общественной гигиены. Санкт-Петербург, 1865. Кн. 1 Разд. III. С. 21–22. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1204035.

Библиографический список

Ерофеев, Чубачкин, Шейфер 2013 – *Ерофеев В.В., Чубачкин Е.А., Шейфер М.С.* Томашев колокол: очерки и документы по истории Самарской психиатрической больницы. Самара, 2013. 692 с.

Каннабих 1929 – *Каннабих Ю.В.* История психиатрии. Москва: Гос. мед. изд-во, 1929. 520 с. URL: https://drive.google.com/file/d/1vVJvk_nNMgMlGrKWFuizWqgZbDHMIuLV/view.

Сорокина 2014 – *Сорокина Т.С.* История медицины. Москва, 2014. С. 428–429.

Фуко 1997 – *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху / М. Фуко; пер. с фр.: И.К. Стаф; [вступ. ст. З. Сокулера, С. 5–20]. Санкт-Петербург: Унив. кн., 1997. 573 с. URL: <https://djvu.online/file/m2krr15tegieM?ysclid=lyikyeeek71712831650>.

Фуко 2010 – *Фуко М.* Психическая болезнь и личность / Мишель Фуко; пер. с фр., предисл. и коммент. О.А. Власовой. Изд. 2-е, стер. Санкт-Петербург: Гуманитарная Акад., 2010. 318 с. URL: <https://djvu.online/file/sWHzRlNoBa0uk?ysclid=lyil449bas760361155>.

Шерешевский, Шчиголов 1995 – *Шерешевский А.М., Шчиголов И.И.* Частные психиатрические больницы России в XIX – начале XX столетия. Санкт-Петербург, 1995. 79 с.

Шунк 2009 – *Шунк В.Э.* Российское законодательство XVIII–XIX веков о душевнобольных: монография. Ижевск: Нижегородская акад. МВД Российской Федерации, 2009. 144 с. URL: <https://eanbur.unatlib.ru/items/c1f0a835-1edf-4d06-af43-c15812e33fc5>.

Шчиголов 2002 – *Шчиголов И.И.* Частная психиатрическая помощь в России из XIX в XXI век. Клинцы: Изд-во Клинцов. гор. тип., 2002. 266 с.

Эдельштейн 2012 – *Эдельштейн А.О.* Сергей Сергеевич Корсаков. Москва: Вузовская книга, 2012. 124 с.

Юдин 1951 – *Юдин Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии. Москва: Медгиз, 1951. 480 с. URL: <https://klex.ru/k7k?ysclid=lyimjl0mxw323920069>.

References

Erofeev, Chubachkin, Sheifer 2013 – *Erofeev V.V., Chubachkin E.A., Sheifer M.S.* (2013) Tomashev kolok: essays and documents on the history of the Samara psychiatric hospital. Samara, 692 p. (In Russ.)

Kannabikh 1929 – *Kannabikh Yu.V.* (1929) History of psychiatry. Moscow: Gos. med. izd-vo, 520 p. Available at: https://drive.google.com/file/d/1vVJvk_nNMgMlGrKWFuizWqgZbDHMIuLV/view. (In Russ.)

Sorokina 2014 – *Sorokina T.S.* (2014) History of medicine. Moscow, pp. 428–429. (In Russ.)

Fuko 1997 – *Fuko M.* (1997) History of madness in the classical age; translation from French: I.K. Staf; [introductory article by Z. Sokuler, pp. 5–20]. Saint Petersburg: Univ. kn., 573 p. Available at: <https://djvu.online/file/m2krr15tegieM?ysclid=lyikyeeek71712831650>. (In Russ.)

Fuko 2010 – *Fuko M.* (2010) Mental illness and personality; translation from French, foreword and commentaries by O.A. Vlasova. 2nd edition, stereotyped. Saint-Petersburg: Gumanitarnaya Akad., 318 p. Available at: <https://djvu.online/file/sWH3RlNoBa0uk?ysclid=lyil449bas760361155>. (In Russ.)

Shereshevskii, Shchigolev 1995 – *Shereshevskii A.M., Shchigolev I.I.* (1995) Private psychiatric hospitals in Russia (the 19th century – the start of the 20th century). Saint Petersburg, 79 p. (In Russ.)

Shunk 2009 – *Shunk V.E.* (2009) Russian legislation of the XVIII–XIX centuries on the mentally ill: monograph. Izhevsk: Nizhegorodskaya akad. MVD Rossiiskoi Federatsii, 144 p. Available at: <https://eanbur.unatlib.ru/items/c1f0a835-1edf-4d06-af43-c15812e33fc5>. (In Russ.)

Shchigolev 2002 – *Shchigolev I.I.* (2002) Private psychiatric care in Russia from the 19th to the 21st century. Klinty: Izd-vo Klintsov. gor. tip., 266 p. (In Russ.)

Edelshtein 2012 – *Edelshtein A.O.* (2012) Sergei Sergeevich Korsakov. Moscow: Vuzovskaya kniga, 124 p. (In Russ.)

Yudin 1951 – *Yudin T.I.* (1951) Essays on the history of Russian psychiatry. Moscow: Medgiz, 480 p. Available at: <https://klex.ru/k7k?ysclid=lyimjl0mxw323920069>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47).08

Дата поступления: 14.04.2024

рецензирования: 17.05.2024

принятия: 02.09.2024

Борьба легалистов за уравнивание прав евреев с остальными подданными Российской империи в конце XIX – начале XX века**Д.В. Рыбин**

Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: danilarybin@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Аннотация: В Российской империи длительное время существовала проблема «еврейского вопроса». Господствовала теория о «плохости» иудейского народа, его коварстве, злонамеренности и прочих негативных качествах. С 1880 года антисемитизм постепенно усиливался. Сначала он подпитывался бюрократией, затем к ней присоединилась местная буржуазия, а потом ее клеветы, маргинальные слои городов. Соответственно, после либеральной политики Александра II началось наступление на права евреев. Принималось обновленное антисемитское законодательство, актуализировалось старое. Сотни мелких ограничений связывали евреев и мешали их развитию. Евреи начинали обостренно чувствовать свою национальную идентичность, эмигрировали, вступали в социалистические партии, коррумпировали чиновников и пр. Либеральная общественность была недовольна такой государственной политикой. В публичной печати, в совещаниях государственных органов, в переписке консервативные либералы энергично доказывали абсурдность антисемитизма, несправедливость претензий к евреям, требовали освобождения иудеев. Предметом исследования является деятельность либеральных юристов (легалистов) Российской империи по эмансипации евреев. В качестве основного метода выбран проблемно-хронологический подход. Выделяя «еврейскую проблему», автор прослеживает хронологию колебаний государственной политики по еврейскому вопросу и выделяет формы борьбы легалистов за права евреев. Такая реконструкция в отношении легалистского движения проводится впервые и вносит вклад в историческое знание. Предварительно можно сформулировать ряд выводов. Через прессу либералы сформировали негативный образ антисемитской политики. Заседая в совещаниях и комиссиях, они препятствовали расширению негативного законодательства. В Сенате легалисты защищали права евреев.

Ключевые слова: Кони А.Ф.; Чичерин Б.Н.; Милютин Д.Н.; легалисты; консервативные либералы; евреи; иудаизм; антисемитизм; Сенат.

Цитирование. Рыбин Д.В. Борьба легалистов за уравнивание прав евреев с подданными Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 45–53. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-45-53>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рыбин Д.В., 2024

Данил Вячеславович Рыбин – кандидат исторических наук, доцент, директор, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 10-я линия Васильевского острова, 19, лит. А.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.04.2024

Revised: 17.05.2024

Accepted: 02.09.2024

Struggle of legalists to equalize the rights of Jews with other subjects of the Russian Empire at the end of the XIX – beginning of the XX century**D.V. Rybin**

Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: danilarybin@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Abstract: In the Russian Empire, the problem of the «Jewish question» existed for a long time. The prevailing theory was about the «badness» of the Jewish people, their deceit, maliciousness and other negative qualities. Since 1880, anti-Semitism has gradually increased. At first it was fueled by the bureaucracy, then it was joined by the local bourgeoisie, and then by its minions, the marginal strata of the cities. Accordingly, after the liberal policies of Alexander II, an attack on the rights of Jews began. Updated anti-Semitic legislation was adopted, and old ones were updated. Hundreds of petty restrictions bound the Jews and hindered their development. Jews began to have a keen sense of their national identity, emigrated, joined socialist parties, corrupted officials, etc. The liberal public was dissatisfied with this government policy. In the public press, in meetings of government bodies, and in correspondence, conservative liberals energetically argued the absurdity of anti-Semitism, the injustice of claims against Jews, and demanded the liberation of the Jews. Accordingly,

the subject of our research is the activities of liberal jurists (legalists) of the Russian Empire for the emancipation of Jews. We chose a problem-chronological approach as the main method. By highlighting the «Jewish problem», we trace the chronology of fluctuations in state policy on the Jewish issue and highlight the forms of struggle of legalists for the rights of Jews. This is the first time such a reconstruction has been carried out regarding the legalist movement and contributes to historical knowledge. A number of conclusions can be tentatively formulated. Through the press, liberals created a negative image of anti-Semitic policies. Sitting in meetings and commissions, they prevented the expansion of negative legislation. In the Senate, legalists defended the rights of Jews.

Key words: Koni A.F.; Chicherin B.N.; Milyutin D.N.; legalists; conservative liberals; Jews; Judaism; anti-Semitism; Senate.

Citation. Rybin D.V. Struggle of legalists for equalize the rights of Jews with other subjects of the Russian Empire at the end of the XIX – beginning of the XX century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 45–53. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-45-53>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interest.

© Rybin D.V., 2024

Danil V. Rybin – Candidate of Historical Sciences, associate professor, director, Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, 19A, 10th line, Vasilievski Ostrov, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation.

Введение

Проблема борьбы за расширение (сокращение) прав евреев получила широкое освещение в дореволюционный период. Например, очерк правового статуса евреев был подробно изложен в работе присяжного поверенного М.И. Мыш [Мыш 1914]. Большинство из этих работ мы не рассматриваем, так как они лишь косвенно затрагивают нашу тему.

В постсоветской России среди работ можно выделить труд К.А. Соловьева о политической системе России, в которой он передает глубокий скептицизм Б.Н. Чичерина, отраженный в переписке с Д.А. Миллютиным [Соловьев 2018, с. 57, 302, 332]. В ряде работ В.В. Шелохаева подробно освещается национальный дискурс в программах либеральных организаций начала XX века [Шелохаев 1993 а, с. 45–59; Шелохаев 1993 б, с. 100–115].

Большое внимание еврейской проблеме в либеральном дискурсе уделила исследовательница Н.В. Дмитриева. В своем диссертационном исследовании она подробно проанализировала дискуссии, возникающие между разными либеральными группами о правовом положении евреев (Дмитриева 2020). Но она упустила из виду дискуссию, развернувшуюся между Ренненкампом, Миллютиным и Чичериным в 1898–1900 гг.

Также исследовательница наряду с А.Н. Егоровым [Егоров 2019, с. 210–220] представила подробную историографию по проблеме национальных групп в России на рубеже веков. Сходные работы по национально-государственному устройству империи выполняет Н.Г. Карнишина [Карнишина 2010 а, с. 128–138], В.Н. Кудряшев (Кудряшев 2013) [Кудряшев 2021, с. 131–134]. Также вышло несколько диссертационных исследований, в которых рассматривается позиция либеральных партий по национальному вопросу (Кондратенко 1998) [Кондратенко 2005].

Отдельно стоит выделить диссертацию В.В. Егорова. В ней подробно проанализирована государственная политика империи в отношении евреев в период правления последних трех императоров. Работа изобилует фактами непоследовательности государственной политики, изобретением разных способов ограничений и притеснений евреев (Его-

ров 2017) [Егоров 2021]. Правда, исследование содержит грубые ошибки. Так, в нем утверждается, что А.Ф. Кони был адвокатом, а Н.В. Муравьев в 1906 году – министром юстиции (Егоров 2017, с. 121, 153, 218). Чрезмерно увлекаясь обобщением материалов других авторов, исследователь несколько упускает из виду архивные источники, которые дают богатейший материал. Он пропустил работу «еврейских» комиссий высших органов власти, упустил из виду масштабную работу легалиста А.И. Георгиевского по еврейскому вопросу, пропустил серию дискуссий о правовом статусе евреев на рубеже веков, не заметил пропаганду либеральных юристов по отмене антисемитского законодательства.

Правовое положение евреев при Александре II

Стоит отметить, что в эпоху Великих реформ положение евреев постепенно смягчалось [Егоров 2021, с. 75–87]. Политика государства не отличалась стабильностью. Мягкая политика Екатерины I сменилась на жесткую при Николае I, а затем вновь стала мягче при Александре II. В 1865 году был закрыт Еврейский комитет (управляющий российскими иудеями). Часть евреев получила возможность свободно жить в империи, в Царстве Польском они были полностью эмансипированы. Вне черты оседлости (где в 15 губерниях проживало 95,9 % иудеев) могли жить купцы I гильдии, лица с высшим образованием, евреи, которые поселились до 1837 года. С семьями и прислугой. Через статус «прислуги – члена семьи», принимая фиктивно православие, подкупая полицейских, десятки тысяч евреев проникали вглубь страны и постепенно расселялись. В 1860-е годы большинство губернаторов и чиновников МВД поддерживали расширение прав евреев [О равноправии евреев 1907, с. 13–21]. Когда, например, оказалось в 1880 году, что значительное число евреев проживают вне черты оседлости, МВД своим циркуляром № 30 (03.04.1880) запретило их депортацию [Мыш 1914, с. 264, 265].

Сохранялось множество ограничений: по приобретению собственности, аренде недвижимости, участию в земледелии, торговле и промышленно-

сти, судопроизводстве, гражданской и общественной службе. Евреи не могли быть госслужащими, городскими головами, ратманами, словесными судьями, ремесленными головами и даже старшинами присяжных заседателей. Все это приводило к замыканию еврейства в «кагал», сектантству, оппозиционности, росту преступности и прочим проблемам (ЦГИА. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 96. Л. 1–10, 300, 310). Отверженность евреев и одновременно конкуренция между еврейской и российской буржуазией вела к социальным столкновениям. Вскоре они переросли в еврейские погромы, которые становились масштабнее и жестче вплоть до второй русской революции.

Несмотря на политику царя, многие чиновники придерживались антисемитизма. По запросу Александра II Департамент законов Госсовета 05.12.1870 дал заключение по еврейскому вопросу. Подчеркивалось, что евреи замкнуты и «почти враждебны к христианам»; составляют замкнутую религиозно-гражданскую касту, «государство в государстве»; законодательство способствует замкнутости. Далее следовали положительные рекомендации: необходимо ослабить связи между евреями, постепенно адаптировать и растворить их в русском населении (ЦГИА. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 131. Л. 310).

Неполноправное положение евреев вызывало недовольство у либеральной русской интеллигенции. Либералы потратили десятки лет, объясняя простым языком прописные истины о безвредности евреев для России и русских. В.Н. Кудряшев отмечает усилия в этом направлении лидеров мнения, в том числе Б.Н. Чичерина и К.Д. Кавелина во второй половине XIX века [Кудряшев 2021, с. 131–134].

В конце 1860-х годов комиссия по рассмотрению проекта Городового положения при МВД активно обсуждала вопрос о представительстве евреев в будущих органах местного самоуправления. Первоначальный проект предполагал предоставление евреям до 1/3 мест в городских думах. Либеральные члены комиссии: К.К. Грот (директор департамента податей и сборов Минфина), В.И. Лихачев (товарищ прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, легалист, будущий городской голова) – предлагали увеличить представительство до половины мест. Они указывали, что другие национальные группы не были ограничены, состоятельные евреи приносили немалые деньги в городской бюджет.

Противостоящая им консервативная группа: князь В.А. Черкасский (московский городской голова), князь А.Б. Лобанов-Ростовский (товарищ министра внутренних дел), А.Д. Шумахер (директор Хозяйственного департамента МВД) – утверждала, что городское управление – не только хозяйственная, но и политическая деятельность. Евреи сплочены и «захватят городское общественное управление». Н.А. Новосельский (одесский городской голова) предлагал промежуточный вариант – уравнять состоятельных евреев (1-й класс избирателей) с другими состоятельными городскими

слоями. Но и этот вариант был отвергнут. В итоге 13 голосами против 7 было проведено предложение МВД о норме в 1/3. Итоговый вариант получился дискриминационным для всех национальных меньшинств – норму 1/3 распространили на всех лиц нехристианских вероисповеданий (ЦГИА. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 131. Л. 45).

Также обсуждался вопрос о возможности избрания еврея городским головой. Лихачев и другие считали, что надо допустить евреев к исправлению этой должности. При этом Лихачев, указывая, что вряд ли евреев выберут из-за их процентного меньшинства, ссылаясь на то, что евреи уже работают мировыми судьями. Другие либералы предлагали допустить тех, которые уже могли служить на госслужбе (крещенные и пр.). Новосельский предлагал допускать по образовательному цензу: «...ограничения, каковы бы они ни были, не достигая на самом деле цели, возбуждают только фанатизм». Большинство членов комиссии решили евреев к должности не допускать (ЦГИА. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 131. Л. 45).

Проблема евреев «не отпускала» государство. В 1872 году собиралась еще одна государственная комиссия, работа которой закончилась ничем. В 1877 году в Петербурге была создана комиссия по устройству быта евреев (в том числе в нее входил обер-прокурор, легалист Н.А. Неклюдов). Член комиссии Григорьев предоставил в нее доклад о правах евреев. Однако большинство членов комиссии посчитали доклад Григорьева устаревшим и нарушающим права евреев. Тогда чиновнику МВД В.Д. Карпову поручили подготовить новый доклад, что он и сделал вместе с Неклюдовым в 1880 году. В записке прокурор и сотрудник МВД кропотливо развенчивали миф о паразитизме евреев. Однако председатель комиссии, сенатор, товарищ МВД М.А. Мартынов их доклад не принял, постарался составить новый доклад, но был снят с поста председателя. В итоге комиссия работала без председателя и не подготовила итогового заключения (ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 193. Л. 2–17).

Антисемитское законодательство и «еврейская проблема» при Александре III

Эпоха Александра III ознаменовала поворот в отношениях к евреям. Государство приступило к «завинчиванию гаек» и занималось этим 25 лет. Эта политика противоречила общему развитию страны и разрушала иллюзии «освобожденцев», ожидающих всеобщего равенства. По мнению Д.П. Кондратенко, действия МВД прямо подталкивали евреев к эмиграции [Кондратенко 2005, с. 47].

В 1881 году в большинство губерний была направлена программа из 54 вопросов по еврейскому вопросу. Множественные комиссии при губернаторах разработали сотни рекомендаций, большинство из которых сводилось к разным формам ужесточения положения евреев. На основе их рекомендаций воссозданный Комитет о евреях при МВД (1881–1882 гг.) выработал Временные правила о евреях (1882). Утвердил их Комитет министров, а не Госсовет. Правила предполагали резкое

отступление от практики предыдущего царства и ограничивали развитие еврейского предпринимательства. В числе прочего правила прикрепляли евреев к месту проживания [Егоров 2021, с. 97–98; Слиозберг 1933 а, с. 253–261]. Совокупность правил о евреях и их толкование составляли огромную массу правовых актов, в которых запутался бы любой подданный, пожелавший их изучить. Например, несмотря на наличие общих норм, существовали многочисленные особые правила для каждой местности. Такая запутанность и противоречивость создавали благоприятную почву для коррупции полицейских чинов.

Постепенное наступление на права евреев продолжалось. В основном оно сводилось к актуализации действующих антисемитских законов с целью восстановления «законности». Так, в 1893 году вышли циркуляры министра внутренних дел, предписывающие водворить незаконно выселившихся евреев обратно. Оговорки к этим циркулярам позволили евреям без конца судиться с властями, вплоть до Сената [Мыш 1914, с. 268–271]. Каждый год нарастали выселения евреев. Тысячи лиц принудительно переселялись из внутренних губерний России в западные, в том числе ремесленники, дети николаевских рекрутов, часть членов семей евреев, имеющих право проживать вне черты оседлости, и пр. [Слиозберг 1933 б, с. 18–25].

Отдельные законники чутко прислушивались к запросам государства. По данным Г.Б. Слиозберга, умеренным антисемитизмом отмечался В.Д. Спасович – глава столичной адвокатуры. Н.С. Таганцев в 1888 году по делу покупки дома женой А.М. Гольденберга настоял в Гражданском кассационном департаменте Сената на том, что жена привилегированного еврея имеет производное (опосредованное) право жительства, а не прямое и, соответственно, большинство прав за пределом черты оседлости не имеет. Сенат вынес решение, запрещающее покупку дома, и породил цикл решений, в которых применялся запрет в связи с «производным правом жительства». В итоге жены евреев вынуждены были сопровождать их, чтобы случайно не быть схваченными и высланными [Слиозберг 1933 а, с. 210, 236–238].

Далее Александр III сформировал Высшую комиссию для пересмотра действующих законов о евреях в империи (1883–1888 гг.). Возглавил ее член Государственного совета К.И. Пален (бывший министр юстиции). Комиссия собрала огромный материал с анализом разных аспектов еврейской жизни и их взаимоотношений с другими подданными империи. В обширную комиссию были привлечены чиновники из семи ведомств с явным доминированием юристов, частично либеральных. Временные правила о евреях она оценила негативно. Принимать Положение о евреях (одна из целей ее создания), по ее мнению, было не нужно. Комиссия понимала, что обособление евреев усилится. Выводы комиссии сближались с мнением Госсовета. Предлагалось взять курс на

постепенное уравнивание евреев в правах с остальными подданными, растворяя их в народной массе через образование, отмену специальных налогов, отмену ограничений (ЦГИА. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 131. Л. 1, 300, 397) [Кондратенко 2005, с. 48].

Паленская комиссия дала поручение либеральному председателю Ученого комитета Министерства народного просвещения А.И. Георгиевскому определить образовательное положение иудеев. Под его руководством в 1886 году была подготовлена огромная записка о введении процентного отношения числа еврейских учеников к общему числу учащихся в правительственных училищах. Приводя много доводов за и ни одного против, Георгиевский предлагал не уменьшать образовательные квоты евреев, а напротив, уравнивать их в правах с остальными подданными (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 566. Л. 1–256). Используя материалы комиссии и перетолковывая их так, как ему было выгодно, министр просвещения И.Д. Делянов провел через Комитет министров и императора норму о процентном отношении евреев в учебных заведениях.

Материалы паленской комиссии были переданы в Особое совещание во главе с В.К. Плеве (товарищ министра внутренних дел). В 1891 году Совещание передало свои предложения в Госсовет. Все предыдущие исследования по евреям перетолковывались в негативном для них духе. Предлагалось ужесточить политику, усилить депортацию, распространить дискриминационные законы на тех, кто не попадал под их действие. Однако проект не встретил поддержки в Минфине и МВД [Слиозберг 1933 б, с. 165–169, 173–177].

В 1897 году с целью проверки применения закона 1882 года создана особая комиссия при МВД. Собрав и обобщив данные с мест, она пришла к выводу, что ограничения прав евреев привели к их пауперизации и росту социалистических настроений. Комиссия предполагала, что моральная деградация сообществ была связана с теми негативными условиями, в которые их поставило государство (РГИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 253. Л. 20).

Ситуация стала ухудшаться с приходом к власти Николая II. К тому времени антисемитское законодательство применялось плохо. МВД стало понуждать полицию выявлять многочисленных нарушителей и приводить закон в исполнение. Органы власти оказались завалены тысячами жалоб евреев, пытавшихся отстоять права, в том числе те, которые они не имели. Политика применения антисемитского права привела к тому, что по положению Комитета министров от 10.05.1903 евреям временно воспрещалось приобретение недвижимого имущества за пределами черты оседлости, принимать в залог недвижимое имущество [Мыш 1914, с. 364, 369].

Б.Н. Чичерин, Н.К. Ренненкампф и Д.Н. Милотин о еврейском вопросе

В интеллигентских кругах еврейский вопрос активно обсуждался. Вообще он был единствен-

ной национальной проблемой, по решению которой сходились все либералы. Они требовали полного, безусловного и немедленного уравнивания евреев в правах с русскими подданными империи.

В 1898 году лидер легалистов Борис Николаевич Чичерин выпустил в свет третий том курса «Государственная наука (Политика)». В нем ученый разбирал правовое положение национальных групп в империи. Прочитав сей труд, бывший ректор Киевского университета Н.К. Ренненкампф (консерватор) решил высказать свою позицию по идеям Чичерина. В № 158–165 журнала «Киевлянин» вышли письма, в которых он изложил свою точку зрения.

Второе письмо профессора относилось к еврейскому вопросу. Сначала он разбирал тезисы Чичерина, который развенчивал мифы о еврействе: паразитизме, изворотливости, аморализме и прочих грехах. Но эти грехи не национальные, а индивидуальные, провозглашал Чичерин. Надо немедленно отменять все ограничения прав евреев, считал московский профессор [Ренненкампф 1898, с. 44–56].

Ренненкампф упрекал Чичерина, что он смешивает евреев и иудаизм I и XIX веков. А это уже во многом другой народ и другая вера. Христианство – это шаг в развитии иудаизма, а не сам иудаизм. Не гонения вызвали отчуждение иудаизма, а он был всегда и основывался на идее исключительности евреев. Далее Ренненкампф перечислял антисемитские проявления русского населения в отношении евреев и задавался вопросом: разве в таких условиях возможна мгновенная отмена еврейских ограничений? Ренненкампф повально приписывал евреям совокупность негативных качеств, которые «могут вырваться наружу и заполнить наши города и села» (изворотливость, лживость, чувство расового превосходства, паразитизм и пр.). Евреи должны «представить достаточные гарантии своей полезной трудовой деятельности». «Нельзя отдавать “мужицкое царство” на произвол евреев!» – призывал Ренненкампф. Далее киевлянин рисовал фантастические ужасы нашествия евреев. Если дать им возможность приобретать землю – они-де в короткий срок ее всю захватят, а крестьян превратят в батраков. В высшем и среднем образовании евреи захватят все основные позиции. Евреи споят русское население и тому подобное [Ренненкампф 1898, с. 56–72].

В то же время, по мнению Ренненкампфа, в неудовлетворительном положении евреев во многом было виновато царское правительство. На протяжении XIX века серией мер оно способствовало замыканию евреев в касту. В итоге вражда возрастала. Надо отменить все законы, способствующие такой замкнутости. В том числе упразднить особые еврейские общества, прекратить специальные сборы, включить все еврейские организации в местные структуры, упразднить все еврейские учебные заведения. В общем, отменить сословный статус евреев [Ренненкампф 1898, с. 3–13]. Подводя итог, Ренненкампф писал, что отменять огра-

ничения евреев необходимо постепенно, по мере того как они докажут свой патриотизм и сольются с коренным народом.

Чичерин подготовил ответ, который был опубликован в Берлине в следующем году.

По еврейскому вопросу все дело, по мнению Чичерина, заключалось в предрассудках. И далее он намекал, что именно киевский профессор наполнен сказками и мифами о евреях. Чичерин интеллектуально «сечет» своего слабого оппонента. Он демонстрирует знание Талмуда и показывает, что религиозная традиция иудеев непрерывна и культура их по-прежнему очень старая. Почему же мы их притесняем? Чичерин указывал, что близких нам людей по религии или национальности мы притесняем особенно сильно. Если мы истинные христиане, то о каком вообще гонении мы можем говорить? Вообще за что собственно евреи терпят ограничения? Страхи по поводу предприимчивости евреев могут вызвать удивление. Получается, государство, имеющее в своем составе евреев, обладает преимуществом? Ненависть к евреям сродни ненависти к другим народам и носит зоологический характер. Непонятно также, почему осуждалось внутреннее единство еврейского мира. Чем лучше разъединение, существующее внутри русского мира? [Чичерин 1899, с. 37–56].

Переписка с киевским профессором (скоро скончавшимся) имела своеобразное продолжение в письмах бывшего военного министра Д.Н. Милютин и Чичерина. 13 ноября 1899 года Милютин направил письмо, в котором мягко, с оговоркой соглашался с позицией Чичерина. Генерал констатировал, что права человека – это хорошо, но «не только мы не доживем до желаемого перерождения нашей матушки России, но даже и внуки, и правнуки наши едва ли будут участниками этой метаморфозы» (ОР РГБ. Ф. 334. Картон 5. Д. 1. Л. 31–32). Милютин, давая оценку полемике профессоров, отмечал, что в еврейском вопросе Чичерин полностью прав с этической точки зрения. Но этика противостоит политике. Применение этики приведет к развалу государств и переделу границ (ОР РГБ. Ф.334. Картон 5. Д. 1. Л. 33–34).

Чичерин в ответном письме 22 ноября переживал, что Милютин не принял его ответ к Ренненкампфу. «Он соглашался, что политика и нравственность разделены! Но надо их соединить!» – возглашал Чичерин. В отношении евреев он рассуждал о необходимости скорого уравнивания их прав с русскими (ОР РГБ. Ф. 169. Картон 77. Д. 54. Л. 11–1). На эмоциональное письмо ученого Милютин 3 декабря подготовил ответ, где пытался остудить старого друга. Он подчеркивал, что между их этическими позициями нет противоречий. Но политик не может «всегда идти по прямой линии, напролом, а должен применяться к обстоятельствам». Нельзя переделывать историю и применять научные принципы к давно минувшим событиям (ОР РГБ. Ф. 334. Картон 5. Д. 1. Л. 35–38).

20 декабря 1899 года Милютин сделал запись в своем дневнике о прекращении общения с Чи-

чериным по еврейскому вопросу. «Полагаю бесполезным продолжать эту полемику: став твердо на теоретическую позицию, он упорно отказывается от всякой уступки практическим соображениям политики» [Милютин 2013, с. 535].

Защита прав евреев в Сенате

Деятельность легалистов по защите прав евреев не сводилась к одним теоретическим рассуждениям. Они старались проводить политику равенства в стенах Сената. Так, перейдя в Общее Собрание (ОС) кассационных департаментов Сената (в 1900 году), А.Ф. Кони оказался вовлечен в рассмотрение большого количества дел о нарушении административных предписаний евреями. Легалисты-сенаторы сплотились вокруг Кони и стали активно голосовать за восстановление прав евреев. В большинстве случаев за Кони следовали сенаторы: В.А. Цез, князь А.А. Ливен, А.Г. Гасман, А.А. Бобринский, И.И. Вильсон, К.М. Гарткевич, Д.С. Синеоков-Андреевский, Г.И. Шамшин, А.Д. Оболенский, Г.А. Евреинов, Д.П. Кладищев, Н.Г. Принтц.

Активное участие Кони и всегдашнее голосование его за сохранение личных прав евреев опровергает утверждение эмигранта Г.Б. Слиозберга, что Кони (будучи, «несомненно, еврейского происхождения») «не выступил против той политики, которой держались власти... по отношению к евреям» [Слиозберг 1933 а, с. 243]. Это было прямой ложью, так как Кони непосредственно голосовал с сенаторами по делам, некоторые из которых Слиозберг представлял в ОС Сената. Причина такой лжи, очевидно, крылась в событиях 1899–1900 гг., когда Слиозберг был разоблачен коллегами-юристами за финансовые махинации во время работы Санкт-Петербургского юридического общества.

Стоит отметить, что предпоследней инстанцией, рассматривающей жалобы евреев в рамках административной юстиции, был 1-й Департамент Сената. В начале XX века жалобы о праве на место проживания евреев в первой экспедиции 1-го Департамента (по административным делам) составляли 50 % всех дел! Также они наполняли своими жалобами прочие департаменты. А после жаловались выше в Госссовет. Например, в Особом при Госсовете присутствии для предварительного рассмотрения жалоб на определения департаментов Сената за 1900–1904 гг. всего за 5 лет поступило 1235 дел, было рассмотрено 1237 (включая переходящие с предыдущего пятилетия), из них 126 еврейских. Подавляющее большинство жалоб – 90 % – оставалось без последствий (РГИА. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 1. Л. 137, 255).

К первой группе административных дел относилось рассмотрение жалоб евреев на выселение из мест проживания, в которых они не могли находиться (т. 1, ч. 2, ст. 219 Свода Законов в ред. 1892 года). Так, в 1901 году по постановлению областного правления Войска Донского был выселен Нахман Гайковский из села Александровка (Ростовский уезд), ОС его отменило. 26 октября 1901 года поступила записка Минфина о пере-

числении (переселении) мещанина еврея Ейрифа (из местечка Белогородки Заславского уезда), 29 особ постановили: «евреи в 50-верстном пространстве от западной границы не могут перечисляться из одного общества в другое, а передвигаться могут», 9 особ постановили, что имеют право переселяться. 23 ноября поступила жалоба купца Гершуна Островского на постановление Полтавского губернского правления о выселении из деревни Ореховщина 4 евреев. ОС оставило решение без изменений.

25 января 1902 года была рассмотрена жалоба еврея Иосифа Абдарахманова на постановление Сыр-Дарьинского областного правления, ему было отказано в статусе еврея-туземца. Сенаторы оставили жалобу без последствий. В 1902 году рассматривались жалобы, связанные с переселением мещанина Софи Фридман (Москва), Матли Левицкой (Киев), Михеля Радунского (Минский уезд) и пр. 15 февраля 1902 года рассмотрено дело по жалобе купца Иоселя Кабчевского на отказ Санкт-Петербургского градоначальника в разрешении доверителю держать в столице 2 приказчиков – евреев, не пользующихся самостоятельным правом жительства вне черты оседлости. 25 сенаторов постановили оставить жалобу без последствий.

В 1903 году были рассмотрены жалобы: Лейзора Усыскина на постановление Витебского губернского правления о выселении его из имения Дубокрай Городокского уезда; Ново-Жагорского мещанина еврея Мовши Двеляйцкого на постановление Курляндского губернского правления о выселении из г. Митавы дочери-гимназистки Клары Двеляйцкой; мещан Михеля и Германа Вовси на постановление Лифляндского губернского правления на выселение их из г. Риги.

09.04.1904 состоялось выселение Гирши Рыбника из Риги. По этому делу большинство сенаторов постановили оставить решение без изменений. Также проходили дела Менделя Ульмана и Шимона Гласа. 28.01.1905 по делу Шмурия Губерман запрет Киевского губернского правления в разрешении переселиться из с. Яцковицы в дер. Ступак (Липовецкий уезд) 10 сенаторов постановили отменить, а 21 – оставить без последствий (РГИА. Ф. 1330. Оп. 10. Д. 2418. Л. 20, 29, 77, 89; Д. 2419. Л. 4, 5, 23; Д. 2420. Л. 5, 60, 103; Д. 2421. Л. 58; Д. 2422. Л. 19).

Вторую группу составляли жалобы на постановления государственных органов, запрещающие евреям покупать те или иные участки земель. Так, 23 марта 1901 года была рассмотрена жалоба Иуды Астапова на постановление Могилевского губернского по крестьянским делам присутствия, запрещающее выкупать спорный участок, постановление осталось без изменений. Нарушались вечно-чиншевые права евреев. 29.11.1902 было рассмотрено дело Лейбы Певного на постановление Волынского губернского правления (15.09.1894). Постановление было отменено (РГИА. Ф. 1330. Оп. 10. Д. 2418; Д. 2419. Л. 79; Д. 2420. Л. 4).

Третью группу дел составляли запреты на служение евреев-раввинов. 39 мая 1903 года Сенат рассмотрел жалобу мещанина Пинкаса Оксмана на определение 1-го Департамента Сената о непризнании за ним права на занятие должности раввина. 18 сенаторов постановили определение отменить, 9 – оставить без последствий (РГИА. Ф. 1330. Оп. 10. Д. 2420. Л. 60).

Четвертую группу составляли запреты на причисление евреев к мещанским сообществам. 26 октября 1901 года поступила просьба вдовы рядового Беллы Гирш на определение 1-го Департамента Сената – на отказ причислить 3 ее детей к новгородскому мещанскому обществу, просьба была удовлетворена. 18 октября 1902 года было рассмотрено исключение мещанина Соломона Мелейковского из числа ремесленников и выселение его из города Саратова. 24 января 1903 года рассмотрена жалоба мещанина Юдки Моргуляна на постановление Киевского губернского правления об исключении его из числа ремесленников и выселении его из Киева, оставлена без последствий. 30 января 1904 года рассмотрена жалоба Хана Борхова на отказ Минфина в зачислении доверителя просителя в самостоятельные 1-й гильдии купцы по городу Пскову. 24.02.1906 по жалобе мещанина Пейсаха Маргулиса на отказ Минфина в допричислении сыновей Самсона, Якова и Калмана к Орскому мещанскому обществу единогласно было постановлено – решение министра финансов отменить (РГИА. Ф. 1330. Оп. 10. Д. 2418. Л. 74; Д. 2419. Л. 75; Д. 2421. Л. 18; Д. 2423. Л. 369).

Пятую группу дел составляли дела о разводах и месте проживания евреев. 25 января 1902 года ОС рассматривало дело по рапорту Минфина по вопросу о праве на повсеместное жительство разведенных евреев. 29 сенаторов постановили – еврейки не могут по прекращении брака пользоваться всеми правами своих родителей и пользуются только теми, которые принадлежали их мужьям. 6 сенаторов (Коковцов, Кони, Бобринский, Евреинов, Вильсон и Цеэ) посчитали, что еврейка может пользоваться прирожденным или приобретенным до брака правом прописки или жительства вне черты еврейской оседлости (РГИА. Ф. 1330. Оп. 10. Д. 2418. Л. 10; Д. 2419. Л. 3–6).

Шестую группу дел составляли наиболее болезненные юридические действия – разлучение родителей и детей, мужей и жен, которое полиция проводила неукоснительно. 13 декабря 1902 года рассмотрена жалоба Хаима Пейсахова на распоряжение и. о. московского генерал-губернатора о высылке несовершеннолетних детей из Москвы. В тот же день рассмотрено дело мещанина Мовши Дененбурга – постановление Харьковского губернского правления не позволяло ему жить в Сумах при дочерях. Жалобы были оставлены без последствий.

31.10.1903 была рассмотрена жалоба врача Михаила Нюренберга, принявшего православие, на распоряжение московского генерал-губернатора об отказе в разрешении оставаться в Москве (жена осталась иудейкой). 21 сенатор постановил распоряжение великого князя Сергея отменить,

3 сенатора – оставить без последствий, 10 – постановили возбудить вопрос о согласовании закона 1851 года с другими постановлениями о евреях, а о Нюренберге просить императора – оставить ему право проживать в Москве без применения к нему закона 1851 года. 12.12.1903 рассмотрена жалоба мещанки Рейзы Сегаль (Шохер) на распоряжение начальника Терской области об исключении ее малолетних детей Герша и Симмы из числа мещан г. Владикавказа с выселением их в черту еврейской оседлости. 24 сенатора постановили отменить распоряжение.

30.01.1904 рассмотрена жалоба поверенного владикавказского 1-й гильдии купца Иосифа Ладыженского (Якова Бермана) на распоряжение Терского областного правления о недозволении жене и дочери Ладыженского на временное пребывание на группе Кавказских Минеральных вод для лечения! Сенаторы отменили распоряжение (РГИА. Ф. 1330. Оп. 10. Д. 2420. Л. 88, 90, 106, 124; Д. 2421. Л. 16; Д. 2422. Л. 105).

Седьмую группу составляли дела о воинском призыве. 07.03.1903 рассмотрена жалоба жителей Варшавского уезда Шайны-Файги, Монаса и Давида Рехтманова на определение 1-го Департамента Сената по делу о наложении на них штрафа за неявку сына первой и брата последних Мордки Лейбы к отбыванию воинской повинности. Большинство проголосовало за отмену определения 1-го Департамента и отмену штрафа (РГИА. Ф. 1330. Оп. 10. Д. 2420. Л. 30).

С апреля 1905 года появилась интересная тенденция. Почти все дела по жалобам евреев стали разрешаться в их пользу. Фактически все ограничения их статуса в сенатской практике исчезали. Теперь уже в положении сторонников антиеврейского законодательства оставалось только 6–10 человек, а около 20 выступали за равные права (РГИА. Ф. 1330. Оп. 10. Д. 2424. Л. 36–47). Стоит отметить, что из гуманных соображений Общее собрание департаментов Сената приняло много определений, конкретизирующих применение дискриминационных законов таким образом, что из их действия исключался большой перечень экономически слабых групп населения: престарелых, женщин, детей и пр. Фактически частично отменялись ограничения на перемещения иудеев, запреты на торговлю, покупку недвижимости и пр. [Мыш 1914, с. 131, 137–164].

Заключение

Роль легалистов в освобождении евреев империи была сравнительно невелика. Тем не менее они 50 лет последовательно отстаивали уравнивание их прав с правами остальных подданных. Предпринимательские еврейские круги поддерживали все либеральные организации, защищающие их права. Поддержка евреев в государственных органах и в политических партиях позволяет отделить легалистов и консервативных либералов от либеральных консерваторов (будущих октябристов, «милютинцев»). Последние, на словах провозглашая уравнивание евреев с другими подданными, рассуждали об этом в каком-то отдаленном будущем.

Материалы исследования

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Дмитриева 2020 – *Дмитриева Н.В.* Национально-государственное устройство России в отечественном новом либерализме конца XIX – начала XX в.: выработка политического курса: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2020.

Егоров 2017 – *Егоров В.В.* Государственная политика правительства Российской империи в отношении еврейского населения (март 1855 – январь 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017.

Кондратенко 1998 – *Кондратенко Д.П.* Проблемы национальных отношений в программных документах либеральных партий России, конец XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1998.

Кудряшев 2013 – *Кудряшев В.Н.* Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга.

Библиографический список

Егоров 2019 – *Егоров А.Н.* Российские либералы начала XX в. и национальный вопрос: историографические оценки // Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в.: мат-лы межд. науч. конф. Т. 1. Ч. III. Орел, 2019. С. 210–220. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46201292>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dlldro>.

Егоров 2021 – *Егоров В.В.* Политика Российской государственной власти в отношении иудеев с 1855 по 1917 годы. На материалах Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 2021. 368 с. URL: <https://klex.ru/1qhx?ysc lid=lymmawf2i4766578618>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46499325>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rsbbid>.

Карнишина 2010 – *Карнишина Н.Г.* Национальный вопрос в теории российского либерализма конца XIX — начала XX в. // Сергей Андреевич Муромцев – председатель первой Государственной Думы: политик, ученый, педагог: сборник научных статей. Орел, 2010. С. 128–138. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/spjchzd8n0/direct/51979946>.

Кондратенко 2005 – *Кондратенко Д.П.* Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX – начале XX века. Киров, 2005. 238 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19700276>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qrcqff>.

Кудряшев 2021 – *Кудряшев В.Н.* Еврейский вопрос в русской либеральной публицистике 1870–1890-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 131–134. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/70/18>. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45769539>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gkozlu>.

Милютин 2013 – *Милютин Д.А.* Дневник. 1891–1899 / под ред. Л.Г. Захаровой. Москва, 2013. 535 с. URL: <https://djvu.online/file/XHrfJn0FMcDOG>.

Мыш 1914 – *Мыш М.И.* Руководство к русским законам о евреях. Санкт-Петербург, 1914. 652 с. URL: <https://library6.com/3596/item/55097344>.

О равноправии евреев ... 1907 – *О равноправии евреев.* Записка А.Н. Неклюдова и В.Д. Карпова (1880). Санкт-Петербург, 1907.

Ренненкампф 1898 – *Ренненкампф Н.К.* Польский и еврейские вопросы (открытые письма Б.Н. Чичерину). Киев, 1898. 82 с. URL: <http://shpl.dlibrary.org/ru/nodes/67008-rennenkampf-n-k-polskiy-i-evreyskiy-voprosy-otkrytye-pisma-b-n-chicherinu-kiev-1898>.

Слиозберг 1933 а – *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 1. Париж, 1933. 302 с. URL: <https://library6.com/3596/item/117549-2>.

Слиозберг 1933 б – *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 2. Париж, 1933. 331 с. URL: <https://library6.com/3596/item/117549-2>.

Соловьев 2018 – *Соловьев К.А.* Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законодательства. Москва, 2018. 351 с. URL: <https://library6.com/library6/item/119384>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36442542>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ynzkrv>.

Чичерин 1899 – *Чичерин Б.* Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытые письма Н.К. Ренненкампфа. Берлин, 1899. 56 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/36041-chicherin-b-n-polskiy-i-evreyskiy-vopros-otvet-na-otkrytye-pisma-n-k-rennenkampfa-berlin-1899>.

Шелохаев 1993 а – *Шелохаев В.В.* Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2. С. 45–59.

Шелохаев 1993 б – *Шелохаев В.В.* Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // *Кентавр*. 1993. № 3. С. 100–115.

References

Egorov 2019 – *Egorov A.N.* (2019) Russian liberals of the early XX century and the national question: historiographical assessments. In: *Political and legal practices of Russian liberalism in the early XX century: materials of the International scientific conference. Vol. 1. Part III*. Oryol, pp. 210–220. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46201292>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ddldro>. (In Russ.)

Egorov 2021 – *Egorov V.V.* (2021) The policy of the Russian state power in relation to the Jews from 1855 to 1917 (based on materials from the Nizhny Novgorod province). Nizhny Novgorod, 368 p. Available at: <https://klex.ru/lqhx?ysclid=lymmawf2i4766578618>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46499325>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rsbbid>. (In Russ.)

Karnishina 2010 – *Karnishina N.G.* (2010) National question in the theory of Russian liberalism at the end of the XIX – beginning of the XX centuries. In: *Sergei Andreevich Muromtsev – Chairman of the First State Duma: politician, scientist, teacher: collection of scientific articles*. Oryol, pp. 128–138. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/spjehzd8n0/direct/51979946>. (In Russ.)

Kondratenko 2005 – *Kondratenko D.P.* (2005) Autocracy, liberals and the national question at the end of the XIX–XX centuries. Kirov, 238 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19700276>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qpcqff>. (In Russ.)

Kudryashev 2021 – *Kudryashev V.N.* (2021) Jewish question in Russian liberal publicists of the 1870–1890s. *Tomsk State University Journal of History*, no. 70, pp. 131–134. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/70/18>. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45769539>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gkozlu>. (In Russ.)

Milyutin 2013 – *Milyutin D.A.* (2013) Diary. 1891–1899. Zakharova L.G. (Ed.). Moscow, 535 p. Available at: <https://djvu.online/file/XHrfJn0FMcDOG>. (In Russ.)

Mysh 1914 – *Mysh M.I.* (1914) A guide to Russian laws on Jews. Saint Petersburg, 652 p. Available at: <https://library6.com/3596/item/55097344>. (In Russ.)

On the equality.... 1907 – *On the equality of Jews*. Note from A.N. Neklyudov and V.D. Karpov (1880). Saint Petersburg. (In Russ.)

Rennenkampff 1898 – *Rennenkampff N.K.* (1898) Polish and Jewish issues (open letters to B.N. Chicherin). Kyiv, 82 p. Available at: <http://shpl.dlibrary.org/ru/nodes/67008-rennenkampff-n-k-polskiy-i-evreyskiy-voprosy-otkrytye-pisma-b-n-chicherinu-kiiev-1898>. (In Russ.)

Sliozberg 1933 a – *Sliozberg G.B.* (1933) Affairs of the past days. Notes of a Russian Jew. Vol. 1. Paris, 302 p. Available at: <https://library6.com/3596/item/117549-2>. (In Russ.)

Sliozberg 1933 б – *Sliozberg G.B.* (1933) Affairs of the past days. Notes of a Russian Jew. Vol. 2. Paris, 331 p. Available at: <https://library6.com/3596/item/117549-2>. (In Russ.)

Soloviev 2018 – *Soloviev K.A.* (2018) Political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking. Moscow, 351 p. Available at: <https://library6.com/library6/item/119384>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36442542>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ynzkrv>. (In Russ.)

Chicherin 1899 – *Chicherin B.* (1899) Polish and Jewish issues. Response to open letters from N.K. Rennenkampff. Berlin, 56 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/36041-chicherin-b-n-polskiy-i-evreyskiy-vopros-otvet-na-otkrytye-pisma-n-k-rennenkampfa-berlin-1899>. (In Russ.)

Shelokhaev 1993 a – *Shelokhaev V.V.* (1993) National question in Russia: a liberal solution. *Kentavr*, no. 2, pp. 45–59. (In Russ.)

Shelokhaev 1993 б – *Shelokhaev V.V.* (1993) National question in Russia: a liberal solution. *Kentavr*, no. 3, pp. 100–115. (In Russ.)

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-54-62

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 908

Дата поступления: 12.04.2024
рецензирования: 23.05.2024
принятия: 02.09.2024

Торгово-промышленные центры Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века

А.Е. Михайлова

Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mixajlova2014@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1844-9500>

Аннотация: В статье анализируется процесс формирования торгово-промышленных центров Самарской губернии в пореформенную эпоху. Несмотря на наличие научных трудов, в которых освещаются становление и развитие торгово-промышленного предпринимательства в Самарской губернии, представленная в статье тема до сих пор относится к числу неизученных. В научной литературе все еще недостаточно четко определены основные факторы, повлиявшие на это процесс. К числу таких факторов автор причисляет природно-климатические условия, темпы становления и развития земледельческого производства и других отраслей сельского хозяйства, модернизацию транспортной и финансовой инфраструктуры. Источниковую базу статьи составили делопроизводственная документация, справочные и статистические материалы, источники личного характера, художественная литература. К числу наиболее значимых источников относятся такие документальные публикации, содержащие большой объем исторической информации, как «Списки населенных мест» за 1859 г., 1889 г., 1900 г., 1910 г. В них содержатся ценные сведения о географическом расположении объектов торговли и промышленности. На основе этих и других материалов, сравнительно-исторического, аналитического, методов периодизации и систематизации, сформулированы выводы об этапах становления и развития торгово-промышленных центров, их географическом размещении, а также о том, что модернизация транспортной и финансовой инфраструктуры придала мощный импульс развитию торгово-промышленной деятельности как губернской столицы и уездных центров, так и целого ряда населенных пунктов, которые в конце XIX – начале XX века являлись торгово-промышленными центрами.

Ключевые слова: предпринимательство в Самарской губернии; экономическое развитие региона; географическое размещение торгово-промышленных объектов; вторая половина XIX – начало XX века; железнодорожное строительство; модернизация; рынки сбыта.

Цитирование. Михайлова А.Е. Торгово-промышленные центры Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 54–62. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-54-62>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Михайлова А.Е., 2024

Анастасия Евгеньевна Михайлова – аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.04.2024
Revised: 23.05.2024
Accepted: 02.09.2024

Commercial and industrial centers of the Samara region in the second half of the XIX – early XX century

A.E. Mikhailova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: mixajlova2014@yandex.ru ORCID: <http://orcid.org/0009-0003-1844-9500>

Abstract: The article considers the formation process of the commercial and industrial centers of the Samara region in the post-reform era. Despite there are scientific works that cover the topic of the formation and development of commercial and industrial entrepreneurship in the Samara province, the issue presented in the article can be considered as one of the unstudied. The scientific literature is not yet clearly defined the main factors that influenced this process. These factors include natural and climatic conditions, pace of establishment and development of agricultural production and other branches of farming industry, modernization of transport and financial infrastructure. The source base of the article is presented by administrative documentation, guidance and statistical materials, sources of personal nature, and fiction. The most significant sources include the documentary publications that contain a large amount of historical information, for example, «Lists of populated areas» for 1859, 1889, 1900, 1910. They contain valuable information about the geographical location of trade and industry facilities. On the basis of these and other materials, comparative-historical, analytical, methods of periodization and systematization, conclusions were formulated about the stages of the formation

and development of shopping and industrial centers, their geographical placement, as well as that the modernization of transport and financial infrastructure gave a powerful impetus to the development of trading -Industrial activities of both the provincial capital and county centers, as well as a number of settlements, which at the end of the XIX-early XX centuries were shopping and industrial centers.

Key words: entrepreneurship in the Samara region; economic development of the region; geographical location of the commercial and industrial facilities; second half of the XIX – beginning of the XX century; railway construction; modernization; selling market.

Citation. Mikhailova A.E. Commercial and industrial centers of the Samara region in the second half of the XIX – early XX century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 54–62. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-54-62>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interest.

© Mikhailova A.E., 2024

Anastasia E. Mikhailova – postgraduate student of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Во второй половине XIX в. в Самарской губернии происходило становление предпринимательства как социально-экономического явления. Одним из факторов его формирования и стремительного развития стало выгодное географическое положение региона, прежде всего его природно-климатические условия. Во многом становление и развитие промышленных предприятий в том или ином населенном пункте зависели от инициативы будущих предпринимателей и от их близости к сырьевому рынку, условий транспортировки сырья и сбыта готовой продукции.

Экономическая история как направление в современной отечественной исторической науке в настоящее время находится в центре внимания исследователей. Предметом исследований выступают различные экономические процессы, в том числе предпринимательство. Разработка темы функционирования предпринимательства в целом и особенностей формирования торгово-промышленных центров в частности началась во второй половине XIX в. и продолжается до настоящего времени.

В настоящей статье ставится цель показать географическое размещение торгово-промышленных центров Самарской губернии и установить их зависимость от развития транспортной и финансовой инфраструктуры. В изучении этой проблемы условно можно выделить три периода: дореволюционный, советский и современный. Дореволюционная региональная историография представлена работами городского головы П.В. Алабина. Он рассмотрел историю развития Самарского Поволжья и сделал вывод, что данная территория издревле имела важное значение. Причину трансформации Самары в губернский центр он видел в его торговом и промысловом значении, его «приволжском положении» и в имеющихся «задатках» [Алабин 1887, с. 19]. По его мнению, рост торгово-промышленного потенциала губернии зависел от появления предприимчивых людей и железнодорожного строительства.

Советская историография представлена научными трудами П.С. Кабытова и Ю.И. Смыкова, которые исследовали экономическое развитие Самарского Поволжья через анализ развития земель-

ных отношений во второй половине XIX – начале XX в. Ими были выявлены основные центры торговли зерном [Кабытов 1982; Смыков 1984]. По-новому к данной проблеме обратилась Н.Л. Клейн, которая поставила перед собой цель определить особенности предпринимательства в Самарской губернии. Анализируя его «во взаимосвязи и взаимообусловленности развития отраслей», она пришла к выводу, что развитие самарской экономики зависело от личной инициативы предпринимателей и географического положения региона [Клейн 1994, с. 113].

В новейший период была опубликована коллективная монография по истории самарского купечества [Самарское купечество 2006], появились биографические очерки отдельных представителей самарского бизнес-сообщества. Так, В.И. Казарин, Г.В. Алексушин акцентировали внимание на деятельности Альфреда фон Вакано и Антона Шихобалова [Казарин 2001; Алексушин 1996]. Ю.В. Корнеева [Корнеева 2017] и Е.И. Чепурнова (Чепурнова 2021) обратили внимание на необходимость при изучении эволюции экономики региона учитывать географический фактор, а также наличие транспортного сообщения Самары с другими территориями. Значительный интерес представляет монография Н.Ф. Тагировой, в которой анализируется хлебная торговля в Поволжье [Тагирова 1999]. В новейших исследованиях М.И. Роднова по истории предпринимательства выявлены экономические связи уфимских предпринимателей с Самарской губернией, что также позволяет определить основные торгово-промышленные центры, имеющие значение для развития межрегиональных экономических связей [Роднов 2012].

Источниковую базу исследуемой проблемы необходимо изучать, опираясь на комплекс документальных материалов. В основную группу источников вошли справочные и статистические издания. Речь прежде всего идет об обзорах Самарской губернии (Обзор 1903), списках населенных мест (Список населенных мест 1863, 1890, 1900, 1910), памятных книжках (Памятная книжка 1864) и адрес-календарях (Адрес-календарь 1883). Большой массив информации о социально-экономическом развитии Самарского Поволжья представлен во всеподданнейших отчетах самарского

губернатора (Приложение... 1878, 1894, 1914). Ценная историческая информация выявлялась автором в визуальных источниках – рекламных объявлениях, которые позволяют определить географическое размещение торговых и промышленных заведений, специализацию предпринимательской деятельности и в редких случаях социальный и конфессиональный статус предпринимателя. Использовались также интернет-источники.

Основная часть

Образованная Высочайшим указом Правительствующего Сената в 1851 г. Самарская губерния состояла из семи уездов, которые располагались в лесостепной и степной зонах Юго-Востока Европейской России. У них был различный экономический потенциал. В первую очередь это было связано с наличием сырьевых ресурсов, главным образом природных, как указывалось в Памятной книжке 1863/1864 гг. «природа служит главным агентом производства» (Памятная книжка 1864, с. 85).

Губерния имела преимущественно земледельческий характер, что и определяло направления предпринимательской деятельности: продажу и переработку сельскохозяйственной продукции, животноводство [Алабин 1887, с. 88]. Производством товарного зерна занимались помещичьи и крестьянские хозяйства как лесостепных, северных уездов Самарской губернии, где были сосредоточены плодородные черноземные почвы, так и степных южных уездов, где высокие показатели урожая достигались путем освоения новых территорий. В северных уездах преобладала узкая специализация: здесь земледельцы занимались выращиванием серых хлебов: ржи, овса, ячменя, полбы, гречихи, проса, пшеницы (эта культура занимала малый объем посевных площадей). Иная ситуация складывалась в степной полосе – в южных уездах, где доминировали посевы пшеницы-белотурки. Кроме того, на части пахотных земель находились табачные плантации (Список населенных мест 1864, с. 16). Наблюдался в регионе и рост площадей под картофель, лен и подсолнечник. В отчетах Самарский губернатор отмечал, что «от степени урожая не только зависит обеспечение народного продовольствия, но и все отрасли экономической деятельности» (Приложение... 1878, с. 1). Отметим, что часть урожая хлебов и картофеля шла на винокуренные, пивоваренные и крахмальные заводы, табак – на табачные фабрики. Увеличение посевов льна и подсолнечника стимулировало развитие маслосемянного производства: если в 1859 г. маслосемян в губернии насчитывалось 130, то к 1910 г. их число возросло только в уездах до 240. От уровня земледельческого производства зависело и развитие молочного животноводства, а также коневодства, овцеводства, свиноводства. Эти отрасли животноводства, в свою очередь, стимулировали развитие салотопенных, мыловаренных, кожевенных, свечносальных предприятий и промыслов.

В условиях развития модернизационных процессов возросла потребность в использовании

полезных ископаемых, что стимулировало рост промышленных предприятий. В 5 селениях Ставропольского уезда: Старом Матюшкине, Старом и Новом Уренбашахе, Уразгильдине, Помряскине – изготавливали кирпич (Сборник... 1884, с. 177). В 1889 г. в уезде функционировал 21 кирпичный завод. Только в г. Ставрополе их насчитывалось 8 (Список населенных мест 1890, с. 22). Широкое распространение в губернии получили горшечные, чугуно-литейные заводы.

Земский статистик Г.И. Баскин, составляя статистические сведения о развитии торговли и промышленности в Самарской губернии, помимо признания роли сырьевого ресурса и природно-климатического фактора как основных условий формирования населенного пункта как торгово-промышленного центра, пришел к выводу о наличии определенных механизмов, тенденций, способствующих повышению экономического значения населенного пункта [Баскин 1918, с. 25]. По его мнению, районы, характеризующиеся интенсивной земледельческой культурой и активной промысловой деятельностью, имеют экономическое тяготение к рынкам сбыта, в историографии этот принцип принято называть дистанционным. Следовательно, отмечаем, что одним из главных факторов становления торгово-промышленных центров становится транспортная доступность.

Исходя из вышесказанного, следует выделить два этапа в становлении и развитии торгово-промышленных центров в исследуемом регионе. Во время первого этапа, в 1850-е – первую половину 1890-х гг., формирование и развитие экономики края замедлялось тем, что транспортная система оставалась традиционной. В 1850-е гг., в первое десятилетие основания Самарской губернии, основными транспортными путями выступали реки, прежде всего главная артерия Волга и ее притоки: гужевые дороги, коммерческие, почтовые и скотопроезжие тракты. В этой связи в первую группу торгово-промышленных центров входила Самара, столица региона, а также уездные города. Их связывали развитые сухопутные транспортные магистрали. Вполне естественно, лидером являлась Самара. Например, в 1859 г. в городе проводили 3 ярмарки, еженедельные базары, насчитывалось 65 заводов и фабрик (Список населенных мест 1860, с. 1). Ситуация в уездных центрах была иной. По торговым оборотам в рассматриваемый период выделялась Бугульма, где с 14 по 22 сентября проводилась ярмарка. В торговле восточными и европейскими товарами принимали участие купцы из Оренбурга, Казани, Уфы, Перми, Самары, из сибирских городов. Во внутренней торговле региона выделялся Новоузенск, куда на ярмарку привозили товары на сумму 719 220 руб. (Приложение 1878, с. 20). Бугуруслан формировался как промышленный центр, в 1859 г. здесь были открыты 24 завода (Список населенных мест 1864, с. 1).

Итак, основными путями сообщения в 1850–1880-е гг. выступали сухопутные дороги. Они оказывали воздействие на населенные пункты,

входившие во вторую группу торгово-промышленных центров. Торговый тракт из Уральска в Казань проходил по территории Самарской губернии через такие поселения, как Кандауровка, Кутум, Бузулук, Бугуруслан, Рождественское, Борискино, Бугульма, Альметьево. Из перечисленных населенных пунктов, кроме уездных центров, только с. Альметьево можно считать торгово-промышленным центром: здесь функционировала ярмарка, проводились базары и работали 2 завода (Список населенных мест 1864, с. 20). Почтовый тракт из Бугульмы в Уфу способствовал активному росту поселения Байряки, но в это время оно еще не имело статуса экономического центра.

В Симбирске начинался путь на Оренбург, который проходил через такие поселения Самарской губернии, как: Часовня, Чердаклы, Бряндино, Мелекесский завод, Новая Майна, Филлиповка, Кирилловка, Мусорка, Ташла. В с. Пискалы тракт стал своеобразным перекрестком. Он разделялся на две дороги: одна шла на юго-запад через с. Узюково на г. Ставрополь; другая – на юго-восток через Старую Бинарадку, Красный Яр, Смышляевку на г. Самару. От Самары до Оренбурга путь продолжался через Малую Малышевку, Коноваловку, Борском, Заплавное, Елшанку, Поминовку, Бузулук, Медведку, Погромное, Тоцкое, Кирсановское, Сорочинское, Бурдышино и Новосергиевское. Особо выделим волостной центр с. Борское, где проводились 2 ярмарки и функционировало 6 заводов (Список населенных мест 1864, с. 57). В селах Елшанка, Тоцкое и Новосергиевское торговля развивалась в форме базаров, а в с. Сорочинском, помимо этого, проводились 3 ярмарки (Список населенных мест 1864, с. 65). Оживленная торгово-промышленная деятельность велась в посаде Мелекес. В 1860 г. историк Б. Лясковский писал о жителях Мелекесского завода: «Слобода заселена преимущественно купцами и мещанами Симбирскими, Ставропольскими и даже Московскими, которые почти исключительно занимаются торговлей хлебом и скотом. Здесь много лавок с красными и другими товарами для удовлетворения местных потребностей, но главные статьи торговли все-таки хлеб и скот» (Материалы 1860, с. 26).

На почтовом тракте из г. Саратова в г. Новоузенск располагалась слобода Покровская. На почтовом тракте из г. Новоузенска в г. Николаевск находились поселения Толстовка, Дергачи, Осин Гай, Новорепное, Орлов Гай, Новотроицкое. Из уездного города Николаевска начинался тракт в г. Вольск Саратовской губернии. Он проходил через Каменку, Малое Перекопное, Балаково. Но торговля активно велась только в Новорепном и Орловом Гае, где проводились ярмарки и базары. Отметим особо с. Балаково, в котором, помимо ярмарки и базара, функционировали 5 заводов (Список населенных мест 1864, с. 76).

Город Самару связывал с уездным центром г. Николаевском почтовый тракт, который проходил через Колывань, Каменный Брод, Ивановку, Марьино, Ивантеевку, Таволжанку. Географическое

расположение с. Марьино предопределило формирование торгового центра. Здесь проводились 3 ярмарки, базар. На мельнице производилась мука (Список населенных мест 1864, с. 83).

Для оптовой торговли хлебом, выступающим основным товаром Самарской губернии, огромное значение имел речной путь. Я.П. Кучин, составляя «Путеводитель по Волге», характеризуя особенности «волжской излучины», особо подчеркивает высокое торговое значение Волги: «...целая треть того пространства, которая в настоящее время имеет выгодный сбыт для своих продуктов, без Самарской Луки, была бы глушью, местностью недоступною. Отпуск хлеба из района сократился бы на целую треть» (Кучин 1870, с.142). Так, крупнейшими водными пристанями Самарской губернии, по данным 1859 г., являлись в Ставропольском уезде Старая Майна и Хрящевка, в Самарском – Екатериновка, в Николаевском – Березовая Лука, Духовницкое, Балаково, Березовка, Орловское, Екатеринштадт и Паульская, в Новоузенском – Покровский Городок, Усовая, Вольская, Яблоновка, Скатовка, Привольная, Краснополье, Кочетная, Ровная, Черевава, Красный Яр и Колышкино. Но в 1859 г. все указанные пристани, за исключением Покровского Городка и с. Екатериновка, не являлись торгово-промышленными центрами, а выступали лишь местом загрузки хлеба на суда. В Покровском же Городке функционировали базары и завод (Список населенных мест 1864, с. 6). В Екатериновке проводились 2 ярмарки и еженедельные базары (Список населенных мест 1864, с. 4).

К 1900 г. количество пристаней в регионе сократилось до 14: Хрящевская, Ставропольская и Курумчинская – Ставропольского уезда, Самарская, Винновская, Екатериновская и Васильевская – Самарского уезда, Чичеринская, Духовницкая, Балаковская, Екатериненштадтская – Николаевского уезда, Покровская, Привольновская и Ровнинская – Новоузенского уезда. А к 1909–1912 гг. в губернии остается лишь 9 крупных пристаней [Очерки истории Юго-Востока 2004, с. 122]. В каждом населенном пункте велась активная торгово-промышленная деятельность. Так, в с. Хрящевка функционировали паровая мельница, кожевенный и овчинный заводы, 2 маслобойни, кирпичный завод. В г. Ставрополе насчитывалось 25 заводов и 93 торговых заведения, в с. Курумоч – 4 поташных завода и маслобойня, ветряные и водные мельницы (Список населенных мест 1900, с. 91). В с. Екатериновка проводились 3 ярмарки, имелись 2 паровые крупчатные мельницы (Список населенных мест 1900, с. 11), в с. Духовницкое – паровая лесопилка (Список населенных мест 1900, с. 362), в с. Балаково проводились 3 ярмарки, производством продукции занимались чугуно-медно-литейный завод, мыловаренный, 2 кожевенных и 7 кирпичных заводов. В Покровской слободе работали ежедневные базары. Здесь же находились костяной, 7 кирпичных, 3 гончарных, 2 маслобойных, кожевенный заводы (Список населенных мест 1900, с. 471). В то же время самарские

предприниматели отмечали сезонный характер торгово-промышленной деятельности. Так, А.Н. Наумов, характеризуя экономическую ситуацию в г. Ставрополе, писал, что «оживление наступало лишь с момента открытия навигации; зимой же Ставрополь замирал совершенно» (Наумов 1954, с. 137).

Это было связано с огромным значением водного пути для оптовой торговли во время навигации: так, в 1877 г. с пристаней Самарской губернии было отправлено 12 млн 500 тыс. пудов пшеницы и 193 784 пудов сала (Приложение 1878, с. 14), в 1893 г. – 15 025 421 пуд (Приложение 1894, с. 20). В начале XX в. наметилась тенденция сокращения объемов транспортировки грузов по Волге, что было связано с более выгодными условиями, которые предлагались на железной дороге, сооружение которой ознаменовало начало нового этапа.

Во время второго этапа транспортная инфраструктура существенно изменилась. Строительство железных дорог в 1870–1900-е гг. как ускорило рост значения уже имеющихся центров, так и способствовало формированию новых. Это объясняется тем, что, в отличие от традиционных сухопутных путей сообщения, проектирование и строительство железнодорожной сети Российской империи велось с учетом исследования стратегического, хозяйственного, промышленного и торгового значения предполагаемой линии [Тагирова 1999, с. 85]. Сооружение транспортной железнодорожной сети не только способствовало росту коммуникативных связей региона с промышленными центрами Российской империи, но и создавало новые условия для активного переселения в регион и людей, ищущих себе работу, и предпринимателей, в дальнейшем предоставляющих им работу, ведь до этого, как отмечал П.В. Алабин, в Самарской губернии не было «ни избытка капиталов, ни избытка рабочих рук, а также... особого обилия техников...» [Алабин 1887, с. 99].

Так, открытие Оренбургской железной дороги в 1870-е гг. повлияло на рост торговли в с. Сорочинском и с. Борском Бузулукского уезда (Приложение 1878, с. 22). Самаро-Златоустовская железная дорога, построенная к 1890-м гг., стимулировала торгово-промышленную деятельность следующих населенных пунктов: Смышляевка, Тимашево, Сарайгир, Абдулино, Борское, Тростянка, Богатое, Погромное, Сорочинское, Тоцкое. В с. Смышляевка работали кирпичный завод, 8 ветряных мельниц (Список населенных мест 1900, с. 2); в с. Тимашево – сахаро-рафинадный завод и 5 водных мельниц (Список населенных мест 1900, с. 190); в с. Сарайгир функционировали базары по понедельникам, 2 водные мельницы (Список населенных мест 1900, с. 212). В с. Борском проводились 3 ярмарки, открылись спичечная фабрика, 5 кожевенных, 1 салотопенный, 1 овчинный, 3 горшечных заводов (Список населенных мест 1900, с. 250). Возросло экономическое значение с. Тростянка, в котором, помимо 5 ветряных мельниц, велась переработка зерна на паровой мельнице, проводились базары

по субботам (Список населенных мест 1900, с. 53). Изменения произошли и в с. Богатом (совместно с с. Павловка) – базары по пятницам, открылись 1 паровая и 2 водные мельницы, маслобойный завод (Список населенных мест 1900, с. 288). Село Погромное – кирпичный завод, маслобойня, водная мельница (Список населенных мест 1900, с. 291). В с. Сорочинском функционировали 3 ярмарки, базары по понедельникам, 3 кожевенных, овчинный и мыловаренный заводы (Список населенных мест 1900, с. 300). В с. Тоцком проводились 2 ярмарки, базары по четвергам, работал кирпичный завод (Список населенных мест 1900, с. 312). Железнодорожная станция Самаро-Златоустовской дороги Абдулино становится одним из крупнейших торгово-промышленных центров. Так, в 1894 г. на станцию поступало из соседней Уфимской губернии 16 242 пуда зерна, а в 1908 г. – уже 408 054 пуда [Роднов 2012, с. 78]. Сооружение Самаро-Златоустовской железной дороги оказывает влияние и на губернский центр: А.Н. Наумов, губернский предводитель дворянства, отмечал, что экономический рост Самары стал исключительным (Наумов 1954, с. 235).

Направление Рязано-Уральской железной дороги, проложенное от Покровской слободы на Уральск с ветвями на г. Новоузенск и г. Николаевск, также резко ускорило отправку и прибытие грузов для южных уездов Самарской губернии. Мелекесский подъездной путь от д. Часовни Симбирской губернии до пос. Мелекес, введенный в эксплуатацию в 1902 г., увеличил значение Мелекеса по сравнению со Ставрополем (Обзор 1903, с. 15).

Особо отметим значение Волго-Бугульминской железной дороги, которая стала продолжением Мелекесского подъездного пути. Ее сооружение, способствовало как оживлению промышленной деятельности в Бугульминском уезде (Приложение 1914, с. 14), так и расширению посевов такой торговой зерновой культуры, как пшеница. Новыми промышленными центрами здесь становятся с. Абдикеево, д. Уразаево, с. Секретарка, сл. Кичуйская Крепость, с. Клявлино. Так, в 1859 г. в сл. Кичуйская Крепость имелся базар (Список населенных мест 1864, с. 24), в 1910 г., когда шли активные работы по сооружению дороги, в сл. Кичуйская Крепость проводились еженедельные базары по понедельникам и работали 3 маслобойных заводов (Список населенных мест 1910, с. 104). Сооружение железной дороги стало мощным стимулом для развития города Бугульмы, где открывались новые предприятия, велось жилищное строительство.

Железнодорожная инфраструктура была использована не только для перевозки грузов. Имперская власть, губернские земские собрания совместно с Государственным банком России, учитывая сельскохозяйственную специализацию региона, приняли решение о строительстве элеваторов для хранения зерна. В 1911–1913 гг. на станциях СЗЖД были сооружены 8 элеваторов:

Самара, Толкай, Бугуруслан, Абдулино, Богатое, Неприк [Борское. – А. М.], Бузулук, Сорочинское. На других железных дорогах элеваторы были сооружены в Красном Куте, Новоузенске, Алтате, Мелекесе, Бугульме, Баронске, Николаевске, Ровном, Покровской слободе, Балакове, Духовницком, Екатериновке [Тагилова 1999, с. 126]. Это повысило торгово-промышленное значение указанных выше населенных пунктов, превратив их в центры переработки и хранения зерновых хлебов.

Отмечаем и то, что строительство железных дорог было вызвано не только государственной программой экономического развития, но и инициативой предпринимателей, которые испытывали острую потребность в ускорении перевозки своей продукции для повышения доходности производства, получения преимущества перед конкурентами. Дворянин А.Н. Шелашников, занятый сельскохозяйственным производством, продукция которого отправлялась в Канаду и США, на деньги, вырученные от продажи пшеницы, а также с помощью кредитования построил в 1912 г. железнодорожную ветку Самара – Бугульма и станцию Шелашниково [Барина 2018, с. 265]. Н.Г. Гарин-Михайловский, будучи не только писателем, но и талантливым инженером и отражая потребности предпринимательского класса, способствовал сооружению железнодорожной линии Кротовка – Сургут (Сергиевск).

И все же железная дорога не вытеснила водные и сухопутные пути, которые продолжали функционировать. Это было связано как с высокими тарифами на железнодорожные перевозки, так и с близостью и удобством сухопутных и водных путей. Об этом, в частности, писал Н.Г. Гарин-Михайловский, чье имение находилось близ курорта Сергиевские Минеральные воды: «Продажа хлеба производится у нас в городе, куда его привозят на лошадях по железной дороге, несмотря на то что она находилась от меня на расстоянии всего 50 вер., а город в 130 верстах, возить невыгодно: мешки, нагрузка, выгрузка, доставка в городе на базар – все это значительно превышало стоимость провоза на лошадях» (Гарин-Михайловский 1908). П.В. Алабин, однако же, замечал, что сооружение железных дорог сократило гужевые перевозки вдвое [Алабин 1887, с. 89]. К 1889 г. утратили свое значение многие коммерческие тракты. Наиболее важными оставались следующие: из Уральска в Балаково и Бузулук; из Николаевского уезда в г. Самару; из Новоузенского уезда в Балаково и Саратов (Список населенных мест 1889, с. 9).

Земский статистик Г.И. Баскин, анализируя товарооборот за период 1908–1911 гг., пришел к иному выводу: строительство железных дорог не уменьшило роли водных и сухопутных путей, а привело к появлению еще одного способа ведения торговли. При этом он подчеркивал, что при вывозе товара за пределы губернии на железнодорожные перевозки приходится 61 %, на водные – только 39 % и, наоборот, при ввозе товаров в гу-

бернию 71 % грузов доставляется по водным путям и только 29 % – по железнодорожным [Баскин 1918, с. 11].

Приведенные статистические данные позволяют выстроить иерархию среди торгово-промышленных центров на основе критерия наличия транспортной магистрали. Самый минимальный объем промышленного производства и торгового оборота давали населенные пункты, которые находились вблизи транспортной магистрали, что позволяло им приобретать ввозимые товары и выгодно вывозить свою продукцию. В эту группу, соответственно, входили волостные центры, а также те населенные пункты, которые являлись пристанями или железнодорожными станциями, к которым имелись удобные подъездные пути. Их значимость определялась тем, что они становились исходной точкой отправления товаров в другие регионы. «Крупными» центрами выступали уездные города, эволюция транспортной инфраструктуры способствовала увеличению их роли в экономическом пространстве Самарской губернии. Вершиной этой иерархии выступала Самара, к которой тяготели все грузы.

Транспортная доступность к пристаням должна была обеспечиваться хорошей подъездной дорогой, или же должна была существовать тесная связь между пристанью и железной дорогой. Эта проблема обсуждалась на заседании Биржевого Комитета. Осенью 1898 г. купец Н.Е. Башкиров возбудил ходатайство о разрешении пропускать зерновые хлеба, идущие на Волгу, вне очереди, так как в противном случае нижегородские мельницы вынуждены были бы остаться без работы. В 1905 г. Комитет ходатайствовал перед министром путей сообщения о пропуске вне очереди перемолотых продуктов, идущих с Оренбургской ветки на воду (Самарский Биржевой Комитет 1914, с. 68–70). Добивался Комитет и сооружения связи железной дороги с пристанью в губернском центре: так, в 1898 г. им была подана записка об устройстве бухты с дамбой под железнодорожное движение с целью подавать грузы в вагонах по дамбе прямо к баржам (Самарский Биржевой Комитет 1914, с. 94).

Изучая влияние транспортной инфраструктуры на возникновение и развитие торгово-промышленных центров, нельзя не учитывать воздействие на этот процесс появления сети кредитно-финансовых учреждений. Возникновение развитой транспортной сети и усовершенствование паромства расширили возможности предпринимателей, которые могли открывать филиалы своих торговых и промышленных фирм в других городах, иметь возможность закупать товар в отдаленных регионах без участия посредников, беспрепятственно вести экономические дела, имея вклад в банке. Рост торговых операций в Самарской губернии не мог не стимулировать процесс возникновения и дальнейшую модернизацию финансовой инфраструктуры. Появление кредитно-финансовых учреждений в г. Самаре относится к 1860-м гг.: в 1860 г. был уч-

режден Государственный банк, а в 1861 г. по инициативе горожан, «умеющих смотреть в будущее», был открыт Городской общественный банк [История банковского дела 2013, с. 38]. В дальнейшем сеть кредитно-финансовых учреждений охватила новые пространства Самарской губернии.

Объекты финансовой системы сосредотачивались в местах активного торгового оборота, что и дает основание причислять развитие финансовой инфраструктуры к факторам, позволяющим наделить населенный пункт статусом «торгово-промышленный центр». По данным 1900 г., помимо Самары, где функционировали 7 кредитных учреждений, банковская система получила развитие в Ставрополе, Бугульме, Бугуруслане, Бузулуке, Николаевске, Новоузенске, Мелекесе и Слободе Покровской (Список населенных мест 1900, с. 31–39). К 1910 г. банковской системой были охвачены также следующие населенные пункты: Абдулино, Балаково, Екатериненштадт, сл. Александров Гай и Дергачи (Список населенных мест 1910, с. 170, 251, 260, 304, 318). Формировались и сельские банки: они существовали в Екатериновке и Каменке Самарского уезда, Хрящевке и Крестовых городищах Ставропольского уезда, Балакове, Андросовке, Каменке Николаевского уезда, Слободе Покровской Новоузенского уезда (Самарский спутник 1889, с. 136). В пореформенный период также началось формирование кооперативного движения, которое возникло благодаря инициативным людям [Безгина 2012, с. 489]. Помимо выдачи денежных ссуд и приема вкладов, кооперативные учреждения осуществляли хлебозаготовочные операции, занимались выдачей ссуд под обеспечение земельного надела, а также организацией сбыта хлеба [Кабытов 1982, с. 110].

Заключение

Таким образом, формирование торгово-промышленных центров зависело от ряда факторов, среди которых выделяем: благоприятное географическое расположение, подразумевающее под собой хорошие почвенно-климатические условия для развития земледелия или же наличие сырьевых ресурсов, развитые внутрирегиональные и всероссийские транспортные магистрали, а также формирование сети кредитно-финансовых учреждений. Плодородная почва и благоприятный климат во многом определили сельскохозяйственную специализацию как помещичьих, так и крестьянских хозяйств Самарской губернии. Исходя из этого критерия, торговыми и промышленными центрами становились те населенные пункты, где велось «производство» этой продукции или же ее переработка. Хлебная специализация региона определила его важную роль в экономике Поволжья и Российской империи. И в этой связи ускорение сбыта сельскохозяйственной продукции зависело от развития транспортной инфраструктуры.

В 1850–1880-е гг. основными транспортными путями все еще оставались сухопутные дороги – тракты, которые, несомненно, имели важное стратегическое значение для развития экономики Российской империи. Нахождение населенного пункта на таком тракте давало ему большие возможности для ведения торгово-промышленной деятельности. Значение таких центров увеличивалось, если поблизости находился водный путь. Волга – главная торговая артерия – позволяла включиться Самарской губернии в экономику всего государства, способствовала развитию торгового зернового земледелия в степных уездах Среднего Поволжья, активно развивающейся новой хлебной житницы страны. Соответственно, наличие пристани в населенном пункте повышало его торговый статус.

Стимул для развития городов и селений Самарской губернии был дан строительством железных дорог, многие населенные пункты, становившиеся станцией железной дороги или же находящиеся вдоль железной дороги, превращались в крупные центры торговли и промышленности. Однако отмечаем и то, что сооружение железных дорог осуществлялось в соответствии с анализом местности, т. е. они строились там, где до этого уже велась оживленная экономическая деятельность, обусловленная критерием сырьевого ресурса и наличием сухопутных дорог.

Фактор транспортной доступности, в свою очередь, стимулировал развитие финансовой инфраструктуры: появление отделений банков в том или ином населенном пункте подтверждало его статус «торгово-промышленного центра». В итоге во второй половине XIX в. модернизация транспортной и финансовой инфраструктуры способствовала развитию коммуникативных связей как внутри Самарской губернии, так и с другими регионами Российской империи, что позитивно сказалось на темпах включения региона во всероссийский рынок.

В конечном итоге можно утверждать, что в ходе модернизационных процессов 1870–1890-х гг. в губернии сформировались крупные торгово-промышленные центры, которые можно разделить на две группы. Первую группу составляют г. Самара, уездные города, села Абдулино, Балаково, Екатериненштадт (Баронск), сл. Александров Гай, Дергачи, Слобода Покровская, посад Мелекес. В данных населенных пунктах сельскохозяйственное сырье и перерабатываемая продукция могли отправляться в другие регионы благодаря развитой транспортной инфраструктуре и наличию объектов финансовой инфраструктуры. Вторая группа включает волостные центры, за исключением вошедших в первую группу, а также населенные пункты с развитой сырьевой базой, являющиеся одновременно водными пристанями или железнодорожными станциями.

Материалы исследования

Адрес-календарь 1883 – *Адрес-календарь Самарской губернии на 1884 год*. Самара: губ. тип., 1883. 201 с.

Гарин-Михайловский 1908 – *Гарин-Михайловский Н.Г.* Несколько лет в деревне / Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. VI. Рассказы. Санкт-Петербург, 1908.

Кучин 1870 – *Кучин Я.П.* Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. Санкт-Петербург: Изд. Я.П. Кучина, 1870. 258 с.

Материалы 1860 – *Материалы для статистического описания Самарской губернии* / сост. Б. Лясковский. Санкт-Петербург: Тип. М-ва вн. дел, 1860. 96 с.

Наумов 1954 – *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917: в 2 кн. Нью-Йорк. 1954. Кн. 1. 377 с.

Обзор 1903 – *Обзор Самарской губернии за 1903 год*. Самара: Губернская тип., 1904. 60 с.

Памятная книжка 1864 – *Памятная книжка Самарской губернии за 1863–1864 год*. Самара: Самар. губерн. стат. ком., 1864. 128 с.

Приложение 1878 – *Приложение к Всеподданнейшему отчету Самарского Губернатора за 1877 год*. Самара: Губернская тип., 1878. 85 с.

Приложение 1894 – *Приложение к Всеподданнейшему отчету Самарского Губернатора за 1893 год*. Самара: Губернская тип., 1894. 51 с.

Приложение 1914 – *Приложение к всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1913 год*. Самара: Губернская тип., 1914. 40 с.

Самарский Биржевой Комитет 1914 – *Самарский Биржевой Комитет*. За двадцать лет: юбилейный сборник очерков деятельности Самарского Биржевого комитета и общества с 1893 по 1913 г. Самара: Тип. Фейгельмана; Москва, 1914. 291 с.

Самарский спутник 1890 – *Самарский спутник на 1890 г.* Самара: Тип. Новикова И.П., 1889.

Сборник 1884 – *Сборник статистических сведений по Самарской губернии*. Т. 2: Ставропольский уезд / Самар. губерн. земство, Отд. хоз. статистики. Москва: Тип. Бестужевой С., 1884. 261 с.

Список населенных мест 1864 – *Список населенных мест Самарской губернии за 1859 г.* / сост. А. Артемьев. Санкт-Петербург: Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1864. 133 с.

Список населенных мест 1890 – *Список населенных мест Самарской губернии за 1889 г.* / сост. П.В. Кругликов. Самара: Тип. И.П. Новикова, 1890. 243 с.

Список населенных мест 1900 – *Список населенных мест Самарской губернии* / под ред. И.А. Протопопова. Самара: Губ. тип., 1900.

Список населенных мест 1910 – *Список населенных мест Самарской губернии* / сост. Н.Г. Подковыров. Самара: Губ. тип., 1910. 425 с.

Чепурнова 2021 – *Чепурнова Е.И.* Пространство губернского города Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2021. 22 с.

Библиографический список

Алабин 1887 – *Алабин П.В.* Трехвековая годовщина города Самары. Самара: Губ. тип., 1887. 215 с. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/61246?ysclid=lyo28oy1xj827677813>.

Алексушин 1996 – *Алексушин Г.* Самарский миллионщик Антон Шихобалов // Самарская газета. 1996. 27 февр.

Барина 2018 – *Барина Е.П.* Дворяне Бугурусланского уезда Шелашниковы // Девятыне Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции к 275-летию со дня основания г. Оренбурга, 200-летию со дня рождения Оренбургского генерал-губернатора, почетного гражданина г. Оренбурга Н.А. Крыжановского, 100-летию организации государственной архивной службы / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург, 2018. С. 263–266. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32685785>. EDN: <https://elibrary.ru/yttdue>.

Баскин 1918 – *Баскин Г.И.* Состояние производительных сил и тенденции их развития в разных отраслях народного хозяйства Самарской губернии. Самара: Тип. Горисполкома № 2, 1918. 33 с.

Безгина 2012 – *Безгина О.А.* Специфика развития сельскохозяйственной кооперации в начале XX века (на примере Поволжских губерний) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 488–491. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18280980>. EDN: <https://elibrary.ru/pkbscd>.

История банковского дела... 2013 – *История банковского дела в Самарской губернии* / науч. ред. П.С. Кабытов; отв. ред. Н.Ф. Тагирова. Москва: УП ПРИНТ, 2013. 192 с.

Кабытов 1982 – *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 199 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25041167>. EDN: <https://elibrary.ru/vbzjmb>.

Казарин 2001 – *Казарин В.Н.* Пивной король и наследники (1880–1929). Самара: Новая техника, 2001. 96 с.

Клейн 1994 – *Клейн Н.Л.* Предпринимательство и предприниматели в России. Исторический очерк. Самара: СамВен, 1994. 151 с.

Корнеева 2017 – *Корнеева Ю.В.* Из истории развития торговли в городах Среднего Поволжья во второй половине XIX века // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 53–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-razvitiya-torgovli-v-gorodah-srednego-povolzhya-vo-vtoroy-polovine-xix-veka/viewer>.

Очерки истории Юго-Востока 2004 – *Очерки истории Юго-Востока* Европейской России / Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов, Н.Ф. Тагирова; под ред. П.С. Кабытова. Самара: Самарский университет, 2004. 296 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Ocherki-istorii-ugovostoka-Evropetskoi-Rossii-Elektronnyi-resurs-77593?ysclid=lyo5amm5t8329016875>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=28278235>. EDN: <https://elibrary.ru/xuvdcf>.

Роднов 2012 – *Роднов М.И.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа: ДизайнПресс, 2012. 224 с. URL: <http://mrodnov.ru/fr/0/public/Prostr.pdf?ysclid=lyo5j894ee972716500>.

Самарское купечество 2006 – *Самарское купечество: веки истории* / под ред. Е.П. Бариновой. Самара: Самарский ун-т, 2006. 369 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29721259>. EDN: <https://elibrary.ru/zakdpl>.

Смыков 1984 – *Смыков Ю.И.* Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма: Социально-экономическое исследование. Москва: Наука, 1984. 232 с.

Тагирова 1999 – *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). Москва: Издательский центр научных и учебных программ, 1999. 308 с.

References

Alabin 1887 – *Alabin P.V.* (1887) Three-century anniversary of the city of Samara. Samara: Gub. tip., 215 p. Available at: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/61246?ysclid=lyo28oy1xj827677813>. (In Russ.)

Aleksushin 1996 – *Aleksushin G.* (1996) Samara millionaire Anton Shikhobalov. *Samarskaya gazeta*, February 27. (In Russ.)

Barinova 2018 – *Barinova E.P.* (2018) The Shelashnikovs – nobles of the Buguruslan district. In: *Lyubichankovsky S.V. (Ed.) Ninth Bolshakov readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon: collection of articles of the international research and practical conference for the 275th anniversary of the founding of Orenburg, the 200th anniversary of the birth of the Orenburg Governor-General, honorary citizen of Orenburg N.A. Kryzhanovsky, the 100th anniversary of the establishment of state archival service.* Orenburg, pp. 263–266. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32685785>. EDN: <https://elibrary.ru/yttdue>. (In Russ.)

Baskin 1918 – *Baskin G.I.* (1918) The state of productive forces and trends of their development in various branches of the Samara province economy. Samara: Tip. Gorispolkoma № 2, 33 p. (In Russ.)

Bezgina 2012 – *Bezgina O.A.* (2012) The specific character of agricultural cooperation development in the early twentieth century (case study of the Volga provinces). *Izvestiâ Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo*, no. 27, pp. 488–491. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18280980>. EDN: <https://elibrary.ru/pkbcsd>. (In Russ.)

History of banking... 2013 – *Kabytov P.S., Tagirova N.F. (Eds.)* (2013) History of banking in the Samara province. Moscow: UP PRINT, 192 p. (In Russ.)

Kabytov 1982 – *Kabytov P.S.* (1982) The agrarian relations in the Volga Region in the period of imperialism (1900–1917). Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 199 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25041167>. EDN: <https://elibrary.ru/vbzjmb>. (In Russ.)

Kazarin 2001 – *Kazarin V.N.* (2001) The beer king and heirs (1880–1929). Samara: Novaya tekhnika, 96 p. (In Russ.)

Klein 1994 – *Klein N.L.* (1994) Entrepreneurship and entrepreneurs in Russia. Historical sketch. Samara: SamVen, 151 p. (In Russ.)

Korneeva 2017 – *Korneeva Yu.V.* (2017) From the History of the Development of Trade in the Towns of the Middle-Volga Region in the Second Half of the Nineteenth Century. *The New Historical Bulletin*, no. 3 (53), pp. 53–62. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-razvitiya-torgovli-v-gorodah-srednego-povolzhya-vo-vtoroy-polovine-xix-veka/viewer>. (In Russ.)

Sketches of history of the southeast... 2004 – *Dubman E.L., Kabytov P.S., Tagirova N.F.* (2004) Sketches of history of the southeast of the European Russia; Kabytov P.S. (Ed.). Samara: Samarskii universitet, 296 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Ocherki-istorii-ugovostoka-Evropetskoi-Rossii-Elektronnyi-resurs-77593?ysclid=lyo5amm5t8329016875>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=28278235>. EDN: <https://elibrary.ru/xuvdcf>. (In Russ.)

Rodnov 2012 – *Rodnov M.I.* (2012) The space of the grain market (Ufa Province at the end of the XIX – beginning of the XX centuries). Ufa: DizainPress, 224 p. Available at: <http://mrodnov.ru/fr/0/public/Prostr.pdf?ysclid=lyo5j894ee972716500>. (In Russ.)

Samara merchants... 2006 – *Barinova E.P. (Ed.)* (2006) Samara merchants: landmarks of history. Samara: Samarskii universitet, 369 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29721259>. EDN: <https://elibrary.ru/zakdpl>. (In Russ.)

Smykov 1984 – *Smykov Yu.I.* (1984) Peasants of the Middle Volga region during the period of capitalism: socio-economic study. Moscow: Nauka, 232 p. (In Russ.)

Tagirova 1999 – *Tagirova N.F.* (1999) Market of the Volga region (second half of the XIX – early XX centuries). Moscow: Izdatel'skii tsentr nauchnykh i uchebnykh programm, 308 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 947.085 (091)

Дата поступления: 12.03.2024

рецензирования: 15.04.2024

принятия: 02.09.2024

На перекрестке мнений: Куйбышев в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.)**В.Н. Курытников**

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: kurjatnikov_w@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-4415>

Аннотация: Статья посвящена городу Куйбышеву (ныне – Самара) военной эпохи (1941–1943 гг.), особенностям его жизнедеятельности и развития. Решение масштабных задач, возникших в связи с беспрецедентной эвакуацией в город правительственных учреждений, дипломатического корпуса, наркоматов, предприятий, населения, резко изменило его жизнь. Являясь городом областного подчинения, он в то же время замыкал на себе определенные управленческие функции, характерные для столицы СССР г. Москвы. Это обстоятельство дало повод исследователям неофициально назвать г. Куйбышев «запасной столицей». Задача исследования – проанализировать разнообразные аспекты жизни г. Куйбышева в военное время: показать неоднозначность восприятия историками его статуса в 1941–1943 гг.; уточнить данные по конкретным общесоюзным наркоматам, находившимся в эвакуации в г. Куйбышеве, и их количественному составу; поставить вопрос об окончательной дате приемки «спецобъектов» № 1 («Бункер Сталина») и № 2 (для Генерального штаба Красной Армии) Строительства 1 Метростроя; уточнить вопросы районирования города в военное время; привести новые данные по Безымянке предвоенного времени, применяя сравнительно-исторический, аналитический и ретроспективный методы. В статье вводится в научный оборот новый документальный материал центральных архивов РФ. Доказывается, что Куйбышев не являлся ни «запасной», ни «военной столицей». Он пережил пик своего «столичного статуса» в течение двух-трех месяцев, замыкая на себе решение многих вопросов общесоюзного масштаба и выполняя столичные функции. Делается вывод, что признанием его заслуг в рассматриваемый период стало отнесение г. Куйбышева 21 августа 1943 г. к категории городов республиканского подчинения.

Ключевые слова: город Куйбышев; эвакуация; район; дипломатический корпус; дискуссии; столица; Безымянка.

Цитирование. Курытников В.Н. На перекрестке мнений: Куйбышев в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 63–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-63-71>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Курытников В.Н., 2024

Владимир Николаевич Курытников – доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.03.2024

Revised: 15.04.2024

Accepted: 02.09.2024

At the opinion crossroads: Kuibyshev in the days of the Great Patriotic War (1941–1943)**V.N. Kuryatnikov**

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

E-mail: kurjatnikov_w@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-4415>

Abstract: The article considers Kuibyshev city (Samara nowadays) in the wartime (1941–1943), the features of its life activity and development. The solving of the large-scale tasks raised in connection with the unprecedented evacuation of the government departments, diplomatic body, people's commissariats, factories and population to the city deeply changed the city life. Kuibyshev was the regionally governed city, but it performed many specific functions typical for the soviet capital city of Moscow. The circumstance gave occasion to call the city of Kuibyshev unofficially «alternate capital». The research task is to analyze the various aspects of the Kuibyshev city life in the wartime; to show the different interpretations of its status perception by the historians in 1941–1943; to specify the data concerning the specified All-Union people's commissariats being on evacuation in the city of Kuibyshev and its quantitative composition; to raise the question of the final date of the acceptance of the «special objects» No. 1 (Stalin's bunker) and No. 2 (for General Staff of the Red Army) of the Building of Metrostroï (Soviet subway construction company); to qualify the questions about the zoning of the city in the wartime; to cite new data about Bezemyanka district of the prewar time using comparative-historical, analytical and retrospective methods. The article introduces a new document material of the central archives of the Russian Federation into scientific discourse. It is proved that Kuibyshev was neither «alternate» nor «military»

capital. It tasted the peak of its «capital city status» during 2–3 months while solving many issues of the All-Union scale and performing capital functions. The conclusion that the acceptance of the city services in the analyzed period was the rating of the city of Kuibyshev to the cities of republican subordination on 21st August 1943 is drawn.

Key words: Kuibyshev city; evacuation; district; diplomatic body; capital city; discussions; Bezmyanka.

Citation. Kuryatnikov V.N. At the opinion crossroads: Kuibyshev in the days of the Great Patriotic War (1941–1943). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 63–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-63-71>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Kuryatnikov V.N., 2024

Vladimir N. Kuryatnikov – Doctor of Historical Sciences, associated professor, professor, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

Введение

Город Куйбышев (до 1935 г. – Самара, в 1991 г. возвращено историческое имя) – один из поволжских городов в среднем течении р. Волги. Накануне Великой Отечественной войны он стремительно набирал темпы индустриального развития, располагался в глубоком тылу, выделялся выгодным географическим положением, находясь на значительном удалении от западных и восточных границ СССР. Кроме того, город являлся важным железнодорожным узлом, связывающим Центр и Юг страны с Уралом и Сибирью, соединяя их со Средней Азией. Сообщение с городом осуществлялось также посредством водного транспорта. Через него проходила и проложенная еще в годы первой пятилетки важная трасса Гражданского воздушного флота Москва – Куйбышев – Оренбург – Ташкент.

Удобное географическое положение, хорошая обеспеченность города железнодорожным и речным транспортом, наличие воздушного сообщения со столицей, недостижимость его для дальней бомбардировочной авиации противника и защищенность с запада рекой Волгой стали, по видимому, убедительными аргументами при выборе г. Куйбышева основным пунктом размещения эвакуируемых высших государственных органов власти, дипломатического корпуса и ряда наркоматов в октябре 1941 г. Предметом исследования является г. Куйбышев в хронологических рамках 1941–1943 гг. Источниковая база представлена материалами центральных и местных архивов. Новые документы позволяют более детально судить о роли и значении г. Куйбышева в жизни страны в военное время, о некоторых аспектах его повседневной жизни, связанных с пребыванием столичных и зарубежных гостей, оставивших заметный след в его истории.

Ход исследования

Когда 15 октября 1941 года над Москвой нависла угроза захвата, Сталин, по воспоминаниям А.И. Микояна, не потерял выдержки. «Перед членами ГКО он изложил обстановку <...> предложил срочно эвакуировать правительство, важнейшие учреждения, политических и государственных деятелей <...> правительство эвакуировать в Куйбышев, туда же перевести иностранные посольства, наркоматы перебазировать в другие города» (цит.

по: [Горьков 2002, с. 55]). Тут же было подготовлено постановление ГКО. Сталиным было дано ему название (в проекте постановления имеется его собственноручная правка): «Постановление Государственного Комитета Оборона об эвакуации столицы СССР г. Москвы» (Текущий архив... Память о прошлом–2015; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 23. Л. 20). В принятом в тот же день постановлении говорилось об эвакуации в г. Куйбышев иностранных миссий, Президиума Верховного Совета СССР, Правительства во главе с заместителем СНК Молотовым, органов наркомата обороны и Наркомвоенмора. Тогда же ГКО была создана «комиссия текущих дел в Куйбышеве» в составе В.М. Молотова (пред.), А.И. Микояна, Н.А. Вознесенского, М.Г. Первухина, В.А. Малышева» [Парамонов 2017, с. 32]. С октября 1941 г. город стал принимать высоких государственных и партийных деятелей: М.И. Калинина, возглавлявшего Президиум Верховного Совета СССР; маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова; заместителя председателя СНК СССР Н.А. Вознесенского, первого секретаря ВЦСПС, председателя Совета по эвакуации Н.М. Шверника, секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева и других, направленных в г. Куйбышев. В.М. Молотов, вспоминая те дни, отмечал, что также побывал в городе Куйбышеве: «Я выезжал всего на два-три дня в Куйбышев и оставил там старшим Вознесенского. Сталин сказал мне: “Посмотри, как там устроились, и сразу возвращайся”» [Чуев 1991, с. 58]. В октябре началось масштабное перемещение московских предприятий в г. Куйбышев. Также в город были эвакуированы столичные творческие коллективы (Большой государственный академический театр), выдающиеся деятели искусства. Среди них был и молодой ленинградский композитор Д. Шостакович, Седьмая симфония которого прозвучала впервые в Куйбышеве 5 марта 1942 года и стала выдающимся событием культурной жизни страны и города.

Эвакуированному в город секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву было предоставлено право «давать указания и распоряжения от имени ЦК ВКП(б) обкомам Поволжья, Урала, Средней Азии, Сибири по вопросам организации промышленности в связи с эвакуацией предприятий в эти области, а также по вопросам сельского хозяйства» (Текущий архив...; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 57). Он должен был работать в тесном контак-

те с «представителем СНК СССР в г. Куйбышеве» Н.А. Вознесенским, которому как заместителю председателя СНК СССР поручалось «представлять в г. Куйбышеве Совет Народных Комиссаров СССР». Должность «председателя Текущей комиссии СНК в Куйбышеве» занимал В.М. Молотов, не покинувший Москву [Горьков 2002, с. 111]. Н.А. Вознесенский возглавлял и Госплан СССР, эвакуированный в г. Куйбышев. В город прибыл аппарат СНК СССР. На основе постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О работе т. Вознесенского в г. Куйбышеве» от 25.10.1941 основным содержанием его деятельности являлось руководство «работой эвакуируемых на Восток наркоматов». Приоритетными определялись наркоматы, представлявшие военно-промышленный комплекс. Он должен был «добиться того, чтобы в кратчайший срок были пущены в ход заводы, эвакуированные на Волгу, Урал и в Сибирь, и чтобы наркоматы авиапрома, танкопрома, вооружения, черной металлургии, боеприпасов заработали в ближайшие недели полным темпом» (Текущий архив... РГАСПИ Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 57).

Постановление ГКО об эвакуации столицы стало судьбоносным в истории города. Начиная с 1996 года, когда впервые самарский писатель А.Е. Павлов назвал г. Куйбышев в годы Великой Отечественной войны «запасной столицей», ведутся дискуссии о его статусе в 1941–1943 гг. [Павлов 1995, 96 с.]. Следует отметить, что термин «запасная столица» появился не в советской, а в американской прессе еще в 1942 году в *Capital Times* и *Chicago Tribune* от 9 января [Буранок 2016, с. 61]. Англо-американская пресса также использовала в определении роли города ряд других обозначений: «военная столица», «новая советская столица», «столица военного времени», «резервная столица» и другие [Буранок 2016, с. 29, 31, 42, 47, 48, 55]. В публикациях советского периода данное название г. Куйбышева в годы войны – «запасная столица» – не фигурировало. Документы, связанные с эвакуацией из Москвы в октябре 1941 года Правительства, высших государственных и партийных органов страны, дипломатического корпуса в г. Куйбышев, для исследователей были практически недоступны, и вопрос о наличии в стране в годы войны «запасной столицы» в городе на Волге не возникал.

Самарские историки и их коллеги в других регионах страны, занимающиеся изучением событий Великой Отечественной войны, термин «запасная столица» с подачи писателя А.Е. Павлова приняли на вооружение, и он стал широко использоваться в публикациях [Храмков, Храмкова 2004, с. 28–39; Данилов 2001, с. 145–149; Репинецкий 2015, с. 30–37; Парамонов 2017, с. 31–38; Буранок, 2016].

Наряду с этим в дальнейших публикациях говорилось о г. Куйбышеве и как о второй, а не «запасной» столице. «Город в течение 22 месяцев являлся фактически второй столицей страны», отмечал Л.В. Храмков [Военно-промышленный комплекс

2005, с. 4]. А.И. Репинецкий предлагает другое понимание роли города в годы войны: «...с октября 1941 по август 1943 г. Куйбышев выполнял роль военной столицы» [Репинецкий 2021, с. 6]. С данной точкой зрения трудно согласиться. Сам автор, приводя в своей монографии воспоминания И.А. Серова, опровергает выдвинутое им положение о Куйбышеве как о столице: «И.В. Сталин не мог допустить, чтобы где-то принимались самостоятельные решения» [Репинецкий 2021, с. 37–38]. Следует добавить, что если бы город был «военной столицей», то штаб Приволжского военного округа не был бы переведен из г. Куйбышева в Саратов [Голуб, Данилов 2021, с. 426].

«Все государственное, военное и хозяйственное руководство страны» (Коржихина 1994, с. 209) в годы Великой Отечественной войны осуществлял Государственный комитет обороны (ГКО). «Его компетенция была чрезвычайно обширна. Он назначал и смещал высшее военное командование, занимался подготовкой и концентрацией резервов для действующей армии, решал военно-стратегические и международно-политические вопросы. ГКО занимался перестройкой экономики на военный лад» [Хохлов 2005, с. 143]. Чрезвычайные органы управления страной и военной экономикой стали в годы войны играть определяющую роль. Председатель ГКО, председатель Совнаркома СССР И.В. Сталин оставался в столице и ее не покинул. Наркомы «с небольшим штатом в 10–12 человек» оставались также в Москве, а «руководство наркоматами на местах возлагалось на первых заместителей наркомов» [Репинецкий 2021, с. 31]. К тому же первые лица, эвакуировавшиеся в г. Куйбышев, после стабилизации обстановки под Москвой вскоре его оставили. В конце ноября отозвали в Москву возглавлявшего Госплан СССР Н.А. Вознесенского, вскоре город покинет и К.Е. Ворошилов [Парамонов 2017, с. 36]. А.А. Андрееву вместе с аппаратом ЦК ВКП(б) разрешалось «к 25 декабря 1941 года переехать для работы в Москву» (Текущий архив...; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1325. Л. 97). В том же месяце город покинет и М.И. Калинин. Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов находился в Москве, а в Куйбышеве – его заместитель А.Я. Вышинский, который и осуществлял основную работу по связям с дипломатическим корпусом.

Все основные правительственные документы уходили из Куйбышева на подпись в Москву. Ключевая роль в городе принадлежала наркоматам иностранных дел и авиационной промышленности. Наркомавиапрому разрешалось «до 1-го января 1942 года перевести аппарат Наркомата из гор. Саратова в г. Куйбышев». Штат наркомата авиационной промышленности и его Главного управления сокращался с 1588 до 755 человек, и весь освобожденный состав сотрудников должен был быть направлен «для работы на авиационные заводы» (Текущий архив...; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1325. Л. 81).

Масштабная эвакуация привела к острейшей проблеме управления наркоматами и другими ведомствами как из Москвы, так и из Куйбышева. Более чем 30 городов СССР приняли 70 с лишним наркоматов, главков, банков и других ведомств. Кроме Куйбышева следует назвать Казань, Уфу, Саратов, Свердловск, Горький, Алма-Ату, Ташкент и другие. Такая разбросанность затрудняла управление наркоматами. Отсутствовали правительственные ВЧ-линии, конечные телеграфные станции. «Даже с Москвой не хватало таких связей, использовалась служба фельдсвязи. Фельдгегеря следовали из Куйбышева в Москву и обратно на самолетах. На охрану государственной и военной тайн было задействовано большое количество личного состава, а главное, затрачивалось много времени на пересылку важных и особо важных документов» [Горьков 2002, с. 56].

Из более чем 30 общесоюзных и союзно-республиканских наркоматов экономического профиля в эвакуации в г. Куйбышеве находились практически чуть более трети. Это видно из списка, приведенного в монографии А.И. Репинецкого [Репинецкий 2021, с. 31]. Правда, из их числа следует исключить наркомат «партийного контроля» (речь, по-видимому, идет о Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)) и Наркомат нефтяной промышленности. Согласно постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О переводе из Москвы Наркоматов и Главных управлений», Наркомнефти эвакуировался в г. Уфу (Энергия... 2015, с. 32). «В конце июля 1941 г. Главное управление нефтедобывающей промышленности Волжских районов (Главнефтедобыча Волжских районов) Наркомнефти было перебазировано из Москвы в Сызрань. В октябре в г. Куйбышев была эвакуирована часть аппарата Наркомнефти. Как вспоминал начальник финансового отдела Наркомнефти И.М. Бройде: «15 октября 1941 г. группе предложили переехать в Куйбышев, куда во главе с В.М. Молотовым эвакуировался Совнарком... Нас поселили в одной из гостиниц, где были и другие группы работников наркоматов. Там же мы и трудились. В Куйбышеве были рассмотрены и определены правительственные плановые показатели промышленности на следующий год» (Курятников 2009, с. 223). Весной 1942 г. данный главк будет упразднен.

Пик «столичного статуса» г. Куйбышева связан с проведением 7 ноября 1941 г. военного парада в честь XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Он имел огромное военно-политическое значение и должен был продемонстрировать дипломатическому корпусу наличие у Советского Союза серьезных резервов, способных противостоять немецко-фашистским войскам.

Наряду с высшими государственными и партийными органами в город был эвакуирован дипломатический корпус (13 посольств, 6 миссий). В дальнейшем число посольств и миссий возрос-

ло до 22. Правительство практически ежедневно получало информацию о встречах и переговорах с дипломатами, их позициях по крупным стратегическим и межгосударственным вопросам.

Особое внимание уделялось охране жизни и здоровья представителей дипкорпуса, их размещению, снабжению продовольственными товарами. Разместили их в лучших купеческих особняках города. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 18 декабря 1941 г. «зам. Народно-го комиссариата торговли Союза ССР Шорин» в секретном письме, направленном в г. Куйбышев, предлагал «ежемесячно выделять через Куйбышевский Гастроном для представительских целей Наркоминдела и иностранных посольств и миссий нижеследующие продукты». Далее идет их перечень: по 0,5 т мяса, сахарного песка, сахара пшеничного; по 0,3 т масла сливочного, 3000 шт. яиц, 100 кг колбас разных и др. [Культурная элита 2019, с. 10]. Обслуживал дипломатов ресторан куйбышевской гостиницы «Гранд Отель». В полугодное время войны проблем с питанием дипломаты не знали. А для жителей города с сентября 1941 г. был осуществлен переход к карточной системе. Она вводилась на хлеб, сахар и кондитерские изделия, с ноября 1941 г. – на жиры, мясо, крупы и макаронные изделия. «Обычная месячная норма по рабочей карточке этими продуктами была следующей: мясо, рыба – 1,8 кг, жиры – 0,4 кг, крупа и макаронные изделия – 1,2 кг» [Широков 2022, с. 185]. О нормах, по которым снабжались продуктами питания дипломаты, жители города знать не могли. Это была секретная информация. Статус гостеприимной державы Советский Союз поддерживал, не ущемляя ни в чем иностранцев, которых военное время по воле Советского правительства занесло в г. Куйбышев.

Для размещения дипкорпуса на время воздушных тревог Горисполкомом в подвальных помещениях трехэтажных зданий были выделены два укрытия II категории. Они обеспечивали защиту находившихся в этих укрытиях от ударных волн, осколков, отравляющих веществ, но не могли спасти от прямого попадания фугасных бомб. На это были рассчитаны только бомбоубежища I категории. В июне 1942 г. А.Я. Вышинский ставит перед В.М. Молотовым вопрос о выделении для «ответственных лиц посольств и миссий» одного из отсеков строившегося подземного бомбоубежища I-й категории. Молотов посчитал это предложение «приемлемым» (Текущий архив... Архив внешней политики РФ. Записка А.Я. Вышинского В.М. Молотову о выделении для дипкорпуса одного из отсеков строящегося в г. Куйбышеве подземного бомбоубежища. 16 июня 1942 г.).

По достижении коренного перелома в ходе войны, наступившего после Курской битвы, дипломаты покинут г. Куйбышев. В постановлении СНК СССР от 4 августа 1943 г. определялся порядок и сроки их возвращения в столицу: «в период между 10–25 августа двумя-тремя группами»

(Текущий архив...; Архив внешней политики РФ. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР о мероприятиях по переводу дипломатического корпуса из г. Куйбышева в г. Москву 4 августа 1943 г.). Последний поезд, увозивший их в Москву, отправится к пункту назначения 21 августа.

В городе Куйбышеве было возведено бомбоубежище и для главы партии и государства И.В. Сталина. В приказе наркома путей сообщения Л.М. Кагановича от 22/X-1941 г., принятого во исполнение постановления ГКО от 21/X-1941 г., говорилось о постройке в г. Куйбышеве бомбо- и газоубежища «глубокого заложения, не менее 25 метров глубины», защищенного от воздействия ФАБ – 2000 кг при прямом попадании, площадью 200 м²» (Текущий архив...; РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 49. Д. 1087. Л. 252). Сегодня мы его знаем как «Бункер Сталина», который, имея глубину 37 метров, являлся самым защищенным из всех созданных для руководителей стран – участниц Второй мировой войны. Основные работы велись силами работников «Метростроя».

О дате приемки «спецобъекта № 1» в эксплуатацию имеются разноречивые даты – 16 декабря 1942 г. [Самарская летопись 1998, с. 145], 6 января 1943 г. [Годы... 2000, с. 80]. Отметим, что 16 декабря 1942 г. СНК СССР утвердил «комиссию «по приемке законченного метростроем убежища в г. Куйбышеве» [Годы... 2010, с. 169]. В Акте Правительственной комиссии от 21 января 1943 г. по приемке спецобъектов № 1 и № 2 Строительства 1 «Метростроя» в г. Куйбышеве говорилось, что она «произвела в период с 25 декабря 1942 года по 4 января 1943 года осмотр сооружений объектов № 1 и № 2, ознакомилась с техническим проектом, документами на скрытые работы, исполнительными чертежами и документами, опробовала сантехнические и электротехнические устройства, а также провела проверку сооружений на герметичность» (Текущий архив...; РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 49. Д. 1834. Л. 1).

В годы Великой Отечественной войны г. Куйбышев стал одним из главных информационных центров страны. В октябре 1941 г. Совет по эвакуации разрешил ТАСС эвакуировать («срочно отправить») в г. Куйбышев «100 человек сотрудников центрального аппарата» [Текущий архив...; ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 6. Д. 43. Л. 157]. В город было направлено полиграфическое оборудование газеты «Известия» (Текущий архив... РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 49. Д. 4173. Л. 262). Вскоре в Куйбышеве начнут издаваться центральные газеты страны («Правда», «Известия», «Красная Звезда»), придут сотрудники информационного агентства ТАСС, которые будут задействованы «для обслуживания дипломатического корпуса и НКВД» [Культурная элита 2019, с. 11]. Журналисты столкнутся с резко выросшей на них нагрузкой. Так, небольшая группа из пяти корреспондентов, двух переводчиков и немецкого редактора «обслуживала шесть телеграфных агентств и шестнадцать газет на трех языках» [Культурная элита 2019, с. 56].

В конце 1943 г. государственная комиссия приняла в эксплуатацию сверхмощную радиостанцию (объект №15) [Тюфяков, Коллюшко, Казадаев 2015, с. 363], построенную на территории Красноярского района Куйбышевской области. Передачи, транслировавшиеся из радицентра, охватывали всю Европу, Северную Африку, а в ночное время и Америку. Корреспонденты Советского информбюро давали правдивую информацию о положении дел в Советском Союзе, разоблачали нацистскую пропаганду.

В связи с эвакуацией в город правительственных учреждений, дипкорпуса возросла нагрузка на торговую сеть, которая стала обслуживать и «спецконтингент». В выступлении секретаря партийной организации Куйбышевского показательного универмага НКТ СССР в начале 1942 г. отмечалось: «...значительно расширена торговая сеть по обслуживанию спецконтингента в связи с переездом правительства в гор. Куйбышев и эвакуированного населения» (ЦГАСО. Ф. 8307. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 4).

СССР готовился к предстоящей войне, но удар, нанесенный по нему, превзошел все ожидания. Из четырех экономических районов, которыми СССР располагал до нападения на него Германии, три были выведены из строя в первый год войны. В наличии остался только Уральский промышленный район. «Из-за неудачного хода первых оборонительных операций летом 1941 г. 80 % общего количества предприятий военной промышленности СССР оказались в зоне боевых действий и прифронтовых районах» [Кульков, Мягков, Ржешевский 2001, с. 202]. Страна приступила к всеобъемлющей эвакуации. Предпринятые меры привели к вводу в эксплуатацию в 1941–1942 гг. на востоке страны более 2,5 тыс. предприятий военной промышленности, и их удельный вес «в восточных районах повысился с 18,5 % в июне 1941 г. до 76 % в июне 1942 г.» [Вдовин 2011, с. 225].

Одним из центров перебазирования оборонных предприятий стало Среднее Поволжье. На 21 ноября 1941 года в Куйбышевскую область было эвакуировано 60 предприятий [Годы... 2010, с. 5]. 40 крупных промышленных предприятий разместились в г. Куйбышеве. Вместе с ними в город прибыло более 100 тыс. промышленного персонала [Репинецкий 2006, с. 211]. Центром размещения эвакуированных предприятий, рабочих и ИТР, прибывших с ними, стал район, который называется Безымянка. В схеме планирования г. Самары от 18 июня 1929 г. «район Безымянка, примыкавший к городу», охарактеризован как представляющий «наиболее выгодные условия для создания крупного промышленного района». Площадь района составляла 672 га (ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 334. Л. 2 об.). По первому Генплану развития г. Куйбышева 1937 года здесь планировалось организовать крупный промышленный район с предприятиями тяжелой индустрии в районе станции Пятилетка.

К этому времени на Безымянской площадке располагался целый ряд промышленных предприятий. В дальнейшем «планировалось разместить автозавод тяжелых грузовиков, который должен был стать главным промышленным предприятием города Куйбышева» [Безымянская ТЭЦ 2014, с. 336].

Сложная международная обстановка, а затем начавшаяся война нарушили предвоенные планы. Вместо автозаводского района, который должен был появиться на Безымянской площадке, она стала основным местом сосредоточения авиационных предприятий, развернувших свою деятельность в новых городских районах – Кировском и Красноглинском, организованных в 1942 г. Первым на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 марта 1942 г. был организован Кировский район [Годы... 2000, с. 75]. При его характеристике обращалось внимание на то, что в нем «сосредоточены все крупные предприятия авиационной промышленности, эвакуированные из Москвы, Киева, Воронежа, Риги, Каунаса, Смоленска и других городов» [Годы... 2010, с. 113]. Новый район оказался слишком насыщен предприятиями военно-промышленного комплекса, и возникшие сложности в управлении им привели к его разукрупнению. 2 июля того же года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в Куйбышеве был «образован Красноглинский район за счет разукрупнения Кировского района» [Годы... 2000, с. 76].

Постановление ГКО от 14 апреля 1943 г. «О строительстве импортных нефтеперерабатывающих заводов» (Энергия... 2015, с. 139) повлекло за собой организацию 10 августа 1943 г. еще одного нового района – Куйбышевского [Годы... 2000, с. 83]. На его территории началось строительство на технологическом оборудовании, поставленном из США по ленд-лизу, нефтеперерабатывающего завода № 443, который был рассчитан на производство 170 тыс. тонн автобензина в год.

Организация трех новых районов – Кировского, Красноглинского и Куйбышевского – стала следствием начавшейся войны, приведшей к эвакуации предприятий и населения, развитию военно-промышленного комплекса и связанных с ним отраслей промышленности, к активному освоению пригородных территорий.

В имеющихся публикациях по районированию г. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны допущены неточности [Самарская летопись 1998, с. 136; Храмов, Храмова 2003, с. 12; Хра-

мов, Храмова 2004, с. 62]. Так, в одной из них говорится: «В годы войны в северо-восточной части города возникли и сформировались три новых административных района: Кировский, Молотовский (ныне Советский), Сталинский (ныне Октябрьский). Получили развитие Красноглинский и Куйбышевский районы» [Храмов 2004, с. 62]. Молотовский и Сталинский районы, об организации которых пишут авторы, были созданы еще в 1939 году (Государственный архив 1971, с. 289–290). В период Великой Отечественной войны за счет разукрупнения Молотовского района возник Кировский, и из него в том же 1942 г. был выделен Красноглинский район.

21 августа 1943 г., когда последний «поезд с дипломатами выехал из г. Куйбышева», Указом Президиума Верховного Совета РСФСР г. Куйбышев был «выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр и отнесен к категории городов республиканского подчинения» [Годы... 2010, с. 215].

Заключение

В освещении истории города Куйбышева периода 1941–1943 гг., когда он играл существенную роль на общесоюзном уровне, остаются вопросы, которые пока не имеют однозначного толкования. Один из них – о статусе города. Был он «запасной» или «военной» столицей или не был? В статье утверждается, что не был, но выполнял определенные столичные функции, согласовывая обязательно свои шаги с Москвой. Не введенный в научный оборот документальный материал о времени пребывания отдельных наркоматов в г. Куйбышеве и их функционировании препятствует раскрытию их деятельности. В публикации внесена ясность по наркомату нефтяной промышленности, который в город Куйбышев не эвакуировался, но здесь часть его сотрудников занималась разработкой планов развития нефтяной промышленности на 1942 г. Уточнена дата приемки Правительственной комиссией спецобъектов № 1 («Бункер Сталина») и № 2 (для Генерального штаба Красной Армии). Представлены процессы районирования городской территории в период войны, главным назначением которых являлось улучшение деятельности военно-промышленного комплекса города. Отнесение в 1943 г. Куйбышева к категории городов республиканского подчинения засвидетельствовало признание его заслуг в самые тяжелые годы войны.

Материалы исследования

РГАСПИ – *Российский государственный архив социально-политической истории.*

РГАЭ – *Российский государственный архив экономики.*

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области.*

Текущий архив... – *Текущий архив филиала Российского государственного архива научно-технической документации в г. Самаре (филиал РГАНТД в г. Самаре). Каталог документов выставки «Память о прошлом – 2015».*

Государственный архив 1971 – *Государственный архив Куйбышевской области и его филиалы: справочник*. Куйбышевское книжное изд-во, 1971. 351 с.

Коржихина 1994 – *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 г.: учебник для вузов по спец. «История». 2-е изд., перераб. и доп. Москва: РГГУ, 1994. 500 с. URL: <https://klex.ru/1i2i?ysclid=lyr76r9ha828305105>.

Курытников В.Н. 2009 – *Курытников В.Н.* Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30–50-е гг. XX века): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02: защ. 18.12.2009. 572 с.

Энергия 2015 – *Энергия* Великой Победы / группа авторов, по заказу Министерства энергетики Российской Федерации. Москва: Экспертус, 2015. 500 с.

Библиографический список

Безымянская ТЭЦ 2014 – *Безымянская ТЭЦ*. 1937–1941. Теплоэлектропроект, проектная организация / Виталий Самогоров, Валентин Пастушенко. Екатеринбург: Tatlin, 2014. 36 (333–368) с.

Буранок 2016 – *Буранок С.О.* Куйбышев – запасная столица СССР: Образ города в англо-американском обществе 1941–1945 гг.: монография. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2016. 238 с.

Вдовин 2011 – *Вдовин А.И.* История СССР от Ленина до Горбачева. Москва: Вече, 2011. 528 с. URL: <https://djvu.online/file/11O8OdTcPq6bS?ysclid=lyr49d166z516108177>.

Военно-промышленный комплекс 2005 – *Военно-промышленный комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов*. Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский Дом печати», 2005. 304 с. URL: https://msrabota.ru/content/book_docs/Voenno-promyshlennyj_kompleks_.pdf.

Годы... 2000 – *Годы и события*. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). Самара, 2000. Т. 2. 1921–2000. 386 с. URL: <https://djvu.online/file/1V8Js2pbbQ1bc?ysclid=lyr4xkf7c349106727>.

Годы... 2010 – *Годы, опаленные войной: Куйбышевская область. 1941–1945 гг.: Хроника событий* [отв. сост. А.Г. Удинцев]. Самара: ООО «Офорт», 2010, 345 с. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/257811-gody-opalyonnye-voynoy-kuibyshevskaya-oblast-1941-1945-gg-hronika-sobytiy>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19728121>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qpsmcv>.

Голуб, Данилов 2020 – *Голуб Ю.Г., Данилов В.Н.* Саратов – город трудовой доблести // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 424–436. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-424-436>. EDN: <https://www.elibrary.ru/efc1c>.

Горьков 2002 – *Горьков Ю.А.* Государственный комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 575 с. URL: <https://prussia.online/books/gosudarstvenniy-komitet-oboroni-postanovlyet?ysclid=lyr6hmd4hp412804235>.

Данилов 2001 – *Данилов В.Н.* Самара (Куйбышев) – запасная столица страны в годы Великой Отечественной войны: организация защиты // Самарский край в контексте российской истории: сб. ст. междунар. научно-практич. конф., 8–12 июня 2001 г. / под общ. ред. Э.А. Куруленко. Самара: Департамент культуры Администрации Самарской области, 2001. С. 145–149. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44270398>. EDN: <https://www.elibrary.ru/efkosi>.

Кульков, Мягков, Ржешевский 2001 – *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Война 1941–1945. Факты и документы. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 480 с.

Культурная элита 2019 – *Культурная элита* запасной столицы в иллюстрациях и документах / Виталий Добрусин. 2-е изд. Самара, 2019. 112 с.

Павлов 1995 – *Павлов А.Е.* Запасная столица. Самара: Самарский Дом печати, 1995. 96 с. URL: https://royallib.com/book/pavlov_andrey/zapasnaya_stolitsa.html.

Парамонов 2017 – *Парамонов В.Н.* «Запасная столица» в дни московской битвы (октябрь 1941 г. – апрель 1942 г.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 1.1. С. 31–38. URL: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/download/5177/5100.pdf>.

Репинецкий 2021 – *Репинецкий А.И.* Военная столица СССР. 1941–1943 гг.: очерки истории города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. Самара: Научно-технический центр, 2021. 270 с.

Репинецкий 2015 – *Репинецкий А.И.* «Запасная столица» на перекрестке войны и дипломатии (г. Куйбышев в годы Великой Отечественной войны) // Проблемы изучения военной истории: сб. ст. Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Научно-технический центр, 2015. С. 30–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27232955>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wxykjl>.

Репинецкий 2006 – *Репинецкий А.И.* Оборонный комплекс Среднего Поволжья в первые годы Великой Отечественной войны: проблемы кадрового обеспечения (1941–1942 гг.) // Самарский земский сборник. 2006. № 1–2 (13–14). С. 210–215.

Самарская летопись 1998 – *Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней: в 3 кн.* / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова. Книга третья: Самарский край в XX веке (1918–1996 гг.).

Самара: Самарский университет, 1998. 264 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Samarskaya-letopis-Kn-3-73368>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35686030>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yatbwx>.

Тюфяков, Колюшко, Казадаев 2015 – *Тюфяков К.В., Колюшко К.С., Казадаев Д.С.* Проектирование и строительство уникальных объектов в условиях военного времени на примере сверхмощной радиовещательной станции в г. Куйбышеве // Проблемы изучения военной истории: сборник статей третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара, 2015. С. 358–364. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27233024>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wxyljz>.

Хохлов 2005 – *Хохлов Е.В.* Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. 282 с. URL: <https://studylib.ru/doc/2566738/voennaya-ekonomika-sssr-nakanune-i-v-gody-vtoroj>.

Храмков, Храмкова 2004 – *Храмков Л.В., Храмкова Н.П.* Самара и Самарская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Очерк истории. Хроника событий. Самара: Самарский университет, 2004. 292 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19713558>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qpkerr>.

Храмков, Храмкова 2003 – *Храмков Л.В., Храмкова Н.П.* Самарская земля в годы военного лихолетья 1941–1945 гг. Самара: НТИЦ, 2003. 372 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19682957>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qosuab>.

Чуев 1991 – *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева; Послесловие С. Кулешова. Москва: ТЕППА, 1991. 623 с. URL: <https://djvu.online/file/5otHM3w562jl2?ysclid=lysd89joda541540074>.

Широков 2022 – *Широков Г.А.* Военные годы Куйбышевского региона. 1941–1945: монография / науч. ред. В.И. Дорофеев, О.Н. Солдатова. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2022. 336 с.

References

Bezmyanskaya CHPP 2014 – *Samogorov V., Pastushenko V.* (2014) *Bezmyanskaya CHPP. 1937–1941.* Teploelectroproekt, design organization. Yekaterinburg: Tatlin, 36 p. (pp. 333–368). (In Russ.)

Buranok 2016 – *Buranok S.O.* (2016) *Kuibyshev – the alternate capital city of the USSR: city image in the British – American society of 1941–1945: monograph.* Samara: Izd-vo SamNTs RAN, 238 p. (In Russ.)

Vdovin 2011 – *Vdovin A.I.* (2011) *History of the USSR from Lenin to Gorbachev.* Moscow: Veche, 528 p. Available at: <https://djvu.online/file/11O8OdTcPq6bS?ysclid=lyr49d166z516108177>. (In Russ.)

Military-industrial complex... 2005 – *Military-industrial complex of the Kuibyshev region in the Great Patriotic War (1941–1945): collection of documents.* Samara: FGUP «Izd-vo «Samarskii Dom pechati», 304 p. Available at: https://msrabota.ru/content/book_docs/Voenno-promyshlennyj_kompleks_.pdf. (In Russ.)

Years... 2000 – *Years and events. Chronicle (on 150 years of the Samara region).* Samara, vol. 2. 1921–2000, 386 p. Available at: <https://djvu.online/file/1V8Js2pbbQ1bc?ysclid=lyr4xkf7c349106727>. (In Russ.)

Years... 2010 – *Udintsev A.G.* (2010) *Years burned by the war: Kuibyshev region. 1941–1945: chronicle of the events.* Samara: ООО «Ofort», 345 p. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/257811-gody-opalyonnye-voynoy-kuybyshevskaya-oblast-1941-1945-gg-hronika-sobytiy>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19728121>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qpsmcv>. (In Russ.)

Golub, Danilov 2020 – *Golub Yu.G., Danilov V.N.* (2020) *Saratov – the City of Labor Valour. Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 20, issue 4, pp. 424–436. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-424-436>. EDN: <https://www.elibrary.ru/eftele>. (In Russ.)

Gorkov 2002 – *Gorkov Yu.A.* (2002) *State Defence Committee decrees (1941–1945). Numerals, documents.* Moscow: OLMA-PRESS, 575 p. Available at: <https://prussia.online/books/gosudarstvennyy-komitet-oboroni-postanovlyaet?ysclid=lyr6hmd4hp412804235>. (In Russ.)

Danilov 2001 – *Danilov V.N.* (2001) *Samara (Kuibyshev) – the alternate capital city in the time of the Great Patriotic War: organization of protection.* In: *Kurulenko E.A. (Ed.) Samara region in the context of the Russian history: collected articles of the International research and practical conference, June 8–12, 2001.* Samara: Departament kul'tury Administratsii Samarskoi oblasti, pp. 145–149. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44270398>. EDN: <https://www.elibrary.ru/efkosi>. (In Russ.)

Kulkov, Myagkov, Rzheshesky 2001 – *Kulkov E.N., Myagkov M.Y., Rzheshesky O.A.* (2001) *War of 1941–1945. Facts and documents.* Moscow: «OLMA-PRESS», 480 p. (In Russ.)

Cultural elite 2019 – *Dobrusin V.* (2019) *Cultural elite of the alternate capital city in figures and documents.* 2nd edition. Samara, 112 p. (In Russ.)

Pavlov 1995 – *Pavlov A.E.* (1995) *The alternate capital city.* Samara: Samarskii Dom pechati, 96 p. Available at: https://royallib.com/book/pavlov_andrey/zapasnaya_stolitsa.html. (In Russ.)

Paramonov 2017 – *Paramonov V.N.* (2017) «Spare capital» during the Moscow battle days (October 1941 – April 1942). *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 23, no. 1.1, pp. 31–38. Available at: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/download/5177/5100.pdf>. (In Russ.)

Repinetskiy 2021 – *Repinetskiy A.I.* (2021) Military Capital Of The Ussr, 1941–1943: Essays On The History Of The City Of Kuibyshev During The Great Patriotic War. Samara: Nauchno-tehnicheskii tsentr, 270 p. (In Russ.)

Repinetskiy 2015 – *Repinetskiy A.I.* (2015) «Alternate capital city» on crossroads of the war and diplomacy (city of Kuibyshev in the time of the Great Patriotic War). In: *Problems of the study of military history: collection of articles of the Third All-Russian scientific conference with international participation*. Samara: Nauchno-tehnicheskii tsentr, pp. 30–37. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27232955>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wxykjl>. (In Russ.)

Repinetskiy 2006 – *Repinetskiy A.I.* (2006) The defense complex of the Middle Volga in the first years of the Great Patriotic War: staffing issues (1941–1942). *Samarskii zemskii sbornik*, no. 1–2 (13–14), pp. 210–215. (In Russ.)

Samara chronicle 1998 – *Kabytov P.S., Khramkov L.V. (Eds.)* (1998) Samara chronicle: essays of the history of the Samara region from ancient times to nowadays: in 3 vols. Volume 3: Samara region in the XX century (1918–1996). Samara: Samarskii universitet, 264 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Samarskaya-letopis-Kn-3-73368>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35686030>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yatbwx>. (In Russ.)

Tyufyakov, Kolyushko, Kazadaev 2015 – *Tyufyakov K.V., Kolyushko K.S., Kazadaev D.S.* (2015) Planning and building of the unique objects in the war time by example of the high-power broadcasting station in the city of Kuibyshev. In: *Problems of study of military history: 3rd All-Russian scientific conference with international participation: collected articles*. Samara, pp. 358–364. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27233024>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wxyljz>. (In Russ.)

Khokhlov 2005 – *Khokhlov E.V.* (2005) Military economy of the USSR before and in the years of the Second World War. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 282 p. Available at: <https://studylib.ru/doc/2566738/voennaya-e-konomika-sssr-nakanune-i-v-gody-vtoroj>. (In Russ.)

Khramkov, Khramkova 2004 – *Khramkov L.V., Khramkova N.P.* (2004) Samara and Samara region in the time of the Great Patriotic War of 1941–1945: essay of history. Chronicle of events. Samara: Samarskii universitet, 292 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19713558>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qpkerr>. (In Russ.)

Khramkov, Khramkova 2003 – *Khramkov L.V., Khramkova N.P.* (2003) Samara region in the hard wartime of 1941–1945. Samara: NTTs, 372 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19682957>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qosuab>. (In Russ.)

Chuev 1991 – *Chuev F.* (1991) 140 talks with Molotov: From the day book of F. Chuev; afterword by S. Kuleshov. Moscow: TERRA, 623 p. Available at: <https://djvu.online/file/5otHM3w562jl2?ysclid=lysd89joda541540074>. (In Russ.)

Shirokov 2022 – *Shirokov G.A.* (2022) War years of Kuibyshev region. 1941–1945: monograph. V.I. Dorofeev, O.N. Soldatova (Eds.). Samara: Nauchno-tehnicheskii tsentr, 336 p. (In Russ.)

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-72-88

НАУЧНЫЙ ОБЗОР

УДК 378

Дата поступления: 15.07.2024
рецензирования: 18.08.2024
принятия: 02.09.2024

Научное знание в педагогике о средствах обучения

Н.Б. СтрекаловаСамарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
Тольяттинская академия управления, г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: nb.strekalova@gmail.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0477-0163>**А.М. Санько**Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sank-albina@rambler.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5536-5929>

Аннотация: Представлен научный обзор проблем, которые являются актуальными для исследователей в области образования в последнее десятилетие. Вопросы содержания образования и его влияния на окружающую действительность рассматривались исследователями разных сфер научного знания: социологии, культурологии, истории, философии, политологии, психологии. В научных публикациях отмечается, что изменения в образовании и их влияние на личность происходят за счет различного инструментария учебно-воспитательного процесса, которые можно выделить в обобщенную дефиницию «средства обучения». Анализ научной литературы и нормативных документов в сфере образовательных услуг в РФ позволил определить направления исследований, которые имеют приоритет для педагогической практики. Значимым для авторов является использование комплекса упражнений, образовательных курсов, проектных методов, ситуативных задач, игровых технологий для формирования профессиональных компетенций специалистов. Большинство исследователей отмечают необходимость обоснования применения цифровых технологий для решения инновационных педагогических задач. В научных публикациях, вошедших в обзор, предпринимаются попытки разработки критериев оценки эффективности используемых в образовательной практике средств обучения, их ранжирование и классификация по разным основаниям, а также приводится дидактический потенциал цифровых образовательных ресурсов.

Ключевые слова: образование; средства обучения; методы обучения; технологии обучения; содержание образования; цифровые средства обучения; цифровые образовательные ресурсы.

Цитирование. Стрекалова Н.Б., Санько А.М. Научное знание в педагогике о средствах обучения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 72–88. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-72-88>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Стрекалова Н.Б., Санько А.М., 2024

Наталья Борисовна Стрекалова – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; заведующий кафедрой прикладной информатики и высшей математики, ректор, Тольяттинская академия управления, 445057, Российская Федерация, г. Тольятти, Приморский бульвар, 25.

Альбина Михайловна Санько – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 15.07.2024
Revised: 18.08.2024
Accepted: 02.09.2024

Scientific knowledge in pedagogy about learning tools

N.B. StrekalovaSamara National Research University, Samara, Russian Federation
Tolyatti Academy of Management, Tolyatti, Russian Federation
E-mail: nb.strekalova@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0477-0163>

A.M. Sanko

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: sank-albina@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5536-5929>

Abstract: A scientific review of the problems that are relevant for researchers in the field of education in the last decade is presented. The issues of the content of education and its impact on the surrounding reality were considered by researchers from different fields of scientific knowledge: sociology, cultural studies, history, philosophy, political science, psychology. Scientific publications note that changes in education and its impact on personality occur due to various tools of the educational process, which can be identified in the generalized definition of «learning tools». The analysis of scientific literature and regulatory documents in the field of educational services in the Russian Federation allowed us to identify research areas that are of priority importance for pedagogical practice. It is significant for the authors to use a set of exercises, educational courses, design methods, situational tasks, and game technologies to form professional competencies of specialists. Most researchers note the need to justify the use of digital technologies to solve innovative pedagogical tasks. The scientific publications included in the review attempt to develop criteria for evaluating the effectiveness of teaching tools used in educational practice, their ranking and classification on various grounds, as well as the didactic potential of digital educational resources.

Key words: education; learning tools; teaching methods; learning technologies; educational content; digital learning tools; digital educational resources.

Citation. Strekalova N.B., Sanko A.M. Scientific knowledge in pedagogy about learning tools. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 72–88. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-72-88>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: the author declares no conflicts of interest.

© Strekalova N.B., Sanko A.M., 2024

Natalia B. Strekalova – Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, professor of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation; head of the Department of Applied Informatics and Higher Mathematics, Rector, Tolyatti Academy of Management, 25, Primorsky Boulevard, Togliatti, 445057, Russian Federation.

Albina M. Sanko – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Процессы образования и обучения входят в сферу научных интересов исследователей из различных областей научного знания. Анализ диссертаций за последние десять лет выявил, что проблемы обучения и образования находят отражение не только в педагогических, но и в социологических, исторических, политических, психологических, юридических, культурологических исследованиях.

Так, культурологов интересуют аспекты управления образованием (Чиркова Н.В. и др.) и его изменения в содержании технического (Беданов Р.А.), гуманитарного (Верховых И.А.) направлений, а также запросы общества в образовании в сфере культуры и искусства (Ирхен И.И.) в условиях информационного общества как в глобальном, так и в региональном аспектах. В социологических исследованиях изучаются, во-первых, как ресурсы разных уровней и форм образования (дополнительное профессиональное – Трубин Г.А., Тюрин Э.И., Ерегина А.Г.; непрерывное – Ковалев И.В.; дистанционное – Абрамовский А.Л., Борисов И.В. и т. д.), которые влияют на взаимодействие обучающихся с иными социальными институтами; во-вторых, влияние гуманитарного (Гурарий А.Г.), правового (Кукушкина А.А.), инклюзивного (Коржук С.В.) образования на социокультурное пространство общества, его региональный аспект (Кукушкина А.А., Власова О.В.).

В области политических наук исследователей интересует, как образовательная политика и организация процесса обучения коррелируют с политической модернизацией общественных процессов (Макарова Т.Б.), а также они рассматривают об-

разование в качестве инструмента «мягкой силы» (Сюн Лэпин). Исследователи в области юриспруденции выявляют закономерности и особенности организации обучения таких категорий населения, как сотрудинки, совмещающие работу с учебой (Саломатин И.Н.), и осужденные (Ивасенко Я.С.). Актуальными также являются вопросы изучения стратегий получения образования сотрудинками, совмещающими работу с учебой, в психологических исследованиях (Берлова Т.Н.).

Процесс обучения как предмет изучения исследователей-психологов интересует с позиции адаптации к профессиональной деятельности разных категорий слушателей: учителей (Ветвицкая Т.В.), инкассаторов (Дука А.И.), сотрудинков органов внутренних дел (Попинако Е.А.). В исторических исследованиях детальное изучение получили процесс организации, хронология развития и кадровый состав узких направлений подготовки (историческое – Князева Н.В., музыкальное – Суэтин И.Н.) и др. (см. Материалы исследования).

В философских исследованиях освещаются проблемы образования как: социального феномена (Бигнова М.Р.), социокультурного фактора формирования ценностных ориентаций (Тавакалова М.К.); института формирования сознания и мышления (Попов Д.Н.); способа социализации (Калинин А.А.); способа социокультурного становления личности (Хоминская В.В.); средства ресоциализации личности (Терехова Н.Ю.); ценности европейской культуры (Кукина Е.А.). Кроме того, исследуются проблемы религиозного (Левицкая А.А., Бигнова Н.В., Демидов Г.В.), негосударственного высшего (Панкина С.Н.), второго высшего (Терехова Н.Ю.) образования.

Вместе с тем большинство исследований рассматривают разнообразие средств обучения как основу реализации образования, отвечая на вопросы «Посредством чего происходит процесс обучения?» и «Как это влияет на результат обучения?». Однако среди ученых существует многообразие мнений, что есть средство обучения. Так, академик А.М. Новиков определяет, что в «самом широком смысле средствами образования выступает весь окружающий мир: природа, машины производства искусства, книги, кинофильмы и т. д. и т. п.» [Новиков 2010, с. 196]. Кроме того, учеными утверждается, что «средствами, способами образования выступают: обучение, понимаемое как взаимодействие того, кто учит, и того, кто учится (учебный процесс), самообразование и воспитательный процесс, осуществляемый во внеучебное время» (Загвязинский 2008). Кроме того, еще на рубеже тысячелетий В.В. Краевский говорил о «средствах передачи содержания (образования), то есть в первую очередь о методах обучения, а их общая характеристика связана с определением содержания» [Краевский 2000].

Таким образом, исследователи к средствам обучения в разных интерпретациях могут относить: «методы обучения», «технологии обучения», «образовательные ресурсы», «содержание образования», «формы обучения» и иной инструментарий, используемый в учебном процессе. Стоит отметить, что в педагогической практике данные дефиниции имеют множество определений и трактовок, что позволяет, согласно действующему Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», свести их к обобщенному понятию «средства обучения».

Интерес исследователей к средствам обучения

Рассмотрим, какие проблемы в сфере образования интересуют ученых в контексте выделенных дефиниций. Анализ статей журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» за последние пять лет в рубрике «Педагогика» выявил, что наиболее актуальными для авторов становятся: запрос общества на использование цифровых технологий в учебно-воспитательном процессе [Вандышева 2022; Бороненко, Федотова 2022; Шарифиева, Мухаметшин 2022; Дудина 2022; Проценко 2021; Вохрышева, 2021; Троицкая 2021; Мельник, Нестеренко 2020; Куриленко 2020, 2021; Куприянова, Валеева 2024; Меркулова, Кашина 2020; Лаптева, Пахмутова 2020]; способы реализации смешанного обучения [Киселева 2020; Козырева 2021; Акчурина 2023; Широколобова 2024]; игровые технологии [Белов 2024; Морозова 2023; Luganskaia 2020]; проблемы повышения квалификации специалистов [Соловова, Ежов, Яшкин 2020; Руднева 2020; Рубцова 2021; Киселева 2020]; условия организации различных сред (социальной – [Куриленко 2021], цифровой образовательной – [Бороненко, Федотова 2022], мультиактивной – [Мельник, Нестеренко 2020], межкультурной – [Меркулова, Кашина 2020; Храмцова 2020] и сфер (социальной – [Куриленко 2021], медиа –

[Вохрышева 2021]). Рассматривается их влияние на формирование профессиональных компетенций специалистов. Кроме того, в зону научных интересов авторов журнала входят здоровьесберегающие технологии, проектные технологии [Устинова 2020; Вандышева 2022]; кейс-методы [Ариюткина 2020; Меркулова, Кашина 2020; Храмцова 2020; Киселева 2020; Дятлова 2022; Проценко 2021; Рукавишников 2021; Морозова 2023], различные тренинги и мастерские [Сысоева 2020; Голубков 2020; Жаринова 2022]; система упражнений и авторские методики [Храмцова 2020; Русакова, Кушнырь, Царская 2023; Чаусова, Илюхина 2021]. За пределами выделенных дефиниций в обозначенный пятилетний период опубликовались результаты исследований по определению результативных характеристик обучающихся и различных специалистов, а также вопросы мониторинга качества образования на современном этапе. Анализ публикаций в области образования на портале Российской научной электронной библиотеки (elibrary.ru) за период с 2014 по 2024 год выявил подобную закономерность, которая дополняется проблемами инноваций в образовании [Беленько 2021; Березина, Степанова 2020].

Оценка эффективности применения средств обучения в образовательной практике

В контексте обзора понятий, относящихся к обобщенной группе средств обучения, значимым для любого исследователя является эффективность используемого инструментария. В профессиональном образовании исследователями эффективность средств обучения определяется как «мера оценки методов обучения с точки зрения того, насколько они способствуют более полному освоению содержания обучения и достижению его социальных и педагогических целей [Лангуев 2022]. По мере того как усложняется содержание обучения, усиливается необходимость обновления дидактической системы, ее переориентации на активные методы, сочетаемые с широким использованием новейших технических средств» (Вишнякова 1999).

Педагогами разрабатываются критерии оценки эффективности применения средств обучения. В современной педагогической практике с наибольшим упоминанием встречаются критерии эффективности педагогических технологий, которые выделяются учеными по разным основаниям и этапам. Так, Д.В. Чернилевский предлагает систему оценки педагогических технологий, которая включает: группу критериев оценки на этапе проектирования новых технологий (критерий однозначности выполнения включенных в технологию обучения процедур и операций и функциональную полноту реализации процесса обучения, критерий технологической последовательности); группу критериев оценки новых технологий на этапе функционирования (критерий эффективности содержания обучения, критерий эффективности методов, используемых в процессе обучения, критерий эффективности используемых в процессе обучения дидактических средств); группу

критериев эффективности результатов обучения (критерий качественной оценки знаний, критерий сформированности профессиональных навыков, критерий количественной оценки знаний).

Коллектив исследователей [Критерии... 2023] выделил критерии оценки эффективности смешанных образовательных технологий, применяемых в вузе, и обосновал целесообразность «результативного, дидактического и ресурсного критериев для оценки эффективности смешанной образовательной технологии в вузовском образовательном процессе». К результативному критерию для оценки эффективности смешанной образовательной технологии авторы относят «успех в достижении поставленной образовательной цели и положительное к ней отношение субъектов (преподавателей и студентов), а также повышение ответственности, коммуникативности, мотивации учения и самостоятельности у обучающихся». К дидактическому критерию – «предъявление учебного содержания оптимальным сочетанием традиционных и цифровых технологий на всех этапах достижения поставленной цели и вариативность способов коммуникации (прямой и с помощью информационно-коммуникационных технологий) субъектов образовательного процесса (преподавателя и студентов), что расширит объем и доступ к содержанию через электронные образовательные ресурсы, дополнит или заменит традиционные средства для самостоятельной и совместной работы с учебной информацией и коммуникации субъектов средствами информационно-коммуникационных технологий». Ресурсный критерий оценки представлен «повышением вариативности организации образовательного процесса и гибкости управления его обеспечением через согласованность и сбалансированность затрачиваемых внешних и внутренних ресурсов». Таким образом, вектор выделения критериев оценки эффективности применения средств обучения с учетом трансформации общества и образовательной практики перемещается к осмыслению разумного, психологически нетравматичного и объективно необходимого использования цифровых ресурсов в учебно-воспитательном процессе.

Трансформация средств обучения

С развитием цифровых технологий преподаватели получили новые инструменты профессиональной деятельности и новые средства обучения. В результате в терминологии современной педагогики, нормативной документации сферы образования, диссертационных исследованиях и научных статьях можно встретить различные дефиниции, имеющие отношение к педагогической категории «средства обучения».

Для выявления наиболее часто применяемых терминов для обозначения данной категории нами был проведен анализ научных работ, размещенных в библиотеке e-Library за последние 5 лет, и наиболее значимых нормативных актов из сферы образования. Отбор научных статей и диссертаци-

онных исследований проводился по следующим критериям: наличие словосочетания «средства обучения» в названии или ключевых словах; отношение к педагогической науке; дата публикации (размещения) – не старше 10 лет. В результате было отобрано около 50 статей и диссертационных исследований педагогической направленности. Отбор нормативных документов не имел ограничений по дате принятия, главное условие – документ должен быть действующим.

Анализ ключевых слов научных работ и терминологии нормативной документации позволил выделить следующие наиболее часто применяемые термины: «электронные средства обучения», «цифровые образовательные средства», «цифровые средства обучения», «цифровые образовательные ресурсы», «цифровые дидактические средства», «сетевые образовательные ресурсы», «электронные образовательные ресурсы», «электронные учебно-методические комплексы», «цифровые образовательные сервисы», «цифровой образовательный контент», «электронный учебный курс», «онлайн-курс». Выделенные нами термины весьма разнообразны, что требует ответов на такие вопросы, как: считать ли ресурсы, сервисы, комплексы средствами? можно ли отнести к средствам термин «курс»? в каких отношениях все эти термины находятся между собой? в какой степени можно признать идентичными понятия «электронный», «цифровой», «сетевой»?

В Законе «Об образовании в Российской Федерации» к категории «средства обучения» отнесены следующие понятия: «приборы», «оборудование», «инструменты», «пособия», «программно-аппаратные средства», «аудиовизуальные средства», «печатные, электронные образовательные, информационные ресурсы», «сети» (статья 2) (ФЗ 273 2012). Опираясь на современное законодательство, к средствам обучения можно отнести также понятие «контент», так как под цифровым образовательным контентом понимаются материалы и средства обучения и воспитания, представленные в цифровом виде (Постановление 2023).

В словаре профессиональной педагогики курс обучения рассматривается как цикл, состоящий из учебных дисциплин, предметов и тем, или точно очерченный круг знаний, умений и навыков по учебному предмету либо научной дисциплине. Современной альтернативой учебному курсу выступает открытый образовательный курс или онлайн-курс (как разновидность открытых образовательных ресурсов). Исследователи достаточно широко трактуют суть данного термина, определяя его как электронный учебно-методический комплекс, как особый вид обучения и как целостный образовательный процесс, построенный с учетом дидактических принципов на основе информационных технологий с полным методическим обеспечением, совокупностью систематизированных электронных средств обучения и контроля [Бадарч, Токарева, Цветкова 2014; Гречушкина 2018]. Очевидно, что полноценно спроектированный, разработанный и применяемый в образовательной

деятельности онлайн-курс является более широким понятием, чем «средство обучения». Но в то же время любой преподаватель в своей деятельности может применять авторский онлайн-курс и/или онлайн-курс сторонней разработки как вспомогательное средство обучения.

Исследователи часто сравнивают онлайн-курсы с электронными учебно-методическими комплексами. В соответствии с ГОСТ Р 55751-2013 под электронным учебно-методическим комплексом понимается структурированная совокупность электронной учебно-методической документации, электронных образовательных ресурсов, средств обучения и контроля знаний, содержащих взаимосвязанный контент для совместного применения (всеми участниками учебного процесса) в целях эффективного освоения учебных предметов и дисциплин (ГОСТ 2013). Действительно, в такой трактовке данные термины можно считать идентичными с точки зрения контента. Разница заключается только в том, что приставка «онлайн» определяет наличие удаленного доступа к средству обучения, в то время как термин «электронный» подчеркивает формат контента. При этом электронный УМК может быть как открытым и постоянно доступным в сети Интернет, так и только размещенным в локальном доступе (например, в ЭИОС вуза) или применяться в рамках отдельных занятий. Однако заметим, что данные отличия в современном мире достаточно размыты, а разработка электронного УМК предполагает заранее планируемый онлайн-доступ. Таким образом, отвечаем на первый вопрос положительно: будем считать ресурсы, сервисы, курсы и комплексы средствами обучения, понимая, что курсы и комплексы могут иметь более широкое применение.

Суть понятий «электронный», «цифровой», «сетевой» разная. Цифровой изначально имеет отношение к информации, обозначает внутренний формат ее представления, т. е. преобразование данного любого вида (текст, цвет, звук, медиа и т. д.) в дискретную последовательность цифровых сигналов (в отличие от непрерывного аналогового сигнала). Понятие «электронный» первоначально имело отношение к устройствам, обозначая оборудование, работающее на основе электричества. Такое устройство может быть как цифровым (работать с цифровыми данными), так аналоговым (работать с аналоговыми сигналами). Таким образом, понятия связаны между собой. Исследователи также считают, что в контексте преобразования современного мира и развития компьютерных технологий в русском языке понятия «электронный» и «цифровой» стали синонимами [Волкова, Зверевич 2020]. Обратившись к педагогической литературе и нормативной документации, установили, что под цифровыми образовательными ресурсами понимается вся совокупность данных в цифровом виде, необходимая для реализации учебного процесса [Поначугин, Лапыгин 2019], а под электронными образовательными ресурсами – образовательный ресурс, представленный в электронно-цифровой

форме, включающий в себя структуру, предметное содержание и метаданные о них (ГОСТ 2009). Таким образом, с педагогической точки зрения цифровые и электронные образовательные ресурсы являются идентичными понятиями. Термин «сетевой» определяет то или иное отношение к сетевому протоколу взаимодействия (пользователей и/или оборудования), то есть конкретизирует способ получения образовательного ресурса пользователем, что однозначно определяет формат данного ресурса – цифровой. С учетом того, что цифровой формат данных является основополагающим на сегодняшний день, а электронное обучение и дистанционные образовательные технологии все больше входят в образовательный процесс, применение термина «цифровой» применительно к средствам обучения становится приоритетным в обществе и научных работах.

Суть цифровых дефиниций

Анализ отобранных научных статей показал, что большинство современных ученых не дают в своих работах определения цифровых средств обучения, ссылаясь на ранее сформулированные определения других ученых [Ситникова, Панкова 2024; Шапиев 2019; Хаблиева, Багдаев 2023; Махмутходжаева 2021]. С.Г. Григорьева и В.В. Гриншкун под цифровым образовательным ресурсом понимают информационный источник, (содержащий графическую, текстовую, цифровую, речевую, музыкальную, видео-, фото- и другую информацию), направленную на реализацию целей и задач современного образования; согласно точке зрения В.В. Гура, электронные образовательные ресурсы представляют собой функционирующую на различных электронных носителях программу, позволяющую удовлетворить возникающие у участников образовательного процесса информационные запросы; Е.В. Елисеева и С.Н. Злобина под цифровыми образовательными ресурсами понимают представленные в цифровой форме (фотографии, видеофрагменты, статические и динамические модели, объекты виртуальной реальности и интерактивного моделирования, картографические материалы, звукозаписи, символные объекты и деловую графику, текстовые документы и иные) учебные материалы, необходимые для организации учебного процесса [Григорьев, Гриншкун 2005; Елисеева, Злобина 2010]. В научных статьях последних лет ученые напрямую связывают цифровые образовательные ресурсы с современными технологиями, определяя их как содержательно обособленный информационный объект, предназначенный для образовательных целей и представленный в цифровой, электронной, «компьютерной» форме [Якушева, Коротеева 2022]; полностью цифровой продукт в зависимости от целей обучения и материальной основы содержит в себе различные информационные технологии (Еспаева 2024). Известный исследователь современной трансформации образования И.В. Роберт в определении цифрового образовательного ресурса конкретизируют новые, специфические функции данного средства обучения: цифровой образовательный ресурс – это

учебное средство, реализующее возможности цифровых образовательных технологий и обеспечивающее экранное представление учебной информации, интерактивное взаимодействие как между субъектами образовательного процесса, так и между ними и образовательным ресурсом, автоматизацию контроля результатов обучения и продвижения в учении; автоматизацию процессов информационно-методического обеспечения учебно-воспитательного процесса и организационного управления [Роберт 2019].

В 2021 году А.В. Хуторской внес в категорию «средства обучения» своевременное и важное, на наш взгляд, уточнение: это материальные и идеальные объекты, используемые в образовательном процессе для ускорения усвоения учебного материала (Хуторской 2021 а; 2021 б). Вслед за ним педагоги-исследователи вносят уточнение в определение сути цифровых образовательных ресурсов – это современные средства обучения, представленные в электронном формате, применение которых направлено на повышение эффективности образовательного процесса и выполнение основных задач обучения и воспитания [Золотова 2022].

Таким образом, большинство проанализированных нами научных статей и диссертаций (опубликованных в интервале от 2018 до 2024 года) не рассматривают вопрос терминологии, а углубляются в прикладную задачу применения цифровых средств обучения и цифровых образовательных ресурсов для решения конкретной педагогической проблемы: формирования навыков применения цифровых технологий в профессиональной деятельности [Евдокимова 2022], формирования информационной компетентности обучающихся [Якушева, Коротеева 2022], развития регулятивных универсальных учебных действий обучающихся [Избицкая, Ощепкова 2021], формирования исследовательской компетенции [Макашина 2018], организации предметного обучения [Бакулина, Заводчикова 2021; Еспаева 2024; Петрунина, Муллаширов 2021], активизации познавательной деятельности [Зоткина 2022], формирования читательской культуры [Абдираимова, Кекеева 2022], языковой компетенции [Тен, Азимова 2023], подготовки выпускников школ к сдаче ЕГЭ [Байчурина, Сафонова, Шудров 2023]. Заметим также, что на современном этапе исследователи рассматривают возможность применения цифровых средств обучения на всех уровнях образования (дошкольники, школьники, вуз).

Широкое развитие и востребованность в учебном процессе цифровых средств обучения привело к расширению их видов. Исследователями в различных научных статьях описываются разные виды цифровых средств обучения, что обусловлено как темой статьи и решаемой педагогической проблемой, так и ее соответствием запросам современности. Так, Е.А. Бакулина и О.В. Заводчикова, рассматривая проблему организации домашних работ обучающихся, представляют в качестве необходимых для этого цифровых средств обучения образовательные интернет-платформы, программы-тренажеры, электронные учебники и энциклопедии,

сборники задач [Бакулина, Заводчикова 2021]; Т.А. Зоткина, изучая потенциальные возможности современных средств обучения в задаче развития познавательного интереса курсантов на практических занятиях и в ходе самостоятельной работы, говорит об образовательных сайтах и мультимедийных платформах [Зоткина 2022]; Э.К. Абдираимова, З.О. Кекеева, описывая модель формирования читательской культуры будущих педагогов, делают акцент на групповых и коллективных формах обучения и, соответственно, на средствах обучения на основе сетевых технологий – Zoom, Moodle, Microsoft Office, Google-документах, интернет-сайтах, электронно-информационных образовательных средах вуза, мобильных приложениях и др. [Абдираимов, Кекеева 2002]; Т.Ю. Макашина, отбирая эффективные средства формирования исследовательской активности детей на основе системно-деятельностного подхода, описывает цифровые лаборатории [Макашина 2018].

В статьях, посвященных цифровым образовательным ресурсам, исследователи отдают предпочтение отдельным оцифрованным материалам: видеозаписям, аудиозаписям, учебным фильмам, презентациям, инфограммам в любом доступном формате (Махмутходжаева 2021); графическим электронным материалам, аудиоматериалам и видеозаписям, мультимедийным презентациям, электронным печатным изданиям и учебникам, гиперссылкам, прямым переходам на сайты (Еспаева 2024); фотографиям, видеофрагментам, статическим и динамическим моделям, объектам виртуальной реальности и интерактивного моделирования, картографическим материалам, звукозаписям, символьным объектам и деловой графике, текстовым документам и иным цифровым учебным материалам (Шапиев 2019). Вместе с тем отметим, что еще в 2005 году С.Г. Григорьев и В.В. Гриншкун заявили, что в одном цифровом образовательном ресурсе могут быть выделены информационные (или информационно-справочные) источники, инструменты создания и обработки информации, управляющие элементы [Григорьев, Гриншкун 2005], что расширяет их потенциал.

Классификация цифровых средств обучения и цифровых образовательных ресурсов

Такое разнообразие цифровых средств обучения и цифровых образовательных ресурсов ставит вопрос их классификации, адекватной задачам педагогической науки. Данный вопрос поднимался еще в статьях начала нынешнего столетия и актуален до сих пор. Учеными предлагаются разные классификации, однако говорить об общепризнанной классификации цифровых средств обучения пока не приходится.

С.Г. Григорьев и В.В. Гриншкун разделяли цифровые образовательные ресурсы на одиннадцать групп, исходя из потребностей системы образования в их применении: обучающие ресурсы, способствующие формированию знаний, умений, навыков учебной или практической деятельности, обеспечению необходимого уровня усвоения учеб-

ного материала; тренажеры, способствующие отработке разного рода умений и навыков, повторению или закреплению пройденного материала; контролирующие ресурсы, повышающие эффективность контроля, измерения или самоконтроля уровня овладения учебным материалом; информационно-поисковые и информационно-справочные ресурсы, сообщающие сведения, способствующие формированию умений и навыков систематизации информации; демонстрационные ресурсы, обеспечивающие визуализацию изучаемых объектов, явлений, процессов с целью их исследования и изучения; лабораторные ресурсы, предоставляющие возможность проведения удаленных экспериментов на реальном лабораторном оборудовании; ресурсы, моделирующие объекты, явления или процессы с целью их исследования и изучения; расчетные ресурсы, автоматизирующие различные расчеты и другие рутинные операции; учебно-игровые ресурсы, способствующие созданию учебных ситуаций, деятельность обучаемых в которых реализуется в игровой форме; игровые ресурсы, способствующие организации досуга учащихся, развитию у обучаемых памяти, реакции, внимания и других качеств; коммуникационные ресурсы, содействующие организации межличностного общения педагогов, администрации, обучаемых, родителей, специалистов, общественности, доступа педагогов и обучаемых к требуемым информационным ресурсам [Григорьев, Гриншкун 2005].

Классифицируя цифровые средства обучения, М.Х. Хайбулаев, Г.П. Раджабаев, Т.С. Гаджиев опираются не только на решаемые дидактические задачи, но и на задачи технического характера: демонстрационные – используемые в образовательной практике видеосюжеты и видеофильмы, презентации и анимации; диагностические – предназначенные для контроля и измерения результативности обучения (тестовые оболочки); вспомогательные – необходимые для реализации всех функций компьютерных систем и сопряженных с ними технических устройств; обучающие – интеллектуальные, автоматизированные и экспертные обучающие системы, электронные тренажеры, учебники и игры; технические – обеспечивающие доступ пользователю к электронной информации [Хайбулаев, Раджабаев, Гаджиев 2016].

А.В. Соловов и А.А. Меньшикова подразделили цифровые образовательные ресурсы на четыре группы с опорой на этапы познавательной учебной деятельности: ресурсы декларативного типа – электронные копии печатных материалов, графические, аудио- и видеоматериалы, VR, AR, другой мультимедиа контент, необходимые для первоначального знакомства с учебным материалом; ресурсы декларативного типа с основными дидактическими функциями осмысления, закрепления и контроля знаний – электронные учебники, виртуальные учебные кабинеты и системы компьютерного тестирования; интеллектуальные тренажеры, виртуальные учебные лаборатории и другие подобные компьютерные системы, основное дидактическое назначение которых формирование и

развитие профессионально ориентированных умений, навыков, интуиции; компьютерные системы автоматизации профессиональной деятельности или их учебные аналоги, например системы автоматизации проектирования, производства, инженерных расчетов (CAD, CAM, CAE), которые могут использоваться для решения различных профессиональных задач [Соловов, Меньшикова 2021].

Л.Д. Ситникова и А.Р. Панкова разделили цифровые образовательные ресурсы на виды с опорой на основные компоненты педагогической деятельности: ресурсы для организации и осуществления учебной деятельности – сопровождающие новое знание его визуальным представлением (презентацию, видео, схему, плакат, инфографику, ментальную карту, интерактивную наглядность, комиксы), обеспечивающие самостоятельную активную деятельность при закреплении материала (интерактивные задания, рабочие листы); ресурсы для стимулирования и мотивации к учебной деятельности – видео для сопровождения различных компонентов образовательного процесса визуальным представлением жизненных ситуаций (викторины, игры, квесты, геймификацию); ресурсы, реализующие фронтальный и дифференцированный контроль и самоконтроль (интерактивные опросы, тесты) [Ситникова, Панкова 2024].

В работах Л.С. Махмутходжаевой представлены сразу несколько классификаций электронных образовательных ресурсов по разным основаниям. По применению в образовательной деятельности автор выделяет учебные (учебно-методический комплекс, учебник, учебное пособие, практикум, хрестоматия, рабочая тетрадь и проч.), учебно-методические (методические разработки, инструкции, контрольные работы и проч.) и научные (монографии, сборники трудов и проч.) электронных ресурсы; по технологии распространения – локальные и сетевые электронные издания; по наличию печатного эквивалента – самостоятельные издания и аналоги печатных работ; по природе основной информации – текстовые, изобразительные, мультимедийные и программные продукты; по целевому назначению – учебные, справочные и научные электронные издания [Махмутходжаева 2021].

Такая же работа по обобщению разных классификаций цифровых образовательных ресурсов проведена в исследованиях Д.Р. Золотовой. Первая классификация базируется на принципе типа информации: текстовые ресурсы – электронные учебники, учебно-методические пособия, словари, справочники и т. д.; только аудиоинформация – аудиокниги, аудиозаписи лекций; аудио- и видеоинформация – записи видеолекций, обучающие видеоролики; визуальная информация (графические цифровые образовательные ресурсы, отличаются от видеоинформации статичностью, допускают их просмотр, исключая при этом посимвольную обработку и прослушивание); электронные таблицы, графики, диаграммы, статичные изображения предметов окружающей

действительности; интерактивные модели (схожи с предыдущим типом, однако характеризуются способностью реагировать на действия при работе с ним) – модель Солнечной системы, модели физических и химических приборов, модель строения тела человека и др.); комбинированный тип информации (включает в себя два и более вышеперечисленных типов ресурсов) [Золотова 2022]. Следующая классификация опирается на цель, с которой конкретные ресурсы были созданы: обучающие ресурсы – учебно-методические пособия, таблицы, схемы, диаграммы, интерактивные модели, презентации и т. д.; воспитательные ресурсы – видеоуроки, посвященные правилам поведения, просмотр поучительных фильмов и пр. В следующей, более узкой классификации, по мнению исследователя, в основе лежит фактор наличия печатного эквивалента: ресурсы, являющиеся аналогом ранее изданного печатного ресурса, – электронные версии ранее изданных учебников, методических пособий, справочников и т. д.; ресурсы, изначально созданные в электронном виде, существующие самостоятельно и неразделимо от электронного носителя, – интерактивные модели, анимированные презентации, онлайн-тесты и т. д. [Золотова 2022]. Последняя классификация цифровых образовательных ресурсов базируется на методах обучения, в соответствии с которыми данные ресурсы применяются преподавателем: конвекционные – соответствует традиционным методам обучения и воспитания, их целям и требованиям (электронные учебники, справочники и учебно-методические пособия); инструменты учебной деятельности – предназначены для создания и изменения объектов различного типа (изменяемые графические объекты, программы для работы с числовыми данными, изображениями, звуками, видеозаписями, компьютерные лаборатории); программированные ресурсы – соответствуют методам обучения и воспитания, направленным на повышение уровня навыка самостоятельной работы обучающихся, практико-ориентированности полученных знаний, умений и навыков, на управляемый интерфейс работы с данными; проблемные – соответствуют методам проблемного обучения; комбинированные – универсальные [Золотова 2022; Чернилевский, Моисеев 2002].

Дидактический потенциал цифровых средств обучения

В ходе анализа статей было замечено, что на современном этапе исследователи все чаще обращаются к практической задаче разработки эффективных цифровых средств обучения, поэтому большое внимание уделяется дидактическому потенциалу цифровых средств обучения (цифровых образовательных ресурсов), особенно с учетом их применения в дошкольных и школьных образовательных организациях. Для выявления наиболее значимых дидактических преимуществ, которыми, по мнению исследователей, обладают цифровые средства обучения, нами был проведен контент-анализ научных статей. Выявленные дидактические преиму-

щества были разделены на две группы: влияние на формируемые образовательные результаты и качества личности обучающегося; влияние на организацию учебного процесса и деятельность преподавателя (см. таблицу). Внутри каждой группы выявленные преимущества расположены по мере убывания частоты их упоминания в статьях.

Полученные результаты убедительно показывают, что цифровые технологии, лежащие в основе современных средств обучения, активно влияют на личность обучающегося – активизируется познавательная деятельность, запускающая процесс формирования устойчивых навыков учебно-познавательной деятельности, улучшения внимания, восприятия, представления, воображения, рост интеллектуального потенциала и совершенствования аналитико-синтетических приемов мышления. Все это автоматически сказывается на образовательных результатах (знаниях, умениях, навыках, способностях, компетенциях), в том числе цифровых. Исследователи также видят преимущества применения цифровых средств обучения преподавателями: обеспечение эффективности учебного процесса за счет оперативной корректировки его содержания, повышения наглядности изучаемого материала, оперативной оценки образовательных результатов, применения разнообразных форм учебной деятельности, индивидуализации обучения, расширения способов взаимодействия участников учебного процесса и доступности обучения. Кроме того, создаются возможности для выявления и поддержки одаренных обучающихся, а также обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Вместе с тем качеству цифровых средств обучения (цифровых образовательных ресурсов) и критериям их эффективности, на наш взгляд, в научных работах уделяется недостаточное внимание. Исследователи связывают эффективность цифровых средств обучения с такими факторами, как: соответствие возрастным характеристикам, психологическим и физическим особенностям обучающихся; равномерное распределение различных видов теоретического материала и применение средств визуального выделения наиболее значимой информации; адекватный выбор средства обучения и детальное планирование его применения в учебном процессе [Избицкая, Ощепкова 2021]. По мнению Л.С. Махмутходжаевой, адекватный выбор цифрового средства обучения обусловлен: значимостью (целесообразностью) его применения как для преподавателя, так и для обучающихся; соответствием дидактическим задачам и методической организации учебного занятия; направленностью на достижение конкретных образовательных результатов за счет имеющихся возможностей и функционала [Махмутходжаева 2021]. Для измерения качества цифровых образовательных ресурсов Т.А. Зоткина предлагает использовать следующие критерии: удобство использования; надежность; достоверность; точность; научность; количество текста и его расположение; количество диаграмм [Зоткина 2022].

Таблица

**Результаты контент-анализа научных статей
по выявлению дидактического потенциала цифровых средств обучения**

Table

**The results of the content analysis of scientific articles
on the identification of the didactic potential of digital learning tools**

Единица контент-анализа (дидактическое преимущество)	Источник	Частота упоминания
Влияние на формируемые образовательные результаты и качества личности обучающегося		
Рост мотивации к обучению, активизация познавательной деятельности, вовлеченность в учебный процесс	Зоткина 2022; Васина 2018; Дуденкова, Шубина 2024; Махмутходжаева 2021; Избицкая, Ощепкова 2021; Петрунина, Муллаширов 2021; Тен, Азимова 2023; Евдокимова 2022; Григорьев, Гриншкун 2005; Байчурина, Сафонова, Шудров 2023	10
Формирование готовности к саморазвитию и самообразованию, способность к самоуправлению учебной деятельностью и самореализацией	Махмутходжаева 2021; Еспаева 2024; Евдокимова 2022; Золотова 2022; Елисеева, Злобина 2010; Избицкая, Ощепкова 2021; Шапиев 2019	7
Формирование умений к развитой познавательной деятельности (рост интеллектуального потенциала, улучшение внимания, восприятия, представления, воображения и т. п.)	Махмутходжаева 2021; Бакулина, Заводчикова 2021; Еспаева 2024; Золотова 2022; Шапиев 2019	5
Совершенствование аналитико-синтетических приемов мышления, формирование способности ориентироваться в потоке информации, уметь работать с ней, развитие информационной культуры	Евдокимова 2022; Шапиев 2019; Якушева, Коротеева 2022; Елисеева, Злобина 2010	4
Закрепление изученных знаний, совершенствование умений, навыков, компетенций, в т. ч. цифровых	Дуденкова, Шубина 2024; Григорьев, Гриншкун 2005; Абдираимова, Кекеева 2022	3
Совершенствование творческих способностей	Петрунина, Муллаширов 2021; Шапиев 2019	2
Развитие навыков исследовательской деятельности	Васина 2018	1
Развитие пространственного мышления	Дуденкова, Шубина 2024	1
Формирование естественно-научного мировоззрения и естественно-научного стиля мышления	Шапиев 2019	1
Влияние на организацию учебного процесса и деятельность преподавателя		
Обеспечение индивидуализации обучения	Зоткина 2022; Махмутходжаева 2021; Тен, Азимова 2023; Кочухова 2019; Байчурина, Сафонова, Шудров 2023	6
Повышение эффективности образовательного процесса	Васина 2018; Евдокимова 2022; Золотова 2022; Якушева, Коротеева 2022; Елисеева, Злобина 2010	5
Организационно-методическое сопровождение обучения, оперативная корректировка содержания	Васина 2018; Абдираимова, Кекеева 2022; Григорьев, Гриншкун 2005; Шапиев 2019; Кочухова 2019	5
Повышение наглядности изучаемого материала (в т. ч. реальных процессов и явлений), обеспечение усвоения большей части теоретических основ по ассоциативным и наглядно-образным связям	Дуденкова, Шубина 2024; Кочухова 2019; Махмутходжаева 2021; Избицкая, Ощепкова 2021; Елисеева, Злобина 2010	5
Выполнение оперативной оценки образовательных результатов, мониторинга качества и результативности образовательного процесса	Евдокимова 2022; Золотова 2022; Григорьев, Гриншкун 2005; Елисеева, Злобина 2010; Кочухова 2019	5
Обеспечение доступности обучения	Евдокимова 2022; Якушева, Коротеева 2022; Булатова, Нафикова 2022; Байчурина, Сафонова, Шудров 2023	4
Рост интерактивности в диалоге между участниками учебного процесса, использование (создание) новых форм взаимодействия	Махмутходжаева 2021; Еспаева 2024; Елисеева, Злобина 2010; Булатова, Нафикова 2022	4
Возможность конструирования заданий нестандартных видов, организации разнообразных форм учебной деятельности	Бакулина, Заводчикова 2021; Елисеева, Злобина 2010; Булатова, Нафикова 2022	3
Выявление и поддержка одаренных обучающихся	Васина 2018; Кочухова 2019	2
Расширение возможностей для инклюзивного образования	Махмутходжаева 2021	1

Другие исследователи (Я.П. Топчий, И.Н. Беляева) не только выделяют критерии качества электронных образовательных ресурсов, но и классифицируют их. К традиционным критериям, которые должны применяться ко всем учебным материалам, отнесены: полное соответствие программе обучения; актуальность и наукообразность представленного материала; соответствие современной методологии подачи информации; обладание оптимальным технологическим качеством; отсутствие фактографических ошибок и недостоверной информации. К инновационным критериям, характеризующим цифровой образовательный ресурс, исходя из его специфических возможностей, отнесены: реализация всех компонентов образовательного процесса; наличие интерактивных элементов и активных форм обучения; возможность удаленного полноценного обучения. Исследователи подчеркивают, что качественный электронный ресурс должен соответствовать в равной степени и традиционным, и инновационным критериям качества, чтобы обе-

спечить выполнение всех современных образовательных задач [Топчий, Беляева 2019].

Перспективы научного поиска

Научный обзор публикаций, посвященных проблемам применения средств обучения в современном образовательном процессе, выявил: требуется уточнение понятия «цифровые средства обучения» с дидактической точки зрения; имеется запрос практиков на унификацию классификации цифровых образовательных ресурсов с выделением оснований для классификации с учетом задач современного образования. Исследователями актуализируется задача разработки стандартизированных методик применения цифровых средств обучения в учебно-воспитательном процессе адекватно их дидактическому потенциалу и нивелированию возможных рисков некорректного применения, что требует четкого формулирования критериев оценки эффективности использования средств обучения в педагогической действительности.

Материалы исследования

- Абрамовский 2014 – *Абрамовский А.Л.* Дистанционное образование на современном этапе развития российского высшего образования: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 – Социология культуры / Абрамовский Антон Львович. Тюмень, 2014.
- Беданков 2013 – *Беданков Р.А.* Техника и техническое образование в постиндустриальном обществе: культурологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры / Беданков Рамазан Асланович. Ростов-на-Дону, 2013.
- Берлова 2014 – *Берлова Т.Н.* Стратегии учебно-профессиональной карьеры и их личностные детерминанты у студентов, совмещающих работу с обучением в вузе: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии / Берлова Татьяна Николаевна. Ростов-на-Дону, 2014.
- Бигнова 2015 – *Бигнова М.Р.* Религиозное образование как социальный феномен: философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия / Бигнова Марина Ринатовна. Уфа, 2015.
- Борисов 2013 – *Борисов И.В.* Дистанционное обучение в образовательных практиках российской молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 – Социология культуры / Борисов Игорь Владимирович. Майкоп, 2013.
- Верховых 2022 – *Верховых И.А.* Гуманитарное образование как институт национально-культурной самобытности в условиях информационного общества: автореф. дис. ... канд. культурологии наук: 24.00.01 – Теория и история культуры / Верховых Ирина Александровна. Санкт-Петербург, 2022.
- Ветвицкая 2017 – *Ветвицкая Т.В.* Особенности самоактуализации учителей, сопровождающих дистанционное обучение учащихся с детским церебральным параличом: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 – Педагогическая психология / Ветвицкая Татьяна Владимировна. Санкт-Петербург, 2017.
- Вишнякова 1999 – *Вишнякова С.М.* Профессиональное образование: словарь: ключевые понятия, актуал. лексика / М-во общ. и проф. образования РФ. Упр. сред. проф. образования, Науч.-метод. центр сред. проф. образования. Москва: Новь, 1999. 535, [2] с.; 22 см. ISBN 5-89714-013-8.
- Власова 2013 – *Власова О.В.* Молодежные субкультуры и образование: особенности взаимодействия в условиях северного города: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 – Социология культуры / Власова Ольга Владимировна. Екатеринбург, 2013.
- ГОСТ 2009 – *ГОСТ Р 53620-2009.* Национальный стандарт Российской Федерации. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Электронные образовательные ресурсы // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200082196>.
- ГОСТ 2013 – *ГОСТ Р 55751-2013.* Национальный стандарт Российской Федерации. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Электронные учебно-методические комплексы // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200108264>.
- Гурарий 2018 – *Гурарий А.Д.* Реализация ориентаций учащейся молодежи на гуманитарное образование в современных условиях: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы / Гурарий Анна Дмитриевна. Екатеринбург, 2018.
- Демидов 2018 – *Демидов Г.В.* Религиозное образование в постсекулярном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия / Демидов Герман Васильевич. Москва, 2018.
- Дука 2018 – *Дука А.И.* Социальное обучение как условие развития групповой надежности инкассаторов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 – Социальная психология / Дука Ангелина Ивановна. Саратов, 2018.
- Ерегина 2015 – *Ерегина А.Г.* «Дополнительное профессиональное образование как фактор профессионального развития государственных гражданских служащих»: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы / Ерегина Анна Геннадьевна. Москва, 2015.
- Загвязинский 2008 – *Загвязинский В.И.* Теория обучения в вопросах и ответах : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям: 031000 (050706) – Педагогика и психология; 033400 (050701) – Педагогика. 2-е изд., испр. Москва: Академия, 2008. 156, [2] с.; 22 см. (Высшее профессиональное образование. Педагогические специальности). ISBN 978-5-7695-5387-5.

- Ивасенко 2014 – *Ивасенко Я.С.* Общее и профессиональное образование, профессиональное обучение как средства исправления осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Ивасенко Ярослав Сергеевич. Рязань, 2014.
- Ирхен 2012 – *Ирхен И.И.* Российское образование в сфере культуры и искусства: глобальные и региональные измерения: автореф. дис. ... д-ра культурологии наук: 24.00.01 – Теория и история культуры / Ирхен Ирина Игоревна. Химки, 2012.
- Калинин 2018 – *Калинин А.А.* Образование в структуре социализации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия / Калинин Андрей Анатольевич. Мытищи, 2018.
- Князева 2024 – *Князева Н.В.* Высшее историческое образование в Чувашии (конец 1960-х – начало 2020-х гг.): организация, этапы развития, кадровый состав: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. – Отечественная история / Князева Наталья Викторовна. Чебоксары, 2024.
- Ковалев 2016 – *Ковалев И.В.* Непрерывное образование как фактор социокультурной модернизации российского общества: социально-компетентностный анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 – Социология культуры / Ковалев Иван Васильевич. Санкт-Петербург, 2016.
- Коржук 2019 – *Коржук С.В.* Высшее образование как канал социальной инклюзии индивидов с инвалидностью: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы / Коржук Софья Владимировна. Новосибирск, 2019.
- Кукина 2017 – *Кукина Е.А.* Образование как ценность европейской культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры / Кукина Екатерина Анатольевна. Ростов-на-Дону, 2017.
- Кукушкина 2018 – *Кукушкина А.А.* Правовое образование в социокультурном пространстве России: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 – Социология культуры / Кукушкина Аида Александровна. Майкоп, 2018.
- Левицкая 2019 – *Левицкая А.А.* Религиозное образование в современном российском обществе: содержание, особенности и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия / Левицкая Александра Александровна. Москва, 2019.
- Макарова 2012 – *Макарова Т.Б.* Бизнес-образование как вид государственной образовательной политики в условиях политической модернизации общественных процессов: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии / Макарова Татьяна Борисовна. Чита, 2012.
- Панкина 2020 – *Панкина С.Н.* Негосударственное высшее образование в России: социально-философские аспекты: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия / Панкина Светлана Николаевна. Москва, 2020.
- Попинако 2023 – *Попинако Е.А.* Прогнозирование успешности адаптации сотрудников, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, проходящих профессиональное обучение: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 5.3.9. – Юридическая психология и психология безопасности / Попинако Екатерина Алексеевна. Рязань, 2023.
- Попов 2018 – *Попов Д.Н.* Образование как институт формирования сознания и мышления (феноменологический подход): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия / Попов Дмитрий Николаевич. Нижний Новгород, 2018.
- Постановление 2023 – *Постановление Правительства РФ от 11.10.2023 № 1678* «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/407816891>.
- Саломатин 2013 – *Саломатин И.Н.* Гарантии и компенсации работникам, совмещающим работу с обучением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения / Саломатин Илья Николаевич. Москва, 2013.
- Суетин 2022 – *Суетин И.Н.* Профессиональное музыкальное образование в России в XX веке (на материалах Поволжья) автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 5.6.1. – Отечественная история / Суетин Илья Николаевич. Саранск, 2022.
- Сулимин 2016 – *Сулимин В.В.* Образование как фактор формирования патриотизма учащейся молодежи: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы / Сулимин Владимир Владимирович. Екатеринбург, 2016.
- Сюн 2018 – *Сюн Л.* Высшее образование как инструмент «мягкой силы» России и Китая: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития / Сюн Лэпин. Москва, 2018.
- Тавакалова 2016 – *Тавакалова М.К.* Образование как социокультурный фактор формирования ценностных ориентаций молодежи (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия / Тавакалова Мунира Курбонназаровна. Душанбе, 2016.
- Терехова 2018 – *Терехова Н.Ю.* Второе высшее образование как средство ресоциализации личности в современной России: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия / Терехова Наталия Юрьевна. Москва, 2018.
- Трубин 2013 – *Трубин Г.А.* Современное дополнительное профессиональное образование взрослых (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы / Трубин Глеб Александрович. Тюмень, 2013.
- Тюрин 2013 – *Тюрин Э.И.* Дополнительное профессиональное образование как адаптационный ресурс специалистов в современном российском обществе (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы / Тюрин Эдуард Иванович. Пенза, 2013.
- ФЗ 273 2012 – *Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ* «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70291362>.
- Хоминская 2017 – *Хоминская В.В.* Образование в социокультурном становлении личности: современные антропологические подходы: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия / Хоминская Валерия Вадимовна. Москва, 2017.
- Хуторской 2021 а – *Хуторской А.В.* История дидактики. Инновационные системы обучения от Античности до наших дней : учебно-методическое пособие. Москва: Флинта, 2021. 534, [1] с. : табл.; 21 см.; ISBN 978-5-9765-4559-5.
- Хуторской 2021 б – *Хуторской А.В.* Современная дидактика: учебник для вузов. Москва, 2021. 406 с.
- Чиркова 2017 – *Чиркова Н.В.* Социокультурные аспекты управления образованием в условиях информационного общества: от управления статикой к управлению развитием: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры / Чиркова Наталья Валерьевна. Томск, 2017.

Библиографический список

- Luganskaya 2020 – *Luganskaya Ye.V.* Using Simulations in Teaching Research Academic Writing Course. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 68–75. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-68-75>.
- Абдираимов, Кекеева 2002 – *Абдираимов Э.К., Кекеева З.О.* Формирование читательской культуры будущего педагога на основе цифровых средств обучения в вузе // Педагогические исследования. 2022. Вып. 4. С. 131–148. URL: [https://aguped.asu.edu.ru/files/4\(12\)/131-148.pdf](https://aguped.asu.edu.ru/files/4(12)/131-148.pdf).
- Акчурина 2023 – *Акчурина М.Т.* Развитие технологий E-learning в смешанном обучении // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 83–86. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-83-86>.
- Арюткина 2020 – *Арюткина А.Н.* Коммуникативный компонент профессиональной компетентности музыканта-исполнителя // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 38–43. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-38-43>.
- Бадарч, Токарева, Цветкова 2014 – *Бадарч Д., Токарева Н.Г., Цветкова М.С.* МООК: реконструкция высшего образования // Высшее образование в России. 2014. № 10. С. 135–146. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22536483>. EDN: <https://www.elibrary.ru/szehyb>.
- Байчурина, Сафонова, Шудров 2023 – *Байчурина Ю.В., Сафонова Л.А., Шудров А.В.* Использование сетевых образовательных ресурсов при подготовке к ЕГЭ по информатике // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2023): сб. статей IV Международной научно-практической конференции. 16–17 ноября 2023. Москва, 2023. С. 36–47. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2023/contents/Baichurina_et_al?ysclid=m1hhmbixsy317347258; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60627411&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nzoooyw>.
- Бакулина, Заводчикова 2021 – *Бакулина Е.А., Заводчикова О.В.* Возможности интернет-платформы COREAPP для организации работы с домашними заданиями по информатике // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время – новые решения». 2021. № 1. С. 62–67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47993716>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dtggpj>.
- Беленько 2021 – *Беленько И.А.* Применение цифровых технологий в обучении иностранному языку в профессиональном образовании в условиях вынужденного перехода на дистанционное обучение // Инновационное развитие профессионального образования. 2021. № 3 (31). С. 29–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tsifrovyyh-tehnologiy-v-obucheni-i-nostrannomu-yazyku-v-professionalnom-obrazovanii-v-usloviyah-vynuzhdenogo-perehoda-na?ysclid=m1hibylnb7796264319>.
- Белов 2024 – *Белов Д.О.* Формирование профессиональной надежности специалистов электроснабжения железных дорог // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30, № 1. С. 96–102. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-96-102>.
- Березина, Степанова 2020 – *Березина Н.О., Степанова М.И.* Влияние цифровых средств обучения на самочувствие обучающихся средних классов // Здоровье населения и среда обитания. 2020. № 8 (329). С. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2020-329-8-20-25>.
- Бороненко 2022 – *Бороненко Т.А., Федотова В.С.* Формирование цифровой компетентности учителей информатики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 85–92. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-85-92>.
- Булатова, Нафикова 2022 – *Булатова Л.А., Нафикова А.Р.* Использование цифровых образовательных ресурсов на уроках математики // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2022. № 4 (65) С. 37–42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50415420>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jmebj>.
- Вандышева 2022 – *Вандышева Л.В.* Онлайн-проектирование в содержании профессиональной подготовки будущих специалистов социальной работы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 1. С. 66–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-66-71>.
- Васина 2018 – *Васина Н.А.* Цифровые средства обучения для формирования исследовательской компетенции школьников // Инфоком. 2018. Т. 4, № 4 (5). С. 26–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36864079>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yvjhnn>.
- Виноградова 2021 – *Виноградова Г.А.* Трансформация педагогического сознания в условиях цифровизации общества // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4. С. 80–84. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-80-84>.
- Волкова, Зверевич 2020 – *Волкова К.Ю., Зверевич В.В.* Цифровой или электронный (Digital VS Electronic) // Научные и технические библиотеки. 2020. № 12. С. 159–172. DOI: <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2020-12-159-172>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nterlm>.
- Вохрышева 2021 – *Вохрышева М.Г.* Информационно-культурологический подход к оценке учебной литературы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 72–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-72-76>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vcggh>.
- Голубков 2020 – *Голубков С.А.* Возможности ассоциативного метода изучения текста при проведении вузовских занятий по литературоведческим дисциплинам // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 2. С. 84–89. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-84-89>.
- Гречушкина 2018 – *Гречушкина Н.В.* Онлайн-курс: определение и классификация // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 6. С. 125–134. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35161104>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xrodtdf>.
- Григорьев, Гриншкун 2005 – *Григорьев С.Г., Гриншкун В.В.* Педагогические аспекты формирования коллекций цифровых образовательных ресурсов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2005. № 5. С. 21–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-aspekty-formirovaniya-kollektsiy-tsifrovyyh-obrazovatelnyh-resursov?ysclid=m1hlkcozox743784189>.
- Дуденкова, Шубина 2024 – *Дуденкова Н.А., Шубина О.С.* Использование цифровых средств обучения при формировании анатомических знаний у студентов направления подготовки «Педагогическое образование» // Учебный эксперимент в образовании. 2024. № 1 (109). С. 92–99. DOI: https://doi.org/10.51609/2079-875X_2024_1_92.
- Дудина 2022 – *Дудина О.В.* Формирование цифровой компетентности будущих педагогов-психологов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 82–87. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-82-87>.
- Дятлова 2022 – *Дятлова Е.Н.* Система формирования проектной культуры будущих менеджеров государственного и муниципального управления // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 4. С. 92–97. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-92-97>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jhodih>.
- Евдокимова 2022 – *Евдокимова А.И.* Цифровые образовательные ресурсы в профессиональной подготовке обучающихся ординатуры медицинского вуза // Человеческий капитал. 2022. № 5–2 (161). С. 132–140. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48403133>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kccaa>.

- Елисеева, Злобина 2010 – *Елисеева Е.В., Злобина С.Н.* Цифровые образовательные ресурсы как составляющая инновационной образовательной среды современного вуза // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 1. С. 56–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-obrazovatelnye-resursy-kak-sostavlyayuschaya-innovatsionnoy-obrazovatelnoy-sredy-sovremennogo-vuza?ysclid=m1hmth34d0306979721>.
- Еспаева 2024 – *Еспаева Б.А.* Цифровые образовательные ресурсы при обучении русскому языку в технологическом вузе // Вестник Торайгыров университета. Серия Педагогическая. 2024. № 1. С. 5–17.
- Жаринова 2022 – *Жаринова Е.Н.* Развитие продуктивности субъектов образования средствами психологического тренинга // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 4. С. 65–70. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-65-70>.
- Золотова 2022 – *Золотова Д.Р.* Цифровые образовательные ресурсы: понятие и классификация // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста: материалы XVIII Международной научно-практической Internet-конференции. 30 мая – 05 июня 2022. Тамбов, 2022. С. 121–127. URL: https://tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2022/lichn_i_prof_razv_bud_special/4/Zolotova.pdf?ysclid=m1hn8e4bg834374195.
- Зоткина 2022 – *Зоткина Т.А.* Развитие познавательного интереса курсантов образовательных организаций ФСИН России: потенциал цифровых образовательных средств // Вестник педагогических наук. 2022. № 2. С. 66–70. URL: <https://vpn-journal.ru/wp-content/uploads/2022/02/vestnik-pedagogicheskikh-nauk-2-2022.pdf>.
- Избицкая, Ощепкова 2021 – *Избицкая О.В., Ощепкова А.М.* Цифровые средства обучения математике и их применение в образовательном пространстве школы // Научное отражение. 2021. № 4 (26). С. 11–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47242025>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jzxxxi>.
- Киселева 2020 – *Киселева А.А.* Методологические подходы к разработке модели формирования информационно-аналитической компетентности специалиста фармацевтического профиля в системе повышения квалификации // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 95–100. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-95-100>.
- Козырева 2021 – *Козырева М.П.* Технология смешанного обучения (Blended Learning) иностранному языку студентов-филологов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 1. С. 39–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-39-45>.
- Кочухова 2011 – *Кочухова И.М.* Использование цифровых образовательных ресурсов во внеклассной работе по математике // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2011. № 3. С. 63–71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16383998>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nunuvr>.
- Краевский 2000 – *Краевский В.В.* Содержание образования – бег на месте. Москва: [б. и.], 2000. 22 с. URL: <http://partner-unitwin.net/wp-content/uploads/2016/08/Методология-образования.pdf>.
- Критерии... 2023 – *Критерии оценки эффективности смешанных образовательных технологий, применяемых в вузе / Н.В. Бордовская, Е.А. Кошкина, Л.А. Мелкая, М.А. Тихомирова // Интеграция образования. 2023. Т. 27, № 1 (110). С. 64–81. DOI: https://doi.org/10.15507/1991-9468.110.027.202301.064-081. EDN: https://www.elibrary.ru/xjtsbk*.
- Куприянова, Валеева 2024 – *Куприянова Н.Е., Валеева Н.Ш.* Особенности подготовки специалистов по социальной работе в эпоху цифровой трансформации общества // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30, № 2. С. 62–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-2-62-68>.
- Куриленко 2020 – *Куриленко Л.В.* Акмеологические ресурсы развития личности в парадигме гуманистической педагогики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 2. С. 90–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-90-94>.
- Куриленко 2021 – *Куриленко Л.В.* Методологическое обоснование сферного подхода к подготовке специалистов социальной сферы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4. С. 66–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-66-71>.
- Лангуев 2022 – *Лангуев К.А.* Цифровая образовательная среда: гигиеническая оценка влияния факторов новой среды на состояние здоровья обучающихся // FORCIPE. 2022. Vol. 5. Supplement 2. С. 300–302. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-obrazovatel'naya-sreda-gigienicheskaya-otsenka-vliyaniya-faktorov-novoy-sredy-na-sostoyanie-zdorovya-uchaschihsya>.
- Лаптева, Пахмутова 2020 – *Лаптева И.В., Пахмутова Е.Д.* Преимущества и недостатки цифровизации гуманитарного образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 89–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-89-94>. EDN: <https://elibrary.ru/vessvg>.
- Макашина 2018 – *Макашина Т.Ю.* Формирование исследовательской активности детей старшего дошкольного возраста средствами цифровой лаборатории // Педагогическое образование и наука. 2018. № 1. С. 125–127. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35006996>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xovzji>.
- Махмудходжаева 2021 – *Махмудходжаева Л.С.* Онлайн образование и цифровые средства обучения в вузах Узбекистана // Открытое образование. 2021. Т. 25, № 3. С. 46–61. DOI: <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2021-3-46-61>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dbxsce>.
- Мельник, Нестеренко 2020 – *Мельник Н.М., Нестеренко В.М.* Персонализированная профессиональная ориентация школьника: конструирование самореализации в деятельности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 3. С. 43–50. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-3-43-50>.
- Меркулова, Кашина 2020 – *Меркулова Л.П., Кашина Е.Г.* Подготовка научно-педагогических работников неязыкового направления к межкультурному общению и взаимодействию // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 2. С. 102–106. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-102-106>.
- Морозова 2023 – *Морозова А.Л.* Языковые курсы повышения квалификации как форма взаимодействия вуза и бизнеса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 4. С. 71–80. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-71-80>.
- Новиков 2010 – *Новиков А.М.* Основания педагогики: пособие для авторов учебников и преподавателей педагогики. Москва: Эгвес, 2010. 204, [3] с.: ил., табл.; 22 см. (Серия Педагогика). ISBN 978-5-72629-975-4. URL: <http://anovikov.ru/books/op.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18074701>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pfntgb>.
- Петрунина, Муллаширов 2021 – *Петрунина М.Э., Муллаширов Р.Н.* Эффективные методы обучения математике, информатике // The scientific heritage. 2021. № 65–4 (65). С. 29–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-65-4-29-32>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jpjtqr>.
- Поначугин, Лапыгин 2019 – *Поначугин А.В., Лапыгин Ю.Н.* Цифровые образовательные ресурсы вуза: проектирование, анализ и экспертиза // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, № 2 (27). С. 5. DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-2-5>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sfmdny>.

- Проценко 2021 – *Проценко Е.Г.* Применение формата «печа-куча» при организации практических занятий в вузе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4. С. 60–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-60-65>.
- Роберт 2019 – *Роберт И.В.* Развитие понятийного аппарата педагогики: цифровые информационные технологии // Педагогическая информатика. 2019. № 1. С. 108–121. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37374727>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vdepcp>.
- Рубцова 2021 – *Рубцова Т.П.* Сравнительный и корреляционный анализ опытно-экспериментальной работы по формированию готовности к проведению внутривузовского мониторинга качества // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4. С. 72–79. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-72-79>.
- Руднева 2020 – *Руднева Т.И.* Инновационная направленность деятельности преподавателя вуза // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 2. С. 107–111. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-107-111>. EDN: <https://www.elibrary.ru/aahimr>.
- Рукавишников 2021 – *Рукавишников А.В.* Реализация в образовательном процессе курсантов организационно- педагогических условий развития социальной ответственности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 1. С. 83–86. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-83-86>.
- Русакова, Кушнырь, Царская – *Русакова М.М., Кушнырь Л.А., Царская Т.С.* Учебно-методическое обогащение процесса обучения иностранных студентов-медиков // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 4. С. 87–95. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-87-95>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mterae>.
- Ситникова, Панкова 2024 – *Ситникова Л.Д., Панкова А.Р.* Разработка виртуальных коллекций цифровых образовательных ресурсов в профессиональной подготовке будущих учителей // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. 2024. № 1. С. 66–79. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=64321736>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ffbsav>.
- Соловов, Меньшикова 2021 – *Соловов А.В., Меньшикова А.А.* Модели проектирования и функционирования цифровых образовательных сред // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 1. С. 144–155. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-1-144-155>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nuhtid>.
- Соловова, Ежов, Яшкин 2020 – *Соловова Н.В., Ежов Д.А., Яшкин С.Н.* Готовность преподавателя к взаимодействию с одаренными обучающимися // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 57–63. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2020-26-4-57-63>.
- Сысоева 2020 – *Сысоева Е.Ю.* Подготовка аспирантов – будущих преподавателей к педагогической деятельности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 49–56. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-49-56>.
- Тен, Азимова 2023 – *Тен Э.Г., Азимова Э.Р.* Цифровые средства игровой грамматики на среднем этапе обучения английскому языку // Universum: психология и образование: электронный научный журнал. 2023. № 1 (115). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/16615>.
- Топчий, Беляева 2019 – *Топчий Я.П., Беляева И.Н.* Критерии качества электронных образовательных ресурсов // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сб. трудов Девятнадцатой международной научно-практической конференции. Белгород, 19 апреля 2019. Белгород, 2019. С. 193–195. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39155115>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rmmwv1>.
- Троицкая 2021 – *Троицкая Ю.В.* Дистанционное развитие коммуникативной компетенции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 70–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-70-76>.
- Устинова 2020 – *Устинова Н.П.* Проектирование воспитательного пространства вуза // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 44–48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-44-48>.
- Хабльева, Багдаев 2023 – *Хабльева С.Р., Багдаев Б.Р.* Совершенствование навыков конструирования цифровых образовательных ресурсов у студентов педагогических специальностей // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2023. № 2. С. 129–138. DOI: <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2023-2-129-138>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jwiuwu>.
- Хайбулаев, Раджабалиев, Гаджиев 2016 – *Хайбулаев М.Х., Раджабалиев Г.П., Гаджиев Т.С.* Классификация электронных средств обучения // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 44–47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27157600>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wwhnqt>.
- Храмцова 2020 – *Храмцова А.Б.* Грамматический компонент в структуре языкового образования студентов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 101–105. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-101-105>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rhhdal>.
- Чаусова, Илюхина 2021 – *Чаусова О.В., Илюхина Н.А.* Формирование творческого потенциала студентов-филологов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 1. С. 46–50. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-46-50>. EDN: <https://www.elibrary.ru/prjdoz>.
- Чернилевский, Моисеев 2002 – *Чернилевский Д.В., Моисеев В.Б.* Инновационные технологии и дидактические средства современного профессионального образования: монография. Москва, 2002. 145 с.; [1] цв. л. ил.: ил., цв. ил.; 20 см. ISBN 5-276-00274-6. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25792600>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vskxit>.
- Шапиев 2019 – *Шапиев Д.С.* Цифровые образовательные ресурсы в деятельности учителя // Молодой ученый. 2019. № 16 (254). С. 296–298. <https://moluch.ru/archive/254/58204/?ysclid=m1j080oye1763628231>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37335295>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uocbfd>.
- Шарафиева, Мухаметшин 2022 – *Шарафиева Л.М., Мухаметшин А.Г.* Дистанционное обучение младших школьников музыкальному искусству // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 104–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-104-108>.
- Широколобова 2024 – *Широколобова А.Г.* Технология смешанного обучения в высшей школе на основе принципов цифровой дидактики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30, № 1. С. 77–86. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-77-86>.
- Якушева, Коротеева 2022 – *Якушева Г.И., Коротеева А.С.* Методика использования на уроках химии цифровых образовательных ресурсов // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74–1. С. 316–319. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-ispolzovaniya-na-urokah-himii-tsifrovyyh-obrazovatelnyh-resursov?ysclid=m1j0oq7xt9725759366>.

References

- Luganskaya 2020 – *Luganskaya Ye.V.* (2020) Using Simulations in Teaching Research Academic Writing Course. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 4, pp. 68–75. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-68-75>.
- Abdiraimova, Kekeeva 2002 – *Abdiraimova E.K., Kekeeva Z.O.* (2022) Forming reading culture in future teachers on the basis of digital learning tools in higher education. *Pedagogicheskie issledovaniya = Pedagogical Research*, vol. 4, pp. 131–148. Available at: [https://aguped.asu.edu.ru/files/4\(12\)/131-148.pdf](https://aguped.asu.edu.ru/files/4(12)/131-148.pdf). (In Russ.)
- Akchurina 2023 – *Akchurina M.T.* (2023) Development of E-learning technologies in blended learning. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 29, no. 2, pp. 83–86. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-83-86>. (In Russ.)
- Aryutkina 2020 – *Aryutkina A.N.* (2020) Communicative component of professional competence of a musician-performer. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 4, pp. 38–43. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-38-43>. (In Russ.)
- Badarch, Tokareva, Tsvetkova 2014 – *Badarch D., Tokareva N.G., Tsvetkova M.S.* (2014) MOOC: Reconstruction of Higher Education. *Higher Education in Russia*, no. 10, pp. 135–146. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22536483>. EDN: <https://www.elibrary.ru/szhyb>. (In Russ.)
- Baichurina, Safonova, Shudrov 2023 – *Baichurina Yu.V., Safonova L.A., Shudrov A.V.* (2023) The use of network educational resources in preparation for the exam in computer science. In: *Digital Humanities and Technology in Education (DHTE 2023): collection of Articles of the IV International Scientific and Practical Conference. November 16–17, 2023*. Moscow, pp. 36–47. Available at: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2023/contents/Baichurina_et_al?ysclid=mlhmbixsy317347258; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60627411&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nzooyw>. (In Russ.)
- Bakulina, Zavodchikova 2021 – *Bakulina E.A., Zavodchikova O.V.* (2021) The possibilities of the COREAPP Internet platform in the organization of work with computer science homework. *Osovskie pedagogicheskie chteniya «Obrazovanie v sovremenom mire: novoe vremya – novye resheniya»*, no. 1, pp. 62–67. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47993716>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dtggpj>. (In Russ.)
- Belenko 2021 – *Belenko I.A.* (2021) Application of digital technologies in teaching a foreign language in professional education in the conditions of forced transition for distance learning. *Innovative development of vocational education*, no. 3 (31), pp. 29–34. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tsifrovyyh-tehnologiy-v-obuchanii-inostrannomu-yazyku-v-professionalnom-obrazovanii-v-usloviyah-vynuzhdennogo-perехoda-na?ysclid=mlhibylnb7796264319>. (In Russ.)
- Belov 2024 – *Belov D.O.* (2024) Forming professional reliability of railway power supply specialists. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 30, no. 1, pp. 96–102. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-96-102>. (In Russ.)
- Berezina, Stepanova 2020 – *Berezina N.O., Stepanova M.I.* (2020) The Impact of Digital Education Tools on the Well-being of Secondary School Students. *Zdorov'e Naseleniya i Sreda Obitaniya = Public Health and Life Environment*, no. 8 (329), pp. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2020-329-8-20-25>. (In Russ.)
- Boronenko 2022 – *Boronenko T.A., Fedotova V.S.* (2022) Formation of digital competence of teachers of computer science. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 2, pp. 85–92. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-85-92>. (In Russ.)
- Bulatova, Nafikova 2022 – *Bulatova L.A., Nafikova A.R.* (2022) Using digital educational resources in math lessons. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully, no. 4 (65)*, pp. 37–42. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50415420>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jcmebj>. (In Russ.)
- Vandysheva 2022 – *Vandysheva L.V.* (2022) Online design in the content of vocational training of future social work specialists. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 1, pp. 66–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-66-71>. (In Russ.)
- Vasina 2018 – *Vasina N.A.* (2018) Digital teaching tools for the formation of schoolchildren's research competence. *Infokom*, vol. 4, no. 4 (5), pp. 26–32. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36864079>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yvjhhn>. (In Russ.)
- Vinogradova 2021 – *Vinogradova G.A.* (2021) Transformation of pedagogical consciousness in the context of digitalization of society. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 4, pp. 80–84. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-80-84>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lrknws>. (In Russ.)
- Volkova, Zverevich 2020 – *Volkova K.Yu., Zverevich V.V.* (2020) Digital vs Electronic. *Scientific and Technical Libraries*, no. 12, pp. 159–172. DOI: <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2020-12-159-172>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nterlm>. (In Russ.)
- Vohrysheva 2021 – *Vohrysheva M.G.* (2021) Information and cultural approach to the evaluation of educational literature. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 3, pp. 72–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-72-76>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vcgghe>. (In Russ.)
- Golubkov 2020 – *Golubkov S.A.* (2020) Using the associative method of studying the text during university classes in literary disciplines. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 2, pp. 84–89. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-84-89>. (In Russ.)
- Grechushkina 2018 – *Grechushkina N.V.* (2018) Online course: definition and classification. *Higher Education in Russia*, vol. 27, no. 6, pp. 125–134. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35161104>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xrotdf>. (In Russ.)
- Grigoriev, Grinshkun 2005 – *Grigoriev S.G., Grinshkun V.V.* (2005) Pedagogical aspects of the formation of collections of digital educational resources. *The academic Journal of Moscow City University, series «Informatics and Informatization of Education»*, no. 5, pp. 21–30. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-aspekty-formirovaniya-kollektsiy-tsifrovyyh-obrazovatelnyh-resursov?ysclid=mlhlc0zox743784189>. (In Russ.)
- Dudenkova, Shubina 2024 – *Dudenkova N.A., Shubina O.S.* (2024) The use of digital learning tools in the formation of anatomical knowledge among students of the field of training «Pedagogical education». *Teaching Experiment in Education*, no. 1 (109), pp. 92–99. DOI: https://doi.org/10.51609/2079-875X_2024_1_92. (In Russ.)
- Dudina 2022 – *Dudina O.V.* (2022) Formation of digital competence of future teachers-psychologists. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 3, pp. 82–87. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-82-87>. (In Russ.)
- Dyatlova 2022 – *Dyatlova E.N.* (2022) System of formation of project culture among the future state and municipal administration managers. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 4, pp. 92–97. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-92-97>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jhodih>. (In Russ.)
- Evdokimova 2022 – *Evdokimova A.I.* (2022) Digital educational resources in the professional training of medical residency trainees. *Human Capital*, no. 5–2 (161), pp. 132–140. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48403133>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kccaao>. (In Russ.)

- Eliseeva, Zlobina 2010 – *Eliseeva E.V., Zlobina S.N.* (2010) Digital educational resources as a component of the innovative educational environment of a modern university. *The Bryansk State University Herald*, no. 1, pp. 56–60. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-obrazovatelnye-resursy-kak-sostavlyayuschaya-innovatsionnoy-obrazovatelnoy-sredy-sovremennogo-vuza?ysclid=m1hmth34d0306979721>. (In Russ.)
- Espayeva 2024 – *Espayeva B.A.* (2024) Digital educational resources in teaching Russian at a technological university. *Bulletin of Toraighyrov University. Pedagogics series*, no. 1, pp. 5–17. (In Russ.)
- Zharinova 2022 – *Zharinova E.N.* (2022) Development of productivity of subjects of education by means of psychological training. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 4, pp. 65–70. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-65-70>. (In Russ.)
- Zolotova 2022 – *Zolotova D.R.* (2022) Digital educational resources: concept and classification. In: *Personal and professional development of a future specialist: materials of the XVIII International research and practical Internet conference, May 30 – June 05, 2022*. Tambov, pp. 121–127. Available at: https://tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2022/lichn_i_prof_razv_bud_special/4/Zolotova.pdf?ysclid=m1hn8e4bg834374195. (In Russ.)
- Zotkina 2022 – *Zotkina T.A.* (2022) Development of the cognitive interest of cadets of the educational institutions of the FPS of Russia: the digital educational tools potential. *Bulletin of Pedagogical Sciences*, no. 2, pp. 66–70. Available at: <https://vpn-journal.ru/wp-content/uploads/2022/02/vestnik-pedagogicheskikh-nauk-2-2022.pdf?ysclid=m1hpejtpy287067829>. (In Russ.)
- Izbitskaya, Oshchepkova 2021 – *Izbitskaya O.V., Oshchepkova A.M.* (2021) Digital means of teaching mathematics and their application in the educational space of the school. *Nauchnoe otrazhenie*, no. 4 (26), pp. 11–12. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47242025>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jzxxzi>. (In Russ.)
- Kiseleva 2020 – *Kiseleva A.A.* (2020) Methodological approaches in the formation development of the model of informational and analytical competence of pharmaceutical specialists in the system of professional development. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 1, pp. 95–100. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-95-100>. (In Russ.)
- Kozyreva 2021 – *Kozyreva M.P.* (2021) Blended Learning technology for philology students' foreign language teaching. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 1, pp. 39–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-39-45>. (In Russ.)
- Kochukhova 2011 – *Kochukhova I.M.* (2011) Using digital educational resources in extracurricular work in mathematics. *Municipal Education: Innovation and Experiment*, no. 3, pp. 63–71. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16383998>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nunuvr>. (In Russ.)
- Kraevsky 2000 – *Kraevsky V.V.* (2000) Educational content – running in place. Moscow: [b. i.], 22 p. Available at: <http://partner-unitwin.net/wp-content/uploads/2016/08/Методология-образования.pdf>. (In Russ.)
- Criteria... 2023 – *Bordovskaia N.V., Koshkina E.A., Melkaya L.A., Tikhomirova M.A.* (2023) Criteria for assessing the effectiveness of blended learning technologies used at the university. *Integration of Education*, vol. 27, no. 1 (110), pp. 64–81. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.110.027.202301.064-081>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xjtsbk>. (In Russ.)
- Kupriyanova, Valeeva 2024 – *Kupriyanova N.E., Valeeva N.Sh.* (2024) Features of training social work specialists in the age of digital transformation of society. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 30, no. 2, pp. 62–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-2-62-68>. (In Russ.)
- Kurilenko 2020 – *Kurilenko L.V.* (2020) Acmeological resources of personal development in the paradigm of humanistic pedagogy. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 2, pp. 90–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-90-94>. (In Russ.)
- Kurilenko 2021 – *Kurilenko L.V.* (2021) Methodological substantiation of the spherical approach to the training of specialists in the social sphere. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 4, pp. 66–71. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-4-66-71>. (In Russ.)
- Languyev 2022 – *Languyev K.A.* (2022) Digital educational environment: hygienic assessment of the impact of new environmental factors on the health of students. *FORCIPE*, vol. 5, supplement 2, pp. 300–302. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-obrazovatel'naya-sreda-gigienicheskaya-otsenka-vliyaniya-faktorov-novoy-sredy-na-sostoyanie-zdorovya-uchaschihsya>. (In Russ.)
- Lapteva, Pakhmutova 2020 – *Lapteva I.V., Pakhmutova E.D.* (2020) Advantages and disadvantages of digitalization of liberal education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 1, pp. 89–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-89-94>. EDN: <https://elibrary.ru/vessvg>. (In Russ.)
- Makashina 2018 – *Makashina T.Yu.* (2018) Formation of research activity of children of the advanced preschool age means of digital laboratory. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, no. 1, pp. 125–127. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35006996>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xovzjz>. (In Russ.)
- Makhmutkhodjaeva 2021 – *Makhmutkhodjaeva L.S.* (2021) Online and Digital Education at Universities of Uzbekistan. *Open Education*, vol. 25, no. 3, pp. 46–61. DOI: <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2021-3-46-61>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dbxscx>. (In Russ.)
- Melnik, Nesterenko 2020 – *Melnik N.M., Nesterenko V.M.* (2020) Personalized professional orientation of schoolchildren: designing self-realization in activities. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 3, pp. 43–50. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-3-43-50>. (In Russ.)
- Merkulova, Kashina 2020 – *Merkulova L.P., Kashina E.G.* (2020) Academics' Training for International Communication and Collaboration. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 2, pp. 102–106. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-102-106>. (In Russ.)
- Morozova 2023 – *Morozova A.L.* (2023) Language training courses as a form of interaction between the university and business. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 29, no. 4, pp. 71–80. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-71-80>. (In Russ.)
- Novikov 2010 – *Novikov A.M.* (2010) Foundations of pedagogy: manual for textbook authors and pedagogy teachers. Moscow: Egves, 204, [3] p.: illustrated, tables; 22 cm. (Pedagogy Series). ISBN 978-5-72629-975-4. Available at: <http://anovikov.ru/books/op.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18074701>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pfntgb>. (In Russ.)
- Petrulina, Mullashirov 2021 – *Petrulina M.E., Mullashirov R.N.* (2021) Effective methods of teaching mathematics, informatics. *The scientific heritage*, no. 65-4 (65), pp. 29–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-65-4-29-32>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jpjtpq>. (In Russ.)
- Ponachugin, Lapygin 2019 – *Ponachugin A.V., Lapygin Yu.N.* (2019) Digital educational resources of the university: design, analysis and expertise. *Vestnik of Minin University*, vol. 7, no. 2 (27), p. 5. DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-2-5>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sfmdny>.

- Protsenko 2021 – *Protsenko E.G.* (2021) Application of the «pecha-kucha» format in the organization of practical classes at the university. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 4, pp. 60–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-60-65>. (In Russ.)
- Robert 2019 – *Robert I.V.* (2019) The development of the conceptual apparatus of pedagogy: digital information technologies of education. *Pedagogical Informatics*, no. 1, pp. 108–121. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37374727>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vdepcp>. (In Russ.)
- Rubtsova 2021 – *Rubtsova T.P.* (2021) Comparative and correlation analysis of experimental work on the formation of readiness to conduct intra-university quality monitoring. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 4, pp. 72–79. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-72-79>. (In Russ.)
- Rudneva 2020 – *Rudneva T.I.* (2020) Innovative orientation of the university lecturer activity. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 2, pp. 107–111. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-107-111>. EDN: <https://www.elibrary.ru/aahimr>. (In Russ.)
- Rukavishnikov 2021 – *Rukavishnikov A.V.* (2021) Implementation of organizational and pedagogical conditions for the development of social responsibility in the educational process of cadets. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 1, pp. 83–86. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-83-86>. (In Russ.)
- Rusakova, Kushnyr, Tsarskaya 2023 – *Rusakova M.M., Kushnyr L.A., Tsarskaya T.S.* (2023) Educational and methodological enrichment of the learning process of foreign medical students. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 29, no. 4, pp. 87–95. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-87-95>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mterae>. (In Russ.)
- Sitnikova, Pankova 2024 – *Sitnikova L.D., Pankova A.R.* (2024) Readiness to develop digital educational resources for future teachers: activity component. *News of the Tula state university. Pedagogics*, no. 1, pp. 66–79. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=64321736>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ffbsav>. (In Russ.)
- Solovov, Menshikova 2021 – *Solovov A.V., Menshikova A.A.* (2021) Models for the design and operation of digital educational environments. *Higher Education in Russia*, vol. 30, no. 1, pp. 144–155. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-1-144-155>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nuhtid>. (In Russ.)
- Solovova, Ezhov, Yashkin 2020 – *Solovova N.V., Ezhov D.A., Yashkin S.N.* (2020) The teacher's readiness to interact with gifted students. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 4, pp. 57–63. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-57-63>. (In Russ.)
- Sysoeva 2020 – *Sysoeva E.Yu.* (2020) Training of postgraduate students – future teachers to pedagogical activities. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 4, pp. 49–56. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-49-56>. (In Russ.)
- Ten, Azimova 2023 – *Ten E.G., Azimova E.R.* (2023) Digital means of game grammar at the middle stage of English language learning. *Universum: psychology and education: electronic scientific journal*, no. 1 (115). Available at: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/16615>. (In Russ.)
- Topchii, Belyaeva 2019 – *Topchii Ya.P., Belyaeva I.N.* (2019) Quality criteria for electronic educational resources. In: *Science and education: domestic and foreign experience: collection of works of the Nineteenth international research and practical conference. Belgorod, April 19, 2019*. Belgorod, pp. 193–195. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39155115>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rmmwvi>. (In Russ.)
- Troitskaya 2021 – *Troitskaya Yu.V.* (2021) Development of communicative competence through distance learning. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 2, pp. 70–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-70-76>. (In Russ.)
- Ustinova 2020 – *Ustinova N.P.* (2020) Designing the educational space of the university. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 4, pp. 44–48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-44-48>. (In Russ.)
- Khablieva, Bagdaev 2023 – *Khablieva S.R., Bagdaev B.R.* (2023) Improving the skills of designing digital educational resources among students of pedagogical specialties. *Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, no. 2, pp. 129–138. DOI: <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2023-2-129-138>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jwiuwy>. (In Russ.)
- Khaibulaev, Radzhabaliev, Gadzhiev 2016 – *Khaibulaev M.Kh. Radzhabaliev G.P., Gadzhiev T.S.* (2016) The classification of e-learning tools. *World of Science, Culture and Education*, no. 4 (59), pp. 44–47. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27157600>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wwhnqt>. (In Russ.)
- Khramtcova 2020 – *Khramtcova A.B.* (2020) Grammar component in the structure of students' language education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 1, pp. 101–105. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-101-105>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rhhdal>. (In Russ.)
- Chausova, Ilyukhina 2021 – *Chausova O.V., Ilyukhina N.A.* (2021) Formation of creative potential of students-philologists. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 1, pp. 46–50. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-46-50>. EDN: <https://www.elibrary.ru/prjdoz>. (In Russ.)
- Chernilevsky, Moiseev 2002 – *Chernilevsky D.V., Moiseev V.B.* (2002) Innovative technologies and didactic means of modern professional education: monograph. Moscow, 145 p.; [1] color sheet ill.; ill., color sheet ill.; 20 cm. ISBN 5-276-00274-6. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25792600>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vskxit>. (In Russ.)
- Shapiev 2019 – *Shapiev D.S.* (2019) Digital educational resources in the teacher's activities. *Molodoi uchenyi*, no. 16 (254), pp. 296–298. Available at: <https://moluch.ru/archive/254/58204/?ysclid=m1j080oye1763628231>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37335295>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uocbfd>. (In Russ.)
- Sharafieva 2022 – *Sharafieva L.M., Mukhametshin A.G.* (2022) Distance learning for primary school students of musical art. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 2, pp. 104–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-104-108>. (In Russ.)
- Shirokolobova 2024 – *Shirokolobova A.G.* (2024) Blended learning with digital didactics in higher education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 30, no. 1, pp. 77–86. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-77-86>. (In Russ.)
- Yakusheva, Koroteeva 2022 – *Yakusheva G.I., Koroteeva A.S.* (2022) Methods of using digital educational resources in chemistry lessons. *Problems of modern pedagogical education*, no. 74–1, pp. 316–319. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-ispolzovaniya-na-urokah-himii-tsifrovyyh-obrazovatelnyh-resursov?ysclid=m1j0oq7xt9725759366>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 18.03.2024
рецензирования: 25.04.2024
принятия: 02.09.2024

Методическое сопровождение научно-исследовательской деятельности магистров направления «психолого-педагогическое образование»

Т.И. Руднева

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: rudneva.07@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5777-4950>

Аннотация: В статье представлен опыт организации научно-исследовательской деятельности магистров направления «психолого-педагогическое образование» в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева. Поэтапно обучающиеся включаются в деятельность по получению научного знания из текстов различного вида в научную работу; осмысливают предмет научной работы, предмет научной деятельности и уровни педагогического исследования. Обращается внимание на условия получения достоверного научного знания в ходе научного поиска: методологическую компетентность и методологическую грамотность магистра. В качестве методического обеспечения процесса освоения методологии научной деятельности в области педагогической науки представляется содержание учебных дисциплин в виде комплекса средств, заданий по практической методологии.

Ключевые слова: научная работа; научная деятельность; педагогическая деятельность; педагогическое исследование; методология; методологическая культура; методологическая грамотность; методологическая компетентность.

Цитирование. Руднева Т.И. Методическое сопровождение научно-исследовательской деятельности магистров направления «психолого-педагогическое образование» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2024. Т. 30, № 3. С. 89–93. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-89-93>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Руднева Т.И., 2024

Татьяна Ивановна Руднева – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.03.2024
Revised: 25.04.2024
Accepted: 02.09.2024

**Methodological support of the Masters' research activities in the field
«psychological and pedagogical education»**

T.I. Rudneva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: rudneva.07@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5777-4950>

Abstract: The article presents the experience of organizing Masters' research activities in the field «psychological and pedagogical education» at the Samara National Research University. Gradually, students are involved in activities to obtain scientific knowledge from texts of various types in scientific work; comprehend the subject of scientific work, the subject of scientific activity and the levels of pedagogical research. Attention is drawn to the conditions for obtaining reliable scientific knowledge in the course of scientific research: methodological competence and methodological literacy of the Master. As a methodological support for the process of mastering the methodology of scientific activity in the field of pedagogical science, the content of educational disciplines is presented in the form of a set of tools, tasks on practical methodology.

Key words: scientific work; scientific activity; pedagogical activity; pedagogical research; methodology; methodological culture; methodological competence; methodological literacy.

Citation. Rudneva T.I. Methodological support of the Masters' research activities in the field «psychological and pedagogical education». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 89–93. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-89-93>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Rudneva T.I., 2024

Tatyana I. Rudneva – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, professor of the Department of Theory and Methods of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В последнее десятилетие резко изменились задачи подготовки специалистов в вузе: компетентностная идея потребовала уточнения доминирующих характеристик: это способность приобретать новые знания, творческая активность в принятии решений, прогностическая ориентация. Базовым условием для решения актуальных задач профессиональной подготовки является научно-исследовательская деятельность, способствующая формированию у обучаемых методологической культуры.

Организация научно-исследовательской деятельности предполагает, во-первых, преемственность и непрерывность целей и содержания, а также средств ее сопровождения на весь период обучения студентов; во-вторых, разработку научно-методического обеспечения всего образовательного процесса.

Организация эксперимента

В Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева магистры на направлении «психолого-педагогическое образование» поэтапно овладевают универсальными компетенциями: способностью к критическому анализу и оценке современных научных достижений; способностью проектировать и осуществлять научное исследование в области педагогики; способностью планировать и решать задачи собственного профессионального и личностного развития.

На первом курсе учебная дисциплина «Научно-исследовательская работа» на протяжении двух семестров включает магистров в деятельность по получению научного знания, развивая навыки самостоятельной исследовательской деятельности. Выполняются различные задания: осваиваются способы изучения научных текстов на основе требований, предъявляемых к каждому из их видов; составляется тезаурус понятий, которые используются при анализе научного текста; подготавливается научный текст разного вида. Основные требования, предъявляемые к личности магистра: знание видов научной работы; способности анализировать научную литературу (тезирование, конспектирование, цитирование) и критически оценивать научный текст; оформление библиографического списка; раскрытие сути и содержания научных категорий; представление текста академическим языком. Таким образом, приобретается готовность к научной деятельности.

Подготовке к научно-исследовательской деятельности способствует учебная дисциплина «Научные исследования в профессиональной деятельности психолого-педагогического направления».

Научная работа, являясь видом учебной деятельности, присутствует во всех формах учебного процесса в качестве самостоятельно выполняемых заданий для получения информации из различных научных источников. В отличие от научной работы предметом научной деятельности является получение нового научного знания, что предполагает иные инструменты организации научного поиска.

Иными будут и требования к личности магистра: готовность применять современные научные методы для решения научных проблем; способность выделять научную проблему, требующую своего разрешения в контексте реальной профессиональной деятельности. Основным условием успешной педагогической деятельности является ее единство с научной деятельностью. Каждый из этих видов деятельности имеет свои особенности, которые разграничивают их по функциям: педагогическая деятельность – обучение предмету, а научная деятельность – научная работа (чтение и анализ научной литературы); проектирование содержания обучения – критический анализ научного текста; отбор форм и методов обучения – построение предположений; контроль качества обучения – доказательство значимости полученных научных результатов и их внедрение. Данные разграничения обусловлены предметом педагогической деятельности – человек и предметом научной деятельности – педагогические проблемы. Поэтому для выполнения этих двух видов деятельности нужны педагогические (общеинтеллектуальные, специальные, общетворческие) способности и научные.

Педагогика как опытническая наука обобщает результаты успешного решения научных проблем, влияющие на качество образования личности. Педагогическое исследование [Руднева 1999] является творческим процессом. Педагог, включаясь в реальный процесс образования, иногда интуитивно, а иногда целенаправленно разрешает острые противоречия. Если предметом научной работы является известное научное знание, обращение к которому требует корректности, то предметом научной деятельности – новое научное знание, за которое исследователь несет ответственность.

Любое педагогическое явление (процесс) имеет свою историю в виде результатов исследований ученых и практиков в области конкретной науки. Научные проблемы в области педагогики обусловлены объектом, предметом, методами самой науки. Изучая дисциплину «Научные исследования в профессиональной деятельности психолого-педагогического направления», магистры первого курса анализируют научный текст, содержащий результаты исследования, вначале подтверждая его принадлежность педагогической науке: объект исследования – педагогический процесс, поскольку объектом педагогической науки являются педагогические системы разного уровня; предмет исследования – педагогические средства, поскольку предметом педагогической науки служат закономерности формирования личности.

Магистры приобретают знания для отличия фундаментальных научных исследований (теоретическая научная деятельность) от прикладных научных исследований (решение конкретных педагогических задач). В итоге генезис идей о средствах разрешения противоречия (на основе анализа научной литературы) позволяет магистру уточнить предмет поиска, становясь соавтором исследователей, при этом подтверждая научную новизну своего исследования.

Педагогическое исследование, способствуя продуктивности педагогической деятельности, требует от исследователя определенного методологического знания, чему содействует учебная дисциплина «Методология и методы организации научного исследования». Магистры на первом этапе освоения дисциплины обращаются к методологии как средству научного познания педагогических процессов, что отражается в уровне исследования (теоретический, эмпирический, методологический). Теоретический уровень исследования предполагает обращение к знаниям в разных научных областях (общенаучный уровень методологии), к законам как исходной базе поиска (философский уровень методологии). Эмпирический уровень исследования требует отбора методов конкретной науки, а определение процедур получения достоверного научного результата составляет технологический уровень методологии.

В целом методология педагогического исследования обусловлена методологией педагогической науки, теоретическим знанием о способах поиска нового знания для педагогической науки и практики, которое способствует достижению планируемого результата. Методология педагогической деятельности (практика) предполагает ориентацию исследователя на гуманистические ценности, способности критически осмысливать педагогические проблемы и творчески применять современные концепции на практике (методологическая культура) [Загвязинский, Закирова 2013].

Методология, выполняя роль руководящих принципов научного исследования, осуществляет функцию преобразования действительности, для чего кроме ориентации на гуманистические ценности необходима ориентация на рефлексивность педагогических процессов (методологическую компетентность). Магистры дают самооценку своей методологической культуре как особой форме педагогического сознания, выполняющего функции использования научного знания (вырабатывается педагогическая позиция) и производства нового знания. Достоверность получаемых науч-

ных результатов обусловлена методологической компетентностью (совокупность способностей) и методологической грамотностью исследователя (овладение совокупностью методологических характеристик, соблюдение определенной последовательности их представления, задающей логику научного поиска).

На втором этапе изучения учебной дисциплины «Методология и методы организации научного исследования» магистры овладевают последовательностью шагов научного поиска и алгоритмами представления методологических характеристик. Во-первых, утверждается проблема педагогического исследования (проблема – актуальность исследования); во-вторых, приводятся доказательства корректности названия темы исследования (объект – предмет – тема исследования); в-третьих, определяются пути разрешения сложившихся противоречий в педагогическом процессе (цель – гипотеза – задачи – методы исследования); в-четвертых, приводятся аргументы относительно достоверности и значимости полученных научных результатов (теоретическая значимость и практическая значимость исследования – методологическая основа и база исследования – научная новизна и достоверность результатов исследования).

Методическое сопровождение научной деятельности магистров

Магистры обращаются к содержанию методических пособий, рекомендуемых к каждой учебной дисциплине (см. таблицу).

1. При утверждении проблемы исследования обосновывается ее принадлежность педагогической науке с учетом трех характеристик: историзма (генезиса проблемы на основе анализа научной литературы); консерватизма (анализа известных средств разрешения проблемы и отказа от решений, не соответствующих времени); инновационности (обоснования предлагаемых новых средств для изменения качества педагогического процесса).

Важность проведения исследования доказывается необходимостью разрешения противоречия

Таблица

Методическое обеспечение процесса освоения методологии научной деятельности в области педагогической науки

Table

Methodological support of the process of mastering the methodology of scientific activity in the field of pedagogical science

Содержание (учебные дисциплины)	Учебно-методические пособия
I этап – «Научно-исследовательская работа магистра» – «Научные исследования в профессиональной деятельности психолого-педагогического направления»	Научно-исследовательская работа магистра: учебное пособие / Т.И. Руднева. Сызрань: Ваш Взгляд, 2017. 78 с.
II этап – «Методология и методы организации научного исследования» – «Практика»	Руднева Т.И. Методология педагогического исследования (сборник заданий по практической методологии): учебно-методическое пособие. Самара: Ваш Взгляд, 2023. 64 с. Руднева Т.И. Педагогика профессионализма: учебное пособие для вузов. Самара: Универс групп, 2008. 226 с. Средства оценки качества обучения: учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2016. 100 с.

в силу запроса общества (социальный аспект актуальности исследования); востребованностью в силу скрытых условий для разрешения противоречия и отсутствием прямых методических указаний (научный аспект актуальности исследования); отсутствием механизмов разрешения противоречия и наличием такой потребности).

2. При доказательстве корректности темы исследования уточняется объект науки, в области которой ведется научный поиск, уточняются научная область (педагогическая наука) и научная специальность (например, профессиональное образование). Называется предмет исследования (педагогические средства), что требует сбора эмпирического материала. Далее формулируется ответ на вопрос «что является предметом обсуждения?». Если обозначен процесс, порождающий проблемную ситуацию и предполагаемые пути ее разрешения для достижения прогнозируемого результата, тема считается корректной.

3. Поиск путей разрешения сложившегося противоречия (противоречий) в педагогическом процессе начинается с постановки цели исследования, что требует теоретической разработки проблемы (уточнения ключевых понятий, конкретизации научного представления о педагогическом процессе, в котором сложились противоречия) и проверки предположения об уточнении условий его разрешения (предмета исследования). Цель отражает идеальный результат исследования, ориентированного на разрешение противоречия. Для этого создается теоретическая структура в виде гипотезы, требующей экспериментального доказательства. Структура гипотезы исследования представляет валентные связи с методологическими характеристиками [Закирова 2022]. Так, утверждение проблемы (объяснение, описание) адекватно проблеме и объекту исследования. Высказываемая догадка (прогнозирование, объяснение, описание) – противоречию и предмету исследования. Предположение (моделирование, прогнозирование, объяснение, описание) валентно цели исследования и положениям, выносимым на защиту. Научное обоснование отражает задачи исследования, новизну, теоретическую и практическую его значимость. Задачи исследования представляются действиями, подтверждающими гипотезу.

Способы получения нового научного знания должны соответствовать методологии педагогической науки и задавать логику исследования. Так, стратегия исследования ориентирована на достижение его цели с помощью одного из трех способов организационного метода (комплексного, лонгитюдного, сравнительного). Тактика исследования направляется на получение научных фактов для познания реальности (обсервационные методы), определения меры (диагностические методы), регистрации поведения (праксиметрические методы). Тактика исследования представляется методами обработки научных материалов (количественными и качественными) и методами интерпретации полученных результатов (генетическим и структурным) [Кузьмина 1980].

4. Доказательство значимости полученных результатов приводится адекватно объекту исследования: теоретическая значимость исследования выражается внесенными в науку изменениями – это содержательный результат исследования. Практическая значимость определяется внесенными изменениями в практику – это ценностный результат исследования.

Для подтверждения значимости исследования приводится его методологическая основа: во-первых, идеи о преобразовании, имеющие начало в истории педагогики; во-вторых, теории как система идей о преобразовании педагогического процесса; в-третьих, концепции как совокупность исходных позиций для достижения цели исследования; в-четвертых, методологические подходы, определяющие стратегию научного поиска [Методологические подходы... 2013].

База педагогического исследования представляется исследовательским опытом актуальной педагогической проблемы и местом проведения опытно-экспериментальной работы. Сомнения в ценности проведенного исследования устраняются уточнением научной новизны исследования. Внимание магистров обращается на источники определения научной новизны исследования. Так, неоднозначность трактовки педагогических понятий влияет на вид новизны (теоретическая новизна выражается изменениями в науке, а практическая новизна – изменениями в практике). Неоднозначность в определении результата исследования влияет на содержание новизны. Неоднозначность при отборе педагогических средств воздействует на уровень новизны (уточнение необходимости или уточнение достаточности достоверности полученных результатов).

В итоге достоверность результатов педагогического исследования подтверждается соответствием его методологии конкретной науке, проведением исследования на теоретическом и практическом уровнях, возможностью повторения исследования, объемом выборки и личным участием исследователя в получении новых научных результатов.

В процессе методического сопровождения научно-исследовательской деятельности магистров направления «психолого-педагогическое образование» преподавателем обращается внимание на важное обстоятельство: различие между научной проблемой и практической задачей. Педагогическая наука изучает практическую деятельность, а исследователь идет от запросов практики, решая научную проблему и улучшая ее. Запрос практики является стимулом к поиску педагогических средств и требует обращения к науке. Проблема в науке не оптимизирует образовательный процесс, а ищет условия его оптимизации. Таким образом, научная проблема и практическая задача не соотносятся прямолинейно: так, решение одной научной проблемы может способствовать решению нескольких практических задач [Краевский 2010].

Включенность в научно-исследовательскую деятельность вызывает осознание личностного

участия магистра в расширении научного знания за счет результатов научного поиска средств разрешения возникших противоречий в педагогических процессах. Выполняя квалификационные работы, магистры включаются в комплексное исследование кафедры [Рецензия... 2024].

Результаты исследований могут быть фактором риска для самой науки педагогики: смешение понятий, их обилие, ведущее в разночтению; прикладной характер исследования (методическое исследование). Что способствует противостоянию факторам риска для развития науки? Это определенные этические нормы: проверка исследователем полученных результатов, ответственность за эксперимент, предвидение негативных последствий этапов научного поиска.

Одновременно за счет исследований обогащается педагогическая наука теорией (требуется научная работа магистра) и педагогическая практика (требуется включенность магистра в научную деятельность).

Библиографический список

Загвязинский, Закирова 2013 – *Загвязинский В.Г., Закирова А.Ф.* О нормативном регулировании и формировании методологической культуры педагогов-исследователей // *Образование и наука*. 2013. № 5 (104). С. 3–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19068045>. EDN: <https://elibrary.ru/qbgxrl>.

Закирова 2022 – *Закирова А.Ф.* Гипотеза как инструмент научно-педагогического исследования // *Перспективы развития исследований в сфере наук об образовании: материалы международной научно-практической конференции*. Москва: РАО, 2022. С. 27–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50387294>. EDN: <https://elibrary.ru/xctkln>.

Краевский 2010 – *Краевский В.В.* Методологические характеристики научного исследования // *Народное образование*. 2010. № 5 (1398). С. 135–143. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15516802>. EDN: <https://elibrary.ru/nbokmt>.

Кузьмина 1980 – *Кузьмина Н.В.* Методы педагогического исследования. Ленинград: ЛГУ, 1980. 172 с.

Методологические подходы... 2013 – *Методологические подходы к исследованию проблем в области профессиональной педагогики: монография / Т.И. Руднева, В.В. Левченко, Н.В. Соловова, Н.Б. Стрекалова*. Самара: Самарский университет, 2013. 164 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Metodologicheskie-podhody-k-issledovaniu-problem-v-oblasti-professionalnoi-pedagogiki-Elektronnyi-resurs-monografiya-68113>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23185194>. EDN: <https://elibrary.ru/roqgqb>.

Руднева 1999 – *Руднева Т.И.* Педагогическое исследование: методические рекомендации. Самара: ЮНРОС, 1999. 48 с.

Рецензия... 2024 – *Рецензия на материалы комплексного исследования педагогической деятельности в условиях инновационных изменений / Т.И. Руднева [и др.] // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2024. Том 30, № 1. С. 204–211. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-204-211>.

References

Zagvyazinskii, Zakirova 2013 – *Zagvyazinsky V.G., Zakirova A.F.* (2013) About the normative regulation and fostering the methodological culture of pedagogical research staff. *Education and Science*, 2013, no. 5 (104), pp. 3–16. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19068045>. EDN: <https://elibrary.ru/qbgxrl>. (In Russ.)

Zakirova 2022 – *Zakirova A.F.* (2022) Hypothesis as a tool of scientific and pedagogical research. In: *Prospects for the development of research in the field of education sciences: materials of the international scientific and practical conference*. Moscow: RAO, pp. 27–32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50387294>. EDN: <https://elibrary.ru/xctkln>. (In Russ.)

Kraevskii 2010 – *Kraevskii V.V.* (2010) Methodological characteristics of scientific research. *National Education*, no. 5 (1398), pp. 135–143. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15516802>. EDN: <https://elibrary.ru/nbokmt>. (In Russ.)

Kuzmina 1980 – *Kuzmina N.V.* (1980) Methods of pedagogical research. Leningrad: LGU, 172 p. (In Russ.)

Methodological approaches... 2013 – *Rudneva T.I., Levchenko V.V., Solovova N.V., Strekalova N.B.* (2013) Methodological approaches to the study of problems in the field of professional pedagogics: monograph. Samara: Samarskii universitet, 164 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Metodologicheskie-podhody-k-issledovaniu-problem-v-oblasti-professionalnoi-pedagogiki-Elektronnyi-resurs-monografiya-68113>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23185194>. EDN: <https://elibrary.ru/roqgqb>. (In Russ.)

Rudneva 1999 – *Rudneva T.I.* (1999) Pedagogical research: methodological recommendations. Samara: YuNROS, 48 p. (In Russ.)

Review... 2024 – *Rudneva T.I. et al.* (2024) Review on the materials of a comprehensive study of pedagogical activity in the context of innovative changes. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 30, no. 1, pp. 204–211. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-204-211>. (In Russ.)

Заключение

Моделирование методического сопровождения научно-исследовательской деятельности магистров предполагает постановку цели их профессиональной подготовки: готовность к решению профессиональных задач, обусловленная высоким уровнем исследовательской компетентности. Для этого необходимо в вузе обеспечить теоретико-методологическую подготовку, способствующую развитию у обучающихся способности проектировать и осуществлять научное исследование в области педагогики.

Включение магистров на протяжении двух лет обучения в исследовательский процесс способствует развитию навыков научного поиска средств разрешения сложившихся в педагогической деятельности противоречий. Овладев методологией педагогического исследования, магистры становятся способными планировать и решать задачи собственного профессионального и личностного развития.

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-94-98

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.1

Дата поступления: 15.05.2024
рецензирования: 17.06.2024
принятия: 02.09.2024

Модель формирования тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов

А.Н. Рылов

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: rylov.an@ssau.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1497-9438>

Н.В. Соловова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: solovova.nata@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

Аннотация: В статье рассматривается проблема индивидуализации обучения и обосновывается важность формирования тьюторской компетентности специалиста. При проектировании модели формирования тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов определены методологические основания: проблемно ориентированный, системный и компетентностный подходы. В исследовании применялись методы систематизации, обобщения, синтеза и моделирования. Выделены блоки модели (концептуально-целевой, содержательный, процессуальный и оценочно-результативный), и даны их характеристики.

Ключевые слова: индивидуализация обучения; педагог-психолог; тьюторская компетентность; модель; профессиональная подготовка; проблемно ориентированный подход; системный подход; компетентностный подход.

Цитирование: Рылов А.Н., Соловова Н.В. Модель формирования тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 94–98. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-94-98>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Рылов А.Н., Соловова Н.В., 2024

Андрей Николаевич Рылов – аспирант кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Наталья Валентиновна Соловова – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.05.2024
Revised: 17.06.2024
Accepted: 02.09.2024

Model of formation of tutoring competence of future educational psychologists

A.N. Rylov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: rylov.an@ssau.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1497-9438>

N.V. Solovova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: solovova.nata@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

Abstract: The article discusses the problem of individualization of training and substantiates the importance of developing a specialist's tutoring competence. When designing a model for the formation of tutoring competence of future educational psychologists, the methodological foundations were identified: problem-oriented, systemic and competency-based approaches. The research used methods of systematization, generalization, synthesis and modeling. The blocks of the model are identified (conceptual-target, content, procedural and evaluative-resultative) and their characteristics are given.

Key words: learning individualization; educational psychologist; tutor competence; model; professional training; problem-oriented approach; systemic approach; competency-based approach.

Citation. Rylov A.N., Solovova N.V. Model of formation of tutoring competence of future educational psychologists. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 94–98. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-94-98>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: the authors declared no conflicts of interest.

© Rylov A.N., Solovova N.V., 2024

Andrey N. Rylov – postgraduate student, Department of Theory and Methods of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Natalia V. Solovova – Doctor of Pedagogy, associate professor, professor of the Department of Theory and Methods of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В настоящее время появилась потребность общества в индивидуализации обучения [Левин 2024; Asadova 2022; Беленко, Исаев 2020]. Образовательные учреждения получили заказ на специалистов, способных проектировать индивидуальные образовательные маршруты для обучающихся с особыми потребностями (как для одаренных, так и для отстающих) [Соловова, Ежов, Яшкин 2020; Круцкий 2022; Кузьмичева 2021; Декина 2020], создавать гибкие индивидуальные учебные планы, которые удовлетворяют уникальные потребности обучающихся, в том числе за счет ресурсов цифровой образовательной среды [Днепровская, Шевцова 2020; Бетанова, Колесник, Полянский 2024]. Педагоги-психологи, обладающие тьюторской компетентностью, могут сопровождать обучающихся с особыми образовательными потребностями, способствовать их профориентации, разрабатывать методическое обеспечение персонализированного образовательного процесса в условиях внедрения индивидуальных образовательных маршрутов.

Однако существует противоречие между запросом на педагогов-психологов, владеющих тьюторской компетентностью, и отсутствием научных доказательств целесообразности применения педагогических подходов к конструированию их профессиональной подготовки, ориентированной на целевой результат. Результаты, полученные в ходе констатирующего эксперимента [Рылов, Соловова 2024], выявили, что будущие педагоги-психологи (73 % от выборки) не готовы к тьюторской деятельности и применению технологий тьюторского сопровождения; у них не сформированы потребности в обучении и самообразовании в области тьюторских технологий. Доказано, что существует необходимость развития рефлексивных способностей будущих педагогов-психологов, связанных с оценкой и анализом результатов реализации индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся.

Разрешению данного противоречия будет способствовать профессиональная подготовка будущих педагогов-психологов к тьюторской деятельности, способных проектировать индивидуальные образовательные маршруты и организовывать тьюторское сопровождение обучающихся с особыми образовательными и личностными потребностями. Однако профессиональная подготовка требует создания организационно-педагогических условий, погружающих в ходе учебного процесса в проблемные педагогические ситуации.

Основная часть

В ходе исследования применялся метод моделирования образовательного процесса. За исход-

ное в определении сути «модели» взято понятие В.А. Штоффа: «Мысленно представленная или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об объекте» [Штофф 1966]. Такое определение позволяет рассматривать «модель» как систему и как идеальный процесс формирования тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов.

Разработанная нами модель формирования тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов состоит из концептуально-целевого, содержательного, процессуального и оценочно-результативного блоков (см. рис.).

Проектирование модели формирования тьюторской компетентности у будущих педагогов-психологов потребовало определения методологической основы. Проблемно ориентированный подход представляет базовую основу модели (концептуально-целевой блок); системный подход обуславливает выбор учебных дисциплин и методов их реализации (содержательный и процессуальный блоки); компетентностный подход способствует определению структуры и сущности результативной характеристики (оценочно-результативный блок).

Концептуально-целевой блок модели ориентирован на реализацию цели профессиональной подготовки будущих педагогов-психологов – формирование тьюторской компетентности с опорой на принципы проблемно ориентированного подхода.

Содержательный блок модели формирования тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов представлен интеграцией учебных дисциплин, содержание которых способствует освоению видов тьюторской деятельности (сопровождение и поддержка): «Технология тьюторского сопровождения в образовании» и «Проектирование индивидуальных образовательных маршрутов», «Психолого-педагогическая диагностика» и «Основы психологического консультирования в тьюторской деятельности».

Содержание учебных дисциплин «Технология тьюторского сопровождения в образовании» и «Проектирование индивидуальных образовательных маршрутов» направлено на развитие показателей ценностно-мотивационного, когнитивно-гносеологического, методико-технологического компонентов: ценностные мотивы и потребности в тьюторской деятельности; знание теоретических и методических основ тьюторской деятельности; знание алгоритмов общего тьюторского действия и этапов тьюторского сопровождения обучающихся; способности к нормативно-методическому сопровождению индивидуальных образовательных маршрутов, проектов обучающихся. Учебные дис-

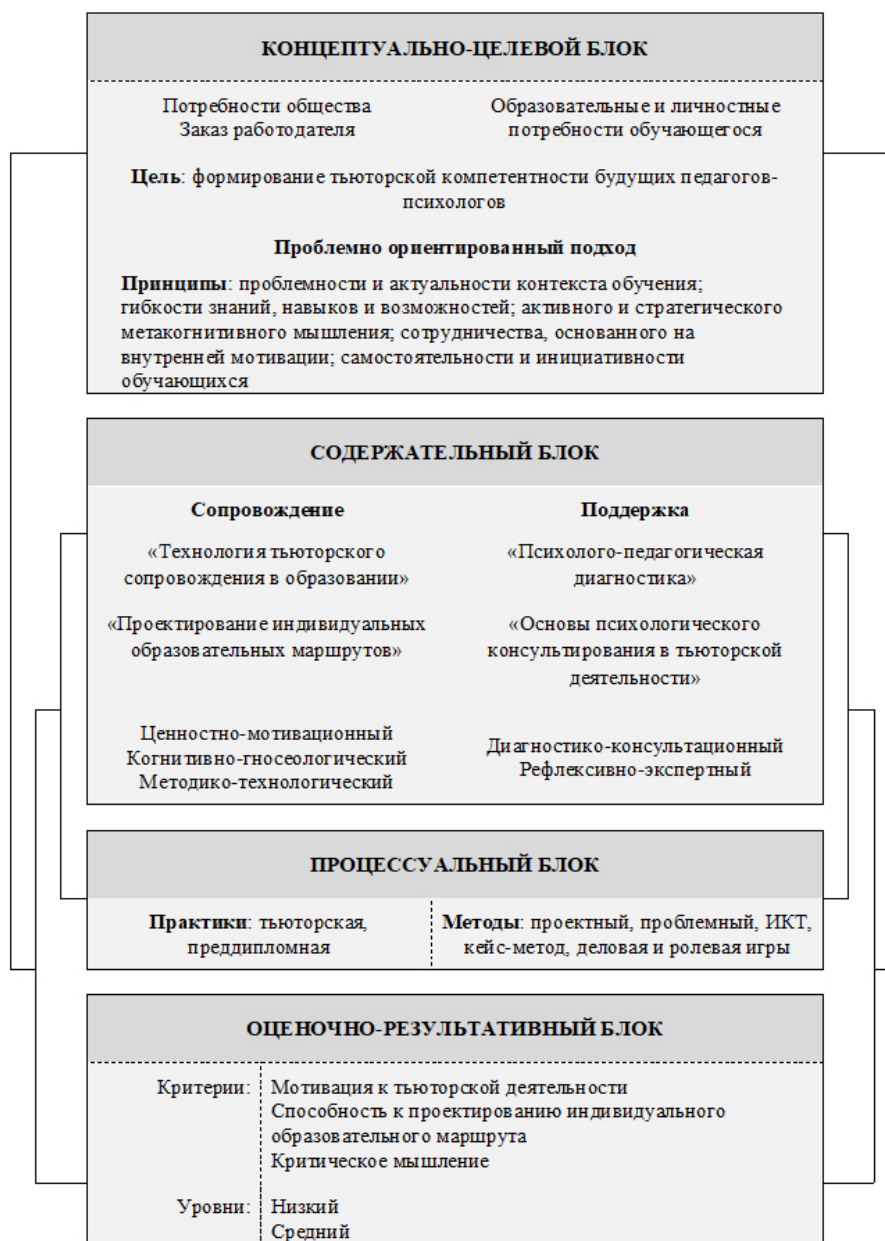

Рисунок – Модель формирования тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов
Figure – Model of formation of tutoring competence of future educational psychologists

циплины «Психолого-педагогическая диагностика» и «Основы психологического консультирования в тьюторской деятельности» направлены на развитие показателей диагностико-консультационного и рефлексивно-экспертного компонентов: способности к оценке индивидуальных особенностей и потребностей обучающегося; способности к консультированию всех субъектов образовательного процесса; умения анализировать и оценивать результаты освоения обучающимся индивидуального образовательного маршрута, проекта, а также осуществлять психолого-педагогическую поддержку рефлексии обучающимися результатов реализации индивидуальных образовательных маршрутов и проектов.

Организационно-педагогические условия подготовки будущих педагогов-психологов к тьютор-

ской деятельности способствуют развитию тьюторских навыков в ходе практических занятий, практик и внеучебной деятельности.

Образовательный результат достигается применением комплекса практико-ориентированных технологий. В процессуальном блоке модели выделены педагогические средства формирования тьюторской компетентности (тьюторская и преддипломная практики), а также методы (проектный, проблемный, ИКТ, кейс-метод, деловая и ролевая игры), применение которых проводилось с опорой на принципы проблемно ориентированного обучения: проблемности и актуальности контекста обучения; гибкости знаний, навыков и возможностей; активного и стратегического метакогнитивного мышления; сотрудничества, основанного на внутренней мотивации; самостоятельности и иници-

Таблица

Динамика значений показателей тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов

Table

Dynamics of values of indicators of tutoring competence of future educational psychologists

Компоненты тьюторской компетентности	Констатирующий эксперимент	Формирующий эксперимент
Ценностно-мотивационный	0,29	0,66
Когнитивно-гносеологический	0,33	0,78
Методико-технологический	0,3	0,74
Диагностико-консультационный	0,38	0,76
Рефлексивно-экспертный	0,25	0,6
Общее среднее	0,31	0,71

ативности обучающихся, что способствовало развитию критического мышления.

Формированию практических навыков тьюторской деятельности содействует прохождение тьюторской и преддипломной практик в образовательных организациях различных видов (детские сады, центры, школы, учреждения дополнительного образования), где студенты могут развивать свои тьюторские способности под руководством опытных педагогов-психологов и тьюторов; предоставление студентам возможности работать в реализации реальных индивидуальных образовательных маршрутов и проектов в сотрудничестве с образовательными организациями; сотрудничество с практикующими тьюторами (приглашение практикующих тьюторов в качестве преподавателей, организация стажировок и практик в учреждениях, где осуществляется тьюторская деятельность).

Оценочно-результативный блок включает фонды оценочных средств, которые позволяют оценить динамику в развитии тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов и организовать обратную связь с обучающимися для определения их сильных и слабых сторон, созданию рекомендаций по совершенствованию.

Об эффективности разработанной модели свидетельствуют положительная динамика развития показателей компонентов в структуре тьюторской компетентности (см. таблицу) [Рылов, Соловова 2024].

Таким образом, целенаправленному процессу формирования тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов будет способствовать специально разработанная модель в виде стратегии поэтапного развития показателей в структуре тьюторской компетентности.

Заключение

Расширение функций будущих педагогов-психологов требует внесения корректив в их профессиональную подготовку. Выполнение двух видов деятельности (сопровождение и поддержка) требуют от будущих специалистов тьюторской компетентности, что становится целью учебного процесса.

В ходе исследования разработана модель формирования тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов с опорой на совокупность принципов методологических подходов. Структура модели, ее блоки могут рассматриваться в качестве технологии развития навыков осуществления тьюторской деятельности как основы профессиональной готовности будущих педагогов-психологов к выполнению профессиональной миссии.

Об эффективности разработанной модели формирования тьюторской компетентности будущих педагогов-психологов в условиях открытого образовательного пространства будет свидетельствовать положительная динамика показателей компонентов тьюторской компетентности.

Библиографический список

- Asadova 2022 – *Asadova B.G.* Individualization of learning as broadly understood inclusion in education // Научный альманах. 2022. № 12–1 (98). С. 16–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50219333>. EDN: <https://elibrary.ru/vdtrlh>.
- Беленко, Исаев 2020 – *Беленко Т.В., Исаев И.Ф.* Технологическая готовность будущего учителя к индивидуализации обучения школьников средствами педагогического дизайна // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39, № 2. С. 178–187. DOI: <http://doi.org/10.18413/2712-7451-2020-39-2-178-187>.
- Бетанова, Колесник, Полянский 2024 – *Бетанова С.С., Колесник Н.Т., Полянский А.И.* Индивидуализация обучения в цифровой среде // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82–1. С. 52–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=64545312>. EDN: <https://elibrary.ru/ozbmvj>.
- Декина 2020 – *Декина Е.В.* Особенности реализации адаптированных программ для обучающихся с особыми образовательными потребностями // Актуальные проблемы обучения и воспитания лиц с ограниченными возможностями здоровья: материалы всероссийской заочной конференции. Екатеринбург, 16 марта – 20 апреля 2020 года. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 164–168. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43151303>. EDN: <https://elibrary.ru/lrdrpd>.

Днепровская, Шевцова 2020 – *Днепровская Н.В., Шевцова И.В.* Открытые образовательные ресурсы и цифровая среда обучения // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 12. С. 144–155. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-12-144-155>.

Круцкий 2022 – *Круцкий В.М.* Индивидуальный образовательный маршрут – средство развития детской одарённости в условиях образовательной среды // Вопросы педагогики. 2022. № 4–2. С. 143–147. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48443641>. EDN: <https://elibrary.ru/voqvct>.

Кузьмичева 2021 – *Кузьмичева Т.В.* Ресурсные возможности индивидуализации обучения детей с особыми образовательными потребностями: конструктивное взаимодействие педагогов // Специальное образование XXI века: материалы международного научного форума. Санкт-Петербург, 21 апреля 2021 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. С. 145–149. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46178066>. EDN: <https://elibrary.ru/laydwa>.

Левин 2024 – *Левин С.М.* Сравнение классических и адаптивных систем обучения: в сторону гибкости и индивидуализации // Вектор научной мысли. 2024. № 3 (8). С. 82–86. DOI: <http://doi.org/10.58351/2949-2041.2024.8.3.010>.

Рылов, Соловова 2024 – *Рылов А.Н., Соловова Н.В.* Сравнительный анализ опытно-экспериментальной работы по формированию тьюторской компетентности у будущих педагогов-психологов // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82–4. С. 350–353. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67963165>. EDN: <https://elibrary.ru/vgxelh>.

Соловова, Ежов, Яшкин 2020 – *Соловова Н.В., Ежов Д.А., Яшкин С.Н.* Готовность преподавателя к взаимодействию с одаренными обучающимися // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 57–63. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-57-63>.

Штофф 1966 – *Штофф В.А.* Моделирование и философия. Ленинград: Наука, 1966. 296 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_nauki_tekhniki/shtoff_v_a_modelirovanie_i_filosofija/30-1-0-2949.

References

Asadova 2022 – *Asadova B.G.* (2022) Individualization of learning as broadly understood inclusion in education. *Science Almanac*, no. 12–1 (98), pp. 16–19. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50219333>. EDN: <https://elibrary.ru/vdtrlh>.

Belenko, Isaev 2020 – *Belenko T.V., Isaev I.F.* (2020) Technological readiness of the future teacher to individualize the teaching of students by means of educational design. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, vol. 39, no. 2, pp. 178–187. DOI: <http://doi.org/10.18413/2712-7451-2020-39-2-178-187>. (In Russ.)

Betanova, Kolesnik, Polyansky 2024 – *Betanova S.S., Kolesnik N.T., Polyansky A.I.* (2024) Individualization of learning in a digital environment. *Problems of modern pedagogical education*, no. 82–1, pp. 52–55. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=64545312>. EDN: <https://elibrary.ru/ozbmvj>. (In Russ.)

Dekina 2020 – *Dekina E.V.* (2020) Peculiarities of implementation of adapted programs for students with special educational needs. In: *Actual problems of education and upbringing of persons with disabilities: materials of the All-Russian virtual conference, Yekaterinburg, March 16 – April 20, 2020*. Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 164–168. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43151303>. EDN: <https://elibrary.ru/lrdrupd>. (In Russ.)

Dneprovskaya, Shevtsova 2020 – *Dneprovskaya N.V., Shevtsova I.V.* (2020) Open Educational Resources in the Development of Digital Learning Environment. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, vol. 29, no. 12, pp. 144–155. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-12-144-155>. (In Russ.)

Krutsky 2022 – *Krutsky V.M.* (2022) An individual educational route is a means of developing children's giftedness in an educational environment. *Voprosy pedagogiki*, no. 4–2, pp. 143–147. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48443641>. EDN: <https://elibrary.ru/voqvct>. (In Russ.)

Kuzmicheva 2021 – *Kuzmicheva T.V.* (2021) Resource opportunities for individualizing the education of children with special educational needs: constructive interaction of teachers. In: *Special education of the XXI century: materials of the International scientific forum, Saint Petersburg, April 21, 2021*. Saint Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A.S. Pushkina, pp. 145–149. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46178066>. EDN: <https://elibrary.ru/laydwa>. (In Russ.)

Levin 2024 – *Levin S.M.* (2024) Comparison of traditional and adaptive learning systems: towards flexibility and individualization. *Vektor nauchnoi mysli*, no. 3 (8), pp. 82–86. DOI: <http://doi.org/10.58351/2949-2041.2024.8.3.010>. (In Russ.)

Rylov 2024 – *Rylov A.N., Solovova N.V.* (2024) Comparative analysis of experimental work on formation of future educational psychologists' tutor competence. *Problems of modern pedagogical education*, no. 82–4, pp. 350–353. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67963165>. EDN: <https://elibrary.ru/vgxelh>. (In Russ.)

Solovova 2020 – *Solovova N.V., Ezhov D.A., Yashkin S.N.* (2020) The teacher's readiness to interact with gifted students. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 4, pp. 57–63. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-57-63>. (In Russ.)

Shtoff 1966 – *Shtoff V.A.* (1966) Modeling and philosophy. Leningrad: Nauka, 296 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_nauki_tekhniki/shtoff_v_a_modelirovanie_i_filosofija/30-1-0-2949. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.4

Дата поступления: 09.02.2024
рецензирования: 17.04.2024
принятия: 02.09.2024

**Педагогическое сопровождение подготовки курсантов вузов МЧС России
к деятельности в экстремальных ситуациях**

А.А. Карапузиков

Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: Alexx-7777@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8458-1387>

Н.В. Уварина

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: nuvarina@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1490-3302>

Н.П. Мураев

Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: myrnik@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2389-6949>

А.Д. Низяков

Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: nizyakov01@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1528-2812>

Аннотация: Статья посвящена исследованию педагогического сопровождения подготовки курсантов вузов МЧС России к деятельности в экстремальных ситуациях с помощью индуктивных и дедуктивных методов, рассматриваются основные концепции подготовки курсантов к работе в экстремальных условиях, а также задачи, стоящие перед педагогическим коллективом. Определен понятийный аппарат педагогического сопровождения подготовки курсантов к деятельности в экстремальных ситуациях. На основе проведенного анализа научных трудов по данной теме выделен ряд аспектов и прицелов, представляющих собой основу эффективного обучения курсантов решению профессиональных задач. Особое внимание уделяется формированию необходимых навыков, стрессоустойчивости, принятию решений в условиях опасности и развитию значимых качеств.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение; подготовка курсантов; экстремальные ситуации; стрессоустойчивость; вузы; решение профессиональных задач.

Цитирование. Карапузиков А.А., Уварина Н.В., Мураев Н.П., Низяков А.Д. Педагогическое сопровождение подготовки курсантов вузов МЧС России к деятельности в экстремальных ситуациях // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 99–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-99-103>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Карапузиков А.А., Уварина Н.В., Мураев Н.П., Низяков А.Д., 2024

Александр Анатольевич Карапузиков – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры безопасности в ЧС, Уральский институт ГПС МЧС России, 620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 22.

Наталья Викторовна Уварина – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры подготовки педагогов профессионального обучения и предметных методик, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.

Николай Павлович Мураев – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры безопасности в ЧС, Уральский институт ГПС МЧС России, 620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 22.

Артем Дмитриевич Низяков – преподаватель-методист отделения методической работы, Уральский институт ГПС МЧС России, 620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 22.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 09.02.2024
Revised: 17.04.2024
Accepted: 02.09.2024

**Pedagogical support of preparation of cadets of higher educational institutions
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and
Elimination of Consequences of Natural Disasters activity in extreme situations**

A.A. Karapuzikov

The State Fire Academy of the Ministry of Russian Federation for Civil Defence,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: Alexx-7777@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8458-1387>

N.V. Uvarina

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: nuvarina@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1490-3302>

N.P. Muraev

The State Fire Academy of the Ministry of Russian Federation for Civil Defence,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: myrnik@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2389-6949>

A.D. Nizyakov

The State Fire Academy of the Ministry of Russian Federation for Civil Defence,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: nizyakov01@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1528-2812>

Abstract. The article is devoted to the study of pedagogical support for training cadets of higher education institutions of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence using inductive and deductive methods, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters for activities in extreme situations, the main concepts of training cadets for work in extreme conditions, as well as the tasks facing the teaching staff are considered. The conceptual apparatus of pedagogical support for training cadets for activities in extreme situations is considered. Based on the analysis of scientific works on this topic, a number of aspects and trailers are identified that represent the basis for effective training of cadets to solve professional problems. Particular attention is paid to the formation of necessary skills, stress resistance, decision-making in dangerous conditions and the development of significant qualities.

Key words: pedagogical support; cadet training; extreme situations; stress resistance; universities; solve professional problems.

Citation. Karapuzikov A.A., Uvarina N.V., Muraev N.P., Nizyakov A.D. Pedagogical support of preparation of cadets of higher educational institutions of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters to activity in extreme situations. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 99–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-99-103>. (In Russ.)

Information on conflict of interest: authors declared no conflicts of interest.

© Karapuzikov A.A., Uvarina N.V., Muraev N.P., Nizyakov A.D., 2024

Alexander A. Karapuzikov – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Safety in Emergency Situations, The State Fire Academy of the Ministry of Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 22, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation.

Natalia V. Uvarina – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, professor of the Department of Training of Vocational Training Teachers and Subject Methods, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, 69, Lenin Avenue, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.

Nikolay P. Muraev – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, professor of the Department of Safety in Emergency Situations, The State Fire Academy of the Ministry of Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 22, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation.

Artem D. Nizyakov – methodology teacher, Methodology Department, The State Fire Academy of the Ministry of Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 22, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation.

Введение

Проблема педагогического сопровождения процесса подготовки курсантов вузов МЧС России к деятельности в экстремальных ситуациях требует разработки и применения эффективных методологических подходов к образовательному процессу. Анализ исследований данной проблемы позволил выделить ряд аспектов, которые необходимо учитывать в учебном процессе:

– отсутствие согласованной и систематической методологии подготовки, выражающейся в том, что существующие практики не являются последовательными и могут быть недостаточно эффективными, что приводит к недостаточной подготовке курсантов к реальным экстремальным ситуациям, а также повышает риск появления негативных последствий;

– ограниченные возможности для анализа и оценки эффективности подготовки, а именно частое отсутствие специальных методов и инструментов систематического измерения прогресса курсантов, а также для оценки достижения поставленных образовательных целей, что нарушает обратную связь и не дает возможности определить первоочередные задачи;

– отсутствие практического опыта и знаний у преподавателей негативно сказывается на качестве образования курсантов. Практический опыт

дает возможность доносить информацию с проведением примеров жизненных ситуаций, а при его отсутствии у преподавателей могут возникать трудности в объяснении сложных концепций, проведении практических занятий и тренировок. В связи с этим возникает необходимость активного вовлечения специалистов с практическим опытом в процесс обучения или самостоятельного повышения уровня своей компетентности с помощью участия в различных тренингах, семинарах, курсах и стажировках, которые призваны расширить практический опыт и знания в области экстремальных ситуаций;

– ограниченность временных и материальных ресурсов, необходимых для подготовки курсантов к деятельности в экстремальных условиях, может привести к недостаточному объему и качеству подготовки.

Основная часть

Проблема педагогического сопровождения подготовки курсантов вузов МЧС России к деятельности в экстремальных ситуациях требует комплексного подхода и разработки эффективных решений, позволяющих обеспечить курсантов необходимыми знаниями, умениями и навыками выполнения профессиональных задач в экстремальных условиях.

Рассмотрим понятийный аппарат проблемы педагогического сопровождения, который включает в себя ряд ключевых понятий и терминов, характеризующих содержание и процесс подготовки курсантов к профессиональной деятельности в экстремальных ситуациях (см. рис.).

Термин сопровождение означает «действие, сопутствующее определенному явлению, сопровождающее его, содействующее его протеканию» [Кузнецова 2023]. Л.М. Левин под сопровождением понимает помощь, оказание поддержки обучаемым в личностном формировании за счет взаимодействия сопровождающего (преподавателя) и сопровождаемого с целью создания благоприятных условий, необходимых для полноценного участия в образовательном процессе [Левина 2015].

Под образовательным процессом понимается образовательная деятельность, включающая в себя воспитание, обучение, развитие, осуществляющиеся в двух формах организации: самостоятельное развитие (самовоспитание, самообразование) и совместная деятельность с педагогом под его непосредственным руководством (Новиков 2010). Методическое обеспечение (Э.Г. Злотников, И.С. Батракова, Н.Н. Чекалева и др.) понимается как создание необходимых условий для реализации образовательного процесса. По мнению М.А. Федоровой, методическое обеспечение понимается как образовательное пространство, состоящее из информационной, ресурсной, рефлексивной, процессуальной, продуктивной, технологической сред, находящихся во взаимодействии друг с другом (Федорова 2011). Е.В. Миренкова методическое обеспечение представляет в виде масштабности, многогранности, динамичности входящих в него компонентов. По мнению автора, методическое обеспечение представляет собой различные аспекты образовательного процесса,

направленные на успешное его осуществление [Миренкова 2013]. По нашему мнению, методическое обеспечение играет важную роль в образовательном процессе и позволяет достичь образовательных целей и высокого качества обучения, способствуя эффективной коммуникации и передаче информации обучаемым, а также оцениванию и контролю уровня усвоения знаний для дальнейшего при необходимости корректирования образовательного процесса [Карапузиков, Попова, Дьяков 2023].

Подготовка – это получение знаний в процессе обучения. Р.И. Рассыпанова считает, что подготовка курсантов имеет определенные внешние границы и включает в себя необходимую информацию, которая представляется в контролируемых ситуации, а результатом подготовки является система знаний, умений и навыков (Рассыпанова 2018). Изучая труды авторов, посвященные вопросам подготовки, пришли к выводу, что это процесс овладения системой знаний, умений и навыков, а также социальным опытом, обеспечивающими в совокупности готовность к деятельности (Карапузиков 2020).

Подготовка в условиях, приближенных к экстремальным, нами понимается как процесс овладения комплексом знаний, умений и навыков по тушению пожаров и проведению аварийно-спасательных работ в условиях воздействия на курсантов неблагоприятных условий, в том числе экстремальных. Диагностика и корректировка программы подготовки позволяют своевременно выявить недостатки в процессе подготовки и при необходимости предпринять необходимые меры по их устранению при помощи ее корректировки. Результатом педагогического сопровождения процесса подготовки курсантов является готовность к выполнению задач в профессиональной деятельности, связанной с воздействием на них неблагоприятных и экстремальных условий.

Рисунок – Понятийный аппарат педагогического сопровождения подготовки курсантов к деятельности в экстремальных ситуациях

Figure – Conceptual apparatus of pedagogical support for training cadets for activities in extreme situations

Проблема педагогического сопровождения подготовки курсантов и студентов освещается в научных трудах (Т.П. Тукачевой, А.Ю. Тенчурина, А.В. Обрезкова, А.В. Трухина и др.). В исследованиях Д.В. Шугалей в качестве опоры педагогического сопровождения выступают психолого-педагогические и организационные условия, в основе которых лежит участие преподавателей и медицинских работников в формировании компетенций и их эффективном использовании в дальнейшей профессиональной деятельности, а также образовательная среда учебного заведения, обеспечивающая оптимальные условия их совершенствования. Автор выделяет два содержательно-временных этапа, на которых проводится диагностика: выявление индивидуальных особенностей курсантов, профессиональных намерений, интересов и возможностей личности, а также их установка на профессиональное становление [Шугалей 2017].

Исследования И.С. Маркова доказывают необходимость психолого-педагогического сопровождения подготовки курсантов к деятельности в экстремальных ситуациях. Экстремальные ситуации способствуют мобилизации внутренних ресурсов обучаемых с последующим стимулированием внимания, скорости мыслительных процессов, а также мотивации и эмоционального подъема. По мнению автора, педагогическое сопровождение способствует развитию навыков принятия решений и адаптации в экстремальных условиях, обеспечивая успешное выполнение служебных обязанностей [Марков 2009].

Л.И. Горелова, Н.В. Уварина на основе внедрения технологий педагогического сопровождения выделяют условия повышения уровня профессиональных компетенций: непрерывное профессиональное развитие; совместное обучение; наставничество и коучинг; рефлексивную практику; доступ к ресурсам и технологиям; поддерживающее руководство. По мнению авторов, данные условия позволяют обеспечить качественное обучение и эффективное непрерывное профессиональное развитие студентов, а также дают возможность им достичь высоких результатов как в учебе, так и в формировании профессиональных компетенций для дальнейшей профессиональной деятельности [Горелова, Уварина 2023].

Исследуя данную проблему и опираясь на научные труды по рассматриваемой проблеме, приходим к следующим выводам:

– экстремальные ситуации могут различаться по характеру, особенностям протекания и их возникновению (чрезвычайные ситуации природного

и техногенного характера, террористические акты, военные действия и др.), поэтому в ходе подготовки необходимо учитывать специфику каждой ситуации;

– процесс подготовки требует междисциплинарного подхода, поэтому его необходимо обогащать взаимодействием специалистов и практических работников из других областей (медицины, психологии и др.);

– формированию профессиональных навыков курсантов будут способствовать тренировки, симуляции, практические занятия, обеспечивающие развитие навыков принятия решений, коммуникации, лидерства, работа в команде;

– использование в процессе педагогического сопровождения подготовки современных инновационных технологий обучения (VR-технологии, симуляторы, интерактивные образовательные платформы) позволяет создавать реалистичные условия для обучения;

– регулярное обновление содержания процесса подготовки с учетом развития технологий и проявления новых вызовов в экстремальных ситуациях требует учета результатов научных исследований и обновления учебных планов и программ.

Повышение качества подготовки курсантов при выполнении профессиональных задач в экстремальных условиях достигается опорой на следующие принципы:

– индивидуальный подход и групповую работу с курсантами. Каждый курсант имеет свои уникальные особенности, и важно создать для них такую образовательную среду, которая будет учитывать их индивидуальные характеристики, а работа в коллективе воспитывать ответственность за принятые решения, от которых будет зависеть жизнь не только самого курсанта, но и его товарищей и подчиненных;

– систематичность и последовательность обучения, способствующие развитию необходимых компетенций;

– повышение стрессоустойчивости, эмоционально-волевой и психологической устойчивости, самообладания, уровня самоконтроля.

Заключение

Педагогическое сопровождение подготовки курсантов вузов МЧС России к деятельности в экстремальных ситуациях включает в себя не только теоретические знания, но и развитие стрессоустойчивости, умение принимать правильные решения в условиях неопределенности и опасности, а также психологическую и физическую подготовку.

Материалы исследования

Карапузиков 2020 – *Карапузиков А.А.* Подготовка курсантов специального вуза к деятельности в экстремальных ситуациях: специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2020. 233 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49342021>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qiuhfg>.

Новиков 2010 – *Новиков А.М.* Основания педагогики: пособие для авторов учебников и преподавателей педагогики. Москва: Эгвес, 2010. 208 с. URL: <http://anovikov.ru/books/op.pdf>.

Рассыпанова 2018 – *Рассыпанова Р.И.* Педагогические технологии подготовки курсантов вузов МВД России к работе в поликультурной молодежной среде: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Москва, 2018. 208 с.

Федорова 2011 – Федорова М.А. Теория и методическое обеспечение формирования учебной самостоятельной деятельности студентов в вузе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Орел, 2011. 39 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005087652.pdf.

Библиографический список

Горелова, Уварина 2023 – Горелова Л.И., Уварина Н.В. Практика реализации технологии педагогического сопровождения профессиональной деятельности преподавателей в цифровом сообществе // Высшее образование сегодня. 2023. № 3. С. 80–85. DOI <https://doi.org/10.18137/RNU.HET.23.03.P.080>. EDN: <https://elibrary.ru/xcdugi>.

Карапузиков, Попова, Дьяков 2023 – Карапузиков А.А., Попова С.В., Дьяков М.В. Методическое обеспечение практических занятий по дисциплине «Противопожарное водоснабжение» // Стратегическое развитие инновационного потенциала отраслей, комплексов и организаций: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. Пенза, 10–11 октября 2023 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. С. 223–226. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56168083>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gbnzen>.

Кузнецова 2023 – Кузнецова Т.Ю. Психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации детей раннего возраста к условиям ДОУ // Вестник науки. 2023. Т. 2, № 1 (58). С. 112–122. URL: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/6959>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50047924>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rxnwga>.

Левина 2015 – Левина Л.М. Проектирование педагогического сопровождения самостоятельной работы студентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1 (37). С. 228–234. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23460774>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ttkewp>.

Марков 2009 – Марков А.С. Психолого-педагогическое сопровождение курсантов военных вузов в кризисных и экстремальных ситуациях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. Вып. 3, ч. II. С. 100–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-kursantov-voennyh-vuzov-v-krizisnyh-i-ekstremalnyh-situatsiyah/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14341937>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kwlyyq>.

Миренкова 2013 – Миренкова Е.В. Категория «методическое обеспечение» и ее сущность // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 4 (24). С. 456–463. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21195856>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rvvoeh>.

Шугалей 2017 – Шугалей Д.В. Педагогические основы процесса сопровождения физического совершенствования курсантов в военном вузе // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 4 (77). С. 367–371. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-osnovy-protsesssa-soprovozhdeniya-fizicheskogo-sovershenstvovaniya-kursantov-v-voennom-vuze/viewer>.

References

Gorelova, Uvarina 2023 – Gorelova L.I., Uvarina N.V. (2023) The practice of implementing the technology of pedagogical support for the professional activities of teachers in the digital community. *Higher Education Today*, no. 3, pp. 80–85. DOI <https://doi.org/10.18137/RNU.HET.23.03.P.080>. EDN: <https://elibrary.ru/xcdugi>. (In Russ.)

Karapuzikov, Popova, Dyakov 2023 – Karapuzikov A.A., Popova S.V., Dyakov M.V. (2023) Methodical support of practical classes in the discipline «Fire water supply». In: *Strategic development of innovation potential of industries, complexes and organizations: collection of articles of the XI International research and practical conference, Penza, October 10–11, 2023*. Penza: Penzenskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, pp. 223–226. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56168083>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gbnzen>. (In Russ.)

Kuznetsova 2023 – Kuznetsova T.Yu. (2023) Psychological & pedagogical support of processes of adaptation of young children to conditions of preschool education. *Vestnik nauki*, vol. 2, no. 1 (58), pp. 112–122. Available at: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/6959>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50047924>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rxnwga>. (In Russ.)

Levina 2015 – Levina L.M. (2015) Pedagogical support of independent learning of university students. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 1 (37), pp. 228–234. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23460774>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ttkewp>. (In Russ.)

Markov 2009 – Markov A.S. (2009) Psycho-pedagogical support of cadets of military high schools in crisis or emergency situations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, issue 3, part II, pp. 100–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-kursantov-voennyh-vuzov-v-krizisnyh-i-ekstremalnyh-situatsiyah/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14341937>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kwlyyq>. (In Russ.)

Mirenkova 2013 – Mirenkova E.V. (2013) The category of methodological support and its essence. *Izvestia of Smolensk State University*, no. 4 (24), pp. 456–463. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21195856>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rvvoeh>. (In Russ.)

Shugalya 2017 – Shugalya D.V. (2017) Pedagogical bases of process of maintenance of physical improvement of cadets in a military higher education institution. *Scientific Notes of Orel State University*, no. 4 (77), pp. 367–371. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-osnovy-protsesssa-soprovozhdeniya-soprovozhdeniya-fizicheskogo-sovershenstvovaniya-kursantov-v-voennom-vuze/viewer>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 373.51

Дата поступления: 17.01.2024
рецензирования: 23.03.2024
принятия: 02.09.2024

Формирование у школьников предметных умений по математике в процессе цифровой дидактической игры

А.С. Гребенкина

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Российская Федерация
E-mail: grebenkina.aleks@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8161-6872>

П.В. Ляшко

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Российская Федерация
E-mail: polina2ooo@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-3879-2273>

Аннотация: Работа посвящена исследованию проблемы геймификации обучения математике в основной школе с помощью методов изучения педагогического опыта, сопоставления и обобщения результатов наблюдений, анализа научных статей, содержания и структуры дидактических игр по математике. Актуальность проблемы обусловлена цифровой трансформацией образования, происходящей в настоящее время. Цифровизация образования в контексте обучения математике в основной школе влечет за собой необходимость разработки новых средств обучения. Такие средства обучения должны способствовать развитию у школьников математических умений, соответствуя при этом запросам учащихся цифрового поколения к форме подачи информации. В качестве эффективного средства обучения математике в школе предложено применять цифровые дидактические игры. Указан потенциал таких игр в формировании у школьников математических и логических умений, познавательной мотивации. В математическом содержании игры предусмотрена смена видов учебной деятельности, это позволит расширить спектр формируемых умений. Для развития умений выполнять различные графические построения инструментальными средствами современных графических калькуляторов предложено на отдельных этапах игры включить задания, для выполнения которых можно использовать цифровые инструменты (онлайн-калькуляторы, электронные программы, мобильные приложения и пр.). Сделан вывод о целесообразности применения цифровых дидактических игр в процессе обучения школьников математике.

Ключевые слова: геймификация; цифровая дидактическая игра; обучение математике; математические умения; логические умения; цифровые умения; познавательная активность.

Цитирование. Гребенкина А.С., Ляшко П.В. Формирование у школьников предметных умений по математике в процессе цифровой дидактической игры // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30, № 3. С. 104–111. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-104-111>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гребенкина А.С., Ляшко П.В., 2024

Александра Сергеевна Гребенкина – доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры высшей математики и методики преподавания математики, Донецкий государственный университет, 283001, Российская Федерация, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Полина Витальевна Ляшко – магистрант, Донецкий государственный университет, 283001, Российская Федерация, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.01.2024
Revised: 23.03.2024
Accepted: 02.09.2024

Formation of students' subject skills in mathematics in the process of digital didactic game

A.S. Grebenkina

Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation
E-mail: grebenkina.aleks@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8161-6872>

P.V. Lyashko

Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation
E-mail: polina2ooo@yandex.ru ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-3879-2273>

Abstract: The work is devoted to the study of the problem of gamification of mathematics teaching in primary school using methods of studying pedagogical experience, comparing and generalizing the results of observations, analyzing scientific articles and the content and structure of didactic games in mathematics. The urgency of the problem is due to the digital transformation of education currently taking place. Digitalization of education in the context of teaching mathematics in primary school entails the need to develop new learning tools. Such teaching tools should contribute to the development of students' mathematical skills, while meeting the needs of students of the digital generation for the form of

information presentation. Digital didactic games can be used as an effective means of teaching mathematics at school. The potential of such games in the formation of students' mathematical and logical skills, cognitive motivation is indicated. In the mathematical content of the game, it is proposed to provide for a change of types of educational activities. This will expand the range of skills formed through digital play, make it more dynamic and interesting for students, which will contribute to their involuntary learning. To develop the skills to perform various graphical constructions using the tools of modern graphical calculators, it is proposed to include tasks at certain stages of the game, for which digital tools can be used (online calculators, electronic programs, mobile applications, etc.). The conclusion is made about the expediency of using digital didactic games in the process of teaching mathematics to schoolchildren.

Key words: gamification; digital didactic game; teaching mathematics; mathematical skills; logical skills; digital skills; cognitive activity.

Citation. Grebenkina A.S., Lyashko P.V. Formation of students' subject skills in mathematics in the process of digital didactic game. *Vestnik Samarского университета. Istorija, pedagogika, filologija Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 104–111. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-104-111>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declared no conflicts of interest.

© Grebenkina A.S., Lyashko P.V., 2024

Aleksandra S. Grebenkina – Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Higher Mathematics and Methods of Teaching Mathematics, Donetsk State University, 24, Universitetskaya Street, Donetsk, 283001, Russian Federation.

Polina V. Lyashko – graduate student, Donetsk State University, 24, Universitetskaya Street, Donetsk, 283001, Russian Federation.

Введение

Одной из важнейших тенденций развития образования является его цифровизация, подразумевающая применение в обучении цифровых и смешанных технологий, разработку интерактивных форм обучения, проектирование новых цифровых средств обучения. В контексте обучения математике цифровизация позволяет сделать образовательный процесс более интересным и доступным, поскольку обладает практически неограниченным потенциалом инструментальных средств для визуализации абстрактных понятий.

На сегодняшний день имеется широкий спектр цифровых инструментов, которые могут быть применены в обучении математике: электронные курсы, игровые платформы, образовательные квесты, обучающие программы и пр. Указанные инструменты дают возможность учесть ожидания, интересы и образовательные потребности школьников цифрового поколения, а также повысить их вовлеченность в учебную деятельность.

Эффективной технологией реализации цифровой трансформации обучения математике является геймификация, позволяющая развить у школьников математические умения посредством игровых цифровых технологий. Актуализируется задача вовлечения школьников в процесс обучения математике посредством этих технологий так, чтобы игровые элементы не стали доминирующими в деятельности учащихся. При соблюдении указанного требования применение в процессе обучения математике игровых цифровых технологий может способствовать повышению качества математической подготовки школьников. Необходимость формировать предметные умения с учетом цифровой трансформации образования обуславливает актуальность геймификации как современного интерактивного ресурса в контексте цифрового образовательного пространства [Liao, Chen, Shih 2019, p. 43; Татаринов 2019].

Анализ современных педагогических исследований позволил выявить различные подходы к определению геймификации и ее роли в образова-

тельном процессе. Так, Дж. Парк, С. Ким, А. Ким и М.Ю. Йи рассматривают геймификацию как современную цифровую технологию обучения [Park, Kim S., Kim A., Yi 2019, p. 8]. О.В. Крежевских и А.И. Михайлова также определяют геймификацию как технологию обучения, но подчеркивают ее трансдисциплинарность [Крежевских, Михайлова 2021, с. 142]. М.В. Афонина и А.С. Харламова понимают геймификацию как подход к обучению, основанный на применении в учебном процессе принципов компьютерных игр, игровых сценариев и динамик в неигровых ситуациях. Такой подход, по мнению ученых, способствует повышению мотивации и вовлеченности учащихся в процесс решения учебных задач и достижения учебных целей [Афонина, Харламова 2017, с. 47]. В работе А.В. Золкиной, Н.В. Ломоносовой и Д.А. Петрусевич геймификация рассматривается как инструмент повышения эффективности образовательного процесса в условиях информатизации образования [Золкина, Ломоносова, Петрусевич 2020, с. 130]. А.С. Полякова относит геймификацию к средствам обучения [Полякова 2019, с. 659].

По нашему мнению, геймификацию следует рассматривать как технологию обучения. В контексте обучения математике школьников будем понимать геймификацию как «перманентное систематическое применение игровых технологий в учебном процессе с целью повышения его эффективности» [Коклевский, Шульжик 2018, с. 159]. На сегодняшний день существует достаточно много игровых технологий, в том числе интерактивных, которые применяются в основной школе с различными целями: учебными, воспитательными, социальными и пр. С позиций обучения математике эффективной игровой технологией является цифровая дидактическая игра, под которой понимается учебно-познавательная деятельность, осуществляемая в игровой форме в цифровой образовательной среде [Попова 2023, с. 104].

Цифровые дидактические игры обладают большим потенциалом в школьном математическом образовании. Анализ современных научных пу-

бликаций подтверждает, что применение таких игр в учебном процессе способствует повышению мотивации учащихся к изучению математики [Ковтонюк, Столбов, Новиков 2022], формированию их познавательной активности [Гребенкина, Ляшко 2023, с. 103] и познавательной мотивации [Куликова, Мерзлякова 2021, с. 14]. Такие игры создают на уроках математики условия для развития у школьников коммуникативных компетенций личности [Катаева, Терехова 2020, с. 53], формируют у игроков (учащихся) направленность на успех [Briffa, Jaftha, Loreto, Chircop, Morone 2020, с. 227], а также могут быть использованы в воспитательных целях [Демиденко 2020, с. 48]. Цифровые дидактические игры являются эффективным средством развития логических учебных действий [Беспрозванных, Шаталова 2020, с. 68], надпрофессиональных компетенций [Петлина, Зверева, Корчак 2023, с. 33], формирования умений творческого мышления [Коклевский, Шульжик 2018, с. 161].

Отметим, что большинство ученых фокусируют внимание на изучении вопроса влияния игровых технологий на познавательную активность и развитие личностных качеств учащихся. В то же время потенциал цифровых дидактических игр в формировании у школьников математических умений до настоящего времени изучен фрагментарно. Анализ результатов педагогических исследований, посвященных проблеме геймификации школьного образования, а также собственного педагогического опыта, позволил выдвинуть гипотезу о том, что формирование у школьников математических умений (как по алгебре, так и по геометрии) будет более эффективным при условии применения цифровых дидактических игр в учебном процессе.

Методология и методы

В статье применены теоретические методы системного, сравнительного и логического анализа научных статей, педагогических исследований и методических разработок, посвященных проблеме геймификации школьного образования; произведены анализ содержания и структуры цифровых дидактических игр по математике; обобщение авторского практического педагогического опыта; сопоставление и обобщение результатов наблюдений над учебным процессом.

Основная часть

При создании цифровой дидактической игры по математике нужно разработать последовательность игровых заданий, имеющих математическое содержание и объединенных в единый образовательный ресурс, функционирующий на основе каких-либо цифровых инструментов.

Каждый учащийся имеет свою цель обучения, к достижению которой он стремится как в обучении, так и в игре. Поэтому, проектируя содержание школьного курса алгебры, необходимо учитывать теоретическую, практическую, а также индивидуаль-

ную значимость заданий, образующих игровые элементы обучения [Куликова, Мерзлякова 2021, с. 16].

Заложенный в дидактической игре образовательный потенциал будет реализован только в том случае, если игра содержит строго определенные компоненты. К основным структурным компонентам игры относятся название, правила, дидактические задачи, игровые задачи, игровое действие, математическое содержание, результат. Структурные компоненты игры могут дополняться в зависимости от целей игры. Например, О. Мукосей к основным элементам дидактической игры относит также дидактическое оснащение и методический комментарий к ней [Мукосей 2021, с. 17].

С сохранением всех основных структурных компонентов игры нами разработана серия цифровых дидактических игр по алгебре. Каждая игра посвящена одной теме алгебры. В игре учитывается, какие математические умения должны быть сформированы у школьников при изучении темы. Именно на эти умения делается акцент в игровом действии.

Например, для учащихся 8-го класса нами разработана цифровая дидактическая игра «Кто хочет стать миллионером?» по теме «Квадратные уравнения», сюжет которой основан на известном телевизионном шоу с аналогичным названием. Игра разработана в программе iSpring Suite. Дадим краткую характеристику игры.

Целью и, соответственно, *дидактической задачей* авторской игры является формирование у школьников математических и цифровых умений по выбранной теме алгебры. *Игровая задача*: заработать миллион виртуальных рублей. *Игровое действие*: игрок отвечает на вопросы виртуального ведущего по теме «Квадратные уравнения». *Правила*: в игре происходит интеллектуальное соревнование с персонажем, задающим вопросы. Игрок должен выбрать вопрос из предложенного списка вопросов и дать на него ответ в ограниченное время. Чтобы ответить на вопрос, игроку нужно предварительно решить задачу по алгебре. В ходе решения любой задачи, включенной в игру, нужно обязательно выполнить какие-либо математические учебные действия с квадратным уравнением. За каждый правильный ответ игрок зарабатывает определенное количество виртуальных рублей. *Результат*: любая заработанная сумма виртуальных рублей конвертируется в реальные баллы, влияющие на текущую успеваемость игрока по алгебре.

В программе iSpring Suite игра запускается в отдельном плеере. После заставки с названием игры на экране монитора открывается слайд с кнопками «Играть» и «Правила», с помощью которых осуществляется начало игры или могут быть показаны правила. В процессе игры переходы между различными элементами игры осуществляются посредством кнопок «Далее», «Назад», «Продолжить» или кнопок с гиперссылками. Для повышения вовлеченности в игру учащемуся

предоставляется возможность выбрать персонажа из популярного мультфильма «Кунг-фу Панда», с которым он играет. От имени этого персонажа игроку будут заданы вопросы по теме игры. После определения персонажа игрок переходит непосредственно к выбору вопросов и ответам на них.

Математическая часть игры разработана посредством редактора тестов iSpring QuizMaker. В данном редакторе были созданы тестовые задания по выбранной теме алгебры и настроена обратная связь в игре. После выполнения задания и ввода ответа на вопрос игрок сразу получает информацию о правильности своего ответа, а также количестве заработанных виртуальных рублей. Наличие такой обратной связи в игре, а также ограничение времени на ответ способствуют повышению внимательности и организованности игрока, активизации его познавательной деятельности.

Повышение вовлеченности учащихся в игру реализуется с помощью постепенного возрастания уровня сложности задач. Внутри игры такое возрастание возможно за счет получения большего количества виртуальных рублей за выполнение более сложного задания. Выбирая вопрос на каждом этапе игры, учащийся тем самым определяет уровень сложности и количество заданий, которые нужно выполнить для прохождения этого этапа. В реальности (вне игры) это выражается в закреплении приобретенных умений по алгебре. Так, в авторскую цифровую дидактическую игру «Кто хочет стать миллионером?» включены задания, способствующие формированию ряда математических умений: определять вид уравнения, определять коэффициенты квадратного уравнения, вычислять дискриминант квадратного уравнения, находить корни квадратного уравнения, составлять квадратное уравнение, зная его корни, раскладывать на множители квадратный трехчлен, строить график квадратичной функции, решать квадратное уравнение графическим методом и др.

За счет разнообразия в математическом содержании вопросов (заданий) игроку у него в процессе этой же игры развиваются логические умения: выполнять анализ имеющихся данных, устанавливать определяющие свойства понятий, выдвигать гипотезы, строить алгоритм решения задачи, аргументировать выполняемые математические учебные действия, делать вывод и аргументировать его, определять игровую стратегию.

Применение игровых цифровых технологий должно происходить в неразрывной связи с иными современными технологиями и средствами обучения. В качестве таких средств могут выступать, например, личностно ориентированные задачи, которые учитывают уровень подготовки учащегося и усложняются с повышением этого уровня [Чагин 2021, с. 31]. Эффективно использовать в обучении математике практико-ориентированные задачи. Как указывает М.В. Егупова, практико-ориентированные задачи лежат в основе обучения

методу математического моделирования – универсального метода описания действительности, формирующего у учащихся научное мировоззрение и ценностное отношение к знаниям [Егупова 2022, с. 88]. Наличие таких задач в цифровой игре по алгебре обеспечивает осознание игроком смысла своего обучения, что не позволяет ему уйти в механический процесс игры, оторвавшись от процесса обучения.

В авторской цифровой дидактической игре связь игрового и учебного процессов реализована включением в вопросы практико-ориентированных заданий, а также за счет смены видов деятельности на разных этапах игры. Согласно с Н.А. Куликовой и О.П. Мерзляковой в том, что при применении элементов геймификации на уроках математики школьникам необходимо предлагать избыточный перечень приемов деятельности. В этом случае каждый игрок может выбрать тот вид деятельности, который интересен именно ему [Куликова, Мерзлякова 2021, с. 17]. Учет игровых особенностей учащихся является обязательным условием успешности геймификации в образовании [Jaftha, Cristina, Pinto, Chircop 2020, с. 46]. Начав с наиболее интересных заданий, учащийся (игрок) постепенно вовлекается в игру и, стремясь одержать победу в игре, незаметно для себя переходит к иному виду деятельности, закрепляя тем самым более широкий спектр математических умений.

В нашей игре при любом (случайном или последовательном) выборе игроком вопросов в процессе ответов на них несколько раз происходит смена видов деятельности. Например, для ответа на один из вопросов виртуального ведущего нужно установить область определения дробно-рационального выражения, выполнить его тождественное преобразование и решить полученное квадратное уравнение. Для выполнения задания, заключенного в другом вопросе, игроку необходимо выполнить построение графика функции и сделать анализ геометрического преобразования графика, определить соответствие между заданными квадратными уравнениями и их корнями. Выбор стратегии игры – решать каждое уравнение или проверять соответствие подстановкой числовых значений корней в каждое уравнение – определяет характер учебной деятельности игрока на этом этапе игры: аналитическое решение уравнения или проведение численных расчетов.

При выполнении части заданий в игре разрешено использовать инструментальные средства цифровых ресурсов (программ GeoGebra, Wolfram Mathematica, мобильного приложения Photomath). С одной стороны, это делает игру более динамичной, с другой – способствует формированию у игрока ряда цифровых умений: визуализировать алгебраические понятия, выполнять построение геометрических фигур инструментальными средствами программы GeoGebra, выполнять числен-

ные расчеты посредством программы Wolfram Mathematica, визуализировать полученный результат. Для объективности отметим, что есть риск использования игроком указанных ресурсов в процессе выполнения всех заданий, что запрещено правилами игры. Но такой риск есть в любой цифровой дидактической игре по математике, как и некоторые иные риски (см., например, [Moore-Russo, Wiss, Grabowski 2018; Paravizo, Chaim, Braatz, Muschard, Rozenfeld 2018]). Чтобы его избежать, можно усилить ограничение времени для ответа на каждый вопрос игры и осуществлять контроль за игроком. Успешность игры участника определяется уровнем сформированности у него системы умений и знаний по алгебре, которые впоследствии, вне игры, можно перенести в реальный мир.

Отметим, что в представленной цифровой дидактической игре «Кто хочет стать миллионером?» предусмотрена возможность изменения вопросов игроку. Инструментальные средства программы iSpring Suite позволяют оперативно изменить настройки режима игры, содержание тестовых заданий, алгоритм оценки правильности ответа игрока. Кроме того, в нашей игре во всех вопросах установлен режим «Перемешивать ответы», что снижает возможность запоминания игроком правильных ответов в том случае, когда содержание вопросов остается без изменения. Игра может быть использована в обучении многократно. При этом она будет для учащегося (игрока) каждый раз новой, что способствует расширению спектра умений по алгебре, формируемых в процессе игры, а также повышает вовлеченность учащихся в учебный процесс.

Заключение

Таким образом, представленная цифровая дидактическая игра «Кто хочет стать миллионе-

ром?» обеспечивает эффективное формирование у школьников математических, логических и цифровых умений за счет разнообразия математического содержания вопросов, наличия практико-ориентированных заданий в вопросах, неоднократной смены видов учебной деятельности в процессе игры, необходимости выбора игровой стратегии. Игра может быть использована непосредственно на уроках алгебры, при организации внеклассной работы по предмету, при проведении математических конкурсов.

По нашему мнению, применение цифровых дидактических игр на уроках алгебры способствует эффективному формированию у школьников предметных умений. В игре нет непосредственного обучения. Формирование умений происходит произвольно, в комфортных для учащегося условиях. В процессе игры решение математических задач имеет игровой характер, являясь всего лишь средством достижения игроком победы. Применение таких игр в обучении математике позволяет учесть интересы и индивидуальные особенности школьников, в зависимости от которых им может быть предложена определенная игра или роль в игре, что способствует повышению познавательной мотивации учащихся, их вовлеченности в процесс изучения математики.

Однако дополнительного изучения требуют вопросы использования таких игр для развития графико-аналитических умений школьников, а также предметных умений при изучении дисциплин, непосредственно связанных с математикой: физики, черчения. Также будут полезны и интересны исследования, направленные на изучение потенциала цифровых дидактических игр в нейтрализации затруднений, возникающих у школьников при изучении математики.

Библиографический список

- Briffa, Jaftha, Loreto, Chircop, Morone 2020 – *Briffa M., Jaftha N., Loreto G., Chircop T., Morone F.* Improved students' performance within gamified learning environment: A meta-analysis study // *International Journal of Education and Research*. 2020. Vol. 8, no. 1. P. 223–244. URL: <https://ijern.com/journal/2020/January-2020/20.pdf>.
- Jaftha, Cristina, Pinto, Chircop 2020 – *Jaftha N., Cristina F., Pinto M., Chircop T.* Knowing the students' game-playing characteristics as a prerequisite for successful gamification in education // *Journal of Education and Development*. 2020. Vol. 4, no. 3. P. 73–87. DOI: <https://doi.org/10.20849/jed.v4i3.829>.
- Liao, Chen, Shih 2019 – *Liao C.-W., Chen C.-H., Shih S.-J.* The interactivity of video and collaboration for learning achievement, intrinsic motivation, cognitive load, and behavior patterns in a digital game-based learning environment // *Computers & Education*. 2019. Vol. 133. P. 43–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2019.01.013>.
- Moore-Russo, Wiss, Grabowski 2018 – *Moore-Russo D., Wiss A., Grabowski J.* Integration of gamification into course design: A noble endeavor with potential pitfalls // *College Teaching*. 2018. Vol. 66, issue 1. P. 3–5. DOI: <https://doi.org/10.1080/87567555.2017.1295016>.
- Paravizo, Chaim, Braatz, Muschard, Rozenfeld 2018 – *Paravizo E., Chaim O.C., Braatz D., Bernd Muschard B., Rozenfeld H.* Exploring gamification to support manufacturing education on industry 4.0 as an enabler for innovation and sustainability // *Procedia Manufacturing*. 2018. Vol. 21. P. 438–445. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2018.02.142>.
- Park, Kim S., Kim A., Yi 2019 – *Park J., Kim S., Kim A., Yi M.Y.* Learning to be better at the game: Performance vs. completion contingent reward for game-based learning // *Computers & Education*. 2019. Vol. 139. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2019.04.016>.

Афони́на, Харламова 2017 – *Афони́на М.В., Харламова А.С.* Контент-анализ понятия «геймификация» // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (32). С. 46–50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30547297>. EDN: <https://elibrary.ru/zsmdcj>.

Беспрозванных, Шаталова 2020 – *Беспрозванных А.А., Шаталова Н.П.* Использование цифровых дидактических игр на уроках математики в 5-х классах для развития логических учебных действий // Лучшие практики «Вызов цифрой»: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 23 марта 2020 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2020. С. 67–71. URL: https://phsreda.com/ru/article/75212/discussion_platform.

Гребенкина, Ляшко 2023 – *Гребенкина А.С., Ляшко П.В.* Электронные дидактические игры как средство формирования познавательной активности школьников при обучении математике // Эвристическое обучение математике: Труды VI Международной научно-методической конференции (Донецк, 21–23 декабря 2023 г.); под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой, проф. А.А. Русакова, проф. Е.И. Скафы. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. С. 100–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=61478566&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/grtopp>.

Демиденко 2020 – *Демиденко Л.В.* Значение дидактических игр в развитии детей // Проблемы педагогики. 2020. № 1 (46). С. 47–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-didakticheskikh-igr-v-razvitii-detey> (дата обращения: 21.03.2024); <https://elibrary.ru/item.asp?id=42457981>. EDN: <https://elibrary.ru/hndhuj>.

Егупова 2022 – *Егупова М.В.* Практико-ориентированное обучение математике в школе: проблемы и перспективы научных исследований // Наука и школа. 2022. № 4. С. 85–95. DOI: <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-4-85-95>. EDN: <https://elibrary.ru/uxeaoo>.

Золкина, Ломоносова, Петрусевич 2020 – *Золкина А.В., Ломоносова Н.В., Петрусевич Д.А.* Оценка востребованности применения геймификации как инструмента повышения эффективности образовательного процесса // Science for Education Today. 2020. Т. 10, № 3. С. 127–143. DOI: <http://doi.org/10.15293/2658-6762.2003.07>.

Катаева, Терехова 2020 – *Катаева Л.Н., Терехова Н.Н.* Формирование soft skills у обучающихся учреждений дополнительного образования посредством игровой деятельности // Образование и воспитание. 2020. № 3 (29). С. 52–54. URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/168/5328/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=42956797>. EDN: <https://elibrary.ru/snfds>.

Ковтонюк, Столбов, Новиков 2022 – *Ковтонюк П.И., Столбов А.А., Новиков М.Ю.* Использование цифровых образовательных игр в учебном процессе школьников // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 8 (122). URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.93> (дата обращения: 31.03.2024).

Коклевский, Шульжик 2018 – *Коклевский А.В., Шульжик Е.Н.* Геймификация обучения математике как условие формирования у школьников математических и универсальных компетенций // Проблемы современного образования: межвузовский сборник научных трудов. Т. 11. Москва: РУДН, 2018. С. 157–162. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36911805>. EDN: <https://elibrary.ru/vtkwvq>.

Крежевских, Михайлова 2021 – *Крежевских О.В., Михайлова А.И.* Опыт создания цифровой мультимедийной игры // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 4 (47). С. 141–148. DOI: <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.47.4.011>. EDN: <https://elibrary.ru/vxrttt>.

Куликова, Мерзлякова 2021 – *Куликова Н.А., Мерзлякова О.П.* Применение элементов геймификации на уроках математики с целью повышения познавательной мотивации школьников // Педагогическая перспектива. 2021. № 4. С. 13–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-elementov-geymifikatsii-na-urokah-matematiki-s-tselyu-povysheniya-poznavatelnoy-motivatsii-shkolnikov>.

Мукосей 2021 – *Мукосей О.* Дидактическая игра как средство познавательного развития ребенка дошкольного возраста // Пралеска. Навука, 2021. № 9. С. 15–19. URL: <https://praleska-red.by/wp-content/uploads/2021/10/19.pdf>.

Петлина, Зверева, Корчак 2023 – *Петлина Е.М., Зверева Л.Г., Корчак К.И.* Формирование soft skills посредством применения дидактических игр с цифровыми компонентами на ступени общего образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7, № 1. С. 30–36. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-30-36>.

Полякова 2019 – *Полякова А.С.* Геймификация как средство обучения математике // Преимущество в образовании. 2019. № 23 (10). С. 658–660. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42315389>. EDN: <https://elibrary.ru/irlehn>.

Попова 2023 – *Попова Л.А.* Цифровые дидактические игры как средство дистанционной поддержки школьников // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. № 1. С. 102–113. DOI: <http://doi.org/10.5922/pikbfu-2023-1-10>.

Татаринов 2019 – *Татаринов К.А.* Геймификация в обучении студентов // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 281–284. DOI: <http://doi.org/10.26140/bgз3-2019-0801-0074>.

Чагин 2021 – *Чагин С.С.* Геймификация профессионального образования: стоит ли игра свеч? // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 1. С. 26–35. DOI: <http://doi.org/10.24412/2307-4264-2021-01-26-35>.

References

- Briffa, Jaftha, Loreto, Chircop, Morone 2020 – *Briffa M., Jaftha N., Loreto G., Chircop T., Morone F.* (2020) Improved students' performance within gamified learning environment: A meta-analysis study. *International Journal of Education and Research*, vol. 8, no. 1, pp. 223–244. Available at: <https://ijern.com/journal/2020/January-2020/20.pdf>.
- Jaftha, Cristina, Pinto, Chircop 2020 – *Jaftha N., Cristina F., Pinto M., Chircop T.* (2020) Knowing the students' game-playing characteristics as a prerequisite for successful gamification in education. *Journal of Education and Development*, vol. 4, no. 3, pp. 73–87. DOI: <https://doi.org/10.20849/jed.v4i3.829>.
- Liao, Chen, Shih 2019 – *Liao C.-W., Chen C.-H., Shih S.-J.* (2019) The interactivity of video and collaboration for learning achievement, intrinsic motivation, cognitive load, and behavior patterns in a digital game-based learning environment. *Computers & Education*, vol. 133, pp. 43–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2019.01.013>.
- Moore-Russo, Wiss, Grabowski 2018 – *Moore-Russo D., Wiss A., Grabowski J.* (2018) Integration of gamification into course design: A noble endeavor with potential pitfalls. *College Teaching*, vol. 66, issue 1, pp. 3–5. DOI: <https://doi.org/10.1080/87567555.2017.1295016>.
- Paravizo, Chaim, Braatz, Muschard, Rozenfeld 2018 – *Paravizo E., Chaim O.C., Braatz D., Bernd Muschard B., Rozenfeld H.* (2018) Exploring gamification to support manufacturing education on industry 4.0 as an enabler for innovation and sustainability. *Procedia Manufacturing*, vol. 21, pp. 438–445. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2018.02.142>.
- Park, Kim, Kim, Yi 2019 – *Park J., Kim S., Kim A., Yi M.Y.* (2019) Learning to be better at the game: Performance vs. completion contingent reward for game-based learning. *Computers & Education*, vol. 139, pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2019.04.016>.
- Afonina, Kharlamova 2017 – *Afonina M.V., Kharlamova A.S.* (2017) Content analysis of the notion of «gamification». *Vestnik Altayskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, no. 3 (32), pp. 46–50. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30547297>. EDN: <https://elibrary.ru/zsmdcj>. (In Russ.)
- Besprozvannykh, Shatalova 2020 – *Besprozvannykh A.A., Shatalova N.P.* (2020) The use of digital didactic games in mathematics lessons in grades 5 for the development of logical educational actions. In: *Best Practices «Digital Call»*. Cheboksary: ID «Sreda», pp. 67–71. Available at: https://phsreda.com/ru/article/75212/discussion_platform. (In Russ.)
- Grebenkina, Lyashko 2023 – *Grebenkina A.S., Lyashko P.V.* (2023) Electronic didactic games as a means of forming the cognitive activity of schoolchildren in teaching mathematics. In: *Bespalova S.V., Rusakova A.A., Skafa E.I. (Eds.) Heuristic teaching of mathematics: proceedings of the VI International scientific and methodical conference (Donetsk, December 21–23, 2023)*. Donetsk: Izd-vo DonGU, pp. 100–105. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=61478566&pff=1>. EDN: <https://elibrary.ru/grtopp>. (In Russ.)
- Demidenko 2020 – *Demidenko L.V.* (2020) The importance of didactic games in the development of children. *Problems of pedagogy*, no. 1 (46), pp. 47–49. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-didakticheskikh-igr-v-razvitiitidey> (accessed 21.03.2023); <https://elibrary.ru/item.asp?id=42457981>. EDN: <https://elibrary.ru/hndhuj>. (In Russ.)
- Egupova 2022 – *Egupova M.V.* (2022) Practice-oriented teaching mathematics at school: problems and prospects of academic research. *Science and School*, no. 4, pp. 85–95. DOI: <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-4-85-95>. EDN: <https://elibrary.ru/uxeao>. (In Russ.)
- Zolkina, Lomonosova, Petrusevich 2020 – *Zolkina A.V., Lomonosova N.V., Petrusevich D.A.* (2020) Gamification as a tool of enhancing teaching and learning effectiveness in higher education: Needs analysis. *Science for Education Today*, vol. 10, no. 3, pp. 127–143. DOI: <http://doi.org/10.15293/2658-6762.2003.07>. (In Russ.)
- Kataeva, Terekhova 2020 – *Kataeva L.N., Terekhova N.N.* (2020) Formation of soft skills in students of institutions of additional education through gaming activities. *Obrazovanie i vospitanie*, no. 3 (29), pp. 52–54. Available at: <https://moluch.ru/th/4/archive/168/5328/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=42956797>. EDN: <https://elibrary.ru/snfds>. (In Russ.)
- Kovtonyuk, Stolbov, Novikov 2022 – *Kovtonyuk P.I., Stolbov A.A., Novikov M.Y.* (2022) The use of digital educational games in the learning process of schoolchildren. *International Research Journal*, no. 8 (122). Available at: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-August/10.23670/IRJ.2022.122.93>. (In Russ.)
- Koklevsky, Shulzhyk 2018 – *Koklevsky A.V., Shulzhyk E.N.* (2018) Mathematics studying gaming as the condition of mathematical and universal competencies of schoolchildren formation. In: *Problems of modern education: interuniversity collection of scientific papers*. Vol. 11. Moscow: RUDN, pp. 157–162. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36911805>. EDN: <https://elibrary.ru/vtkwvq>. (In Russ.)
- Krezhevskikh, Mikhailova 2021 – *Krezhevskikh O.V., Mikhailova A.I.* (2021) Experience of creating a digital multimedia game. *Vocational Education and Labour Market*, no. 4 (47), pp. 141–148. DOI: <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.47.4.011>. EDN: <https://elibrary.ru/vxrrrx>. (In Russ.)

Kulikova, Merzlyakova 2021 – *Kulikova N.A., Merzlyakova O.P.* (2021) The use of gamification elements in mathematics lessons in order to increase the cognitive motivation of schoolchildren. *Pedagogical perspective*, no. 4, pp. 13–21. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-elementov-geymifikatsii-na-urokah-matematiki-s-tselyu-povysheniya-poznavatelnoy-motivatsii-shkolnikov>. (In Russ.)

Mukosey 2021 – *Mukosey O.* (2021) Didactic game as a means of cognitive development of a preschool child. *Praleska. Navuka*, no. 9, pp. 15–19. Available at: <https://praleska-red.by/wp-content/uploads/2021/10/19.pdf>. (In Russ.)

Petlina, Zvereva, Korchak 2023 – *Petlina E.M., Zvereva L.G., Korchak K.I.* (2023) Developing Soft Skills through Digital Didactic Games at the Stage of General Education. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, vol. 7, no. 1, pp. 30–36. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-30-36>. (In Russ.)

Polyakova 2019 – *Polyakova A.S.* (2019) Gamification as a means of teaching mathematics. *Preemstvennost' v obrazovanii*, no. 23 (10), pp. 658–660. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42315389>. EDN: <https://elibrary.ru/irlehn>. (In Russ.)

Popova 2023 – *Popova L.A.* (2023) Digital didactic games as a means of remote support for school students. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, no. 1, pp. 102–113. DOI: <http://doi.org/10.5922/pikbfu-2023-1-10>. (In Russ.)

Tatarinov 2019 – *Tatarinov K.A.* (2019) Gamification in teaching students. *Baltic Humanitarian Journal*, vol. 8, no. 1 (26), pp. 281–284. DOI: <http://doi.org/10.26140/bgz3-2019-0801-0074>. (In Russ.)

Chagin 2021 – *Chagin S.S.* (2021) Gamification of Vocational Education: Is the Game Worth the Candle? *Vocational education and labor market*, no. 1, pp. 26–35. DOI: <http://doi.org/10.24412/2307-4264-2021-01-26-35>. (In Russ.)

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-112-119

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 377.5

Дата поступления: 14.04.2024
рецензирования: 18.05.2024
принятия: 02.09.2024

Цифровая трансформация Центра опережающей профессиональной подготовки Кузбасса: подходы и решения

В.Г. Лысенко

Сибирский политехнический техникум, г. Кемерово, Российская Федерация
E-mail: guospospt@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2447-3681>

Аннотация: Система российского образования переживает этап развития, связанный с особенностями постиндустриального общества, основными характеристиками которого являются информатизация и цифровизация экономики. Эффективность бизнес-процессов и валидность деятельности предприятий и организаций напрямую связаны с их цифровой трансформацией. Образовательные организации не могут быть в стороне от этих глобальных трендов. Наиболее не разработанным остается вопрос создания цифровых сервисов взаимодействия учреждений образования с рынком труда. Цель исследования – разработка и реализация Стратегии цифровой трансформации Центра опережающей профессиональной подготовки Кузбасса. Ведущими методами являются общенаучные методы, методы системности и анализа научно-методической литературы и нормативно-правовой документации, а также эмпирические методы (при сборе, накоплении и фиксации данных), рациональный метод (при интерпретации данных). В статье описываются принципы и механизмы взаимодействия цифровой платформы с внешней средой, дается авторский анализ внутренних условий трансформации цифровых сервисов; обосновывается необходимость создания и использования цифрового двойника кадровой службы предприятия на цифровой платформе; представляются подходы к реализации направлений Стратегии развития цифровых ресурсов Центра опережающей профессиональной подготовки Кузбасса, разработке цифровой платформы улучшенной версии, ориентированной на более эффективное взаимодействие агентов рынка труда в регионе, решению приоритетных задач социально-экономического развития региона. Эти подходы могут быть применимы в работе служб содействия трудоустройству и центров карьеры образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования.

Ключевые слова: профессиональное образование; Центр опережающей профессиональной подготовки; цифровая трансформация образования; безопасность сервисов; рынок труда; цифровая платформа.

Цитирование. Лысенко В.Г. Цифровая трансформация Центра опережающей профессиональной подготовки Кузбасса: подходы и решения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 112–119. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-112-119>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лысенко В.Г., 2024

Виктор Геннадьевич Лысенко – кандидат педагогических наук, директор, Сибирский политехнический техникум, 650001, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. 40 лет Октября, 4.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.04.2024
Revised: 18.05.2024
Accepted: 02.09.2024

Digital transformation of the Centre for Advanced Professional Training of Kuzbass: approaches and solutions

V.G. Lysenko

Siberian Polytechnic Technical School, Kemerovo, Russian Federation
E-mail: guospospt@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2447-3681>

Abstract: Russian education system is currently undergoing a phase of advancement that is associated with distinctive features of post-industrial society, the main characteristic of which is informatization and digitalization of economy. The efficiency of business processes and the validity (legitimacy) of enterprises and organizations are directly correlated with their digital transformation. These global trends cannot be ignored by these educational organizations. The most untouched issue concerns the creation of digital services for facilitating interaction between educational institutions and the labor market. The purpose of research: development and implementation of the Digital Transformation Strategy of the Centre for Advanced Professional Training (CAPT) of Kuzbass. The leading methods of research include general scientific methods, methods of systematicity and analysis of scientific and methodological literature and regulatory and legal documentation, as well as empirical methods (in the collection, accumulation and recording of data), and rational method (in the interpretation of research data). The article presents the principles and mechanisms of the digital platform interaction with the external environment are described. The author examines the internal conditions for digital services

transformation. The necessity of creating and utilizing a digital replica of the HR service of enterprise on the digital platform is substantiated. The presented approaches pertain to the implementation of the Strategy for the development of digital resources of the Centre for Advanced Professional Training of Kuzbass, along with the development of a digital platform with an enhanced version, which is focused on more effective interaction of labour market agents in the region, contribute to the resolution of the most pressing issues of socio-economic development of the region. These techniques can also be applied to employment assistance services and career centers of educational organizations for secondary vocational and higher education.

Key words: vocational education; advanced (proactive) vocational training center; digital transformation of education; labor market; security of services; digital platform.

Citation. Lysenko V.G. Digital transformation of the Centre for Advanced Professional Training of Kuzbass: approaches and solutions. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiiia Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 112–119. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-112-119>. (In Russ.)

Information on conflict of interest: author declared is no conflict of interest.

© Lysenko V.G., 2024

Viktor G., Lysenko – Candidate of Pedagogical Sciences, director, Siberian Polytechnic Technical School, 4, 40 let Oktyabrya Street, Kemerovo, 650001, Russian Federation.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью цифровой трансформации в любом из секторов экономики, открывающей дополнительные перспективы развития для компаний, предприятий и свободных агентов рынка труда, а также образования как сформированной системы профессиональной подготовки высококвалифицированных кадров для предприятий. В данной статье мы рассматриваем вопросы трансформации цифровых ресурсов и сервисов Центра опережающей профессиональной подготовки Кузбасса (далее ЦОПП), открытого на базе Сибирского политехнического техникума (г. Кемерово, Кемеровская область) и решающего проблемы опережающей профессиональной подготовки кадров для экономики региона.

Следует отметить, что главная задача цифровой трансформации – это оптимизация расходов, сил и времени на необходимую коммуникацию между потребителем и заказчиком. И чем больше становится участников коммуникационного процесса, тем эффективнее и качественнее должны работать логистические линии между заинтересованными в более тесном взаимодействии и продуктивной коммуникации сторонами.

Пандемия 2020 года максимально обострила ситуацию перехода коммуникации в режим online, сформировала ряд требований к цифровым платформам, в том числе в системе профессионального образования, соответствующим стремительно набирающей обороты цифровизации. Ответом послужил новый уровень развития цифровой платформы Центра опережающей профессиональной подготовки Кемеровской области, на которой были реализованы главные принципы пользовательского (клиентского) сервиса: удобство, защищенность и персонализация. Вместе с тем для дальнейшего развития цифровых сервисов Центра в условиях новых вызовов цифровизации актуальной становится разработка подходов к цифровой трансформации ЦОПП Кузбасса.

Для реализации указанной цели были поставлены следующие задачи:

– разработать подходы к цифровой трансформации деятельности Центра опережающей профессиональной подготовки;

– рассмотреть вопросы трансформации цифровых ресурсов и сервисов Центра опережающей профессиональной подготовки Кемеровской области – Кузбасса, собранных в виде цифровой платформы;

– предложить технологические решения для цифровой трансформации процесса опережающей профессиональной подготовки кадров с определенными характеристиками и смыслами;

– обеспечить эффективное использование цифровой платформы ЦОПП как инструмента цифровой трансформации и ее рефлексивный анализ.

Фактически цифровая платформа ЦОПП становится региональным агрегатором информации о потребностях в кадрах, возможностях трудоустройства, обмена данными предприятий региона.

Степень разработанности проблемы

Материалом для исследования послужили нормативно-правовые акты развития отечественного образования, приоритетные проекты в сфере образования, указы Президента Российской Федерации, распоряжения Правительства, методические рекомендации о создании и функционировании ЦОПП (Методические рекомендации... 2019; Об утверждении стратегического направления... 2021; О национальных целях и стратегических задачах... 2018; О Стратегии развития информационного общества 2017; Стратегия цифровой трансформации... 2021; Цифровая образовательная среда на 2019–2024 гг.).

Данные документы определили первоочередные задачи развития цифровой образовательной среды для учреждений разных уровней образования. Для сферы науки и высшего образования безусловным ориентиром является Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования (Стратегия цифровой трансформации... 2021), для общего и среднего профессионального образования – Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2021 № 3427-р (Об утверждении стратегиче-

ского направления... 2021). В Распоряжении Правительства РФ «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации» (Об утверждении стратегического направления... 2021) сформулирована цель цифровой трансформации образования, выявлены проблемы, определены задачи, ожидаемые результаты. В методических рекомендациях о создании и функционировании ЦОПП (Методические рекомендации... 2019) представлена общая характеристика и определены задачи цифровой платформы ЦОПП. «Создание современной безопасной цифровой образовательной среды; модернизация профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ...», определенные в качестве первоочередных задач в Указе Президента Российской Федерации от 27 мая 2018 г. (О национальных целях и стратегических задачах... 2018), могут являться достойным ответом системы образования на обозначенные выше вызовы.

Теоретическую базу исследования составляют работы в сфере цифровой трансформации образования в научной литературе за последние 5–7 лет. Отдельные аспекты, проблемы и перспективы цифровой трансформации рассматриваются в работах Е.Ю. Борисовой [Борисова 2022]; Е.В. Терещенковой, М.Ф. Сорокиной [Терещенкова, Сорокина 2021]; И.Ю. Труниной [Трунина 2022]. Основные цифровые тренды современного образования, использование сквозных цифровых технологий и проблемы, возникающие в ходе цифровой трансформации образования, анализируют в своей работе П.Н. Башлы и А.Н. Бурлуцкий [Башлы, Бурлуцкий 2022]. Педагогическими основаниями цифровизации образования называют электронную педагогику Н.Н. Болдырева, В.Н. Мальцев, И.А. Смагина, М.В. Соколова [Болдырева, Мальцев, Смагина, Соколова 2018].

Драйверы цифровой трансформации в подходах к обучению студентов исследуют Н.С. Ладьжец, Е.В. Неборский, М.В. Богуславский, Т.А. Наумова [Ладьжец, Неборский, Богуславский, Наумова 2021]. Актуальные направления цифровой трансформации образования с опорой на мировые тренды цифровой трансформации (интернет вещей, дополненная реальность, искусственный интеллект и большие данные, кибербезопасность и индивидуальное обучение) представлены А.В. Симоновым [Симонов 2020]. Изучению положительных и отрицательных сторон цифровизации образования, ее влияния на качество обучения и развитие личности посвящена работа П.В. Надгачаева и С.В. Мельника [Надгачаев, Мельник 2023]. Общую модель цифровой трансформации разработали и конкретизировали применительно к сфере образования П.Д. Рабинович, К.Е. Заведенский, М.Э. Кушнир, Ю.Е. Храмов, А.Р. Мелик-Парсаданов [Рабинович, Заведенский, Кушнир, Храмов, Мелик-Парсаданов 2020].

Понятие «цифровая трансформация» в последние годы достаточно часто используется в зарубежных и отечественных источниках, имеет множество толкований в зависимости от концепций меняющихся технологических укладов, временных периодов использования информационных технологий, отраслей экономики, включая «е третичный сектор – образование» [Трунина 2022, с. 90].

Ученые характеризуют цифровую трансформацию в образовании как: «процесс изменения устоявшихся моделей образовательных систем в связи с воздействием новых цифровых решений» [Атаманова, Емельянова, Храмова 2022, с. 62]; «индивидуализацию учебного процесса, целью которой выступает “непрерывное образование и личностное развитие на протяжении всей жизни”»; формирование необходимых профессиональных компетенций, отвечающих запросам цифровой экономики» [Козлова, Козлов, 2020, с. 54]; «приведение системы образования в соответствие с задачами, вызовами и возможностями информационного общества и цифровой экономики» [Крюков, Шахгельдян, 2012, с. 23]; «принципиальное переосмысление образовательной деятельности на основе уникальных возможностей цифровых технологий, т. е. кардинальные изменения ее функциональной структуры и роли каждого ее элемента» [Рабинович, Заведенский, Кушнир, Храмов, Мелик-Парсаданов 2020, с. 11].

Мы согласны с высказыванием ученых о необходимости переосмысления образовательной деятельности в связи с процессами цифровой трансформации экономики страны и необходимости подготовки высококвалифицированных кадров для предприятий в области не только профессиональных компетенций, но и цифровых технологий, технологий коммуникации. [Рабинович, Заведенский, Кушнир, Храмов, Мелик-Парсаданов, 2020]. Тем более что, по данным, приведенным в отдельных публикациях, «доля цифровой экономики нашей страны в ВВП не превышает 5 %, а Российская Федерация, по данным Всемирного экономического форума, не входит в число лидеров ни по готовности к цифровой экономике, ни по экономическим и инновационным результатам использования цифровых технологий» [Бардаков 2021, с. 170].

Ход и результаты исследования

Необходимой для ЦОПП была разработка Стратегии цифровой трансформации, которая материализовалась в появлении цифровой платформы ЦОПП версии 2.0 с улучшенным функционалом и расширенным удобным интерфейсом и системой безопасности. Цифровая платформа стала примером симбиоза закрытой и открытой платформ, уникального для региона и для системы среднего профессионального образования (далее СПО) в целом. С нашей точки зрения, именно баланс закрытости и открытости позволил ЦОПП добиться максимальной эффективности в деятельности по

регулированию спроса и предложения на рынке труда и рынке дополнительного профессионального образования не только региона, но и Сибирского федерального округа, что было связано с готовностью ЦОПП брать на себя ответственность в реализации совместных с государственными корпорациями функций.

С 2021 года наряду с размещением программ опережающей подготовки на цифровой платформе ЦОПП стали возникать вакансии с обозначением уровня заработной платы и социальных гарантий от работодателей; появились личные кабинеты пользователей, открываемые уникальными логинами и паролями, приглашения к трудоустройству, увязанные с инвестиционными проектами компаний и перспективами расширения рабочих мест; постоянно обновляются предложения о дистанционной и временной занятости от работодателей [Лысенко 2021].

Цифровая платформа ЦОПП была создана для преодоления барьеров в сфере взаимодействия профессиональных образовательных организаций (далее – ПОО) региона и предприятий реального сектора экономики, разработчиков программ опережающей профессиональной подготовки и потребителей услуг ПОО. Успешный опыт работы ЦОПП с цифровой платформой тиражировался, анализировался, представлялся на различных форумах, конференциях, конкурсах. В ноябре 2021 года ЦОПП была подана заявка на официальное закрепление разработки цифровой платформы как авторской и уникальной для Российской Федерации в системе СПО, а в январе 2022 г. ГПОУ СПТ (автор – Лысенко В.Г.) было получено Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2022611389 «Цифровая платформа интеграции коммуникационно-образовательных ресурсов системы среднего профессионального образования», зарегистрированное Федеральной службой по интеллектуальной собственности [Лысенко 2022].

Наиболее мощные экономические компании и, как следствие, развивающиеся и нуждающиеся в кадрах не просто заинтересовались цифровой платформой ЦОПП, а начали активно использовать данный сервис. На 01.10.2023 на цифровой платформе было зарегистрировано более 3500 компаний и организаций разных форм собственности: от индивидуальных предпринимателей до госкорпораций. За период с сентября 2020 до октября 2023 г. количество пользователей со стороны предприятий выросло в 10 раз, а со стороны работников – в 4 раза.

Цифровая платформа ЦОПП Кемеровской области стала первым примером реализации Стратегии цифровой трансформации системы среднего профессионального образования на мезоуровне (в конкретном регионе), на микроуровне (в учреждениях профессионального образования, на конкретном предприятии). Но развитие цифровой экономики в стране требует ускоренной трансформации различных структур, отвечающих за

подготовку кадров, трудоустройство, рекрутинг на наиболее важные объекты народного хозяйства и инвестиционные проекты, реализуемые на всех уровнях хозяйствования: от частного бизнеса до государственных корпораций.

Именно поэтому Стратегия ЦТ ЦОПП базировалась на анализе базовых интересов основных пользователей – субъектов образовательного процесса, реализуемого на базе ПОО и предприятий региона. Углубляясь в аналитику проблемы, мы обратили внимание на разнообразие и непохожесть запросов к цифровым сервисам, основанным на культивируемых ценностях пользователей. Ценности различались среди прочих по возрастным критериям (новые управленцы и возрастные руководители). Для примера можно привести готовность использовать цифровые сервисы слушателями АО «Азот» и руководством Механического завода. В первом случае цифровая трансформация ЦОПП Кузбасса органично дополнялась желанием руководства предприятия включаться в процессы цифровой трансформации региона, а во втором – предложения представителей руководства завода сводились к минимизации использования цифровых сервисов и ориентации на традиционно-механические методы обработки информации.

Ценность цифровой трансформации зависит от подценности и распространенности на территории присутствующих предприятий. Так, предприятия, ориентированные на изменение темпов развития региональной экономики, активно включились в процесс использования цифровой платформы, что особенно было заметно по предприятиям с количеством работающих от 500 человек. И совсем не активно входили в процесс трансформации федеральные компании, которые формально соглашались с необходимостью и удобством предложенных сервисов, но ссылались на ограничения в законодательстве и отсутствие стратегических ориентиров и инновационных подходов к процессам цифровизации в их компаниях. Подобным образом зачастую поступали и представители муниципальных органов власти, которые не проявили своей заинтересованности в развитии цифровизации и коммуникации на данном уровне.

Важным стратегическим фактором, повлиявшим на направление трансформации цифровых сервисов, стали анализ и прогнозирование решений, принимаемых на федеральном и региональном уровнях, и мировой тренд на цифровизацию как наиболее яркий в постиндустриальном обществе, когда цифровая трансформация, т. е. принятие решений, анализ, риски, осуществляется на основе обработки массива информации, распределение реестров (блок-чейн) в стране является глобальной задачей не только для системы образования, но и, что не менее важно, для системы государственного управления и государственной экономики.

Примером ведомственного распределения реестра и самыми энергозатратными вызовами в системе среднего профессионального образования

последних 2 лет стали отчеты о трудоустройстве выпускников ПОО с процентом выполнения не ниже среднего по России (72 %). Для решения данной федеральной задачи без цифровых сервисов взаимодействия с работодателями профессиональным образовательным организациям было справиться проблематично, ведь отраслевой принцип построения системы среднего профессионального образования реализуется уже 30 лет, и, несмотря на переход системы подготовки кадров к региональному принципу организации системы СПО, отраслевой принцип имеет тенденцию к возвращению, в том числе благодаря федеральному проекту «Профессионалитет» (Профессионалитет 2022). А на региональном уровне с подачи федерального центра к реализации были приняты сразу 2 проекта: «Центр строительных компетенций для Дальневосточного и Сибирского федеральных округов» и «Трудовая мобилизация». Первый из проектов может служить примером межведомственного, межрегионального сотрудничества межрегионального центра строительных компетенций для Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, реализованного на базе ЦОПП Кузбасса в 2020–2022 гг. по заданию Правительства Российской Федерации [Лысенко 2023 б]. Это было первое серьезное испытание цифровой платформы ЦОПП, выразившееся в кратном увеличении числа пользователей ее сервисами и повышении требований, предъявляемых к качеству информации и обратной связи.

Проект «Трудовая мобилизация» был направлен на поддержание занятости на ключевых для экономики региона предприятиях в связи с началом специальной военной операции и мобилизацией части рабочих и служащих [Лысенко 2023 а]. В дальнейшем проект трансформировался, и одними из его направлений стали мониторинг кадровой потребности предприятий оборонно-промышленного комплекса и целевое трудоустройство. Именно автоматизация процессов сбора данных о половозрастных, квалификационных, территориальных составляющих рынка рабочей силы в регионе стимулировала дальнейшее развитие сервисов цифровой платформы ЦОПП.

На этапе IV квартала 2023 года мы полагали, что достигли своего максимума в разработке и использовании сервисов для производственных предприятий, профессиональных образовательных организаций, студентов и выпускников, слушателей курсов и свободных агентов рынка труда путем цифровизации и оптимизации бизнес-процессов, процессов рекрутинга, соответствия технологическим процессам развития производственных мощностей, зарплатных ожиданий и социальных гарантий работников.

Однако 2024 год поставил перед нами задачу новой ступени цифровизации – создания экосистемы, подобной системам «Сбера» (новое название Сбербанка России, зарегистрировавшего в 2020 году новый товарный знак «Сбер» и новый логотип, указывающий на наличие в данной структуре не только банка) или «Яндекса». В условиях ограниченности человеческого ресурса система СПО за-

интересована в более ранней профессиональной ориентации при выборе профессии каждым обучающимся, а следовательно, усилия в цифровой трансформации и вся стратегия развития цифровизации профессиональной ориентации будет расширяться в сторону общеобразовательных школ и самих школьников. Цифровая трансформация в данном случае может поменять всю экономическую и профессиональную направленность будущего работника, а сегодня ученика, находящегося в некотором непонимании или заблуждении относительно своей будущей профессии, профессиональных функций, уровня социальной защищенности и заработных плат на предприятиях реального сектора экономики. У кузбасских предприятий появляется возможность сравнительного анализа социальных, производственных условий конкурентов, а у органов исполнительной власти всех уровней – социальных условий, созданных в муниципалитетах и регионе.

Таким образом, основываясь на анализе факторов внешней среды (тренды, федеральное законодательство, региональные инициативы и проекты), мы перешли к новым технологическим решениям в сфере цифровизации процессов автоматизации отчетности внутри ЦОПП. Здесь главная задача состояла в поиске информации по контексту и запуске автоматизации математических расчетов. На первый взгляд, при анализе полученных данных присутствует приоритет внешних факторов над внутренними, что для дальнейшего развития стратегии довольно странно. Однако если рассматривать ЦОПП и его цифровую платформу как стратегический цифровой ресурс, необходимый для развития предприятий, населения региона, идей и капитала, то именно цифровая платформа становится конкурентным преимуществом и средством достижения поставленных целей всеми участниками процесса, а это уже напрямую связано с личными стратегиями развития пользователей.

Несомненно, требовались новые технологические решения и в области безопасности сервисов цифровой платформы, которые на первом этапе носили достаточно условный характер. Для реализации принципа безопасности на 2024 год запланировано предоставление услуг ЦОПП через сервисы «Госуслуг» в содружестве с Минцифры Кузбасса. До 2023 года данную сторону можно было отнести к слабым сторонам при OTSW-анализе как наиболее уязвимую.

Продолжая проведение анализа негативных сторон Стратегии развития цифровой платформы ЦОПП, можно было предположить, что число пользователей, заинтересованных в регистрации и развитии, достигло своего максимума за 5 лет. Для преодоления возможности кризиса роста пользователей, по нашему мнению, необходимо было прежде всего преодолеть консерватизм и сопротивление той части пользователей, которые демонстрируют недостаточный уровень компьютеризации, личной цифровизации, и создать компромиссный уровень использования сервисов, основанный на персональных интересах пользователей.

При этом основополагающим подходом для ЦОПП является не только приоритет на личностно ориентированный подход, уровень личной цифровизации, но и качественное развитие цифровой платформы в момент перехода ведущих отраслей экономики региона от инерционно-сырьевого сценария к новой экономике, новому Кузбассу, характеризующемуся достаточной добавленной стоимостью продуктовой линейки предприятий и качеством человеческого капитала. Цифровая платформа ЦОПП в любой отрасли экономики региона необходима ее пользователям, и критерий необходимости ее использования остается единственно верным при оценке ее эффективности.

Цель создания любой цифровой платформы и платформы ЦОПП в частности – это автоматизация взаимодействия между спросом и предложением. В нашем случае спрос – это «предложение на рабочую силу» и программы по ее подготовке.

Развитие любой цифровой платформы, включая цифровую платформу ЦОПП, имеет отраслевые и человеческие (субъективные) ограничения: не все предприятия готовы использовать цифровые ресурсы и не все процессы подбора, обучения и трудоустройства рабочих кадров возможно реализовать на цифровой платформе. Использование цифровой платформы для анализа процессов, рисков и коммуникации не должно стать сверхзадачей для всех партнеров ЦОПП Кузбасса, а должно способствовать развитию структурных измене-

ний, снижать уровень неопределенности, увеличивать маржинальность и давать предпочтения пользователям.

Заключение

Итак, в ходе исследования проведен анализ научно-методической литературы и нормативно-правовых источников, касающихся цифровой трансформации образования. Определены и конкретизированы подходы к взаимодействию с потребителями услуг, связанные с цифровой трансформацией деятельности ЦОПП: компетентностный, системно-деятельностный, личностно-ориентированный, региональный. Предложены некоторые технологические решения для цифровой трансформации процесса опережающей профессиональной подготовки в области безопасности цифровых ресурсов и предоставления услуг ЦОПП, в том числе через сервисы «Госуслуги» в содружестве с Минцифры Кузбасса. Обеспечено эффективное использование цифровой платформы как инструмента цифровой трансформации деятельности ЦОПП.

На данном этапе, этапе осмысления и поиска подходов и путей решения для разработки и реализации Стратегии цифровой трансформации ЦОПП, предстоит проведение более детального анализа полученных результатов исследования и определения направлений и перспектив дальнейшего его развития.

Материалы исследования

Методические рекомендации... 2019 – *Методические рекомендации о создании и функционировании центров опережающей профессиональной подготовки* // Распоряжение Минпросвещения России от 28.02.2019 № Р-16 (ред. от 30.04.2019) «Об утверждении методических рекомендаций о создании и функционировании центров опережающей профессиональной подготовки». URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjzhenie-minprosveshchenija-rossii-ot-28022019-n-r-16-ob-utverzhenii>.

Об утверждении стратегического направления... 2021 – *Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации*: распоряжение Правительства РФ от 02.12.2021 № 3427-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070025>.

О национальных целях и стратегических задачах... 2018 – *О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.*: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf>.

О Стратегии развития информационного общества 2017 – *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы*: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. URL: <https://base.garant.ru/71670570>.

Профессионалитет 2022 – *Федеральный проект «Профессионалитет»*. Министерство просвещения Российской Федерации. 2022. Ключевые направления работы. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education.

Стратегия цифровой трансформации... 2021 – *Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования* (утв. Минобрнауки России). Москва, 2021. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dvbedzmr0og5dm57dtm0wyl1rbuwtujw.pdf>.

Цифровая образовательная среда 2018 – *Цифровая образовательная среда на 2019–2024 гг.* // Цифровая образовательная среда: федеральный проект (срок реализации: 01.01.2019 – 31.12.2024). URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos>.

Библиографический список

Palyanov et al. 2018 – *Palyanov M.P., Mavrina I.A., Milinis O.A., Pokhorukov O.Y., Churekova T.M., Kharina, Detnchenko A.R.* Theoretical and methodological basis of advanced professional training for specialists engaged in secondary vocational education // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. May 2018. Vol. 8, issue 5. P. 206–222. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41726353>. EDN: <https://elibrary.ru/nwrojtk>.

Атаманова, Емельянова, Храмова 2022 – *Атаманова Н.П., Емельянова О.Я., Храмова С.А.* Цифровая трансформация образования в современном образовательном пространстве // Психология образования в поликультурном пространстве. 2022. № 3 (59). С. 60–68. DOI: <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2022-59-3-60-68>. EDN: <https://elibrary.ru/luguoh>.

Бардаков 2021 – *Бардаков Н.Д.* Цифровая трансформация образования и / или образование устойчивого развития // Инновационные научные исследования. 2021. № 4–3 (6). С. 167–172. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.4782149>. EDN: <https://www.elibrary.ru/eaykps>.

Башлы, Бурлуцкий 2022 – *Башлы П.Н., Бурлуцкий А.Н.* Сквозные цифровые технологии в контексте организации учебного процесса // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2022. № 4 (49). С. 83–88. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50762553>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vmklil>.

Болдырева, Мальцев, Смагина, Соколова 2018 – *Болдырева Н.Н., Мальцев В.Н., Смагина И.А., Соколова М.В.* Цифровая трансформация в образовании: педагогические основы // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии: сборник трудов XV Международной научно-практической конференции. 2018. № 1. С. 29–33. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36902641>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ywavqt>.

Борисова 2022 – *Борисова Е.Ю.* Некоторые аспекты цифровизации образования в России // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2022. Т. 13, № 1 (53). С. 27–39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49620721>. EDN: <https://www.elibrary.ru/drnfib>.

Бурляева, Емельянова 2022 – *Бурляева В.А., Емельянова А.А.* Значение и признаки цифровой трансформации образовательных организаций // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/46PDMN622.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50378003>. EDN: <https://www.elibrary.ru/fsszgi>.

Козлова, Козлов 2020 – *Козлова Н.Ш., Козлов Р.С.* Тенденции цифровой трансформации образования в современных условиях // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. № 3 (46). С. 51–59. DOI: <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2020-13005>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oupczs>.

Крюков, Шахгельдян 2012 – *Крюков В.В., Шахгельдян К.И.* Электронный кампус университета // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. № 3 (16). С. 19–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-kampus-universiteta>.

Ладыжец, Неборский, Богуславский, Наумова 2021 – *Ладыжец Н.С., Неборский Е.В., Богуславский М.В., Наумова Т.А.* Драйверы цифровой трансформации в подходах к современному обучению студентов // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5, № 4. С. 446–452. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-4-446-452>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mhdamt>.

Лысенко 2023 а – *Лысенко В.Г.* Синхронизация направлений опережающей подготовки кадров с запросами рынка труда региона // Педагогика. 2023. Т. 87, № 6. С. 93–100. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54060030>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zxhyft>.

Лысенко 2023 б – *Лысенко В.Г.* Трудовая мобилизация студентов как механизм устранения кадрового дефицита предприятий региона // Педагогика. 2023. Т. 87, № 4. С. 88–94. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53114983>. EDN: <https://www.elibrary.ru/loqrgj>.

Лысенко 2022 – *Лысенко В.Г.* Цифровая платформа интеграции коммуникационно-образовательных ресурсов системы среднего профессионального образования. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2022611389. Заявка № 2021668667 от 23.11.2021. Дата государственной регистрации в Реестре программ для ЭВМ 25 января 2022 г. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47991269>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uokcae>.

Лысенко 2021 – *Лысенко В.Г.* Цифровая платформа как условие внедрения программ опережающей профессиональной подготовки // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (214). С. 24–30. DOI: <http://doi.org/10.23951/1609-624X-2021-2-24-30>.

Надтачаев, Мельник 2023 – *Надтачаев П.В., Мельник С.В.* Дуализм цифровизации современного образования // Заметки ученого. 2023. № 7. С. 188–191. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/334643>.

Рабинович, Заведенский, Кушнир, Храмов, Мелик-Парсаданов 2020 – *Рабинович П.Д., Заведенский К.Е., Кушнир М.Э., Храмов Ю.Е., Мелик-Парсаданов А.Р.* Цифровая трансформация образования: от изменения средств к развитию деятельности // Информатика и образование. 2020. № 5 (314). С. 4–14. DOI: <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2020-35-5-4-14>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ouueqk>.

Симонов 2020 – *Симонов А.В.* Актуальные направления цифровой трансформации в сфере образования // Информатизация образования и науки. 2020. № 4 (48). С. 3–11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44412807>. EDN: <https://www.elibrary.ru/umfnxu>.

Терещенкова, Сорокина 2021 – *Терещенкова Е.В., Сорокина М.Ф.* Цифровая трансформация в образовании: проблемы и перспективы // Форум. 2021. № 2 (22). С. 21–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44911401>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tyratm>.

Трунина 2022 – *Трунина И.Ю.* К вопросу о цифровой трансформации: некоторые аспекты явления // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2022. № 2 (65). С. 87–94. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48706014>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kqwelw>.

References

Palyanov et al. 2018 – *Palyanov M.P., Mavrina I.A., Milinis O.A., Pokhorukov O.Y., Churekova T.M., Kharina, Demchenko A.R.* (2018) Theoretical and methodological basis of advanced professional training for specialists engaged in secondary

vocational education. *Modern Journal of Language Teaching Methods*, vol. 8, issue 5, pp. 206–222. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41726353>. EDN: <https://elibrary.ru/nwroj.k>.

Atamanova, Emel'yanova, Khramova 2022 – *Atamanova N.P., Emel'yanova O.Ya., Khramova S.A.* (2022) Digital transformation of education in modern educational space. *Psychology of Education in Multicultural Space*, no. 3 (59), pp. 60–68. DOI: <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2022-59-3-60-68>. EDN: <https://elibrary.ru/luguoh>. (In Russ.)

Bardakov 2021 – *Bardakov N.D.* (2021) Digital transformation of education and / or sustainable development education. *Innovative Scientific Research*, no. 4–3 (6), pp. 167–172. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.4782149>. EDN: <https://www.elibrary.ru/eaykps>. (In Russ.)

Bashly, Burlutskiy 2022 – *Bashly P.N., Burlutskiy A.N.* (2022) End-to-end digital technologies in the context of the educational process organization. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, no. 4 (49), pp. 83–88. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50762553>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vmklil>. (In Russ.)

Boldyreva, Maltsev, Smagina, Sokolova 2018 – *Boldyreva N.N., Maltsev V.N., Smagina I.A., Sokolova M.V.* (2018) Digital Transformation in Education: Pedagogical Foundations. In: *Innovative, information and communication technologies: proceedings of the XV International scientific and practical conference*, no. 1, pp. 29–33. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36902641>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ywavqt>. (In Russ.)

Borisova 2022 – *Borisova E.Yu.* (2022) Some aspects of digitalization of education in Russia. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS*, vol. 13, no. 1 (53), pp. 27–39. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49620721>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dmrfib>. (In Russ.)

Burlyaeva, Emelyanova 2022 – *Burlyaeva V.A., Emelyanova A.A.* (2022) Significance and signs of digital transformation of educational organizations. In: *World of Science. Pedagogy and psychology*, vol. 10, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/46PDMN622.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50378003>. EDN: <https://www.elibrary.ru/fsszgi>. (In Russ.)

Kozlova, Kozlov 2020 – *Kozlova N.Sh., Kozlov R.S.* (2020) Trends in digital transformation of education in modern conditions. *Vestnik Majkopskogo Gosudarstvennogo Tehnologiceskogo Universiteta*, no. 3 (46), pp. 51–59. DOI: <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2020-13005>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oupczs>. (In Russ.)

Kryukov, Shakhgeldyan 2012 – *Kryukov V.V., Shakhgeldyan K.I.* (2012) Electronic campus of university. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, no. 3 (16), pp. 19–38. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-kampus-universiteta>. (In Russ.)

Ladyzhets, Neborsky, Boguslavsky, Naumova 2021 – *Ladyzhets N.S., Neborsky E.V., Boguslavsky M.V., Naumova T.A.* (2021) Drivers of digital transformation in approaches to modern teaching of students. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, vol. 5, no. 4, pp. 446–452. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-4-446-452>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mhdamt>. (In Russ.)

Lysenko 2023 a – *Lysenko V.G.* (2023 a) Synchronization of advanced training programs of specialists with regional labor market needs. *Pedagogika*, vol. 87, no. 6, pp. 93–100. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54060030>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zxhyft>. (In Russ.)

Lysenko 2023 b – *Lysenko V.G.* (2023 b) Labor mobilization of students as a mechanism to eliminate the personnel shortage of enterprises in the region. *Pedagogika*, vol. 87, no. 4, pp. 88–94. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53114983>. EDN: <https://www.elibrary.ru/loqrgj>. (In Russ.)

Lysenko 2022 – *Lysenko V.G.* (2022) Digital platform for integration of communication and educational resources of the system of secondary vocational education. Certificate of state registration of computer program № 2022611389. Application № 2021668667 as of 23.11.2021. Date of state registration in the Register of Computer Programs January 25, 2022. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47991269>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uokcae>. (In Russ.)

Lysenko 2021 – *Lysenko V.G.* (2021) Digital platform as a condition for implementing advanced professional training programs. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 2 (214), pp. 24–30. DOI: <http://doi.org/10.23951/1609-624X-2021-2-24-30>. (In Russ.)

Nadtachaev, Melnik 2023 – *Nadtachaev P.V., Melnik S.V.* (2023) Dualism of digitalization of modern education. *Zametki uchenogo*, no. 7, pp. 188–191. Available at: <https://e.lanbook.com/journal/issue/334643>. (In Russ.)

Rabinovich, Zavedenskiy, Kushnir, Khramov, Melik-Parsadanov 2020 – *Rabinovich P.D., Zavedenskiy K.E., Kushnir M.E., Khramov Yu.E., Melik-Parsadanov A.R.* (2020) Digital transformation of education: from changing funds to developing activities. *Informatics and Education*, no. 5 (314), pp. 4–14. DOI: <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2020-35-5-4-14>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ouueqk>. (In Russ.)

Simonov 2020 – *Simonov A.V.* (2020) Actual directions of digital transformation in the sphere of education. *Informatization of Education and Science*, no. 4 (48), pp. 3–11. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44412807>. EDN: <https://www.elibrary.ru/umfnxy>. (In Russ.)

Tereshchenkova, Sorokina 2021 – *Tereshchenkova E.V., Sorokina M.F.* (2021) Digital transformation in education: problems and prospects. *Forum*, no. 2 (22), pp. 21–24. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44911401>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tyratm>. (In Russ.)

Trunina 2022 – *Trunina I.Yu.* (2022) Digital transformation: some aspects of the phenomenon. *Bulletin of PNU*, no. 2 (65), pp. 87–94. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48706014>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kqwelw>. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-120-127

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81

Дата поступления: 29.04.2024
рецензирования: 30.05.2024
принятия: 02.09.2024

Грамматическая системность моделей просьбы в современном русском языке

Л.Б. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8432-1164>

Сяося Лю

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: 963336159@qq.com. ORCID: <http://orcid.org/0009-0002-7854-2478>

Аннотация: В статье представлен анализ грамматической системности моделей выражения просьбы в современном русском языке. Актуальность определяется необходимостью выявления системности употребления синтаксических моделей разных типов при выражении просьбы в русской речевой практике. Цель работы – исследовать синтаксические модели выражения просьбы в современном русском языке в аспекте концепции коммуникативно-прагматических комплексов. Исследование проводится на материале, представляющем различные контексты употребления просьбы: выборки из современных русских пьес известных драматургов – А. Вампилова, Н. Лакутина, Е. Шабалиной и А. Яблонской, а также выборки из Национального корпуса русского языка. Методы исследования: системный, сопоставительный, функциональный, контекстуальный, структурно-грамматический. Особое внимание обращено на явление грамматической системности синтаксических моделей. Показано своеобразие выражения просьбы моделями предложений по цели высказывания – побудительных, вопросительных и повествовательных. Авторы приходят к выводу о своеобразии языковой концептуализации просьбы в трех коммуникативных ситуациях – бытовой просьбы, официальной просьбы, просьбы при общении в незнакомой среде, различающихся по коммуникативной роли и ситуациям употребления. Установлены закономерности употребления трех типов предложений по цели высказывания в зависимости от коммуникативных ситуаций. Показано, что модель побудительных предложений служит базовой и наиболее распространенной грамматической формой выражения просьбы и обычно используется в коммуникативной ситуации бытовой просьбы. В силу своих особых коммуникативных характеристик данная модель может применяться и в ситуации общения с незнакомыми людьми, а с использованием грамматических расширений – и в отдельных ситуациях официального общения. Второй по частотности тип – вопросительные предложения, которые обычно употребляются при обращении к незнакомым людям, как правило, в сопровождении средств выражения вежливости. Модели повествовательных предложений встречаются намного реже, чем предложения двух других типов, чаще всего они употребляются в ситуации официального общения.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматический комплекс; синтаксис; модели выражения просьбы; грамматическая системность.

Цитирование. Карпенко Л.Б., Лю Сяося. Грамматическая системность моделей просьбы в современном русском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 120–127. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-120-127>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Карпенко Л.Б., Лю Сяося, 2024

Людмила Борисовна Карпенко – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Сяося Лю – аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 29.04.2024
Revised: 30.05.2024
Accepted: 02.09.2024

Grammatical systematicity of request models in the modern Russian

L.B. Karpenko

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8432-1164>

Xiaoxia Liu

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: 963336159@qq.com. ORCID: <http://orcid.org/0009-0002-7854-2478>

Abstract: The article analyzes the grammatical systematicity of models of request expression in modern Russian language. The relevance is determined by the need to identify the grammatical systematicity of the use of syntactic models of different types in expressing a request in Russian speech practice. The aim of the paper is to study syntactic models of request expression in modern Russian language in the aspect of the theory of communicative-pragmatic complexes. The study is conducted on the material representing different contexts of request usage: samples from modern Russian plays by famous playwrights – A. Vampilov, N. Lakutin, E. Shabalina and A. Yablonskaya, as well as samples from the National Corpus of the Russian Language (NCLR) are used. Research methods: systematic, comparative, functional, contextual, structural-grammatical. Special attention is paid to the phenomenon of systematicity of syntactic models. The peculiarity of expressing the request by the models of sentences on the purpose of utterance – inductive, interrogative and narrative – is shown. The authors come to the conclusion about the peculiarity of linguistic conceptualization of request in three communicative situations – everyday request, official request, request when communicating in an unfamiliar environment, which differ in their communicative role and situations of use. The regularities of use of three types of sentences on the purpose of utterance depending on communicative situations are established. It is shown that the model of inductive sentences serves as the basic and most common grammatical form of expressing a request and is usually used in the communicative situation of a household request. Due to its special communicative characteristics, this model can also be used in the situation of communication with strangers, and with the use of grammatical extensions - and in some situations of official communication. The second most frequent type - interrogative sentences - is usually used when addressing strangers; as a rule, it is accompanied by politeness markers. Models of narrative sentences are used much less frequently than sentences of the other two types; they are most often used in situations of official communication.

Key words: communicative-pragmatic complex; models of request expression; grammatical systematicity; syntax.

Citation. Karpenko L.B., Liu Xiaoxia. Grammatical systematicity of request models in the modern Russian. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 120–127. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-120-127>. (In Russ.)

Conflict of interest information: the authors declared no conflict of interest.

© Karpenko L.B., Liu Xiaoxia, 2024

Ludmila B. Karpenko – professor, Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Xiaoxia Liu – postgraduate student, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Выражение просьбы является важным аспектом коммуникации, поскольку позволяет людям взаимодействовать и достигать своих интересов и поставленных целей. Основные средства выражения просьбы в русском языке исследователями выявлены [Формановская 1989; Формановская, Шевцова 1992], установлена корреляция степени вежливости в зависимости от способа выражения просьбы: чем менее прямо выражена просьба, тем более вежливо она звучит. Выбор языковой формы может обеспечить нейтральную, высокую или низкую степень вежливости, а также дополнительный оттенок значения (например, значения задания, требования или мольбы). В отличие от других работ, посвященных изучению просьбы в русском языке, в нашем исследовании впервые были определены основные типы коммуникативных ситуаций, в которых возникает потребность выразить просьбу. Типология средств выражения просьбы в русском языке была разработана и описана в рамках единого коммуникативно-прагматического комплекса (далее КПК), понятие которого предложено Л.Б. Карпенко. Коммуникативно-прагматический комплекс – это коммуникативный фреймовый узел, объединяющий близкие по функции речевые акты с соответствующими им коммуникативными интенци-

ями и речевыми высказываниями. Ранее в ряде статей были проанализированы типовые модели выражения интенций различных КПК в русском языке (благодарности, поддержки, предостережения, угрозы, опасения и т. д.) и показана языковая специфика их выражения по сравнению с другими языками [Карпенко 2017]. В ходе анализа корпуса собранного материала выделены с учетом коммуникативных ситуаций и средств выражения три основных типа реализации КПК «просьба»: 1) «бытовая просьба», реализуемая в повседневном общении в знакомой среде; 2) «просьба в новой среде», адресованная незнакомым людям; 3) «официальная» просьба, реализуемая в официальной среде. Собранный материал свидетельствует о своеобразии языковой концептуализации просьбы в трех коммуникативных ситуациях – бытовой просьбы, официальной просьбы и просьбы при общении с незнакомыми людьми, в них доминируют разные аспекты интерпретации и оценки ситуации. На этой основе анализируются грамматические особенности и свойства, вспомогательные средства и частотность употребления каждого типа предложений по цели высказывания и среды их реализации при выражении просьбы. Далее будут подробнее рассмотрены средства, характерные для каждого из названных типов.

Материалы и методы

Материалы для данного исследования были взяты из двух основных источников: 1) сплошной выборкой собирались примеры выражения просьбы из современных русских пьес: А. Вампилова «Утиная охота» (Вампилов 1967), А. Яблонской «Лодочник» (Яблонская 2008), Е. Шабалиной «Лес на холме печали» (Шабалина 2017), Н. Лакутина «Воспитка. Пьеса на 4 человека. Комедия» (Лакутин 2024); 2) целенаправленно, по ключевым словам и образцам, проводилась выборка примеров из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Учитывались также модели выражения просьбы, содержащиеся в учебной литературе, например в работе Н.И. Формановской, С.В. Шевцовой «Речевой этикет. Русско-английские соответствия: справочник. Москва, 1992» [Формановская, Шевцова 1992].

Нас интересовали все модели и способы синтаксического выражения просьбы в современном русском языке в выделенных нами трех типах ситуаций исследуемого коммуникативно-прагматического комплекса: 1) бытовая просьба, реализуемая в повседневном общении в знакомой среде; 2) просьба в новой среде, адресованная незнакомым людям; 3) официальная просьба, реализуемая в официальной среде.

В фокусе данного исследования находится грамматическая системность моделей выражения просьбы в современном русском языке, их парадигматика. Особое внимание обращено на явление грамматической системности синтаксических моделей. Исследуется специфика выражения этого содержательного комплекса в коммуникативных разновидностях предложений русского языка по цели высказывания – побудительных, вопросительных и повествовательных. Осуществлен количественный анализ примеров с целью установления частотности предложений по цели высказывания в контексте трех коммуникативно-прагматических ситуаций просьбы. В работе использовались: методы системного, функционального, контекстуального, структурно-грамматического анализа; методики сплошной выборки и количественной характеристики материала.

Теоретические основы исследования

Понятие о грамматической системности

Понятие системности как наиболее важный общий принцип обращения с материалом является результатом развития научных идей в различных областях знаний, в лингвистике оно получило особенно широкое применение. В основе идеи системности лежит признание взаимосвязи четырех основных составляющих любого объекта: структуры, элементов, совокупности и функции (Блох 2000, с. 7). Как указывал В.В. Виноградов, в единой структуре языка все составляющие ее части и элементы – звуковой строй, грамматика, словарный состав – регулярно и закономерно взаимосвязаны и взаимообусловлены [Виноградов 1995,

с. 5–7]. Однако до разработки теории «активной грамматики» Л.В. Щербы в большинстве лингвистических исследований грамматика была оторвана от идеи функции, от уяснения «способов выражения разных нюансов мыслей и чувств», она была скорее набором правил, чем организованной системой лингвистического опыта, объективной лингвистической реальностью, управляющей речью [Щерба 1974, с. 24]. В дальнейшем функционально-коммуникативный подход акцентировал значение функции: говорящий должен знать о функциональной потенции языковых средств, что может выразить форма повелительного наклонения, что может выразить форма инфинитива в сочетании с определенной интонацией [Бондарко 1976, с. 59].

Учет системности языковых фактов и противопоставленности элементов системы рассматривается сегодня лингвистами как момент, имеющий принципиальное значение при анализе языка. В данной работе понимание грамматической системности соотносено с идеей самостоятельности и значимости коммуникативно-прагматического аспекта в организации способов выражения просьбы. Коммуникативно-прагматическая системность предполагает выявление закономерностей не только структурной организации предложений как основных элементов дискурса, но и их коммуникативно-прагматических характеристик: общности и различия коммуникативных ролей, коммуникативной синонимии, условий их использования в актах речевого общения (работы М.В. Всеволодовой, В.Г. Гака, Г.А. Золотовой, Е.И. Пассова, Н.И. Формановской и др.). К условиям использования речевых единиц относятся роли говорящего субъекта и адресата, ситуации общения, явные и скрытые цели высказывания, речевая тактика и типы речевого поведения и др. [Арутюнова 1990, с. 412–413].

Кроме того, коммуникативную прагматику интересуют и культурные аспекты речевой практики: каждый язык имеет не только свою уникальную грамматическую систему, но и свои нормы общения. Так, например, распространенный в русской речи прием прямого выражения просьбы формой императива не будет восприниматься как стилистически нормативный в польской разговорной практике, где принята модель вопросительного предложения с предикатом в сослагательном наклонении в сочетании с инфинитивом. Таким образом, изучение коммуникативно-прагматической системности помогает не только понимать язык, но и погружаться в культурные особенности народа, говорящего на этом языке.

Понятие о коммуникативно-прагматическом комплексе «просьба»

Просьба является одним из основных видов межличностного общения и может использоваться во всех сферах жизни: от бытовой до сферы официальной. Новизна подхода к изучению просьбы в данной работе заключается в осмыслении специ-

фики ее реализации в современном русском языке как целостного коммуникативно-прагматического комплекса, по-разному проявляющегося в различных коммуникативных ситуациях.

В исследованиях ряда лингвистов были выявлены основные способы выражения просьбы в русском языке (Н.И. Формановской, Г.А. Шульженко, М.А. Егоровой, М.Г. Безяевой, Е.М. Лазуткиной, Г.М. Ярмаркиной, Е.А. Рудневой и др.). Тем не менее системность грамматических средств выражения просьбы применительно к практике речевого общения до сих пор четко не определена. В связи с этим необходимо систематизировать грамматические способы и средства выражения просьбы и рассмотреть их как единый коммуникативно-прагматический комплекс, понятие которого предложено Л.Б. Карпенко. Коммуникативно-прагматический комплекс – это «совокупность коммуникативной интенции говорящего, коммуникативной ситуации, структуры коммуникативного акта (участники ситуации, коммуникативное окружение и т. д.) и средств их речевого выражения» [Карпенко 2017, с. 83–87].

Анализ корпуса примеров, насчитывающего более 3000 примеров разнообразных средств выражения просьбы, собранных из современных русских пьес и НКРЯ, при внимании к реальным коммуникативным ситуациям их использования, позволил выявить три основных типа реализаций КПК «просьба»: 1) «бытовая просьба», реализуемая в повседневном общении в знакомой обстановке; 2) «просьба в незнакомой среде», обращенная к незнакомым людям; 3) «официальная просьба», реализуемая в официальной обстановке [Карпенко, Лю 2023, с. 13–14].

Результаты

1. Побудительные предложения при выражении КПК «просьба»

Просьба – это разновидность побудительного речевого действия, поэтому и выражается она в русском языке наиболее типично побудительным предложением. В системоцентричной грамматике основные средства выражения побуждения описаны в связи с характеристикой синтаксиса простых предложений по цели высказывания. Среди ранних наблюдений такого плана известен очерк о «повелительных предложениях» А.М. Пешковско-

го в работе «Русский синтаксис в научном освещении», написанной в первой трети XX в. Уже тогда А.М. Пешковский учел разные типы побуждения (приказ, просьба, совет, убеждение, предложение); семантико-структурные признаки побудительных предложений: императив как основное средство выражения побуждения, характерную специфическую интонацию побуждения, возможное использование особых частиц, служащих для внесения побудительного смысла (*-ка, ну-ка, пусть, пусть, да, давай, давайте* и др.) [Пешковский 2001, с. 394–395]. В дальнейшем были уточнены эти основополагающие характеристики, описаны значения нерегулярных императивных форм [Гусев 2005, с. 65–81].

Побудительное предложение обычно используется при непосредственном обращении с просьбой к собеседнику или для ее передачи другим лицам через собеседника. При выражении просьбы побудительное предложение обычно оформляется как односоставное определенно-личное предложение со сказуемым, выраженным формой глагола (2-го лица единств. ч. или множ. ч.), указывающей на просьбу: *помоги(те), дай(те), скажи(те), сдлай(те), приходи(те), напиши(те)*... и т. д.:

– *Помогите, пожалуйста, выйти... Скажите маме и папе, что я здесь* (НКРЯ, 2014. Тырин М. «Будет немножечко больно»).

Как показывает проведенное исследование, данный тип предложений чаще всего употребляется в ситуации бытовой просьбы, т. е. в повседневном общении, при обращении к родственникам, приятелям или знакомым с просьбой помочь в чем-то, сообщить или передать информацию и т. д. И следует признать, что именно данный тип высказываний, построенных по модели побудительного предложения с императивом, является основным среди средств выражения просьбы в современной русской речевой практике. По результатам сплошной выборки из текстов современных русских пьес на ситуацию «бытовой просьбы» приходится более 98 % примеров использования побудительных предложений. Количественные данные из нашей выборки приведены в таблице.

В моделях бытовой просьбы нередко используются различные расширения контекста: разговорные обращения (*Витек, Васька, сынок, старик и др.*); частицы (*давай, ну, же, уж, -ка, -то...*); междометия (*ах, ух, ну-ну* и т. д.).

Таблица

Выражение просьбы в современных русских пьесах

Table

Expression of request in modern Russian plays

Типы предложений по цели ситуации	Побудительные предложения	Вопросительные предложения	Повествовательные предложения
Бытовая просьба	116	25	30
Просьба в новой среде	2	9	2
Официальная просьба	0	1	0
Итого	118	35	32

Просьба в форме побудительных предложений может быть выражена и по отношению к незнакомым людям, т. е. в незнакомой среде, в таком случае она выражается формами повелительного наклонения глагола в составе конструкций: *разрешите/позвольте* + инфинитив. Но в целом, по данным сплошной выборки, на побудительные предложения для выражения просьбы в незнакомой среде приходится менее 2 %.

Следует отметить, что, когда просьба обращена к незнакомым людям в новых, незнакомых ситуациях, повышается потребность в выражении вежливости, и поэтому использование формы повелительного наклонения обычно сопровождается маркерами вежливости: *Если Вам нетрудно. Если Вас не затруднит. Сделайте одолжение. Не откажите в любезности. Окажите любезность. Не сочтите за труд... + дайте/сделайте... пожалуйста*. По мнению Н.И. Формановской, в таких выражениях заключается «стилистически повышенная и наиболее вежливая просьба» [Формановская 1989, с. 44].

– *Пожалуйста, не сочтите за труд, дайте совет, как растянуть 24 часа* (НКРЯ, 2010. Форум: Горный двухподвесочный).

В отношении официальной просьбы выборка из современных пьес нерепрезентативна. Но выборка из НКРЯ показывает, что побудительные предложения ограничено используются и при выражении «официальной просьбы» в вежливой форме. Например:

Господа, позвольте вмешаться в вашу бурную дискуссию. (НКРЯ, 2010–2011. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым).

Итак, самая частотная сфера реализации просьбы в форме побудительных предложений – это ситуации повседневного общения в знакомой обстановке, т. е. «бытовая просьба».

2. Вопросительные предложения при выражении КПК «просьба»

Вопросительные предложения участвуют в выражении бытовой просьбы и просьбы в ситуации общения в незнакомой среде, т. е. в неформальных ситуациях (в картотеке сплошной выборки это 25 и 9 примеров соответственно; более репрезентативной для анализа моделей вопросительных предложений просьбы является выборка из НКРЯ); для официальной просьбы вопросительные предложения нехарактерны. С побудительными предложениями их сближает «момент адресованного собеседнику побуждения» [Распопов 1981, с. 24–25], «сходство коммуникативной роли» и «близость условий употребления: в своих прямых функциях и вопросительные, и побудительные предложения, в отличие от повествовательных, используются почти исключительно в диалогической речи» [Скобликова 2016, с. 166].

Поскольку просьба, выраженная в вопросительных предложениях, смягчает давление на адресата, уменьшает категоричность побуждения

и повышает степень вежливости, то чаще всего ее реализуют в новых, незнакомых обстоятельствах, т. е. в коммуникативной ситуации «просьба в новой среде».

Вопросительный характер рассматриваемых предложений в русском языке находит сильное выражение в особой, вопросительной, интонации с повышением тона на слове, заключающем вопрос, и на конце фразы. Использование вопросительной интонации может быть достаточным для формирования вопросительного предложения: *Я могу / Могу я / Не могу я / Я не могу + попросить Вас подвезти до вокзала?* Произнесенные без вопросительной интонации приведенные модели становятся предложениями повествовательными со значением констатации факта. Кроме вопросительной интонации средствами грамматического оформления вопросительных предложений, заключающих просьбу, служат: порядок слов, вопросительные местоименные слова, частицы, модальные слова, междометия, маркеры вежливости. Сравните следующий ряд примеров:

Подвезете ли до вокзала? / Не подвезете ли до вокзала? / До вокзала не подвезете ли? / Эх, не подвезете ли до вокзала? / Ну, как? Не подвезете ли до вокзала? / Может, подвезете до вокзала? / Если не затруднит, может, подвезете до вокзала? Перечисленные средства передают ситуативную окраску просьбы, степень заинтересованности, модальную оценку уверенности/неуверенности говорящего в исполнении просьбы.

Как видим, при формировании речевых актов просьбы в современной русской речевой практике могут быть использованы различные вопросительные конструкции. Среди них выделяют два основных типа вопросительных высказываний, выражающих просьбу:

Я могу (попросить)...? / Не могу я (попросить)...?

Можете ли вы сделать? / Не можете ли вы сделать?

Первый тип – это субъектно ориентированный, т. е. сосредоточенный на говорящем: *Я могу (попросить)...? Могу я (попросить) ...? Могу ли я (попросить) ...? Не могу я (попросить)...? Не могу ли я (попросить)...? Можно (ли) мне (попросить)...? Нельзя (ли) мне (попросить)...?* и т. д.

Второй тип – это объектно ориентированные вопросительные предложения, т. е. сосредоточенные на адресате: *Вы (Ты) можете (можешь) + инфинитив...? Вы (Ты) не можете (можешь) + инфинитив...? Можете ли вы + инфинитив...? Не можете ли вы + инфинитив...? Не могли (бы) вы + инфинитив...?* и т. д. [Формановская, Шевцова 1992, с. 45–46].

В этом типе просьба направлена на получение помощи, информации или услуги от адресата. Такие структуры используются для выражения потребностей или желаний говорящего и позволяют сосредоточиться на конкретной просьбе, обращенной к адресату. Модели вопросительных

предложений позволяют попросить о помощи без использования императива, что создает более вежливый и тактичный стиль общения. К тому же в вопросительной форме высказывания можно выразить неуверенность и оставить решение об исполнении просьбы на усмотрение адресата. Ср.:

– *Подскажите, как пройти к музею Коломенское* (А. Иванов. Комьюнити, 2012);

– *Цветы где-то тут рядом можно купить, не подскажете?* (Сергей Шикера. Египетское метро // Волга, 2016);

Поравнялся с нами: «Улицу Строительную – не подскажете?» (С. Алексиевич. Время second hand // Дружба народов, 2013);

– *Будьте любезны, если не трудно, вы не могли бы остановить свое маршрутное такси на остановке «Улица Шолуденко»?* (А. Володарский. ЖЗЛ (Жизнеописание занимательных личностей) // Сибирские огни, 2012).

Проведенное исследование показывает, что основные функции вопросительных предложений находят свое отражение чаще всего в ситуации общения в незнакомой среде. В картотеке, собранной сплошной выборкой, такие примеры составляют 71, 43 %. В общей картотеке, с учетом целенаправленной выборки по НКРЯ, такие примеры составляют более 60 %; вопросительные предложения в ситуации бытовой просьбы – около 30 %; в то время как для официальной просьбы такие модели нехарактерны.

3. Модели повествовательных предложений при выражении просьбы

Повествовательные предложения при выражении просьбы наименее частотны. Основу лексико-грамматической структуры повествовательного предложения со значением просьбы составляет перформативный глагол – так называемый перформатив. Это глагол, относящийся к подклассу глаголов речи и содержащий в своем лексическом значении компоненты, указывающие на цель речи и определенные условия осуществления речевого действия. При перформативных просьбах «производство высказывания является осуществлением действия» [Остин 1986, с. 27].

Для выражения просьбы в повествовательных предложениях широко используется перформатив *просить* в форме 1-го л., ед. ч., наст. времени, т. е. *прошу*. Для уточнения или расширения просьбы еще используется и дополнение.

К числу типичных моделей относятся следующие варианты:

Прошу + (кого) + инфинитив в СВ: *прошу (тебя / вас) помочь / уточнить / позвонить / рассмотреть / сделать...*

Прошу + (кого) + не + инфинитив в НСВ: *прошу (тебя / вас) не звонить / делать / рассматривать / оставлять...*

Прошу + у кого + сущ. в Род. п.: *прошу у вас совета / помощи...*

Прошу + о + сущ. в Предл. п.: *прошу о помощи*;
Прошу + придаточное предложение: *прошу, чтобы...* и т. д.

В структуре повествовательных предложений со значением просьбы часто используются глаголы желания *хотеть / хотеться, желать*. В таких высказываниях говорящий, обращаясь с просьбой к собеседнику, подчеркивает свое желание. Основные разновидности этой структуры следующие: *Я хочу (попросить)...*; *Мне хочется (попросить)...* и др.

Ввиду содержательной специфики повествовательных предложений, ориентированных не на побуждение, а «только на восприятие соответствующей информации собеседником» [Скобликова 2016, с. 168], такая просьба отличается формальным характером, «оттенком нарочитой строгости» [Формановская, Шевцова 1992, с. 44]. Это и обуславливает широкое использование моделей повествовательных предложений в официальной среде, в таких жанрах, как распоряжения, требования решения профессиональных деловых или научных проблем. Словом, выражение просьбы в форме повествовательных предложений принципиально противоречит сути просьбы, а потому выражает ее гораздо реже, чем два других рассмотренных типа предложений. Ср.:

– *И цифры выполнения плана прошу внести в протокол...* (НКРЯ, 1975–1977. Рыбаков А. Тяжелый песок).

– *Прошу рассмотреть мою кандидатуру для работы в Вашей организации* (НКРЯ, 2002. Резюме студентки).

При выражении просьбы в официальных ситуациях обычно используются маркеры вежливости, подчеркивающие уважительное отношение к адресатам, такие как: *очень / убедительно / дружески / настойчиво / настоятельно / покорно / решительно* и др.

Общее количество примеров выражения просьбы в форме повествовательных предложений в нашей выборке составляет 327 случаев. Почти все они собраны из НКРЯ, поскольку выборка из современных пьес нерепрезентативна. Среди таких примеров именно официальные просьбы преобладают, составляя более половины от общего числа.

Заключение

В статье были прослежены проявления грамматической системности в употреблении типов синтаксических предложений по цели высказывания и их разнообразных модификаций при выражении просьбы в русском языке. Установлено, что интенция просьбы может передаваться всеми тремя функциональными разновидностями предложений: побудительными, вопросительными и повествовательными. Побудительные предложения являются наиболее типичной и распространенной грамматической формой выражения просьбы и используются гораздо чаще, чем предложения двух других типов, поскольку их предназначение состо-

ит в передаче побуждений к собеседникам. Побудительные предложения абсолютно преобладают в ситуациях бытовой просьбы, значительно реже они используются для выражения официальной просьбы и просьб в новой обстановке. Синтаксические модели выражения просьбы в вопросительных предложениях достаточно разнообразны, они, как правило, применяются в «новой среде», между незнакомыми людьми, в формах, обычно сопровождаемых средствами выражения вежливости. Повествовательное предложение, наименее

употребительная грамматическая форма передачи просьбы, встречается обычно в качестве «официальной просьбы» в профессиональных деловых и научных кругах.

В целом исследование грамматической системности моделей просьбы позволяет увидеть многообразие грамматических структур и средств «расширения» контекста в трех основных типах коммуникативных ситуаций, что способствует обогащению практики межкультурной коммуникации и преподавания русского языка.

Материалы исследования

Блох 2000 – *Блох М.Я.* Теоретические основы грамматики: учебник. 2-е изд., испр. Москва: Высш. шк., 2000. 160 с. URL: <https://studylib.ru/doc/6331368/mark-yakovlevich-bloh-teoreticheskie-osnovy-grammatiki-izdan...?ysclid=lywzt8u6gj297997791>.

Вампилов 1967 – *Вампилов А.* Утиная охота. URL: <https://azbyka.ru/fiction/utinaja-ohota-aleksandr-vampilov/> (дата обращения: 28.04.2024).

Лакутин 2024 – *Лакутин Н.* Воспитка. Пьеса на 4 человека. Комедия. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/3763701> (дата обращения: 09.04.2024).

Шабалина 2017 – *Шабалина Е.* Лес на горе печали. URL: https://lubimovka.art/media/plays/Shabalina_Les.docx (дата обращения: 15.04.2024).

Яблонская 2008 – *Яблонская А.* Лодочник. URL: https://theatre-library.ru/files/ya/yablonskaya/yablonskaya_7998.doc.

НКРЯ – *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.04.2024).

Библиографический список

Арутюнова 1990 – *Арутюнова Н.Д.* Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 412–413. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/80/rechevoj-akt.htm?ysclid=lywzhzhz54g542787835>.

Бондарко 1976 – *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Ленинград: Наука, 1976. 255 с. URL: <https://studfile.net/preview/7641937/>.

Виноградов 1995 – *Виноградов В.В.* Слово и значение как предмет историко-лексического исследования // Вопросы языкознания, 1995. № 1. С. 3–36. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1995-1/3-36?ysclid=lyx0m6m3dj355431917>.

Гусев 2005 – *Гусев В.Ю.* Типология нерегулярных императивных форм // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 65–81. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2005-2/65-81?ysclid=lyy2eyd8zv609340901>.

Карпенко 2017 – *Карпенко Л.Б.* Коммуникативно-прагматический комплекс в преподавании русского языка как иностранного // Русистика без границ. 2017. Т. 1, № 4. С. 93–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35166358>. EDN: <https://elibrary.ru/xrqnxv>.

Карпенко, Лю 2023 – *Карпенко Л.Б., Лю Сяоя.* Просьба в ряду речевых актов побуждения // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 3 (50). С. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2023.25.68.001>. EDN: <https://elibrary.ru/tdjewo>.

Остин 1986 – *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22–130. URL: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_1.htm.

Пешковский 2001 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 544 с. URL: <https://www.klex.ru/1je8>.

Распопов 1981 – *Распопов И.П.* Спорные вопросы синтаксиса. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1981. 127 с.

Скобликова 2016 – *Скобликова Е.С.* Классификация предложений по цели высказывания и проблемы описательной грамматики // Скобликова Е.С. Избранные работы по теории синтаксиса. Самара: Самарский университет, 2016. С. 164–171. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografi/Izbrannye-raboty-po-teorii-sintaksisa-monografiya-Tekst-elektronnyi-86556/1/Скобликова%20Е.С.%20Избранные%20работы%202016.pdf?ysclid=lyy48hnsyh641208931>.

Формановская 1989 – *Формановская Н.И.* Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). Изд. 3-е. Москва: Знание, 1989. 160 с. URL: <https://djvu.online/file/J3XzoiKKgVp2H?ysclid=lyy4ib99vp740635914>.

Формановская, Шевцова 1992 – *Формановская Н.И., Шевцова С.В.* Речевой этикет. Русско-английские соответствия: справочник. 2-е изд., испр. Москва: Высш. шк., 1992. 80 с. URL: https://classes.ru/grammar/136.etiket/worddocuments/_48.htm.

Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность: сборник работ / ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с. URL: <https://reallib.org/reader?file=1346200>.

References

Arutyunova 1990 – *Arutyunova N.D.* (1990) Speech act. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, pp. 412–413. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedic/articles/80/rechevoj-akt.htm?ysclid=lywzhz54g542787835>. (In Russ.)

Bondarko 1976 – *Bondarko A.V.* (1976) Theory of morphological categories. Leningrad: Nauka, 255 p. Available at: <https://studfile.net/preview/7641937/>. (In Russ.)

Vinogradov 1995 – *Vinogradov V.V.* (1995) The word and its meaning as objects of historical lexicography. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 1, pp. 3–36. Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1995-1/3-36?ysclid=lyx0m6m3dj355431917>. (In Russ.)

Gusev 2005 – *Gusev V.Yu.* (2005) Typology of irregular imperative verbal forms. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 2, pp. 65–81. Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2005-2/65-81?ysclid=lyy2eyd8zv609340901> (In Russ.)

Karpenko 2017 – *Karpenko L.B.* (2017) Communicative-pragmatic complex in teaching Russian language as foreign. *Russian studies without borders*, vol. 1, no. 4, pp. 93–98. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35166358>. EDN: <https://elibrary.ru/xrqnxv>. (In Russ.)

Karpenko, Liu 2023 – *Karpenko L.B., Liu Xiaoxia* (2023) Request in a series of speech acts of inducement. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, no. 3 (50), pp. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2023.25.68.001>. EDN: <https://elibrary.ru/tjjewo>. (In Russ.)

Austin 1986 – *Austin J.* (1986) How to do things with words. In: *New in Foreign Linguistics*. Moscow: Progress, issue 17, pp. 22–130. Available at: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_1.htm. (In Russ.)

Peshkovsky 2001 – *Peshkovsky A.M.* (2001) Russian syntax in scientific coverage. 8th edition, enlarged. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 544 p. Available at: <https://www.klex.ru/1je8>. (In Russ.)

Raspopov 1981 – *Raspopov I.P.* (1981) Disputable questions of syntax. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 127 p. (In Russ.)

Skoblikova 2016 – *Skoblikova E.S.* (2016) Classification of sentences on the purpose of utterance and the problems of descriptive grammar. In: *Skoblikova E.S. Selected works on the theory of syntax*. Samara: Samarskii universitet, pp. 164–171. Available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografii/Izbrannye-raboty-po-teorii-sintaksisa-monografiya-Tekst-elektronnyi-86556/1/Скобликова%20Е.С.%20ИЗБРАННЫЕ%20РАБОТЫ%202016.pdf?ysclid=lyy48hnsyh641208931>. (In Russ.)

Formanovskaya 1989 – *Formanovskaya N.I.* (1989) You said: «Hello!» (Speech etiquette in our communication). 3rd edition. Moscow: Znanie, 160 p. Available at: <https://djvu.online/file/J3XzoiKKgVp2H?ysclid=lyy4ib99vp740635914>. (In Russ.)

Formanovskaya, Shevtsova 1992 – *Formanovskaya N.I., Shevtsova S.V.* (1992) Speech etiquette. Russian-English equivalents: Reference book. 2nd edition, revised. Moscow: Vyssh. shk., 80 p. Available at: https://classes.ru/grammar/136.etiket/worddocuments/_48.htm. (In Russ.)

Shcherba 1974 – *Shcherba L.V.* (1974) Linguistic system and speech activity: Collection of works. Zinder L.R., Matusevich M.I. (Eds.). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 427 p. Available at: <https://reallib.org/reader?file=1346200>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 181.11-112

Дата поступления: 12.05.2024
рецензирования: 20.06.2024
принятия: 02.09.2024

«Противоборство шрифтов: готика vs антиква» в языковой политике Третьего рейха

С.И. Дубинин

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: dubinin.si@ssau.ru. Web of Science researcher ID: P-3522-2015. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6248-9812>

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению сценария в новейшей истории немецкого литературного языка, связанного с оформлением нормативной графики (графемики), в частности «спора шрифтов: антиква vs готика» первой половины XX века. На значительном отрезке исторического развития немецкий письменно-литературный язык отмечен «когнитивным диссонансом», вызванным в языковом сознании его носителей столкновением «конфликтующих» вариантов знаков латинской графики. Параллельное использование графических вариантов письменности (диглифия), особенно на этапе новейшей истории немецкого языка, отмечено влиянием многообразных внеязыковых факторов (идеологии, культурных, конфессиональных расхождений, национальной, государственной политики и др.). Актуальным является критическое рассмотрение радикальной и противоречивой языковой политики в тоталитарном Третьем рейхе в 1933–1945 гг. Декларируя фраттуру как «народную письменность», символ идентичности и воплощение основных доктрин (сплочение нации и немецкоязычных этносов, антисемитизм, «борьбу за культуру», идею превосходства), национал-социалисты в 1941 году на этапе переориентации политики на «евроцентризм» предлагали его замену прежде отвергаемой антиквой как «нормативной немецкой письменностью». В статье дан стадийный анализ сценариев языковой политики национал-социализма в «споре о графике», попыток использовать футуру как «компромиссный шрифт». Анализируются как лексические маркеры связанные с этой практикой идеологемы (Sprachregelung, Kulturkampf, Schrifttum, Judenlettern, deutsche Volksschrift/Normalschrift и др.). Результатом исследования стало построение модели «стратегии шрифтов» как особого лингвосомиотического феномена языковой политики Третьего рейха. В выводах отмечено своеобразное отражение «спора шрифтов» в разных типах текстов 1933–1945 гг. и в милитарном дискурсе Третьего рейха.

Ключевые слова: немецкий литературный язык; национал-социализм; Третий рейх; языковая политика; «языковое регулирование»; графика; латинское письмо; диглифия; антиква; готический шрифт; фраттура; швабахер; футура; руны; правописание; креолизация текстов; типографика; лингвосомиотика.

Цитирование. Дубинин С.И. «Противоборство шрифтов: готика vs антиква» в языковой политике Третьего рейха // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 128–141. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-128-141>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дубинин С.И., 2024

Сергей Иванович Дубинин – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.05.2024
Revised: 20.06.2024
Accepted: 02.09.2024

«Confrontation of fonts: Gothic vs Antiqua» in the language politics of the Third Reich

S.I. Dubinin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: dubinin.si@ssau.ru. Web of Science researcher ID: P-3522-2015. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6248-9812>

Abstract: The article is devoted to the consideration of the script in the modern history of the German literary language, associated with the design of its normative graphics (graphemics), in particular the «font dispute: antiqua vs gothic» in the first half of the 20th century. For a significant period of historical development, the German literary language is marked by «cognitive dissonance» caused in the linguistic consciousness of its speakers by the collision of «conflicting» variants of Latin characters. The parallel use of various graphic variants of writing (diglyph), especially at the stage of the modern history of the German language, is marked by the influence of various extra-linguistic factors (ideology, confessional, cultural differences, national and state policies, etc.). A pressing issue is the consideration of the radical and controversial language policy in the totalitarian Third Reich in 1933–1945. Declaring Fraktur as a «national script», a symbol of identity

and the embodiment of basic doctrines (unity of the nation and German-speaking ethnic groups, anti-Semitism, «struggle for culture», the idea of superiority), the National Socialists in 1941, at the stage of reorienting their policy towards «Eurocentrism», declared its replacement of the previously rejected antiqua as «normative German writing». The article provides a critical stage-by-stage analysis of the scenarios of the language policy of National Socialism in the «dispute about graphics», attempts to use a «compromise font» (Futura). Ideologemes associated with this practice are analyzed as lexical markers (Sprachregelung, Kulturkampf, Schrifttum, Judenlettern, deutsche Volksschrift/Normalschrift, etc.). The result of the study was the construction of a model of «font strategy» as a special linguistic-semiotic phenomenon of the language policy of the Third Reich. The conclusions note a peculiar reflection of the «font dispute» in different types of texts of 1933–1945 and in the military discourse of the Third Reich.

Key words: German literary language; national socialism; Third Reich; language policy; «language regulation»; graphic arts; Latin letter; diglyphia; antiqua; Gothic font; Fraktur; Schwabacher; Futura; runes; orthography; text creolization; typography; linguosemiotics.

Citation. Dubinin S.I. «Confrontation of fonts: Gothic vs Antiqua» in the language politics of the Third Reich. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 128–141. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-128-141>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Dubinin S.I., 2024

Sergei I. Dubinin – Doctor of Philology, professor, head of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В новейшей истории немецкого литературного языка своеобразным сценарием отмечено оформление его нормативной графики (графемики), в частности т. н. «спор шрифтов: антиква vs готика (*Schriftenstreit / Antiqua-Fraktur-Streit*)». Исторически латинский алфавит и округлый шрифт (антиква) – первооснова в VII–XI вв. зародившейся немецкой письменности в дальнейшем функционально противоречиво комбинировался в единицах графики (графемы / графические знаки) и в ее «оптических реализациях» – буквах, имеющих особый план выражения / графический образ [Зиндер 2003, с. 22–25]. Примерно с XIV века установилось длительное соседство антиквы с оформившимся с XII века усложненным остроконечным немецким готическим письмом и его основной вариантной формой, утвердившейся вскоре после изобретения книгопечатания в XVI–XVII вв., – фразатурой, получившей название «немецкий шрифт». В ситуации диглифии (*Zweischriftigkeit*) это осложняло реализацию «переключения кода письма» для носителей языка.

Данная «бискрипальность» как чересполосица знаков письма, включавшая и небуквенные знаки (логограммы), затронула с XVI века зародившуюся и активно развивавшуюся с XV века печатную и первичную более длительную немецкую рукописную традиции, оформление которых не было синхронным [Филичева 1992, с. 7–9]. На значительном отрезке исторического развития немецкий письменно-литературный язык отмечен «когнитивным диссонансом», вызванным в языковом сознании носителей столкновением «конфликтующих» вариантов знаков графики.

В новонемецкий период двойность «семейства шрифтов» обозначила устойчивое нарушение единства стилистической и композиционной системы немецкого письма. Но исторически укоренившаяся немецкая диглифия не переросла в диграфию, когда два варианта письменности – антиква и готика – настолько сильно разошлись бы между собой, что визуальное отождествление знаков двух вариантов шрифта (глифов, аллогра-

фов) стало невозможным. Особенностью старонемецкой графической системы было также использование для одной графемы латиницы нескольких глифов – ее материальных воплощений, отличавшихся как функционально (строчные, капитальные, прописные, курсивные), так и вариантными формами (альтернативные глифы). Немецкая готика приобрела, особенно в наборной печати, но также на письме под влиянием антиквы и графических практик, несколько основных «компромиссных» разновидностей: текстуру (исторически первый печатный немецкий формат), фразатуру, швабахер / бастарду, ротунду / круглоготический шрифт, куррент (курсив).

Наглядный пример «отягощения» системы немецкого шрифта – расхождения антиквы и фразатуры в отражении графем, например высокочастотной <s>. В готическом письме ей соответствовали два глифа – т. н. «длинный» и «круглый» (см. рис. 1 и 2). Первый, имея также прописной вариант, использовался в инициальной и срединной позициях в слове, а также в буквосочетании <sch> при передаче фонемы /ʃ/ как первый элемент при образовании известной с XV–XVI вв. своеобразной немецкой лигатуры [β]. Второй глиф употреблялся только в исходе слога. В антикве для этой графемы с XVIII века повсеместно использовался единообразный глиф.

Рисунок 1 – Готические печатные глифы фразатуры для графемы <s>

Figure 1 – Gothic printed Fraktur glyphs for the grapheme <s>

Ситуация параллельного использования различных графических вариантов письменности в немецком литературном языке, как и становление его орфографии, в разные эпохи, особенно на этапе его новейшей истории, отмечены радикальным влиянием многообразных внеязыковых факторов. Их доминантами были актуальная идеология, профессиональные, культурные расхождения, например т. н. *Kulturkampf* (борьба за культуру) нацио-

нальная, государственная и языковая политика, в частности пуризм.

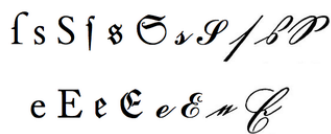

Рисунок 2 – Образцы печатной/рукописной антиквы, фразктуры и «зюттерлина»: глифы для графем <s> и <e>
Figure 2 – Examples of printed/handwritten antique, Fraktur and «Sütterlin»: glyphs for the graphemes <s> and <e>

Антикву поддерживали немецкие гуманисты и первопечатники XV–XVI вв., издававшие много латинской литературы, что породило «соседство шрифтов» и недолговечный феномен смешанного типо-шрифта – готико-антикву, которая имела и рукописную форму. В эпоху Реформации и сложения немецкого литературного языка печать на родном языке Библии Лютера (1534 г.), выполненная фразктурой, подчеркивала противопоставление протестантизма письму антиквой – традиции римско-католической церкви [Beinert 2001]. Первые немецкие двуязычные словари XVI века и энциклопедии, будучи отпечатанными готикой, отражали слова иностранного языка в наборе антиквой [Дубинин 2007, с. 247].

Цель данной статьи – критическое рассмотрение особенностей решения вопроса о т. н. «борьбе шрифтов» в языковой политике Третьего рейха в 1933–1945 гг. и его истоков в предшествующий период. **В задачи исследования** входило: определение способов позиционирования фразктуры как «народного шрифта» в стадийно различных сценариях языковой индоктринации национал-социалистами и их метаязыковых высказываний; характеристика поисков вариантных и альтернативных шрифтов (футура), практик идеографической символики; обнаружение причин смены установок и позиционирования антиквы как «нормативного шрифта» в 1940–1945 гг.

Исследование опирается как на методологию и положения, принятые в отечественной теории генезиса литературного языка [Филичева 1992], так и на дискурсивный подход (идеологический, милитарный дискурсы) [Миры дискурса 2015, с. 6–7] с ориентацией на лингвосомиотический анализ графических феноменов немецкого языка. Важным является положение, что т. н. «язык национал-социализма» и его отдельные проявления (лексикон, графика, орфография) следует рассматривать только в связи с порождаемыми текстотипами и в соответствующих им контекстах [von Polenz 1978, S.165].

При анализе идеологом – маркеров языковой политики Третьего рейха были использованы словарные ресурсные данные 1933–1945 гг. электронной базы / корпуса лексики немецкого языка (DWDS) и фундаментального документированного «Вокабуляра национал-социализма» (VdNS 2007).

Рассматриваемая тема приобрела в отечественной германистике особую актуальность в связи с возрождением неонацистских настроений, языковых сценариев и знаков нацистской вербальной/ невербальной коммуникации как в обществе ФРГ [Едличко 2015, с. 80–81], так и в ее международной практике. Однако по-прежнему отмечается дефицит исследований в этой области, особенно в аспекте междисциплинарной аналитики, а также в политолингвистике [Вульф 2003; Костева 2011].

Имперские истоки «противостояния шрифтов»: фразктура vs антиква

Во многом инспирируемое «противостояние шрифтов» особенно обозначилось на рубеже XX века в языковой политике новообразованной Германской империи, в частности в масштабной стратегии т. н. *Eindeutschung* (онемечивания; первоначально «переводить на немецкий») (VdNS, S.165), явившись отголоском национальной орфографической реформы Конрада Дудена [Филичева 1992, с. 164]. Консервативное сохранение архаичной «немецкости» готической графики в печати и на письме в духе «национальной унификации» стало проявлением иррационального имперского пуризма. Но традиционным оставалось оформление антиквой иноязычных изданий и цитат в тексте.

Рубеж XX века был отмечен в Германии острым противостоянием общественного мнения в вопросе о формате национальной графики в лице языковых обществ: праворадикального пуристического, антисемитского Allgemeiner Deutscher Schriftverein (Всеобщее немецкое шрифтовое объединение) и Verein für Altschrift (Ассоциация за антикву). В многолетней полемике фразктуру поддерживали рейсканцлер Отто Бисмарк и позднее Вильгельм II. Апогеем дискуссии стали не давшие результата парламентские дебаты в рейхстаге 1911 года. Петиция «Ассоциации за антикву» по замене готики и главный тезис – упрощение шрифта, особенно рукописного, были отклонены большинством голосов за «народный» шрифт.

В 1911 году по инициативе и заказу прусского министерства культуры знаменитый художник-график Людвиг Зюттерлин (1865–1917) создал немецкий модернизированный рукописный шрифт, названный его именем (*Sütterlinschrift*) с адаптированными («облегченными») элементами фразктуры. Этот компромиссно упрощенный по форме почерк постепенно заменял сложные старорукописные готические шрифты, сложившиеся с XVI века. Шрифт Зюттерлина был введен в 1915 году в Пруссии – крупнейшем территориально-государственном субъекте империи. Но в других землях Германии нововведение затянулось почти на два десятилетия.

Быстрый перманентный переход/перевод с фразктуры на антикву отличал в перспективе не немецкую рукописную, а более лабильную печатную традицию. Приобретая в Веймарской республике национально-культурный статус как *Deutsche Volksschrift* (немецкое народное письмо),

этот рукописный стандарт в 1920-е гг. постепенно завоевал общественное мнение, заменив через переходный формат сложные готические курсивы (в частности, упомянутый старонемецкий почерк *Kurrentschrift*) в школах и делопроизводстве, отчасти приблизив их к антикве.

В ситуации демократизации образования и науки в Германии после краха империи, всплеска дизайнерского искусства сохранялась «мирная шрифтовая диглоссия» – естественное сосуществование «семейств шрифтов». Под международным влиянием антиква в разных вариациях бытовала на письме (курсивы) и как типо-шрифт, особенно в научной и экономической коммуникации, в иноязычных изданиях, хотя спорадически / факультативно изучалась и старонемецкая графика. Дистанцирование от фразуры позиционировалось в прагматических дискуссиях о *bessere Lesbarkeit* (лучшей читабельности), разумной унификации немецкой графики на базе антиквы. Это отмечено появлением в середине 1920-х гг. под влиянием идей конструктивизма форматов т. н. «функциональной / новой типографики» (рис. 3).

Schaftstiefel Schaftstiefel

Рисунок 3 – Образцы «улучшенной готики»
и «нового шрифта» (1930 г.)

Figure 3 – Examples of «improved Gothic» and «new font»
(1930)

Отражением противоположной тенденции рубежа 1930-х гг. были попытки создания «улучшенной, читабельной или сдержанной» фразуры («простая готика»), за которую выступала консервативная часть общества. Впрочем, известный своими националистическими взглядами влиятельный дизайнер шрифтов Рудольф Кох (1876–1934) создавал шрифты как в стиле фразуры, так и антиквы, что отразило «веймарский дух» того времени.

Аспекты языковой политики нацистов: готика, руны или футура?

Характеризуя в диахронической перспективе т. н. «язык национал-социализма», один из крупнейших современных исследователей истории немецкого языка Петер фон Поленц (1928–2011) отмечал его первичную близость к «языку рекламы (*Werbesprache*)», связь с языковой ситуацией и интенциями языковой политики имперской «вильгельмовской эпохи». Очевидна также вторичность, эклектичность агрессивной стилистической и виртуальной прагматики «одурманивания (*Betäubung*)» массового сознания при тоталитарном режиме [von Polenz 1978, S. 164] в его форсированной попытке создания новой «национал-социалистической идентичности».

Графические особенности текстов / текстотипов в дискурсах Третьего рейха отразили установки на их «правильную графику», поиски нацистами сво-

его «графического бренда», являясь элементами креолизации текстов, в частности идеологических стратегий их единого шрифтового оформления. Это включалось в практику в целом ненормированного использования графостилистических (параграфических) средств / знаков в письменной речи. Например, в пунктуации это чрезмерное употребление в нацистской публицистике и СМИ кавычек, восклицательного знака, выделений. Так, контекстное закавычивание нейтральных лексем *die Toleranz* (терпимость), *der Forscher* (исследователь) при характеристике «не-арийцев» придавало значению слов ироничный и отрицательный оттенок [Клемперер 1998, с. 17].

Нацистский режим дистанцировался в своей языковой политике от установок Веймарской республики, оскорбительно именуемой *das Zwischenreich* (промежуточный рейх), переформатируя общественное сознание. Одновременно с вопросами графики в Третьем рейхе инициировались и реформы орфографии, декларируемые лозунгами единого, ясного, легко понятного правописания, что типично для тоталитарных государств. Предлагалось упразднить написание существительных с большой буквы и оптимизировать графические варианты (проект председателя Общества по правописанию, консультанта министерства внутренних дел Теодора Штехе 1934–1935 гг.). Долго дебатировался проект 1936 года рейхсминистра воспитания и народного образования Бернхарда Руста по упрощению правописания с элементами национального пуризма («онемечивание» иностранных слов): упразднение «чуждой» графемы <v>, «умеренное» написание существительных со строчной буквы и др. Но в итоге ни один орфографический проект не получил поддержки властей с аргументацией их экономической затратности [Костева 2011, с. 60–62].

Это отразило имманентную парадоксальность и авторитарность (модель «фюрерства») языковой политики национал-социалистов. Например, вопросы орфографии мало интересовали самого Гитлера, хотя он поддержал сценарии противоречивой «реформы шрифтов», что было не менее затратно, но более соответствовало (в контексте лингвосомиотики) визуализации идеологических и политических доктрин нацизма. Инициаторы реформ правописания относили его к духу немецкого и германских языков, отрицая проникновение из чуждых, негерманских языков, что исконно противно немецкому духу (ср.: *artfremd, lateinisch-humanistischer Sprachgeist*). Но они участвовали в споре о «первенстве шрифтов» недостаточно «идеологично», поскольку нацисты видели политическую перспективу языковых реформ не в создании единого «народного немецкого (*volksdeutsch*)», а «имперского немецкого (*reichsdeutsch*)» языка [Вульф 2003, с. 205–206, 208].

Первоначально в исследованиях т. н. «языка Третьей империи», например у Виктора Клемперера (1881–1960), на основании наблюдений документировавшего (публикация 1960-х гг.) «официальный язык» нацистской Германии как главное орудие манипулирования, основное внимание об-

рашалось на лексическо-семантические средства [Клемперер 1998]. В изучении языковой политики нацизма эта лакуна постепенно заполняется анализом графического аспекта, созданием баз данных графики [Hartmann 1998; Beinert 2001; Gugel 2006; Beck 2006; Rück 1993].

Шрифты и их комбинаторика – одно из основных, традиционных средств первичной, «технической» креолизации текста и повышения его прагматического потенциала. Креолизованный текст, «образ» его в целом или его частей – важное средство речевого воздействия во многих дискурсах, в частности в институциональных по природе идеологическом и милитарном, с созданием коммуникативного «напряжения (ожидания)». Если вербально представленная информация влияет на сознание реципиента рациональным путем, то использование паралингвистических средств, например графики, переводит восприятие на подсознательный уровень, изначально вызывая у адресата большее «доверие» [Креолизованные тексты 2017, с. 4–12]. Креолизованный параграфемными средствами текст реализует один из весомых способов манипуляции сознанием его реципиента / получателя.

В этой связи В. Клемперер, говоря о влиянии языкового узуса нацистов на массы, писал: «<...> самое сильное воздействие оказывалось не посредством одного высказывания, не с помощью статьи или листовок, плакатов или флагов, оно достигало своей цели через нечто, что сознательно мыслящий и чувствующий человек должен был просто воспринимать», в частности зрительно [Клемперер 1998, с. 18]. Поэтому графика закономерно заняла важное место в нацистской пропаганде и в индоктринации общества наряду с многообразными вербальными средствами.

Языковая политика германского национал-социализма с его приходом к власти в 1933 году не была оригинальной, изначально разработанной «программой языкового изменения», имея эклектичный, провокативный, ситуативно-экзотический характер. Ее частями стал «националистический пуризм», отличительными чертами которого были фетишизация немецкого языка, воспринимаемого в первую очередь не как средство реальной коммуникации, а как некий «сохраняемый в чистоте и истинности идол», и преувеличенный псевдоисторизм [von Polenz 1998, S. 162].

Известна, например, приверженность нацистов в вопросах языка семиотике эзотерики и язычества, оккультизму и мистике, внеалфавитной идеографической символике и древнегерманским рунам. Не касаясь вопроса об использовании рунического шрифта в Третьем рейхе, в частности как отражения нацистской доктрины наибольшей «расовой (арийской) чистоты» родственных немцам германских народов и их языков, отметим в связи с рассматриваемой темой некоторые явления.

Для логотипов созданных накануне прихода к власти военизированных формирований СС (die SS / Schutzstaffel) идеологи нацизма утвердили в 1933 году в аббревиатуре не готические графемы,

а напоминающие рунические символы (автор – чин СС, художник-график Вальтер Хек). Это специальная молниеобразная типографская лигатура **⚡** сохраняясь инкорпорированно в печати, не являлась по сути графической аббревиатурой, напоминая сдвоенную руну <ᚦ> «Sieg (победа)». Эта руна обозначала в «общегерманском» руническом алфавите звук [s] и символизировала солнце, восходя, впрочем, к букве староиталийского алфавита. Она маркировала «идеологический фон» немецкой графики как элемент креолизации текста, не являясь «альтернативным глифом» латинского письма. Примечательно, что наименование *die SS* в Третьем рейхе чаще не расшифровывалось как символическое коллективное имя собственное.

Одиночная руна <ᚦ> стала заимствованным у «преторианцев фюрера» символом для созданной в начале 1930-х гг. военизированной организации *Deutsches Jungvolk* («Немецкое юношество») для мальчиков младшего возраста как подчиненного НСРПГ подразделения гитлерюгенда.

Показательны графическое оформление и семиотика эмблемы возникшей значительно раньше СС боевой организации «штурмовиков» НСРПГ – СА (die SA / Sturmabteilungen), но уступившей ей в политической междоусобице нацистов после 1934 года роль главного «боевого отряда» партии, отстраненной от политики и не имевшей в дальнейшем своих армейских подразделений. Упомянутый В. Хек разработал для нее «компромиссный» вариант, объединив стилизованную под дизайнерское изображение молнии руническую <ᚦ> и квазиготическую инициалу <A>. Такое, но не относящееся к символике рун изображение молнии было и на эмблеме (нарукавный знак) подразделений связи вермахта. В текстах аббревиатура *die SA* обозначалась обычными инициальными графемами.

По указу рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в символике этой организации использовалось более 10 т. н. старших рун, с помощью которых обозначались этапы карьерного продвижения, личные характеристики ее членов. С началом военной экспансии рейха в 1939 году и образованием *Waffen SS* (войска СС) – второй части организации руна <ᚦ> вошла в эмблематику некоторых дивизий, изображалась на наградных знаках. В атрибутике и ритуалах СС использовались украшенные и другими рунами предметы (почетные кинжалы, светильники, кольца и др.).

Рисунок 4 – Руна <ᚦ>, символика военизированных формирований НСРПГ, «Юнгвольк» и подразделений связи вермахта

Figure 4 – Rune <ᚦ>, symbols of the paramilitary formations of the NSRPG, «Jungvolk» and the Wehrmacht communications units

Из-за идейно-политического диссонанса и многовекторности языковой политики, обозначаемой *die Sprachregelung* (языковое регулирование), нацистский режим отличался двойственным отношением к готическому типо-шрифту и курсиву. Первоначально иерархически возвысив с автори-

тарных позиций руководства рейха, его объявили «истинно народным», «признаком преданности нации», ее самоидентификации, противопоставив антикве как шрифту инонемецкой, инородной культуры, в частности романоязычных стран. В мета-языке пропаганды это номинировалось *arteigen* (прирожденный), *urdeutsch* (исконно немецкий) (DWDS). Видный нацистский политик и идеолог, одна из ключевых фигур режима, активно начавший реформы рейхсминистр внутренних дел Вильгельм Фрик в обращении к региональным ведомствам в мае 1933 года объявил *Deutsche Schrift* (немецкий шрифт) абсолютно приоритетным.

Но эта установка менялась в связи со стадийным развитием нацистской идеологии и сменой политических установок. Так, если т. н. «период борьбы за власть» 1919–1933 гг. стал для *Deutsche Volksschrift* плодотворным «этапом утверждения», – то 1934–1939 гг. – период консолидации режима – был отмечен компромиссами и избирательной «графической терпимостью». Это отразило некоторое дистанцирование нацистов от имперского наследия, их стратегии антисемитизма, т. н. «внутренний» *Kulturkampf* (идеологема была заимствована из эпохи утверждения Германской империи). Даже такая важнейшая идеологема-мифоним, как наименование провозглашенной в 1934 году Гитлером Третьей империи (*Drittes Reich*), в 1939 году выводилась из обращения в связи с нежелательными ассоциациями с монархическим прошлым страны в пользу прежнего нейтрального *Deutsches Reich* (VdNS 2007, S. 156).

В Германии 1930-х гг. фрактура стала визуальным элементом нацистской пропаганды, «олицетворением» основательности, серьезности и глубины в противовес распространенной в Европе антикве как свидетельству поверхностности чуждых, даже враждебных «немецкому духу» культур и цивилизаций [Харькова 2008, с. 73–75]. На обложке массовых переизданий 1930-х гг. программного сочинения-манифеста Гитлера *Mein Kampf* (1925–1926 гг.) использовался нарисованный вручную красный фрактурный шрифт, отличавшийся высокой декоративностью (иконичностью). В официальных документах, на плакатах – излюбленном текстотипе нацистов, вывесках, бланках, указателях, штампах, печатях и т. п. он использовался показательно, выделяясь и при наборе петитом сегментов текстов (заголовков, рубрикаторов). Эта установка вписывалась в традицию сохранения печатной готики в некоторых странах Северной Европы и Прибалтики, находившихся длительно под влиянием Германской империи, среди которых нацисты настойчиво искали своих союзников.

Но преувеличенное использование фрактуры в визуальной пропаганде, превращение ее в нарочитый «графический маркер» национал-социализма нарушали баланс принципов типографики, которая, допуская графический дизайн, позиционирует правила, определяющие использование шрифтов для создания наиболее понятного восприятия и транслирования текстов, для оптимизации чтения на языке как родном его носителям, так и изучающим его как иностранный.

Позиционирование печатной готики последовательно маркировало основные идейно-политические сценарии нацистской диктатуры. Так, во время одной из первых массовых пропагандистских акций «книгосожжения» (03.10.1933), отмеченной доминантой антисемитизма, прозвучали тезис о «народности и чистоте немецкой графики» и лозунги: *Sprache und Schrifttum wurzeln im Volke. Das deutsche Volk trägt die Verantwortung dafür, daß seine Sprache und sein Schrifttum reiner und unverfälschter Ausdruck seines Volkstums sind. Deutsche Schrift steht nur Deutschen zur Verfügung. Schärfstes Einschreiten gegen den Mißbrauch der deutschen Schrift! Wider den undeutschen Geist!* Во время последующей серии «актов сожжений (*Verbrennungsakte*)» и митингов по всей Германии прозвучал призыв к твердой защите «немецкого письма».

В лексическом узусе национал-социализма *das Schrifttum* (письменность) конвертировалось как их пуристическая калька с *die Literatur* (ср. новообразование *der Schriftleiter* (литературный редактор)). Слово приобрело идеологизированное расширенное толкование «словесность, писательство, издательское дело» как выражение характера нации, ее миссии, став идеологемой. Это отразилось в наименовании одной из автономных палат – *Reichsschrifttumskammer* (имперской палате по вопросам словесности) при руководимом Йозефом Геббельсом министерстве народного просвещения и пропаганды, где были выделены спецотделы прессы, печати и по вопросам культуры. Эта структура реализовывала как «идеологическая креатура», курируя книгоиздание и продажи, репрессивную программу «санации и унитаризации» (*Gleichhaltung*), «онемечивания национал-социалистической словесности» (*Freihaltung des Schrifttums von ungeeigneten und unzuverlässigen Elementen*) (VdNS 2007, S. 561).

Волна нацистской «моды на фрактуру» в основном пришлась на 1934 год, отмеченный, в частности, знаковой для Германии подготовкой возвращения отторгнутой и находившейся под управлением Лиги наций Саарской области. Так, бесплатная выставка *Die Schrift der Deutschen* (Письмо немцев) в Берлине 1933–1934 гг. открыла череду аналогичных пропагандистских перформансов, продолжавшуюся до 1940 года. В 1934–1938 гг. под этой вывеской работала серия передвижных патриотических выставок, название которых стало слоганом, а трансляцию этой идеологемы обеспечивали масштабные «Недели немецкой книги» (рис. 5).

Рисунок 5 – Плакаты выставок «Письмо немцев» (1934 г.)
Figure 5 – Posters for the exhibition «Letter from the Germans» (1934)

Фрактура стала идейной иконографикой национал-социализма и под общим лозунгом «активных новаций» режима, отказа от «старого» шрифта как символа стагнации, слабости (ср. *antiqua* от лат. «старый, старинный, прежний»; *antiguieren* «устаревать, объявить устаревшим, несвоевременным», *die Antiquität* «устарелость») (DWDS). Фрактурный графический символизм воплотил «новую идентичность» тоталитарного режима в стремлении закрепить смену графического кода немецкого языка.

Нацистская пропаганда поддерживала креативные варианты формы «неофрактуры» как развитие графической символики в качестве *Wesensart des Deutschen Volkes* (сущности немецкого народа). В 1934 году художник-график Карл Майер создал фрактурный шрифт с символическим названием «Танненберг» согласно тезису: *Fest und geschlossen, klar und kraftvoll stehen die Worte aus der – fetten Tannenbergs – da: ein überzeugender Ausdruck neuen deutschen Willens*. Название шрифта ассоциировалось с битвой при Танненберге в Восточной Пруссии (08.1914), в которой германские войска нанесли поражение русской армии, и с одноименным патриотическим мемориалом. Здесь был захоронен передавший свои полномочия как единоличному правителю – Гитлеру – рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург (1847–1934), бывший в том сражении командующим восточным фронтом (рис. 6).

Рисунок 6 – Образец и слоган шрифта «Танненберг» (1934 г.)
Figure 6 – Sample and slogan of the Tannenberg font (1934)

Появление серии дизайнерских вариантов готического шрифта было отмечено характерными «патриотическими» наименованиями: Sachsenwald («Саксонский лес» – ставшее мифологемой название реликтового леса в северной Германии, подаренного императором Бисмарку), Gotenburg (крепость готов), Großdeutschland и др.

В сентябре 1934 года в стиле политики нацистской прескриптивности распоряжением упомянутого рейхсминистра по науке, воспитанию и народному образованию Б. Руста готический шрифт был узаконен как обязательный в печати, хотя в своих пропагандистских публикациях национал-социалисты использовали его (также в упрощенных вариациях) наряду с антиквой. Важнейшие события для Третьего рейха – основание вермахта (1935 г.) и возвращение путем ввода войск Рейнской области (1936 г.) – маркировались использованием фрактурного типо-шрифта в посвященных этим акциям слоганах и публикациях. Доля фрактуры в типографской продукции Германии в 1930-е гг. достигала 50–60 %, преобладая в прессе.

Но наряду с фрактурой новым, заметно превалявшим форматом печатной антиквы стал геометрически «нейтральный» шрифт – футура, созданный в конце 1920-х гг. на основе упомянутой

«новой типографики» [Beinert 2001]. В стилистике этого «шрифта будущего» нацистских идеологов, несмотря на непримиримость к «сионистам-конструктивистам», привлекла функциональность, использование элементарных геометрических форм (круг, квадрат, треугольник, ромб), что отличало и символику нацизма. Футура имела и указывающие на «немецкость» особенности: верхние выносные элементы строчных знаков проектировались выше прописных по принципу *die Großschreibung* (капитализация письма).

Намеренным было «компромиссное» использование футуры в нацистских пропагандистских изданиях, на плакатах конца 1930-х гг. в стратегии «новой имиджизации», международного позиционирования гитлеровского режима. Это отразилось в дизайне шрифтового оформления эмблем, постеров, объявлений и печатной продукции для важнейших в политике Третьего рейха акций. Например, для выставок под эгидой *Kulturkampf* против т. н. «дегенеративного искусства» (1936–1941 гг.), для Всемирной выставки (Брюссель, 1935 г.), на XI летних и IV зимних Олимпийских играх (Берлин, Гармиш-Партенкирхен, 1936 г.). Хотя на игры в Берлине в германскую команду не были допущены евреи, вуалировалось превосходство «белой и арийской рас» – при подготовке были убраны юдофобские лозунги и объявления с «немецким шрифтом» [Beinert 2001]. Впрочем, на эмблеме летних игр – колоколе – надпись *Ich rufe die Jugend der Welt!* (Я призываю молодежь мира!), за которой мыслилась фигура Гитлера, была выполнена фрактурой, а дайджест летних игр *Olympia Zeitung* содержал фрактурные титульные вставки в заметках о германских атлетах (рис. 7).

Рисунок 7 – Выставка «Дегенеративное искусство» и Олимпийские игры: плакаты и эмблемы
Figure 7 – Exhibition «Degenerate Art» and the Olympic Games: posters and emblems

Машинописные тексты в Третьем рейхе в основном выполнялись антиквой. Хотя производство печатных машинок ориентировалось на международный рынок, крупные фирмы (Adler, Organprivat, Continental) выпускали модели с фрактурой. Несмотря на технически сложную реализацию готики (непропорциональность шрифта, особенно прописных букв, как следствие – трудности для чтения), замены шрифтов на печатных машинках по требованию радикального издательского *Fraktur-Bund* («Союз за фрактуру») не состоялись (рис. 8).

Отметим, что позиция высшего нацистского руководства в «противостоянии шрифтов» в этот период не была единой. В речах на заседании НСРПГ по вопросам культуры, на партийном съезде осенью 1934 года Гитлер иронически оценил «графи-

ческий» вопрос как «уход в себя в готике» в виде надуманного некоторыми соратниками романтического ретроградства, непонимания сути немецкого [Харькова 2008, с. 73; Beck 2006, S. 253]. В рейхстаге он сказал: «Ваша так называемая готическая интернализация неуместна в наш век <...> дерзких устремлений. Через сто лет наш язык будет языком всей Европы. Нации на востоке, севере и западе будут разговаривать с нами, используя наш язык. Необходимое условие для этого: заменить шрифт, который мы сейчас называем готическим, на тот, что мы ранее называли латинским» [Клемперер 1988, с. 23].

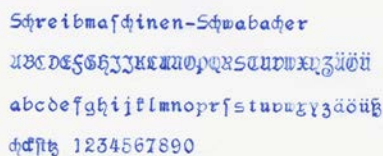

Рисунок 8 – Образец машинописного готического шрифта
Figure 8 – Sample of typewritten Gothic font

В контексте рассуждений о «соответствующей идеалам ясности и целесообразности антиквы», эти оценки не были эксплицитно отрицательными в отношении готики, которую сам Гитлер использовал на письме [Вульф 2003, с. 212]. Чаще и более резко он дебатировал по вопросам орфографии. За доминирование «исконно немецкой графики» выступал упомянутый рейхсминистр внутренних дел В. Фрик, потребовав замену печатных машинок в ведомстве на аппараты с готическим шрифтом.

Конец 1930-х гг. отмечен в идеологическом дискурсе Третьего рейха семиотическим маркированием фразатуры в новых сценариях территориально-политической экспансии в соседние немецкоязычные государства и регионы и реализации доктрины по сплочению немцев в единую «народную общность (*Volksgemeinschaft*)». Символично оформление фразатурой агитброшюры о «народном единстве» и бланка состоявшегося (с вводом контингента вермахта!) квазиреферендума двух стран о присоединении весной 1938 года Австрии – «родины фюрера», обозначенного как «повторное воссоединение (*Wiedervereinigung*) с Германским рейхом». Страна объявлялась «старейшей восточной маркой немецкого народа (*die älteste Ostmark des deutschen Volkes*)». С 1938 года закреплялось название преобразованной в имперский округ Австрии как «Восточной марки (*Ostmark*)» в ее единстве с «Алтреих (старой империей)» в составе «Großdeutschland (Великой Германии)» (VdNS, S. 26–27). «Аншлюс соплеменников» увеличил территорию рейха на 17 %, население – на 10 % (на 6,7 млн), а в вермахт включились 6 сформированных в Австрии дивизий (рис. 9).

Следующим сценарием стала открыто агрессивная экспансия Третьего рейха в отношении Судетской области Чехословакии осенью 1938 года под предлогом защиты этнических немцев (переселенцы с XIII века) на «старой родине», превращение ее в имперский округ Судеты (*Reichsgau*

Sudetenland) со столицей в Райхенберге (бывший чешский Либерец). Это также орнаментировалось фразатурой в пропагандистской печати, на плакатах, почтовых знаках [Antigua-Fraktur-Streit] (рис. 10).

Рисунок 9 – Бланк и брошюра плебисцита по «присоединению» Австрии
Figure 9 – Form and brochure of the plebiscite on the «annexation» of Austria

Рисунок 10 – Аннексия Судет: почтовая открытка и марка (1938 г.)
Figure 10 – Annexation of the Sudetenland: postcard and stamp (1938)

Примечательно, что присоединение Австрии и Судет к Третьему рейху не сопровождалось постановкой вопроса реформы и «единения» общенемецкой орфографии. Исследователи отмечают как парадокс: основные «<...> немецкоязычные территории Европы (за исключением Швейцарии) так или иначе находились под контролем национал-социалистов, то есть наступило, как казалось, время для проведения орфографической реформы и создания правописания, которое было бы единым для всего немецкого народа. Тем не менее <...> не было принято никакого орфографического декрета» [Вульф 2003, с. 210].

Масштабная антисемитская погромная акция ноября 1938 года в Германии и в присоединенных Австрии и Судетской области – «Кристалльная ночь (*Reichs-Kristallnacht*)» – была отмечена агрессивными листовками, лозунгами, баннерами отрядов штурмовиков СА как ее ведущей силы, также выполненными готическим типо-шрифтом, что нацисты активно практиковали в расистских сценариях еще на рубеже 1930-х гг.

Рукописный «национальный шрифт» первоначально также успешно реализовался в Третьем рейхе. Так, в 1935 году «зюттерлин» с вариациями официально стал единственным нормативным немецким почерком для школ. Этот курсивный формат широко использовался и печатно-визуально на протяжении всех 1930-х гг., особенно в стилизованных надписях на зданиях, в рекламе, на обложках книг и открытках, а также и на нацистских плакатах (рис. 11).

Рисунок 11 – Фрагмент плаката СА *Ans Gewehr!* (*К оружию!*) курсивом «зюттелин» (начало 1930-х гг.)
Figure 11 – Fragment of the SA poster *«Ans Gewehr!* (*To arms!*)» in italics «*süttelin*» (early 1930-ies)

1939–1941 гг. – период активной территориально-политической экспансии нацистской Германии и реализации курса на завоевание мирового господства, связанного с этим максимального расширения территории рейха. Нацистское руководство идеологически обосновало это обретением *Lebensraum* (жизненного пространства) для этнических немцев (VdNS 2007, S. 275). Языковая политика нацизма трансформировалась на этапе начала его военной «инвазии» провозглашением «Великогерманской империи (*Großdeutsches Reich*)», проявлением теперь уже «внешнего» *Kulturkampf*, школьной реформой, установкой на германизацию захваченных территорий.

В 1939 году тема фразы стала все более увязываться с нацистской антисемитской идеологией, с нарочитой конспирологией т. н. «еврейского заговора» как ее центральной доктриной, с практикой «национальной / этнической чистки», связанной с ней реализацией доктрины этнонационального «культурного превосходства». В итоге произошла парадоксальная смена вектора оценки и позиций «народной графики».

Диффамация, запрет фразы и «нормальный шрифт»

С началом и в ходе Второй мировой войны, последовательной агрессии Германии против соседних государств доминанта в «споре антиквы и фразы» вдруг резко изменилась, появилась новая установка на т. н. *Deutsche Normal-Schrift* (немецкое нормативное письмо). Неожиданно 3-го января 1941 года вышло закрытое распоряжение НСРПГ – внутренняя канцелярская директива от имени рейхслайтера Мартина Бормана, начальника партийного штаба заместителя Гитлера Рудольфа Гесса, как поручение фюрера. Эта директива ведомства Гесса – рейхсминистра без портфеля, курировавшего политическое руководство в стране, – маркировала первенство партийной идеологии над государственными структурами. Документ, получивший название *der Schrifterlass* (предписание о шрифте), был выполнен машинной антиквой, но на партийном бланке с шапкой на фразе, что выглядело символично [Gugel 2006].

В лаконичном тексте «новогоднего» циркуляра всем партийным руководителям с пометой «Не для публикации!» предписывалось: *Die sogenannte gotische Schrift als eine deutsche Schrift anzusehen oder zu bezeichnen ist falsch. In Wirklichkeit besteht die sogenannte gotische Schrift aus Schwabacher Judenlettern. Genau wie sie sich später in den Besitz der*

Zeitungen setzten, setzten sich die in Deutschland ansässigen Juden bei Einführung des Buchdrucks in den Besitz der Buchdruckereien und dadurch kam es in Deutschland zu der starken Einführung der Schwabacher Judenlettern. Am heutigen Tage hat der Führer <...> entschieden, dass die Antiqua-Schrift künftig als Normal-Schrift zu bezeichnen sei. Nach und nach sollen sämtliche Druckerzeugnisse auf diese Normal-Schrift umgestellt werden. Sobald dies schulbuchmäßig möglich ist, wird in den Dorfschulen und Volksschulen nur mehr die Normal-Schrift gelehrt werden. Die Verwendung der Schwabacher Judenlettern durch Behörden wird künftig unterbleiben; Ernennungsurkunden für Beamte, Strassenschilder u. dergl. werden künftig nur mehr in Normal-Schrift gefertigt werden <...> [Gugel 2006].

Сообщалось о принятии фюрером «авторитетного» решения коллективно в беседе в резиденции с соратниками – рейхслайтером по делам прессы, гендиректором центрального издательства НСРПГ Максом Аманном и крупным мюнхенским издателем Адольфом Мюллером, работавшим по заказам Аммана, печатавшим, в частности, главную газету нацистской партии *Völkischer Beobachter* и массовые тиражи *Mein Kampf*.

Согласно установкам директивы, шрифт «антиква» следовало впредь обозначать как *die Normal-Schrift* (нормальный, нормативный, обычный). Контроль за исполнением сценария поручался Аманну первоначально только в отношении печати распространяемых за рубежом германских изданий СМИ. Примечательно обозначение этого «действия» широкозначным глаголом с предлогом *umstellen auf* (перестраивать, переключать, переводить на), имевшего терминологический оттенок значения в сфере электротехники (DWDS). Оттуда нацисты нередко заимствовали лексические единицы, трансформируемые в идеологемы и термины своей юрисдикции (ср.: *der Anschluss* «подключение → присоединение (т. е. аннексия)», *die Gleichschaltung* «подсоединение → унификация», *das Gleichschaltungsgesetz* «закон о единстве (идеологии)») [Клемперер 1998, с. 185].

Показательно обозначение готики как *die sogenannte* (так называемая) в стилистике собственной нацистской пропаганды диффамации, лишение ее права называться и быть признанной «немецкой графикой». Она объявлялась состоящей из т. н. *Schwabacher Judenlettern* (швабахских еврейских литер). Типично нацистский неологизм-композит *die Judenletter* с характерным определяющим словом пополнил окказиональный ряд объемного антисемитского оскорбительного лексикона и «расовых терминов» (ср.: *Judenbegriff, Judenstämming, Judenfrage, Judenaktion, Judengenosse*), утвердившихся в практике «этнических чисток» и с принятием закона о гражданстве 1935 года. Лексема *der Jude* стала в речевом и медийном узусе Третьего рейха средством поношения, стигматизации (ср. обозначение Веймарской республики как *die Judenrepublik*) (VdNS 2007, S. 328–329).

Примечательно и использование типографского термина «литера», указывавшего на установку на ликвидацию «еврейского засилья» в печати СМИ. Но привязка шрифта «швабахер» к «сионистскому наследию» была абсурдной. Выдвигалось ложная идеологема о «еврейской собственности» в ранней печати, хотя владельцами типографий в Германии в то время могли быть только христиане: «Точно так же, как они позже стали владельцами газет, евреи, живущие в Германии, стали владельцами печатных станков, когда было введено книгопечатание, и это привело к широкому распространению швабахских еврейских литер в Германии» [Antigua-Fraktur-Streit].

Как разновидность готического письма *Schwabacher* (швабахер, швабах) зародился в ранней немецкоязычной печати конца XV века, имея округленные, широкие очертания букв. Этот типо-шрифт доминировал в Германии до середины XVI века, использовался в печати библии Лютера и его последователями, но был вытеснен фразатурой, оставаясь популярным в дальнейшем как графический текстовый маркер [Beinet 2001] (рис. 12).

Schriftbeispiel für die Alte Schwabacher

Рисунок 12 – Образец старопечатного шрифта «швабахер»

Figure 12 – Sample of the old printed font «Schwabacher»

Показательно в этой связи, что в оскорбительных антисемитских надписях на плакатах, в слоганах и изданиях нацисты использовали в немецком тексте, в частности при передаче «расовых терминов», своеобразные аллографические искажения – стилизации букв древнееврейского письма, используемого в иврите, идиш и других языках еврейских диаспор, радикально преследуемых при реализации «расовых законов» и в холокосте. Во время упомянутых акций «книгосожжения» 1933 года звучали требования заставить книгоиздателей-евреев печатать немецкоязычную продукцию, авторство которой принадлежало евреям, только буквами своего древнееврейского письма. В качестве акта антисемитской стигматизации Геббельс в 1937 году запретил «еврейским издательствам» использовать фразатуру в печати.

Инспирируемые «квазисемитские знаки» немецкой графики нередко маркировались желтым цветом, используемым и на «Желтой звезде» («желтый знак», «знак позора»), которую с 1939 года обязаны были носить на одежде все евреи. Наглядные примеры – плакаты крупнейшей антисемитской передвижной выставки *Der ewige Jude* («Вечный еврей») (1937–1939 гг.) и театрального релиза одноименного пропагандистского фильма, снятого по заказу ведомства Геббельса в 1940 году. Но привязка этого «графического компромата» к шрифту «швабахер» не выдерживала критики, являясь индикатором подготовки нацистами общественного мнения в поддержку «окончательного решения еврейского вопроса» в 1941–1945 гг. в Европе (рис. 13).

Рисунок 13 – Образцы древнееврейского алфавита и стилизации на антисемитских плакатах и «желтой звезде»
Figure 13 – Examples of the Hebrew alphabet and stylization on anti-Semitic posters and the «yellow star»

Кроме поэтапного запрета использования фразатуры в печати директива НСРПГ указывала на перевод преподавания в школах всех типов доминантно на «нормативный шрифт» на базе новых учебников при обучении чтению и на письме. Органам официальной власти запрещалось использовать «швабахские еврейские литеры»: в свидетельствах о назначении на должность госслужащих, в уличных указателях и т. п. следовало впредь преимущественно использовать «нормативный шрифт». Поскольку немедленное исполнение указания было организационно сложным и затратным технически и экономически (в частности, в виду дефицита с началом войны металла для литья литер, сложностей перекодировки оформления почтовых отправлений и пр.), акцентировались необходимость подготовки, постепенность и умеренность в его реализации [Gugel 2006]. Показательно, что 12-е издание фундаментального словаря немецкого языка Дудена в июле 1941 года вышло еще готическим шрифтом.

Предвестниками сформулированной в указе «смены вех» стали некоторые лингвополитические тренды. Так, в конце марта 1940 года в министерстве Геббельса состоялись закрытые совещания по переводу на печать антиквой всех распространяемых за рубежом пропагандистских материалов. В мае 1940 года в упомянутом центральном издательстве НСРПГ начала регулярно выходить новая газета, вскоре ставшая самой массовой и востребованной, – *Das Reich* под патронажем Геббельса, полностью набираемая антиквой. Появление этого воскресного еженедельника совпало с нападением Германии на Нидерланды, Бельгию и Францию. Набор заглавия петитом и форма определенного артикаля придавали ему выделительно-идентифицирующее значение. Издание качественно отличалось от тенденциозно-стандартной нацистской партийной прессы, гибко реализуя политику «украшательства режима», ориентируясь также на зарубежного читателя, особенно на часть симпатизировавшей Третьему рейху интеллигенции [Beck 2006, S. 252–253].

Вероятнее, что появление нового лозунга *Antiqua als Normal-Schrift!* («Антиква – нормативная графика!») и запрет готики были связаны и с рядом других не до конца ясных аргументов в нацистской языковой политике. Во-первых, трудночитаемая фразатура якобы усложняла пропаганду в «восточных землях рейха». Во-вторых, якобы жители оккупированных стран, в особенности языки которых базировались на латинице, «вольнона-

емные» и массово ввозимые для принудительно-го труда иностранные рабочие, эксплуатируемые заключенные-западноевропейцы не могли читать тексты с фразатурой в отличие от антиквы [Antiqua-Fraktur-Streit].

Впрочем, это не согласовывалось с упомянутой традицией сохранения печатной готики в ряде стран Европы, в частности в Скандинавии и в Прибалтике, длительно находившихся под влиянием еще кайзеровской Германии. Лидеры пронацистских режимов и движений в Европе, а также радикальных консервативных этнонационалистических организаций в самой Германии, например *Völkische Bewegung* (Народное движение), или креатуры СС *Volksdeutsche Mittelstelle* (Управление связей с этническими немцами) – нацистской структуры по регулированию «этнической колонизации» и деятельности коллаборантов в зарубежье, для которых фразатура была символом и инструментом их «идентичности», с непониманием относились к переводу на антикву [Beck 2006, S. 260].

Возможно, что повлияла установка на ускоренное «решение еврейского вопроса» (с 1942 г.) или имело место личное предубеждение Гитлера. Так, в 1940 году он распорядился, в частности, в связи с «конфликтом шрифтов» умерить в стране прежние проявления «языкового пуризма» [von Polenz 1978, S. 162]. Демонстративная реформа по внедрению *Normal-Schrift* включилась в план по активному «онемечиванию» и введению немецкого языка в завоеванных странах (VdNS 2007, S. 561).

Так, внедрение немецкого языка на оккупированной территории СССР (т. н. активный словарь; «германизация» топонимики; замена кириллицы на латиницу как десоветизация; обучение немецкому языку местного населения, медиатексты военных властей) как интенции военной администрации отразили корректировку практик «внешней» языковой политики [Дацишина 2012, с. 66–69]. Это согласовывалось с упомянутым тезисом Гитлера: «Через 100 лет наш язык станет языком всей Европы. При его изучении необычность букв не должна быть препятствием. Почему именно эти барочные завитки должны быть выражением немецкости?» [Харькова 2008, с. 76].

Получили обоснование в связи с «освободительной войной против большевистского СССР» и искоренением *Kulturbolschewismus* новая идеология нацистов *Verteidigung des Abendlandes* (защита Запада), переориентация на «европейскость». Это делало прежнюю дискриминацию антиквы 1930-х гг. более неуместной [von Polenz 1978, S. 162]. Нацисты позиционировали себя как лидеры в этом «цивилизационном противостоянии». Использование как ключевого слова архаичного поэтизма *das Abendland* (калька с лат. *occidens*) вместо нейтрального *der Westen* маркировало признание восходящего к классической античности (*die Antike*) культурно-исторического единства европейских народов, нуждающегося именно в их защите (DWDS; VdNS 2007, S. 360).

С сентября 1941 года в школах рейха исключались обучение письму по прежнему стандарту 1935 года и использование шрифта Зюттерлина, где усматривались «нежелательные» теперь элементы фразатуры. Знакомство школьников с печатной фразатурой предполагало лишь навыки чтения в начальных классах ранее изданных книг, приоритетом объявлялось «латинское письмо» (антиква). Новый учебный стандарт вступил в силу с 1942 года, и старшекласники, ранее изучавшие готику, переучивались на антикву. Впрочем, переход на антикву на письме снял проблему диглифии в латинице для начинающих изучать иностранные языки, поскольку написание (графические знаки) стало единообразным с родным языком [Gugel 2006] (рис. 14).

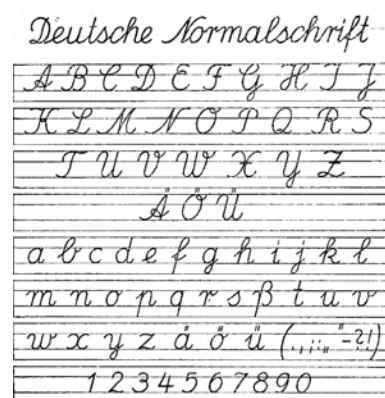

Рисунок 14 – Стандарт «немецкого нормативного письма» (1942 г.)

Figure 14 – Standard of «German normative writing» (1942)

Но многие немцы, изучавшие в школе родной язык по прежним стандартам, а это целое поколение, особенно старшее, жившее в Третьем рейхе и в Великогерманской империи, продолжало в 1940-е гг. использовать в быту на письме «зюттерлин». Печатная продукция начала 1940-х гг., особенно деловая, рекламная, формулярная, пресса и наружная реклама (указатели, вывески и пр.) пестрили чересполосицей антиквы и «остатков» готики. Между поколениями немцев в письменной коммуникации возникал определенный «шрифтовой барьер», смягчение и преодоление которого требовало времени. Впрочем, «поколенческие вопросы» решались нацистами в стратегии привлечения на свою сторону именно молодежи, поддерживающей их начинания, которые не всегда принимали «старшие».

Символично, что нацисты в своих пошатнувшихся планах «борьбы за еврокультуру» в трагически переломном для Германии во Второй мировой войне 1943 году аргументировали необходимость национального издания произведений Фридриха Шиллера в наборе именно антиквой: «...> *um allen Völkern das Studium der deutschen Sprache und das Lesen deutscher Literatur zu ermöglichen* (чтобы для всех народов сделать возможным изучение немецкого языка и чтение немецкой литературы) [Beck 2006, S. 254].

Отметим, что это смешение фразатуры и антиквы своеобразно затронуло и более консервативный в своей семиотике милитарный дискурс в оформлении печатной продукции, например для вермахта конца 1930-х – 1944 гг.: словари-разговорники, пропагандистские брошюры, листовки, вывески, многообразная популярная и учебная литература, т. н. «литература для ранца (*Tornister-Literatur*)». Поспешное переформатирование прежнего «национального графического кода» снижало ее манипулятивный потенциал по последовательному формированию идейных самонастроек истинного «арийского армейца рейха» [Дубинин 2021, с. 68].

Впрочем, перевод с 1941 года печати для вермахта на антикву выполнял смежную задачу в развязанной в 1941 году агрессии против СССР, декларируемой как «победоносная война на востоке» [Дубинин 2023, с. 72]. Это касалось, в частности, ориентации печати на военный контингент из государств-союзников Германии, где национальные языки использовали антикву (Италии, Венгрии, Финляндии, Румынии), а также на «добровольцев» из оккупированных европейских стран с коллаборационистскими «квазиправительствами» / администрациями, на коллаборантов из числа этнических немцев (т. н. *Volksdeutsche*). В 1943 году вермахт разработал «Основные направления по обучению добровольных помощников», которые составляли до 15–20 % его численности. Они стали «спасительной» креатурой – продуктом идеологической и поспешной языковой политики Третьего рейха на последнем катастрофическом этапе войны 1944–1945 гг.

Например, один из последних продуктов нацистской военной печати для нужд обучения восполнявших ряды несущего огромные потери вермахта, не владевших немецким языком иностранных «легионеров» и «добровольных помощников» «Немецкий для солдат» (1944 г.)¹ выполнен антиквой. Он имел формат одноязычного словарного самоучителя (словаря картинок). Целевой контингент обозначен как *unsere neuen Verbündete* (наши новые союзники), которые должны влиться в ряды товарищества бойцов – защитников Европы (*sich einreihen in die Kampfgenossenschaft Europas*).

В наборе слов печатными инициалами для удобства чтения большинство надписей и образцы букв раздела *Bilder ABC* (алфавит) даны также «новым» курсивом, чтобы «инорекруты» распознавали немецкие рукописные формы. Вверху титула переизданий пособия приведены его основные смысловые установки: *Was ist? Wie heißt? Was machen?* (Что это? Как называется? Что делать?) – и курсивом «зюттерлин», и «новым» письмом (рис. 15).

¹ *Bildsprecher. Deutsch für Soldaten* / Hrsg. von W. Bode. Berlin, 1944. Teil 1. 83 S.; Teil 2. 116 S.

Рисунок 15 – Шрифтовое оформление обложек пособия для рекрутов (1944 г.)

Figure 15 – Font design for the covers of the recruiting manual (1944)

От пользователя требовалось умение графически декодировать («прочитать») и произнести немецкие слова (без требования правильной орфографии), идентифицируя их визуально из предметно-ситуативных сфер военной подготовки рекрута (*durch einsehen und begreifen*). Содержательный анализ показал сомнительность декларируемого высокого прагматического потенциала пособия для его использования рекрутами иноязычного воинского контингента, поспешность попытки их языковой интеграции в ряды вермахта [Дубинин 2021, с. 68–69].

Выводы

Языковая политика Третьего рейха в ее внутренних и внешних стратегиях определялась в вопросах нормативной немецкой графики – особого культурно-семиотического языкового знака – несколькими идеологическими установками национал-социализма при реализации сменявшихся диктаторско-политических, антисемитских, экспансионистских сценариев 1930–1940-х гг. без учета закономерностей развития языковой формы (графики) в ее связи с орфографией, в частности принципов типографики. Фрактур, внедряемая на национальном уровне как «истинно немецкий шрифт», «этнический код», была алогично заменена на «нормативный шрифт» – отвергаемую нацистами до этого антикву. Переломным моментом во внешней языковой политике в аспекте «противостояния шрифтов» стала попытка реализации Третьим рейхом сверхстратегии во Второй мировой войне по завоеванию «жизненного пространства», идеологического, культурного доминирования в Европе.

Являясь во многом вторичной наследницей «имперского кайзеровского периода», отличаясь спонтанностью, эклектичностью, преувеличенной прескриптивностью, в своей реализации языковая политика тоталитарного режима национал-социалистов, пройдя через увлечение внеалфавитной идеографической символикой (руны) и апробацию «альтернативного шрифта» (футура), неожидан-

но «разрешила проблему» диглифии немецкого литературного языка, «отменив» фрактуру. Символично, но своим крахом нацистская диктатура открыла перспективу графической рецепции и функционирования немецкого языка в послевоенном сообществе традиционно использовавших латиницу (антикву) языков, в изучении его как иностранного.

Перспективным продолжением темы в диахронии о «противоборстве шрифтов» может быть исследование стратегий в отношении графики языков славянских национальных меньшинств (сорбы, кашубы) в Третьем рейхе и нацистских сценариев замены кириллицы на латиницу в странах Восточной Европы, анализ «возрождения готики» в дискурсе современного неонацизма.

Материалы исследования

DWDS – *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. URL: <https://www.dwds.de>.

VdNS 2007 – *VdNS: Vokabular des Nationalsozialismus* / Hrsg. von C. Schmitz-Berning. 2. Aufl. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2007. 717 S.

Библиографический список

Antigua-Fraktur-Streit – *Antigua-Fraktur-Streit*. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Antigua-Fraktur-Streit>.

Beck 2006 – *Beck Fr.* «Schwabacher Judenlettern» – Schriftverruß im Dritten Reich // Die Kunst des Vernetzens. Festschrift für W. Hempel / Hrsg. von B. Brachmann u.a. Berlin: Verlag für Berlin-Brandenburg, 2006. S. 251–270.

Beinert 2001 – *Beinert W.* Das Lexikon der westeuropäischen Typographie. 2001. URL: <http://www.typolexikon.de/schriftgeschichte.html>.

Gugel 2006 – *Gugel M.* Fokus Fraktur. veraltet, verspottet – vergessen? Ein Portrait. 2006. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:Michaelgugel-fokusfraktur.pdf>.

Hartmann 1998 – *Hartmann S.* Fraktur oder Antigua. Der Schriftstreit von 1881 bis 1941. Frankfurt am Main; New York: Peter Lang, 1998. 438 S.

von Polenz 1978 – *von Polenz P.* Geschichte der deutschen Sprache. 9 Aufl. Berlin – New York: W. de Gruyter, 1978. 226 S. URL: <https://content.fimsschools.com/academy.fims.org.pk/Geschichte%20der%20deutschen%20Sprache.pdf>.

Rück 1993 – *Rück P.* Die Sprache der Schrift. Zur Geschichte des Frakturverbots von 1941 // Homo scribens / Hrsg. von J. Baurmann. Tübingen, pp. 231–272. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783111377087.231>.

Вульф 2003 – *Вульф Н.В.* Немецкая орфография и нацистская идеология: история двух неудавшихся реформ // Acta linguistica Petropolitana: труды Института лингвистических исследований. Санкт-Петербург: Наука, 2003. Т. 1 (1). С. 205–218.

Дацишина 2012 – *Дацишина М.В.* Язык как инструмент власти: немецкий язык для временно оккупированных советских территорий 1941–1944 гг. // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 66–87. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2012-1/66-87>.

Дубинин 2007 – *Дубинин С.И.* Первые немецкие двуязычные словари: тип текста и языковая культура 16 века // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы междунар. научной конференции / ред. Н.А. Илюхина, Н.К. Данилова. Самара: СамГУ, 2007. С. 247–248. URL: http://repo.ssau.ru/bitstream/YaZYK-I-KULTURA-V-ROSSII-SOSTOYANIIE-I-EVOLUCIONNYE-PROCESSY/Pervye-nemeckie-dvuyazychnye-slovari-tip-teksta-i-yazykovaya-kultura-XVI-veka-104798/1/978-5-86465-403-3_2007-247-248.pdf.

Дубинин 2021 – *Дубинин С.И.* Немецкоязычный репертуар «добровольного помощника вермахта» // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. Вып. 6. Самара: ЦПИ, 2021. С. 68–81. URL: http://repo.ssau.ru/bitstream/EVOLUCIYa-I-TRANSFORMACIYa-DISKURSOV/Nemeckoyazychnyi-repertuar-«Dobrovolnogo-pomoshnika-vermahta»-96626/1/2414-5882_2021-68-81.pdf.

Дубинин 2023 – *Дубинин С.И.* Двуязычный словарь-разговорник как креализованный текст в милитарном дискурсе // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. Вып. 8. Самара: ЦПИ, 2023. С. 57–72. URL: https://vk.com/wall-211063627_585.

Едличко 2015 – *Едличко А.И.* Язык Третьего рейха и тенденции его проявления в современном немецком протестном дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 80–92. URL: <https://istina.ips.ac.ru/publications/article/11967598>.

Зиндер 2003 – *Зиндер Л.П.* Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. Москва: ИЦ «Академия», 2003. 160 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001834518.

Клемперер 1998 – *Клемперер В.* ЛП. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А.Б. Григорьева. Москва: Прогресс-Традиция, 1998. 381 с. URL: https://imwerden.de/pdf/klemperer_yazyk_tretjego_reicha_1998_ocr.pdf?ysclid=hz831r4m6m310986444.

Костева 2011 – *Костева В.М.* Европейские проекты реформ орфографии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 1 (7). С. 59–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17673386>. EDN: <https://elibrary.ru/owtkqd>.

Креолизованные тексты 2017 – *Креолизованные тексты* в различных видах дискурса (на материале англ. языка): коллективная монография / под общ. ред. М.А. Кулинич. Самара: СГСПУ, 2017. 158 с.

Миры дискурса 2015 – *Миры дискурса*: монография / под ред. Н.К. Даниловой. Самара: Самарский университет, 2015. 240 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24088164>. EDN: <https://elibrary.ru/uhddul>.

Филичева 1992 – *Филичева Н.И.* Немецкий литературный язык. Москва: Высшая школа, 1992. 176 с. URL: <https://klex.ru/149q?ysclid=1z87jfa831798037425>.

Харькова 2008 – *Харькова О.В.* Шрифт как инструмент воздействия на массовое сознание в прессе Третьего рейха // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. № 1. С. 71–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shrift-kak-instrument-vozdeystviya-na-massovoe-soznanie-v-pressе-tretiego-reyha/viewer>.

References

Antigua-Fraktur-Streit – *Antigua-Fraktur-Streit*. Available at: <https://de.wikipedia.org/wiki/Antigua-Fraktur-Streit>.

Beck 2006 – *Beck Fr.* (2006) «Schwabacher Judenlettern» – Schriftverruß im Dritten Reich. In: *Die Kunst des Vernetzens*. Festschrift für W. Hempel. Hrsg. von B. Brachmann u.a. Berlin: Verlag für Berlin-Brandenburg, pp. 251–270.

Beinert 2001 – *Beinert W.* (2001) Das Lexikon der westeuropäischen Typographie. Available at: <http://www.typolexikon.de/s/schriftgeschichte.html>.

Gugel 2006 – *Gugel M.* (2006) Fokus Fraktur. veraltet, verspottet – vergessen? Ein Portrait. Available at: <https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:Michaelgugel-fokusfraktur.pdf>.

Hartmann 1998 – *Hartmann S.* (1998) Fraktur oder Antigua. Der Schriftstreit von 1881 bis 1941. Frankfurt am Main/New York: Peter Lang, 438 S.

von Polenz 1978 – *von Polenz P.* (1978) Geschichte der deutschen Sprache. 9 Aufl. Berlin – New York: W. de Gruyter, 226 S. Available at: <https://content.fimsschools.com/academy.fims.org.pk/Geschichte%20der%20deutschen%20Sprache.pdf>.

Rück 1993 – *Rück P.* (1993) Die Sprache der Schrift. Zur Geschichte des Frakturverbots von 1941. In: Baurmann J. (Hrsg.) *Homo scribens*. Tübingen, S. 231–272. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783111377087.231>.

Wulff 2003 – *Wulff N.V.* (2003) German orthography and Nazi ideology: the story of two failed reforms. In: *Acta Linguistica Petropolitana: proceedings of the Institute of Linguistic Research*. Saint Petersburg: Nauka, vol. 1 (1), pp. 205–218. (In Russ.)

Datsishina 2012 – *Datsishina M.V.* (2012) Language as an instrument of oppression: German on the temporarily occupied Soviet territories, 1941–1944. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 1, pp. 66–87. Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2012-1/66-87>. (In Russ.)

Dubinina 2007 – *Dubinina S.I.* (2007) First German bilingual dictionaries: text type and language culture of the XVI century. In: *Ilyukhina N.A., Danilova N.K. (Eds.) Language and culture in Russia: state and evolutionary processes: materials of the international scientific conference*. Samara: SamGU, pp. 247–248. Available at: http://repo.ssau.ru/bitstream/YaZYK-I-KULTURA-V-ROSSII-SOSTOYANIE-I-EVOLUCIONNYE-PROCESSY/Pervye-nemeckie-dvuyazychnye-slovaritip-teksta-i-yazykovaya-kultura-XVI-veka-104798/1/978-5-86465-403-3_2007-247-248.pdf. (In Russ.)

Dubinina 2021 – *Dubinina S.I.* (2021) German speaking Repertoire of the voluntary assistant of the Wehrmacht. In: *Dubinina S.I., Shevchenko V.D. (Eds.) Evolution and transformation of discourses: collection of scientific articles. Vol. 6*. Samara: TsPI, pp. 68–81. Available at: http://repo.ssau.ru/bitstream/EVOLUCIYa-I-TRANSFORMACIYa-DISKURSOV/Nemeckoyazychnyi-repertuar-«Dobrovolnogo-pomoshnika-vermahta»-96626/1/2414-5882_2021-68-81.pdf. (In Russ.)

Dubinina 2023 – *Dubinina S.I.* (2023) Bilingual dictionary as a creolized text in military discourse. In: *Dubinina S.I., Shevchenko V.D. (Eds.) Evolution and transformation of discourses: collection of scientific articles. Vol. 8*. Samara: TsPI, pp. 57–72. Available at: https://vk.com/wall-211063627_585. (In Russ.)

Edlichko 2015 – *Edlichko A.I.* (2015) The language of the Third Reich and its manifestations in modern German protest discourse. *Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 80–92. Available at: <https://istina.ips.ac.ru/publications/article/11967598/>. (In Russ.)

Zinder 2003 – *Zinder L.R.* (2003) Theoretical course of phonetics of modern German language. Moscow: ITs «Akademija», 160 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001834518/. (In Russ.)

Klemperer 1998 – *Klemperer V.* (1998) LTI. The language of the Third Reich. Notebook of a philologist. Translation from German by A.B. Grigoriev. Moscow: Progress-Traditsiya, 381 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/klemperer_yazyk_tretjego_reicha_1998__ocr.pdf?ysclid=1z831r4m6m310986444. (In Russ.)

Kosteva 2011 – *Kosteva V.M.* (2011) European projects of spelling reforms. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 1 (7), pp. 59–67. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17673386>. EDN: <https://elibrary.ru/owtkqd>. (In Russ.)

Creolized texts... 2017 – *Kulinich M.A.* (Ed.) (2017) Creolized texts in various types of discourse (based on the material of the English language): collective monograph. Samara: SGSPU, 158 p. (In Russ.)

Worlds of Discourse 2015 – *Danilova N.K. (Ed.)* (2015) Worlds of discourse: monograph. Samara: Samarskii universitet, 240 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24088164>. EDN: <https://elibrary.ru/uhddul>. (In Russ.)

Filicheva 1992 – *Filicheva N.I.* (1992) German literary language. Moscow: Vysshaya shkola, 176 p. Available at: <https://klex.ru/149q?ysclid=1z87jfa831798037425>. (In Russ.)

Kharkova 2008 – *Kharkova O.V.* (2008) Font as a tool for influencing mass consciousness in the press of the Third Reich. *Lomonosov Philology Journal*, no. 1, pp. 71–78. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/shrift-kak-instrument-vozdeystviya-na-massovoe-soznanie-v-pressе-tretiego-reyha/viewer>. (In Russ.)

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-142-151

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42

Дата поступления: 19.03.2024
рецензирования: 25.04.2024
принятия: 02.09.2024

Аллюзия как средство реализации интертекстуальности в англоязычной сетевой кинорецензии

О.Р. Галиуллина

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: galiullina_olesja@rambler.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8035-7787>

Аннотация: В статье рассматриваются способы актуализации аллюзии в качестве интертекстуального элемента сетевой кинорецензии с помощью сравнительно-аналитического метода. Интертекстуальные вкрапления в текстах кинорецензии призваны продемонстрировать степень профессиональной компетентности рецензента и его интерпретационных качеств. Аллюзия, являясь стилистическим приемом реализации интертекстуальности, заключает в себе определенный претекст. Данный претекст выполняет функцию precedentного феномена, связанного с некоторым коллективным инвариантным компонентом языкового сознания. Целью данной статьи является рассмотрение в кинорецензии способов функционирования аллюзии в качестве интертекстуальной референции. Материалом данного исследования послужил корпус из 30 кинорецензий 2021–2023 гг., взятых с сайта-агрегатора рецензий Rotten Tomatoes. Выявлено, что прямая или косвенная отсылка на конкретный кинематографический феномен не только повышает общую эрудированность и осведомленность читателя, но и служит средством оказания перлокутивного эффекта при прочтении данной кинорецензии. Аллюзия, являясь средством реализации авторских прагматических интенций, выполняет сравнительно-уподобительную функцию посредством построения межтекстуальных референций. Референтами в кинорецензиях выступают названия фильмов, режиссеров, актеров и иных precedentных единиц мира кинематографа.

Ключевые слова: кинорецензия; интертекстуальность; аллюзия; precedentный феномен; отсылка; прагматика; английский язык.

Цитирование. Галиуллина О.Р. Аллюзия как средство реализации интертекстуальности в англоязычной сетевой кинорецензии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 142–151. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-142-151>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Галиуллина О.Р., 2024

Олеся Равильевна Галиуллина – преподаватель кафедры иностранных языков, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.03.2024
Revised: 25.04.2024
Accepted: 02.09.2024

Allusion as a means of implementing intertextuality in English-language online film review

O.R. Galiullina

Samara Polytech Flagship University, Samara, Russian Federation
E-mail: galiullina_olesja@rambler.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8035-7787>

Abstract: The article discusses ways to actualize allusion as an intertextual element. Intertextual inclusions in the texts of the film review are designed to illustrate the degree of professional competence of the reviewer and his interpretative qualities using the comparative analytical method. Allusion, being a stylistic device for the realization of intertextuality, contains a certain pretext. This pretext performs the function of a precedent phenomenon associated with some collective invariant component of linguistic consciousness. The purpose of this article is to consider in film review the ways in which allusion functions as an intertextual reference. The empirical material of this study was a corpus of 30 movie reviews from 2021–2023, taken from the review aggregator website Rotten Tomatoes. Direct or indirect reference to a specific cinematic phenomenon not only increases the general erudition and awareness of the reader, but also serves as a means of providing a perlocative effect when reading this film review. Allusion, being a means of realizing the author's pragmatic intentions, performs a comparative function by building intertextual references. The referents in film reviews are the names of films, directors, actors and other precedent units of the world of cinema.

Key words: movie review; intertextuality; allusion; precedent phenomenon; reference; pragmatics; English.

Citation. Galiullina O.R. Allusion as a means of implementing intertextuality in English-language online film review. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 142–151. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-142-151> (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Galiullina O.R., 2024

Olesya R. Galiullina – assistant lecturer of the Department of Foreign Languages, Samara Polytech Flagship University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

Введение

Интертекстуальность и феномен межтекстовых референций находятся в фокусе лингвистических исследований отечественных и зарубежных ученых с 60-х гг. прошлого века. В отечественной научной парадигме существенный вклад в развитие теории интертекстуальности внес М.М. Бахтин с тезисом о том, что диалог является универсальной культурной категорией и что «всякое конкретное высказывание – лишь звено в цепи речевого общения и полно ответных реакций на другие высказывания» (Бахтин 2001, с. 815). Порождение нового текста и нового смысла, по словам автора, возможно при диалогическом контакте с некоторым претекстом.

Р. Барт характеризует текст как семантически открытый, настаивает на его смысловой «неустрашимой множественности», текст движется по многочисленным траекториям, так как «бесконечно открыт в бесконечность». Таким образом, продолжает автор, любой текст является интертекстом, в котором другие тексты «проступают» с той или иной степенью узнаваемости. Барт не мыслит текста вне семиотического пространства культуры, в которое данный текст помещен и лишь в его пределах наделяется смыслом [Барт 2008, с. 115].

Интертекст является протяженным смысло-содержащим и смыслопорождающим полем с размытыми границами с избытком «бессознательных и автоматических цитат без кавычек». Ю.М. Лотман утверждает, что в каждой культуре превалирует определенный текст-код, который осознается носителями как идеальный образец [Лотман 1992, с. 78].

Жанрово-стилистические особенности кинорецензии позволяют ее отнести к интертекстуально маркированному типу текста. Кинорецензия является публицистическим типом текста, который, в свою очередь, представляет собой вторичный тип текста, по определению представляющий собой текст, созданный на основе некоторого первичного текста. Данный факт имплицитно подразумевает наличие интертекстуальности в своем самом широком смысле. Интертекстуальность, служащая важнейшим свойством текста, находит свое выражение в стилистическом приеме аллюзии. Для декодирования аллюзии читатель кинорецензии должен быть осведомлен касательно некоторой пресуппозиции (аксиоматическое убеждение, смысловой компонент текста, передающий предварительное знание, без которого невозможно раскрытие смысловой оси всего текста), а также являться носителем определенного культурного тезауруса и фоновых знаний.

Аллюзивный факт выступает условным сигналом, активирующим работу сопряженных с данным фактом ассоциаций. В основе аллюзивного факта всегда лежит некий атрибутивный признак, благодаря которому локальная ассоциация вы-

зывает унифицированную реакцию со стороны носителей определенного культурного кода. Также локализации аллюзивного факта способствует социокультурная и лингвокультурная значимость вложенных в нее концептов наиболее значимых прецедентных текстов. К тому же аллюзия обладает психолингвистическим потенциалом в силу своей прагматической направленности.

Необходимость комплексного анализа маркеров интертекстуальности в текстах кинорецензии обуславливает актуальность данного исследования, целью которого стало выявление наиболее распространенных способов реализации аллюзивного факта в англоязычной сетевой кинорецензии. Задачи данного исследования – рассмотрение понятий интертекст и интертекстуальность, анализ интертекстуального потенциала стилистической фигуры аллюзии, а также вычленение и систематизация способов и приемов реализации аллюзии в англоязычной сетевой кинорецензии.

Материалом данного исследования послужили корпус отобранных на сайте (Rotten Tomatoes) кинорецензий 2022–2023 гг. (30 текстов), обоснованность и достоверность обработки которого обеспечивалась корректным применением комплекса следующих методов: научно обоснованной методики интерпретации текста, метода суперсегментного анализа, заключающегося в учете как макроконтраста, так и связей между крупными отрезками текста. Анализ стилистического контекста был принципиален для выявления имплицитных свойств аллюзии. Корпус проанализированных кинорецензий репрезентативный по отношению к указанной проблемной области. Релевантным для нашего исследования был корпус, состоящий из кинорецензий, избыточно различными аллюзиями и отсылками. Теоретико-методологической основой исследования послужили работы и положения отечественных и зарубежных ученых, исследовавших интертекст [Кристева 1990; Деррида 1985; Барт 1977; Лотман 1981], интертекстуальность [Безруков 2005; Женетт 1983; Бушев 2021], прецедентность и прецедентные единицы [Голубева 2008; Даренский 2018; Новохачева 2005], аллюзию [Гальперин 1978; Блох 1979] (Белокурова 2006).

Данное исследование, направленное на изучение функционирования аллюзии в качестве интертекстуального элемента, способствует классификации и систематизации атрибутивных признаков функционально-семантической языковой категории интертекстуальности в текстах рецензии, в частности кинорецензии. Изучение содержательных, структурно-семантических и функциональных признаков аллюзии, а также ее экспрессивного и оценочного потенциала в текстах кинорецензии является существенным при анализе прагматического аспекта данного типа вторичного текста.

Рассмотрение понятий «интертекст» и «интертекстуальность»

Рассмотрение понятия интертекстуальности невозможно без определения понятия диалогизма. В современную лингвистическую науку понятие диалогизма пришло из литературоведения. Теоретик постструктурализма Юлия Кристева ввела понятие интертекста, который исследовательница определила как обобщение популярных идей о мировой литературе. Автор подмечает, что любой текст представляет собой наложение и видоизменение уже существующего текста [Кристева 2015, с. 54].

Французский постструктуралист Жак Деррида в своей теории знака подвергает сомнению понятие структуры произведения, его начала и конца, само название и принадлежность к конкретному автору [Деррида 2007, с. 306]. Примечательно высказывание Р. Барта о том, что «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [Барт 2008, с. 320].

Под интертекстуальностью не следует исключительно понимать осознаваемые самим автором целенаправленные заимствования, цитирования, отсылки и пародии: цепочка перекликающихся текстов порой выстраивается самопроизвольно, без авторской интенции, на уровне построения и считывания универсального (в частности, национального) культурного кода. Интертекстуальные вкрапления напрямую зависят от степени авторской эрудированности и его интерпретационных качеств (Бахтин 2001, с. 673).

М.М. Бахтин наделяет смысловую конвергенцию ключевой ролью при установлении диалогических отношений между двумя текстами, отдаленными друг от друга во времени и пространстве, а текст как культурное явление представляет собой некую монаду, которая вбирает в себя все тексты определенного смыслового поля (Бахтин 2001, с. 698).

В рамках литературоведческого подхода интертекстуальность вбирает в себя любые формы отсылок и реминисценций, которые эксплицитно и имплицитно могут устанавливаться между конкретным текстом и историческим или современным ему культурным контекстом; лингвистический подход характеризует коммуникативное отношение текста с другими текстами во всем многообразии лексических, синтаксических, стилистических и смысловых связей. Интертекстуальность в рамках лингвистического подхода всегда является лингвистически маркированной: автор целенаправленно включает в свой текст определенные отрывки претекста [Безруков 2005, с. 46].

А.Н. Безруков, анализируя функцию интертекстуальности в рамках дискурс-анализа, выводит ее в статус основополагающей для существования художественного творчества как такового. Автор, формируя свой собственный текст, осознанно или не отдавая себе полного в этом отчета, вторгает-

ся в пространство межтекстовых взаимодействий, некое закодированное поле текстовых «наслоений» и трансформаций. Декодирование данного поля со стороны читателя считается релевантным, если читатель осознает свое присутствие в определенном дискурсе со всем объемом структурно-категориальных отношений [Безруков 2005, с. 62].

Н.А. Голубева вводит понятие «прецедентная единица», которая служит содержательным и структурным фундаментом для последующих случаев ее языковой реализации. В основе прецедентной единицы лежит типизированный ассоциативно-образный кластер смыслов и значений, понятный для определенного социума и систематически транслирующийся членами данного социума [Голубева 2009, с. 93].

Ж. Женетт понимает интертекстуальность в более узком смысле, предполагая под ней непосредственное присутствие одного текста в другом путем развертывания таких художественно-стилистических приемов, как цитата, аллюзия, реминисценция и т. д. [Женетт 1998, с. 150].

А.Б. Бушев понимает интертекстуальность в широком смысле, подразумевая под ней не только совокупность предшествующих претекстов, но и множественность ментальных систем и культурно-исторических контекстов с обширным спектром денотативных и коннотативных значений. Смыслотворческая активность реципиента, продолжает автор, заключается в анализе и синтезе интертекстуальных маркеров и обнаружении предметно-культурных следов. Дискурсивный подход к трактованию интертекстуальности, согласно автору, принципиален, так как это «возможность возникновения множества смысловых толкований в динамическом процессе уточнения / проговаривания речи / письма», а интерпретатор растворяется в дискурсе, так как «дискурс в отличие от текста не зависит от создателя, он творится сам в себе». Множественные текстовые наложения, которые осуществляются путем инкорпорирования явных и неявных аллюзий, реминисценций, приводят к принципиальному функциональному компоненту интертекстуальности, а именно к трансформации коннотативных значений текста-реципиента [Бушев 2009, с. 41].

По А.Н. Безрукову, интертекстуальность выполняет следующие функции: смыслопорождающую (создающую новые смыслы), текстопорождающую (формирующую единую знаковую систему), ассоциативную (новый текст содержит в себе ассоциации на прототекст), референционную (новый текст содержит отсылки на претекст для получения вспомогательной информации), синтезирующую (связывающую воедино языковые, культурные, исторические и литературные феномены), информативную (содержащую объективные знания о мире), оценочную (передающую авторское отношение к претексту), знаковую (репрезентующую ключевые культурные и исторические события) и т. д. [Безруков 2005, с. 32].

В.Ю. Даренский разделяет интертекстуальные структуры на два вида. Первый вид автор услов-

но называет «горизонтальным», в рамках которого происходит сознательный или бессознательный переход определенных текстовых структур из одного текста в другой; «вертикальный» вид апеллирует к различным уровням интертекстуальности культуры, то есть насколько глубоко в тексте заложен тот или иной культурный инвариант. Основным культурным инвариантом является архетип, лежащий в основе «раскручивания» авторского текста: в данном случае интертекстуальность реализуется на более глубинном уровне, так как архетипический сюжет находит свое воплощение в индивидуальной авторской форме, что по сути является творческой интерпретацией устойчивых мотивов и сюжетов [Даренский 2011, с. 300].

Аллюзия как средство выражения интертекстуальности

Г.В. Денисова определяет интертекст как «наличие в тексте элементов, которые вследствие целенаправленной авторской стратегии активируют в сознании читателя другие, прочитанные им ранее, тексты». Интертекстуальные вкрапления, согласно автору, подразумевают под собой некоторые заимствованные автором фрагменты прецедентного текста [Денисова 2003, с. 41]. Аллюзия относится к интертекстуальным включениям. Н.А. Фатеева как аллюзию рассматривает использование определенных компонентов претекста, актуализирующихся в тексте-реципiente. За аллюзией всегда стоит некоторая прецедентная ситуация в той или иной сфере знания [Фатеева 2007, с. 138].

И.А. Гальперин отмечает двуплановость аллюзии, которая, функционируя в пространстве текста-реципientа, также обращена к пространству претекста. Аллюзия вводит дискретность в линейное пространство текста-реципientа, то есть читателю приходится взять некоторую когнитивную паузу от текста-реципientа и погрузиться на определенное время в претекст для последующего построения дополнительных смыслов в тексте-реципiente [Гальперин 1980, с. 317].

С.П. Белокурова определяет аллюзию как «сознательный авторский намек на общеизвестный литературный или исторический факт, а также известное художественное произведение». Автор при этом делает акцент на том, что аллюзия не сводима к некоторой цитате, фразе, узкому контексту, в который она помещена, и предполагает целостное восприятие цитирующего и цитируемого произведения при обнаружении их общей направленности (или полемичности)» (Белокурова 2006, с. 101).

Интересна и сама мотивировка использования аллюзии как стилистического художественного приема. Л.А. Машкова не делает принципиального различия между осознанным использованием отсылки на тот или иной артефакт и едва ли осознаваемым самим автором воспроизведением формы или содержания прецедентных текстов. В силу обширности понятия аллюзии возникает некоторая трудность при разграничении ее со смежными

с нею понятиями, такими как цитат, реминисценция, центон и некоторые другие [Машкова 1989, с. 30]. И.Р. Гальперин в качестве отличительной особенности аллюзии выделяет ее некоторую «вариабельность» и возможность деформации источника [Гальперин 1980, с. 356].

Аллюзия всегда отсылает на культурно-исторические продукты, которые образуют культурное наследие языка. Аллюзия также выполняет текстообразующую и текстоструктурирующую функции языка. Сам текст, как отмечал М.Я. Блох, является знаково-тематическим формированием, и при раскрытии определенной темы все разрозненные части текста в конечном счете интегрируются в единое информационное пространство. И аллюзия как раз является одним из главных «сцепляющих звеньев» текста и помогает установлению тема-рематической связи, так как одновременно скрепляет ранее изложенные смысловые части и вводит новые разъяснения и смысловые оттенки [Блох 2005, с. 124].

По словам Е.Л. Черногрудовой, эффективный публицистический текст способен «включить воображение читателя и актуализировать его культурные знания». Аллюзия по своей природе является крайне эффективным средством актуализации культурных знаний. Публицистические тексты призваны оказывать эмоциональное воздействие, и аллюзия со своим прагматическим потенциалом оказания воздействия эффективно справляется с этой задачей. Фоновые знания и культурно-исторический багаж реципientа публицистического текста определяют степень эффективности аллюзивного цитирования. Аллюзивная цитата, при которой автор вносит некоторые корректировки в изначальную цитату с сохранением «угадываемости» первоисточника, является распространенной стилистической фигурой в текстах публицистического стиля. Прелагается деление аллюзий на две основные категории: первая включает в себя литературные, библейские, мифологические знания, в то время как в основе отсылочной природы второй категории лежат факты повседневной жизни и общеизвестные феномены массовой культуры [Черногрудова 2000, с. 77].

Аллюзия отличается своей полифункциональностью: активизирует когнитивные процессы читателя, расширяя ментальные горизонты, способствует смыслопорождению и смысловосприятию, оказывает эмоционально-экспрессивное воздействие на читателей, актуализирует стилистические текстовые приемы, создает единое информационное поле, объединяя различные исторические и культурные пласты. Аллюзия апеллирует к прагматическому потенциалу интертекстуальных связей, создавая единое ассоциативно-смысловое пространство [Черногрудова 2000, с. 78].

Аллюзия представляет собой риторическую фигуру, которая выражает ссылку на историческое событие или литературное произведение, предполагающиеся общеизвестными. Г.Г. Слышкин определяет аллюзию как соотнесение предмета общения с конкретной коммуникативной ситу-

ацией, освещаемой в определенном текстовом фрагменте, не называя его, а лишь ссылаясь на него на содержательном уровне [Слышкин 2001, с. 89]. Интересно определение Н.Ю. Новохачевой, которая разграничивает вербальные и невербальные претексты, на которые осуществляются конкретные аллюзивные отсылки [Новохачева 2003, с. 177]. Расширенное определение аллюзии можно найти у Э.М. Аникиной, которая, помимо прямого цитирования, в аллюзивный арсенал включает применение скрытых цитат, пересказанных цитат и сборных цитат [Аникина 2006, с. 84]. Н.А. Фатеева в основу своего определения аллюзии положила феномен предикации, а именно соотнесение заключенной в отрезке речи мысли с действительностью; предикация существенна при актуализации аллюзии, так как именно в точке соприкосновения «действительности» прецедентного текста с текстом-реципиентом происходят порождение и трансляция нужного для автора смысла [Фатеева 2007, с. 131].

При раскрытии феномена аллюзии не представляется возможным не коснуться такого лингвистического явления, как аллюзивные маркеры, которые представляют собой экспрессемы, содержащие отсылку на тот или иной прецедентный феномен и его смысловое содержание. Память является непосредственно тем самым когнитивным рычагом, который запускает процесс «считывания» маркера, а именно соотнесения его с конкретным денотатом. Э.М. Аникина в основу функционирования аллюзии ставит так называемую «память слова», складывающуюся из совокупности следующих видов памяти: референциальной памяти, которая кумулирует значения и контексты использования конкретного слова; комбинаторной памяти, представляющей собой хранилище устойчивых коллокаций; звуковой памяти, апеллирующей к способности человека подбирать близкосоюзные слова; ритмико-синтаксической памяти, или «памяти рифмы» [Аникина 2006, с. 86].

Способы актуализации аллюзии в англоязычной сетевой кинорецензии

В силу того, что текст кинорецензии прагматичен, интертекстуальный подход к ее изучению помогает вычленить языковые средства кодирования и, следовательно, декодировать авторские интенции рецензента. Прагматика аллюзии заключается в декодировании авторских интенций. Аллюзия в тексте кинорецензии полифункциональна: выполняет стилистическую функцию (является средством выражения авторского стиля рецензента и передачи ее эмоционального отношения к написанному) и прагматическую функцию (передается языковыми средствами оказания эмоционального, интеллектуального и волевого воздействия на реципиента).

Кинорецензия, выступая примером публицистического текста, особенно часто и эффективно использует аллюзию в качестве стилистической фигуры формирования у читателя нужной автору аналогии. Прямая или косвенная отсылка на кон-

кретный историко-культурный феномен не только повышает общую эрудированность и осведомленность читателя, но и служит средством оказания перлокутивного эффекта при прочтении данной кинорецензии. Аллюзия является не самоцелью, а средством реализации авторских интенций. Жанры публицистического стиля призваны определять общественное сознание, отражать социальные тенденции, а также выполнять дидактическую функцию. Публицистика, отображая фактический материал, способствует формированию у читательской аудитории оценочного суждения.

Одной из прагматических задач рецензента является эмоционально-экспрессивная передача информации, оставаясь при этом высокоинформативной. Для выполнения данной задачи аллюзия – крайне эффективный прием, так как она одновременно повышает уровень читательской осведомленности касательно культурных, исторических, политических и иных процессов в силу своей отсылочной природы, при этом порождая модально-оценочные и идейно-ценностные установки. Аллюзия выступает определенным связующим звеном между прецедентным текстом или претекстом и новым текстом, образуя тем самым некую смысловую «сцепленность». Аллюзивная связь в текстах кинорецензии является средством актуализации семантических ассоциаций, предоставляющих, помимо фоновых знаний, и определенные коннотативные оттенки значений.

Аллюзия, реализуя в первую очередь сравнительно-уподобительную функцию, в большинстве случаев выражается отсылками на фильмы (70 % проанализированного корпуса): I'll stop comparing it to other movies, I promise, right after I mention that it also will be likened to «*Blade Runner*», in that it's spectacular looking» («Обещаю, я перестану сравнивать его с другими фильмами сразу после того, как упомяну, что его можно сравнить с «*Бегущим по лезвию*» в том смысле, что выглядит так же эффектно); ...which could be loosely grouped with «*Arrival*» and «*Gravity*» as solemn sci-fi adventures that are emotionally and even spiritually satisfying («...которые можно было бы условно сгруппировать с «*Прибытием*» и «*Гравитацией*» как серьезные научно-фантастические приключения, приносящие эмоциональное и даже духовное удовлетворение»); The film, which takes place during a 2065 war between humans and advanced A.I., brings to mind the *Terminator series*, *District 9*, and, perhaps most immediately, is reminiscent of *Avatar*. («Фильм, действие которого происходит во время войны 2065 года между людьми и продвинутой ИИ, напоминает сериал «*Терминатор*», «*Дистрикт-9*» и, возможно, в первую очередь «*Аватар*»); placed somewhere between *Knives Out* and *Revenge*, this mystery series is set on an American corporate cruise across the Mediterranean («Действие этого детективного сериала, расположенного где-то между «*На ножжах*» и «*Местью*», разворачивается в американском корпоративном круизе по Средиземному морю»); The unapologetic nods to *Cat People* in *It Follows* or *The Shining* in

The Witch were typically taken by critics as examples of the filmmakers' savvy or respect for tradition («Очевидный кивок “Людей-кошек” в сторону “Оно” или “Сияния” в сторону “Ведьмы”, как правило, воспринимался критиками как примеры смекалки создателей фильма или уважения к традициям»); ...the archetype persists in everything from *The Night House* to *Smile* to *The Boogeyman*. The trope has become so ingrained that it's started to bend back in on itself («...архетип присутствует во всем, от “Дома на другой стороне” до “Улыбки” и “Бугимена”. Этот образ настолько укоренился, что начал возвращаться к самому себе»); This isn't the blindingly dusty outback of *Mystery Road*, or the twisted sickness of *Snowtown*, but there is a tough, male line that binds *The Stranger* to its Australian stablemates («Это не ослепительно пыльная глубинка из “Таинственной дороги” или жестокие секреты жителей из “Снежного города”, но есть жесткая мужская линия, которая связывает “Незнакомца” с его австралийскими предшественниками»). Как можно заметить в приведенных выше примерах, аллюзии на другие фильмы актуализируются путем использования лексических единиц с семантическим значением сравнения (*compare*), уподобления (*loosely grouped, will be likened*), ментального процесса вспоминания (*bring to mind, reminiscent of*). Также интересны случаи использования глаголов физического действия с контекстуальным семантическим значением сравнения/уподобления/объединения: фильм, *расположенный* между кинокартинами (*placed somewhere between...*); очевидный кивок в сторону... (the unapologetic nods to...); архетип *присутствует* во многих фильмах (the archetype persists in...). При анализе нам также встретились случаи «апофатической» аллюзивности, то есть когда отсылка актуализируется путем отрицания или акцента на отсутствии: Это не ослепительно пыльная глубинка из фильма... (this isn't the blindingly dusty outback of...).

В 45 % кинорецензий корпуса аллюзии осуществляют на предыдущие актерские работы: Washington has sometimes seemed remote (or maybe he has just chosen a lot of stoic roles like the one he played in “*Tenet*”) («Вашингтон иногда казался отстраненным (или, может быть, он просто переиграл много стоических ролей, подобных той, которую он сыграл в “*Догме*”)); Edwards, who is British, announced himself as a sci-fi talent in 2010 with *Monsters* («Британец Эдвардс объявил о себе как о таланте в области научной фантастики в 2010 году с фильмом “*Монстры*”»); «His cast, which includes *Call My Agent's* Camille Cottin and *Belfast's* Jude Hill, is famous for wide-eyed, lightly camp performances that fit the mood («Его актерский состав, в который входят Камилла Коттин из “*Звоните моему агенту*” и Джуд Хилл из “*Белфаста*”, известен своей легкой актерской игрой с широко раскрытыми глазами, что соответствует настроению фильма»); played with dexterity, personality and overwhelming moment-to-moment realism by Barry Keoghan, the Irish actor who stole whole scenes from the entire cast as the tragic village idiot in

The Banshees of Inisherin («Барри Кеоган, ирландский актер, сыгравший с ловкостью, индивидуальностью и ошеломляющим реализмом, выделился ранее на фоне всего актерского состава в роли трагического деревенского дурачка в “*Баньши Инишерина*”»). Иллокутивная функция данного типа аллюзий заключается не столько в закладывании информативного «фундамента» для разворачивания анализа, сколько в демонстрации аргументативного потенциала высказывания, несмотря на его дескриптивный характер. Путем упоминания того факта, что актер Дензел Вашингтон сыграл стоического персонажа в фильме «*Догма*» (*Stoic role*), рецензент объясняет его фирменную манеру игры в анализируемом фильме (Washington has sometimes seemed remote); а подмечая успешность роли трагического деревенского дурачка в фильме «*Баньши Инишерина*» (tragic village idiot in *The Banshees of Inisherin*), сыгранной актером Барри Кеоганом, рецензент приводит доводы в пользу его способности к передаче реализма сцен (moment-to-moment realism).

Аллюзии на предыдущие режиссерские работы, встреченные в 33 % кинорецензий, эксплицитным и имплицитным способом призваны указать на авторский уникальный стиль режиссера. Имплицитным способом можно считать простое указание на предыдущие работы режиссера: Now, director Craig Gillespie (*I, Tonya, Cruella*) tackles the subject with a vigorous, ripped from the headlines docufiction («Теперь режиссер Крейг Гиллеспи (“Тоня против всех”, “Круэлла”) поднимает эту тему в энергичном, вырванном из заголовков газет документальном фильме»). Данный способ рассчитан на высокую зрительскую компетентность, так как простое упоминание названий кинокартин призвано резонировать в зрителях нужным рецензенту образом. Эксплицитным образом является не просто упоминание названия кинокартины, но и краткое описание существенных ее аспектов, призванных поддержать тот или иной выдвигаемый автором тезис (аллюзии производятся на дебютную кинокартину или предыдущую): As in his debut, the eerie cult-deprogramming thriller *Martha Marcy May Marlene*, Durkin doesn't provide tidy answers or psychological maps to the root of his characters' unrest («Как и в своем дебюте, жутком культовом триллере о депрограммировании “*Марта, Марси, Мэй, Марлен*” Даркин не дает четких ответов или психологических карт причин беспокойства своих персонажей»); This is the second feature from Ektara Collective, an independent collaborative of filmmakers which makes films about and involving marginalised and disenfranchised communities, following 2017's *Checkmate* («Это второй полнометражный фильм от Ektara Collective, независимого объединения кинематографистов, которое снимает фильмы о маргинализованных и бесправных сообществах, начиная с их фильма “*Шах и мат*” 2017 года»); As with Ektara Collective's previous films, *A Place Of Our Own* seeks to turn cinema into a tool of empowerment by putting the transgender community in charge of its own story («Как

и в предыдущих фильмах Ektara Collective, “Наше собственное место” стремится превратить кино в инструмент расширения прав и возможностей, поставив трансгендерное сообщество во главе своей собственной истории»); In films like *Ali*, *Collateral and*, especially, *Heat*, he makes stylized movies about obsessive men who stop at nothing to achieve whatever it is that obsesses them» («В таких фильмах, как “Али”, “Залог” и особенно “Жара”, он снимает стилизованные фильмы об одержимых мужчинах, которые не останавливаются ни перед чем, чтобы достичь того, чем они одержимы»).

Отсылки на исторические события (встретившиеся в 20 % кинокритик) реализуют не только информационную функцию, но и ценностно-идеологическую в силу того, что рецензент посредством пересказа определенного исторического факта или описания исторического контекста, получивших освещение в фильме, наделяет последних модально-оценочным значением. Рецензент для акцентирования внимания и детального анализа выбирает такой исторический эпизод, ценность которого заключается не только в его принципиальной значимости с точки зрения развития сюжета, но и в создании эмоционального резонанса у читательской аудитории. К примеру: *The Creator* could be read as a trans narrative, as a pushback against the anti-migrant animus currently gripping half the planet, as a damning reconsideration of the American wars in Iraq, Afghanistan, Vietnam (perhaps especially Vietnam), and beyond («“Создатель” может быть прочитан как транс-нарратив, как ответ на антимигрантскую враждебность, охватившую в настоящее время половину планеты, как осуждающее переосмысление американских войн в Ираке, Афганистане, Вьетнаме (возможно, особенно во Вьетнаме) и за его пределами»). Разумеется, наиболее действенным при активации эмоционального отклика являются слова с эмотивной семантикой, как в приведенном выше фрагменте, а именно: *anti-migrant animus* («антимигрантская враждебность») и *damning reconsideration* («осуждающее переосмысление»). Приведем еще один пример: Scorsese has made a somber, poetic adaptation of the historical account of how a group of greedy white men systematically murdered members of the Osage Nation in early 1920s Oklahoma («Скорсезе снял мрачную поэтическую адаптацию исторического рассказа о том, как группа жадных белых людей систематически убивала представителей племени Осейдж в начале 1920-х годов в Оклахоме»). В данном отрывке оценочностью и модальностью обладает не только очевидное словосочетание, такое как *greedy white men* («жадные белые люди»), но и слово *systematically* в словосочетании *systematically murdered* («систематически убивали»), так как данная валентность представляет собой аффективную валентность и провоцирует эмоциональный отклик.

В 43 % проанализированных кинокритик присутствуют аллюзии на других режиссеров. К примеру: The film is, to risk hyperbole, a true vision, a filmmaker reasserting their unique talent for

spectacle. (*Ridley Scott could be an elder-statesman analog*) («Фильм, рискуя преувеличить, является истинным видением, режиссером, подтверждающим свой уникальный талант к зрелищу. (*Ридли Скотт мог бы быть аналогом пожилого государственного деятеля*)»); Talk to Me is closer to something like *Zach Cregger’s brute-force B-movie*, *Barbarian*, than *Peele’s intricately intellectualized “social thrillers”* («“Поговори со мной” ближе к чему-то вроде грубого второстепенного фильма Зака Креггера “Варвар”, чем к замысловато-интеллектуализированному “социальному триллеру” “Пула”»); With *Carol* and *Far from Heaven*, the director nodded to the mid-century melodramas of *Douglas Sirk*, but *May December* somehow owes more to both the Lifetime variety of the genre and *Ingmar Bergman works like Persona* («В “Кэрол” и “Вдали от рая” режиссер отдал предпочтение мелодрамам середины века Дугласа Сирка, но “Май декабрь” почему-то больше обязан как разнообразию жанра, так и работам Ингмара Бергмана, таким как “Персона”»). Данная стратегия реализует функцию демонстрации профессиональных компетенций рецензента, а именно уровня осведомленности в сфере кинематографа, но также обладает аргументативным потенциалом, то есть, к примеру, выделяя черты сходств или различий с авторским стилем другого режиссера, рецензент в первую очередь подкрепляет тезис о стиле режиссера, который является объектом анализа непосредственно в самой рецензии.

В более чем 60 % кинокритик корпуса нам встретились аллюзии на тот или иной кинематографический феномен. Под кластером «кинематографический феномен» мы понимаем не единственный фильм или конкретного режиссера, а целое знаковое явление в истории и теории кинематографа. Для репрезентативности приведем следующие примеры: *If it’d gone the full leering Hammer Horror Production*, this could have been a scream («Если бы это был полный ужас в стиле студии Хаммер, то это могло бы вызвать настоящий крик»); *The very specific spirit of 70s American cinema* and its idiosyncratic character-driven film-making is evident throughout, not least in writer *David Hemingson’s* sharp, sophisticated screenplay («Очень специфический дух американского кинематографа 70-х годов и его своеобразное создание фильмов, ориентированных на персонажей, прослеживаются во всем, и не в последнюю очередь в остром, утонченном сценарии писателя Дэвида Хемингсона»); ...an attempted return to *jolly old ’60s-style big-budget historical epics* that, rejecting a recent cinematic fad for distilling great men into a single episode («...попытка вернуться к старым добрым высокобюджетным историческим эпопеям в стиле 60-х, которые отвергают недавнюю кинематографическую моду объединять великих людей в одном эпизоде»); It’s like the writer aimed for a cross between a *PBS historical drama*, a sweeping *Doctor Zhivago-type war movie* and a *backstairs at the palace soap opera* («Похоже, что сценарист стремился создать нечто среднее между исторической драмой на канале PBS,

захватывающим военным фильмом в стиле “Доктора Живаго” и закулисным мюзиклом про королевскую семью»); But Oppenheimer is also the opposite of a *standard-issue Great Man movie*: The achievement here is monstrous, and the psychic dissolution of the main character before our very eyes is heartbreaking («Но Оппенгеймер также является полной противоположностью *стандартному фильму о великом человеке*: достижение здесь чудовищное, а психический распад главного героя на наших глазах просто душераздирающий»); In 2023, a *slew of superhero movies* earned hundreds of millions of dollars at the box office each and still reportedly failed to make back the money required to produce and market them («В 2023 году *множество фильмов о супергероях* заработали в прокате сотни миллионов долларов каждый, но, как сообщается, до сих пор не смогли вернуть деньги, необходимые для их производства и продвижения на рынок). Как видно из вышеприведенных примеров, так называемые кинематографические прецедентные феномены, на которые осуществляется аллюзия, представляют собой специфическую веху в истории кинематографа с ее характерными стилистическими особенностями (*The very specific spirit of 70s American cinema, jolly old '60s-style big-budget historical epics*) или определенный кинематографический стиль, жанр или направление (*full leering Hammer Horror Production, PBS historical drama, a sweeping Doctor Zhivago-type war movie, standard-issue Great Man movie, a slew of superhero movies*). В качестве отдельного кластера кинематографических феноменов хочется выделить отсылки на номинации и награды: Randolph captures brilliantly in the weary dignity of her character’s slow, aching deliberate movements (she’s a deserved winner of this year’s Golden Globe for best supporting actress and a frontrunner to take the Oscar) («Рэндольф блестяще передает усталое достоинство медленных, мучительно неторопливых движений своей героини (в этом году она заслуженная обладательница “Золотого глобуса” за лучшую женскую роль второго плана и претендентка на “Оскар”»); It also happens to be Spain’s submission for Best International Feature Film at the Oscars and, given its presence on many technical categories’ shortlists, could be a dark-horse contender for Best Picture («Так уж случилось, что Испания представила свой фильм на премию “Оскар” в номинации “Лучший международный полнометражный фильм”, и, учитывая его присутствие в шорт-листах многих технических номинаций, он может стать претендентом на звание “темной лошади” в номинации “Лучшая картина”»)). Прагматика имени собственного охватывает такое понятие, как «ономастическая коннотация», которая представляет собой эмоционально-оценочную окраску имени собственного и активизирует работу ассоциативно-смыслового поля (к примеру, упоминание номинации «Оскар» сразу порождает ассоциацию со словом «качество»).

Данные кинематографические феномены являются образцовыми ментальными фактами определенного культурно-когнитивного пространства,

устоявшимися языковыми формулировками с определенной интеллектуально-фоновой направленностью. Данная прецедентность представляет собой некий коллективный инвариант, имеющий сверхличностный характер и обладающий эмоциональной и познавательной значимостью. Актуализация кинематографического феномена осуществляется посредством прагматического фактора воздействия на читательскую аудиторию

Отсылки на характерный режиссерский стиль самого режиссера встретились нам в 65 % рецензий. Приведем следующие примеры: *Visually, it’s clear to see Nolan’s love of the physicality of film, of the process of transferring concepts to a physical medium, and using the physical medium to present those ideas to the world* («Визуально ясно видна любовь Нолана к телесности фильма, к процессу переносу концепций на физический носитель и использования физического носителя для представления этих идей миру»); *Scott is notorious for placing style over substance, story and characters. Again, his towering production elements shroud the basics* («Скотт известен тем, что ставит стиль выше содержания, сюжета и персонажей. И снова его выдающиеся продюсерские способности скрывают любые базовые сюжеты»); *Kaurismaki’s style – somehow both deadpan and tender – is timeless, and one could argue that his stories could be taking place at any moment in history* («Стиль Кауризмаки – одновременно невозмутимый и нежный – неподвластен времени, и можно утверждать, что его истории могут происходить в любой момент истории»); *Wenders’s restless, angst-ridden protagonists have always been searching for blissful oblivion* («Беспокойные, охваченные тоской герои фильмов Вендерса всегда искали блаженного забвения»); *Once upon a time, Michael Mann was the king of composed beauty – a director of impeccable frames, of telling postures, of ethereal moods* («Когда-то Майкл Манн был королем сдержанной красоты – создателем безупречных форм, выразительных поз, неземных настроений»).

Зачастую передача атрибутивных признаков и черт режиссерской работы осуществляется посредством категории притяжательности (*Nolan’s love of the physicality, Kaurismaki’s style, Wenders’s restless protagonists*). Описание знаковых, характерных черт стиля режиссера с точки зрения прагматики является гораздо более эффективным средством, нежели описание новой кинокартины режиссера, так как происходит определенная визуальная ментальная репрезентация, а эмоциональный отклик на визуальные ментальные образы протекает интенсивнее, чем на языковые единицы.

Заключение

В ходе исследования были выполнены все задачи, обозначенные во введении, а именно: рассмотрены понятия интертекста и интертекстуальности, проанализирован интертекстуальный потенциал стилистической фигуры аллюзии, выявлены и систематизированы способы и приемы реализации аллюзии в англоязычной сетевой ки-

норецензии. Основными формами реализации аллюзивного факта в кинопорецензиях являются имена собственные. Для актуализации аллюзии необходима процедура метонимического переосмысления имени собственного, а именно «дешифровка» его наиболее существенных атрибутивных признаков. Построение предметно-логических связей по принципу смежности с именем собственным, на которое происходит отсылка, и «перенос» его принципиальных качеств на некоторый объект референции лежат в основе реализации аллюзии. Аллюзия выражает себя как локально, то есть в определенном фрагменте текста, так и глобально, имея семантико-тематическую связь со всем текстом. Семантика аллюзии актуализируется посредством установления черт сходства, полярности и несопоставимости с референтом. Тематическая соотнесенность аллюзивного факта проявляется в принадлежности аллюзии к определенным кинематографическим сведениям, актуализируя фо-

новые знания читательской аудитории касательно общего кинематографического наследия. Факты основного фонда кинематографической культуры включают в себя названия фильмов, предыдущих актерских работ, предыдущих режиссерских работ, имена других режиссеров, указания на их характерный режиссерский стиль, описание определенного кинематографического феномена. Таким образом нами был сделан вывод, что наиболее часто встречающиеся имена собственные, актуализирующие аллюзивный факт, делятся на антропонимы, то есть непосредственно имена людей, и хрематонимы, представляющие собой имена собственные объектов материальной культуры. Аллюзия в текстах кинопорецензии реализует себя на уровне номинации, а именно метонимизации. Метонимизация как способ семантической деривации эксплицитно и имплицитно передает существенные качества объекта референции, тем самым оказывает на читателя суггестивное воздействие.

Материалы исследования

Rotten Tomatoes (RT) – *Rotten Tomatoes*. URL: <https://www.rottentomatoes.com>.

Бахтин 2001 – *Бахтин М.М.* Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред.-сост. А.Н. Николюкин. Москва: Интелвак, 2001. 1279 с.

Белокурова 2006 – *Белокурова С.П.* Словарь литературоведческих терминов. Санкт-Петербург: Паритет, 2006. 314 с.

Библиографический список

Аникина 2006 – *Аникина Э.М.* Интертекстуальность в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы). Уфа: РИО БашГУ, 2006. 100 с.

Барт 2008 – *Барт Р.* Нулевая степень письма // Семиотика. Москва: Радуга, 1983. С. 306–349; 2-е изд. Москва: Академический проект, 2008.

Безруков 2005 – *Безруков А.Н.* Поэтика интертекстуальности. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. 70 с. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/book/0f0/862/17304810/Bezrukov_AN_Poetika_intertekstualnosti.pdf?ysclid=lyzk9cu1ds987117842; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22901173>. EDN: <https://www.elibrary.ru/thdntl>.

Блох 2005 – *Блох М.Я.* Теоретические основы грамматики. Москва: Высшая школа, 2005. 239 с.

Бушев 2009 – *Бушев А.Б.* Наука о языке и общество // Русская речь. 2009. № 2. С. 39–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19133860>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qcsjgх>.

Гальперин 1980 – *Гальперин И.Р.* Лингвостилистика: [сб. статей] / сост. и вступ. статья И.Р. Гальперина. Москва: Прогресс, 1980. 431 с.

Голубева 2009 – *Голубева Н.А.* Отсылочность – когнитивная компонента прецедентных единиц. Нижний Новгород: ООО «Типография “Поволжье”», 2009, 278 с.

Даренский 2011 – *Даренский В.Ю.* Русский «образ культуры»: культура как преобразование человека // Рождение культурологии в России: сборник научных трудов. Иваново; Шуя: Изд.-во ШГПУ, 2011. С. 289–302. URL: <https://istina.msu.ru/collections/451214337/>.

Денисова 2003 – *Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. Москва: Институт русского языка РАН, 2003. 527 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002497003/?ysclid=lyzmcgblzp892430233.

Деррида 2000 – *Деррида Ж.* Письмо и различие / пер. с фр. Д. Кралечкина. Москва: Академический проект, 2000. 495 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/derrida_zh_pismo_i_razlichie/54-1-0-2105.

Женетт 1998 – *Женетт Ж.* Повествовательный дискурс. Фигуры: в 2 Т. пер. с фр. Перцовой Н. Москва: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280. URL: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1-2-1998-l.pdf>.

Кристева 2013 – *Кристева Ю.* Семиотика: Исследования по семанализу / пер. с фр. Е.А. Орловой. Москва: Академический проект, 2013. 285 с. URL: <https://djvu.online/file/lcWPP1ISRyrbK?ysclid=lyzni5zdsd226532444>.

Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 9–247. URL: <https://djvu.online/file/LU7pDLPeL6eNd?ysclid=lyzp4w7axr981839959>.

Машкова 1989 – *Машкова Л.А.* Аллюзивность как категория вертикального контекста // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1989. № 2. С. 25–33. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/13240163/?ysclid=lyzp9nkgzi391450087>.

Новохацева 2003 – *Новохацева Н.Ю.* Репрезентанты литературных аллюзий в современных газетно-публицистических текстах // *Русский язык и межкультурная коммуникация*. 2003. № 1. С. 175–178.

Слышкин 2001 – *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Воронеж, 2001. С. 75–80. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26436332>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wgndzz>.

Фатеева 2007 – *Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Москва: КомКнига, 2007. 282 с. URL: <https://studylib.ru/doc/6272154/-fateeva-n.-a.-interteks-v-mire-tekstov-?ysclid=lyzq43ioy7468873435>.

Черногрудова 2000 – *Черногрудова Е.П.* Семантическая неоднозначность как стилистический прием в современной публицистике // *Культура общения и ее формирование*. Вып. 7. Воронеж: ВОИПКРО, 2000. С. 76–78. URL: <https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/culture-comm/culture-comm7.pdf>.

References

Anikina 2006 – *Anikina E.M.* (2006) Intertextuality in media discourse (based on the Anglo-American press). Ufa: RIO BashGU, 100 p. (In Russ.)

Bart 2008 – *Bart R.* (2008) Zero degree of writing. In: *Semiotics*. 2nd edition. Moscow: Akademicheskii proekt, pp. 306–349. Available at: <https://djvu.online/file/4swe5XpoAu6bF?ysclid=lyzjzdvbka366857279>. (In Russ.)

Bezrukov 2005 – *Bezrukov A.N.* (2005) Poetics of intertextuality. Birsk: Birsk. gos. sots.-ped. akademiya, 70 p. Available at: https://istina.msu.ru/media/publications/book/0f0/862/17304810/Bezrukov_AN_Poetika_intertekstualnosti.pdf?ysclid=lyzk9culds987117842; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22901173>. EDN: <https://www.elibrary.ru/thduti> (In Russ.)

Blokh 2005 – *Blokh M.Ya.* (2005) Theoretical foundations of grammar. Moscow: Vysshaya shkola, 239 p. (In Russ.)

Bushev 2009 – *Bushev A.B.* (2009) The science of language and society. *Russian Speech*, no. 2, pp. 39–43. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19133860>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qcsjgx>. (In Russ.)

Galperin 1980 – *Galperin I.R.* (1980) Linguostylistics: [collection of articles]. Compiler and introductory article I.R. Galperin. Moscow: Progress, 431 p. (In Russ.)

Golubeva 2009 – *Golubeva N.A.* (2009) Referentiality is a cognitive component of precedent units. Nizhny Novgorod: ООО «Типография “Povolzh'e”», 278 p. (In Russ.)

Darenskiy 2011 – *Darenskiy V.Yu.* (2011) Russian «image of culture»: culture as human transformation. In: *Birth of cultural studies in Russia: collection of scientific works*. Ivanovo; Shuya: Izd.-vo ShGPU, pp. 289–302. Available at: <https://istina.msu.ru/collections/451214337/>. (In Russ.)

Denisova 2003 – *Denisova G.V.* (2003) In the world of intertext: language, memory, translation. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN, 527 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002497003/?ysclid=lyzmcgb1zp892430233. (In Russ.)

Derrida 2000 – *Derrida Zh.* (2000) Writing and difference. Translation from French by D. Kralachkin. Moscow: Akademicheskii proekt, 495 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/derrida_zh_pismo_i_razlichie/54-1-0-2105. (In Russ.)

Genette 1998 – *Genette G.* (1998) Narrative discourse. Figures: in 2 vols. Translated from French by N. Pertsova. Moscow: Izd.-vo im. Sabashnikovoykh, vol. 2, pp. 60–280. Available at: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1-2-1998-1.pdf>. (In Russ.)

Kristeva 2013 – *Kristeva Ju.* (2013) Semiotics: Studies in semantic analysis; translated from French by E.A. Orlova. Moscow: Akademicheskii proekt, 285 p. Available at: <https://djvu.online/file/lcWPP1ISRyrbK?ysclid=lyzni5zdsd226532444>. (In Russ.)

Lotman 1992 – *Lotman Yu.M.* (1992) Selected articles in three volumes. Vol. 1. Articles on semiotics and topology of culture. Tallin: Aleksandra, pp. 9–247. Available at: <https://djvu.online/file/LU7pDLPeL6eNd?ysclid=lyzp4w7axr981839959>. (In Russ.)

Mashkova 1989 – *Mashkova L.A.* (1989) Allusivity as a category of vertical context. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 25–33. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/13240163/?ysclid=lyzp9nkgzr391450087> (In Russ.)

Novokhacheva 2003 – *Novokhacheva N.Yu.* (2003) Representatives of literary allusions in modern newspaper and journalistic texts. *Russkii yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 1, pp. 175–178. (In Russ.)

Slyshkin 2001 – *Slyshkin G.G.* (2001) Linguocultural concept as a unit of research. In: *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh, pp. 75–80. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26436332>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wgndzz>. (In Russ.)

Fateeva 2007 – *Fateeva N.A.* (2007) Intertext in the world of texts: Counterpoint to intertextuality. Moscow: KomKniга, 282 p. Available at: <https://studylib.ru/doc/6272154/-fateeva-n.-a.-interteks-v-mire-tekstov-?ysclid=lyzq43ioy7468873435>. (In Russ.)

Chernogradova 2000 – *Chernogradova E.P.* (2000) Semantic ambiguity as a stylistic device in modern journalism. In: *Culture of communication and its formation. Issue 7*. Voronezh: VOIPKRO, pp. 76–78. Available at: <https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/culture-comm/culture-comm7.pdf>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811'1

Дата поступления: 15.03.2024
рецензирования: 19.05.2024
принятия: 02.09.2024

Функционально-прагматические параметры высказываний с эксплицитным модусом незнания в научном диалоге

О.Н. Чалова

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
Республика Беларусь, г. Гомель,
Минский государственный лингвистический университет,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: oksana-chalova@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0003-9811-4005>

Аннотация: Статья посвящена выявлению аспектов функционирования перволичных высказываний с эксплицитным модусом незнания / игноративных сообщений в такой разновидности общения, как устная научная дискуссия. Актуальность такого анализа обусловлена необходимостью изучения различных параметров дискурса, в том числе эпистемических и прагматических, в их тесной связи. Основным методом исследования – контекстуальный анализ. Источниками материала послужили стенограммы современных англо- и русскоязычных научных дискуссий разных областей знания. В работе выявляются иллокутивные свойства игноративных высказываний, устанавливаются их прагматические функции, определяется место в традиционной классификации речевых актов. Учет иллокутивной направленности ссылок на незнание позволяет выявить репрезентативные, интеррогативные, аксиологические разновидности игноративов, их подвиды, определяемые в связи со степенью экспрессивности, вектором оценки, характером репрезентативной и интеррогативной роли речевых актов с модусом незнания: экспрессивные и условно экспрессивные, позитивно- и негативно-оценочные, предупреждающие и hesitantивные и др. Помимо этого, выявляются факторы, детерминирующие иллокутивную природу игноративов: поверхностная структура сообщения, общий контекст высказывания, положение игноратива в составе диалогического единства, условия успешности речевого акта, оформленного в виде ссылки на незнание. В заключение формулируется вывод, что ссылки на незнание являются вполне органичным явлением в структуре научного диалога, поскольку выполняют в нем ряд важных функций. Предложенная схема анализа может быть использована для изучения высказываний с другими эксплицитными модусами (знания, мнения и др.) в различных типах дискурса.

Ключевые слова: дискурс; научный дискурс; научный диалог; модус; эпистемический модус; незнание; репрезентатив; интеррогатив; экспрессив; оценка.

Цитирование. Чалова О.Н. Функционально-прагматические параметры высказываний с эксплицитным модусом незнания в научном диалоге // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С.152–158. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-152-158>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чалова О.Н., 2024

Оксана Николаевна Чалова – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, 246028, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104; докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Минский государственный лингвистический университет, 220034, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, 21.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.03.2024
Revised: 19.05.2024
Accepted: 02.09.2024

Functional and pragmatic parameters of speech acts with the explicit mode of ignorance in scientific dialogue

O.N. Chalova

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Republic of Belarus
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: oksana-chalova@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0003-9811-4005>

Abstract: The article is about identifying functional aspects of 1st-person statements with the explicit mode of ignorance (messages like *I do not know... / We don't know... I don't know / We don't know ...*) in scientific discussions as a genre of scientific discourse. The relevance of the analysis is predetermined by the necessity to study various parameters of discourse (including both epistemic and pragmatic) as closely connected. The main research method is contextual and pragmatic analysis. The sources of the material are transcripts of modern English and Russian scientific discussions in various fields of knowledge. The article identifies the illocutionary properties of ignorant statements, establishes their

pragmatic functions, as well as determines their position in the traditional classification of speech acts. Taking into account the illocutionary orientation of references to ignorance makes it possible to identify representative, interrogative, axiological varieties of ignorance messages as well as their subtypes differentiated on the basis of the degree of their expressiveness, their vector of evaluation, the nature of the representative and interrogative role of speech acts with the mode of ignorance: fully expressive and conditionally expressive, positive and negative, preventive and hesitant, etc. The criterion “pragmatic functions” helps us specify additional functions of references to ignorance in scientific dialogue: to indicate a certain degree of the speaker’s epistemic responsibility for their words, to serve as a means of avoiding the answer, a way to prevent criticism, etc. Moreover, the work identifies factors determining the illocutionary nature of ignorance speech acts: the surface structure of the message, the general context of utterance, the position of the ignorance message in the dialogical unity, sincerity and felicity conditions of speech acts formulated as ignorance messages. References to ignorance are concluded to be quite a significant phenomenon in the structure of scientific dialogue, since they perform a number of important functions in it. The analysis scheme can be used to study statements with other explicit modes (knowledge, opinions, etc.) in various types of discourse.

Key words: discourse; scientific discourse; scientific dialogue; mode; epistemic mode; ignorance; representative; interrogative; expressive; evaluation.

Citation. Chalova O.N. Functional and pragmatic parameters of speech acts with the explicit mode of ignorance in scientific dialogue. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 152–158. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-152-158>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Chalova O.N., 2024

Oksana N. Chalova – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Theory and Practice of English, Francisk Skorina Gomel State University, 104, Sovetskaya Street, Gomel, 246028, Republic of Belarus; doctoral candidate of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Minsk State Linguistic University, 21, Zakharov Street, Minsk, 220034, Republic of Belarus.

Введение

Научный диалог занимает особое место в системе разновидностей научной коммуникации. Под влиянием диалогического формата общения первичные параметры научного дискурса, в том числе и эпистемические, существенно модифицируются. В частности, значительно расширяются возможности выражения различных ментальных состояний субъектов научной коммуникации, включая незнание, что обуславливает использование конструкций с соответствующим эксплицитным модусом.

По нашим данным, в научном диалоге ядерной конструкцией, употребленной в качестве эксплицитного модуса незнания, является перволичная структура (я) *не знаю* / (мы) *не знаем* (*I don't know / we don't know*), например: **Не знаю, существует ли русская цивилизация, но русская культура точно есть** (Современная Россия 2014). *So, I don't know how to answer, because I don't think that there is, for me, a clear answer* (WAC 2016). Такая форма репрезентации незнания составляет специфику диалогических форм научной коммуникации и не является типичной для центральных / монологических / письменных жанров научной речи, где незнание манифестируется в основном традиционными для научного дискурса способами: как имплицитными – посредством формулировки целей и задач научного проекта или ссылок на имеющиеся исследовательские лакуны, так и эксплицитными, например за счет использования предиката *неизвестный* в разных его формах.

Несмотря на то что в последнее время научный диалог все чаще становится объектом лингвистического анализа (Абрэу-Фамлюк 2022; Маслова 2007; Соловьева 2007; Соловьева 2011) [Задворная 2017], направленного на выявление прагматических [Stroinska 2001] (Моргун 2002; Миланчук 2005),

стилистических [Smarandache 2007; Нистратова 2004] (Простов 2006), структурных и других параметров данного вида общения, его эпистемические свойства остаются малоизученной областью (Задворная 2001) [Задворная 2023]. Что же касается феномена незнания и особенностей его репрезентации, то в контексте научного диалога они практически не анализируются. В то же время без обращения к эпистемическому плану научной диалогической речи, в том числе и к области незнания, составить более или менее полное представление об устройстве научного диалога, как и любой другой разновидности коммуникации, практически невозможно, поскольку эпистемические параметры дискурса тесно взаимодействуют с другими его характеристиками, в частности прагматическими, что обуславливает необходимость их изучения в тесной связи.

В свете сказанного **цель** настоящей статьи состоит в выявлении функционально-прагматических характеристик высказываний с перволичными модусными вставками (я) *не знаю* / (мы) *не знаем* (*I don't know / we don't know*), представленными в научном диалоге. **Материалом** исследования послужили стенограммы англо- и русскоязычных научных дискуссий. В ходе работы были использованы **методы** контекстуального, лингвопрагматического анализа и трансформационного анализа.

Основная часть

По нашим наблюдениям, в научном диалоге перволичные ссылки на незнание всегда маркированы в прагматическом плане.

На прагматику перволичных игноративных сообщений оказывают влияние различные параметры, в том числе такие компоненты эпистемической ситуации, как субъект и объект незнания.

Так, например, тип субъекта незнания (*я / I* или *мы / we*) свидетельствует прежде всего о той степени ответственности, которую готов взять на себя говорящий за незнание: полную ответственность (в случае **я-незнания**: *Я не знаю, может, где-то это и опубликовано, но я могу сослаться только на личный разговор* (Современная 2014)) или **частичную** (в случае **мы-незнания**: *So a large percent of the archaeology in Brazil, it's about shell mounds and we don't know who they belong to, we can't trace them to anyone* (WAC 2016) – нереперентное употребление местоимения *we* сигнализирует о стремлении коммуниканта разделить ответственность за незнание с другими, а также является известным маркером авторской скромности и объективности).

Прагматические свойства игноративных сообщений детерминированы и характером объекта незнания. Несмотря на то что в научном диалоге объект незнания весьма вариативен, в ряде контекстов он не имеет прямого отношения к обсуждаемой проблеме или к области знания, которую представляет говорящий: *Я не берусь судить, насколько власть и государство разошлись во времени по причине – в конце концов, я не специалист по этой теме, а историков, которые бы четко ответили на этот вопрос, я не знаю* (Современная Россия 2014). Признание в таком незнании не дискредитирует говорящего ни в экспертном, ни в аргументативном плане.

Прагматическая информация, которую транслируют ссылки на незнание (как и любой другой речевой акт), не ограничивается вышеназванными вспомогательными задачами. Как известно, к ядру прагматического компонента любого высказывания, включая игноративные, относится его иллюкутивная функция, отражающая прежде всего целевую направленность сообщения. В связи с этим при описании прагматических характеристик перволичных ссылок на незнание первостепенной задачей становится выявление их иллюкутивных свойств, которые зависят от условий коммуникации.

Рассмотрим **иллюкутивные разновидности ссылок на незнание** и условия их функционирования подробнее.

1. Репрезентативные ссылки на незнание.

Репрезентативные ссылки на незнание реализуют ассертивную семантику. Наличие ассертивного компонента обусловлено способностью игноративной реплики манифестировать незнание в форме прямой констатации и определяется следующими основными факторами:

1) поверхностной структурой высказывания (репрезентативная функция заложена уже самой синтаксической схемой ссылок на незнание): *Сказано много четкого. Я ограничусь тремя замечаниями. Не знаю, как их связать, хотя они явно связаны* (Данилова 2005);

2) особым положением игноративного сообщения в составе диалогического единства (репрезен-

тативная функция актуализируется, если ссылка на незнание формирует реплику реактивного порядка, не ориентированную на передачу коммуникативной инициативы адресату): (1): *Is there a CPT4 code so you can bill for genetic counseling and what is the Medicare reimbursement for that?* – (2): *I left my CPT code book back in Baltimore, so I don't know exactly the answer to that, but I can find that out* (Nanotechnology 2007);

3) общим контекстом, а также характером субъекта и объекта незнания, позволяющими определить иллюкутивную силу игноратива, в том числе и репрезентативного, основная цель которого состоит в том, чтобы зафиксировать факт незнания, а не дискредитировать его субъект, ср.:

Что касается мировой торговли, то здесь есть ВТО, каким бы плохим оно ни было. И ВТО является важным инструментом борьбы с протекционизмом. Не знаю, насколько активно она будет вестись дальше, но уверен, что серьезного отката назад не случится (Сценарии 2009).

No, I think that what we are trying now to see, and we don't know yet, is whether after the reactivation, when they are in a labile state, whether the possibility to disrupt them actually targets the emotional component. Not the cognitive part of the memory, but more the emotional component, which is what makes them strong in the first place (Biology 2007).

Как видно из примеров, в научном диалоге использование ссылок на незнание в репрезентативных контекстах не понижает ни профессиональный, ни коммуникативный статус субъекта незнания, что обусловлено следующими причинами. Так, в первой реплике, которая реализуется как реакция на вопрос-возражение собеседника (*Вы сказали, что сейчас не время думать и разрабатывать что-то, связанное с новыми международными правилами организации экономики, поскольку не надо бы сейчас мешать странам, которые пытаются выбраться <...> Неужели нет смысла думать в эту сторону?* (Сценарии 2009)), дискредитирующие свойства игноративного сообщения элиминируются за счет частичного и сопутствующего (нерелевантного) характера незнания, практически не препятствующего реализации информативной стратегии научного дискурса, а во втором (англоязычном) высказывании – за счет ссылки на общий / коллективный характер незнания (посредством нереперентного употребления местоимения *we*, указывающего на неопределенное множество ответственных за незнание лиц, включающих и говорящего), а также фактом позволительности отсутствия соответствующих сведений на данном этапе развития событий (*We need to learn that* (National 2009)).

В контексте определяется не только иллюкутивный тип игноратива, но и его разновидности. Так, в числе основных функционально-прагматических разновидностей репрезентативных ссылок на незнание, представленных в научном диалоге, можно назвать следующие: а) простая констатация

((1): <...> *А вот здесь (показывает) все непрерывно? – Не знаю. Это схема организации моей работы. Что там получится: одна теоретическая конструкция или много, по авторам, по этапам, – этого я сейчас не знаю* (Методология 2004)); б) предупреждение / предостережение (*We don't know where it's going to go* (WAC 2016)); в) hesitant (*Например, в ильенковском с одной типологией и щедровитянском с... не знаю, типологией ли* (Щедровицкий 2005)), который часто пересекается со ссылкой на трудности, испытываемые коммуникантом в ходе обсуждения научного вопроса и в некоторых других случаях, ср.:

(1): *Можем мы более жестко дифференцировать государство и власть?* <...> – (2): *Даже и не знаю, с чего начать.* <...> *Если власть – это в основном ощущение силы, то государство – это главным образом технологии управления. Сравните английские «power» (сила, мощь, власть, держава) и «state» (состояние, положение, государство)* <...> (Современная Россия 2014).

Lots of times we have to have whatever that insight is, it has to fit onto one page of paper <...>. I don't know how we could reduce it down to one page and it shouldn't be, but the ideas of the policies that govern some of the references that you've made to about teaching loads or licensure or certification or whatever <...> (Bridging 2004).

В приведенном русскоязычном контексте говорящий сталкивается с затруднениями на этапе формулировки ответа на вопрос (*даже не знаю, с чего начать*). Появление подобного игноративного репрезентатива не только косвенно сигнализирует о сложном характере вопроса (сообщение о трудностях), но и позволяет аргументатору собраться с мыслями, поразмышлять и выиграть время для более или менее содержательного ответа (hesitation marker). Что касается англоязычного игноратива, то здесь элементы hesitation не обнаруживаются: автор просто ссылается на сложность выполнения смысловой компрессии текста до объема в одну страницу и не предлагает вариантов решения этой проблемы, как в русскоязычном примере. На первый взгляд такая ссылка на трудности может показаться маркированной в интеррогативном плане (выглядит как косвенный запрос сведений). Однако отсутствие типичной для вопроса вербальной реакции со стороны собеседника, а также функционирование ссылки на трудности в составе ответной реплики не позволяют приписывать данному высказыванию наличия интеррогативной иллокуции.

В научном диалоге репрезентативные игноративы отличаются друг от друга не только своими функциональными, но и *экспрессивными свойствами*, в связи с чем целесообразно выделять:

а) *собственно экспрессивные игноративы* – содержащие специальные языковые или речевые средства, повышающие степень выразительности высказывания и эмоциональный фон общения (*Есть ли у присутствующих деятельность, ради*

которой нужно выпрыгивать из штанов и применять методологические наработки – я не знаю. Я даже о себе этого не знаю (Марача 2005)): в данном случае констатация незнания принимает интенсифицированную форму, в частности за счет речевого повтора (двойной ссылки на незнание), слова-интенсификатора (частица *даже*), лексических маркеров обыденно-разговорной коммуникации (*выпрыгивать из штанов*), посредством которых говорящий транслирует собеседнику свое эмоциональное состояние (раздражение, недовольство в связи с нерелевантностью поднимаемой темы);

б) *условно экспрессивные игноративы* – не содержащие таких средств ((1): *Is cadherin «processed» by PS?* – (2): *We don't know yet. We are currently studying that* (New 2000)). Однако даже в отсутствие специфических маркеров выразительности игноративные сообщения сложно квалифицировать в качестве экспрессивно нейтральных. Напротив, любому игноративу, представленному в научном диалоге, можно приписать статус условного экспрессива уже только на основании его использования в научном дискурсе: как известно, стилистический контраст способствует созданию экспрессивного эффекта (М. Риффатер).

Из всего сказанного выше можно заключить, что в научном диалоге, во-первых, репрезентативная семантика является для игноративов конвенциональной / ядерной / первичной (что детерминировано их поверхностной структурой); а во-вторых, репрезентативные игноративы могут выполнять разнообразные прагматические задачи, обусловленные как функциональными, так и выразительными свойствами ссылок на незнание.

2. Интеррогативные ссылки на незнание.

В процессе научной коммуникации иллокутивные параметры ссылок на незнание могут модифицироваться, в результате чего игноратив приобретает вторичные прагматические свойства. Так, в научном диалоге игноративное высказывание способно употребляться в интеррогативных контекстах, использоваться для запроса информации. Свою интеррогативную семантику ссылки на незнание развивают в том случае, если образуют реплики стимулирующего порядка, нацеленные на получение определенных сведений, например:

(1): <...> *I don't know if that's a set of 153 countries, if I understood correctly. If you can mention one or two of them in both extremes? Thank you very much.*

(2): *So this is a cross-country study. We haven't looked at specific country cases <...>.*

(3): *And I'm right to say that it was 153 countries that you analyzed?*

(4): *I think that's the number that we sort of started with, but every time we include another variable <...>. But that's where we started* (Redistribution 2015).

В приведенном примере ссылка на незнание (*I don't know if that's a set of 153 countries*), реализующая стимулирующую валентность, фактически

представляет собой общий вопрос уточняющего характера, направленный на получение подтверждения или отрицания предположения коммуниканта о количестве стран, задействованных в исследовательском проекте. После того как речевой акт вопроса, оформленный в виде игноратива, не возымел желаемого перлокутивного эффекта, он был продублирован в другой (более традиционной для вопроса) форме (*And I'm right to say that it was 153 countries that you analyzed?*), появление которой позволило адресату интерпретировать ссылку на незнание в правильном, интеррогативном ключе и предоставить запрашиваемые сведения.

Очевидно, что коммуникативные неудачи, связанные с неверным истолкованием иллокутивной силы игноративного сообщения, обусловлены общностью синтаксической структуры ассертивных и интеррогативных ссылок на незнание. В то же время учет таких условий их выражения, как условия искренности и условия успешности, позволяет четко дифференцировать их на два принципиально разных типа речевых актов. Так, условиями успешности интеррогативной ссылки на незнание, как и любого акта вопроса, являются: а) наличие у коммуниканта определенной информационной лакуны и б) пресуппозиция того, что адресат может ее заполнить, а условиями искренности – наличие у коммуниканта желания получить соответствующие сведения. В то же время условия успешности игноративных репрезентативов связаны с тем, что а) говорящий имеет основания считать свое незнание истинным и б) для него не очевидно, что слушающий это знает, а условия искренности – с тем, что говорящий действительно считает отсутствие определенных сведений истинным.

Из сказанного явствует, что наличие интеррогативной иллокуции в структуре игноративных высказываний детерминировано их особыми условиями искренности и успешности, обусловленными прагматическим контекстом, а также их позицией и ролью стимулирующего высказывания в составе диалогического единства:

игноратив-интеррогатив: *я не знаю / мы не знаем* (стимул) → реакция
vs.

игноратив-репрезентатив: стимул → *я не знаю / мы не знаем* (реакция).

Другими словами, интеррогативная ссылка на незнание не просто сигнализирует об отсутствии у субъекта незнания соответствующих сведений, но и провоцирует адресата взять слово, обуславливает появление очередной реплики собеседника (вызывает речевую реакцию адресата): (1): **Я не знаю, что такое эпистема.** – (2): *Но она знает. Если не знаешь, не ходи в это пространство. Какие эпистемы взяты.* – (3): **Я не знаю, что такое «взяты».** – (4): *Взяты – значит использованы <...>* (Данилова 2005). В приведенном примере ссылка на незнание может быть легко трансформирована в собственно вопрос с помощью единственной синтаксической операции – опущения (**Я не знаю,**

что такое эпистема = Что такое эпистема? или **Я не знаю, что такое «взяты» = Что такое «взяты»?**).

Интересно отметить, что наличие интеррогативной иллокуции в структуре игноративных высказываний может определяться и другими факторами, а именно типом объекта незнания. Если объектом незнания является конкретное лицо, например адресат, и особенности его вербального или невербального поведения, то игноративное сообщение приобретает также интеррогативную направленность: (1): *So I don't know if you want to add to it, Alex, but that's a quick answer for you, Alfonso* – (2): *I really want to just extend what's being said here with an analogy* (National 2009). Очевидно, что приведенная игноративная реплика носит апеллятивный характер благодаря ссылке на одного из участников научной дискуссии (*if you want to add to it, Alex*).

Таким образом, в научном диалоге эпистемический оператор (*я не знаю / мы не знаем* (*I don't know / we don't know*)) играет немаловажную роль в процессах передачи коммуникативной инициативы.

3. **Оценочные ссылки на незнание.**

В научном диалоге игноративные сообщения могут приобретать аксиологическую семантику, как позитивно-, так и негативно-оценочную. Цель аксиологически маркированных ссылок на незнание состоит в выражении положительного (одобрительного) или отрицательного (неодобрительного) отношения коммуниканта к определенному положению дел.

Негативно-оценочные игноративы (несогласие, сомнение, возражение и под.).

Негативно-оценочная функция игноративных реплик реализуется в двух видах контекстов: объектоориентированных и субъектоориентированных.

В фокусе **объектоориентированных** реплик находится **объект незнания** (совпадение объекта аксиологической и эпистемической оценки): *Now, the notion of universal healthcare is very appealing, having been raised in Italy, there was ways in which that does not work, too. So I don't know that the reimbursement by itself is a solution* (Nanotechnology 2007). В данном случае ссылка на незнание, по сути, представляет собой средство выражения несогласия с положением об общедоступности медицинской помощи в Италии. Безусловно, такие провокационные заявления не могут формулироваться прямо и категорично, в результате чего участники научного диалога прибегают к имплицитным способам выражения критики и сомнения, к числу которых относится и ссылка на незнание (*I don't know*). Модусная вставка *I don't know* семантически сближается одновременно с конструкцией *I disagree* (выражающей несогласие) и рамкой *I am not sure* (осложняющей высказывание говорящего оттенками неуверенности, сомнения, указывающей на субъективность полемического суждения и, таким образом, маскирующей и смягчающей

критику). В этом смысле показательным является аналогичный пример, но в котором эксплицитно представлены все три модуса – *I don't know*, *I am not sure* и *I disagree* (***I don't know that is true. I am not sure I would agree with that*** (Nanotechnology 2007)).

Что же касается **субъектоориентированных** реплик, то здесь в зоне аксиологических интересов находится **субъект незнания** (объектом аксиологической оценки является субъект эпистемической оценки): *Я говорю, что семинар нагенерировал уйму идей. Когда начинаешь разбираться, оказывается, что процентов шестьдесят из них уже давно были, и мы не знаем об этом только по своей неграмотности* (Данилова 2005). Приведенное игноративное сообщение приобретает негативно-оценочный потенциал благодаря мотивировочной части реплики (*по своей неграмотности*). В данном случае негативная оценка направлена на субъект незнания, которым, однако, выступает не конкретное лицо, а обобщенный класс лиц (*мы не знаем <...>*), к которому автор игноратива причисляет и самого себя (посредством неререферентного *мы*).

Прагматика субъектоориентированных и объектоориентированных реплик принципиально отличается: если первые, как мы выяснили выше, призваны смягчить несогласие / возражение, то вторые превращаются в открытое средство дискредитации, но только в силу обвинительного характера мотивировочной части высказывания.

Позитивно-оценочные игноративы (согласие, одобрение и под.).

Позитивно-оценочные ссылки на незнание всегда являются объектоориентированными: **Я не**

знаю более мощной коллективной организованности вокруг проблем истории, чем французская школа «Анналов» (Марача 2005) ***I don't know of any other book that does it the way this book does it, in such a clear, thorough way*** (Biology 2007). Они представляют собой не столько ссылку на отсутствие сведений, сколько указание на уникальность некоторого феномена, процесса, действия и под. Другими словами, их цель состоит не в том, чтобы констатировать незнание о «более мощной коллективной организованности вокруг проблем истории» или о лучшей книге, а в том, чтобы зафиксировать принципиальное знание об отсутствии таких.

Выводы

Таким образом, анализ функционирования в научном диалоге ссылок на незнание показывает, что игноративные сообщения не просто имеют рефлексивную природу, не только отражают определенное эпистемическое состояние говорящего, но и являются эффективным средством речевого воздействия. Помимо своей репрезентативной функциональной предназначенности, ссылки на незнание способны фиксировать в научном диалоге параллельные интенции говорящего: интеррогативную и оценочную (как позитивно-, так и негативно-оценочную). При этом на формирование иллюкативных характеристик игноративных сообщений оказывают влияние самые разные факторы, как структурные, так и прагматические, причем в приблизительно равной степени. Только совокупный учет условий коммуникации позволяет раскрыть прагматическую специфику высказывания с модусом незнания.

Материалы исследования

Biology 2007 – *Biology of freedom* 2007. URL: <http://philoctetes.org/documents/Biology%20of%20Freedom.pdf>.

Bridging 2004 – *Bridging Research and Practice: An Examination of a Teaching and Learning Model* 2004. URL: https://mspn-static.s3.amazonaws.com/math_3_7.doc.

Nanotechnology 2007 – *Nanotechnology, Medicine, and Ethics* 2007. URL: <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/june07/session5.html>.

National 2009 – *National Ethics Commissions: Looking Back and Looking Forward* 2009. URL: <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/march09/session4.html>.

New 2000 – *New Theories of Presenilin Function* 2000. URL: <https://www.alzforum.org/webinars/new-theories-presenilin-function>.

Redistribution 2015 – *Redistribution, Inequality, and Growth* 2014. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/54/tr022614>.

WAC 2016 – *WAC 8 Digital Bioarchaeological Ethics Panel Discussion, 29 August 2016 and Resolution on Ethical Use of Digital Bioarchaeological Data* 2016. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11759-018-9343-0>.

Абрэу-Фамлюк 2022 – *Абрэу-Фамлюк В.Р.* Интерпретирующие речевые акты в структуре диалогического дискурса (на материале русского, английского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Абрэу-Фамлюк Виктория Раульевна. Минск, 2022. 198 с.

Данилова 2005 – *Данилова В.Л.* К проблеме вклада ММК в развитие психологии: стенограмма научной дискуссии 2005. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/18.html>.

Задворная 2001 – *Задворная Е.Г.* Коммуникативно-эпистемические параметры высказывания и дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Задворная Елена Геннадиевна. Минск, 2001. 198 с.

Марача 2005 – *Марача В.Г.* Методология ММК как метафронезис коллективно-распределенного мышления 2005. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/17.html>.

Маслова 2007 – *Маслова Л.Н.* Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Маслова Любовь Николаевна. Москва, 2007. 192 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22300629>. EDN: <https://elibrary.ru/suacyz>.

Методология 2004 – *Методология как технология* 2004. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/7.html>

Милянчук 2005 – *Милянчук Н.С.* Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Милянчук Наталья Сергеевна. Владивосток, 2005. 214 с.

Моргун 2002 – *Моргун Н.Л.* Научный сетевой дискурс как тип текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Моргун Наталья Леонидовна. Тюмень, 2002. 289 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16001317>. EDN: <https://elibrary.ru/nmebwv>.

Простов 2006 – *Простов А.В.* Функционально-семантическая специфика глагольных форм прошедшего времени в современном французском научном дискурсе: на материале текстов по лингвистике: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Простов Александр Владимирович. Волгоград, 2006. 167 с.

Современная Россия 2014 – *Современная Россия: Дискуссия (Материалы семинаров Центра россиеведения ИНИОН РАН, 2008–2013)*. Москва, 2014. 324 с.

Соловьева 2007 – *Соловьева Н.В.* Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Соловьева Наталья Васильевна. Пермь, 2007. 244 с.

Сценарии 2009 – *Сценарии посткризисного развития России* 2009. URL: <https://polit.ru/article/2009/02/19/crisis>.

Щедровицкий 2005 – *Щедровицкий Г.П.* Мышление. Понимание. Москва: Рефлексия, 2005. 524 с.

Библиографический список

Smarandache 2007 – *Smarandache F.* Collected papers. USA: ILQ, 2007. 227 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/309425640_Considerations_Regarding_The_Scientific_Language_and_Literary_Language.

Stroinska 2001 – *Stroinska M.* Pragmatics of scientific discourse // *Linguistik als Kulturwissenschaft: Festschrift für Bernd Spillner zum 60. Geburtstag* / Peter Lang. Sonderdruck: Peter Lang, 2001. P. 199–209. URL: https://www.researchgate.net/publication/334331137_Pragmatics_of_Scientific_Discourse.

Задворная 2017 – *Задворная Е.Г.* О вариативности интерпретации имплицитных смыслов и их роли в развитии диалога // *Эксплицитное и имплицитное в языке и речи: мат-лы междунар. научной конф. / Минск. гос. лингвист. ун-т. Минск: МГЛУ, 2007. С. 35–37.*

Задворная 2023 – *Задворная Е.Г.* Эпистемическая зона веры в научном диалоге // *От слова к дискурсу: разнообразие форм и (не)предсказуемость смыслов: тез. докл. междунар. науч. конф. / Минск. гос. лингвист. ун-т. Минск: МГЛУ, 2023. С. 22–24.* URL: <http://e-lib.mslu.by/bitstream/edoc/12385/1/22-24.pdf>.

Нистратова 2004 – *Нистратова С.Л.* Об экспрессивности синтаксических средств научной речи // *Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. Вып. 28. С. 192.*

Соловьева 2011 – *Соловьева Н.В.* Типы речевого поведения в научном дискуссионном тексте // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2011. № 1. С. 180–184. URL: <https://www.sibscript.ru/jour/article/view/3833>.

References

Smarandache 2007 – *Smarandache F.* (2007) Collected papers, vol. 1. USA: ILQ, 227 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/309425640_Considerations_Regarding_The_Scientific_Language_and_Literary_Language.

Stroinska 2001 – *Stroinska M.* (2001) Pragmatics of scientific discourse // *Linguistik als Kulturwissenschaft: Festschrift für Bernd Spillner zum 60. Geburtstag*. Sonderdruck: Peter Lang, pp. 199–209. Available at: https://www.researchgate.net/publication/334331137_Pragmatics_of_Scientific_Discourse.

Zadvornaya 2017 – *Zadvornaya E.G.* (2017) On the variability of interpretation of implicit meanings and their role in the development of dialogue. In: *The Explicit and the Implicit in Language and Speech: proceedings of an international scientific conference*. Minsk: MGLU, pp. 35–37. (In Russ.)

Zadvornaya 2023 – *Zadvornaya E.G.* (2023) Epistemic area of belief in scientific dialogue. In: *From word to discourse: diversity of forms and (un)predictability of meanings: proceedings of international scientific conference*. Minsk: MGLU, pp. 22–24. Available at: <http://e-lib.mslu.by/bitstream/edoc/12385/1/22-24.pdf>. (In Russ.)

Nistratova 2004 – *Nistratova S.L.* (2017) On the expressiveness of syntactic means of scientific speech. In: *Language, consciousness, communication: proceedings of an international scientific conference*. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova, issue 28, p. 192. (In Russ.)

Soloviyova 2011 – *Soloviyova N.V.* (2011) Types of speech behavior in the scientific discussion text. *The Bulletin of Kemerovo State University*. no. 1, pp. 180–184. Available at: <https://www.sibscript.ru/jour/article/view/3833>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

Дата поступления: 14.04.2024
рецензирования: 16.05.2024
принятия: 02.09.2024

Язык СВО в историко-культурном контексте

И.А. Изместьева

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: iz-irina@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7142-3834>

Аннотация: В настоящей статье рассматривается язык специальной военной операции, в том числе жаргон, с функционально-семантической точки зрения. Язык СВО выходит за рамки языка профессиональной группы военных и в основной своей массе благодаря СМИ и социальным сетям становится понятен большинству говорящих на русском языке. Военный жаргон насчитывает примерно триста лет, определен различными военными кампаниями, в которых принимали участие Россия и СССР. В современном языке военных функционируют жаргонизмы начала XX в., сложившиеся в период Первой мировой войны, активное развитие языка военных XX в. связано с событиями Великой Отечественной войны, войны в Афганистане и др. В настоящее время отмечается активизация военного словотворчества: наряду с устоявшимися жаргонными единицами, которые обозначают реалии жизни военных, одежду, вооружение, военные действия, ордена и др., появились новые номинации, вызванные достижениями в области науки и техники, отношением к военно-политической ситуации. Лексемы и фраземы военной сферы выполняют номинативную, характеризующую, эмоционально-оценочную и игровую функции. Тематические группы слов формируют семантическое поле военных действий на основе денотативного значения жаргонных слов и возможной коннотации. Язык СВО отражает исторически сложившийся и развивающийся военный социолект русского национального языка, в основной своей массе представленный русской лексикой и фразеологизмами, детерминологизированной лексикой и аббревиатурами, также бытовыми сленговыми словами. Незначительное количество иностранных терминов, обозначающих оружие и др., изменяют фонетическую и грамматическую форму. В целом язык СВО отражает национально-культурную особенность современной военно-политической коммуникации.

Ключевые слова: военный жаргон; тематические группы жаргонизмов; эмоционально-оценочная, номинативная и характерологическая функции жаргонизмов; лексика и фразеология специальной военной операции.

Цитирование. Изместьева И.А. Язык СВО в историко-культурном контексте // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 159–166. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-159-166>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Изместьева И.А., 2024

Ирина Алексеевна Изместьева – доктор филологических наук, доцент, кафедра русского языка, литературы и лингвокриминалистики, Тольяттинский государственный университет, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, Белорусская улица, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.04.2024
Revised: 13.06.2024
Accepted: 02.09.2024

Language of the SMO in its historical and cultural context

I.A. Izmestyeva

Tolyatti State University, Tolyatti, Russian Federation
E-mail: iz-irina@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7142-3834>

Abstract: This article analyzes the language used in special military operations from a functional and semantic perspective. Nowadays, the language used by the military (the SVO as the special military operation in Ukraine) extends beyond the professional group and, thanks to media and social networks, has become understandable to most Russian speakers. The military jargon has a history dating back three hundred years, influenced by various military campaigns in which Russia and the USSR participated. The jargonisms from the early XX century, developed during the First World War, and the active development of military language in the twentieth century, are still present in modern military language. This is due to events such as the Great Patriotic War and the war in Afghanistan. Currently, there is a growing use of military terminology, alongside well-established slang terms that refer to aspects of military life, clothing, weapons, operations, orders, etc. New terms have emerged due to advancements in science and technology, as well as changes in the military-political situation. The lexemes and phrasemes used in the military sphere serve nominative, characterizing, emotional-evaluative, and gaming functions. These terms form thematic groups that make up the semantic field of military operations, based on the denotative meaning of slang words and their possible connotations. The language of the SVO reflects the historically formed and evolving military sociolect of the national language, primarily through Russian vocabulary and phraseological units, specialized terminology, and everyday slang. A small number of foreign terms, mainly related to

weapons, have been adapted to fit the phonetic and grammatical rules of the Russian language. Overall, the language of the SMO used in military-political communication reflects the national and cultural characteristics of the military.

Key words: military jargon; thematic groups of jargon; emotional-evaluative, nominative, and characterological functions of jargon; vocabulary and phraseology of special military operations (the SMO).

Citation. Izmestyeva I.A. Language of the SMO in its historical and cultural context. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 159–166. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-159-166>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: the author declared no conflicts of interest.

© Izmestyeva I.A., 2024

Irina A. Izmestyeva – Doctor of Philological Sciences, associate professor, Tolyatti State University, 14, Belorusskaya Street, Tolyatti, 445020, Russian Federation.

Введение

Язык военных, в частности русский военный жаргон, имея длительную историю существования, становится предметом активного научного осмысления на рубеже XX–XXI веков. Незначительная изученность военного жаргона была связана с его труднодоступностью для описания, так как он соприкасался с жаргонами ГРУ, КГБ и других секретных организаций СССР, также существовала трудность сбора подобной информации [Коровушкин 1994]. Отечественный военный жаргон рассмотрен в работах Т.М. Дьячок [Дьячок 1990, 1992], В.П. Коровушкина [Коровушкин 1994, 2000, 2003], С.В. Лазаревич (Лазаревич 2000), О.А. Захарчук (Захарчук 2007) [Захарчук 2011], Р.А. Сайфутдинова (Сайфутдинов 2011), Б.Б. Аюшеева [Аюшеев 2019] и других ученых. Большое количество исследований было посвящено англоязычному военному жаргону, он описан в трудах Г.А. Судзиловского (Судзиловский 1973), И.В. Беловой и Ю.Е. Павловой [Белова, Павлова 2008], Т.М. Беляевой и В.А. Хомякова [Беляева, Хомяков 2010] и др.

Военный жаргон начинает изучаться в синхронном и диахроническом аспектах, рассматриваются вопросы терминологического характера (военный социолект; военное арго; военный жаргон; военные низкие коллоквиализмы; военные вульгаризмы; жаргоны, смежные с военным жаргоном, и др.). В исследованиях русского и англоязычного жаргонов подчеркивается сложность различения понятий «военный жаргон» и «военный сленг»; ученые рассуждают о включении арго и жаргонизмов «как своеобразных нестандартных социально замкнутых и кастово ограниченных микросистем словоупотреблений – социолектов особого функционального назначения в просторечную незамкнутую макросистему» [Беляева, Хомяков 1985, с. 39]. В работах дается объяснение военно-профессиональной и военно-бытовой лексики военного жаргона; описывается своеобразие тематических групп, номинирующих оружие и технику, военные действия, обмундирование, быт и др.; определяется лексико-семантическое своеобразие и особенности словообразовательных процессов в области военного жаргона; доказыва-ется, что для лексики военного языка характерны эмоциональность, оценочность, экспрессивность,

стилистическая сниженность и секретность. Была сделана попытка описать национально-культурную специфику русского военного жаргона (Ворожейкина 2005); поднята проблема этнокультурной стереотипизации языка военных США [Романов 2015], проанализирован язык американских военных блогеров с точки зрения языковой личности военных [Голубенко 2024].

В настоящее время русскому военному жаргону уделяется пристальное внимание в связи с тем, что специальная военная операция активизировала словотворчество в этой сфере как со стороны военных, так и журналистов. События СВО и быт военнослужащих широко обсуждаются в публичной коммуникации, прежде всего в медийной сфере. Появились даже словари, фиксирующие новейшие лексические и фразеологические единицы, распространенные в речи военнослужащих и лиц иных профессиональных групп, чья деятельность связана со СВО (Демченко 2023; Толковый донбасско-российский разговорник). Это обстоятельство дает возможность представить более широкую картину бытующих в речи жаргонных и примыкающих к ним просторечных единиц.

Актуальность настоящего исследования состоит в необходимости зафиксировать язык СВО, осмыслить его включенность в русский военный жаргон. Предметом исследования выступили жаргонизмы, активно используемые военными, журналистами, блогерами и др. в период с 2014 г. по настоящее время.

Цель статьи состоит в том, чтобы провести систематизацию и анализ лексических и фразеологических единиц указанного периода, дать описание этих единиц с функционально-семантической точки зрения. Источниками для выборки материала послужили сводки о военных событиях, подготовленные журналистами и телеведущими (А. Коц, Е. Масленников, Р. Осташко, С. Пегов, Ю. Подольяка, А. Руденко, А. Сладков, Д. Стешин, А. Шейнин и др.); интервью с военнослужащими; информационные программы российского телевидения, сообщения военных блогеров и др.

Новизна предпринятого исследования заключается в описании жаргонного лексико-фразеологического пласта языка российских военнослужащих в свете специальной военной операции, расширении тематической классификации военных жаргонизмов, выявлении особенностей языка СВО.

Основная часть

Современная коммуникативная ситуация определяется открытостью и вовлеченностью носителей русского языка в обсуждение результатов СВО; освещение военных действий передается практически в прямом эфире, поэтому язык военных становится достоянием большой аудитории, проникает в официальную, деловую и разговорную сферы употребления языка. Многим стали понятны аббревиатуры военного времени: *РСЗО*, *БПЛА*, *ПЗРК*, *БМП*, *ЦИПСО* – ‘центр информационно-психологических спецопераций – украинское подразделение ВСУ, которое занимается кибератаками’, *база ЦО* – ‘нормативно-правовая база в сфере гражданской обороны Украины’, *вражеская телега* – ‘Telegram-канал, который администрируется из недружественных стран и маскируется под российский’ и др.

Актуальны лексемы, которые связаны с наименованием видов оружия: «Из западных СМИ пришло обозначение для вооружения НАТО – «зоопарк» («Леопарды», «Тигры», «Росомахи», «Волкодавы», «Мастиффы»). А в связи с флористическими наименованиями видов российского оружия («Герань», «Тюльпан», «Гиацинт», «Пион») даже появились метафоры «букет», «клумба», «рассада»» (Демченко 2023). Пришли новые слова, включающие в свой состав аббревиатуру СВО и символы V, Z: *С.В.ОЙ* «Русская Весна», *СВО-доброволец*, *СВО-эмигрант*, *СВО-тематика*; *раZведка*, *Z-символика*, *отряды «Шторм-Z»*, *«БорZ»*, *канал VZOR* и др.; активно используется словообразовательная модель с приставками *за-* и *де-*: *заукраинка*, *заукраинец*; «отток из страны некоторых представителей бизнеса и шоу-бизнеса дал нам “дечубайсизацию”, “деургантизацию”, “дечултансизацию”» (Демченко 2023). Названия иностранной и отечественной военной техники находят отражение в поэтическом творчестве: «горят леопарды и брэдли, гепарды и крабы горят», «Сбиваем *HIMARS* and *Storm Shadow*, угробим и “три топора”», «Орланы летят и ланцеты, “герань”, как мопед, тарактит», «мы *ФАБ*ы отправим в подарок», «в глубинах лежат “посейдоны”» (Платонов 2023).

Традиция давать жаргонные названия оружию и реалиям военной жизни достаточно устойчивая. В настоящей работе мы опираемся на определение военных жаргонизмов, предложенное В.П. Коровушкиным: «...слова и устойчивые словосочетания, обозначающие военные профессионально-корпоративные понятия, имеющие сниженную этико-стилистическую коннотацию переходного качества (от шутливо-иронической и фамильярно-насмешливой до пейоративной и вульгарной табу), обладающие социально-профессиональной маркированностью в военном социуме, основной коммуникативно-номинативной и подчиненной ей эмотивно-эзотерической функцией, детерминированной ареальными, историческими, темпоральными, структурно-организационными, дислокационными и социолингвистическими факторами,

и противопоставлены в понятийно-функциональном плане своей профессиональной частью общевойсковой терминологии» [Коровушкин 2003, с. 59]. В жаргонизмах отражаются социокультурная ситуация различных периодов военных действий, уровень научно-технического прогресса и социальное расслоение общества.

Анализ языковых особенностей неофициальной коммуникации в сфере специальной военной операции показал, что язык СВО включен в исторически сложившийся русский военный социолект. Так, в речи военных активно используются лексемы современного просторечия, которые восходят к общему жаргону. О тенденции взаимовлияния и даже слияния разных типов жаргона пишет Л.П. Крысин: общий жаргон «не просто занимает промежуточное положение между собственно жаргонами (скажем, тюремно-лагерным, воровским, нищенским и др.), с одной стороны, и литературным языком – с другой, но и активно используется носителями литературного языка в неофициальной обстановке» [Крысин 2000]. Применительно к языку СВО это выражается в широком распространении следующих лексем и фразеосочетаний типа: *бабло* ‘госконтракт, деньги’; *информационщики* ‘журналисты’; *инфа* ‘информация’; *мобик* ‘мобилизованный’; *опты* ‘оппозиционеры’; см. подобные единицы в составе высказываний: *власти порешали*; *Залужный подставляет Зеленского*; *заточены на фронт*; *Индус (Сунак) зарядил хохлов*; *отмазка не прокатит*; *продавливать оборону*; *слить Киев*; *у ВСУ полный звиздец* и др.

Также функционирует группа жаргонизмов, известная со времен Первой мировой и Великой Отечественной войн: *зацепить* ‘легко ранить’; *мясные итурмы*, *мясной накат* ‘выполнение военной задачи ценой жизни солдат’; *мясорубка* ‘кровавое сражение’; *ночные охотники* ‘ночные истребители’ и др. Показательной, например, является лексема *гауляйтер* (см. в тексте: «пророссийские телеграм-каналы проводят параллель между современной Украиной и нацистской Германией. Главы городов и регионов называются *гауляйлерами*, то есть ставленниками нацистского режима Украины, имеющими в современных реалиях почти неограниченную власть. Перед ними стоит лишь определенная задача от фюрера – не сдавать территории, прикрываясь «живым щитом» из мирных жителей, а все остальное – на их усмотрение» (Кто такой Гауляйтер?).

Активно используются единицы периода Афганской войны: *блин* ‘блиндаж’; *буханка* ‘УАЗ 452’; *вертушка* ‘вертолет’; *горка* ‘горный костюм’; *двухсотый* ‘убитый’; *дежурить на фишке* ‘нести караул’; *зушка* ‘двухствольная спаренная автоматическая зенитная установка ЗУ-23’; *Ксюха* ‘автомат Калашникова укороченный’; *ЛБСка* ‘линия боевого соприкосновения’; *мотолыга*, *маталыга*, *мотолаба*, *эмтээлбэшка* ‘легкий многоцелевой гусеничный транспортер-тягач МГЛБ’; *на броню* ‘ехать поверх брони боевой машины’; *плет-*

ка, *весло* ‘снайперская винтовка Драгунова’; *трехсотый* ‘раненый’ и др. Лексема *боец* в «Словаре армейского жаргона 90-х годов» имеет значение ‘новобранец, солдат первого полугодия службы’ (Кнорре, Мирошкин 1999), в настоящее время передает общее значение ‘военнослужащий’. Вновь зазвучала артиллерийская команда «*Триста-тридцать-три!*»; песня А. Ванюшкина «Триста-тридцать-три» стала неофициальным гимном СВО.

На этом фоне выделяется большая группа жаргонизмов, отражающая события 2014 г. и СВО: *Ахмат* ‘специальный отряд быстрого реагирования’; *белка* ‘сотовая связь в ДНР’; *громкий район* ‘район г. Донецка, который регулярно обстреливается’; *Кальмиус* ‘14-я гвардейская артиллерийская бригада’; *контрнаступанцы* ‘украинские военные’; *музыканты, оркестр* ‘бойцы ЧВК Вагнер’; *отряды «Шторм-Z», «БорZ»*; *Призрак* ‘14-й батальон территориальной обороны ЛНР’; *промка* ‘промзона Авдеевки’; *Пятнашка* ‘добровольческое вооруженное формирование под руководством Ахры Авидзбы’; украинские *ЛОМы-волонтеры* ‘агитаторы’ и др.

Т.М. Беляева, В.А. Хомяков, С.В. Лазаревич и др. обозначили несколько тематических групп военного жаргона: это тематическая группа, отражающая военную деятельность (военная техника, действия, виды и рода войск, военные звания, должности, профессия, срок службы); тематическая группа, связанная с военно-бытовой жизнью (пища, обмундирование, быт, отношения) [Беляева, Хомяков 2010; Лазаревич 2000]; субъекты армейской службы (солдаты, командиры) [Захарчук 2011]. С учетом большей доступности материала для наблюдений исследователя, а также большего числа задействованного технического арсенала, методов и приемов ведения войны эту классификацию можно расширить и детализировать, включив в нее, в частности, тематические группы, которые характеризуют противоборствующие стороны (соотносящиеся по принципу оппозиции «свой – чужой»).

Рассмотрим тематические группы военного жаргона, отражающие, с одной стороны, многообразие реалий жизни военнослужащих на СВО, а с другой – активное словотворчество, в процессе которого используются богатейшие ресурсы словообразовательной системы современного русского языка.

Представим состав нескольких тематических групп, включающих наряду с уже известными и новейшие военные жаргонизмы.

1. Названия укреплений: *зубы дракона* или *линии Суровикина* ‘полосы оборонных заграждений, состоящие из противотанковых рвов, минных полей, колючей проволоки и фортификационных сооружений’ (по аналогии с *линиями Суровикина* появились *линии Зеленского*); *опорник, ОП* ‘опорный пункт противовоздушной обороны’; *укрепы* ‘укрепленные сооружения’ и др.

2. Названия техники, отражающей технологическую специфику ведения боевых действий в период СВО: *Абрашка* ‘танк «Абрамс»’; *арта* ‘артиллерия’; *Баба-яга* ‘окакоптер’; *дроны-камикадзе, камики, летающие конструкторы, летучие мыши, воздушные змеи* ‘тип беспилотных летательных аппаратов, начиненных взрывчаткой’; *жирные цели* ‘мобильные системы противника’; *Змей Горыныч* ‘система разминирования РФ’; *изделие* ‘беспилотник-камикадзе «Герань»’ (см. в речи: «*Одновременно в воздухе над Украиной находятся 40 изделий*»); *козак Мамай* ‘морской дрон ВСУ’; *Косатка* ‘американская беспилотная подводная лодка’; *ловкий* ‘дрон’; *окопный РЭБ* ‘средство радиоэлектронной борьбы’; *птичка* ‘беспилотник, самолет’; *теплак* ‘тепловизор’ и др.

3. Названия оружия: *120-ка* ‘120-миллиметровый миномет’; *30-ка* ‘30-миллиметровая автоматическая пушка БМП-2’; *80-ка* ‘82-миллиметровый миномет’; *граник* ‘гранатомет’; *железо* ‘оружие’; *калашмат* ‘автомат Калашникова’; *карандаш, кукуруза* ‘осколочные гранаты’; *лепестки* ‘вид противопехотных мин, которые разбрасываются с воздуха’; *муха* ‘ручной одноразовый гранатомет’; *русский чугуний* ‘фугасные авиабомбы’; *шмон* ‘миномет’ и др.

4. Названия обмундирования: *броник, ратник* ‘бронезилет’; *Леший, Кикимора* ‘многослойная накидка, позволяющая скрыться от тепловизора’; *поилка* ‘приспособление в виде рюкзака на спину со шлангом’; *пончо* ‘дождевик’; *пятиточечник, поджопник* ‘сиденье полевое’; *снаряга* ‘снаряжение’; *шмурдяк* ‘рюкзак’ и др.

5. Названия участков местности, связанной с ведением боевых действий: *открытка* ‘открытый участок местности’; *дорожка смерти* ‘открытая, обстреливаемая местность’; *зеленка* ‘лесополоса’; *красный край (красная зона)* ‘место на передовой, где боец оказывает сам себе помощь и происходит эвакуация раненого’; *желтый край (желтая зона)* ‘относительно безопасное место для оказания сторонней медицинской помощи’; *зеленый край (зеленая зона)* ‘место лечения раненого за пределами военных действий’; *лесопалка* ‘лесополоса на открытой местности’; *(находиться) за ленточкой* ‘на передовой; также в Донбассе’; *передок, дерьмо* ‘передний край фронта’; *Авдос* ‘Авдеевка’ и др.

6. Названия военных действий: *удавка* ‘окружение’ (*авдеевская удавка*); *дискотека* ‘обстрел’; (*бахмутовская*) *мясорубка* ‘кровопролитное сражение’; *ответка, жесткий привет* ‘ответный удар’; *валить* снабжение; *вскрыть* (блиндаж) ‘попасть в цель’; *вскрыть* (системы ПВО); *выйти на охоту* ‘на задание’; *держат сектор, тащить сектор* ‘контролировать участок местности’; *затрофеить* ‘захватить в качестве трофея’; *наковырять* ‘дать отпор’; *накрыть* («Кинжалами») ‘поразить’; *насыпать* ‘открыть огонь, обстрелять’; *работать* ‘выполнять задание, огневую задачу’; *отработать* (минометамми); *прилетело* ‘о попадании снаряда’; *утюжить* авиацией ‘наносить удар авиационными ракетами

по технике и живой силе противника»; *затпури́ть* (танк) 'уничтожить при помощи ПТУРа – противотанковой управляемой ракеты' и др.

7. Оценочные названия военных действий: *дронoпад* 'о сбитых дронах'; *кошмарить* 'наносить ракетный удар'; *похолодало* 'об усилении обстрела со стороны ВСУ'; *серьезная драка* 'тяжелое сражение' и др.

8. Обозначения смерти: *выехать за ноль* 'погибнуть'; *кровотечение* 'потеря личного состава'; *обнулить* 'расстрелять'; *отчалить к Бандере*, *загинуться к подземной сотне* 'о гибели украинских военных'; *поехать на подвал* 'погибнуть, умереть' (ср. выражение: *отправить в республику Иртыш* 'убить, расстрелять', известное с периода контрреволюционных выступлений 1920–1921 гг.) и др.

9. Названия российских военнослужащих по роду деятельности: *боевик* (произошла замена значения 'участник незаконного вооруженного формирования' на значение 'военнослужащий, боец'); *штурмовики*, *штурма́*, *штурмы* 'пехотинцы, участвующие в штурме'; *боевые бoмжи* 'штурмовики'; *дрoнoвод* 'оператор беспилотника'; *соваты* 'операторы дронов'; *разведосы*, *тигры* 'разведчики'; *генерал Армагеддон* (С.В. Суровикин); ср. шуточные номинации «помощников» российских военных – *рядовой Дрон(ов)* 'коптер'; *генерал Мороз*, *тактический Куст*, *секретный агент Мышь* и др.

10. Названия военных журналистов РФ, освещающих СВО: *бойцы информационного фронта*; *военкоры Русской Весны*.

11. Имена руководителей и командиров Донбасса: *Захар*, *таксист* 'шуточное прозвище А. Захарченко, глава ДНР (2014–2018)'; *Командос* 'командир Гиви, М.С. Толстых, командир батальона «Сомали» (2014–2017)'; *Мотор*, *Моторчик* 'командир батальона «Спарта» Арсений Павлов «Моторола»'; *Плотя* 'И.В. Плотницкий'.

12. Оценочные названия лиц, уклонившихся от службы или выступивших против СВО: *закраинцы*, *нетвойняшки*, *мызамирцы*, *всепропальщики* 'лица, выступающие против СВО и за поражение России'; *релоанты*, *ухи* 'лица, уехавшие из России в связи со СВО'; *ылита*, *элитка* 'деятели культуры и искусства, которые уехали из России в связи со СВО'.

13. Оценочные названия Украины и ее представителей, являющихся противниками в рамках СВО:

А. Названия Украины как противника в рамках СВО: *террористическое злокачественное образование УГИЛ*; *страна 404* и др.

Б. Имена украинских военных и политических руководителей – *генерал-котел*, *генерал-мясник*, *генерал-200* 'главнокомандующий Сьрский'; *За* 'главнокомандующий Залужный'; *Зек-президент*, *Зек-режим*, *Зек*, *Зе*, *Зея*, *Зело*, *Зеленый*, *Клоун*, *Клоун-президент*, *кокаиновый Клоун*, *Кокаинский* 'президент Украины В. Зеленский'; *Люся*, *Люсьен*,

Люсьен де Арестофф, *пан Арестович* 'украинский политический деятель А. Арестович' и др. Приведенные прозвищные антропонимы «сохраняют понятийную информативность» [Нечаева 2023, с. 116] и передают отрицательную оценочную коннотацию.

В. Имена украинских военнослужащих и политиков: *укры*, *укропы*, *укронелюди*, *укровояки*, *немцы*, *небратья*, *чубатые*, *Тарасы* 'украинские военнослужащие'; *нацики* 'бойцы батальонов «Азов» и «Айдар»'; *ловцы душ* 'военкомы'; *ТЦКашиники* 'сотрудники военкоматов Украины'.

Г. Оценочные названия мобилизации и мобилизуемых лиц на Украине: *могилизация*, *утилизация*, *мобилизовать с пола*; *наковать* (мужиков), *поднять улов*; *добровольцы* 'насильно мобилизованные'; *мясо*, *пушечное мясо*, *мясокомбинат Зеленского*; *уклонисты* 'лица, покинувшие Украину или отказавшиеся от мобилизации'.

Д. Оценочные названия украинских информационных каналов: *инфoпoмoйки*; *вражеские телеги*; *телевизионный утюг*.

Как упоминалось выше, с началом военной операции в русскую речь вошло много новых слов. Мы отметим в данном случае лишь некоторые наиболее продуктивные модели, получившие отражение в новейшем жаргоне, так как в свое время Е.А. Земская описала основные способы образования жаргонизмов и подчеркнула: словообразование «в жаргоне служит... для того, чтобы порождать яркие, образные, несущие заряд выразительности слова, многие из которых являются экспрессивными модификациями нейтрально-литературных, просторечных или разговорных слов» (Земская 1999, с. 18).

Жаргонизмы СВО, возникшие на основе иностранной терминологии, немногочисленны, они соотносены с названиями техники и оружия. Основной пласт жаргонизмов определен языковым материалом, входящим в русский язык. В языке СВО активно используется модель жаргонного образования, которая связана с различными суффиксами, например *повесточник*, *отъезжант*, *уезжант* и др., сложно-суффиксальным образованием: *небратья*, *нетвойняшка*, *нетвойнист*, *нацифист*, *мнестыдновец*, *мнестыдник*, *поухавшие*, *унаехи* (противники СВО), *укровояка*, *укронелюдь*, *завоенец*, *зетоносец* и др.

Часть лексем появилась в результате семантической деривации: *грачи* 'самолеты РФ'; *зачистить* 'вытеснить'; *наковырять* 'дать отпор'; *наковать* 'мобилизовать'; *срисовал* 'получил координаты'; *тигры* 'разведчики РФ'; *удавка* 'окружение'; *утюжить* 'наносить удары с неба' и др. Звуковая игра позволяет привнести отрицательную или положительную коннотацию: *Зэк*, *могилизация*, *наглосаксы*, *ылита*, *элитка* и др., ср.: *калашмат* 'автомат Калашникова' и др.

Речевое творчество СВО находит выражение также в создании поговорок (*тащи сектор и делай шаг вперед*) и фразеологизмов, которые харак-

теризуют военную ситуацию: *валить снабжение, жирные цели, отработать минометами, пожарная команда* ‘команда на случай обороны оголившегося участка фронта’, *порвать оборону, серьезная драка, снарядный голод, топтать войну, треугольник смерти* («Работино – Новопокровка – Вербовое: в **треугольнике смерти**»), *утюжить авиацией*. Многочисленны фразеологизмы с семантикой смерти, например: *захватить на яму (на подвал)*; устойчивые сочетания характеризуют дерзкого человека – *переобщался с сепарами*; также дана оценка мобилизации противника – *косят болезни, паковать мужиков, сквозняком через границу, поднять улов* и др.; обозначены уехавшие из РФ из-за СВО – *философский самокат, философский самолет* (по аналогии с *философским парходом* периода эмиграции первой трети XX в.).

В материале содержатся многочисленные синонимические ряды жаргонизмов (см. примеры выше); антонимическое противопоставление носит контекстуальный и единичный характер, например: *красная зона* ‘самопомощь в боевой зоне’ и *зеленая зона* ‘лечение вне зоны боевых действий’.

Военные жаргонизмы СВО, как и жаргонизмы предшествующих периодов, выполняют ряд следующих функций.

1. Принцип экономии позволяет кратко и лаконично выразить мысль, заменить термин, например: *беспилотники* ‘беспилотные летательные аппараты’; *высокоточка* ‘высокоточные комплексы’; *опорник* ‘опорный пункт’; *передок* ‘передняя линия обороны’ и др.

2. Жаргонизм передает образную, экспрессивную номинацию, выступая синонимом нейтральному официальному названию; делает установку на шутку или дополнительное значение: *ловкий* ‘дрон’; *Мужик* ‘Орден Мужества’; *салорейх* ‘украинская власть’; *тигры* ‘разведка’; *чубаноид*, *мойва* ‘украинский военный’, *местами град* (о работе реактивной системы залпового огня со стороны российских военных) и др.

3. Жаргонизм служит способом выражения оценки: *инфопомойка* ‘украинские СМИ’; *кокаиновый клоун, наркотиш* ‘Зеленский’; *могилизация* ‘украинская мобилизация’; *мясокомбинат* ‘фронт’; *укронацики, укронелюди, укровермахт* и др.

4. Использование жаргонизмов создает эффект сопричастности, включенности в контекст; указывает на «своего»: *задвухсотился*; *мышеловка* ‘противопехотная мина’; *накатник* ‘затвор’; *промка* ‘промзона Авдеевки’; *сыграть симфонию* ‘начать обстрел’ и др.

Анализ языка СВО позволил выделить единицы, которые репрезентируют образы воюющих сторон. Российский военнослужащий определяет себя как труженика войны; в ходе боевых действий используется большое количество глаголов действия жаргонного значения: *валить, вскрыть, выйти на охоту, держать и тащить сектор, наковырять, накрыть, насыпать, отработать, утюжить, заптурить* и др.; *наши выносят* укра-

инскую военную инфраструктуру; противник сдувается; летчики готовятся к третьему прыжку ‘(как в спорте) третья попытка вылета’; *штурм* *ведут огонь по-самалийски* ‘неприцельно, выставляя оружие из-за угла’; *трофеить* ‘брать трофеи’ и др. Тяжелое сражение обозначено как *серьезная драка*; в такой номинации «наблюдается стремление соединить военные названия с мирными, то есть сгладить оппозицию “войны” и “мира”» (Захарчук 2007, с. 10).

Скрадывает военные трудности название военной техники именами собственными, которые становятся прецедентными – танк *Алеша*; также шутка, отраженная в названиях оружия и техники: уменьшительно-пренебрежительная оценка танка противника *Абрашка*; сказочная номинация украинских дронов *Баба-яга* и *козак Мамай* и под., с другой стороны, уважительная оценка русского оружия – *русский чугунный* ‘фугасные авиабомбы’. Украинские военнослужащие воспринимаются, как *небратья, немцы, укронелюди, укровояки* и под. Большой синонимический ряд дает номинация власти и военных Украины с очевидной отрицательной коннотацией: *война до последнего украинца, нацики, невменяшки, могилизация, террористическое злокачественное образование УГИЛ* и др. Жаргонизмы, характеризующие военные и действия российской стороны, обладают нейтральной (*изделия, железо* и др.), шутилкой, уменьшительной, уважительной, в целом положительной семантикой (*калашмат, муха, карандаши, русский чугунный* и др.).

Особо следует выделить устойчивые выражения, которые не относятся к жаргонному словотворчеству, но определяют образ российского военного. Из эпохи Первой мировой войны и Великой Отечественной войны пришел лозунг «*Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами*», фраза часто сокращается «*Враг будет разбит, победа будет за нами*», «*Слава русскому оружию. Победа будет за нами*». Как правило, этой фразой заканчивается интервью с военнослужащими СВО, также этой фразой завершает каждую свою передачу, посвященную оперативным сводкам с фронта, Вячеслав Никонов в программе «*Большая игра*». Зафиксированы высказывания, отражающие философию военных СВО: «*Мы идем туда, где кончается страх*»; «*Мы попадем в рай, потому что в аду уже были*».

Заключение

Своеобразие СВО состоит в том, что военные события получают освещение в разных аспектах: в сводках Министерства обороны РФ, со стороны официальных СМИ, репортажей с передовой, интервью с участниками СВО, различных «Дневников штурмовиков», размещенных в сети Интернет и др. Военные жаргонные слова и словосочетания периода с 2014 г. по настоящее время из-за пристального внимания носителей русского языка к происходящим событиям становятся хорошо ос-

военными и понятными. Это приводит к выходу жаргонизмов из круга ограниченного употребления, который связан с профессиональной военной средой, поэтому в русском военном жаргоне отмечается функционирование единиц, созданных по разговорным моделям литературного языка. Основными функциями выступают номинативная, характерологическая и эмоционально-экспрессивная, которые обусловлены метафорическим и метонимическим переосмыслением слов литературного языка; активизацией различных

словообразовательных моделей и аббревиацией; игровым аспектом словотворчества. Тематические и семантико-функциональные особенности языка СВО отражают национально-культурные черты русского военного жаргона, также создают образ участника СВО, передают его жизненные ценности и гражданскую позицию.

Перспективы работы видятся в необходимости рассмотрения языка СВО в лексикографическом аспекте, анализа и моделирования языковой личности российского военнослужащего СВО.

Материалы исследования

Ворожейкина 2005 – *Ворожейкина И.А.* Лингвокультурологическая характеристика военного сленга современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 19 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01002801272.pdf.

Демченко 2023 – *Демченко В.* Самые важные, необычные и забавные слова СВО. 20 декабря 2023: как «наглосаксов» накрывают артой и что значит «Шольца повалить». URL: <https://www.kp.ru/daily/27596/4868609/>.

Дневник штурмовика – *Дневник штурмовика*. URL: <https://dzen.ru/id/63fcc64ce59c5a53fd53d8f5>.

Захарчук 2007 – *Захарчук О.А.* Универсальные характеристики и национально-культурная специфика военного жаргона: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 21 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01003405432.pdf.

Земская 1999 – *Земская Е.А.* Словообразование // Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона: ок. 450 слов / под общ. рук. Р.И. Розиной. Москва: Азбуковник, 1999. С. 18–27. URL: <https://nashol.me/20220217141338/slova-s-kotorimi-mi-vse-vstrechalis-tolkovii-slovar-russkogo-obshego-jargona-rozina-r-i-ermakova-o-p-zemskaya-b-a-1999.html>.

Кнорре, Мирошкин 1999 – *Кнорре К., Мирошкин А.* Словарь современного армейского жаргона: опыт создания // Неприкосновенный запас. 1999. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/1999/5/slovar-sovremennogo-armejskogo-zhargona-opyt-sozdaniya.html>.

Коровушкин 2000 – *Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 372 с.

Кто такой Гауляйтер? – *Кто такой Гауляйтер?* URL: <https://proslo.ru/kto-takoj-gaulajter>.

Лазаревич 2000 – *Лазаревич С.В.* Лексика и фразеология русского военного жаргона (семантико-словообразовательный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2000. 22 с. URL: <https://rusist.info/book/260832>.

Платонов 2023 – *Платонов Анатолий.* Горят леопарды и брэдли. 2023 // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2023/07/02/7349>.

Романов 2015 – *Романов А.С.* Языковые средства экспликации этнических стереотипов в картине мира американских военнослужащих: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005571269?page=1&rotate=0&theme=white.

Сайфутдинов 2011 – *Сайфутдинов Р.А.* Военный сленг в контексте современной российской армейской субкультуры: автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2011. 22 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004973997.pdf.

Судзиловский 1973 – *Судзиловский Г.А.* Сленг – что это такое? Англо-русский словарь военного сленга. Москва: Воениздат, 1973. 182 с.

Толковый донбасско-русский разговорник – *Толковый донбасско-русский разговорник для безтолковых гражданских читателей, дополненный*. URL: <https://schepetnov.livejournal.com/12151.html>.

Библиографический список

Аюшеев 2019 – *Аюшеев Б.Б.* Лексико-семантическая и структурная характеристика солдатских жаргонизмов // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10, № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/32FLSK419.pdf>.

Белова, Павлова 2008 – *Белова И.В., Павлова Ю.Е.* Лексико-семантические особенности военного сленга в американском варианте английского языка // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2008. № 1 (101). С. 33–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskie-osobennosti-voennogo-slenga-v-amerikanskom-variante-angliyskogo-yazyka/viewer>.

Беляева, Хомяков 2010 – *Беляева Т.М., Хомяков В.А.* Нестандартная лексика английского языка. Москва: Книжный дом Либроком/URSS, 2010. 136 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/belyaeva/index.htm?ysclid=1z2n45qudh41689910>.

Голубенко 2024 – Голубенко Е.А. Профессиональная языковая личность военнослужащих Вооруженных сил США (по материалам текстов американских военных блогеров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2024. Т. 17, вып. 1. DOI: <http://doi.org/10.30853/phil20240010>.

Дьячок 1990 – Дьячок М.Т. Русское солдатское аргю (материалы к описанию) // Russian Linguistics. Dordrecht, 1990. Vol. 14. P. 255–267. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/dyachok-90.htm?ysclid=1z6jfh6n9g531544319>.

Дьячок 1992 – Дьячок М.Т. Солдатский быт и солдатское аргю // Russistik. Berlin. 1992. № 1. P. 35–42. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/dyachok-92.htm?ysclid=1z6k86g0ka884591567>.

Захарчук 2011 – Захарчук О.А. Тематическая классификация военного жаргона как отражение профессионального восприятия военнослужащих // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 224–226. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tematicheskaya-klassifikatsiya-voennogo-zhargona-kak-otrazhenie-professionalnogo-vospriyatiya-voennosluzhaschih/viewer>.

Коровушкин 2003 – Коровушкин В.П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подязыках (понятийный аппарат социолексикологического описания) // Вестник Оренбургского государственного университета, 2003. № 4. С. 53–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nestandartnaya-leksika-v-angliyskom-i-russkom-voennyh-podyazykah-ponyatiynyy-apparat-sotsioleksikologicheskogo-opisaniya/viewer>.

Коровушкин 1994 – Коровушкин В.П. Русский военный жаргон XVIII–XX вв. // Новый часовой, 1994. № 2. С. 76–81. URL: https://imwerden.de/pdf/novy_chasovoj_02_1994__ocr.pdf.

Крысин 2000 – Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. № 5. Сеул, 2000. С. 63–91. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm>.

Нечаева 2023 – Нечаева И.В. Антропонимы в письменной речи // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 1. С. 111–139. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.1.007. EDN: <https://elibrary.ru/zgnzub>.

References

Aiushchev 2019 – Aiushchev B.B. (2019). Lexico-semantic and structural characteristics of the soldier's jargon. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, no. 4 (10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/32FLSK419.pdf>. (In Russ.)

Belova, Pavlova 2008 – Belova I.V., Pavlova Yu.E. (2008) Lexical and semantic features of military slang in the American version of the English language. *Bulletin of the South Ural State University. Series «Linguistics»*, no. 1 (101), pp. 33–38. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskie-osobennosti-voennogo-slenga-v-amerikanskom-variante-angliyskogo-yazyka/viewer>. (In Russ.)

Belyaeva, Khomyakov 2010 – Belyaeva T.M., Khomyakov V.A. (2010) Non-standard vocabulary of the English language. Moscow: Knizhnyi dom Librokom/URSS, 136 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/belyaeva/index.htm?ysclid=1z2n45qudh41689910>. (In Russ.)

Golubenko 2024 – Golubenko E.A. (2024) Professional linguistic personality of servicemen of the United States Armed Forces (based on the texts of American military bloggers). *Philology. Theory & Practice*, vol. 17, issue 1. DOI: <http://doi.org/10.30853/phil20240010>. (In Russ.)

Dyachok 1990 – Dyachok M.T. (1990) Russian soldier's argot (materials for the description). In: *Russian Linguistics*. Dordrecht, vol. 14, pp. 255–267. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/dyachok-90.htm?ysclid=1z6jfh6n9g531544319>. (In Russ.)

Dyachok 1992 – Dyachok M.T. (1992) Soldier's life and soldier's argot. In: *Russistik*. Berlin, no. 1, pp. 35–42. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/dyachok-92.htm?ysclid=1z6k86g0ka884591567>. (In Russ.)

Zakharchuk 2011 – Zakharchuk O.A. (2011) Thematic classification of military jargon as a reflection of professional perception of military personnel. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 24 (239), Philology. Study of Art, Issue 57, pp. 224–226. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tematicheskaya-klassifikatsiya-voennogo-zhargona-kak-otrazhenie-professionalnogo-vospriyatiya-voennosluzhaschih/viewer>. (In Russ.)

Korovushkin 2003 – Korovushkin V.P. (2003) Non-standard vocabulary in English and Russian military sublanguages (conceptual organs of sociallexicological description). *Vestnik of the Orenburg State University*, no. 4, pp. 53–59. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nestandartnaya-leksika-v-angliyskom-i-russkom-voennyh-podyazykah-ponyatiynyy-apparat-sotsioleksikologicheskogo-opisaniya/viewer>. (In Russ.)

Korovushkin 1994 – Korovushkin V.P. (1994) Russian military jargon of the XVIII–XX centuries. *New Sentry*, no. 2, pp. 76–81. Available at: https://imwerden.de/pdf/novy_chasovoj_02_1994__ocr.pdf. (In Russ.)

Krysin 2000 – Krysin L.P. (2000) About some changes in the Russian language of the late XX century. In: *Studies in Slavic languages*, no. 5, Seoul, pp. 63–91. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm>. (In Russ.)

Nechaeva 2023 – Nechaeva I.V. (2023) Anthroponyms in Russian written speech. *Problems of Onomastics*, vol. 20, no. 1, pp. 111–139. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.1.007. EDN: <https://elibrary.ru/zgnzub>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11

Дата поступления: 13.04.2024
рецензирования: 17.05.2024
принятия: 02.09.2024

Гендерные стереотипы в немецком языке: синхронно-диахронный аспект

Н.Л. Шамне

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: nikolay.shamne@volsu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей объективации в немецком языке различных хронологических периодов универсальной оппозиции «мужчина – женщина» на материале лексикографических источников. Немецкий язык представляет интерес в плане изучения данной оппозиции в силу ее расширенного характера (расширение отмечено в рамках компонента «женщина»): Mann – Frau / Weib. На основе анализа толкования в словарях немецкого языка понятий «мужчина» и «женщина», в том числе с позиций отражения в них процессов гендерной стереотипизации в различные периоды развития языка, выявлены особенности развития представлений о данных понятиях в рамках определенной лингвокультуры. Определены ведущие характеристики мужчины и женщины, закрепленные в семантике ключевых лексем-репрезентантов *Mann, Frau, Weib*, а также образованных от них адъективов, показана их культурно-историческая обусловленность. Установлено, что в период XVIII–XIX вв. понятия «мужчина» и «женщина» последовательно отражают процессы гендерной стереотипизации, при этом гендерные стереотипы применительно к женщине носят разнонаправленный характер. Начиная с источников XX в. и особенно в источниках XXI в. стереотипы представлены в меньшей степени, выявлена *нейтрализация социальной противопоставленности внутри рассматриваемой оппозиции*. Отмечено, что оппозиция «мужчина – женщина» в немецком языке изначально имела двойственный характер – социально и природно ориентированный. Сделан вывод, что в настоящее время в лексикографических источниках ведущими признаками объективации оппозиции «мужчина – женщина» выступают *природно ориентированные признаки*. Обозначена проблема степени адекватности отражения различных понятий в толковых словарях немецкого языка.

Ключевые слова: гендер; гендерные стереотипы; лексикографические источники; мужчина; женщина; оппозиция, немецкий язык.

Цитирование. Шамне Н.Л. Гендерные стереотипы в немецком языке: синхронно-диахронный аспект // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 167–178. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-167-178>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шамне Н.Л., 2024

Николай Леонидович Шамне – доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 13.04.2024
Revised: 17.05.2024
Accepted: 02.09.2024

Gender stereotypes in the German language: synchronic-diachronic perspective

N.L. Shamne

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
E-mail: nikolay.shamne@volsu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Abstract: The article examines the peculiarities of objectification of the universal opposition «man – woman» in the German language based on lexicographic sources from different chronological periods. German language is interesting for studying this opposition because of its expanded nature, which is particularly evident within the «woman» component: «Mann – Frau / Weib». The analysis of interpretations of the concepts «man» and «woman» in German dictionaries reveals the processes of gender stereotyping reflected in them during different periods of language development. This allows us to understand the development of ideas about these concepts in a specific linguistic culture. The leading characteristics of men and women, as reflected in the semantics of key lexemes such as *Mann, Frau* and *Weib*, as well as adjectives derived from these words, are determined. Their cultural and historical context is explored. It is found that during the XVIII and XIX centuries, the concepts of «man» and «woman» consistently reflected the processes of gender stereotyping. However, gender stereotypes regarding women were more varied and complex. Starting in the XX century and especially in the XXI century, stereotypes have been presented to a lesser degree, with a noted neutralization of social oppositions within the considered opposition. It is observed that the opposition between *man* and *woman* in German initially had a dual nature, both socially and naturally. It is concluded that at present, in lexicographic sources, naturally oriented traits are the leading features of objectification in the «man-woman» opposition. The issue of the level of accuracy with which different concepts are reflected in explanatory dictionaries of the German language has been identified.

Key words: gender; gender stereotypes; lexicographic sources; man; woman; opposition; German language.

Citation. Shamne N.L. Gender stereotypes in the German language: synchronic-diachronic perspective. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 167–178. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-167-178>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: the author declared no conflicts of interest.

© Shamne N.L., 2024

Nikolay Leonidovich Shamne – Doctor of Philology, professor of the Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, 400062, Russian Federation, Volgograd, Universitetskii Avenue, 100.

Введение

Гендерная лингвистика как отдельное направление языкознания особенно активно стала развиваться в последней трети XX века в работах прежде всего зарубежных ученых и сразу сформировалась как междисциплинарная область гуманитарного знания, что вполне объяснимо, поскольку гендер всегда предполагает какое-либо взаимодействие с социумом. Представители определенной лингвокультуры, используя язык и осуществляя выбор тех или иных средств, речевых стратегий, тактик, демонстрируют тем самым сложившиеся в данном социуме убеждения, ценности и ожидания в области различных социальных аспектов [Шамне, Милованова 2023], в том числе применительно к гендеру (например: гендерное равенство / неравенство, дискриминация). В качестве одной из проблем, продолжающей интересовать ученых в рамках гендерной лингвистики, следует назвать формирование гендерных стереотипов и их выражение в языке [Гаранович 2020; Földes 2019; Westveer, Sleeman, Aboh 2018].

Язык не только отражает действительность, но также участвует в ее формировании и таким образом оказывает значительное влияние в том числе на процессы «создания» и восприятия гендера. Стереотипы вообще и гендерные стереотипы в частности можно охарактеризовать как инструменты обобщения, упрощения, схематизации и оценки впечатлений и информации, воздействующих на индивида посредством его окружения. Как считает Гордон Олпорт, психолог, занимающийся изучением поведенческого компонента предубеждений, возникновению стереотипов предшествует процесс категоризации, который не только неизбежен, но и когнитивно необходим, поскольку «человеческому разуму нужны категории, чтобы мыслить... как только категории сформировались, они становятся основой для обычных предубеждений. Мы не можем избежать этого процесса ни при каких обстоятельствах, потому что от него зависит наша упорядоченная жизнь» [Allport 1971, p. 24].

По мнению Сины Лаутеншлегер, в распространении и закреплении стереотипных гендерно-специфических характеристик участвуют средства массовой информации, посредством которых они передаются не только эксплицитно, но и имплицитно (Lautenschläger 2017, S. 219). Однако, на наш взгляд, другим источником распространения стереотипов являются толковые нормативные словари.

Лексикографические источники, безусловно, отражают действительность определенного вре-

менного среза и таким образом выступают одним из важных «этапов гендерной презентации» [Nübling 2010, S. 594]. Именно назначение словарей обуславливает значимость таких аспектов при их составлении, как актуальное функционирование языкового факта и авторитетность. Данные аспекты тесно взаимосвязаны: если авторитет не будет «подкреплен» языковым обычаем, то он перестанет быть таковым, а если языковые факты будут отбираться независимо от авторитетности, то такой словарь будет представлять собой неотредактированную запись речевой практики. В работах многих ученых неоднократно подчеркивалась важность существования этих двух аспектов, по сути, любая «успешная» запись языкового факта уже сама по себе является вкладом в авторитет [Hidalgo Tenorio 2000, p. 225; Barnickel 1999, S. 171; Kotthoff & Nübling 2018, p. 180]. Следовательно, ответственность лексикографов в процессе работы над словарем весьма высока.

Материал и методы

В основе гендерных стереотипов традиционно лежит универсальная оппозиция «мужчина – женщина». Особый интерес с точки зрения отражения в языке представлений о мужчине и женщине вызывает немецкий язык, в котором названная оппозиция имеет расширенный характер, поскольку понятие женщина объективировано двумя лексемами – *die Frau u das Weib* женского и среднего рода соответственно.

Нам представляется целесообразным остановиться на анализе представленности в толковых словарях немецкого языка различных хронологических периодов оппозиции *Mann – Frau / Weib*.

Материалом исследования послужили толковые словари немецкого языка различных хронологических периодов: Adelung J.Ch. *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart* (1793–1801) (далее Adelung); Campe J.H. *Wörterbuch der Deutschen Sprache* (1807–1811) (далее Campe); Grimm Deutsches Wörterbuch (начиная с 1852 г.) (далее Grimm); Paul H. *Deutsches Wörterbuch* (1896) (далее Paul); Duden *Deutsches Universalwörterbuch* (1989) (далее Duden); Duden-online. В исследовании привлекались также этимологические словари.

В центре нашего внимания находятся ключевые лексемы *Mann, Frau, Weib* (а также отдельные производные единицы, в частности прилагательные *männlich, fraulich, weiblich*); анализируется специфика объективации данными лексемами одноименных ключевых гендерно ориентированных

понятий в разные периоды развития немецкого общества. Анализ словарных дефиниций позволил выделить ряд семантических признаков, актуализирующих обозначенные данными лексемами понятия.

Обратим внимание, что мы не рассматриваем отдельно стилистически окрашенные разговорные сниженные номинации, тем не менее лексема *Weib*, несмотря на такую окраску в современном немецком языке, анализируется, поскольку в предыдущие периоды развития языка она не имела окраски разговорности.

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – элементы метода компонентного анализа, структурно-семантического, контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение

Оппозиция «мужчина – женщина», как мы отмечали, носит в немецком языке расширенный характер: *Mann – Frau / Weib*. Отметим, что значение «супруг / супруга» мы не рассматриваем.

Этимологические словари в целом дают аналогичную трактовку лексем, составляющих оппозицию. Так, согласно Этимологическому словарю Duden (далее HWBD), *Mann* – общегерманское слово, в родстве с **Manna* в древнеиндоевропейском языке – «человек», ср. в древневерхненемецком – «человек, мужчина», этимологически непрозрачно (здесь и далее – перевод наш). Возможно, как отмечено в словаре, речь идеи об образовании *Mannen*, в котором есть индогерманский глагольный корень **man-*, обозначающий «размышлять, думать» (человек мыслящий), ср. в древнеиндоевропейском *manu* – «думающий, умный». Как отмечено в словаре, сегодня лексема *Mann* во всеобъемлющем значении «человек» употребляется только в определенных языковых формулах (устойчивых сочетаниях), это же общее значение сохраняет неопределенное местоимение *man*. В остальных случаях *Mann* употребляется в значениях «человек мужского пола, в противоположность женщине»; «взрослый человек мужского пола, в противоположность ребенку, юноше»; «супруг». От общегерманского существительного образован глагол *tannen* – «становиться мужчиной, проявить себя мужчиной, собраться с силами, духом»; «жениться». Сегодня этот глагол является устаревшим (HWBD, S. 506).

Лексема *Frau* в данном словаре характеризуется следующим образом: в средневерхненемецком *vrouwe*, в древневерхненемецком *Frove*, как и в древнеисландском, – имя богини Фрея, т. е. это женские образования от нефиксируемого в немецком германского слова для обозначения *Herr* (господин), которое в готском представлено как *frauja*, в древнесаксонском – *freia*, в древнеанглийском – *friege* (господин), в древнеисландском – это имя бога *Freyr*. В приведенных древних языках в этих формах собственно значение мужского рода было

первым, прослеживается связь с индогерманским «вперед», «спереди», ср. похожие образования в древнеиндийском, албанском – *первый, передний*; эта же тенденция прослеживается в немецком слове *Fürst* (князь – первый). Именно поэтому *Frau* в немецком языке долгое время обозначало госпожу или даму (по происхождению), что сегодня отражает противопоставление с *Herr* (господин) при обращении. Как указывающее в данной позиции на сословный признак, *Frau* в XVII в. было вытеснено существительным *Dame*, с другой стороны, *Frau* в значении «взрослое женское лицо»; «супруга» пришло на место *Wieb (Weib)* в средневерхненемецком (HWBD, S. 234).

В истории немецкого языка одним из первых словарей, в котором толковались значения языковых единиц, был словарь Иоганна Кристофа Аделунга (1793 г.). В данном источнике рассматриваемая оппозиция имеет социальное ориентированный характер. Значение «мужчина», выраженное лексемой *Mann*, испытало влияние более раннего, древнего значения, представленного во многих индоевропейских языках, – человека вообще безотносительно пола. Возможно, с этим в определенной степени связана положительная окраска данного понятия. В рамках словарной статьи *Mann* ведущей характеристикой обозначаемого понятия является возраст: во-первых, данная единица может обозначать лицо мужского пола безотносительно возраста и здесь *Mann* выступает в оппозиции к *Frau*; во-вторых, в узком значении – это лицо мужского пола после преодоленного юношеского возраста, это человек, достигший роста и полной силы, здесь прослеживается градуальная оппозиция *Knabe – junger Mann – Mann*. Подчеркивается, что возраст собственно мужчины начинается с 30 лет, до этого – с 20 до 30 – это возраст юноши. В рамках понятия *Mann* выделяются признаки, образующие характеристику «настоящий мужчина», сюда включаются сила, сердечность, храбрость, твердость, мужество: *Ein ernsthafter; ein Mann von entschlossenem Muthe, ein Mann von großen Verdiensten – серьезный мужчина, решительного мужества, больших заслуг; sey ein Mann – будь мужчиной; Bin ich nicht Mannes genug, ihm einmahl alles zu ersetzen? – Разве я недостаточно мужчина, чтобы ему все вернуть?; Ich werde mich möglichen tapfer vertheidigen – Я буду храбро защищаться насколько это возможно, т. е. действовать как настоящий мужчина; Sie wehrten sich als Männer – Они защищались как мужчины; Das Regiment hat in der Belagerung nicht einen Mann verloren – Подразделение во время осады не потеряло ни одного мужчины; Von der ganzen Eskadron ist weder Mann noch Pferd davon gekommen – От целого эскадрона не осталось ни мужчин, ни лошадей (Adelung, Bd. 3, S. 52–58). Указанные признаки закрепились в случае обозначения лексемой *Mann* рыцаря, благородного вассала, солдата, всадника, т. е. представлена, соответственно, сфера борьбы, противостояния, где собственно и может проявить свои качества настоящий мужчина.*

Понятие *Mann* подробно квалифицируется посредством прилагательных, которые актуализируют: 1) нравственные принципы: *ehrlicher, rechtschaffener, frommer Mann* – *честный, порядочный, набожный*; 2) интеллектуальное развитие: *kluger, erfahner, gelehrter, geschickter Mann* – *умный, опытный, образованный, способный*; 3) социальный статус / деятельность: *arm, gemein* – *бедный, простой (низкого происхождения)*, *ein Mann von Geschäften* – *деловой* (Adelung, Bd. 3, S. 52–58).

Идентификатор понятия – прилагательное *männlich* подчеркивает прежде всего биологические признаки: 1) тело определенного вида (люди, звери, растения) – *Das männliche Geschlecht; Ein männlicher Erbe; die männliche Linie* – *мужской род, наследник, линия*; 2) возрастные параметры: *Männlich aussehen; eine männliche Stimme haben* – *выглядеть мужчиной, иметь мужской голос*; 3) противопоставленность женскому началу – типично мужское поведение: *Mit einem männlichen Ernste* (*мужская серьезность*), *Eine männliche Hand schreiben* (*мужской почерк – решительный*), в том числе и с точки зрения особенностей духа (*решительный, отважный дух, по-мужски*): *Sich männlich wehren* – *защищайтесь по-мужски*; *Dein Beyspiel lehret mich einen männlichen Entschluß* – *твой пример учит меня принимать мужское решение* (Adelung, Bd. 3, S. 62–64).

Обратимся к понятию «женщина». В словарной статье *Frau* проводится противопоставление прежде всего с точки зрения почтительного наименования: *Frau – Herr* (*госпожа – господин*): замужняя женщина благородного сословия; монахини в женских монастырях; жена главы семейства, хозяйка дома; поэты называли предмет своей любви, независимо от статуса, «госпожа». Однако впоследствии лексема *Frau* стала обозначать женщин вообще. В словарной статье понятие *Frau* описывается через следующие характеристики: возраст – *eine alte Frau, eine junge Frau* – *старая, молодая* (здесь не приводится определенная возрастная граница); социальные характеристики (в рамках слов-композиций) – *Adelfrau* – *знатная*; *Bauerfrau* – *крестьянская*, *Bettelfrau* – *Попрошайка*; чувства: *Frauen-Liebe* – *женская любовь* (Adelung, Bd. 2, S. 269–271).

Что касается лексемы *Weib*, то эта языковая единица, как свидетельствует словарь, в большей степени подчеркивает в понятии «женщина» природное начало, обозначает лицо / существо женского пола без учета возраста, сословия, замужества, в том числе применительно к животным (самка в противопоставлении самцу). В целом, как подчеркивается в источнике (это зафиксировано и в других словарях), обозначение женщины данной лексемой претерпело в процессе развития общества и языка изменения. В средние века *Weib* употреблялось и по отношению к уважаемой персоне (поэтому в Библии – *Weib*), однако достаточно рано в этом слове стали усматривать что-то неблагородное, многие поэты в XIII в. говорили о том, что слову *Weib* следует предпочитать слово *Frau*,

поэтому постепенно *Weib* стало употребляться по отношению к женщинам более низкого происхождения, в отличие от *Frau*, которое обозначало уважаемых персон женского пола. В период создания словаря (конец XVIII – начало XIX в.) *Weib* обозначало женщину неблагородного происхождения, как правило, замужнюю, либо возрастную: *Bauerweib* – *крестьянская женщина*, *Bettelweib* – *Попрошайка* (лексемы-композиции, аналогичные единицам с компонентом *frau*), а также использовалось в доверительном бытовом общении и в художественных текстах для описания мужеподобной женской персоны (Adelung, Bd. 4, S. 1440–1441). Именно это значение силы, крепости телосложения (что свойственно женщинам неблагородного происхождения, которые занимаются физической работой) явилось причиной того, почему это слово в высшем обществе со временем приобрело оттенок презрительности: ведь от женщин ожидалось в большей степени мягкость, нежность, чем сила и мужественность.

Идентификаторы понятия «женщина» – *fräulich, weiblich, weiblich* неравнозначны. Так, *fräulich* идентифицирует нечто присущее любой особе женского пола, например: *die fräulichen Gerechtsamen, fräuliche Arbeiten* – *женские праведницы, женские работы* (Adelung, Bd. 2, S. 62). Однако в литературном немецком языке больше распространена единица *weiblich*. Что касается *weibisch, weiblich*, то первое преимущественно подчеркивает определенные (низшие) слабости женского пола, а также слабости такого рода у мужчин (в последнем случае имея презрительный оттенок): *Eine weibische Stimme* – *имеется в виду высокий пронзительный голос*; *etwas weibisches an sich haben* – *иметь в себе что-то женское* (особенно для трусливых мужчин, ведущих себя не по-мужски); *weibisch klagen* – *жаловаться по-женски*. Вторая единица *weiblich* в большей степени актуализирует природное начало, противопоставляя с этой точки зрения женское начало мужскому: *Figur, Körper, Geschlecht, Tugend, Zärtlichkeit, Herz* – *женская фигура, тело, пол, добродетель, нежность, сердце* (Adelung, Bd. 4, S. 1442–1443).

Таким образом, в данном источнике понятия *Mann, Frau / Weib* в рамках оппозиции находятся в контрарных отношениях. Мужчина окрашен положительно и предстает как человек определенного возраста, высокой силы духа с развитым интеллектом, смелый, преимущественно в рамках сферы борьбы. Женщина описывается посредством сферы чувств, разума, социальных параметров, природного начала.

В следующем анализируемом словаре Йоахима Генриха Кампе (1807 г.) толкование понятий *Mann* и *Frau* обнаруживает много общего со словарем Adelung. *Mann* также определяется через возрастную параметр: та же граница – 30 лет, но эта характеристика уточняется: *от 30 до 60 лет. После 60 лет силы покидают, это уже старый мужчина*. Возраст 30 лет – это тот, который может продолжать свой род или поддерживать его;

в расцвете лет – это возраст до 50 лет, в таком возрасте мужчина характеризуется как *brav, ehrlich, klug, erfahren, gelehrt; ein Mann von Kenntnissen, von Geschmack, von Gefühl, von Welt* – *бравый, честный умный, опытный, образованный; обладающий знаниями, вкусом, чувствами, светский*; помимо этого, возможно указание на низкий социальный статус – *arm, gemain* – *бедный, обычный*. Именно 30 лет трактуются как возраст, напрямую связанный с собственно понятием «мужчина», в этом случае понятие дополняется признаком внутреннего нравственного превосходства и высшего достоинства (в бытовой сфере), этот мужчина *erfahren, erwachsen, gesetzt, entschlossen, standhaft, mutig* – *опытный, взрослый, зрелый, решительный, стойкий, мужественный*, т. е. мужчина, у которого сила сознания духа и тела – в полном расцвете, и, соответственно, это может быть им использовано и может быть действенным: *Er hat sich einen Mann gezeigt* – *Он показал себя мужчиной*; *Sei ein Mann* – *Будь мужчиной*; *Ich stehe meinen Mann* – *Я отстаиваю себя как мужчина*; *Ich halte Stand als ein Mann* – *Я веду себя как мужчина*; *Ich stehe dir als ein Mann dafür, teile dir Bürgerschaft dafür* – *Я даю тебе защиту как мужчина* (Campe, T. 3, S. 199–201).

Отметим, что в данном источнике в рамках понятия Mann в большей степени эксплицированы признаки настоящего мужчины. Это мужчина с большим преимуществом духа и сердца, не претендующий на заслуги, храбрый (последняя характеристика является самой ранней применительно к обозначаемому понятию): *als Mann streiten, siegen, sterben* – *бороться как мужчина, победить как мужчина, умереть как мужчина*, *ein Mann für Mann schlagen* – *биться как мужчина (друг с другом)* (Campe, T. 3, S. 200–201).

Второй компонент оппозиции – *Frau* – представлен аналогично словарю Adelung. Что касается *Weib*, здесь также обнаруживается сходство с толкованием в словаре Adelung. *Weib* в широком смысле определяется через противопоставление мужчине, обозначая лицо (существо) женского пола независимо от статуса, возраста, в том числе и по отношению к животным. Й. Кампе выделяет также употребление данной единицы для характеристики мужчины (это констатирует и Аделунг): *weiblicher Mann* – *трусливый, мягкосердечный, болтливый* (Campe, T. 5, S. 630–631).

В качестве идентификатора понятия «женщина» в данном словаре отмечена единица *weiblich*, которая определяется аналогично словарю Аделунга, однако здесь представлено больше уточняющих характеристик: *das empfindende, zarte, gefühlvolle weibliche Herz* – *восприимчивое, нежное, чувственное женское сердце*; *Liebreiz, Schamhaftigkeit, Bescheidenheit, Tüchtigkeit, Zartheit, Tugend, Würde* – *женское(ая) прелесть (любовообильность), стыдливость, скромность, усердие, нежность, добродетель, честь*; *echt weibliches Wesen* – *истинное женское существо*; *weiblicher*

Fuß – *женская нога*; *weibliche Stimme* – *женский голос (высокий голос в пении)*; *Schwächen, Rechte, Beschäftigungen und Arbeiten, Kleidung* – *слабости, права, женские работы и занятия (которые подходят для женщин), женская одежда* (Campe, T. 5, S. 634).

В данном источнике оппозиция Mann – Frau / Weib представлена более отчетливо. В частности, в рамках понятия «мужчина» ведущими являются признаки возраста и мужского начала, которое подразумевает силу, крепость духа и храбрость, в рамках понятия «женщина» ведущим является признак женской природы, женского начала, который включает сферу чувств (в том числе чувственность), физические особенности, положительные нравственные принципы, определенные виды деятельности (без уточнения). Оба понятия окрашены положительно. Таким образом, в данном источнике оппозиция носит преимущественно природно ориентированный характер.

В словаре 1896 г. Германа Пауля лексема *Mann* толкуется, во-первых, через противопоставление, во-вторых – через качественные характеристики. Так, *Mann* определяется, с одной стороны, как единица, противопоставленная *Frau, Weib*; с другой стороны – *Kind* (ребенок). Что касается качественных характеристик, то они не конкретизируются: мужчиной называют кого-либо, обладающего такими качествами, которые ожидают от мужчины, что уже устоялось как узуальное по отношению к мужчине (Paul, S. 294).

Понятие *Frau* сопоставляется с другими – *Weib* и *Herr*. В частности, указывается, что лексема *Frau* выполняет функции, которые в средневерхненемецком языке выполняло существительное *Weib*, обозначавшее замужнее лицо женского пола (оно противопоставлялось *Frauen* и *Jungfrauen*). С другой стороны, сохранились остатки прежнего значения: *Frau* – это госпожа, по аналогии с *Herr* – господин; это значение стало «почетным» обозначением лиц благородного происхождения независимо от статуса (замужем / не замужем) (Paul, S. 147–148).

Следующим значимым лексикографическим источником немецкого языка является Словарь братьев Гримм (Grimm) (1985). В качестве первого значения лексем *Mann* в словаре выделяется значение «человек безотносительно его пола». В качестве второго – «мужчина – строго только к лицам мужского пола», причем под этим понимается также и мальчик, которого называют маленьким мужчиной, например (пример из басни Магнуса Готтфрида Лихтвера, XVIII в.):

«meinen stachel, der dich kränkt (spricht die wesppe zum knaben),

*hat mir die natur geschenkt,
und ich musz gezwungen schaden».*
muszt du? fragt der kleine mann.

(«Мое жало, которое тебя ранит (говорит оса мальчику), подарила мне природа, и я должна причинить вред». Ты действительно должна? – спрашивает маленький мужчина).

Однако обычно Mann обозначает уже зрелого юношу, а не ребенка, даются следующие примеры: *zehen jar ein kindt, zwenzig jar ein jüngling, dreiszig jar ein man, sibenzig jar ein greisz* (10 лет – ребенок, 20 лет – юноша, 30 лет – мужчина, семьдесят лет – старик); *glücklicher säugling, dir ist ein unendlicher raum noch die wiege; werde mann, und dir wird eng die unendliche welt* (счастливый младенец, для тебя твоя колыбель – бесконечное пространство; станешь мужчиной и бесконечный мир станет для тебя тесен). При этом контексты описывают мужчину как сильного, но тем не менее подчиняющегося женщине (что обусловлено в том числе контекстами из поэтических произведений): *ewig aus der wahrheit schranken schweift des mannes wilde kraft... aber mit zauberisch fesselndem blicke winken die frauen den flüchtling zurücke* (во все времена через границы правды струится мужчины необузданная сила, но своими чарующими взглядами женщины направляют этого беглеца назад); *kraft erwart ich vom mann, des gesetzes würde behaupt er, aber durch anmuth allein herrschet und herrsche das weib* (я жду от мужчины силы, он олицетворяет верховенство закона, отстаивает закон, но женщина, благодаря только лишь своему обаянию, правила и правит).

В качестве квалификаторов понятия Mann выступают имена собственные (непосредственно указывающие на мужской пол): *es war ein man im lande Uz, der hies Hiob* (был человек в земле Уц, его звали Иов); прилагательные, образованные от хоронимов: *sahе zween ebreische menner sich mit einander zanken* (я видел двух еврейских мужчин, которые ссорились друг с другом); единицы, подчеркивающие особенности внешности, физического состояния: *fetter man* (жирный), *alt und ein schweerer man* (старый, грузный), *ein langer man, der hatte sechs finger an seinen henden* (высокий с шестью пальцами на руках); *ein seer schöner man* (очень красивый); *ein starker und rüstiger man* (сильный и крепкий); *ein groszer, kräftiger mann* (большой, сильный); *ein kleiner mann* (маленький); единицы-репрезентанты возраста: *ein alter man, ein junger man, ein einundsiebzigjähriger mann, ein mann in seinen besten jahren* (в расцвете сил); социальный статус (антиномии): *ein armer, reicher, vornehmer, geringer mann* (бедный / богатый, знатный / незнатный), единицы качественной оценки (преимущественно заслуг, моральных принципов, интеллекта): *berühmter* (знаменитый), *frommer man* (набожный), *gerechter man* (справедливый), *kluger* (умный), *weiser* (мудрый), *vernünftiger* (благоразумный), *leichtfertiger* (легкомысленный), *vortrefflicher* (замечательный), *heilger* (святой), *gelehrter* (образованный), *ein mann von bekanntem ansehen* (с известной репутацией), *ein mann von herz* (большого сердца), *der mann von alter sitte* (старых взглядов); *ein lieber charmanter mann* (любезный, очаровательный), *der rechte mann* (подходящий, в такого рода выражениях востребованы притяжательные местоиме-

ния, например: *unsern mann*), причем отмечается, что генетивные конструкции передают данные характеристики более точно: *mann des erbarmens* (мужчина милосердия), *mann der liebe* (мужчина любви).

Отдельно выделяется оттенок значения, который противопоставляет мужчине женщине. В качестве таких «мужских атрибутов» приводятся *thatkraft* (энергия), *mut* (сила духа), *stärke* (физическая сила) – *mit kraft ausführen* (делать что-то с применением силы), *kampflust* (дух борца); а также *tapfer* (храбрый), *mutig* (отважный): *du hast bis jetzt nur schwächlinge bezwungen, ein mann steht vor dir* (пока ты побеждал только слабых, но сейчас перед тобой стоит мужчина); *so sei getrost und sei ein mann* (успокойся, мужайся и будь мужчиной); *war das nicht ein mann, ein wahrer mann!* (разве это был не мужчина, настоящий мужчина!); *ein mann werden, einen zum manne machen, als mann sich zeigen* (стать мужчиной, сделать кого-либо мужчиной, проявить себя мужчиной); *da, sagt er, werd ein mann, werd unter die wenige rechtschafne kerls gezählt, die für vaterland und freunde heisz streiten* (тогда, говорит он, стань мужчиной, чтобы ты был причислен к тем немногим праведным парням, которые горячо сражаются за свое отечество и друзей); надежность мужского обещания: *ein mann ein wort* (слово мужчины); различные виды оружия (например, *degen* – меч); противостояние: *mann gegen mann* (речь идет о сражении, борьбе), часто в сочетании *ross und mann* (конь и мужчина (имеется в виду воин)).

Как указывается в источнике, на старом «языке» мужчиной мог именоваться также вассал при рыцаре, а в качестве примеров приводится большее количество контекстов из военной сферы.

Наконец, мужчина характеризуется также как сексуальный субъект: *ich habe zwei töchter, die haben noch keinen man erkennen* (у меня две дочери, и они еще не познали мужчин).

Идентификатор понятия – *männlich*, с одной стороны, подчеркивает природные признаки (пол), без учета возраста (зрелости): *ein männliches kind, ein männlicher erbe; das männliche geschlecht; männliche linie* (ребенок мужского пола, наследник мужского пола; мужской пол; мужская линия); *ein männlicher taufname* (мужское имя при крещении). С другой стороны, указывает на отношение чего-либо к взрослому, зрелому мужчине: *männliche kleidung* (одежда), *männlich alter* (возраст), *ein männliches gemüthe* (разум), *männliche stimme* (голос), *männliche gestalten* (фигуры), *männlicher schmuck* (украшение), *männliche jahre* (года), *männliches vermögen* (мужское начало), *männlicher kraft* (сила), *männliches gesicht* (лицо).

Однако с XVIII века, как отмечается в словаре, *männlich* расширяет свое значение и подчеркивает твердый, закрытый, настойчивый характер мужчины: *männlicher muth* (мужское мужество), *männlich-schöne seele* (мужская прекрасная душа); *mit männlichem entschlusz* (с мужской решимо-

стью), *männlicher ernst* (мужская серьезность), *männlicher entscheid* (мужское решение), либо интеллектуальные достижения: *eine männliche beredsamkeit, ein männlicher stil, ein männlicher pinsel* (мужское красноречие; мужской стиль, мужской стиль в живописи).

Обратимся к словарной статье *Frau*. В словаре приводятся этимологические данные, указывается, что данное слово восходит к имени благородной богини Фрейя, с которым связана идея госпожи – женщины, подобно всевластной богине, управляющей домом. Но почти все выражения с единицей *Frau*, которые описывали бы статус, со временем теряют этот оттенок значения, и то, что изначально обозначало знатных особ, становится общим и применимым ко всем остальным. Сегодня, как отмечается в словаре, бедных женщин также именуют *Frau* (сложные слова): *bauersfrau, trödelfrau, fischfrau, obstfrau, kehrfrau, waschfrau, bettelfrau* (женщина-крестьянка, женщина-болтушка, женщина, продающая рыбу, женщина, продающая фрукты, женщина-дворник, женщина-прачка, женщина-попрошайка). Но в отдельных случаях еще осталось старое, высокое понятие женщины, именуемой *Frau*. Итак, *Frau* обозначает женщину в общих чертах, без привязки к происхождению и браку, женскую персону: *die fühlende seele der frau – чувственная душа женщины*.

В рамках словарной статьи сопоставляются две именующие женщину лексемы – *Frau* и *Weib*. Отмечается, что *Weib* обозначает и женщину замужнюю, и женщину вообще, однако в большей степени подчеркивает пол, т. е. природное начало, поэтому если мы берем оппозицию «мужской пол – женский пол», то это будет оппозиция *mann und weib*; ср. у животных (через диминутивы) – *männchen und weibchen* (самец и самка). *Weib* в большей степени подчеркивает природное отличие женщины от мужчины и представляет собой самое общее и потому самое распространенное название для всех существ, не принадлежащих к мужскому полу, так обычно называют каждое лицо женского пола, независимо от социального статуса: *an sich gilt weib für die frau jedes alters und standes, für die ledige, verheirathete, verwitwete, lebende und tote, für jungfrauen und mütter* – сама по себе лексема *weib* применима к обозначению женщин всех возрастов и статусов, к одиноким, замужним, овдовевшим, живым и умершим, к девственницам и матерям. Однако, несмотря на отмеченное выше (по поводу всех возрастов), в словаре далее дается ограничение по возрасту: *weib bezeichnet seinem ursprung gemäsz stets das gereifte wesen weiblichen geschlechts* (*Weib* с точки зрения происхождения всегда относится к зрелому существу женского пола), именно поэтому распространенным сочетанием (формулой) будет *weib und kind* (женщина и ребенок) или *das weib als gebärende* (женщина в качестве роженицы).

Weib, подчеркивая природное начало, может обозначать женщину как сексуальный объект: *ich*

aber sage euch: wer ein weib ansihet jr zu begeren, der hat schon mit jr die ehe gebrochen in seinem hertzen (кто посмотрит на женщину с вожделением, тот уже совершил с ней прелюбодеяние в сердце своем). Именно данный признак природного, физического в семантике лексемы *Weib*, как отмечается в словарной статье, способствует тому, что эта лексема именуется женщину часто с позиций физического наслаждения: *weib wird gebraucht, wo man an geschlechtsgenusz, zumal auszerehelichen, denkt* (*weib* используется, когда думают о плотском наслаждении, особенно вне брака).

Таким образом, единицы *Frau* и *Weib* подчеркивают в рамках объективации понятия «женщина» разные аспекты: *Weib* выражает природное начало, являясь самым общим обозначением женского пола (в противоположность мужскому) среди всех живых существ; *Frau* подчеркивает в большей степени социальные признаки (статус, благородство, моральные установки): *die frau tritt über alle weiber empor* (*frau* возвышается над всеми *weiber*); *eine fürstin kann die hohe frau genannt werden, nie das hohe weib* (Княгиню можно назвать светской дамой, но никогда – светской женщиной); *weib allg. geschlechtsbezeichnung, frau mit sittlichem anspruch* (*weib* обозначает в самом общем виде пол, *frau* связана с моральными установками); *frau ist die vornehme, dem herrn entgegengesetzt, weib umfassende bezeichnung des geschlechts, gegenstück mann* – в данном случае прослеживаются оппозиции «женщина / дама / госпожа (*frau*) – мужчина / джентльмен / господин (*herr, mann*)» и «женщина как особь (*weib*) – мужчина как особь (*mann*)». Весьма показателен приводимый пример с игрой с многозначным словом: *gebildete frau bezieht sich auf den geist, schön gebildetes weib auf den leib* – образованная женщина (*frau*) соотносится с умом, прекрасно сложенная женщина (*weib*) соотносится с телом.

Поскольку *Weib* подчеркивает прежде всего природное начало, то именно эта единица используется при актуализации типично женской природы, в качестве таковых в словаре Grimm приводятся следующие характеристики (прежде всего эмоциональной сферы): *die schwatzhaftigkeit des weibes* (болтливость); *das weib schnell zum bösen is* (скоро на зло); *schwäche, launischer, unberechenbarer sinn* (слабость, капризность, непредсказуемость); *du verklagest das weib, sie schwanke von einem zum andern!* (обвинение в непостоянстве); *die falsche list der weiber* (ложная хитрость); *das böse weib* (злая).

В данном словаре лексемы рассматриваются в том числе исходя из культурно-исторического контекста. В частности, отмечается, что в эпоху Средневековья *das weib* часто имело оттенок определенной опасности для мужчин: *die verdammten weiber! die weiber haben mich zum procesz gebracht* (проклятые женщины! Женщины довели меня до суда). В период Реформации, напротив, *Weib* приобретает положительно окрашенные от-

тенки и представляет женщину как *ein fromm weib* (благочестивая); *ein freundlich weib* (любезная); *ein wolgezogen weib* (воспитанная); *schöne weyb* (красивая); *zwei eigenschaften dienen dem weibe vor andern zum ruhme, jugend und schönheit* (два качества служат славе женщине над другими: молодость и красота). Однако в современный период (т. е. время создания словаря – середина XIX в.) отмечается в определенных конструкциях синонимичность *weib* и *frau*: *sittsame frau*, *sittsames weib* (скромная); *kluge frau*, *kluges weib* (умная), и тем не менее подчеркивается, что *weib* номинирует прежде всего бедных и незначимых людей (*arme und geringe leute*).

В качестве идентификаторов понятия «женщина» в словаре представлены адъективы *fräulich*, *weibisch*, *weiblich*. *Fräulich* – прослеживается связь со средневерхненемецким *frowelich* – веселый; *fräulich* представлено со следующими объектами: *schmuck*, *diamanten und perlen* (украшение, бриллианты, жемчуг), т. е. преимущественно объективизирует принадлежность и назначение (для женщин). *Weibisch* актуализирует значение «свойственное женской природе». *Weiblich* в качестве идентификатора понятия «женщина» квалифицирует: 1) деятельность: *weibliche arbeiten*, *handarbeit*, *weibliche geschicklichkeit*, *weiblichen scharfsinn*, *weiblicher gesang* (женские работы, ручная работа, искусность, изобретательность, пение); 2) предметы, принадлежащие женщине: *weibliches gewand*, *weibliche klaidier* (одежда, платье); 3) части тела, фигуру, физические особенности: *weiblichen leyb* (тело), *weiblicher hand* (рука), *weiblicher mund* (рот), *weiblichen züge* (черты), *weiblicher formen* (формы), *weibliches gehirn* (мозг), *weibliches geschrei* (крик), *weiblichen schoosze* (чрево); 4) положительно окрашенные черты характера: *weiblicher empfänglichkeit*, *weiblichen scheu*, *weiblicher güte*, *weiblichen tugend*, *weiblich scham*, (восприимчивость, застенчивость, доброта, добродетель, стыд), и в меньшей степени – негативно окрашенные: *weiblicher schlaueheit* (хитрость), *weiblicher gebrechlichkeit und fürwitz* (слабости и неосторожность), *weiblichen rache* (мечь); 5) внешние данные: *weiblichen schönheit*, *weibliche anmuth*, *weibliche vollkommenheit* (красота, грация, совершенство); 6) сферу чувств: *weiblicher natur* (природа), *weiblich lieb* (любовь), *weiblichen umarmung* (объятия); 7) возможности: *weiblicher macht*, *weiblichen einflüssen* (власть, влияние).

Таким образом, в Словаре Бр. Гримм рассматриваемая оппозиция также имеет расширенный вид, причем внутри оппозиции в рамках понятия «женщина» отмечена противопоставленность лексем по признаку «природное – социальное». Мужчина представлен как субъект определенного возраста (30 лет), имеющий различный социальный статус, заслуги, с высокими моральными принципами, развитым интеллектом, но с различными

внешними и физическими особенностями (в том числе непривлекательными). В качестве отличительных признаков отмечены: обладающий силой духа, крепкий, отважный, энергичный, решительный, храбрый, который смело сражается и борется, однако находит отражение также и другой вектор – мужчина может подчиняться женской природе.

В понятии «женщина» выделяется две составляющие: природное начало и социальные характеристики, что отражает внутренняя оппозиция *Weib* – *Frau*. Женщина отличается противоречивостью эмоциональной сферы и характера, описывается через сферу чувств, определенную деятельность (бытовая сфера, искусство), физические параметры, внешность.

Словарь братьев Гримм составлялся длительное время – начиная с конца 30-х годов XIX в. и вплоть до начала 60-х годов XX века (был продолжен) и является авторитетным лексикографическим источником.

Однако большее распространение в общенаучном дискурсе в дальнейшем получили словари издательского дома Duden. Если говорить о толковых словарях Duden, то они выходят с XX в. Данные словари постоянно обновляются, в настоящее время существует Duden-online, где представлены последние версии. В качестве примера сравним издание 1989 г. и современную версию.

В словаре Duden 1989 г. оппозиция *Mann* – *Frau* представлена через биологические признаки – признак пола (контрарный) и признак взрослости (эквивалентный): *Mann / Frau* определяются как взрослое существо мужского / женского пола соответственно. Понятие *Mann* иллюстрируется через следующие характеристики: 1) возраст: *ein junger*, *alter*, *gereifter* (молодой, старый, созревший); 2) внешность: *gut aussehender* (хорошо выглядящий); 3) поведение: *ein Mann der raschen Entschlüsse* (быстрые решения); 4) положительную общественную оценку: *ein berühmter*, *gestandener* (известный, состоявшийся); 5) мужские качества, типичный мужчина (без уточнения): *kräftiger Mann* (сильный), *sei ein Mann (zeige dich als mutiger Mann)* (будь мужчиной, прояви себя, как мужчина). Кроме этого, понятие иллюстрируется устойчивыми выражениями, пословицами, которые подчеркивают такие признаки обозначаемого понятия, как твердость, выполнение обещанного, самодостаточность, активность, сила духа, влияние. Представлены также устойчивые сочетания из профессиональных сфер (морская, спортивная и др.), образные выражения (*der wilde – дикий*, *der böse / schwarze Mann* – злой / черный (трубочист)), в том числе в значении «человек вообще» (Duden, S. 985–986).

Идентификатор понятия «мужчина» адъектив *männlich* в средневерхненемецком и старовверхненемецком в качестве соответствующего мужчине (*dem Mann angemessen*) эксплицировал признак *tapfer*, *mutig* – твердый, мужественный; в данный период идентификатор подчеркивает: 1) мор-

фофункциональные особенности лица мужского пола – оплодотворение и воспроизведение: *ein männlicher Erbe, die männliche Linie, männliches Wesen* – наследник мужского пола, мужская линия, мужская сущность (сюда же относятся примеры из сферы животных и растений); 2) все, что имеет отношение к мужскому полу: имена, профессии, голос; 3) типичные качества: *männliche Züge im Gesicht, ein männlicher Erntschluß, die männliche Eitelkeit* – мужские черты лица, мужское решение, мужское тщеславие (Duden: 986). В Duden-online отсутствуют характеристики *твёрдый, мужественный*.

Frau восходит к свн. *vrouwo, frouwe* – «госпожа, дама». Данная лексема многозначна, помимо обозначения лица женского пола, представлены значения «супруга»; «хозяйка дома», «госпожа» (обращение). В рамках понятия лица женского пола представлены следующие характеристики: 1) возраст: *jung* (молодая); 2) интеллектуальные качества: *klug* (умная); 3) деятельность: *berufstätige; Frau, die illegal Abtreibungen vornimmt* (работающая; повитуха, делающая криминальные аборты); 4) статус: *verheiratet* (замужняя); 5) морфофункциональные особенности: *schwanger* (беременная). Помимо приведенных характеристик, отмечены контексты, в которых женщина выступает в роли пациентки: *für die Gleichberechtigung der Frau kämpfen* – бороться за права женщин, причем агенсом, как правило, выступает мужчина: *eine Frau lieben, heiraten* – любить женщину, жениться на какой-то женщине (Duden, S. 533–534).

Лексема *Weib* представлена в данном источнике кратко, приводится интересная этимология: средневерхненемецкое *wip*, старовверхненемецкое *wib* – die verhüllte (Braut) oder die sich hin und her bewegende (Hausfrau): с покрытой головой невеста или ходящая туда-сюда. Значение имеет оттенки «устаревшее»: *ein stolzes Weib, herangewachsen* – гордая женщина, созревшая (как противопоставление мужчине) и «разговорное»: *ein rassisches, tolles Weib, blödes Weib* – породистая, крутая, глупая (оценка) (Duden, S. 1721).

Идентификаторы понятия женщина – прилагательные *fraulich, weiblich*. Отметим, что *fraulich* используется достаточно редко и определяется в обеих версиях анализируемого словаря как «соответствующий типу женщин», например: *ein sehr fraulicher Typ* (женоподобный тип). Больше распространение имеет *weiblich*, которое, как и *männlich*, подчеркивает признак пола – «соответствующий, присущий женщине». Аналогично данный признак иллюстрируется характеристиками: 1) *das weibliche Geschlecht* – собственно женский пол: *Angestellte* – служащие-женщины, *ein Kind weiblichen Geschlechts* – ребенок женского пола (также примеры из сферы животных и растений); 2) все, что имеет отношение к женскому полу: *weibliche Geschlechtsorgane* – женские органы, *Vornamen* – имя, *Stimme* – го-

лос, (*Körper*)*Formen* – тело / формы; 3) типичные качества: *weibliche Eigenschaft* – женская особенность, *weibliche Damenmode* – женственная женская мода (представлен аналогично в обеих версиях словаря) (Duden, S. 1721).

Обратимся к Duden-online. В современном толковании понятия *Mann* отмечены следующие отличия. Так, отсутствует ряд характеристик, приводимых в словаре 1989 г., в частности: *jungen, gutaussehender, berühmter, gestandener; er ist ein Mann der raschern Entschlüsse; für solche Arbeiten benötigen wir einen kräftigen Mann; er ist zum Mann gereift; ein Mann, ein Wort; selbst ist der Mann*. Напротив, в современной версии добавлен иллюстративный контекст: *Er ist ein ganzer Mann* (umgangssprachlich), *typisch Mann!* (das entspricht ganz der männlichen im Unterschied zur weiblichen Art; so kann auch nur ein Mann denken, handeln, fühlen – «то, что действительно соответствует мужскому в противоположность женскому; так может думать, действовать, чувствовать только мужчина»). Таким образом, в современной версии словаря отсутствуют характеристики, положительно выделяющие мужчину (на фоне женщины): молодость, приятная внешность, известность, особые возможности (сила) для определенной работы, способность быстро принимать решения, твердость слова, самодостаточность, однако добавлена неопределенная характеристика типичного мужчины.

Современное толкование понятия *Frau* также отличается. Однако здесь ситуация обратная, в частности, в Duden-online расширен состав характеристик при иллюстрации понятия: *starke, reife, faszinierende, gebildete, emanzipierte; die Frau von heute (die moderne Frau); die Frau seiner Träume (sein weibliches Idealbild); eine Russin war die erste Frau im Weltall; sie war die Chefin und damit die wichtigste Frau in der Firma; sie hatte sich als einzige Frau der Freiheitsbewegung angeschlossen; begehren; die Rolle der Frau in der Gesellschaft hat sich gewandelt* (сильная, зрелая, обаятельная, образованная, эмансипированная; женщина сегодняшнего дня (современная женщина); женщина его мечты (его женский идеал); россиянка была первой женщиной в космосе; она была начальником и, следовательно, самой важной женщиной в компании; она была единственной женщиной, присоединившейся к движению за свободу; желание; изменилась роль женщины в обществе).

Таким образом, в современной версии этого словаря понятие женщины претерпело значительные изменения, в частности, добавлены характеристики, указывающие на общественную востребованность и значимые социальные роли женщины: сильная, эмансипированная, образованная, современная, женщина в космосе, женщина-босс, участие в общественном движении, а также подчеркивающие привлекательность (прежде всего для мужчин).

Что касается лексем *Weib*, то в современном немецком языке она имеет разговорный оттенок. В Duden 1989 г. в первом значении, которое опре-

деляется как устаревающее, толкуется так: «Frau как существо женского пола в противоположность мужчине», и иллюстрируется сочетаниями *stolzes, zum Weib erwachsen, heranwachsen* (гордая, выросшая в женщину). В качестве второго значения приводится разговорное, и здесь представлено два оттенка: *ein rassiges tolles Weib* (нородистая классная женщина); *hinter den Weibern hersein* (бегать за женщинами), и уничижительное: *weibliche Person, Frau* (im Hinblick auf eine vom Sprecher als unangenehm, ärgerlich o.ä. empfundene Eigenschaft, Verhaltensweise): *das Weibe hat ihn ruiniert* (его уничтожила женщина), т. е. какие-то характеристики, поведение воспринимаются как нечто раздражающее, неприятное, отсюда выражение *blödes Weibe* (глупая).

В Duden-online *Weib* в первом значении толкуется аналогично изданию 1989 г. – через *Frau* и имеет два оттенка значения: 1) Frau как существо женского пола в противоположность мужчине. Иллюстрируется посредством выражений: *ein schönes, prächtiges, stolzes, böses, tugendhaftes, zartes, schwaches Weib; zum Weib erwachsen, heranwachsen* (красивая, великодушная, гордая, злая, добродетельная, нежная, слабая женщина; превратиться в женщину). Однако приводится особое замечание: Im modernen Sprachgebrauch gilt die Bezeichnung Weib zunehmend als diskriminierend (в современном использовании номинация *Weib* все чаще рассматривается как дискриминационное обозначение); 2) [junge] Frau (1) als Gegenstand sexueller Begierde, als [potenzielle] Geschlechtspartnerin ([молодая] женщина как сексуальный объект, [потенциальный] сексуальный партнер), например: *scharfes, geiles, nacktes Weib* (горячая, возбужденная, обнаженная); *er hat nichts als Weiber im Kopf* (у него только женщины в голове); *hinter den Weibern her sein* (бегать за женщинами). При этом данная лексема характеризуется как разговорная. И здесь наблюдаются сниженные контексты, негативная окрашенность: *ein versoffenes, schlampiges, aufgedonnertes, intrigantes, hysterisches, tratschüchziges Weib* (няня, неряшливая, разъяренная, коварная, истеричная, болтливая).

Идентификатор *weibliche* подчеркивает *gebärendes Geschlecht* – «рожающий пол» (в том числе применительно к животным и растениям): *weibliches Geschlecht, weibliche Weisen, ein Kind weiblichen Geschlechts, Geschlechtsorgane, Vornamen, Stimme* (женский пол, существо, ребенок женского пола, женские органы, имя, голос), а также указывает на черты типично женской сущности: *sie ist sehr weiblich*. Отмечена аналогичная представленность в обеих версиях.

Итак, рассмотренные версии словаря Duden показали следующие изменения в толковании понятий «мужчина» и «женщина» за период около 35 лет. Если в конце 1980-х годов мужчина преимущественно рассматривался с позиции сильного пола, положительной общественной оцен-

ки, типично мужских качеств, то в современной версии словаря данные характеристики намного сокращены, поэтому противопоставленность лексем в рамках оппозиции не эксплицирована ярко. Женщина, напротив, в современной версии позиционируется в различных сферах деятельности, в том числе нетипичных ранее для нее, при этом в большей степени разграничивается женщина как субъект (человек женского пола) и как сексуальный объект (в данном случае представлено яркое позиционирование природного начала).

Выводы

Таким образом, анализ словарей немецкого языка позволяет сделать следующие выводы. Универсальная оппозиция «мужчина – женщина» имеет в немецком языке расширенный характер, в отличие от русского языка, и представлена как Mann – Frau / Weib. Данная оппозиция претерпела определенные изменения в процессе развития языка, что нашло отражение в лексикографических источниках, причем в большей степени изменения наблюдаются в рамках правого компонента оппозиции – Frau / Weib.

Понятие «мужчина» вербализовано ключевой лексемой *Mann*. Начиная с XVIII в. в лексикографических источниках мужчина характеризуется как лицо сильного пола (в самом широком смысле) и достаточно высокого интеллекта, причем социальный статус не является значимым, ведущим будет возраст (30 лет или с 30 до 60 лет). В современный период данные характеристики не выделяются так явно, и прослеживаемое ранее определенное превосходство мужского пола в современных лексикографических версиях уже не эксплицировано, в том числе конкретный возраст.

Понятие женщины вербализовано лексемами *Frau, Weib*, причем, как показал анализ источников, изначально данные лексемы расходятся с точки зрения природных и социальных параметров. Однако в определенные исторические периоды данные лексемы могли употребляться синонимично, многие авторы словарей связывают употребление этих лексем с культурно-исторической ситуацией конкретной эпохи. Но постепенно их значения разошлись с точки зрения социального статуса (благородное / неблагородное происхождение). Именно это, а также актуализация природного начала в семантике *Weib* повлияло на приобретение данной лексемой разговорного сниженного оттенка в современном немецком языке. В целом такое «двойственное» представление женщины – как природного существа и социального субъекта – нашло отражение в зафиксированных в словарях разнонаправленных характеристиках – как положительно окрашенных, так и негативно окрашенных. Начиная с XVIII века женщина представляется преимущественно через особенности характера, эмоциональную сферу, сферу чувств и как противоречивая натура. В современный период противопоставленность в рамках рассматрива-

емой оппозиции не настолько контрарна: по отношению к понятию «женщина» расширены сферы деятельности, меньше приводится негативных характеристик, однако по-прежнему сохраняется противопоставленность двух начал – социального и природного (но последнее приобретает сниженную окраску).

Итак, можно наблюдать изменения в отражении в словарных источниках процессов гендерной стереотипизации. Стереотипы применительно к понятию «мужчина»: 30-летний, умный, решительный, защищающий, обладающий физической силой и силой духа, не обязательно привлекательный, военная сфера (XVIII–XIX вв.); хороший внешний вид, состоявшийся, сильный, мужественный (XX в.), настоящий (XXI в.). Как видим, круг стереотипов резко сузился. Стереотипы применительно к понятию «женщина»: эмоциональная, противоречивая, социально неактивная, имеющая свои слабости, сексуальный объект и антонимичные стереотипы: благородная / неблагородная (происхождение) (XVIII–XIX вв.); ее любят, и на ней женятся (XX в.); сильная, образованная, эмансипированная, активная, сексуальный объект (XXI в.). В данном случае представлены процессы ухода отдельных стереотипов и приход других, нейтрализующих в определенной степени противопоставленность внутри рассматриваемой оппозиции.

В целом можно говорить о том, что оппозиция «мужчина – женщина» в немецком языке изначально имела двойственный характер – социально и природно ориентированный. В XVIII веке в словарях закрепились как социальные, так и при-

родные признаки, характеризующие оппозицию; в начале XIX века оппозиция в большей степени имеет социальный характер; начиная с середины XIX века и в современный период в качестве ведущих признаков оппозиции выступают природно ориентированные признаки.

Однако если обратиться к публичному контенту, в частности к материалам печатных СМИ ФРГ, то следует отметить, что проблемы гендерного неравенства, в отличие от констатаций современного словаря, не нейтрализованы, а, напротив, очень активно обсуждаются, и в рамках этих обсуждений маркированным является именно компонент «женщина». Так, в немецкой прессе обсуждаются различные формы гендерной асимметрии: гендерное неравенство, насилие, доминирование мужчин; уход женщин из науки, риски в научной карьере для женщин и др. (*Das Südtiroler Wochenmagazin* 2023). В настоящий момент ассоциацией журналистов при поддержке федеральных властей в Германии создан специальный цифровой ресурс *Genderleicht.de* (*Genderleicht*), который анализирует гендерную тематику в СМИ, в том числе на телевидении, разрабатывая рекомендации, в частности, предложено использовать в СМИ гендерно-нейтральный термин *Mensch*. Таким образом, закономерно возникает проблема адекватности описания реальности в лексикографических источниках: насколько толкование гендерных понятий отражает современное общество и какова степень стереотипности. И здесь, безусловно, велика роль составителей словарей, в том числе выбор и интерпретация ими иллюстративного материала.

Материалы исследования

Adelung – *Adelung J. Ch.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart. 5 Bände. 1774–1786. 2. Auflage, 1793–1801. Available at: <http://www.zeno.org/Adelung-1793>.

Campe – *Campe J.H.* Wörterbuch der Deutschen Sprache. 5 Bände. Braunschweig: Schulbuchhandlung, 1807–1811. Available at: <https://archive.org/details/wrterbuchderde02campuoft/mode/2up>.

Das Südtiroler Wochenmagazin 2023 – *Wir haben ein Geschlechterproblem* // *Das Südtiroler Wochenmagazin*, 24.08.2023. Available at: <https://www.ff-bz.com/politik-wirtschaft/politik/2023-34/wir-haben-ein-geschlechterproblem.html>.

Duden – *Duden Deutsches Universalwörterbuch* / hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u.d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung v. G.Günter Drosdowski, 2. völlig neu bearb. u. stark erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 1989.

Duden Etymologie – *Duden Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache*. Band 7. Mannheim/Wien/Zürich: Dudenverlag, 2006.

Duden online – *Wörterbuch der deutschen Sprache Duden online*. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch>.

Genderleicht – *Genderleicht & Bildermächtig*. Available at: <https://www.genderleicht.de/wie-medien-gendern>.

Grimm – *Grimm Jacob und Wilhelm* Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1854. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-1dwb>.

Paul – *Paul H. Deutsches Wörterbuch*. Mar Niemeher, 1897. URL: <https://archive.org/details/deutscheswrter00pauluoft/page/n5/mode/2up>.

Библиографический список

Allport 1971 – *Allport Gordon W.* Die Natur des Vorurteils. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1971. 531. S.

Barnickel 1999 – *Barnickel K.-D.* Political correctness in learners' dictionaries // Thomas Herbst & Kerstin Popp (Eds.) *The Perfect Learners' Dictionary* (?). Berlin; Boston: De Gruyter, 1999. P. 161–174. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110947021.161>.

Földes 2019 – Földes C. «Jugendwort des Jahres»: kommunikative Realität oder mediale Konstruktion von Jugendsprache? // *Wirkendes Wort*. № 69 (1). 2019. S. 121–139. URL: https://www.researchgate.net/publication/334031036_Jugendwort_des_Jahres_kommunikative_Realitat_oder_mediale_Konstruktion_von_Jugendsprache_-_In_Wirkendes_Wort_69_2019_1_-_S_121-139.

Hidalgo Tenorio 2000 – *Hidalgo Tenorio E.* Gender, Sex and Stereotyping in the Collins COBUILD English Language Dictionary // *Australian Journal of Linguistics*. 2000. Vol. 20, issue 2. P. 211–230. DOI: <https://doi.org/10.1080/07268600020006076>.

Kotthoff, Nübling 2018 – *Kotthoff H., Nübling D.* Genderlinguistik: Eine Einführung in Sprache, Gespräch und Geschlecht (Narr Studienbücher). Tübingen: Narr Francke Attempto, 2018. 393 S. URL: <https://books.google.de/books?id=X2yADwAAQBAJ>.

Lautenschläger 2017 – *Lautenschläger S.* (Stereotype) Männlichkeit und Weiblichkeit im Presstext // *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie*. 2017. № 2 (91). S. 217–236. URL: <https://kobra.uni-kassel.de/handle/123456789/11511>.

Nübling 2010 – *Nübling D.* Zur lexikografischen Inszenierung von Geschlecht. Ein Streifzug durch die Einträge von Frau und Mann in neueren Wörterbüchern // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2010. Vol. 37, issue 3. S. 593–633. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/ZGL.2009.037>.

Westveer, Sleeman, Aboh 2018 – *Westveer T., Sleeman P., Aboh E.* Discriminating Dictionaries? Feminine Forms of Profession Nouns in Dictionaries of French and German // *International Journal of Lexicography*. 2018. Vol. 31, issue 4. P. 371–393. DOI: <http://doi.org/10.1093/ijl/icy013>.

Гаранович 2020 – Гаранович М.В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 228 с. URL: https://elis.psu.ru/ebooks/download/source/629263/Sociolingvisticheskoe_varirovanie_gendernyh_stereotipov_v_yazykovom_soznanii_russkih.pdf?ysclid=Izuy90qlq1250816855.

Шамне, Милованова 2023 – *Шамне Н.Л., Милованова М.В.* Особенности объективации категорий социальной эксклюзии – социальной инклюзии в русском языке (на примере понятий «глубинка» и «глушь») // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2023. Т. 22, № 4. С. 62–75. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>.

References

Allport 1971 – *Allport Gordon W.* (1971) *Die Natur des Vorurteils*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 531 S.

Barnickel 1999 – *Barnickel K.-D.* (1999) Political correctness in learners' dictionaries. In: *Thomas Herbst & Kerstin Popp (Eds.) The Perfect Learners' Dictionary (?)*. Berlin; Boston: De Gruyter, pp. 161–174. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110947021.161>.

Földes 2019 – Földes C. (2019) «Jugendwort des Jahres»: kommunikative Realität oder mediale Konstruktion von Jugendsprache? In: *Wirkendes Wort*, no. 69 (1), S. 121–139. Available at: https://www.researchgate.net/publication/334031036_Jugendwort_des_Jahres_kommunikative_Realitat_oder_mediale_Konstruktion_von_Jugendsprache_-_In_Wirkendes_Wort_69_2019_1_-_S_121-139.

Hidalgo Tenorio 2000 – *Hidalgo Tenorio E.* (2000) Gender, Sex and Stereotyping in the Collins COBUILD English Language Dictionary. *Australian Journal of Linguistics*, vol. 20, issue 2, pp. 211–230. DOI: <https://doi.org/10.1080/07268600020006076>.

Kotthoff, Nübling 2018 – *Kotthoff H., Nübling D.* (2018) *Genderlinguistik: Eine Einführung in Sprache, Gespräch und Geschlecht* (Narr Studienbücher). Tübingen: Narr Francke Attempto, 393 S. Available at: <https://books.google.de/books?id=X2yADwAAQBAJ>.

Lautenschläger 2017 – *Lautenschläger S.* (2017) (Stereotype) Männlichkeit und Weiblichkeit im Presstext. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie*, no. 2 (91), S. 217–236. Available at: <https://kobra.uni-kassel.de/handle/123456789/11511>.

Nübling 2010 – *Nübling D.* (2010) Zur lexikografischen Inszenierung von Geschlecht. Ein Streifzug durch die Einträge von Frau und Mann in neueren Wörterbüchern. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*, vol. 37, issue 3, pp. 593–633. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/ZGL.2009.037>.

Westveer, Sleeman, Aboh 2018 – *Westveer T., Sleeman P., Aboh E.* (2018) Discriminating Dictionaries? Feminine Forms of Profession Nouns in Dictionaries of French and German. *International Journal of Lexicography*, vol. 31, issue 4, pp. 371–393. DOI: <http://doi.org/10.1093/ijl/icy013>.

Garanovich 2020 – *Garanovich M.V.* (2020) Sociolinguistic variation of gender stereotypes in the linguistic consciousness of Russians: monograph. Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 228 p. Available at: https://elis.psu.ru/ebooks/download/source/629263/Sociolingvisticheskoe_varirovanie_gendernyh_stereotipov_v_yazykovom_soznanii_russkih.pdf?ysclid=Izuy90qlq1250816855. (In Russ.)

Shamne, Milovanova 2023 – *Shamne N.L., Milovanova M.V.* (2023) Objectification Features of Social Exclusion and Social Inclusion Categories in the Russian Language (Exemplified by «Glubinka» and «Glush» Concepts). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 22, no. 4, pp. 62–75. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11:811.131

Дата поступления: 14.05.2024

рецензирования: 17.06.2024

принятия: 02.09.2024

**Виды игрового поведения при выражении категории отношения
в английском и итальянском языках****И.А. Савватеева**Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Российская ФедерацияE-mail: Savvrina@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0004-5995-9934>

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ семантических и прагматических характеристик видов игровых отношений в языковых картинах мира неблизкородственных языков, предполагающий выявление сходств и различий игрового выражения категории *отношения* в английском и итальянском языках. Целью исследования является детальное осмысление категории отношения в поведенческом аспекте на основе лексем, выражающих понятие игра в неблизкородственных языках. Актуальность и теоретическая новизна лингвистического анализа игровых отношений в поведенческом аспекте обусловлена отсутствием сопоставительных исследований по данной проблематике на материале итальянского и английского языков. В качестве лингвистического инструментария исследования нами вводится понятие «наблюдатель» как интерпретатор: субъект восприятия и интерпретации (Наблюдатель_П) и субъект восприятия (Наблюдатель_А). Результатом исследования видов игровых отношений являются данные анализа лексических единиц как маркеров игрового поведения в семиотическом и аксиологическом аспектах. Анализ дефиниций лексем сопоставляемых языков, зафиксированных в словарях, показал, что в зависимости от вида игровых отношений определенные различия обнаруживаются в аксиологическом аспекте и впоследствии проявляются в контекстах высказываний. В итальянском языке при расшифровке семиотики игрового поведения отрицательная оценка встречается значительно реже, чем положительная. В английском языке игровые отношения отражают интенции переноса реальных поведенческих действий в игру, в итальянском языке – приукрашивание поведенческих действий в игре. Сопоставительный анализ языкового материала позволяет наглядно выявить и продемонстрировать сходства и различия в понимании и выражении игрового поведения на материале неблизкородственных языков.

Ключевые слова: категория *отношения*; игровое поведение; семантика; прагматика; семиотика; аксиология; наблюдатель; лингвокультура.

Цитирование. Савватеева И.А. Виды игрового поведения при выражении категории отношения в английском и итальянском языках // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 179–186. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-179-186>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Савватеева И.А., 2024

Ирина Анатольевна Савватеева – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83; докторант института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский проспект, 100.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.05.2024

Revised: 17.06.2024

Accepted: 02.09.2024

**Types of play behavior in the expression of the category of relations
in the English and Italian languages****I.A. Savvateeva**

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

E-mail: Savvrina@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0004-5995-9934>

Abstract: The article offers a comparative analysis of the semantic and pragmatic characteristics of the types of play relations in the linguistic world view of non-closely related languages. It involves identifying similarities and differences in the play expression of the category of *relations* in English and Italian languages. The purpose of the study is a more detailed understanding of the category of *relations* in the behavioral aspect based on lexemes expressing the concept of play in unrelated languages. The relevance and theoretical novelty of the linguistic analysis of play relations is due to the lack of comparative studies on this issue based on the material of the Italian and English languages in the behavioral aspect. We introduce the concept of observer: the subject of perception and interpretation (Observer_P) and the subject of perception (Observer_A), as an interpreter of types of play relations as a linguistic research tool. The result of the study of the types of

play relations is the analysis of lexical units as markers of play behavior in the semiotic and axiological aspects. Analysis of the definitions of lexemes of the compared languages, recorded in dictionaries, showed that, depending on the type of play relations, certain differences appear in the axiological aspect, and, subsequently, manifest themselves in the contexts. In Italian language, a negative assessment is much less common than a positive one when deciphering the semiotics of play behavior. In English language, playful relations reflect the intentions of transferring real behavioural actions into the play; in Italian language, they embellish real behavioral actions. A comparative analysis of language material makes it possible to clearly identify and demonstrate similarities and differences in the understanding and expression of play behavior using material of non-closely related languages.

Key words: category *relations*; play behavior; semantics; pragmatics; semiotics; axiology; observer; linguistic culture.

Citation. Savvateeva I.A. Types of play behavior in the expression of the category of relations in the English and Italian languages. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 179–186. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-179-186>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Savvateeva I.A., 2024

Irina A. Savvateeva – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontova Street, Irkutsk, 664074, Russian Federation; Doctoral candidate in Philology, Institute of Philology and Intercultural Communication of Volgograd State University, 100, Universitetskaya Avenue, 400062, Volgograd, Russian Federation.

Введение

Основной целью исследования является изучение типов семиотической информации, представленной в классификациях основных видов проявления игрового поведения, формирующих в итоге категорию *отношения* в игровом поведенческом смысле носителями двух неродственных языков.

Проблематика исследования связана с тем, что проявление игровых моментов в поведении человека в социуме является одним из значимых и неотделимых проявлений категории *отношения* в поведенческом аспекте в различных сферах деятельности. Элементы игрового поведения обнаруживаются во многих сферах взаимоотношений человека с социумом. Игра изучается в научной литературе в разных аспектах. Игра как вид деятельности человека [Апинян 2003; Арутюнова 2006], игра в социальной психологии [Берн 1964], игра как позитивная деятельность [Брагина 2006], серьезность и игровое в игре (about games and being serious) [Bateson 1987], семиотическое пространство игры [Куницына 2009], игра как объект культурологического анализа [Нестерова, Баннов 2006]. Умберто Эко изучал языковую игру в ее симбиозе с семиотикой и массовой культурой, где необходимым компонентом игры рассматривалась ее «криптографическая сущность, как шифр, который необходимо разгадать» [Цыганкова 2023, с. 2].

Зачастую, довольно сложно выделить вкрапления игровых элементов в поведении человека, а также различить истинные интенции и мотивы его поведения, выражающиеся в межличностных отношениях. «Переодеваясь или надевая маску, человек “играет” другое существо» писал Й. Хейзинга [Хейзинга 1992, с. 24].

Очевидно, что игра, как искусственно созданная, так и как определенный вид поведения в реальных отношениях, подразумевает два вида социальных ролей: непосредственного участника и зрителя/зрителей. Этот факт позволяет предположить возможность исследования семиотического и аксиологического проявления взаимопереплетения феноменов игры и поведения [Савватеева 2017]. Во-первых, поведенческий компонент ка-

тегории *отношения* в нашем исследовании предстает как совокупность знаковых действий и стоящих за ними ментальных или эмоциональных состояний и отношений, выражаемых этими действиями, или на которые эти действия указывают при обязательном присутствии непосредственного активного участника игрового поведения – субъекта поведения/агенса (наблюдателя_а). Во-вторых, поведение осмысливается носителями английского и итальянского языков и культур прежде всего как совокупность некоторых действий с определенной знаковой симптоматикой, рассчитанной на внешнего Наблюдателя (адресата). Этот внешний Наблюдатель (наблюдатель_п) должен находиться в перцептивном поле субъекта поведения/агенса, который, в таком случае, сам превращается в наблюдателя_а как интерпретатора таких действий [Савватеева 2015; 2023].

В нашем понимании, наблюдатель может служить неким ключом к раскрытию возможных когнитивных и лингвокультурных аспектов игрового поведения. «Наше повседневное поведение не всегда делает эксплицитным все подразумеваемое, а отсылает нас к общему для партнеров интеракции знанию. Толкование интеракции осуществляется говорящим посредством ключевых реплик и проспективно и ретроспективно через контекст. Эти реплики вызывают в представлении партнеров когнитивные схемы, которые затем служат интерпретативным фоном для сказанного до этого и ориентацией для последующих действий <...> Для того чтобы уменьшить неуверенность в общении с чужими (неуверенность в том, как продолжить действие, как поддержать начавшееся социальное отношение), партнер делает выводы из действий и поведения своего собеседника, которые затем в качестве генерализирующего объяснения образуют основу для собственного участия в интеракции и ее толкования. ИмPLICITно обозначенные схемы играют важную роль в процессе межперсональной коммуникации» [Шамне 2003, с. 73–74]. Таким образом, прагматическое выражение смысла игрового поведенческих отношений и его оценки в контекстах различных ситуаций яв-

ляется актуальным объектом для межкультурного лингвистического анализа в настоящее время.

Относительно итальянской культуры, анализ исследований, посвященных невербальному коммуникативному поведению итальянцев, показывает, что «отличительной чертой итальянского характера являются жесты – символы, которые функционируют как язык и систематизируются как культурно-специфические коммуникативные единицы. Итальянцы – хорошие актеры, а игра – неотъемлемая часть их повседневного существования. Коммуникативное поведение итальянцев характеризуется театральностью и публичностью и является важной составляющей итальянского характера» [Баева 2021, с. 81].

Актерская педагогика, изучая театральную игру, вырабатывает систему коммуникации, посредством которой актер, «проходя через несколько семиотических кодов, устанавливает коммуникацию со зрителем, которая должна в итоге восприниматься как естественная. Игра структурирована и формально выстроена как естественная коммуникация. Интерпретатор, как в случае с языком, так и со сценой – это тот, кто пытается восстановить истину» [Evandro 2021, p. 94].

Исследование текста сборника афоризмов «кодекс итальянской жизни» раскрывает самообычное понятие «честные и обманщики» как характеристику образа жизни в Италии с ярко выраженной моральной коннотацией, которая очень отчетливо представлена в итальянском обществе. Данный аспект амбивалентности поведения итальянцев переосмысливается как функция определенного комфорта, как умение приспосабливаться к ситуации с ориентацией на выстраивание долгосрочных отношений [Natale 2015, p. 181]. Авторы анализа элементов межкультурной компетенции учебной литературы и путеводителей итальянского языка отмечают, что многие элементы когнитивного и аффективного поведения недостаточно представлены в подобной литературе, хотя и имеют важное значение для межкультурной коммуникации. При этом авторы исследования отмечают, что итальянская культура всегда предстает в положительном свете, поскольку она фокусируется на предметах национальной гордости Италии. То же самое касается и навыков интерпретировать и создавать корректные отношения. Недостаток итальянских разговорников и путеводителей авторы видят в игнорировании принятия во внимание критического переосмысления представленных в них изображений реалий итальянской культуры. Проблематика, затронутая в исследовании, касается процессов правильной интерпретации отношений носителями других языков в итальянской лингвокультуре [Lalić 2021, p. 228–229].

Сочетание вышеназванных теоретических положений позволило определить подходы к сопоставительному анализу понимания видов игровых поведенческих отношений на примере итальянского и английского языков.

Основополагающим методом исследования послужил межязыковой сопоставительный анализ лексем, маркирующих игровое поведение в итальянском языке с возможными их соответствиями в английском языке. Используемый метод обусловлен спецификой исследуемого объекта и носит комплексный характер.

Материалом исследования послужили данные толковых словарей и тезаурусов английского и итальянского языков, а также образцы предложений и текстовых фрагментов, предлагаемых электронными словарями и тезаурусами, отобранные методом сплошной выборки. (AHD – *The American Heritage Dictionary of the English Language*; BD – *Britannica dictionary*; Collins – *Collins online dictionary*; DI – *Dizionario Italiano*; DIO – *Dizionario Italiano online*; Farlex – *The Free Dictionary online*; Glosbe – *Glosbe. онлайн словарь*; KEMD – *Kernerman English Multilingual Dictionary*; Treccani; БИРС – *Большой итальянско-русский словарь*). Для анализа были отобраны лексеммы различных частей речи: а) из английского языка – to dramatize, to sham, to pretend, to act, to play (play up, play the game), prank, theatrical; б) из итальянского языка – fingere, fingersi, drammatizzare, scherzo, teatrale.

Результаты и обсуждение

Предлагаемый в статье сопоставительный анализ видов игровых отношений в английском и итальянском языках проведен с учетом следующих основных этапов:

1. Семантический анализ лексем в целях выявления классификационных оснований, выражающих игровые отношения в сопоставляемых языках
 - 1.1. Дефиниционный анализ лексем, выражающих игровые отношения в английском языке.
 - 1.2. Дефиниционный анализ лексем, выражающих игровые отношения в итальянском языке.
2. Контекстуальный анализ лексем, выражающих игровые отношения в сопоставляемых языках
 - 2.1. Контекстуальный анализ лексем, выражающих игровые отношения в английском языке.
 - 2.2. Контекстуальный анализ лексем, выражающих игровые отношения в итальянском языке.
3. Выявление сходств и различий при выражении игровых поведенческих отношений в английском и итальянском языках, выводы о доминирующих сходствах и различиях.

Классификационные основания лексем, выражающих виды игровых отношений. Виды игровых отношений в поведении классифицировались по результатам дефиниционного анализа лексических единиц, посредством которого выявлялись компоненты дефиниций, включающие понятия игра и/ или игровое поведение, а также контекстуальный анализ их использования в языковых примерах, которые наиболее ярко иллюстрируют особенности употребления лексических единиц, выражающих игровые отношения в сопоставляемых языках. В исследовании рассматриваются следующие виды игровых отношений: игра – при творство; игра на публику; актерская игра.

Игровые отношения «Притворство»

Мы выделили языковые единицы с общим значением «притворство». Ср.: *sham, pretend, act* в английском языке и *fingere, fingersi* в итальянском языке. Ср.:

– *to sham* (притворяться) означает мошенничать, мистифицировать, вести себя неискренне: a spurious imitation; fraud or hoax; a person who pretends or counterfeits (KEMD); A display of insincere behavior (AHD).

– *to pretend: behave* unnaturally or affectedly (Farlex); to manipulate as if in a game, esp. for one's own advantage (Collins).

В итальянском языке выделяются следующие языковые единицы:

– *fingere* (притворяться) означает воображать, изобретать что-либо с фантазией: *immaginare, simulare, per farlo credere agli altri* (заставить других поверить, симулировать что-либо) (DI).

– *fingersi* (изображая из себя): *immaginarsi, voler sembrare, apparire in un modo diverso da ciò che si è* (хотеть казаться не тем, кто ты есть) (DI).

В составе приведенных выше лексем присутствует компоненты, имеющие отношение к игре и поведению: *behave, game* в английском языке и *immaginare, simulare* в итальянском языке как потенциал вербализации игровых отношений «притворство». Схожесть в понимании данного вида игрового поведения в сопоставляемых языках подтверждается как семантической составляющей словарных толкований, так и переводом английских лексем на итальянский язык в словаре *Collins*:

– *fingere di fare qc to pretend to do sth fingere un grande dolore → to pretend to be very upset; sa fingere molto bene → he's very good at hiding his feelings; fingersi: to pretend to be: fingersi medico → to pretend to be a doctor* (Collins).

На основе результатов анализа игровых отношений «притворство» можно сделать следующие выводы: 1) в данных игровых отношениях при обнаружении поведенческого компонента категории *отношения* присутствуют два типа наблюдателя. В следующем контексте наблюдатель_н делает вывод о действиях субъекта поведения (наблюдателя_а) как притворных: 1) *She's just acting* (Farlex). В примере 2 наблюдатель_н оценивает действия субъекта поведения, как притворную игру субъекта поведения с вдовой с определенной целью получить от нее деньги: 2) *He played the widow along until she gave him her money* (Collins).

В примере 3 субъект поведения (наблюдатель_а) оценивает как свое поведение, так и поведение других как притворство: 3) *Ma è sempre stato il nostro maggior diletto quello di recitare – disse Perry – anche se fingiamo tutti di brontolare* (Играть для нас – величайшее удовольствие, – сказал Перри, – несмотря на притворство, что нам это в тягость) (Glosbe). Пример 4 показывает, что наблюдатель_н оценивает поведение и сложившиеся отношения в городке как игру- притворство: *Tex Moran interpre-*

tava la parte di uno sceriffo onesto in una città che si rivelava corrotta (Моран играл честного шерифа в нечестном городке) (Glosbe).

Таким образом, у игровых отношений «притворство» в контекстах различных ситуаций имеется знаковый потенциал для расшифровки Наблюдателем_н:

2) аксиологический аспект игры – притворства при оценивании игровых отношений имеет тенденцию к негативной оценке (фальшь, неискренность, подделка).

Игровые отношения «Игра на публику»

Лексические единицы, входящие в группу «Игровые отношения», «игра на публику» были выделены на основании дефиниций, включающих в себя компоненты игры и поведение с общим значением «драматизировать, демонстрировать игровые действия на публику».

В английском языке вербализатор игровых отношений «игра на публику» *to dramatize: to make real events seem like things that happen in a play* (KEMD) имеет значение переноса реальных событий таким образом, чтобы они казались игрой: 5) *She dramatizes everything so!* (KEMD).

В итальянском языке ярким примером глагола с поведенческим игровым значением является глагол *drammatizzare*, который означает «придавать сценическую форму; трагически преувеличивать, сгущать краски»:

– *Drammatizzare: esagerare gli aspetti negativi: drammatizzare una situazione* (DIO); *fare una tragedia, un dramma, prendersela troppo, preoccuparsi eccessivamente, accrescere la tensione, agitarsi* (DI).

В примере наблюдатель_н оценивает отношения предикатом *drammatizzare* как притворное поведение с целью скрыть определенные обстоятельства: 6) *Come molte persone infedeli, gli piace drammatizzare* (Как и большинство неверных супругов, он сильно драматизирует). В другом примере глагол *drammatizzare* маркирует демонстративную игру на публику: 7) *Con un pubblico così compiacente Qwilleran non provava timidezza a drammatizzare il testo* (С такой замечательной аудиторией Квиллер не стеснялся драматизировать) (Glosbe).

Глагол *to act* имеет в своей семантике компоненты, выражающие игровое поведение с отрицательным значением «нечестная игра/ поведение»:

– *disguise, dissemblance, masquerade, pretense, sham, show, simulation: a display of insincere behavior* (Farlex). В нижеследующих примерах (8 и 9) наблюдатель_н оценивает совокупность поведенческих действий как игровое притворное поведение с целью произвести определенное впечатление на других участников поведенческой ситуации. Ср.: 8) *He acted foolishly at the meeting*; 9) *She's not angry with you, she's just playing* (KEMD).

Лексемы *to play up* и *to play the game* имеют яркую поведенческую характеристику в контексте игровых отношений на публику:

– Play up: to emphasize, publicize. В примере игровое притворство маркируется предикатом *play up* в значении заискивать перед властью: 10) *Plays up to anyone in authority* (Glosbe);

– Play the game: to behave according to the accepted customs or standards (AHD). Контекст следующего примера, показывает ситуацию притворного поведения со значением *подыгрывать*: 11) *Listen to him and be courteous; play the game he plays* (Glosbe).

Приведем пример лексемы *prank* с отрицательным значением игрового поведения на публику: устроить показную демонстрацию; проделка забавного, шуточного, а иногда и злого характера; устроить показное шоу (KEMD); вести себя как клоун или шут; розыгрыш, шутка, разыгранная над человеком (особенно с целью выставить жертву глупой):

– Prank: to make an ostentatious display (Collins); a trick of an amusing, playful, or sometimes malicious nature; to make an ostentatious show or display (KEMD); acting like a clown or buffoon; practical joke, a trick played on a person (especially one intended to make the victim appear foolish) (Farlex). В контексте следующего примера, наблюдатель_п оценивает отношения как демонстративную поведенческую игру одного субъекта поведения по отношению к другому и реакцию последнего на подобное поведение: 12) *Even when I'd made her cry over the years with my pranks, she held her head high and moved on* (Glosbe).

Эквивалентом лексемы *prank* в итальянском языке является лексема *scherzo*: fare uno scherzo a qn → to play a (practical) joke or prank or trick on somebody (Collins). Лексема *scherzo* не имеет в дефинициях компонентов с отрицательными коннотациями в отличие от английской лексемы *prank*. Семантика значения игры лексемы *scherzo* отражается в словарях как шуточное, несерьезное поведение: **comportamento** in cui si dice o si fa qlco. non sul serio, ma per divertimento o per burla (DI); **comportarsi** in un certo modo per burla, senza intenzioni serie, non offendersi per finta (Farlex); **comportarsi** in un certo modo per burla (DIO): 13) *So che scherzo sempre ma sono pazzo di te* (Я часто дурачусь, но я без ума от тебя) (Glosbe). В итальянском языке не прослеживается ярко выраженного отрицательного значения при выражении игровых поведенческих отношений на публику.

Игровые отношения «актерская игра»

С учетом разнообразия спектра аксиологической градации игровых видов отношений считаем необходимым выделить вид игровых отношений «актерская игра». Наблюдатель оценивает такое поведение положительно, поскольку данный вид игрового поведения не предусматривает цель обмана с позиции притворства. В тоже время, имитация определенных чувств и эмоций в поведении влияет на изначально положительное оценивание такого вида отношений. Оценка может становить-

ся отрицательной. Приведем в качестве примера прилагательное *theatrical* как маркер, указывающий на связь поведения с актерской игрой. Дефиниционный анализ лексемы *theatrical* показывает, что в английском языке данный маркер игровых отношений «актерская игра», содержит в своей внутренней структуре указатели как на поведение (неискреннее) и игру, так и на искусственное усиление эффекта, производимого на публику:

– theatrical: marked by exaggerated self-display and unnatural behavior (AHD); exaggerated and affected in manner or behaviour (Collins); overemotional exaggerated behavior calculated for effect (AHD); behaving as if in a play; over-dramatic (KEMD); behaving or done in a way that is often not genuine or sincere (BD). Контекст следующего примера демонстрирует оценку театральности субъекта поведения как чрезмерно наигранное: 14) *He fell with a theatrical groan and cried, "Help!"* (Glosbe).

Следующий пример показывает, что наблюдатель_п оценивает совокупность поведенческих действий субъекта его выражающего как направленное на публику: 15) *She was sobbing quite theatrically for her worried and quite adoring audience, and Lily was tempted to laugh* (Glosbe).

В итальянском языке *teatrale* означает *показной, наигранный*. Среди синонимов, описывающих лексему *teatrale*, не встречается лексем с отрицательным значением, за исключением лексемы *falso* (БИРС). Словарные толкования лексемы *teatrale* со значением *произвести эффект на публику* не содержат компоненты, четко выражающие отрицательную или положительную оценку такого эффекта: *figurato di effetto esagerato, privo di naturalezza, reagire in modo teatrale* (Farlex); *imita alcuni caratteri propri della recitazione scenica, artificialmente esagerato, che ricerca soltanto l'effetto* (Treccani). В примере 16 показана ситуация подобной театральности игрового поведения: 16) *C'è un mazzo di rose rosse posato sulla scrivania, che Jack mi offre, mettendosi teatralmente in ginocchio* (На столе лежит букет красных роз, и Джек преподносит его мне театральным жестом, преклонив колено) (Glosbe).

При этом в контекстах употребления лексем в рамках отношений «актерская игра», поведение может оцениваться отрицательно. В примере 17 наблюдатель_п оценивает совокупность поведенческих знаков в виде прогнозируемой отрицательной реакции одного субъекта отношений на театральность поведенческих действий другого субъекта: 17) *Se sua madre avesse assistito a quella sceneggiata l'avrebbe impiccata per la vergogna* (Если бы ее мать могла видеть все эти театральные сцены, она сторела бы со стыда) (Glosbe). В примере 18, субъект поведения (наблюдатель_а) оценивает реакцию наблюдателей своего поведения с отрицательной коннотацией: 18) *Guardò le facce ansiose dei suoi compagni, e sentì che avrebbe recitato in quella tragedia fino in fondo* (Он посмотрел на полные надежды лица своих сотоварищей и понял, что будет играть эту трагикомедию до конца) (Glosbe).

Заключение

Сопоставительный анализ семиотических и аксиологических характеристик видов игровых отношений в разных лингвокультурах позволяет сделать следующие выводы:

Определенные виды поведения осмысляются как игровые в культурных пространствах английского и итальянского языков в присутствии наблюдателя. В игровых отношениях, направленных на определенный эффект, предназначенный для публики или другого субъекта ситуации, всегда имплицитно предполагает присутствие того, кто их оценивает и интерпретирует, иначе отношения теряют свою цель. Это наблюдение позволяет предполагать возможность расшифровки знаковости комплекса игровых поведенческих действий и их аксиологической интерпретации.

В целом, анализируя словарные значения лексем, выражающих игровые отношения в английском и итальянском языках, можно сделать вывод, с одной стороны, о схожести в понимании данного вида игрового поведения в сопоставляемых языках в зависимости от вида игровых отношений. С другой стороны, также в зависимости от вида игровых отношений, определенные различия проявляются в аксиологическом аспекте. В итальянском языке при расшифровке семиотики игрового поведения отрицательная оценка встречается значительно реже, чем положительная. Такой вывод исходит, в первую очередь, из анализа дефиниций лексем сопоставляемых языков, зафиксированных в сло-

вях и впоследствии имеющих отражение в контекстах высказываний.

В английском языке игровые поведенческие отношения отражают интенции переноса реальных поведенческих действий в игру, а в итальянском языке их приукрашивание. Сопоставительный анализ переводов лексем со значением игрового поведения с английского на итальянский язык показывает, что глубинных аксиологических оттенков перевод может не передавать в полной степени. Очевидно, это связано с тесным переплетением сложных онтологических феноменов игры и поведения в рамках межличностных отношений, когда в некоторых моментах слияния игры и поведения так сложно, и порой невозможно, отделить игру от реальной жизни.

Сопоставительный анализ языкового материала позволяет наглядно выявить и продемонстрировать сходства и различия в понимании и выражении игрового поведения на материале неблизкородственных языков в английской и итальянской культурах. Данный подход обусловлен продуктивностью сопоставительных исследований в динамическом развитии изучения проблем межкультурной коммуникации в современной научной мысли. Результатом исследования предполагается создание методологической основы для дальнейшего изучения комплексного понимания семиотики и аксиологии вербальных выражений игровых поведенческих компонентов в системе межличностных и социальных отношений в семиотическом и аксиологическом аспектах.

Материалы исследования

AHD – *The American Heritage Dictionary of the English Language*. URL: <http://www.bartleby.com/dictionary>

BD – *Britannica dictionary*. URL: <http://www.britannica.com>.

Collins – *Collins online dictionary*. URL: <http://www.collinsdictionary.com>.

DI – *Dizionario Italiano*. URL: <http://www.dizionari.corriere.it>.

DIO – *Dizionario Italiano online*. URL: <http://www.dizionarioitaliano.it>.

Farlex – *The Free Dictionary online*. URL: <http://www.thefreedictionary.com>.

Glosbe – *Glosbe. онлайн словарь*. URL: <http://www.glosbe.com>.

KEMD – *Kernerman English Multilingual Dictionary*. URL: <http://www.kdictionaries.com>.

Treccani – *Treccani*. URL: <https://www.treccani.it>.

БИРС – *Большой итальянско-русский словарь*. URL: <http://www.classes.ru>.

Библиографический список

Bateson 1987 – *Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*. Northvale: Jason Aronson Inc., 1987. 361 p. URL: <https://ejc.orfaleacenter.ucsb.edu/wp-content/uploads/2017/06/1972.-Gregory-Bateson-Steps-to-an-Ecology-of-Mind.pdf>.

Evandro 2021 – *Evandro S. Pedagogie d'attore e acquisizione linguistica tra imitazione e interpretazione // Italiano sul palcoscenico: codici semiotici nella vita e nella professione. Atti del convegno internazionale a carattere pratico e scientifico*. Mosca: MGLU, 2021. P. 94–98. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45797053&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/olkkou>.

Lalić 2021 – *Lalić A. Elementi della competenza comunicativa interculturale: analisi dei manuali di italiano l2/l3 usati nel Cantone Sarajevo // Journal of the Faculty of Philosophy in Sarajevo*. 2021. № 24. P. 212–236. DOI: <http://doi.org/10.46352/23036990.2021.212>.

Natale 2015 – Natale E. Attualita del codice della vita italiana di Giuseppe Prezzolini // *Studia culturae*. No. 4 (26). Jubilaues, 2015. P. 180–185. URL: <https://alpinigenovaquarto.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/06/giuseppe-prezzolini-codice-della-vita-italiana-1921.pdf>.

Апинян 2003 – Апинян Т.А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. 400 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20072149>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxgfhf>.

Арутюнова 2006 – Арутюнова Н.Д. Виды игровых действий // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. Москва: Индрик, 2006. С. 5–16. URL: https://vk.com/wall-110948237_5994?ysclid=1z9pzf2cddt329037593.

Баева 2021 – Баева Е.И. Gesti – simboli nel cinema italiano (descrizione del comportamento comunicativo non verbale) // Italiano sul palcoscenico: codici semiotici nella vita e nella professione. Atti del convegno internazionale a carattere pratico e scientifico. Mosca: MGLU, 2021. P. 81–84. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45797051&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/smgmkq>.

Берн 1998 – Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. Санкт-Петербург; Москва: Университетская книга, 1998. 398 с. URL: <https://spbgu.ru/files/05-5-01-008.pdf>.

Брагина 2006 – Брагина Н.Г. Метафоры игры в описаниях мира человека (Межличностные отношения) // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. Москва: Индрик, 2006. С. 120–143. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22607796>. EDN: <https://www.elibrary.ru/taswwd>.

Куницына 2009 – Куницына Е.Ю. Шекспир. Игра. Перевод. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2009. 348 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21126790>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ruigm1>.

Нестерова, Баннов 2006 – Нестерова Н.В., Баннов К.Ю. Игра как объект культурологического анализа // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2006. № 1 (9). С. 51–64. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11531194>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jsitup>.

Савватеева 2017 – Савватеева И.А. Людический аспект поведения // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 708–712. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30627062>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zufnbf>.

Савватеева 2015 – Савватеева И.А. Специфика семиотичности поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 21 (732). С. 93–103. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39246410>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xlpedw>.

Савватеева 2023 – Савватеева И.А. Сравнительный дефиниционный анализ концепта BEHAVIOUR и смежных с ним понятий // Успехи гуманитарных наук. 2023. № 3. С. 150–153. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=52761737>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gefkyj>.

Хейзинга 1992 – Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. Москва: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 464 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/huizinga_homo_ludens_all_2_volum%3D81.pdf.

Шамне 2003 – Шамне Н.Л. Межкультурная и транскультурная коммуникация: к определению понятий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2003. № 3. С. 73–80. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11670921>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jvkgtt>.

Циммерлинг 2006 – Циммерлинг А.В. Жизнь как игра с противоположными интересами // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. Москва: Индрик, 2006. С. 111–119. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27636599>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xgubld>.

Цыганкова 2023 – Цыганкова А.А. Механизмы языковой игры в текстах Умберто Эко // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 4 (40). С. 1–4. DOI: <http://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.30>.

References

Bateson 1987 – Bateson G. (1987) Steps to an Ecology of Mind. Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. Northvale: Jason Aronson Inc., 361 p. Available at: <https://ejc.orfaleacenter.ucsb.edu/wp-content/uploads/2017/06/1972.-Gregory-Bateson-Steps-to-an-Ecology-of-Mind.pdf>.

Evandro 2021 – Evandro S. (2021) Pedagogie d'attore e acquisizione linguistica tra imitazione e interpretazione. In: *Italiano sul palcoscenico: codici semiotici nella vita e nella professione. Atti del convegno internazionale a carattere pratico e scientifico*. Mosca: MGLU, pp. 94–98. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45797053&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/olkkou>.

Lalić 2021 – Lalić A. (2021) Elementi della competenza comunicativa interculturale: analisi dei manuali di italiano l2/ls usati nel Cantone Sarajevo. *Journal of the Faculty of Philosophy in Sarajevo*, no. 24, pp. 212–236. DOI: <http://doi.org/10.46352/23036990.2021.212>.

Natale 2015 – Natale E. (2015) Attualita del codice della vita italiana di Giuseppe Prezzolini. *Studia culturae*, no. 4 (26). Jubilaues, pp. 180–185. URL: <https://alpinigenovaquarto.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/06/giuseppe-prezzolini-codice-della-vita-italiana-1921.pdf>.

Apinyan 2003 – Apinyan T.A. (2003) A game in a serious space. Game, myth, ritual, dream, art and others. Saint Petersburg, 400 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20072149>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxgfhf>. (In Russ.)

- Arutyunova 2006 – *Arutyunova N.D.* (2006) Types of game actions. In: *Arutyunova N.D. (Ed.) Logical analysis of language. Conceptual fields of game.* Moscow: Indrik, pp. 5–16. Available at: https://vk.com/wall-110948237_5994?ysclid=lz9pzf2cdt329037593. (In Russ.)
- Baeva 2021 – *Baeva E.I.* (2021) Gesti – simboli nel cinema italiano (descrizione del comportamento comunicativo non verbale). In: *Italiano sul palcoscenico: codici semiotici nella vita e nella professione. Atti del convegno internazionale a carattere pratico e scientifico.* Mosca: MGLU, pp. 81–84. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45797051&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/smgmkq>.
- Berne 1964 – *Berne E.* (1998) Games People Play. The Psychology of Human Relationships. People Who Play Games. The Psychology of Human Destiny. Saint Petersburg, Moscow: Universitetskaya kniga, 398 p. Available at: <https://spbgu.ru/files/05-5-01-008.pdf>. (In Russ.)
- Bragina 2006 – *Bragina N.G.* (2006) Metaphors of Game in the Descriptions of Human World (Interpersonal Relations). In: *Arutyunova N.D. (Ed.) Logical analysis of language. Conceptual fields of game.* Moscow: Indrik, pp. 120–143. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22607796>. EDN: <https://www.elibrary.ru/taswwd>. (In Russ.)
- Kunitsyna 2009 – *Kunitsyna E.Yu.* (2009) Shakespeare Translation: Play and Game. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 348 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21126790>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ruigml>. (In Russ.)
- Nesterova, Bannov 2006 – *Nesterova N.V., Bannov K.Yu* (2006) The phenomenon of games as an object of cultural analysis. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, no. 1 (9), pp. 51–64. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11531194>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jsitup>. (In Russ.)
- Savvateeva 2015 – *Savvateeva I.A.* (2015) Specification of behavioral semiotics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 21 (732), pp. 93–103. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39246410>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xlpedw>. (In Russ.)
- Savvateeva 2017 – *Savvateeva I.A.* (2017) Ludical aspect of the concept behavior. *Cognitive Studies of Language*, no. 29, pp. 708–712. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30627062>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zufnbf>. (In Russ.)
- Savvateeva 2023 – *Savvateeva I.A.* (2023) Comparative definitional analysis of the concept *BEHAVIOUR* and related concepts. *Modern Humanities Success*, no. 3, pp. 150–153. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=52761737>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gefkyj>. (In Russ.)
- Huizinga 1992 – *Huizinga J.* (1992) Homo ludens. In the shadow of tomorrow. Moscow: Progress, Progress-Akademiya, 464 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/cultur/huizinga_homo_ludens_all_2_volum%3D81.pdf. (In Russ.)
- Shamne 2003 – *Shamne N.L.* (2003) Intercultural and transcultural communication: towards the definition of the concepts. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, no. 3, pp. 73–80. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11670921>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jvkggt>. (In Russ.)
- Zimmerling 2006 – *Zimmerling A.V.* (2006) Life as a game with non-opposite interests. In: *Arutyunova N.D. (Ed.) Logical analysis of language. Conceptual fields of game.* Moscow: Indrik, pp. 111–119. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27636599>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xgubld>. (In Russ.)
- Tsygankova 2023 – *Tsigankova A.A.* (2023) The mechanisms of language game in Umberto Eco's texts. *Russian Linguistic Bulletin*, no. 4 (40), pp. 1–4. DOI: <http://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.30>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11-112

Дата поступления: 15.05.2024
рецензирования: 17.06.2024
принятия: 02.09.2024

Функции и специфика метафорических комплексов в романе Д. Кельмана Tyll

В.С. Сударева

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sudareva.vs@ssau.ru ORCID: <http://orcid.org/0009-0007-9262-3211>

Аннотация: Статья посвящена анализу языковой репрезентации и функциональных особенностей метафорических комплексов *смерть* и *движение* в немецкоязычном романном дискурсе. Материалом исследования послужил роман современного немецкого писателя Даниэля Кельмана Tyll (2017 г.), героем которого является помещенный в ландшафт Тридцатилетней войны известный персонаж немецких позднесредневековых легенд, бродяга и артист Тилль Уленшпигель. Актуальность обусловлена отсутствием системных исследований романной метафоры и ее главенствующей роли в процессе смыслопорождения в художественной прозе нового рубежа веков. В исследовании используется интегральный подход к рассматриваемой проблеме. Исходной теоретической посылкой является признание весомости когнитивного потенциала метафоры, реализуемого в процессе художественного познания. В результате обнаружено, что метафорический комплекс *смерть* воплощается Д. Кельманом в последовательности образных рядов, создающих метафорическую связь между приходом предвестника смерти Тилля Уленшпигеля и наступлением Войны. Автор предлагает рассматривать процесс формирования метафорического комплекса *движение* в серии текстовых фрагментов, созданных с участием глаголов с семантикой движения, системы пространственных предлогов и наречий со значением повторяемости действия. При характеристике ритмической специфики исследуемого романного текста отмечается, что основным используемым Д. Кельманом методом является оправдание ритмического ожидания. Ритм текста согласуется с концептуальным танцем главного героя посредством субъективно ранжированных градиционных рядов с восходящим приращением семантической и эмоционально-экспрессивной значимости, определяющих авторскую модальность. Исследуемые метафорические комплексы *смерть* и *движение* обладают в романе Д. Кельмана *прогностической* и *композиционной* функциями. Полученные результаты уточняют характеристики метафоричности романа Tyll, обозначая в дальнейшем необходимость исследования метафорических комплексов, входящих в состав центральной романной метафоры как важной категории новейшей немецкой литературы.

Ключевые слова: Даниэль Кельман; современный немецкоязычный роман; Тилль Уленшпигель; романная метафора; метафорический комплекс; ритмическая организация текста; семантика движения, прецедентные имена; репрезентация.

Цитирование. Сударева В.С. Функции и специфика метафорических комплексов в романе Д. Кельмана Tyll // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 187–194. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-187-194>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сударева В.С., 2024

Виктория Сергеевна Сударева – аспирант, ассистент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.05.2024
Revised: 17.06.2024
Accepted: 02.09.2024

Functions and specificity of metaphorical complexes in D. Kehlmann's novel «Tyll»

V.S. Sudareva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: sudareva.vs@ssau.ru ORCID: <http://orcid.org/0009-0007-9262-3211>

Abstract: The article is devoted to the analysis of the linguistic representation and functional features of the metaphorical complexes *death* and *movement* in the German-language novel discourse. The research was based on the novel «Tyll» (2017) written by the modern German writer D. Kehlmann. The novel tells about the character of German medieval legends Till Eulenspiegel portrayed as vagabond and artist, placed in the landscape of the Thirty Years' War. The relevance of the research is due to the lack of systematic studies of the novel metaphor and its dominant role in the process of meaning generation in literary texts at the «new turn of the century». The author used an integral approach to the problem

under study. The initial theoretical premise of the study is the recognition of the serious cognitive potential of metaphor, realized in the process of artistic cognition. As a result of the research, it was found that the metaphorical complex *death* is embodied by D. Kehlmann in the novel by sequence of figurative rows that create a metaphorical connection between the arrival of the harbinger of death Till Eulenspiegel and the onset of War. The author suggests considering the process of formation of the metaphorical complex *movement* in a series of text fragments created with the participation of verbs with semantics of movement, spatial prepositions and adverbs of repetition. Attempting to characterize the rhythmic specificity of the novel text under study, the author comes to the conclusion that the main method used by D. Kehlmann is justification of rhythmic expectation. The rhythm of the text is consistent with the conceptual dance of the main character through subjectively ranged gradation rows with an ascending increment of semantic and emotionally expressive significance, which determine the author's modality. Metaphorical complexes *death* and *movement* have *prognostic* and *compositional* functions. The results obtained confirm the metaphoricality of the novel under study and the necessity to analyze other metaphorical complexes as part of the central novel metaphor as an important category of modern German literature.

Key words: Daniel Kehlmann; modern German novel; Till Eulenspiegel; novel metaphor; metaphorical complex; rhythm; semantics of movement, precedent names; representation.

Citation. Sudareva V.S. Functions and specificity of metaphorical complexes in D. Kehlmann's novel «Tyll». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 187–194. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-187-194>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interest.

© Sudareva V.S., 2024

Victoria S. Sudareva – postgraduate student, assistant lecturer of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

С середины XX века научная проблематика сферы изучения метафоры отмечена отказом от исключительно риторических и стилистических позиций, в которой превалировали анализ и оценка метафоры как поэтического образования, и признанием того, что метафору следует изучать как когнитивный механизм, связанный с процессами человеческого мышления [Арутюнова 1990]. Метафора как значимый принцип смыслопорождения образует, согласно данному подходу, важное условие существования языка. Когнитивный потенциал получил описание и теоретическое обоснование в трудах Дж. Лакоффа, М. Джонсона, А. Ричардса, М. Блэка, Э. Кассирера и др. Особый вклад в изучение языковой метафоры внесли отечественные ученые Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.Г. Гак и др.

В качестве нового типа модификации романной формы, моделирующего ядра художественного произведения метафора рассматривалась отечественными исследователями В.А. Пестеревым, В.Д. Днепровым, Э.Н. Шевяковой и др. В настоящее время исследования метафоры обретают междисциплинарный характер, что возможно только при условии, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» [Лакофф, Джонсон 1990, с. 387].

Когнитивную специфику метафоры подробно описал Ж. Женетт, рассмотрев в метафоре «наилучшее выражение глубинного видения вещей, не останавливающегося на их внешности и проникающего в их “сущность”» [Женетт 1998, с. 80]. Действительно, метафора позволяет обнаружить и выразить гораздо более глубокие связи и смыслы, – то, что невозможно зафиксировать, не используя метафору как когнитивный инструмент.

Описывая уникальность человеческого мышления, Ж. Женетт вводит аналогию с палимпсестом, в котором «смешивается и накладывается друг на друга несколько фигур и смыслов, которые при-

сутствуют все сразу и которые возможно расшифровать только в их совокупности» [Женетт 1998, с. 102].

Именно в способности охватывать единое целое переплетенных между собою и дополняющих друг друга смыслов заключена особенность метафоры. С помощью «чуда аналогии» метафора выделяет сущность дистанцированных вещей и сближает усиливающие друг друга контрасты.

Такие сложные метафорические структуры, в которых метафора продолжает свое развитие на протяжении всего произведения и приобретает все более богатое контекстуальное наполнение, аккумулируя порождающие ее образные ряды, обозначаются в данном исследовании как *метафорические комплексы*. В свою очередь, они находят языковую репрезентацию в используемой писателем широкой палитре языковых средств.

Основная часть

В контексте лингвистического изучения художественной реализации и языковой репрезентации романной метафоры особый интерес представляют прозаические произведения популярного современного немецко-австрийского писателя, журналиста и критика Даниэля Кельмана (Daniel Kehlmann, geb. 1975). Получивший от литературных критиков прозвище «немецкий вундеркинд», Д. Кельман стал автором второго самого продаваемого романа на немецком языке в послевоенный период (*Die Vermessung der Welt*, 2005), многократным лауреатом международных премий, в частности премии Кандида (2005), премии Генриха Клейста (2006), премии Томаса Манна (2008),) и премии им. Людвига Берне (2024).

В современных исследованиях единодушно отмечается большой метафорический потенциал романов Кельмана [Сударева 2022; Новикова 2023]. Материалом для исследования метафорических комплексов послужил изданный в 2017 году роман Кельмана *Tyll*, который сразу завоевал любовь

читателей и громкую похвалу критиков, а также вошел в шорт-лист Международной Букеровской премии 2020 года.

Знаменательная фигура немецкого фольклора, бродяга и плут Тилль Уленшпигель в одноименном романе Д. Кельмана Tyll помещен автором как главный герой в самый центр вихря Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Хорошо известный с XIV–XV вв., предположительно имеющий реальный исторический прототип и обычно рассматриваемый в качестве типичного героя грубого фарса [Schweissinger 2019, p. 138], Тилль в прозе Кельмана обретает неклассический для него образ – он становится бессмертным артистом, коварным трикстером, королевским шутом, носителем глубинного знания и предвестником Смерти. В известных литературных источниках, в которых Тилль Уленшпигель так или иначе упоминается, в частности в главном – в народной книге *Ein kurtzweilig lesen von Dyl Ulenspiegel (1510/1511)*, он не связан с Тридцатилетней войной. Помещая Тилля в чуждую ему шкалу времени, в сердцевину одного из самых кровавых и опустошительных конфликтов человечества, Кельман художественно осмысляет категории жизни и смерти и упорство артиста перед лицом непреодолимых трудностей.

Отрывающая роман глава *Schuhe* представляется мизансценой, плотно насыщенной метафорами, последовательность которых демонстрирует их тесную взаимосвязь. Так, появляющаяся в этой главе тема *смерти* непосредственно связана с развитием сюжета и вводится Кельманом в ходе формирования анафоричного отношения между приходом Тилля Уленшпигеля в доселе мирную деревню и приходом в нее Войны: *Der Krieg war bisher nicht zu uns gekommen. / Tyll ist gekommen.*

Основное значение глагола *kommen* в современном немецком языке определено как *sich auf ein Ziel hin bewegen [und dorthin gelangen]* (Duden). *Kommen* не является частотным глаголом в связке с существительным *Krieg* как носителем действия, синтаксически выраженным подлежащим: *es darf kein Krieg [wieder] kommen; zum Krieg kommen; es darf nie wieder zum Krieg kommen* (Wörter und Wendungen 1992). Однако в романе автор использует полисемическую структуру глагола *kommen*, объединяющую его абстрактное и конкретное значения. В значении *пришествия, прибытия, движения* глагол *kommen* связан именно с войной, ее предвестниками (повсеместно распространяемые в период Реформации политические листовки *Flugschriften*, фигура циклического сборщика налогов *Steuereintreiber*) и Тиллем Уленшпигелем: *Der Krieg war bisher nicht zu uns gekommen. / Zweimal im Jahr kam der Steuereintreiber und schien immer überrascht, dass wir noch da waren. / Sogar zu uns kamen Flugschriften. / <...> Tyll ist gekommen! / Und ein gutes Jahr später kam der Krieg doch zu uns.* Анафоричное представление темы *пришествия* (субъект + *kommen*) разрабатывается автором романа на протяжении целой главы и выносится

в начальные абзацные фразы. Показательно употребление автором глагола *kommen* во временных формах Plusquamperfekt и Präteritum, акцентирующее в контексте романа разницу в значениях завершенности процесса наступления войны (*Der Krieg war bisher nicht zu uns gekommen. / Und ein gutes Jahr später kam der Krieg doch zu uns.*). Образуя рамочную композицию, эти высказывания отличаются наличием частицы *doch*, общее значение которой «заключается в противительном компоненте (в противоречии двух точек отсчета)» (Helbig 1998). В приведенном фрагменте ее использование указывает, что общее положение дел в деревне не изменилось, но война *все же* пришла, а ее приход отмечен появлением Тилля.

Связь между приходом Тилля и роковыми событиями получает выражение через импликацию фигуры *вестника*, несущего дурные предзнаменования. Понимая, что только человек на границе жизни и смерти, подобный Тиллю, может предчувствовать и призывать беду, деревенская старуха Луиза произносит пророчество: *Nur die alte Luise <...> rief, ob denn keiner verstehe, was er hier mache. Er beschwöre es, er rufe es her!*

События в романе разыгрываются на историческом фоне, рисующем достаточно тривиальную картину военного времени. Повествование ведется от имени коллективного *wir* (мы). Это жители мирной отдаленной деревни, наблюдающие за представлением цирка Уленшпигеля. Единственным связующим звеном между жителями и артистом является двенадцатилетняя девочка Марта, выделенная самим Тиллем из любопытной толпы.

Коммуникативная проекция, представленная в исходной главе, выглядит следующим образом: *Tyll – Matha – wir*, в которой *wir* – персональный нарратор в коллективной форме (сообщество), а *Martha* – посредник между Тиллем и сообществом деревни. Изначально сообщество деревни не наделено настоящим *голосом*: глаголы с семантикой речи используются не с местоимением *wir*, а с безличным *es* как подлежащим, ср.: *<...> so rief es bald von überall und mit vielen Stimmen: «Tyll ist hier!» <...>; <...> «Tyll ist gekommen!», rief es wieder an der Straße und <...> aus den Fenstern und <...> vom Kirchplatz, auf den nun sein Wagen rollte.* *Голосом* их наделяет веселящийся Тилль, заставляя подбрасывать в воздух башмаки: *Alle lachten wir und schrien und riefen: «Pass auf!», und: «Duck dich!», und: «Hier kommt was!».*

Сообщество действует и мыслит как единое существо, противопоставленное герою по внутренним характеристикам, но не способное увидеть его истинную сущность: *<...> keiner von uns konnte tanzen wie sie; <...> und wir begriffen, dass wir nie solche Menschen sein würden; Wir wussten nicht, ob wir ihn verstanden hatte.*

Марта все еще принадлежит сообществу деревни, но Тилль признает ее, противопоставляя жителям и приравнивая себе: *«Weil du nicht wie die bist», sagte Tyll Ulenspiegel. «Du bist wie wir».*

Ее исключительность подчеркивается и через внутреннюю перспективу сообщества: <...> *dann taten wir es, nur Martha nicht*. Марта не входит в понятия коллективного *wir – alle, jeder von uns*. Отвергнув предложение Тилля присоединиться к нему, она теряет свою уникальность, становясь неприметной, ординарной частью сообщества без права выбора и альтернативы жизненного пути.

Марта перестает быть проводником между Тиллем и жителями деревни, что знаменует смена повествовательной перспективы: *Also ging sie wieder um den Wagen herum und zu den Leuten, die sie kannte, zu uns. Wir waren jetzt ihr Leben, ein anderes gab es nicht mehr. Sie setzte sich auf den Boden. Sie fühlte sich leer. -> Aber als wir nach oben blickten, tat sie es auch, denn allen zugleich war uns aufgefallen, dass etwas im Himmel hing*. Примечательно, что Кельман *приземляет* Марту, опускает ее на землю (*Sie setzte sich auf den Boden*), т. е. лишает ее возможности присоединиться к особому положению Тилля в пространстве между небом и землей, что приведет в дальнейшем к ее гибели.

Таким образом, в тексте романа выстраивается и развивается последовательность образных рядов, свидетельствующих о формировании метафоры, связанной с темой *смерть*.

В первой главе романа Тилль представлен как наиболее искусный, виртуозный, коварный и артистичный персонаж, именно так его воспринимают жители деревни. При первом упоминании Тилля в романе его имя попадает в один ряд с прецедентными именами реальных исторических личностей – немецким богословом и инициатором Реформации, одним из создателей немецкого литературного языка Мартином Лютером (*vom teuflischen Martinus Luther zu Wittenberg*), прецедентными именами литературных персонажей – продавшим свою душу за знания и магическую силу доктором Фаустом (*Doktor Faust*) и героем Артурианского цикла, рыцарем круглого стола сэром Гавейном (*dem Helden Gawain von der runden Tafel*). В данном фрагменте прецедентные имена выступают маркерами позднего Средневековья и тематизируют кризисную ситуацию конца XV века, создавая обширный социально- и культурно-исторический контекст романа. С одной стороны, они являются отражением национальной картины мира, своеобразной точкой соприкосновения лингвистического и экстралингвистического планов, которые считаются носителем культурного кода. С другой – их употребление раскрывает авторская модальность, поскольку выбор имен мотивирован глубоким внутренним когнитивным процессом, авторской индивидуальностью. Это один из изблоренных приемов Кельмана в его романах с историческим контекстом [Сударева 2021]. В приведенном фрагменте они также намечают мотивы, которые будут раскрываться в последующих главах романа: религиозные войны и инквизиция, алхимия и договор с дьяволом, нарушенный общественный порядок и испытания героя.

Кроме этого, чтобы показать славу, известность и уникальность Тилля для жителей деревни, Кельман использует метод антиципации, ср.: <...> *eben von ihm, Tyll Ulenspiegel* <...>. Местоимение *ihm* указывает на объект, который уже должен быть известен читателю, и Тилль Уленшпигель словно «повисает» в синонимическом ряду. Таким образом, целенаправленная акцентуализация происходит с помощью отклонения от обычной последовательности анафорических элементов, т. е. от употребления замещающего местоимения до прямого обозначения объекта.

Тилль, хотя его имя и вынесено Кельманом в заглавие романа, является истинно *сквозным персонажем*, чье существование определяет развитие сюжета. Он скользит в своем движении по ландшафтам романа и войны как артист по подвешенному канату, никогда не останавливаясь в своем выступлении, воплощая собою саму идею *движения*.

Первостепенная роль в ее выражении принадлежит значительной лексико-семантической группе глаголов движения [Ленкова 2005]. Кельман использует глаголы с обстоятельственно-модальной характеристикой глагольного действия (*tanzen, spazieren, springen, rennen, vorbeilaufen, hinken, hüpfen, humpeln, schwanken*), глаголы, обозначающие передвижение части субъекта (*sich hinknien, sich verbeugen, sich schlenkern, schlagen, klopfen, aufreißen, abwinken*). Семантику движения контекстуально обретают также глаголы других лексико-семантических групп, например глаголы чувственного восприятия (*umsehen, anstarren, anblicken, hören, lachen*).

Особый динамизм придают статичным эпизодам-описаниям глаголы частичного движения в конструкции с частью субъекта (*einen Fuß genau vor den anderen setzte; schüttelte den Kopf; die beiden warfen die Arme hoch; ruckte mit dem Kopf; schlugen mit Fäusten aufeinander ein*).

Помимо этого, характеристики движения передаются посредством наречий со значением повторности действия (*er zog es zurück und schleuderte es wieder weg; zuckte doch noch einmal; sank wieder zurück; lag wieder still*), глаголами со значением различного характера направления движения с пространственными предлогами (*er sprang aufs Fensterbrett, trat aufs Seil*) и наречиями места/ направления (*er tanzte <...> nach rechts und nach links und vor und wieder zurück; er grüßte hierhin und dorthin; da erschien Tyll Ulenspiegel drüben im Kirchturmfenster; Tyll Ulenspiegel war weg; war er schon wieder anderswo auf der kleinen Bühne*).

Метафорическое воплощение движения, танца Тилля – это натянутый в воздухе канат (*das Seil*). Примечательно, что веревка привязана к оконному переплету на церковной башне (религиозная сфера) с одного конца и к флагштоку, торчащему около окна из стены ратуши (государственная власть), с другого конца. Религиозная нетерпимость и нежелание постоянно сменяющихся правителей сде-

лать выбор в пользу мира – вот что поддерживает войну, подобно зданиям, удерживающим веревку в воздухе [Shaheen, Ahmed, Qamar 2022, pp. 18-19].

Главный мотив движения артиста Кельман вербализует с помощью аллюзии на «Бременских музыкантов» из сказки братьев Гримм: «*Was Besseres als den Tod findest du überall*». Кельман отсылает читателя к героям всем известной сказки, бродячим артистам, которые, как и Тилль, стремятся преодолеть свою судьбу и смерть через движение по пути к городу *Bremen*.

Кроме того, можно говорить о согласовании ритма концептуального континуального танца Тилля со спецификой ритмической организации исследуемого романного текста.

В исследованиях, посвященных изучению восприятия ритмических характеристик художественных произведений было установлено, что «ритмические особенности <...> способствуют возникновению эмоционального фона восприятия их информативных компонентов», что особенно важно в контексте изучения художественного текста [Шноль, Замятин 1974, с. 289]. Также подчеркнем, что специфику повествовательного ритма составляет его принципиальная процессуальность: «Ритм должен быть соотнесен не с текстом как таковым, а с текстообразовательным процессом в целом» [Васильева 1992, с. 53].

Важнейшим фактором в развитии связи между метафорой *движения* и метрикой прозы представляется *оправдание* т. н. *ритмического ожидания*, т. е. устойчивое ощущение повторения ритмических звеньев в тексте (ЛЭС 1987, с. 326). Именно в предсказуемости последовательности следующих друг за другом элементов и заключен выразительный прием, который Д. Кельман мастерски использует в романе.

Упорядоченная последовательность (повторение) элементов в процессе текстообразования прослеживается через градационные ряды словесных компонентов (словоформы, словосочетания, части предложения и предложения) внутри отдельных смысловых блоков.

Примечательно, что градационный ряд в художественном тексте отличается индивидуально-избирательным характером, поскольку автор обладает своим неповторимым метафорическим зрением [Федорова 1992, с. 32, 35].

Стоит отметить, что субъективно ранжированные градационные ряды в романе выходят за пределы одного предложения и строятся за счет увеличения объема слов, т. е. длины обозначающего, что характеризует ритмический характер прозаического текста. Они приходятся на наиболее значимые смысловые вершины текста, отражающие авторскую модальность. Например, при описании молитв жителей деревни (*Wir beteten zu* + 13 градонимов), знаменитых героев и исторических личностей в городских листовках (*Sie handelten von* + 8 градонимов), сложной политической обстановке в балладе Тилля (*Er sang eine Spottballade über* + 6 градонимов).

Внутренняя динамичность текста, несмотря на преобладание статичных (описательных) эпизодов, создается за счет непрерывного, процессуального раскрытия вводимых автором микротем, связанных с метафорическими комплексами.

Служащая своеобразным каркасом всего текста, градация плотно связана с метафорическим комплексом *движение*. Создавая образ статичной и управляемой деревенской толпы, Кельман имитирует затухание с помощью четырехкомпонентной нисходящей градации, ср.: *Keiner von uns sprach, keiner rief, keiner bewegte sich, wir hatten aufgehört zu atmen*. Напротив, приобретенная жителями деревни на время выступления Тилля подвижность передана через четырехкомпонентную восходящую градацию, ср.: *So hielt es auch uns nicht auf den Füßen, und wir begannen zu wippen, zu springen, zu hüpfen und uns zu drehen*.

Метафорический комплекс *смерть* формируется в том числе при описании нарастающего напряжения между людьми после побега артиста. Компонентами градационного ряда служат места, в которых наиболее сильно проявляется память о случившемся раздоре во время представления (*es war da* + градонимы с приращением семы «близость»), где последний компонент *wenn wir einander beim Tanzen ins Gesicht sahen* отображает высшую степень физического и эмоционального взаимодействия жителей.

Помимо этого, исследуемый прозаический текст характеризуется реализацией контрастных отношений между открывающими и завершающими один смысловой блок предложениями, что создает сильный эмоциональный заряд за счет эффекта обманутого ожидания, ср.: *Da stand er und lachte. – Tyll Ulenspiegel war weg; Tyll Ulenspiegel über uns drehte sich <...> nicht wie einer, der in Gefahr ist. – <...> wir begriffen, dass wir nie solche Menschen sein würden; Die Söldner waren hungriger als üblich <...> – <...> die Frauen starben, wie Frauen eben sterben im Krieg*.

В отношении прозаического текста романа «Тилль» не представляется возможным говорить о наиболее частотной ритмической фигуре. В целом, при синтаксически градуированном оформлении предложения в исследуемом фрагменте прозаического текста Кельмана преобладают восходящая и субъективно ранжированная градация, служащие основанием для формирования метафорических комплексов *смерть* и *движение* и формирующие комплексную концептуальную схему романа в единстве смысловых и ритмических начал в тексте.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в последние десятилетия XX и в начале XXI века метафора приобретает в романном творчестве главенствующую роль в порождении смысла и в моделировании художественного текста благодаря своему когнитивному потенциалу и способности ухватывать

видимую авторами некую истинную сущность вещей. Метафора расширена дальше единичного явления: зарождаясь, она не останавливается, завершая свой путь, а обретает свою внутреннюю глубинную силу на протяжении всего произведения.

Развитие метафоры не линейно, а ризоматично – она вырастает из контекста, набирая новые характеристики через наслаивание многоплановых фигур и смыслов в современном романе. Таким образом, специфика и функциональные особенности исследуемых языковых явлений позволяют говорить не об одиночной метафоре, а о *метафорических комплексах* как сложных метафорических структурах, с помощью которых писатель может зафиксировать особое состояние (вещей) в процессе приращения к первичной метафоре новых смыслов через образные ряды.

Потенциал исследуемого романа Д. Кельмана Tyll в контексте изучения метафорических комплексов обнаруживает широкий спектр языковых явлений.

Развитие метафорического комплекса *смерть* сопряжено с использованием полисемической структуры глагола *kommen*, являющегося средством создания анафоричных отношений между героем романа Тиллем Уленшпигелем и Смертью, а также со сменой повествовательной перспективы

и употреблением прецедентных имен с социально-исторической и литературной сферой-источником.

Метафорический комплекс *движение* приобретает развитие за счет использования автором значительного числа глаголов с семантикой движения, наречий со значением повторности действия, места и направления, аллюзий и сложных градационных рядов, которые являются опорой для приема оправдания ритмического ожидания.

Обладая разным диапазоном, метафорические комплексы различаются по своему содержательному и функциональному наполнению. В романе метафорический комплекс *смерть* связан с *прогностической функцией*, которая определяет миссию Тилля как вестника и связана с развитием сюжета произведения, а метафорический комплекс *движение*, связанный с ритмической организацией текста и фиксирующий смысловые пики романа, обладает *композиционной функцией*, создавая в ходе ее реализации неповторимый ритм авторской прозы.

Таким образом, большой метафорический потенциал исследуемого романа и многообразие языковых средств репрезентации выявленных метафорических комплексов определяют необходимость дальнейшего изучения метафорических комплексов в составе романной метафоры как важной категории новейшей немецкой литературы.

Материалы исследования

Duden – *Wörterbuch der deutschen Sprache*. Dudenredaktion (о. J.): „kommen“ auf Duden online. URL: <https://www.duden.de/node/149289/revision/1411590>.

Helbig 1998 – *Helbig G.* Lexikon deutscher Partikeln. Leipzig: Langenscheidt Verlag Enzyklopädie, 1998.

Kehlmann 2017 – *Kehlmann D.* Tyll. Roman. Rowohlt Verlag, Reinbek bei Hamburg, 2017. 473 S. URL: https://www.litrix.de/apps/litrix_publications/data/pdf1/leseprobe_tyll-kehlmann_de.pdf.

Wörter und Wendungen 1992 – *Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch*. Hrsg. von E. Agricola. Mannheim: Dudenverlag, 1992. 818 S.

ЛЭС – *Литературный энциклопедический словарь* / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Москва: Советская энциклопедия, 1987. 752 с. URL: https://readeralexey.narod.ru/Library/literaturnyi_enciklopedicheskiy_slovar_1987.pdf.

Библиографический список

Lakoff 1993 – *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought*, edited by Andrew Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202–251. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013>.

Schweissinger 2019 – *Schweissinger M.* Intertextuality in Daniel Kehlmann's novel Tyll // *International Journal of Language & Literature*. 2019. Vol. 7, issue 1. P. 138–148. DOI: <http://dx.doi.org/10.15640/ijll.v7n1a16>.

Shaheen, Ahmed, Qamar 2022 – *Shaheen A., Ahmed M., & Qamar S.* Kehlmann's Tyll as a Tale of an Artist's Tenacity // *Pakistan Social Sciences Review*. 2022. Vol. 6, no. 1. P. 13–26. DOI: [http://doi.org/10.35484/psr.2022\(6-1\)02](http://doi.org/10.35484/psr.2022(6-1)02).

Wunderlich, Kaufmann 1990 – *Wunderlich, D., Kaufmann, I.* Lokale Verben und Präpositionen – semantische und konzeptuelle Aspekte // Felix S.W., Kanngießler S., Rickheit G. (Eds.) *Sprache und Wissen. Psycholinguistische Studien*. VS Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden, 1990. S. 223–252. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-663-05395-8_10.

Арутюнова 1990 – *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // *Теория метафоры* / вступ. ст., сост. Н.Д. Арутюновой; пер. подред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. Москва: Прогресс, 1990. С. 5–32. URL: https://imwerden.de/pdf/teoriya_metafory_1990_ocr.pdf; <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm?ysclid=lbz72stsf0738275091>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=28970562>. EDN: <https://elibrary.ru/yjzavp>.

Береговская 2003 – *Береговская Э.М.* Система синтаксических фигур: к проблеме градации // *Вопросы языкознания*. 2003. № 3. С. 79–91. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2003-3/79-91?ysclid=lbz71j7b9w656033049>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=17292009>. EDN: <https://elibrary.ru/ookkyr>.

Васильева 1992 – *Васильева В.В.* Русский прозаический ритм. Динамический аспект. Пермь: Издательство Пермского университета, 1992. 120 с. URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1529273498_8217.pdf.

Гак 1988 – *Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое // *Метафора в языке и тексте* / отв. ред. В.Н. Телия. Москва: Наука, 1988. С. 11–26. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001449549/?ysclid=lbz7z6ozdz992580081.

Днепров 1980 – *Днепров В.Д.* Идеи времени и формы времени. Ленинград: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1980. 598 с. URL: <https://archive.org/details/leyesrdenesyres00salvgoog/mode/2up>.

Женетт 1998 – *Женетт Ж.* Пруст-палимпсест // *Женетт Ж. Фигуры: в 2 т.* Москва: Издательство им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 79–102. URL: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figur-1-2-1998-1.pdf>.

Лакофф, Джонсон 1990 – *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной.* Москва: Прогресс, 1990. С. 387–415. URL: https://imwerden.de/pdf/teoriya_metafory_1990__ocr.pdf.

Ленкова 2005 – *Ленкова Т.А.* Лексические средства оформления динамизма // *Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов.* Москва: МАКС Пресс, 2005. Вып. 29. С. 112–115. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23813283>. EDN: <https://elibrary.ru/ubctmz>.

Новикова 2023 – *Новикова Е.И.* Концептуальная метафора как способ постижения философских и филологических загадок романа «Ф» Даниэля Кельмана // *Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов.* 2023. № XX. С. 251–263. URL: <https://yearbook.rug.lunn.ru/file/534/download?token=qWwzNtVR>.

Пестерев 1999 – *Пестерев В.А.* Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 312 с. URL: https://royallib.com/book/pesterev_valeriy/modifikatsii_romannoy_formi_v_proze_zapada_vtoroy_polovini_hh_stoletiya.html.

Сударева 2022 – *Сударева В.С.* Своеобразие романной метафоры (на материале произведений Д. Кельмана) // *Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: сб. научн. ст. / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко.* Самара, 2022. Вып. 7. С. 174–181. URL: http://repo.ssau.ru/bitstream/EVOLUCIYa-I-TRANSFORMACIYa-DISKURSOV/Svoeobrazie-romannoi-metafory-na-materiale-proizvedenii-D-Kelmana-103929/1/2414-5882_2022-174-181.pdf.

Сударева 2021 – *Сударева В.С.* Прецедентные имена в романе Даниэля Кельмана «Измеряя мир» // V Международный молодежный конвент «Трансформация реальности: стратегии и практики». Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 480–482. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49395043>. EDN: <https://elibrary.ru/cfofcr>.

Телия 1988 – *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке: Язык и языковая картина мира.* Москва: Наука, 1988. С. 173–203. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml.

Теория метафоры... 1990 – *Теория метафоры* / вступ. ст., сост. Н.Д. Арутюновой; пер. под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. Москва: Прогресс, 1990. 512 с. URL: https://imwerden.de/pdf/teoriya_metafory_1990__ocr.pdf.

Шноль, Замятин 1974 – *Шноль С.Э., Замятин А.А.* Возможные биохимические и биофизические основы творчества и восприятия ритмических характеристик художественных произведений // *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве* / отв. ред. Б. Ф. Егоров; АН СССР. Научный совет по истории мировой культуры. Комиссия комплексного изучения художественного творчества. Ленинград, 1974. С. 289–298. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003190108_168214/?ysclid=lzcezaxe8a114554003.

Федорова 1992 – *Федорова М.В.* Градация в поэтической речи // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы.* 1992. № 3. С. 30–39.

References

Lakoff 1993 – *Lakoff G.* (1993) The Contemporary Theory of Metaphor. In: *Ortony A. (Ed.) Metaphor and Thought.* Cambridge: Cambridge University Press, pp. 202–251. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013>.

Schweissinger, Marc J 2019 – *Schweissinger M.* (2019) Intertextuality in Daniel Kehlmann's novel *Tyll*. *International Journal of Language & Literature*, vol. 7, no. 1, pp. 138–148. DOI: <http://dx.doi.org/10.15640/ijll.v7n1a16>.

Shaheen, Ahmed, Qamar 2022 – *Shaheen A., Ahmed M., Qamar S.* (2022) Kehlmann's *Tyll* as a Tale of an Artist's Tenacity. *Pakistan Social Sciences Review*, vol. 6, no. 1, pp. 13–26. DOI: [http://doi.org/10.35484/psr.2022\(6-1\)02](http://doi.org/10.35484/psr.2022(6-1)02).

Wunderlich, Kaufmann 1990 – *Wunderlich D., Kaufmann I.* (1990) Lokale Verben und Präpositionen — semantische und konzeptuelle Aspekte. In: *Felix S.W., Kanngießer S., Rickheit G. (Eds.) Sprache und Wissen. Psycholinguistische Studien.* VS Verlag für Sozialwissenschaften. Wiesbaden, S. 223–252. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-663-05395-8_10.

Arutyunova 1990 – *Arutyunova N.D.* (1990) Metaphor and discourse. In: *Theory of metaphor: Introductory article, compiled by N.D. Arutyunova; translation edited by Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A.* Moscow: Progress, pp. 5–32. Available at: https://imwerden.de/pdf/teoriya_metafory_1990__ocr.pdf; <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm?ysclid=lbz72stsf0738275091>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=28970562>. EDN: <https://elibrary.ru/yjzavp>. (In Russ.)

Beregovskaja 2003 – *Beregovskaja E.M.* (2003) A system of syntactic figures: the problem of gradation. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, vol. 3, pp. 79–91. Available at: <https://vja.ruslang.ru/archive/2003->

3/79-91?ysclid=lzb7lj7b9w656033049; <https://elibrary.ru/item.asp?id=17292009>. EDN: <https://elibrary.ru/ookkyr>. (In Russ.)

Vasilieva 1992 – *Vasilieva V.V.* (1992) Russian prose rhythm. Dynamic aspect. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 120 p. Available at: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1529273498_8217.pdf. (In Russ.)

Gak 1988 – *Gak V.G.* (1988) Metaphor: universal and specific. In: *Teliya V.N. (Ed.) Metaphor in language and text*. Moscow: Nauka, pp. 11–26. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001449549/?ysclid=lzb7z6ozdz992580081. (In Russ.)

Dneprov 1980 – *Dneprov V.D.* (1980) Ideas of time and forms of time. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 598 p. Available at: <https://archive.org/details/leyesrdenesyres00salvgoog/mode/2up>. (In Russ.)

Genette 1998 – *Genette G.* (1988) Proust palimpsest. In: *Genette G. Figures: in 2 vols*. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx, vol. 1, pp. 79–102. Available at: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1-2-1998-l.pdf>. (In Russ.)

Lakoff, Johnson 1990 – *Lakoff G., Johnson M.* (1990) Metaphors We Live By. In: *Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. (Eds.) Theory of Metaphor: collection*. Moscow: Progress, pp. 387–415. Available at: https://imwerden.de/pdf/teoriya_metafory_1990__ocr.pdf. (In Russ.)

Lenkova 2005 – *Lenkova T.A.* (2005) Lexical means of dynamism design. In: *Krasnykh V.V., Izotov A.I. (Eds.) Language, cognition, communication: collection of articles*. Moscow: MAKS Press, issue 29, pp. 112–115. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23813283>. EDN: <https://elibrary.ru/ubctmz>. (In Russ.)

Novikova 2023 – *Novikova E.I.* (2023) Conceptual Metaphor as a Way of Understanding the Philosophical and Philological Mysteries of Daniel Kelman's Novel «F». *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiiskogo soyuza germanistov*, no. XX, pp. 251–263. Available at: <https://yearbook.rug.lunn.ru/file/534/download?token=qWwzNtVR>. (In Russ.)

Pesterev 1999 – *Pesterev V.A.* (1999) Modifications of the novel form in the prose of the West of the second half of the XX century. Volgograd: Izd-vo VolGU, 312 p. Available at: https://royallib.com/book/pesterev_valeriy/modifikatsii_romannoy_formi_v_proze_zapada_vtoroy_polovini_hh_stoletiya.html. (In Russ.)

Sudareva 2022 – *Sudareva V.S.* (2022) The Peculiarity of the Novel Metaphor Based on the D. Kehlmann's Novels. In: *Dubinin S.I., Shevchenko V.I. (Eds.) Evolution and transformation of discourses: linguistic and socio-cultural aspects: collection of scientific articles*. Samara, issue 7, pp. 174–181. Available at: http://repo.ssau.ru/bitstream/EVOLUCIYa-I-TRANSFORMACIYa-DISKURSOV/Svoeobrazie-romanoi-metafory-na-materiale-proizvedenii-D-Kehlmana-103929/1/2414-5882_2022-174-181.pdf. (In Russ.)

Sudareva 2021 – *Sudareva V.S.* (2021) Precedent names in the novel «Measuring the World» by Daniel Kehlmann. In: *V International youth convent «Transformation of reality: strategies and practices»*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 480–482. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49395043>. EDN: <https://elibrary.ru/cfofcr>. (In Russ.)

Teliya 1988 – *Teliya V.N.* (1988) Metaphorization and its role in creating a linguistic world view. In: *The role of the human factor in language: Language and the linguistic world view*. Moscow: Nauka, pp. 173–203. Available at: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml. (In Russ.)

Theory of metaphor... 1990 – *Theory of metaphor*. Introductory article, compiled by N.D. Arutyunova; translation edited by Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. Moscow: Progress, 512 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/teoriya_metafory_1990__ocr.pdf. (In Russ.)

Shnol', Zamyatin 1974 – *Shnol' S.E., Zamyatin A.A.* (1974) Possible biochemical and biophysical foundations of creativity and perception of rhythmic characteristics of works of art. In: *Egorov B.F. (Ed.) Rhythm, space and time in literature and art*. Leningrad, pp. 289–298. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003190108_168214/?ysclid=lzceza xe8a114554003. (In Russ.)

Fedorova 1992 – *Fedorova M.V.* (1992) Gradation in poetic speech. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 3, pp. 30–39. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81-119

Дата поступления: 14.04.2024
рецензирования: 13.06.2024
принятия: 02.09.2024

Роль дисфемизмов в англоязычном кинопространстве

А.Н. Анциферова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ari1998@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5758-3151>

Аннотация: Актуальность проведенного исследования обусловлена постоянно меняющимися социальными нормами в современном обществе, которые находят отражение в кинематографе. Особенно наглядно в кинематографе предоставляется возможность рассмотреть и проанализировать уникальные языковые явления и особенности. Целью статьи стало изучение явления дисфемизации в англоязычном кинопространстве на материале художественных кинокартин на английском языке: «Зеленой книги» (Green Book), снятой американским режиссером Питером Фаррелли, экранизации автобиографии «12 лет рабства» (12 Years a Slave) от режиссера Стива Маккуина, знаменитой кинокартины «Прислуга» (The Help) режиссера Тейта Тейлора и биографической драмы «Скрытые фигуры» (Hidden figures) Теодора Мелфи. В выбранных для исследования кинокартинах основная сюжетная линия построена на дискриминации лиц определенных расовых принадлежностей и лиц женского пола, характерной для политики Соединенных Штатов Америки в печально известный период рабовладельчества (XVII–XIX вв.) и исторической эпохи сегрегации (XIX–XX вв.). В ходе исследования использовались теоретические методы анализа и синтеза и эмпирические методы наблюдения и описания. В результате проведенного исследования была определена классификация дисфемистических лексических единиц с точки зрения речевых задач, интенций автора (*дисфемизмы, имеющие акцент на отличный цвет кожи; дисфемизмы-сравнения с животными, растениями и неодушевленными предметами; дисфемизмы-обозначения социального статуса; дисфемизмы, выражающие дискриминацию по половому признаку*), а также описана их роль и причина употребления в выбранных кинокартинах – демонстрация предвзятого, жестокого отношения к реципиентам и отражение социокультурной среды, которая охватывала общество США в исследуемый период времени.

Ключевые слова: дисфемизация; дисфемизмы; дисфемистическая лексика; кинопространство; англоязычные кинокартины; расовая дискриминация; дискриминация женского пола; социокультурные нормы; социокультурная составляющая.

Цитирование. Анциферова А.Н. Роль дисфемизмов в англоязычном кинопространстве // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 195–200. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-195-200>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Анциферова А.Н., 2024

Арина Николаевна Анциферова – преподаватель кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.04.2024
Revised: 13.06.2024
Accepted: 02.09.2024

Role of dysphemisms in the English-language film space

A.N. Antsiferova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: ari1998@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5758-3151>

Abstract: The topicality of undertaken research is determined by the constantly changing social norms in modern society, which are reflected in the cinematographic world. Cinematography provides a golden opportunity to consider and analyze a range of unique linguistic phenomena. The major purpose of the present paper is to study the phenomenon of dysphemisation in the English-speaking film space based on the set of the following films in English: Green Book by the American film director, Peter J. Farrelly, the screen adaptation of the autobiography 12 Years a Slave by Terrence S. McQueen, the well-known film The Help by Tate Taylor and the biographical drama Hidden Figures by Theodore Melfi. In the films the main storyline is generally based on the aspect of discrimination against persons of certain racial backgrounds and women, based on the policy of the United States of America during the infamous period of slavery (XVII–XIX centuries) and the historical era of segregation (XIX–XX centuries). During the study theoretical methods (analysis and synthesis) and empirical methods (observation and description) were used. As a result of the conducted study, the classification of dysphemistic lexical units was determined in terms of author's intentions (*dysphemisms with an emphasis on a different skin color; dysphemisms-comparisons with animals, plants and inanimate objects; dysphemisms-designations of social status; dysphemisms expressing gender discrimination*), as well as their role and reason for use in

the selected set of films – demonstration of a biased, cruel attitude towards recipients and also a reflection of the socio-cultural environment that encompassed US society during the historical time period under study.

Key words: dysphemisation; dysphemisms; dysphemistic vocabulary; film space; English-language films; racial discrimination; discrimination against women; sociocultural norms; sociocultural component.

Citation. Antsiferova A.N. Role of dysphemisms in the English-language film space. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 195–200. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-195-200>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Antsiferova A.N., 2024

Arina N. Antsiferova – instructor, Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Влияние кинематографа на научные сообщества, литературу, общественность и наоборот ярко прослеживается в разные периоды времени. Примером тому служат многие художественные кинокартины, которые уже стали социокультурным отражением действительности или находятся на подобном пути становления. Социокультурная составляющая нашего общества постоянно меняется, пополняется, и периодичность выходов на экраны новых актуальных кинокартин привносит изменение в наше текущее понимание картины мира и мировоззрение. Так как кинопространство зачастую отражает насущные людские потребности и проблемы, оно открывает для нас увесистый пласт с эмоционально окрашенной и нейтральной, звучной и броской, формальной и неформальной речью и лексикой. Кинопространство – это масштабный языковой ресурс для анализа, изучения и сравнения различных лексических феноменов и поиска их истинной причины использования. Целью статьи стало изучение явления дисфемизации в англоязычном кинопространстве на материале художественных кинокартин на английском языке. Явления дисфемизации и эвфемизации регулярно находят место в повседневной жизни, в СМИ, на страницах книг, а также в интернет- и кинопространствах.

Основная часть

Проявления дисфемизации и эвфемизации охотно описываются, обсуждаются в научных трудах Кацева А.М., Крысина Л.П., Резановой А.Н. и других.

Дисфемизация – это «намеренное использование грубых, вульгарных, стилистически сниженных (иногда нецензурных) слов и оборотов с целью выражения резко отрицательной оценки или создания экспрессии в тех случаях, где возможно стилистически и эмоционально нейтральное употребление» (НЭС 2024). В то время как дисфемизмы играют роль грубых, броских и порой запрещенных слов или словосочетаний, эвфемизмы, в свою очередь, используются в качестве смягченных и/или нейтральных понятий. Дисфемистическая лексика описывается научными деятелями как эмоционально окрашенная, часто ненормативная и уничижительная [Резанова 2007, с. 208], поэтому ее роль и причины употребления постоянно

исследуются, особенно в кинематографе [Панкратова 2022, с. 691].

Существуют вариативные типы классификаций дисфемизмов, основанные на использовании в конкретной исследуемой области – например, в научно-публицистическом дискурсе в период экономического кризиса Сидельниковой Е.А., которая подразделила дисфемизмы на следующие группы:

- прямое обозначение негативных экономических событий,
 - грубое или непристойное обозначение понятия, которое изначально было нейтральным, с целью усиления экспрессивности,
 - бывшие эвфемизмы, устаревшие с течением времени [Бех 2017, с. 192–193].
- Классификация Резановой А.Н. основана на лексико-семантических разрядах:
- дисфемизмы, обозначающие понятия «смерть», «болезнь», физические и умственные недостатки;
 - дисфемизмы, относящиеся к широкому кругу криминальной сферы;
 - дисфемизмы, обозначающие пороки и недостатки характера людей;
 - дисфемизмы из области обозначений национальной принадлежности;
 - дисфемизмы, обозначающие Бога, дьявола, слова, связанные с различными религиозными ритуалами, проклятия [Бех 2017, с. 192–193].

Мосиевич Л.Н. выделил свою классификацию, базируясь на семантических сферах употребления в той или иной речевой ситуации:

- обозначение социального статуса;
- характеристика психических и интеллектуальных состояний;
- названия биологических свойств [Бех 2017, с. 192–193].

Вышеупомянутые классификации позволяют отметить роль дисфемизмов в высказываниях, текстах и распознать внутреннюю интенцию автора, коммуникатора в определенной исследуемой области.

Материалом для исследования роли дисфемизмов в англоязычном кинопространстве послужили четыре художественные англоязычные кинокартины: современная биографическая драма «Зеленая книга» (Green Book), снятая американским режиссером Питером Фаррелли; всемирно известная экранизация автобиографии «12 лет рабства» (12 Years a Slave) от режиссера Стива

Маккуина; знаменитая кинокартина «Прислуга» (The Help) режиссера Тейта Тейлора и нашумевшая биографическая драма «Скрытые фигуры» (Hidden figures) талантливого Теодора Мелфи. Критериями включения данных кинокартин в подборку послужили факты наличия дисфемистических лексических единиц и социокультурной ценности.

В ходе исследования использовались теоретические методы анализа и синтеза для изучения, определения лексических групп, включающих англоязычные дисфемизмы и эмпирические методы наблюдения и описания, которые были применены с целью распознавания и трактовки явления дисфемизации в рассматриваемых лексических единицах.

Результаты

В выбранных для исследования кинокартинах основная сюжетная линия построена на дискриминации лиц определенных расовых принадлежностей, характерной для политики Соединенных Штатов Америки в печально известный период рабовладельчества (XVII–XIX вв.) и исторической эпохи сегрегации (XIX–XX вв.) [Воробьев 2020, с. 31].

В кинокартинах используются уничижительные слова разных типов – дисфемизмы, адресованные лицам негроидной расовой принадлежности.

• Дисфемизмы, имеющие акцент на отличный цвет кожи:

a black (not white) man – «чернокожий», «niggers» – «нигеры», a negro/negress – «негр/негритянка» («12 лет рабства», 2013); soons – «черномазы», tootsoon (из итальянского сленга, англ. burnt chestnut) – «черный, обгорелый», moolie (из итальянского сленга) – «чернокожий, нигер» («Зеленая книга», 2018); a nigra – «женщина-негр», negro men – «мужчины-негры» («Прислуга», 2012).

• Дисфемизмы-сравнения с животными, растениями и неодушевленными предметами:

baboons – «бабуины», black dogs – «чернокожие собаки» («12 лет рабства», 2013); an eggplant (из итальянского сленга) – «нигер» (дословно «баклажан»), sacks of coal – «мешки с углем», garbage – «мусор, отбросы» («Зеленая книга», 2018).

• Дисфемизмы-обозначения социального статуса: picking niggers – «сборщики хлопка», a plantation class – «плантаторы» («12 лет рабства», 2013); negro motorists – «водители-негры», negro cooks – «повара-негры», a colored entertainer – «цветной конферансье», a carnival worker – «шут» («Зеленая книга», 2018); a colored help, maid – «цветная прислуга, горничная», a house slave – «домашний раб» («Прислуга», 2012); a Negro female student – «чернокожая студентка» («Скрытые фигуры», 2016).

Сегодня такие высказывания считаются неприемлемыми в речевом обиходе. Они унижают достоинство людей, принадлежащих к данной расе. На смену им пришел эвфемизм African Americans –

«Афроамериканцы» (Oxford 2002, p. 6). Он является общепринятым применительно к употреблению во всех сферах жизнедеятельности.

Помимо негроидной расы, в фильмах присутствует ненормированная дисфемистическая лексика для обозначения лиц других рас и национальностей:

coloreds – «цветные», kraut – «фриц, немец», greaseball – «итальяшка», Cuban bastards – «кубинские ублюдки» («Зеленая книга», 2018).

Дискриминация рас и национальностей в кинокартинах проявляется во фразах:

1. «Зеленая книга» (Green Book), 2018:

– He was like the king of the jungle bunnies – «Он был похож на кроличьего короля джунглей»;

– For colored only – «Только для цветных»;

– It's your people – «Это твои люди (*представители твоей расы*)»

– You're half a nigger yourself – «Ты сам наполовину черный»;

– My world is way more blacker than yours – «Мой мир чернее (*больше похож на образ жизни чернокожего*), чем твой»;

– So, if I'm not black enough and if I'm not white enough..., then tell me, what am I? – «Что ж, если я недостаточно черный и недостаточно белый, тогда скажи мне, кто я?»

2. «12 лет рабства» (12 Years a Slave), 2013:

– Help your Master – «Помоги своему хозяину»;

– Niggers are hired to work, not read or write – «Нигеров нанимают, чтобы они работали, а не чтобы они читали или писали»;

– They're (niggers) my property – «Они (негры) – моя собственность»;

– White and black are alike – «Белые и черные похожи»;

– You're comparing me to a nigger? – «Ты сравниваешь меня с нигером?»;

– That slavery is an evil that should befall none – «Рабство – это зло, постичь которое не стоит никому».

Наличие в данных примерах явных расовых разграничений приводит к определенному конфликту и острой ситуации в обществе. Наблюдаются отсутствие толерантности, взаимопонимания и взаимоуважения между культурами, проявление чувства отвращения и неприязни к лицам другой расы/национальности.

Такое явление встречается и в кинокартинах «Прислуга» и «Скрытые фигуры». Но, помимо расовой дискриминации, здесь присутствует дисфемистическая лексика, выражающая дискриминацию людей по половому признаку.

3. «Прислуга» (The Help), 2012:

– A negro maid – «чернокожая горничная»;

– She's just upset because the nigra uses the guest bath and so do we – «Она огорчена тем, что негритоска пользуется тем же гостевым туалетом, что и мы»;

– A preventative bill that requires every white home to have a separate bathroom for the colored

help – «Закон о профилактике гласит, что в каждом доме, где проживают белые, должна быть отдельная уборная для цветной прислуги»;

– Colored entrance – «Вход для цветных»;

– No maid in her right mind is ever gonna tell you the truth – «Ни одна горничная в здравом уме никогда не расскажет тебе правду»;

– Books should not be interchangeable between the white and colored schools – «Книги не должны обмениваться между белыми и цветными школами»;

– No person shall require any white female to nurse in wards or rooms in which negro men are placed – «Никто не в праве требовать от белой женщины ухода за больными в палатах или покоех, где находятся мужчины-негры»;

– No colored barber shall serve as a barber to white women or girls – «Цветной парикмахер не должен быть парикмахером белых женщин и девочек»;

– Nobody wanted to hire a sass-mouthing, thieving nigma – «Никто не захотел нанимать чернокожую воровку с острым языком».

4. «Скрытые фигуры» (Hidden figures), 2016:

– Colored ladies room – «Женская уборная для цветных»;

– For colored patrons only – «Только для цветных пассажиров»;

– A female engineer? We're Negro, baby – «Женщина-инженер? Мы же негры, детка»;

– They let women handle that sort of...? – «Они позволяют женщинам этим заниматься?»;

– I was the first Negro female student at West Virginia University Graduate School – «Я была первой чернокожей девушкой, окончившей колледж западной Вирджинии»;

– NASA doesn't commission females for the Engineer Training Program – «NASA не приглашает женщин для программы подготовки инженеров»;

– Segregation must go – «Долой сегрегацию»;

– White only – «Только для белых»;

– Colored seats are at the back of the court room – «Места для цветных в задней части зала суда»;

– Lord knows, you don't pay coloreds enough to afford pearls – «Видит Бог, вы не платите цветным в достатке, чтобы они смогли позволить себе жемчуг»;

– What would warrant a colored woman attending a white school? – «Что бы могло оправдать цветную женщину, посещающую белую школу?»;

– I can't change the color of my skin – «Я не могу поменять цвет кожи»;

– They've never had a colored in here before, Katherine. Don't embarrass me. – «Еще ни разу они не работали с цветными, Кэтрин. Не подведи меня».

В данных примерах отчетливо просматривается употребление дисфемистических лексических единиц, что демонстрирует предвзятое и грубое отношение к представителям негроидной расы и лицам женского пола.

Таким образом, проанализировав четыре художественные англоязычные кинокартины, мы обнаружили достаточное количество дисфемисти-

ческого лексического материала для создания их классификации, которая включает в себя следующие категории:

1. Дисфемизмы, имеющие акцент на отличный цвет кожи:

a negro/negress – «негр/негритянка» («12 лет рабства», 2013); coons – «черномазые», tootsoon (из итальянского сленга, англ. burnt chestnut) – «черный, обгорелый», moolie (из итальянского сленга) – «чернокожий, нигер» («Зеленая книга», 2018); a nigma – «женщина-негр», negro men – «мужчины-негры» («Прислуга», 2012).

Представленные дисфемистические лексические единицы используются коммуникатором с целью акцентирования внимания на расовой принадлежности реципиента.

2. Дисфемизмы-сравнения с животными, растениями и неодушевленными предметами:

baboons – «бабуины», black dogs – «чернокожие собаки» («12 лет рабства», 2013); an eggplant (из итальянского сленга) – «нигер» (дословно «баклажан»), sacks of coal – «мешки с углем», garbage – «мусор, отбросы» («Зеленая книга», 2018).

Использование дисфемизмов данной категории транслирует исключительно негативное отношение коммуникаторов к реципиентам с целью унижить и оскорбить.

3. Дисфемизмы-обозначения социального статуса:

picking niggers – «сборщики хлопка», a plantation class – «плантаторы» («12 лет рабства», 2013); negro motorists – «водители-негры», negro cooks – «повара-негры», a colored entertainer – «цветной конферансье», a carnival worker – «шут» («Зеленая книга», 2018); a colored help, maid – «цветная прислуга, горничная», a house slave – «домашний раб» («Прислуга», 2012); a Negro female student – «чернокожая студентка» («Скрытые фигуры», 2016).

Высказывания подобного характера акцентируют внимание коммуникатора на социальном положении/роли/статусе реципиента.

4. Дисфемизмы, выражающие дискриминацию по половому признаку:

a sass-mouthing, thieving nigma – «чернокожая воровка с острым языком» («Прислуга», 2012); the first Negro female student – «первая чернокожая девушка-студентка», A female engineer? – «Женщина-инженер?» («Скрытые фигуры», 2016).

Интенцией автора при использовании выделенных дисфемистических единиц становятся дискриминация представителей женского пола и расовая дискриминация.

Каждая категория содержит вульгарные, острые высказывания, которые унижают и задевают чувства участников коммуникации. Употребление подобных слов и словосочетаний, отвечающих принципам дисфемизации, демонстрирует персональное безнравственное отношение говорящего к лицам других рас и полов, что характерно для описываемого в кинокартинах времени и обыденно для его современников.

Заключение

Кинопространство видится многим научным деятелям широким простором для исследования и удовлетворения своего ученого любопытства. Особенно наглядно в кинопространстве представляется возможность рассмотреть и проанализировать уникальные языковые явления и особенности. Отобрав четыре художественные кинокартины на английском языке со схожими сюжетными линиями, которые отвечают запрашиваемым критериям выборки: наличию дисфемистической лексики и социокультурной ценности, мы провели поисковую и аналитическую работу над полученным лексическим материалом – дисфемизмами, целью которой стало изучение явления дисфемизации. В результате исследова-

ния была определена классификация полученных лексических единиц с точки зрения речевых задач, интенций автора во время коммуникации. Были выделены следующие категории: дисфемизмы, имеющие акцент на отличном цвете кожи; дисфемизмы-сравнения с животными, растениями и неодушевленными предметами; дисфемизмы-обозначения социального статуса; дисфемизмы, выражающие дискриминацию по половому признаку.

Роль исследуемых лексических единиц в выбранных кинокартинах – это демонстрация предвзятого, жестокого отношения к реципиентам и отражение социокультурной среды, которая охватывала общество США в периоды рабовладельчества и сегрегации.

Материалы исследования

Oxford 2002 – *How not to say what you mean: a dictionary of euphemisms 2002*. 6 p. URL: https://tipk.kg/wp-content/uploads/sites/432/2021/05/holder-r.w.-how-not-to-say-what-you-mean_-a-dictionary-of-euphemisms.pdf.

НЭС – *Национальная энциклопедическая служба России*. URL: <https://didacts.ru>.

Библиографический список

Бех 2017 – *Бех Е.Ф.* Классификация дисфемизмов по А.Н. Резановой // Форум молодых ученых. 2017. № 12 (16). С. 191–193. URL: <https://scip.org/klassifikacija-disfemizmov-po-an-rezanovoj-140277641?ysclid=m0f815dtb1848435287>.

Бодулева, Дмитриева, Салина 2023 – *Бодулева А.Р., Дмитриева Д.Ю., Салина А.С.* Дисфемизмы как средство языковой манипуляции в медиа пространстве (на материале англоязычных статей) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Т. 9, № 2. С. 20–29. DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_20. EDN: <https://www.elibrary.ru/khllkqw>.

Воробьев 2020 – *Воробьев Д.Н.* Создание и закрепление системы расовой сегрегации на юге США (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Брянского государственного университета. 2020. Т. 4, № 04. С. 31–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.22281/2413-9912-2020-04-04-31-40>.

Гусенко, Савицкий 2022 – *Гусенко А.А., Савицкий В.М.* Жанрово-тематическая классификация эвфемизмов и дисфемизмов // Матрица научного познания. 2022. № 1–1. С. 112–122. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47562178>. EDN: <https://elibrary.ru/wglcqh>.

Диденко 2021 – *Диденко Д.В.* Функции дисфемизмов в речи // Межкультурная коммуникация и СМИ. 2021. № 22. С. 10–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47310476>. EDN: <https://elibrary.ru/qvhhqkj>.

Дружинин, Фомина 2022 – *Дружинин А.С., Фомина Т.А.* Эвфемизмы и дисфемизмы в конструировании опыта // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 47–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/76/3>.

Кадирова 2020 – *Кадирова Х.Б.* Эвфемизмы и дисфемизмы как отражение культуры общения // Вестник науки и образования. 2020. № 21–1 (99). С. 35–37. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-8089-2020-12101>. EDN: <https://elibrary.ru/ykticv>.

Кацев 1991 – *Кацев А.М.* Эвфемизмы и просторечия. Семантический аспект // Актуальные проблемы семасиологии. Ленинград: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1991. С. 65–83.

Крысин 2004 – *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Krysin L.P. Русское слово, свое и чужое. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 262–286. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002510632_265806/; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21414086>. EDN: <https://elibrary.ru/sapskx>.

Куприянова 2021 – *Куприянова М.И.* Особенности современных английских эвфемизмов и дисфемизмов в рекламном дискурсе // Молодой ученый. 2021. № 49 (391). С. 469–472. URL: <https://moluch.ru/archive/391/86280/?ysclid=m0gfjq5n51822908169>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47335277>. EDN: <https://elibrary.ru/vkpgpx>.

Кутинова 2022 – *Кутинова Е.В.* Функционирование дисфемизмов в английской прессе // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 4 (32). С. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.32.11>.

Панкратова 2022 – *Панкратова С.А.* Дисфемизмы и их роль в англоязычных фильмах // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 6 (45). С. 690–695. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.6\(45\).690-695](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.6(45).690-695).

Резанова 2007 – *Резанова А.Н.* Прагматика дисфемии в современном английском языке // *Studia Linguistica XVI. Язык. Текст. Культура: сборник.* Санкт-Петербург: Борея Арт, 2007. С. 207–211. URL: <https://ephil.herzen.spb.ru/wp-content/uploads/2009/05/studia-16.pdf>.

Саркисян 2022 – *Саркисян М.А.* Лингвопрагматические особенности эвфемизмов и дисфемизмов и их перевод в политическом дискурсе: монография / под ред. В.В. Катерминой. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. 149 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49494105>. EDN: <https://elibrary.ru/thcaxl>.

Середина, Бех 2020 – *Середина Е.В., Бех Е.Ф.* Дисфемизмы как средство негативной оценки в американской политической карикатуре // *Культура в фокусе научных парадигм.* 2020. № 10–11. С. 131–139. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/48328/1/Seredina_Disfemizmy_20.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=42847836>. EDN: <https://elibrary.ru/lpmili>.

References

Bekh 2017 – *Bekh E.F.* (2017) Classification of dysphemisms according to A.N. Rezanova. *Forum molodykh uchenykh*, no. 12 (16), pp. 191–193. Available at: <https://sciup.org/klassifikacija-disfemizmov-po-an-rezanovoj-140277641?ysclid=m0f815dtbl848435287>. (In Russ.)

Boduleva, Dmitrieva, Salina 2023 – *Boduleva A.R., Dmitrieva D.Y., Salina A.S.* (2023) Dysphemisms as a means of language manipulation in media space (based on English articles). *Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 9, no. 2, pp. 20–29. DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_20. EDN: <https://www.elibrary.ru/khlkqw>. (In Russ.)

Vorobyev 2020 – *Vorobyev D.N.* (2020) Establishment and fixation of the racial segregation system in the US south (late XIX – early XX centuries). *The Bryansk State University Herald*, vol. 4, no. 04, pp. 31–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.22281/2413-9912-2020-04-04-31-40>. (In Russ.)

Gusenko, Savitskii 2022 – *Gusenko A.A., Savitskii V.M.* (2022) Genre-thematic classification of euphemisms and dysphemisms. *Matritsa nauchnogo poznaniya*, no. 1–1, pp. 112–122. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47562178>. EDN: <https://elibrary.ru/wglcqh>. (In Russ.)

Didenko 2021 – *Didenko D.V.* (2021) The functions of euphemisms in speech. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i SMI*, no. 22, pp. 10–13. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47310476>. EDN: <https://elibrary.ru/qvhqkj>. (In Russ.)

Druzhinin, Fomina 2022 – *Druzhinin A.S., Fomina T.A.* (2022) Euphemisms and dysphemisms in experience construction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*, no. 76, pp. 47–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/76/3>. (In Russ.)

Kadirova 2020 – *Kadirova Kh.B.* (2020) Euphemisms and dysphemisms as a reflection of culture communication. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, no. 21–1 (99), pp. 35–37. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-8089-2020-12101>. EDN: <https://elibrary.ru/ykticv>. (In Russ.)

Katsev 1991 – *Katsev A.M.* (1991) Euphemisms and vernacular. Semantic aspect. In: *Actual problems of semasiology*. Leningrad: Izd-vo LGPI im. A.I. Gertsena, pp. 65–83. (In Russ.)

Krysin 2004 – *Krysin L.P.* (2004) Euphemisms in modern Russian speech. In: *Krysin L.P. Russian word, ins and outs*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 262–286. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002510632_265806/; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21414086>. EDN: <https://elibrary.ru/sapskx>. (In Russ.)

Kupriyanova 2021 – *Kupriyanova M.I.* (2021) Features of modern English euphemisms and dysphemisms in advertising discourse. *Molodoi uchenyi*, no. 49 (391), pp. 469–472. Available at: <https://moluch.ru/archive/391/86280/?ysclid=m0gfjq5n51822908169>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47335277>. EDN: <https://elibrary.ru/vkpgpx>. (In Russ.)

Kutinova 2022 – *Kutinova E.V.* (2022) Functioning of dysphemisms in English press. *Russian Linguistic Bulletin*, no. 4 (32), pp. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.32.11>. (In Russ.)

Pankratova 2022 – *Pankratova S.A.* (2022) Dysphemisms and their role in English-language films. *Memoirs of NovSU*, no. 6 (45), pp. 690–695. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.6\(45\).690-695](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.6(45).690-695). (In Russ.)

Rezanova 2007 – *Rezanova A.N.* (2007) Pragmatics of dysphemism in modern English. In: *Studia Linguistica XVI. Language. Text. Culture: Collection*. Saint Petersburg: Borei Art, pp. 207–211. Available at: <https://ephil.herzen.spb.ru/wp-content/uploads/2009/05/studia-16.pdf>. (In Russ.)

Sarkisyan 2022 – *Sarkisyan M.A.* (2022) Linguistic and pragmatic features of euphemisms and dysphemisms and their translation in political discourse: monograph; *Katermina V.V. (Ed.)*. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 149 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49494105>. EDN: <https://elibrary.ru/thcaxl>. (In Russ.)

Seredina, Bekh 2020 – *Seredina E.V., Bekh E.F.* (2020) Dysphemisms as means of negative evaluation in American political cartoon. *Culture in the Focus of Scientific Paradigms*, no. 10–11, pp. 131–139. Available at: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/48328/1/Seredina_Disfemizmy_20.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=42847836>. EDN: <https://elibrary.ru/lpmili>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

Дата поступления: 14.12.2023
рецензирования: 17.03.2024
принятия: 02.09.2024**Конструкции с повтором референта в предложениях с относительным местоимением *который* в переводе текста Мавро Орбини *Il regno degli slavi*****Е.В. Шикина**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: katheryneshikina@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-9605-9872>

Аннотация: В статье рассматриваются языковые особенности перевода историографического сочинения, выполненного Саввой Рагузинским с итальянского языка в первой четверти XVIII века по заказу Петра I. Речь идет о книге Мавро Орбини *Il regno degli slavi*. В статье дан анализ употребления конструкции с местоимением *который* и повтором референта, что позволяет выявить степень влияния языка-оригинала на переводной текст, различные преобразования внутри конструкции или же постепенный отход от нее. Савва Рагузинский во время работы над переводом прибегает к использованию конструкции 40 раз, не всегда при этом опираясь на текст-оригинал и зачастую используя синонимы, что может свидетельствовать о ее последовательном разрушении. Подвергаются анализу два неполных (обрываются на 184-й странице опубликованного текста) рукописных перевода, датирующиеся 1714 годом и хранящиеся в настоящий момент в библиотеке РНБ в Санкт-Петербурге, опубликованный в 1722 текст «Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского...», а также оригинальный текст на итальянском языке. Актуальность темы исследования обусловлена значимым влиянием переводов с иностранных языков на становление языка нового типа. Именно в Петровскую эпоху появляются тексты, язык которых современные исследователи называют «простым», противопоставляя «высокому славянскому диалекту». В нем практически отсутствуют церковнославянские и устаревшие формы, слова и обороты. До сих пор общепринятого взгляда на языковую ситуацию первой четверти XVIII века не выработано, а многие печатные и рукописные памятники того времени не стали объектом исследования.

Ключевые слова: Раннее Новое время; Петровская эпоха; Савва Рагузинский; русский литературный язык; переводы с итальянского языка; грамматические конструкции.

Цитирование. Шикина Е.В. Конструкции с повтором референта в предложениях с относительным местоимением *который* в переводе текста Мавро Орбини *Il regno degli slavi* // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2024. Т. 30, № 3. С. 201–206. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-201-206>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шикина Е.В., 2024

Екатерина Валерьевна Шикина – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 14.12.2023
Revised: 17.03.2024
Accepted: 02.09.2024**Constructions with reduplication of the referent in sentences with the relative pronoun *который* in the translation of «*Il regno degli slavi*» by Mavro Orbini****E.V. Shikina**Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
E-mail: katheryneshikina@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-9605-9872>

Abstract: The article considers some language features of the translation from Italian made by Savva Raguzinsky in the first quarter of the XVIII century by order of Peter I. The historiographic work under consideration is Mavro Orbini's book «*Il regno degli slavi*». The author of the article analyses the use of the construction with the pronoun *который* and the repetition of the referent, which allows identifying the degree of influence of the original language on the translated text, various transformations within the construction or a gradual departure from it. Savva Raguzinsky, while working on the translation, resorts to using the construction 40 times, not always relying on the original text and often using synonyms, which may indicate its consistent destruction. The paper analyses two manuscripts dating from 1714 and currently stored in the library of the Russian National Library in St. Petersburg, the text published in 1722 «The Book historiography of the Commencement of the Name, Glory and Expansion of the Slavic People ...», as well as the original text in Italian. The relevance of the research topic is due to the significant influence of translations from foreign languages on the formation of a new type of language. It was in the Peter the Great era that texts appeared, the language of which modern researchers call «simple», contrasting with the «high Slavonic dialect». There are practically no Church Slavonic

and obsolete forms, words and phrases in it. Until now, a generally accepted view of the linguistic situation of the first quarter of the XVIII century has not been developed, and many printed and handwritten monuments of that time have not become the object of research.

Key words: early modern times; Petrine Era; Savva Ragusinsky; Russian literary language; translations from Italian; grammatical constructions.

Citation. Shikina E.V. Constructions with reduplication of the referent in sentences with the relative pronoun *который* in the translation of «Il regno degli slavi» by Mavro Orbini. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 201–206. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-201-206>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Shikina E.V., 2024

Ekaterina V. Shikina – postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, bldg. 51, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Введение

На Петровскую эпоху приходится формирование русского литературного языка нового типа, который отличался неоднородностью на языковых уровнях. Дальнейшее его преобразование связано с отбором тех языковых средств, которые отвечают новым коммуникативным задачам, что ставил перед переводчиками Петр I: язык должен обладать полифункциональностью, стилистической дифференциацией, кодифицированностью норм и их общеобязательностью (Круглов 2004). Важную роль в исследовании развития русского языка играет синтаксис. Так, В.М. Живов – вслед за А.В. Исаченко и Г. Хютль-Фольтер – в одной из своих последних работ пишет, что «именно синтаксический уровень следует полагать определяющим» [Живов 2000, с. 573]. Значимыми при изучении синтаксиса текстов начала XIII века В.М. Живов считает относительные придаточные предложения с местоимением *который*: они позволяют выявить влияние других языков (наличие калек), преобразования внутри тех конструкций, которые сохраняются в текстах, а также исчезновение устаревающих оборотов. Часто встречающимися, в частности, были предложения с повтором существительного в главной и придаточной частях, например: И поставили заставу по улицам и сторожеи, в которой улице человек умрет знаменемъ и тѣ дворы запирали и с людьми и кормили тѣхъ людие улицею (Полное собрание русских летописей, цит. по [Живов 2017, с. 970]).

В.М. Живов отмечает, что в таких предложениях местоимение *который* выделяет лексический компонент, а его «функции аналогичны функциям определенного артикля или дейктического местоимения при повторяемом существительном» [Живов 2017, II, с. 968]. Сами же конструкции встречаются в текстах разных регистров, кроме стандартного церковнославянского, хотя и в нем обнаруживаются единичные исключения. Особенно много примеров можно встретить в деловых текстах, гораздо реже – в гибридных. В дальнейшем конструкции с местоимением *который* устранились из языка по причине несоответствия эталону, которым служил традиционный книжный язык. Тем не менее в Петровскую эпоху такие обороты хотя и стали менее частотными, все же были широко распространены. Так, пример такой конструкции можно встретить в «Путешествии стольника П.А. Толстого по Европе (1697–1699)»:

И, не доезжая того города Бергама, видел чудную вещь: зделана ограда около саду ис **травы, которая трава** растет власно как стена каменная толщиною в аршин, а вышиною от земли аршина в два [Путешествие стольника... 1992, с. 87]. Многочисленные употребления такого рода обнаруживаются и в переводных текстах. В.М. Круглов, исследуя рукописный перевод на русский язык второго трактата «О правлении» Локка, обращается к такому случаю: Первая <власть>, охраняют себя как возможно, такъ же и другихъ по **законом** натуральным, **которыми законами** какъ онъ, такъ и всѣ люди, сочиняют общество и гражданство (РНБ.П. 41. Л. 116) – Le premier est, de faire tout ce qu'il trouve à propos pour sa conservation, & pour la conservation des autres, suivant l'esprit & la permission des **loix** de la Nature, **par lesquelles loix**, communes à tous, luy & les autres hommes font une Communauté, composent une Société (34) (Круглов 2004, с. 91–95) [Круглов 2015, с. 169]. В приведенном примере повтор существительного подкреплен оригинальным французским текстом, однако зачастую наличие конструкций не зависит от текста-источника.

Так, примеры без соответствия в оригинале встречаются в двух переводах Корана, независимо друг от друга выполненных с французского языка в Петровскую эпоху. Т.В. Пентковская и Е.Э. Бабаева приводят следующий случай из перевода, который в итоге не был опубликован и остался только в рукописной версии: БАН. 33.7.6 раздѣлил на многия **главы которым главамъ** самовластное подписание предал (Л. 2), РГАДА. Ф. 181. № 148 (Л. 2 об.) – il l'a divisé en plusieurs **chapitres, auxquels** il donne telle inscription que bon lui semble (2). В другом переводе Корана (опубликованном) такие конструкции также присутствуют в небольшом количестве и не имеют подкрепления в оригинале: РГАДА. Ф. 381. № 1034 постися мѣсяць рамазанъ, въ который мѣсяць алкоранъ снѣде съ небеси, да покажет людям правый путь (Л. 18 об.) → РГАДА, БМСТ / гр.п. № 3 (36) постѣся **мѣсяць** рамазанъ, **въ которомъ мѣсяцѣ** алкоранъ снѣде съ небеси, показать ледюмъ правый путь (с. 17) – jeunez **le mois** de Ramazan, **auquel** l'Alcoran est descendu du ciel pour conduire le peuple au droit chemin (21) [Пентковская, Бабаева 2022, с. 145–146].

В настоящем исследовании рассмотрено употребление конструкций с повтором существительного и местоимением *который* в переводе текста Мавро Орбини Il regno degli slavi, выполненном

Саввой Рагузинским и опубликованном при Петре I в 1722 году под названием «Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского...», в сопоставлении с итальянским оригиналом. Привлечены к исследованию также два рукописных перевода, хранящиеся в РНБ: под шифром F.IV.98, предположительно являющаяся черновиком, и «чистовая» F.IV.97. Обе рукописи являются неполными: в черновой рукописи 113 листов, в белой – 112, повествование обеих прерывается на одном и том же фрагменте, на 184-й странице опубликованного текста. Перед публикацией перевод Саввы Рагузинского редактировался, поэтому привлекать к исследованию нужно и рукописи, и печатное издание. Цель исследования – выявить степень влияния языка-оригинала на переводной текст, различные преобразования внутри конструкции или же плавный отход от нее. Предположительно, перевод Саввы Рагузинского демонстрирует собой постепенный отказ от конструкции «который + существительное».

Конструкция «который + существительное» в переводе Саввы Рагузинского

В русском переводе текста Орбини Савва Лукич Рагузинский часто обращается к предложениям с относительным местоимением *который*. Всего на текст приходится 776 примеров употребления. Среди них выделяются лишь 40 примеров обращения к конструкции с повтором существительного типа «который + сущ.», которые отличаются модификациями. Условно их, модификаций, можно выделить 3 группы. Так, в первой группе обнаруживаются конструкции, где существительное в придаточной части дублирует существительное в главной части предложения. Таких примеров больше всего – 30. Вероятно, таким образом автор стремится придать больше смысловой ясности переводу, отсылает к уже сказанному, поскольку почти во всех подобных случаях конструкция разделяется еще одним оборотом. Например: Славяне еще в Сарматии живуще, чинили непрестанные войны против разных народов, и всегда были славными победителями, от чего восприяли и **имя** сие, еже нарицатися Славянами, под **которымъ именемъ** [по сказанію Риналда Врѣтанского въ I книгѣ Врѣтаніи Лѣтописей] учинивъ едѣну силную флоту (с. 4). В рукописи F.IV.98: ...**имя** сѣе нарицатися славяне, под **которымъ имянемъ**... (Л. 20). Данные второй рукописи F.IV.97 дублируют «черновую». Примечательно в данном случае отсутствие подкрепления конструкции в итальянском оригинале: ...che gli Slavi habitando ancora nella Sarmatia, e vedendo che nelle continue guerre, che con diverse genti facevano, restavano sempre vittoriosi, si preseono questo **nome** degli Slavi, **col quale** poi (secondo che riferisce Rinaldo Britano al I.l.delle Croniche) fatta una potete armata nel mare Venedico... (с. 10). Имеются, однако, такие примеры и с соответствующими конструкциями в итальянском источнике. Например: **Во время** Августа Цесаря, цвѣтяше между Гетовъ Царь Беробѣста, **в которое время** Еліи Катонъ прѣвелъ сх другія страны Дуная 50 ты-

сящъ Гетовъ, да жѣтельствуютъ во Фракїи. (с. 84). Рукопись F.IV.98: ...во время Августа Цесаря... въ которое время... (Л. 61). «Чистовая» рукопись дублирует «черновую». В оригинале обнаруживается: Et dopò **nel tempo** d'Augusto Cesare fiori frà Geti il Rè Berobista. **Nelqual tempo** Elio Catone condusse di là dal Danubio cinquanta mila Geti per habitare nella Tracia (с. 106).

Ко второй, самой малочисленной, группе относятся три случая употребления однокоренного соответствия, причем опорное слово везде выражено глаголом. Например: іудеїскіе дѣла **опісывали**, фѣлонъ, Фезіфъ, и Юзефъ, Історїки велікопочтенные, **которымъ опісаніемъ** прославляли дѣла Іудеїская... (с. 1). В рукописи F.IV.98: ...**вписывали...которымъ описаніемъ**... (Л. 3), то же самое и в «чистовике». Лексического подкрепления в оригинале также нет: L'altre nationi, che di gran'lunga furono inferiori à questa, non per altro hoggi sono tanto celebrate, che per haver sortito huomini dotti, i quali co i loro **scritti** gl'illustrarono. Gli Hibrej (acciò che quindi cominciamo) hebbero Filone, Egesippo, Fozefo Scrittori molto famosi, **per mezo de'quali** furono immortalati (с. 1).

Третья разновидность подобных синтаксических конструкций включает референты-синонимы, причем в большинстве случаев такой выбор обусловлен влиянием итальянского источника: Римляне толїкощи несчастливо бѣвшесе съ Теодонь Королемъ боївскимъ и со Славяны, и уже отчаявшесе держати Мізію, Паннонію, и прочее Норїка оставїли ихъ. **Въ лѣто 515, въ которое время** Славяне, нынѣ свойственно нарекшесе Харїоны, завладѣли оною страню Норїка, лежащею между горы Тавра до Востока... (с. 24). Рукопись F.IV.98: ...**въ лето 515, въ которое время**... (Л. 29 об.). Источник: Li Romani havendo tante volte infelicemente combattuto con Teodone, Rè de'Boij, et con gli Slavi, già disperati di poter mantenere le Mesie, Pannonie, et il restante del Norico, le lasciano, et fuggono in Italia, circa **l'anno** cinquecento e quindici, **nel qual tempo** gli Slavi, hora propriamente detti Charioni, occuparono quella parte del Norico... (с. 33). Несмотря на наличие подобных примеров, подкрепленных оригиналом, имеются 2 случая (2 из 5), которым нет соответствия в итальянском источнике, то есть Рагузинский прибегает к использованию синонимов, не опираясь при этом на текст-оригинал (переводит не дословно, а прибегнув к пересказу), что может свидетельствовать о стремлении Рагузинского избежать тавтологии, и это говорит о постепенном процессе отказа от подобных синтаксических конструкций, ведь в классическом, «устоявшемся» виде они должны содержать повтор существительного, но не синоним. Также следует отметить, что лишь первые 24 примера из 40 обнаруживаются в обеих рукописях, остальные же 16 примеров сопоставить с опубликованным текстом нет возможности, поскольку текст рукописей прерывается на 184-й печатной странице.

Помимо вышеприведенной группы из 40 примеров употребления конструкций «который + су-

ществительное», отдельно стоит сказать о трех случаях прибегания к повтору коррелята, который в изданном тексте заключается в скобки. В двух из них имеет место тавтологический повтор, а в третьем используется антропоним. Например: Томашъ же снаружи показоваль себе союзніка Хрїстїаномъ, а внутри споспешествоваль Туркомъ. Ибо егда прїшель **Магметъ** вторый нечаянно подсматрївати Фортець бошнатскїхъ, и бысть уже в Яїзѣ, и тамо познанъ отъ Томаша. Съ которымъ [Султаномъ] учїнївъ братство, пустиль его свободна отъйти (с. 285). Поскольку рукописи являются неполными, нет возможности проверить, сам ли Рагузинский обращается к этому антропониму, или же уточнение добавил издатель во время правки. В данном случае используется титул Магмета, чтобы избежать повтора имени, но сделать отсылку к нему для большей смысловой ясности, так как может возникнуть путаница: непонятно, речь идет о Томаше или Магмете. В источнике это дополнительное уточнение не представлено: Imperoche Catharina Cossaccia sua moglie mai non fece figliuoli; il che premeva molto al Rè Tomasc. Il quale mostrava di fuori essere in lega con li Christiani, ma in effetto favoriva più li Turchi. La qual cosa finalmente lo privò, e di vita, e di Regno. Imperoche fendo venuto incognito **Maumette 2**. Imperadore de'Turchi, per vedere, e spiare le fortezze di Bosna, e trovandosi in Iaize, fù conosciuto da Rè Tomasc, **il quale** fatta seco certa fratellanza (come usavano quelle genti) lo faciò andare libero (с. 370).

Если в предыдущем примере уточнение в скобках является оправданным, поскольку отделено другими членами предложения от референта, то есть еще случай, когда повтор существительного является избыточным, однако в опубликованном тексте он все равно используется. Например: Во время древнѣ Далматїа владѣла градомъ Салономъ Прїамономъ, Нїнїєю, Сїнотромъ, или Сїнотїємъ, которые въ прахъ были расыпаны отъ Цесаря Августа: господствоваше даже до Андретрїа мѣста крѣпчаїшаго, и до Далмїнїа града великаго, отъ которого [града] воспрїяли себѣ имя Далматяне... (с. 157). В оригинале лексическое соответствие отсутствует: Questa natione è di quelle, che fecero lungo tempo guerra contra i Romani, & havevano da cinquanta terre degne di conto; trà le quali ve n'erano di quelle, ch'erano città, come Salone, Priamone, Ninia, & Sinotro, così il moderno, come l'antico. Le quali furono arse da Cesare Augusto. Euui ancora Andrettio, luogo forte, & Dalminio città grande, **dalla quale** hà preso il nome quella natione (с. 164). Интересно, что в «черновой» рукописи F.IV.98 вопросительно-относительному местоимению *который* соответствует церковнославянское относительное местоимение *иже*: ...и до Далмїнїа града великаго, от негоже града... (Л. 93 об.). В «беловой» рукописи F.IV.97 обнаруживается та же конструкция с местоимением *иже*: ... и до далманиа града великаго от негоже града воспрїяли... (Л. 91 об.). Таким образом, Рагузинский, обращаясь к конструкции с повтором референта, использует в качестве аналога местоимению *который* церковнославянизм – маркиро-

ванное церковнославянское местоимение *иже* в родительном падеже (негоже). Конструкция же с местоимением *который*, не являющимся церковнославянизмом, появляется в результате правки перед печатью. Нет также возможности узнать, откуда взялся в опубликованном тексте третий подобный пример: добавил его издатель или же к нему прибегнул сам Рагузинский, поскольку рукописи не охватывают нужный фрагмент.

В отдельную, особую, группу следует выделить 11 примеров предложений с относительным местоимением, которые синтаксически похожи на предыдущие, но отличаются отсутствием лексической избыточности. В главной части предложения в этих случаях могут употребляться однородные существительные, словосочетания, придаточное времени и т. д. В относительном же придаточном употребляется местоимение *который* и существительное, являющееся обобщающим или уточняющим для элементов из главной части предложения. Только в 5 случаях из 11 Рагузинский опирается на текст-оригинал, в остальных же обращается к конструкции самостоятельно. Например: **Потомъ** сразївшїся съ Гуннами разорївшими страну ихъ, разбїль, ихъ и посець. **Умершу же Боруту**, воцарїлся во Славянехъ Карїнтїи, или Норїка; вышереченный Хїтомїръ или по мнѣнїю Лазїя Карастъ, **въ которое время** Меаранъ человекъ ученый и Святъ, проповѣдалъ и научїль оные люди вѣрѣ Хрїстовой (с. 29). В «черновой» рукописи F.IV.98: ...потомъ сразившася съ гуннами... умершу же Боруту воцарился въ славянехъ... въ которое время... (Л. 32 об.). В итальянском источнике обнаруживается словесное подкрепление: Et venendo dopo alle mani con gli Hunni, che infestavano il suo paese, gli ruppe, sconfisse, e taglio à pezzi. **Dopo la morte di Boruth** regnò fra gli Slavi di Norico, ò di Carintia Chitomir sudetto, e (secondo Lazio) Carasto. **Nel cui tempo** Maiorano huomo dotto predicò, & ammaestro quel popolo nella fede di Christo (с. 37). Таким образом, переводчик, употребляя относительное местоимение *который* и существительное «время», делает отсылку к словосочетанию, выраженному дательным самостоятельным и переводимому как «когда умер Борут». Кроме того, в предыдущем предложении также употребляется наречие со значением времени *потомъ*.

Обнаруживаются среди этих 11 примеров три случая с однородными членами и дальнейшей отсылкой к ним в виде обобщающего слова. Например: Васїлїи же Царь, слышавъ смерть Владїславлю, овладѣль всею **Болгарїєю, Рашїєю, Бошною, и Далмацїєю**, даже до послѣднїхъ гранїць оныя. **Которые области** роздалъ дворовымъ своїмъ служїтелямъ, которые ради лакомства своего къ серебру, и за беззаконнодѣствїя была ненавїдїмы народу (с. 205). При переводе Савва Рагузинский придерживается оригинального текста: Ma Basilio Imperadore Greco intesa la morte di Vuladislavo Imperatore Bulgaro, fatto gran sforzo di gente, occupò tutta la **Bulgaria, Russia & Bosna**: & fatta molto potente armata, soggiogò parimente tutta la **Dalmatia** infino a'suoi ultimi confini. **Le quali Provincie** governando Basilio per mezo

de'suoi ministri della natione Greca... (с. 226). Стоит отметить, что из всех 11 подобных примеров есть возможность подвергнуть проверке только три из них, и во всех трех случаях данные рукописей соответствуют опубликованному при Петре I тексту.

Приводим таблицу, где отражено количественное соотношение конструкций, имеющих соответствие в тексте-оригинале, а также без него (см. таблицу).

Таблица
Table

Тип конструкций	Конструкции в оригинале, имеющие соответствие в переводе	Конструкции в переводе, не имеющие соответствия в итальянском	Общее число примеров на каждый из 3 типов конструкций
Конструкции с повтором сущ.	2	14	16
Конструкции с однокоренными словами	1	2	3
Конструкции с референтами-синонимами	3	2	5

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что в тексте «Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского...» Савва Лукич Рагузинский часто обращается к предложениям с относительным местоимением *который*. Всего на текст приходится 776 примеров употребления. Среди них выделяются лишь 40 примеров обращения к конструкции с повтором существительного типа «который + сущ.», которые в большинстве своем не имеют подкрепления в тексте-оригинале, написанном Орбини Мавро. В некоторых случаях автор перевода старается заменять повторы существительного в конструкции синонимами, что можно с осторожностью считать постепенным отходом от нее, поскольку в устоявшейся книжной своей форме конструкция содержит повтор существительного из главной части предложения, но не синоним. 24 из 40 примеров находят отражение в рукописях, остальные проверить не представляется возможным. В отдельную группу ввиду синтаксической схожести можно отнести еще 11 примеров, которые демонстрируют попытку использования данной конструкции при фактическом отсутствии лексического соответствия в главной части предложения.

Материалы исследования

РНБ – РНБ, F.IV.98. Орбини Мавро. Историография Славянского царства. Перв. четв. XVIII в. 113 л.

РНБ – РНБ, F.IV.97. Орбини Мавро. Историография Славянского царства. Нач. XVIII в.

Мавро 1722 – *Орбини Мавро*. Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского, и их царей и владетелей под многими именами, и со многими царствами, королевствами, и провинциями. Санкт-Петербург, 1722.

Mauro 1601 – *Orbini Mauro*. Il Regno degli Slavi hoggi corrottamente detti Schiavoni. Pesaro, 1601.

Круглов 2004 – *Круглов В.М.* Ранние рукописные переводы с французского языка на русский и формирование литературного языка нового типа: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2004. 267 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16063588>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nnnnbb>.

Библиографический список

Живов 2017 – *Живов В.М.* История языка русской письменности: в 2 т. Москва, 2017. С. 968–970. URL: <https://anyflip.com/yuzmu/dbqm>.

Живов 2000 – *Живов В.М.* О связности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и словаре: сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. Москва, 2000. С. 573–583. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26207115&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wbmtfp>.

Круглов 2015 – *Круглов В.М.* О характере нормы в русском языке первой четверти XVIII века // *Petra Philologica*: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия. Санкт-Петербург, 2015. С. 167–180. URL: https://www.academia.edu/17055894/О_характере_нормы_в_русском_языке_первой_четверти_XVIII_века; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28088098>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xqqykp>.

Пентковская, Бабаева 2022 – *Пентковская Т.В., Бабаева Е.Э.* Перевод Корана Петровской эпохи. Москва, 2022. С. 145–146. DOI: <https://doi.org/10.29003/m3010.978-5-317-06849-3>. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/2022-10/Pentkovskaya_Babaeva-2022-perevod_Korana.pdf?ysclid=lzv8dh2gyu763176491; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49421362>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wccktg>.

Путешествие стольника... 1992 – *Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699* / подг. изд. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. Москва, 1992. 387 с. URL: <https://djvu.online/file/Joo6SCIMb78fb?ysclid=lzv8jyuxlc687082237>.

References

Zhivov 2017 – *Zhivov V.M.* (2017) History of the Russian written language. Vol. 2. Moscow, pp. 968–970. Available at: <https://anyflip.com/yuzmu/dbqm>. (In Russ.)

Zhivov 2000 – *Zhivov V.M.* (2000) On text coherence, syntactic strategies and the formation of a new type of Russian literary language. In: *Word in text and dictionary: Collection of articles for the seventieth anniversary of academician Yu.D. Apresyan*. Moscow, pp. 573–583. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26207115&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wbmtfp>. (In Russ.)

Kruglov 2015 – *Kruglov V.M.* (2015) On the nature of the norm in the Russian language in the first quarter of the XVIII century. In: *Petra Philologica: to professor Petr Evgenievich Bukharkin on his sixtieth birthday*. Saint Petersburg, pp. 167–180. Available at: https://www.academia.edu/17055894/O_характере_нормы_в_русском_языке_первой_четверти_XVIII_века; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28088098>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xqqykp>. (In Russ.)

Pentkovskaya, Babaeva 2022 – *Pentkovskaya T.V., Babaeva E.E.* (2022) Translation of the Koran from the Petrine era. Moscow, pp. 145–146. DOI: <https://doi.org/10.29003/m3010.978-5-317-06849-3>. Available at: https://ruslang.ru/sites/default/files/2022-10/Pentkovskaya_Babaeva-2022-perevod_Korana.pdf?ysclid=lzv8dh2gyu763176491; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49421362>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wccktg>. (In Russ.)

Journey of the stolnik... 1992 – *Journey of the stolnik P.A. Tolstoy across Europe in 1697–1699*. Edition prepared by Olshevskaya L.A., Travnikov S.N. Moscow, 387 p. Available at: <https://djvu.online/file/Joo6SC1Mb78fb?ysclid=lzv8jyuxlc687082237>. (In Russ.)

Intonation cues to English public discourse perception

Ye.N. Mitrofanova

Kursk State University, Kursk, Russian Federation

E-mail: enmitrofanova2009@yandex. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6475-4077>

Abstract: The study considers the discourse functions of intonation and identifies a few problems and contradictions in the current theories of intonation functioning. Particular attention is paid to such issues as the multiple functions of nuclear tones, pitch declination in utterances and perceptual identification of spoken paragraphs. An attempt has been made to handle these problems in the context of English public speeches delivered in the format of TED talks. The purpose of the auditory analysis of discourse intonation in these talks is to check the perceptual reliability of intonation cues in processing spoken discourse and the possibility of using intonation as an on-line perception strategy. The methods applied in the research are descriptive, auditory and comparative, supported by a certain amount of quantitative data. The results obtained in the auditory analysis show that intonation cues work most effectively at the level of intonation groups and utterances but are not self-sufficient in paragraph identification. The leading function of nuclear tones in public discourse organization turns out to be the information structuring of utterances, which is occasionally interrupted by the attitudinal function. Pitch declination has been found to be one of the most important cues to the integrity and cohesion of utterances, with an average length of three-four intonation groups. Multiple declinations in spoken utterances are infrequent and are triggered by particular types of syntactic relations in elongated sentences. The study contributes to the linguistic description of discourse intonation, and its results can be beneficial for language teaching practice and automated speech synthesis.

Key words: intonation; English public discourse; nuclear tone; declination; intonation group; utterance; spoken paragraph.

Citation. Mitrofanova Y.N. Intonation cues to English public discourse perception. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 207–216. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-207-216>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Mitrofanova Ye.N., 2024

Yelena N. Mitrofanova – Candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Language Theory and Methods of Teaching Foreign Languages, Kursk State University, 33, Radishcheva Street, Kursk, 305000, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11'342.9

Дата поступления: 07.11.2023

рецензирования: 24.04.2024

принятия: 02.09.2024

Интонация как ключ к восприятию публичного дискурса на английском языке

Е.Н. Митрофанова

Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

E-mail: enmitrofanova2009@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6475-4077>

Аннотация: В исследовании рассматриваются дискурсивные функции интонации, выявляются проблемы и противоречия в их трактовках. Особое внимание уделяется таким вопросам, как многофункциональность ядерных тонов, постепенное понижение высоты голоса в высказываниях и перцептивная идентификация устных абзацев. Предпринята попытка рассмотрения данных вопросов в контексте публичных выступлений на английском языке в формате TED talks. Целью слухового анализа интонации устного публичного дискурса выступает проверка надежности интонационных сигналов для непосредственной обработки звучащей речи, а также возможности использования интонации как стратегии восприятия публичной речи. При проведении исследования применялись методы: описательный, слуховой и сравнительный, подкрепленные обработкой определенного объема количественных данных. Полученные результаты свидетельствуют о том, что интонационные сигналы проявляются наиболее эффективно на уровне интонационных групп и высказываний, однако не являются самодостаточными при идентификации абзацев. Выявлено, что ведущей функцией ядерных тонов в публичном дискурсе выступает информационное структурирование высказываний. Постепенное понижение высоты голоса, охватывающее в среднем три-четыре интонационные группы, оценивается аудиторами как один из основных факторов создания целостности и связности высказывания или его части. Множественные понижения в рамках одного высказывания встречаются редко и ассоциируются с определенными типами синтаксических отношений в распространенном предложении. Исследование вносит определенный вклад в лингвистическое описание

интонации дискурса, а его результаты могут быть полезными в практике обучения английскому языку как иностранному и для совершенствования автоматического синтеза речи.

Ключевые слова: интонация; английский публичный дискурс; ядерный тон; понижение высоты голоса; интонационная группа; высказывание; устный абзац.

Цитирование. Mitrofanova Ye.N. Intonation cues to English public discourse perception // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 207–216. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-207-216>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Митрофанова Е.Н., 2024

Елена Николаевна Митрофанова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и методики преподавания иностранных языков, Курский государственный университет, 305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, 33.

Introduction

Intonation has long been viewed as an important linguistic means facilitating spoken discourse production and perception. It is responsible for marking global and local relations between subsequent discourse units, being a cue to segmentation and cohesion of texts [Wennerstrom 2001; Wichmann 2013]; it contributes to revealing the information structure of utterances, their theme-rheme components, given and new information [Brazil, Coulthard, Johns 1980; Halliday, Matthiessen 2004; Fawcett 2007]; it can even signal certain types of rhetorical relations between neighbouring discourse units [Asher, Vieu 2005; Kleinhans et al. 2017; Riestler, Nápoles, Hoek 2021]; it can bear some stylistic and pragmatic implications [Kalita 2019; Mitrofanova 2022]. The aim of the present study is to provide an overview of the theoretical framework for the analysis of intonation in spoken discourse, spotting particular problems and contradictions, and to use this framework in the auditory evaluation of English public speeches to check its reliability and effectiveness as a perception strategy.

By intonation we mean, first and foremost, speech melody created by pitch variations in speech flow, although a wider notion of it, embracing pitch, tempo, loudness, sentence stress and voice timbre, is also widely applied in phonetics and termed 'prosody' [Crystal 1969]. Suprasegmental and continuous, melody nevertheless includes perceptually bright discrete points called nuclear tones which can be defined as considerable changes of pitch on the last stressed word of the intonation unit. The intensive pitch changes are also supported by increased values of duration and loudness on nuclear syllables or words. Nuclear tones are not only perceptually prominent, they are most actively involved in the performance of all the intonation functions and form paradigmatic rows of contours and meanings for different functions.

The intonation group created and delineated by a nuclear tone is considered by some scholars to be the basic unit of discourse production and perception, as its length corresponds to the volume of human working memory and one focus of consciousness, while extended utterances with a few intonation groups are coordinated by the so-called superfocus of consciousness [Chafe 1994]. We will follow this point of view on the basic role of the intonation group in the structure of spoken discourse.

Apart from dividing speech stream into basic discourse units and providing a certain degree of connection between them, nuclear tones are also involved in the expression of the information structure of utterances, that is marking the semantic centre of every intonation group and identifying each of them as belonging to a theme or rheme component. This actual division into a theme and a rheme is primarily performed at the level of utterances, not intonation groups [Firbas 1992]. The type of tone in an intonation group indicates if it is referred to by the speaker as part of a theme or a rheme. The theme is expected to be pronounced with the falling-rising nuclear tone [Brazil, Coulthard, Johns 1980; Halliday, Matthiessen 2004], characterized by the researchers as referring. While a theme contains information accessible from the preceding context or circumstances, the rheme expresses new information, added by the speaker to what is taken to be known. The semantic centre of the rheme, therefore, is marked by the proclaiming falling tone [Brazil, Coulthard, Johns 1980]. In the framework of this function, a rising nuclear tone can emerge in a non-final intonation group of a theme or a rheme component to integrate them into a unified structure. The theme component can vary in length and be occasionally reduced to a stressed or unstressed word joining the rheme. This kind of null or atonic theme is found, for instance, in sentences with personal pronouns in the initial position. Besides, themes may be of various types: ideational, contextual and interpersonal [Fawcett 2007].

The problem with nuclear tones is determined by their multi-functional character. The orderly system of tones and their meanings presented above is likely to be shattered if a speaker chooses to express their personal stance, involvement or passion, which will lead to a large number of falling tones substituting the other types. The speaker's subjective stance, their concentration on self-expression paves the way for another communicative function – attitudinal, which is realized through a different paradigmatic line of tones and their meanings [Mitrofanova 2022]. In the context of our research material, we are going to find out what function of nuclear tones predominates in public speaking or, perhaps, how different functions interact.

Another pitch component which is actively involved in organising spoken discourse is the pitch range consisting of relative pitch levels. The pitch range can be described as a span between the lowest

and the highest points of pitch modulations, which are treated as the baseline and the top-line respectively, creating the intermediate area for pitch variation. English has been found to have a wider pitch range compared to many other languages, and native English speakers demonstrate more refined pitch distinctions than non-native English learners [Clark 1999; Bus, Cardoso, Kennedy 2015], although the pitch range is subject to stylistic modifications and narrowing [Ayers 1994; Dilley 2010]. The pitch range is used and structured by speakers in an orderly way. In a number of studies [Wennerstrom 2001; Ladd 2008; Wichmann 2013], it has been established that all the intonation units in discourse – intonation groups, utterances and spoken paragraphs – are realised with declination, that is “the tendency of pitch to gradually fall in the course of an utterance and across higher units of discourse – paragraph declination” [Wichmann 2013, p. 6]. Thus, acoustic measurements of reading news items showed that a new paragraph (item) regularly began with an extra-high initial accent in the region of 240 Hz, while the first accented syllable in other sentences only reached 140-150 Hz [Wichmann 2013, p. 42]. In another reading experiment, the paragraph-initial accent was at 315 Hz and the intermediate utterances started at a stable level of about 256 Hz [Levis, Pickering 2004, p. 59]. In spite of the differences in the absolute pitch values in the two observations, their relative contrast remains stable. Paragraphs appear to be prosodically marked by an extra-high pitch reset on the first accent and extra-low final falling tone suggesting a high degree of finality.

Declination is also observed at the level of extended utterances consisting of a number of intonation groups. The first intonation group in such an utterance has been found to have a greater pitch range and higher mean pitch than the other groups. If the mean pitch of the initial group is 200 Hz, the corresponding measurement for medial tone groups is 165–170 Hz [Clark 1999, p. 70]. According to such observations, every utterance appears to be realised as one declination. However, there is a suggestion that there may be a few of them, particularly in a long utterance read aloud. Thus, S. Nooteboom states that in longer sentences we often come across a declination reset, marking a new chunk of speech [Nooteboom 1997]. So, due to the different views on the character of utterance declination, this problem needs further consideration. Handling this issue about the number of declinations in an utterance is one of the objectives of the present research.

Studying intonation as a means of showing semantic connection between discourse units, some researchers go further and try to reveal particular types of dependence disclosed by intonation patterns, such as elaboration, background, result, consequence, parallel, contrast and other rhetorical relations [Jasinskaja, Mayer, Schlangen 2004]. However, a few recent studies have reported a great deal of overlapping between prosodic patterns involved in their realisation [Asher, Vieu 2005; Kleinhans et al. 2017; Riester,

Nápoles, Hoek 2021]. As this issue requires further consideration and testing, it is not included into our perceptual analysis.

The purpose of this research is to apply the presented theoretical basis to intonation analysis in a particular communicative context in order to assess its validity in perceptual terms and to find some intonation peculiarities in this type of discourse. **The research objectives** are as follows:

- 1/ to find out the dominating function of nuclear tones within intonation groups;
- 2/ to analyse declinations in utterances and to see if multiple declinations occur in public discourse;
- 3/ to check if paratones (paragraph declinations) can serve as a key to dividing spoken texts into paragraphs.

Handling these issues may contribute to the solution of some practical problems in the areas of foreign language teaching (FLT) and automated speech synthesis. Public speaking is often used in FLT both as a teaching resource to develop listening and speaking skills and as a way to test the level of prepared speaking. Most textbooks on public speaking concentrate on the psycholinguistic aspects of speech preparation and delivery but do not treat intonation in any detail, whereas intonation could be a structural basis for a spoken text preparation and presentation. Speech synthesis can also benefit from phonetic research, from new phonetic facts and, on the other hand, it can verify them and show if the research has involved enough detail and captured the effect correctly [Clark 1998].

Materials and methods

Public discourse has been chosen for research material because we expect it to demonstrate discourse intonation features to the maximum extent, as in these conditions, speakers do their best to put across ideas as clearly, distinctly and expressively as possible. We deal here with cases of prepared speaking, as public speeches are always carefully planned and even rehearsed beforehand. The considerable amount of phonetic research done on public speeches so far has often concentrated on their elocutionary, rhetorical potential and structure, but not on the way intonation helps to achieve the phonetic clarity of speech, which is a special challenge for foreign learners of English. In addition to that, researchers have often compared the intonation organisation of spontaneous speech and reading aloud [Ayers 1994; Swerts, Strangert, Heldner 1996; Tóndering 2011]; much less attention has been paid to intonation differences between spontaneous and prepared speech.

For listening material we selected ten public speeches from the Internet platform TED Talks (technology, entertainment, design), where speakers raise urgent contemporary problems and put forward solutions to them speaking in front of a big audience. Generally, TED talks pursue the goals to inform, persuade and entertain the listeners. These goals cannot be achieved without a skillful use of intonation. The ten talks (each 10–12 minutes long) were selected at ran-

dom and had been given by male and female speakers of British, American and Australian variants of English. The major phonetic differences between them lay in speech sounds; the similarity of the communicative goals accounted for no considerable differences in intonation.

The methods used in the arrangement of the research are descriptive, auditory and comparative, supplemented with elementary mathematical calculations. The preference of the auditory intonation analysis to its electro-acoustic description is determined by aiming at obtaining results applicable in teaching practice.

At the preliminary listening stage, the spoken texts were supplied with written scripts which were annotated with the help of standard symbols reflecting their intonation: (|) – pauses between intonation groups inside utterances, (||) – boundaries between declinations inside utterances, (|||) – boundaries between spoken paragraphs, (') – stressed word or syllable, (∨) – falling nuclear tone, (/) – rising nuclear tone, (∨/) – falling-rising nuclear tone. The annotation was based on the researcher's listening observations, subsequently confirmed by three invited auditors, experienced teachers of English phonetics.

At the second stage, the three auditors had to do some listening to answer the following questions:

1/ Is it easy to identify intonation groups? What helps to recognise their boundaries?

a/ the nuclear tone; b/ the high-pitch initial accent (stress); c/ the pitch contrast between the low ending of one intonation group and the high beginning of the following one; d/ the physical pause.

2/ Is it easy to identify utterances that could make complete sentences in writing? Is every utterance integrated into a whole on the basis of a gradual pitch declination? Are there utterances containing more than one declination? If there are, mark the place of declination reset in them.

3/ Try to divide the speech into paragraphs. What are the most helpful cues to paragraph boundaries?

a/ the extra-high pitch of the initial accent (stress); b/ the extra-low ending of the final falling tone; 3/ the increased length of the pause; 4/ lexical means – initial discourse markers.

The listening results were discussed with the auditors and generalized into regularities, supported by some quantitative data.

Results and discussion

Intonation groups

We will start generalizing our observations at the level of the smallest discourse units – intonation groups. According to the auditors' assessment, it is quite easy to identify intonation groups in public speaking because they are delineated by several bright cues: nuclear tones, high initial accents and pitch level contrasts at the boundary. Pauses between intonation groups do not appear to be a reliable guide, with some functional pauses being almost imperceptible and haphazard hesitation pauses occurring inside intona-

tion groups. If listeners follow a succession of nuclear tones, they cannot fail to identify the highlighted information centres and at the same time the boundaries of intonation groups. Thus, the initial utterance of the talk by A. Shariff consists of 6 intonation groups, all of them quite short, with one, two or three stressed words. The initially accented words *imagine*, *job*, *advanced*, *do*, *same* are pronounced at a high pitch level, with *imagine* being the highest at the beginning of the utterance and the paragraph. All the nuclear tones in this series are falling ones, the first five incomplete and the last one on '*free*' complete, reaching the base-line of the speaker's pitch range.

I'magine for a \second | that your 'job was 'made re\dundant | by an ad'vanced 'piece of \software | that could 'do the \work | at the 'same 'level of \quality | for 'free (Shariff 2023).

Although nuclear tones are easy to identify, their functions and meanings may be difficult to interpret. Our research material provides evidence that information structuring may be viewed as the basic default function of nuclear tones in public speaking. Large chunks across all the talks consistently demonstrate the predominant use of falling-rising tones in thematic intonation groups and falling tones on the semantic centres of rhemes. Here is a sample of such a chunk from the same speech.

The anthro'pologist 'David \Graeber | 'wondered how \capitalism | could su'stain 'so many of what he 'bluntly called \bullshit jobs. 'These are \jobs | in which 'even the 'people 'doing the \work | 'see it as \pointless, | a'ccomplishing 'nothing of so'cietal \worth. A capita'listic \system | should 'root 'out those ine\fficiencies | but it \doesn't. And the \reason it doesn't | is because a'longside \capitalism | we 'also 'operate 'under a \nother system, | what the 'journalist 'Derek \Thomson | 'calls \workism. \Workism | is about your \job | 'not just being the 'source of your \paycheck, | but the 'source of your i\dentify | and your 'pathway to .self-actualisation (Shariff 2023).

The falling-rising tone in the sequence of utterances above allows the listener to easily identify their thematic component and leads them through it to the more important rhematic part. The theme consists here from one to three intonation groups and is never reduced to one stressed or unstressed word joining the rheme, although the latter option is possible with the ideational theme becoming more familiar.

In some thematic clusters, the attitudinal function of intonation over-weighs its information structuring capacity and, instead of falling-rising tones, we hear incomplete and complete falls. The most typical attitude expressed in the context of a public speech is an appeal to the listeners to support the speaker's position, some idea the speaker feels strongly about. Such an appeal is likely to occur at the opening or closing stage of a speech. For instance, A. Shariff starts his talk with the sentence we have already commented on above, in which the falling tones appear to be the best choice for drawing the listeners' attention to the dilemma – to work or not to work. The same speaker

also ends his talk in an appealing way pronouncing even the sentence-initial if-clauses, typically associated with falling-rising tones, with falling ones.

Nuclear tones also change when people refer to their personal experiences or reminiscences, as is evident in an extract from the talk by S. Sinek, where the speaker is relating an incident at the airport with falling tones. However, after finishing this episode, the person returns to the combination of a falling-rising and a falling tone in his generalising judgments.

I was 'flying on a \trip, | and I was 'witness to an \incident | where a \passenger | a'ttempted to \board | before their 'number was \called, | and I 'watched the 'gate agent 'treat this \man | like he had 'broken the \law, | like a \criminal. He was \yelled at | for a'ttempting to 'board 'one 'group \too \soon. I \said, "Why do you 'have to 'treat us like \cattle? 'Why 'can't you 'treat us like \human beings?" And 'this is e'xactly what she \said to me. She \said, "\Sir, | if I 'don't \follow the \rules, | I could 'get in \trouble | or 'lose my \job". 'All she was \telling me | is that she 'doesn't 'feel \safe (Sinek 2014).

These observations show that the phonetic clarity of a public speech depends on the clear boundaries between intonation groups provided by nuclear tones, with the types of tones used in them indicating primarily the information structuring of the utterance, although this function may occasionally be interfered with by the other intonation functions, particularly attitudinal. The list of interfering factors remains open and requires further observations.

Utterances

Intonation groups are integrated into utterances which can be roughly defined as pronounced sentences. They are grammatically complete and carry more complicated pieces of information than their building blocks – intonation groups. Table 1 generalises some structural quantitative data including the number of paragraphs, utterances and intonation groups in the ten talks, the mean utterance length measured in intonation groups, the number of utterances with multiple declinations (or pitch resets) and the frequency of discourse markers introducing paragraphs.

The last two columns reveal two important characteristics of utterances – the mean number of intonation groups per utterance and the number of utterances with multiple declinations. According to the calculations, the average utterance in a public speech is likely to consist of 3-4 intonation groups (3,56). Presumably, speakers intuitively find this number to be comfortable for their oral speech production and listeners' perception. However, particular utterances demonstrate certain deviations from this mean, the shortest consisting of one intonation group and the longest extending to as many as 12. Both cases are extreme and rare. The former case emerges in questions, important concise statements and conclusions pronounced in one intonation group. Elongated utterances, on the other hand, are typically brought about by the introduction of homogeneous parts of sentences, enumerations or lists. This can be observed in the example below – a syntactically complex sentence including 12 intonation groups and two series of lists.

And the 'story was \so embedded | that when re'searchers 'looked at the 'names of /trees, | /birds, | /flowers | and 'other \keywords relating to nature, | 'used across 'millions of /books, | /songs | and /movies, | from 19'00 to 20'14 | they 'found a dra'matic de\cline | in the 'use of those \words | across 'that \period (Gameau 2022).

Alongside the common tendency, however, there are individual variations in the utterance length. It can be noticed in Table 1 that Speech 3 is characterised by the shortest average utterance – 2,8 intonation groups, while Speech 8 has the highest measurement – 4,97. Building shorter utterances, a speaker renders an idea in a more discrete way. For instance, the following extract enumerates different causes of danger and stress in the modern world, presenting each cause in a separate short sentence.

The 'modern \day | is e'xactly the 'same \thing. The \world | is 'filled with \dander, | 'things that are 'trying to frus'trate our \lives | or re'duce our su\ccess, | re'duce our oppor'tunity for su\ccess. It could be the 'ups and 'downs in the e\conomy, | the un'certainty of the /stock market. It could be a 'new tech\nology

Table 1

The structure of paragraphs and utterances

Таблица 1

Структура абзацев и высказываний

Speaker	Paragraphs	Discourse markers introducing paragraphs	Utterances	Intonation groups	Mean utterance length (in intonation groups)	Utterances with multiple declinations
1	13	6	105	356	3,39	3
2	10	4	103	409	3,97	4
3	13	2	125	351	2,8	–
4	11	3	85	283	3,32	–
5	16	10	150	541	3,6	5
6	14	2	95	361	3,8	3
7	12	4	123	503	4,08	15
8	12	10	100	497	4,97	23
9	16	9	141	456	4,02	5
10	13	5	165	488	2,95	–
Total	120	55 (45,8 %)	1192	4245	3,56	58 (4,8 %)

| that 'renders your /business model | 'obsolete over\ night. Or it could be your compe'tition | that is 'some- times 'trying to \kill you. It's 'sometimes 'trying to 'put you 'out of \business, | but at the 'very \minimum | is 'working \hard | to frus'trate your \growth | and 'steal your \business from you. We have 'no con\trol over these forces. 'These are a \constant, | and they are 'not going a\way (Sinek 2014).

The opposite elongated example from Speech 8 contains a brief summary of recent scientific advances in neuroscience mentioning two varieties of MRI and the types of research questions they can help to answer. The first sentence is so long that it is pronounced with three declinations or two declination resets separated with the symbol || and joined with the conjunctions *so*, *and*. The second sentence also starts with the conjunction *and* providing a closer connection of the two sentences. On the whole, the following chunk sounds less structured than the preceding one.

In the 'past \decade or so, | 'mainly 'due to ad'vances in 'brain \imaging technology | such as mag'netic \resonance imaging, | or MR\I, | \neuro- scientists | have \started | to 'look in'side the 'living 'human \brain | of 'all \ages, | and to 'track 'changes in 'brain /structure | and 'brain \function, || so we 'use /structural MRI | if you'd 'like to 'take a \snapshot, | a \photograph, | at 'really 'high reso\lution | of the 'inside of the 'living 'human /brain, || and we can 'ask \ questions like | 'how much \gray matter does the brain contain, | and 'how does 'that \change | with \age. And we 'also use \functional MRI, | 'called \fMRI, | to 'take a \video, | a \movie, | of 'brain ac\tivity | when par\ ticipants | are 'taking /part | in some 'kind of \task | like \thinking | or \feeling | or per\ceiving something (Blakemore 2012).

In the auditors' opinion, long and short utterances make different impressions on the listener: shorter utterances recurring in a sequence sound matter-of-fact and businesslike, whereas longer sentences make the chunk sound expository and argumentative. Utterances of different length create different rhythms and modes of perception [Borisova, Daineko 2023].

Answering the research questions about the perception of utterances, the auditors find their identifica- tion quite easy due to the high-pitched initial accent,

the extra-low ending of the final falling tone and the declination throughout the whole utterance, which holds all the intonation groups together. While a single declination appears to be a universal feature of all the utterances, multiple declinations take place rarely. Table 1 indicates that there were 58 utterances with more than one declination, including 51 utterances with two declinations, 5 utterances with three and 2 utterances with four. Three talks did not contain any multiple declinations.

Table 2 shows the types of syntactic structures which are likely to trigger a new declination or pitch reset in extended utterances.

The table presents the syntactic parts of sentences which tend to form a declination reset in case of being extended over 1 intonation group. It is evident that contrastive chunks start a new declination more often than the other types, which is quite predictable as they are semantically opposed to the preceding chunk. The utterance below has three declinations, with two declination resets introduced by the contrastive conjunctions *but*, *and yet*.

And the 'central i\dea of this work | is that the 'human 'mind and \brain | is 'not a /single, | 'general- purpose pro\cessor, || but a co\llection | of 'highly 'specialised com\ponents, | 'each 'solving a 'different 'specific \problem, || and yet co\llectively | 'making / up | 'who we \are | as 'human \beings | and \thinkers (Kanwisher 2014).

In this sentence, the intonation groups *but a co\ llection* and *and yet co\llectively* do not continue the preceding pitch declinations but are pronounced with a pitch step-up which starts a new declination. As a result, the sentence has three declinations which make it easier for the listener to catch the semantic contrasts. It is noteworthy that the average number of intonation groups in each declination is three or four, like in an independent sentence with one declination.

Additive chunks are often joined with the coordinator *and*, which can have different shades of meaning: *and then*; *as a result*, *therefore*; *also*, *similarly*; *and in contrast* [Wichmann 2013, p. 81], hence its ample ability to start a new declination. The sentence below is realized with three declinations, two of them separated with the conjunction *and*. Such

Table 2

Syntactic relations starting a pitch reset and a new declination

Таблица 2

Синтаксические отношения, вызывающие подъем высоты голоса и его дальнейшее постепенное понижение

Type of syntactic relation	Conjunctions	Number of utterances
Contrastive	But, yet, or, than, whereas, instead	22
Additive	And, so, in addition	18
Adverbial modifiers of time, condition and cause	If, once, when, as, because	9
Subject group	–	4
Enumeration	–	3
Parallel constructions	–	2
Total	–	58

a division of the long complicated utterance clearly brings home to the listener the three ideas it contains: about the brain research procedure, its positive and negative results.

So we 'spent 'much of the 'next 'couple of \years | \scanning subjects | while they 'looked at 'lots of 'different 'kinds of \images, || and we 'showed that 'that \part of the brain | re'sponds \strongly | when you 'look at \any images | that are 'faces of \any kind, || and it re'sponds 'much \less strongly | to \any image you show | that 'isn't a \face, | like some of \these (Kanwisher 2014).

Adverbial modifiers creating a declination are usually located at the beginning of an utterance and, if lengthened, are likely to be separated not to shadow the subject-predicate line. Here is an example with an adverbial modifier of time.

'Once we 'start ex'plaining its \properties | in 'terms of \things | 'happening in'side 'brains and \bodies, || the a'pparently in'soluble \mystery | of what 'consciousness \is | should 'start to 'fade a\way (Seth 2017).

In our research material, there are only four utterances, in which the subject group forms a declination and gets separated from the predicate declination. It usually happens when the subject group is extended and specified by relative clauses and parentheticals, like in the following sentence.

So, a \second line of enquiry | that we \use | to 'track \changes | in the ado'lescent \brain || is 'using \functional MRI | to 'look at 'changes in 'brain ac'tivity | a'cross \age (Blakemore 2012).

It is typical of a subject group to form a separate intonation group but not a separate declination, because it is not recommended to make the subject group too long and interrupt the subject-predicate connection with long phrases and clauses, as “dilly-dallying will impede comprehension” [Barry 2019, p. 43].

Enumerations, or lists, often belong to the same declination, but if they become syntactically more complicated, each of them can form a separate declination to set clear boundaries for each element of the enumeration. In the following sentence there are two extended parts of the enumeration forming two declinations.

They 'tunneled her \bosom | for 'coal and \metals, || they 'scraped and \plowed | over her 'skin with their \tractors (Gameau 2022).

It has been observed that lists often include three components because “there is an attractive rhythm that comes from orderly information in threes” [Barry 2019, p. 52]. Our material confirms this regularity, most lists introduced by the speakers contain three parts, usually belonging to one declination, like in the example *'Take the \money, | 'go \home, | 'watch \TED talks (Shariff 2023).*

Close to lists are parallel constructions which characterize different sides of the same object through the same syntactic pattern. In our research material, there were only two examples of this type, one of them, containing four declinations, is given below.

Because to \them | those \trees ... | those \trees | that were 'home to 'thousands of 'species of \animals | and 'millions of 'species of \insects || those \trees | that 'sent \nutrients to each other | via 'underground \fungal \networks ... || those \trees | that tran'spired 'moisture into the \air | to cr'eate \rainfall | that would 'feed 'crops in \countries | 'thousands of ki'lometers a\way || ... 'those \trees | were 'just \timber | for \decking (Gameau 2022).

Realising a declination in a long utterance, a speaker should have a pitch range wide enough for scaling and arranging intonation groups in a gradually descending succession. That is why longer sentences require a higher beginning and a wider pitch span to locate the intonation groups at different levels [Tønøding 2011]. If a speaker is planning a long utterance ahead, they use the pitch span thriftily not to reach the low base-line too quickly, as a result this declination appears less steep than in short sentences [Swerts, Strangert, Heldner 1996]. The importance of declination for utterance cohesion may be connected with the high demands of the English language for syntactic and semantic linearity [Asher, Vieu 2005].

To sum up our observations and illustrations of utterances, we should characterise pitch declination as an important intonation cue for the perception of the English utterance and setting its boundaries. Multiple declinations, however, are limited to extended sentences with particular types of syntactic relations among their parts. Multiple declinations are infrequent in public speaking, only occurring in 4,8 % of utterances.

Paragraphs

The most difficult task for the auditors was to identify prosodic paragraphs. If there were almost no discrepancies between the auditors in the perception of intonation groups and utterances, their agreement on division of the talks into paragraphs only reached 72 % (Table 3). It follows from the previous research that paragraphs are marked by an extra-high pitch on the first accented word. The auditors in our research, however, heard no significant contrasts in pitch between the initial accent in the first utterance of a paragraph and the initial accent in the subsequent utterances, all of them appearing quite high. We can suppose that the prominent extra-high beginnings of paragraphs are more typical of reading, where a reader observes the graphical indentation and signals it to the listener through a complex of prosodic features, including an extra-high pitch level on the initially-accented word. In public speaking, every utterance has a sharp prosodic contour marked by a high beginning, a low-pitch ending and a declination, therefore the initial utterance does not stand out in this respect.

To identify boundaries between paragraphs the listeners resorted to lexical and grammatical means, in particular to discourse markers, such as *Now, So, Well, But, You see, You know, OK, Let me give you... / describe... / show...* They started 45,8 % of the paragraphs (Table 1).

Table 3

Intonation cues at different levels of discourse structure

Таблица 3

Интонационные маркеры различных уровней структуры дискурса

Level of structure	Intonation cues to identification	Auditors' agreement (%)
Intonation group	Nuclear tones, a high-pitched initial accent, pitch contrasts at the boundary	100
Utterance	An extra-high-pitched initial accent, declination, an extra-low final falling tone	98
Paragraph	Low-pitched discourse markers, a step-up or a step-down in pitch at the accented onset	72

Another way of introducing paragraphs was by asking questions stimulating the audience to think about and predict the content of the coming passage.

A third possibility speakers use to structure their speech into paragraphs is to introduce a new theme or character at the very beginning, for example, below are some paragraph introductions from Speech 6.

Another school in Lincoln Here's one more example ... There's one more thing ...

And speaking of learners, ... One of the real challenges is ... (Dziko 2021).

When discourse markers are chosen as a starting point, they do not elicit a pitch raise, because they themselves require a low pitch level. Being extraneous to the ideational content and performing purely organisational and interactional functions, they are likely to have a low-pitch accent [Wennerstrom 2001, p. 99]. Thus, the most frequent discourse markers in our talks *Now* and *So* were accompanied by a low falling tone or remained unstressed. Due to the low pitch level of discourse markers, the sentence initial pitch raise is shifted from the very beginning to some subsequent word, which makes the paragraph onset prosodically less prominent than expected and “accounts for at least some of the irregularities across paragraphs” [Wichmann 2013, p. 92].

In a few cases, it was the whole initial sentence of a paragraph that was pronounced at a low pitch level to make a sharp contrast with the general high pitch level of the preceding paragraph, where the speaker was discussing something in an involved, passionate manner. By coming down to a lower pitch level and decreased loudness at the beginning of a paragraph, a speaker changes the emotional key of his talk and switches the listeners' attention over to a new idea. For instance, this manner of paragraph introduction was vividly realised in the following initial utterances.

So where does this feeling come from? (Sinek 2014).

But of course, it wasn't a new story at all (Gameau 2022).

The analysis of the listeners' approaches to paragraph perception also revealed their different notions of how long a spoken paragraph should be: what was perceived as one major idea by one auditor was split into two paragraphs by another. This discrepancy typically took place at the beginning or close to the end of the text. In presenting and

perceiving paragraphs as conceptual units, speakers and listeners may be guided by schemata, for instance introduction, complication, climax, denouement, final state and coda in a narrative text [Chafe 2015, p. 394]. As a result, paragraph identification requires more cognitive efforts than an analysis of the surface intonation structures, and a transition from paragraph to paragraph may sometimes be not instantaneous but gradual.

As for declination going throughout a whole paragraph, it was not easily identified by ear. In the auditors' opinion, the medial utterances started approximately at the same level, without a noticeable step-down in pitch on the beginning of a subsequent utterance. On the contrary, in Speech 3 they noticed an occasional step-up in pitch in the speaker's transition from utterance to utterance as the speaker became more involved and passionate. But when the emotion weakened, the default declination inside utterances was restored.

Now let us recapitulate the most consistent intonation cues to public discourse perception, as indicated by the auditory analysis, in Table 3.

Conclusion

The auditory analysis has shown that in public speaking intonation provides reliable cues to the perception and identification of such discourse units as intonation groups and utterances. Unlike spontaneous speech, prepared public speaking contains well-shaped utterances which could be easily converted into written sentences. Utterances are built of clear-cut intonation groups, which underlie a gradual deployment of thought, its linear unfolding over time. On the other hand, utterances are united into paragraphs under the control of the super-foci of consciousness, on the basis of long-term planning. Intonation alone does not seem to be a sufficient marker of paragraph boundaries. Difficulties with the discourse analysis of paragraphs are pointed out by other researchers, for example J. Sinclair and M. Coulthard, who write that “the research problem with contiguous utterances is primarily a descriptive one; major theoretical problems arise when extensive units are postulated” [Sinclair, Coulthard 2002, p. 22]. We can infer from this statement and our research that paragraphs are still to be studied more closely as regards their discourse organization and the role of intonation in their delimitation and integration.

Unlike paragraphs, utterances and intonation groups are perceived and assessed almost unanimously by ear on the basis of intonation features. Intonation groups stand out quite sharply and represent the smallest steps in the development of discourse. It is essential for perception and comprehension that listeners catch and process intonation groups but not separate words. Some discourse researchers [Ayers 1994; Couper-Kuhlen 2015] present their speech material as a succession of intonation groups, with each of them occupying a separate line. This kind of graphic layout may seem uneconomical if the page is to be printed out, but this design makes a speaker or reader concentrate thoroughly on every intonation group as a sense unit.

Intonation also plays an important role in the perception of utterances as whole complete units. We have described a few intonation cues to the perception of their cohesion and unity. Particular attention has been paid to one of them – declination throughout a whole utterance, which comfortably embraces 3–4 intonation groups. Declination is not a mere gradual physiological descent in pitch, it mirrors semantic, syntactic and prosodic dependencies in an utterance.

In conclusion, we should state that although intonation supplies structural and procedural guidelines, it is essential for information perception and processing. The intonation cues we have pointed out are important not only for the linguistic analysis of discourse, they are key elements in teaching English intonation, listening and speaking skills.

Materials of the research

Blakemore 2012 – *Blakemore S.J.* (2012) The mysterious workings of the adolescent brain. URL: https://www.ted.com/talks/sarah_jayne_blakemore_the_mysterious_workings_of_the_adolescent_brain.

Dziko 2021 – *Dziko T.M.* (2021) How schools can nurture every student's genius. URL: https://www.ted.com/talks/trish_millines_dziko_how_schools_can_nurture_every_student_s_genius.

Gameau 2022 – *Gameau D.* (2022) The story that shapes your relation with nature. URL: https://www.ted.com/talks/damon_gameau_the_story_that_shapes_your_relationship_with_nature.

Jensen 2019 – *Jensen S.* (2019) How can we support the emotional well-being of teachers?.. URL: https://www.ted.com/talks/sydney_jensen_how_can_we_support_the_emotional_well_being_of_teachers.

Kanwisher 2014 – *Kanwisher N.* (2014) A neural portrait of the human mind. URL: https://www.ted.com/talks/nancy_kanwisher_a_neural_portrait_of_the_human_mind.

Seth 2017 – *Seth A.* (2017) Your brain hallucinates your conscious reality. URL: https://www.ted.com/talks/anil_seth_your_brain_hallucinates_your_conscious_reality.

Shariff 2023 – *Shariff A.* (2023) Does working hard really make you a good person? URL: https://www.ted.com/talks/azim_shariff_does_working_hard_really_make_you_a_good_person.

Sinek 2014 – *Sinek S.* (2014) Why good leaders make you feel safe. URL: https://www.ted.com/talks/simon_sinek_why_good_leaders_make_you_feel_safe.

References / Библиографический список

Asher, Vieu 2005 – *Asher N., Vieu L.* (2005) Subordinating and coordinating discourse relations. *Lingua*, vol. 115, issue 4, pp. 591–610. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.lingua.2003.09.017>.

Ayers 1994 – *Ayers G. M.* (1994) Discourse functions of pitch range in spontaneous and read speech. In: *Venditti J.J. (ed.) Working Papers in Linguistics*, no. 44, pp. 1–49. Available at: <https://kb.osu.edu/items/efc194e3-682f-5330-bb89-a8a8dd11cfe3>.

Barry 2019 – *Barry P.* (2019) Good with Words: Writing and Editing. Michigan: Maize Books, 246 p. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.9997109>.

Borisova, Daineko 2023 – *Borisova E.B., Daineko M.V.* (2023) Rhythmic and syntactic structure of means to create material world image in V. Nabokov's novel «Машенька» and its English translation «Mary». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 170–176. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-170-176>. (In Russ.) = *Борисова Е.Б., Дайнеко М.В.* Ритмико-синтаксическая организация средств создания образа вещного мира в оригинале и переводе романа В. Набокова «Машенька» // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2023. Т. 29, № 3. С. 170–176. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-170-176>.

Brazil, Coulthard, Johns 1980 – *Brazil D., Coulthard M., Johns C.* (1980) Discourse intonation and language teaching. London: Longman, 205 p. Available at: <https://archive.org/details/discourseintonat0000braz/mode/2up>.

Bus, Cardoso, Kennedy 2015 – *Buss L., Cardoso W., Kennedy S.* (2015) Discourse intonation in L2 academic presentations: A pilot study. In: *Levis J., Mohammed R., Qian M. & Zhou Z. (Eds). Proceedings of the 6th Pronunciation in Second Language Learning and Teaching Conference*. Santa Barbara, CA, pp. 27–37. Available at: <https://www.iastatedigitalpress.com/psllt/article/id/15245>.

Chafe 1994 – *Chafe W.* (1994) Discourse, Consciousness and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: University of Chicago Press, 327 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/1423020>.

- Chafe 2015 – *Chafe W.* (2015) Constraining and Guiding the Flow of Discourse. In: *Tannen D., Hamilton H.E. & Schiffrin D. (Eds.) The Handbook of Discourse Analysis*, 2nd ed., vol. 1. Oxford: Wiley Blackwell, pp. 391–405. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch18>.
- Clark 1999 – *Clark R.A.J.* (1999) Using prosodic structure to improve pitch range variation in text to speech synthesis. In: *Proceedings of the XIVth International Congress of Phonetic Sciences*. San Francisco, pp. 69–72. Available at: https://www.cstr.ed.ac.uk/downloads/publications/1999/clark_icphs99.pdf.
- Couper-Kuhlen 2015 – *Couper-Kuhlen E.* (2015) Intonation and discourse. In: *Tannen D., Hamilton H.E. & Schiffrin D. (Eds.) The Handbook of Discourse Analysis: Second Edition*, 2nd ed., vol. 1. Oxford: Wiley Blackwell, pp. 82–104.
- Crystal 1969 – *Crystal D.* (1969) Prosodic systems and intonation in English. Cambridge: Cambridge University Press, 381 p. Available at: <https://archive.org/details/prosodicssystemsi0000crys>.
- Fawcett 2007 – *Fawcett R.P.* (2007) The Many Types of 'Theme' in English: their Syntax, Semantics and Discourse Functions. *Research Papers in the Humanities*, 142 p. Available at: <http://www.isfla.org/Systemics/Print/Papers/Fawcett-ThemePaperv3.pdf>.
- Firbas 1992 – *Firbas J.* (1992). Functional sentence perspective in written and spoken communication. Cambridge: Cambridge University Press, 239 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511597817>.
- Halliday, Matthiessen 2004 – *Halliday M.A.K., Matthiessen Ch.* (2004) An Introduction to Functional Grammar. London: Arnold, 689 p. Available at: https://www.ucl.br/projetos/ppcat/pages/arquivos/RECURSOS/2004_HALLIDAY_MATTHIessen_An_Introduction_to_Functional_Grammar.pdf.
- Dilley 2010 – *Dilley L.C.* (2010) Pitch Range Variation in English Tonal Contrasts: Continuous or Categorical? *Phonetica*, no. 67 (1–2), pp. 63–81. DOI: <https://doi.org/10.1159/000319379>.
- Jasinskaja, Mayer, Schlangen 2004 – *Jasinskaja E., Mayer J., Schlangen D.* (2004) Discourse structure and information structure: interfaces and prosodic realisation. In: *Ishihara S., Schmitz M. & Schwarz A. (Eds.) Interdisciplinary Studies on Information Structure*, no. 1, pp. 151–206. Available at: http://pub.sfb632.uni-potsdam.de/downloads/publications/A3_Jasinskaja_2004_2.pdf.
- Kalita 2019 – *Kalita A.A.* (2019) Prosodic models of accentuated personalities' English public speeches. *Cognition, Communication, Discourse*, no. 18, pp. 34–45. DOI: <https://doi.org/10.26565/2218-2926-2019-18-03>.
- Kleinbans et al. 2017 – *Kleinbans J., Farrus M., Gravano A., Perez J.M., Lai C., Wanner L.* (2017) Using Prosody to Classify Discourse Relations. In: *Proceedings of Interspeech 2017: 18th Annual Conference of the International Speech Communication Association*. Stockholm, pp. 3201–3205. DOI: <http://dx.doi.org/10.21437/Interspeech.2017-710>.
- Ladd 2008 – *Ladd D.R.* (2008) Intonational phonology. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 356 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808814>.
- Levis, Pickering 2004 – *Levis J., Pickering L.* (2004) Teaching intonation in discourse using speech visualization technology. *System*, vol. 32, issue 4, pp. 505–524. DOI: <http://doi.org/doi:10.1016/j.system.2004.09.009>.
- Mitrofanova 2022 – *Mitrofanova Ye.N.* (2022) Speakers' objective / subjective stance as a source of intonation variation in English spontaneous monologues. *Russian Linguistic Bulletin*, no. 7 (35). DOI: <http://doi.org/10.1/RULB.2022.35.11>.
- Nooteboom 1997 – *Nooteboom S.* (1997) The prosody of speech: Melody and rhythm. In: *Hardcastle W.J., Laver J. (Eds.) The Handbook of Phonetic Sciences*. Oxford: Basil Blackwell Ltd, pp. 640–673. Available at: https://www.researchgate.net/publication/46675980_The_prosody_of_speech_Melody_and_rhythm.
- Riester, Nápoles, Hoek 2021 – *Riester A., Nápoles A.C., Hoek J.* (2021) Combined discourse representations: Coherence relations and questions under discussion. In: *Proceedings of the First Workshop on Integrating Perspectives on Discourse Annotation*. Tübingen, Germany, pp. 26–30. Available at: <https://aclanthology.org/2021.discann-1.5.pdf>.
- Sinclair, Coulthard 2002 – *Sinclair J., Coulthard M.* (2002) Towards an analysis of discourse. In: *Coulthard M. (ed.) Advances in Spoken Discourse Analysis*. London: Routledge, Taylor & Francis, pp. 1–34. Available at: https://uomustansiriyah.edu.iq/media/lectures/8/8_2018_04_01!10_12_14_PM.pdf.
- Swerts, Strangert, Heldner 1996 – *Swerts M.G.J., Strangert E. and Heldner M.* (1996) F0 declination in read-aloud and spontaneous speech. In: *ICSLP-96: Proceedings of the 4th International Conference on Spoken Language Processing*. Philadelphia, USA, pp. 1501–1504. DOI: <http://doi.org/10.1109/ICSLP.1996.607901>.
- Tóndering 2011 – *Tóndering J.* (2011) Preplanning of intonation in spontaneous versus read aloud speech: evidence from Danish. In: *Proceedings of the XVIIth International Congress of Phonetic Sciences*. Hong Kong, pp. 2010–2013. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228520110_Preplanning_of_Intonation_in_Spontaneous_versus_Read_Aloud_Speech_Evidence_from_Danish.
- Wennerstrom 2001 – *Wennerstrom A.* (2001). The Music of Everyday Speech: Prosody and Discourse Analysis. New York: Oxford University Press, 317 p. DOI: <https://doi.org/10.5860/choice.39-5642>.
- Wichman 2013 – *Wichmann A.* (2013) Intonation in text and discourse: Beginnings, middles, and ends. London: Routledge, Taylor & Francis Group, 172 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315843599>.

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-217-221

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

УДК 93; 908

Дата поступления: 18.06.2024
рецензирования: 19.07.2024
принятия: 02.09.2024

Рецензия: Западное Приуралье в свете образования Татарской и Башкирской республик 1917–1922 гг.: надежды и реалии: сборник документов и материалов / сост. Р.Ф. Масагутов, М.Х. Ибрагимов. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2023. 256 с.

Д.Р. Зайнутдинов

Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Российская Федерация
E-mail: knight_1988@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0836-8769>

Аннотация: В публикации представлен анализ работы «Западное Приуралье в свете образования Татарской и Башкирской республик 1917–1922 гг.: надежды и реалии: сборник документов и материалов». Рецензент подчеркнул, что размещенные в сборнике документы и материалы, отражают цели, поставленные его составителями. Исторические материалы, входящие в сборник, довольно полно характеризуют процессы делимитации границ Татарской и Башкирской республик в 1917–1922 гг., а также показывают этапы борьбы политических групп этого времени. Авторы провели комплексную работу по поиску архивных материалов, их упорядочению и систематизации. Рецензируемая работа является существенным вкладом в развитие татарской историографии, позволяет расширить проблематику исследований по истории татарской государственности. Этот сборник будет интересен не только историкам, политологам, краеведам, но и юристам, занимающимся исследованиями путей развития татарской государственности.

Ключевые слова: татары в тюрко-мусульманском движении; Идель-Урал; проект Татаро-Башкирской республики; Татарская АССР; Башкирская АССР; Уфимская губерния; сборник документов.

Цитирование. Зайнутдинов Д.Р. Рецензия на сборник документов: Западное Приуралье в свете образования Татарской и Башкирской республик 1917–1922 гг.: надежды и реалии: сборник документов и материалов / сост. Р.Ф. Масагутов, М.Х. Ибрагимов. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2023. 256 с. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 217–221. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-217-221>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Зайнутдинов Д.Р., 2024

Динар Рафаилович Зайнутдинов – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, 42.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 18.06.2024
Revised: 19.07.2024
Accepted: 02.09.2024

Review: Masagutov R.F., Ibragimov M.Kh. (eds.) Western Urals in the light of the formation of the Tatar and Bashkir Republics in 1917–1922: hopes and realities: collection of documents and materials. Kazan: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr «Shkola», 2023, 256 p.

D.R. Zaynutdinov

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEMU), Kazan, Russian Federation
E-mail: knight_1988@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0836-8769>

Abstract: The publication presents an analysis of the work «Western Urals in the light of the formation of the Tatar and Bashkir republics of 1917–1922: hopes and realities: collection of documents and materials». The reviewer emphasized

that the documents and materials contained in the collection reflect the goals set by its compilers. The historical materials included in the collection fairly fully characterize the processes of delimitation of the borders of the Tatar and Bashkir republics in 1917–1922, and also show the stages of the struggle of political groups of this time. The authors carried out comprehensive work to search for archival materials, organize and systematize them. The work under review is a significant contribution to the development of Tatar historiography and allows us to expand the scope of research on the history of Tatar statehood. This collection will be of interest not only to historians, political scientists, local historians, but also to lawyers involved in research into the development of Tatar statehood.

Key words: Tatars in the Turko-Muslim movement; Idel-Ural, Project of the Tatar-Bashkir Republic; Tatar ASSR; Bashkir ASSR; Ufa province; collection of documents.

Citation. Zaynutdinov D.R. Review: Masagutov R.F., Ibragimov M.Kh. (eds.) Western Urals in the light of the formation of the Tatar and Bashkir Republics in 1917–1922: hopes and realities: collection of documents and materials. Kazan: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr «Shkola», 2023, 256 p. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 217–221. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-217-221>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interest.

© Zaynutdinov D.R., 2024

Dinar R. Zaynutdinov – Doctor of Legal Sciences, assistant professor, professor of the Department of Theory of State and Law and Public Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEMU), 42, Moskovskaya Street, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Введение

В 2022 году исполнилось сто лет со времени завершения Гражданской войны в России. Но этот год был примечателен не только этим событием. Нельзя не сказать и о том, что в 2022 г. прошли мероприятия, посвященные столетию образования Союза Советских Социалистических Республик. Также более ста лет назад начался процесс разграничения территорий двух советских автономных республик – Татарской АССР и Башкирской АССР.

Сборник подготовлен научным сотрудником Института истории им. Ш. Марджани Русланом Фанисовичем Масагутовым и краеведом из г. Уфы Маратом Хаковичем Ибрагимовым. Представленные в нем материалы не только отражают историю административно-территориальных изменений Западного Приуралья в период формирования татарской и башкирской автономий, но и показывают глубину проблемы национальной идентификации проживающих там народов.

Делая акцент на Западном Приуралье, составители издания влились в научную дискуссию, которая только набирает обороты в течение последних лет. Речь идет о вопросе национальной идентичности населения северо-западной части Республики Башкортостан. На рассмотрение общественности авторы представили ряд важных документов, которые проливают свет на указанный вопрос, способствуя разрешению наличествующего спора.

Рецензируемое издание охватывает широкий перечень опубликованных и неопубликованных документов из фондов Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА). В сборнике также представлены материалы газет, переведенных со старотатарского языка, воспоминания современников (например, стерлитамакского имама Мухаммед-гарифа Рамеева) и другие. Основной массив источников был выявлен в фондах Национального архива Башкортостана.

Хочется подчеркнуть, что публикация письменных источников всегда являлась базовым и важнейшим условием любых исторических исследований, в том числе и по истории государственно-правового устройства. Подбор вводимых в научный оборот документов часто определяет вектор осмысления и анализа событий прошлого.

В аннотации к изданию составители указали, что оно адресовано историкам, политологам, краеведам и всем тем, кто интересуется историей Западного Приуралья. Но здесь можно добавить, что не менее интересно оно будет и юристам, занимающимся вопросами становления и развития татарской государственности в XX в. Опубликованные правовые документы и прочие материалы содержат важную информацию, с которой явно не знакомо юридическое общество и которую только еще предстоит подвергнуть тщательному правовому анализу. Если говорить с точки зрения юристов-историков, то следует подчеркнуть, что для этого сообщества поиск архивных источников всегда представляется проблематичным в силу отсутствия необходимых для работы с подобного рода документами навыков. Поэтому среди ученых-юристов немного тех, кто занимался бы историко-правовой проблематикой. Например, количество научных работ по специальности «теоретико-исторические правовые науки» в последнее время снижается. Эту тенденцию можно объяснить тем, что, прежде чем дать юридический анализ формирования тех или иных органов публичной власти или подвергнуть толкованию положения нормативного акта, сначала нужно обнаружить их, выявить исходные текстуальные данные, а также документы, тесно связанные с событием, и причины, подтолкнувшие к учреждению данного органа, идейные корни его легитимации. В связи с этим появление рассматриваемого сборника, существенно облегчает исследовательскую работу ученых-юристов, специализирующихся на историко-правовой тематике.

Новизна

За последние несколько лет в свет вышел ряд сборников документов и материалов, посвященных формированию татарской государственности и татарскому национальному движению в период революций 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг. К таким сборникам следует отнести два издания, составленные С.М. Исхаковым: «Протоколы I и II Всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока. Москва, 1918, 1919» [Протоколы 2017] и «Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение» [Великая российская революция 2019]. Также удачным следует признать публикацию трехтомного сборника документов, посвященного 100-летию образования Татарской АССР, составители которого З.С. Миннуллин, Р.Д. Шарафеева и С.А. Файзуллин [100-летие образования Татарской АССР 2017, 2019, 2020]. Указанные сборники охватывают общие вопросы формирования государственности татарского народа в 1917–1920 гг., не углубляясь в отдельные исторические проблемы ее формирования, такие как делимитация и демаркация границ. В опубликованных в разные годы сборниках архивных материалов можно обнаружить такие проблемы, как ошибочные наименования и путаницу в датировках документов, посвященных теме образованию Штата Идель-Урал. В результате в различных работах часто не совпадают даты провозглашения и реализации проекта Штат Идель-Урал, заседания Коллегии, принятых ею документов и так далее.

Настоящий сборник частично позволяет преодолеть имеющуюся проблему путем последовательного изложения исторического материала. Составители поэтапно знакомят читателя с эволюцией проектов, в которых реализовывалось право башкирского и татарского народов на национальное самоопределение. Иначе говоря, авторы показывают читателю эволюцию идей в области государственного строительства – от проекта национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири к автономии национально-территориальной – от Штата Идель-Урал до Татаро-Башкирской Советской Республики и далее – к образованию Татарской и Башкирской АССР. Поэтому, несомненно, строгая последовательность в систематизации архивного материала – важная положительная черта рецензируемого издания.

Структура сборника документов

Структура сборника представлена тремя разделами, объединяющими 100 архивных документов.

В первом разделе собраны документы, касающиеся развития татарского национального движения в масштабном общероссийском тюрко-мусульманском общественно-политическом течении 1917–1918 гг. Составители издания проливают свет на политическую борьбу за национально-

культурную автономию, возглавляемую сторонниками унитаризма, и составление проекта крупного государственного образования на территории Волго-Уральского региона, известного нам под названием Штат Идель-Урал. Всего первый раздел содержит 35 документов, последовательно отражающих попытку реализации идей национального самоопределения.

Материалы второго раздела дополняют картину попыток реализации проекта Татаро-Башкирской Советской Республики и позволяют более внимательно взглянуть на причину ее неудачи. Раздел состоит из 37 документов. В отличие от уже имеющихся документов по образованию Татаро-Башкирской Советской Республики, представленных в других сборниках, составители настоящего издания сконцентрировали внимание на господствовавшей тогда идее о важности единой татаро-башкирской государственности.

Третий раздел посвящен этапам становления башкирской автономии в контексте упразднения Уфимской губернии. Данный раздел объединяет 27 документов и практически полностью посвящен делимитации границ Башкирской АССР. Представленные документы достаточно полно отражают самые первые ростки советской политики национального размежевания, ее необдуманность и спешность в результате действий большевистского руководства по упразднению Уфимской губернии с присоединением ее территории к Башкирской АССР, что заложило противоречия на многие десятилетия вперед (их отзвуки слышны и сегодня).

Советская власть не подумала о необходимости проведения плебисцита как важного инструмента при оформлении государственных границ. Это позволяет сказать, что в реальности большевики не решали национальный вопрос. Столкновения татарских и башкирских национальных лидеров по вопросу наследия территории упраздненной Уфимской губернии сыграло на руку советам и отвлекло внимание от борьбы за границы с Казахской АССР. В конечном итоге татарский и башкирский народы, внесшие огромный вклад в укрепление советской власти, так и не получили статус союзных республик.

В отдельном блоке составители издания сгруппировали краткие биографии ключевых участников татарского национального движения из Уфимской губернии, таких как Галимджан Ибрагимов (1887–1938), Мирсаид Султан-Галиев (1892–1940), Ибниамин Ахтямов (1877–1941), Гумер Терегулов (1883–1938), Гумер Альмухаметов (1895–1937), Исмагил Рамеев (1895–1969), Акрам (Мухаммедакрам) Биглов (1871–1919). Этот раздел сборника представляется очень важным, так как облегчает исследователю поиск документов, связанных с общественной и политической деятельностью вышеперечисленных национальных лидеров. Биографии и жизненные пути деятелей татарской по-

литической элиты ярко свидетельствуют о том, насколько серьезными были их устремления к образованию объединенной татаро-башкирской государственности.

Не меньший интерес вызывает и включение в сборник в качестве приложения научной работы американского историка, профессора Бельмантского университета (г. Нашвил, штат Теннесси, США) Дэниела Ивена Шефера под названием «Возникновение границы между Татарстаном и Башкортостаном (1920–1922 гг.)» (надо отметить, что ранее она была опубликована в Уфе в 2010 г.). С одной стороны, включение в качестве приложения отдельной научной работы Д.И. Шефера нарушает правила публикации подобного рода изданий. Но, с другой, его позиция показывает точку зрения на поставленную проблему ученого, не зависящего от той или иной национальной позиции. Кроме того, работа Д.И. Шефера позволяет сформировать более объективную картину административно-территориального устройства Западного Приуралья на заре советской власти.

Особенности сборника

Однозначно положительной стороной сборника выступает наличие документов историко-правового характера. Представленные документы позволяют юристам-исследователям проследить путь территориальной легитимации ныне существующих республик – Татарстана и Башкортостана. Подчеркнем, что особую важность в данном вопросе играют ненормативные правовые акты:

- распоряжения,
- телеграммы,
- протоколы,
- резолюции и тому подобное.

Ненормативный акт может быть выражен не только в виде отдельного документа. Он может заключаться в резолюции на документе, в письме

или выражаться в иной форме. Ненормативный правовой акт характеризуется тем, что он адресован конкретному субъекту правоотношений (индивидуальному или коллективному) и содержит обязательные для этого лица правила поведения. При этом ненормативные акты в 90 % случаев не публикуются, что делает их поиск при проведении историко-правового исследования крайне сложным.

В условиях революционного времени подзаконные и ненормативные правовые акты безраздельно господствовали в правовом пространстве, нередко ежедневно определяя судьбы конкретных людей, группы лиц и целых народов. Поэтому включенный в представленный сборник целый ряд ненормативных правовых актов расширяет картину о том, как у советской власти складывались отношения с отдельно взятыми должностными лицами, общественно-политическими организациями и национальными группами.

Заключение

Подводя итог, отметим, что данное издание содержит в себе весьма интересный историко-политический и правовой материал, который будет интересен широкой научной аудитории. В целом опубликованные в сборнике документы дополняют общую картину процесса образования Татарской и Башкирской автономных республик.

Несомненно, рецензируемый сборник является существенным вкладом в развитие историографии и позволяет расширить исследовательскую проблематику по истории государственности татарского народа.

Хочется пожелать авторам продолжить работу по выявлению в центральных и местных архивных фондах материалов подобного характера, чтобы представить научному сообществу документы, затрагивающие вопросы формирования границ Татарстана на юге, востоке и севере республики.

Материалы исследования

Западное Приуралье 2023 – *Западное Приуралье* в свете образования Татарской и Башкирской республик 1917–1922 гг.: надежды и реалии: сборник документов и материалов / сост. Р.Ф. Масагутов, М.Х. Ибрагимов. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2023. 256 с.

Библиографический список

Протоколы 2017 – *Протоколы* I и II Всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока. Москва, 1918, 1919 / сост., предисл. и примеч. С.М. Исхаков. Москва; Санкт-Петербург: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 552 с.

Великая российская революция 2019 – *Великая российская революция* 1917 года и мусульманское движение: сборник документов и материалов / сост., предисл. и примеч. С.М. Исхаков; Инст. рос. ист. РАН; Науч. совет РАН по ист. социал. реф., движ. и револ. Москва; Санкт-Петербург: Инст. рос. ист. РАН; Центр гуман. ин-в, 2019. 494 с.

100-летие образования Татарской АССР 2017 – *100-летие образования Татарской АССР*: сборник документов и материалов: в 3 т. Т. 1 / авт.-сост. З.С. Миннуллин, науч. ред. Р.Р. Фахрутдинов, Р.Р. Хайрутдинов. Казань: Заман, 2017. 520 с.

100-летие образования Татарской АССР 2019 – *100-летие образования Татарской АССР*: сборник документов и материалов: в 3 т. Т. 2 / авт.-сост. З.С. Миннуллин, Р.Д. Шарафеева; науч. ред.: Р.Р. Фахрутдинов, Р.Р. Хайрутдинов. Казань: Заман, 2019. 496 с.

100-летие образования Татарской АССР 2020 – *100-летие образования Татарской АССР*: сборник документов и материалов: в 3 т. Т. 3 / авт.-сост.: З.С. Миннуллин, С.А. Файзуллин; науч. ред.: Ф.Н. Шакуров. Казань: Фолиант, 2020. 495 с.

References

Protocols 2017 – *Protocols* of the I and II All-Russian Congresses of Communist Organizations of the Peoples of the East. Moscow, 1918, 1919. Compiler, foreword and commentaries by Iskhakov S.M. Moscow; Saint Petersburg, 552 p. (In Russ.)

Great Russian Revolution 2019 – *Great Russian Revolution* of 1917 and the Muslim movement: collection of documents and materials. Compiler, foreword and commentaries by Iskhakov S.M. Moscow; Saint Petersburg, 494 p. (In Russ.)

100th anniversary of the formation of the Tatar ASSR 2017 – *Minnullin Z.S.* (2017) 100th anniversary of the formation of the Tatar ASSR: collection of documents and materials: in 3 vols. Vol. 1; Fakhрутдинov R.R., Khairutdinov R.R. (Eds.) Kazan: Zaman, 520 p. (In Russ.)

100th anniversary of the formation of the Tatar ASSR 2019 – *Minnullin Z.S., Sharafiev R.D.* (2019) 100th anniversary of the formation of the Tatar ASSR: collection of documents and materials: in 3 vols. Vol. 2; Fakhрутдинov R.R., Khairutdinov R.R. (Eds.). Kazan, 496 p. (In Russ.)

100th anniversary of the formation of the Tatar ASSR 2020 – *Minnullin Z.S., Faizullin S.A.* (2020) 100th anniversary of the formation of the Tatar ASSR: collection of documents and materials: in 3 vols. Vol. 3; Shakurov F.N. (Ed.). Kazan, 495 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

УДК 81

Дата поступления: 11.04.2024
рецензирования: 18.05.2024
принятия: 02.09.2024

**О новом подходе в изучении лексической метонимии.
Рецензия на монографию: Илюхина Н.А. Лексическая метонимия
в лингвокогнитивном осмыслении. Самара: ООО «САМАРАМА», 2023.
172 с. ISBN 978-5-6050869-9-4**

В.Д. Шевченко

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация
Приволжский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vds@ssau.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

Аннотация: Настоящая рецензия посвящена монографии Н.А. Илюхиной «Лексическая метонимия в лингвокогнитивном осмыслении», в которой рассматриваются проблемы использования метонимической номинации объектов, процессов и лиц в различных денотативных и дискурсивных сферах. Актуальность затрагиваемых в работе Н.А. Илюхиной вопросов обусловлена важной ролью, которую играет ассоциативное мышление в процессе познания действительности, и сложностью реальных и ментальных связей между денотатами, которые становятся объектами метонимической номинации. В рецензии описываются вопросы, которые оказались в фокусе внимания автора, в частности типологизация лексической метонимии, субстантивная и глагольная метонимия, метонимический перенос определений, метонимия в разных денотативных и дискурсивных сферах. Проблема исследования заключается в сложности языковой репрезентации когнитивных механизмов метонимического переноса, в постижении мысленной связи между частью и целым, благодаря которой их названия могут заменять друг друга в языке и речи. В ходе исследования Н.А. Илюхиной был использован актуальный метод лингвокогнитивного анализа. В результате проведенного фундаментального исследования автор приходит к целому ряду важнейших выводов. Наиболее значимыми и интересными нам представляются выводы о единых когнитивных основаниях магистральных переносов в системе языка и речи; о связи вектора переноса со структурным типом многокомпонентного концепта, который содержит знание о соответствующем денотате, называемом или определяемом словом; о важнейшей роли когнитивного метонимического механизма в речевой деятельности и его широкой представленности в картине функционирования любых единиц; о «вездесущности», универсальности, многофункциональности и экспансии языковой метонимии, обусловленных ее когнитивными основаниями; о возможности использования метонимии в качестве основы для других тропов. Монография представляет значительный интерес для исследователей, занимающихся проблемами метонимии, когнитивной лингвистики, семасиологии, семантики дискурса.

Ключевые слова: лексическая метонимия; фреймовая метонимия; пропозициональная метонимия; сценарная метонимия; гештальтная метонимия; фразеология; дискурсы.

Цитирование. Шевченко В.Д. О новом подходе в изучении лексической метонимии. Рецензия на монографию: Илюхина Н.А. Лексическая метонимия в лингвокогнитивном осмыслении. Самара: ООО «САМАРАМА», 2023. 172 с. ISBN 978-5-6050869-9-4 // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 222–225. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-222-225>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шевченко В.Д., 2024

Вячеслав Дмитриевич Шевченко – доктор филологических наук, PhD, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244; Приволжский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2 В.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 11.04.2021
Revised: 18.05.2021
Accepted: 02.09.2024

**On a new approach to studying lexical metonymy. Review of a monograph:
Ilyukhina N.A. Lexical metonymy in linguistic and cognitive comprehension.
Samara: ООО «SAMARAMA», 2023, 172 p. ISBN 978-5-6050869-9-4**

V.D. Shevchenko

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

Volga State Transport University, Samara, Russian Federation

E-mail: vds@ssau.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

Abstract: This review is devoted to the monograph «Lexical metonymy in linguistic and cognitive comprehension» by N.A. Ilyukhina, who examines the problems of using metonymic nomination of objects, processes and persons in various denotative and discursive spheres. The relevance of the issues raised in the monograph is determined by the important role of associative thinking in the process of understanding the reality and complexity of mental connections between referents, which become the objects of metonymic nomination. The review describes the issues that have become the focus of the researcher's attention, in particular, the typologization of lexical metonymy, substantive and verbal metonymy, metonymic transfer of definitions, metonymy in various denotative and discursive spheres. The problem of the research lies in the complexity of the linguistic representation of the cognitive mechanisms of metonymic transfer, in understanding the mental connections between the part and the whole, due to which their names can replace each other in language and speech. During the research N.A. Ilyukhina used an up-to-date method of linguocognitive analysis. As a result of the conducted fundamental research, N.A. Ilyukhina comes to a number of important conclusions. The most significant and interesting conclusions are about the unified cognitive foundations of the main transfers in the system of language and speech; about the connection of the transfer vector with the structural type of a multi-faceted concept, which contains knowledge about the corresponding referent, nominated or defined by the word; about the most significant role of the cognitive metonymic mechanism in speech activity; about the «ubiquity», universality, versatility and expansion of linguistic metonymy due to its cognitive foundations; about the possibility of using metonymy as a basis for other tropes. The monograph is of considerable interest to researchers dealing with the problems of metonymy, cognitive linguistics, semasiology, and semantics of discourse.

Key words: lexical metonymy; frame metonymy; propositional metonymy; scenario metonymy; gestalt metonymy; phraseology; discourses.

Citation. Shevchenko V.D. On a new approach to studying lexical metonymy. Review of a monograph: Ilyukhina N.A. Lexical metonymy in linguistic and cognitive comprehension. Samara: ООО «SAMARAMA», 2023, 172 p. ISBN 978-5-6050869-9-4. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 222–225. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-222-225>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Shevchenko V.D., 2024

Viacheslav D. Shevchenko – Doctor of Philological Sciences, PhD, associate professor, head of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation; Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation; Volga State Transport University, 2 B, Svobody Street, Samara, 443066, Russian Federation.

Введение

Монография Н.А. Илюхиной посвящена актуальной проблеме лингвокогнитивного осмысления лексической метонимии на материале русского языка. Цель проведенного фундаментального исследования заключалась во всестороннем изучении лингвокогнитивных механизмов метонимии. Автором были поставлены задачи рассмотреть когнитивные особенности метонимического переноса в сфере существительных, глаголов, определений, а также в разных денотативных и дискурсивных сферах. Проблема исследования заключается в сложности языковой репрезентации когнитивных механизмов метонимического переноса, в постижении мысленной связи между частью и целым, благодаря которой их названия могут заменять друг друга в языке и речи. В ходе исследования был использован актуальный метод лингвокогнитивного анализа.

Основная часть

Первая глава монографии посвящена проблемам типологизации лексической метонимии. Исследованию метонимии посвящены работы Л.П. Ефремова [Ефремов 1974], И.Ф. Протченко [Протченко 1985], В.Н. Телия [Телия 1977], Б.В. Тома-

шевского [Томашевский 1958], И.Р. Гальперина [Гальперин 1958], Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1992], Е.В. Падучевой [Падучева 2003], Н.Н. Болдырева [Болдырев 2002], Н.А. Илюхиной [Илюхина 2015; Илюхина 2021], Н.А. Чернявской [Чернявская 2016] и др. Ряду вопросов, связанных с метонимией, посвящены работы словацких исследователей Ю. Розенфельда и С. Томашчиковой [Rozenfeld 2017; Rozenfeld 2021; Rozenfeld 2019; Rozenfeld, Tomaščíková 2023]. В рамках данной главы автор обращается к таким актуальным проблемам в области исследования лексической метонимии, как типологизация лексической метонимии, сдвиг фокуса внимания в метонимии, роль акта восприятия как когнитивной предпосылки метонимии, связь метонимических переносов с типом концепта и др.

Вторая глава содержит исследование метонимии в сфере существительных и глаголов. Особый интерес в рамках данной главы вызывают разделы, посвященные фреймовой, пропозициональной, сценарной и гештальтной метонимиям. Проанализировав значительный объем убедительных примеров, Н.А. Илюхина приходит к ряду важных выводов о том, что фреймовая метонимия представляет собой процесс и результат переноса

лексемы с целого на ту или иную часть в рамках одной статично представляемой денотативной сферы; о том, что пропозициональная метонимия образуется в результате переноса лексемы с ситуации на определенный компонент этой ситуации, а также о том, что сценарная метонимия отражает процесс и результат переноса лексемы с определенного этапа или аспекта на всю многоаспектную деятельность.

В третьей главе речь идет о метонимическом переносе определений. Автор проводит детальный анализ переноса определения с ситуации на ее компонент, переноса определения с компонента на ситуацию в целом, а также обращается к таким проблемам, как сценарная логика переноса определения и гештальтная разновидность переноса определения, предлагая при этом инновационное видение этих проблем. В данной главе Н.А. Илюхина приходит к значимым выводам о том, что общими для слов разных частей речи являются комплексы векторов переносов, объединенные исследователем в группы фреймовых, пропозициональных и сценарных переносов; о том, что закономерный характер переноса определения по-своему реализует сдвиг фокуса внимания в рамках партитивных отношений, в связи с чем разные векторы переноса приобретают системные функции.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет четвертая глава монографии, в которой метонимия исследуется в разных денотативных и дискурсивных сферах. В рамках данной главы Н.А. Илюхина проводит детальный анализ метони-

миивразговорном дискурсе, в денотативно-коммуникативной сфере лечения, в сфере фразеологии, в рекламном и художественном дискурсах. Важным, значимым и инновационным с точки зрения используемого подхода является раздел, посвященный речевым аномалиям, которые автор трактует как следствие действия метонимического механизма.

Заключение

В результате проведенного фундаментального исследования Н.А. Илюхина приходит к целому ряду важнейших выводов. Наиболее значимыми и интересными нам представляются выводы о единых когнитивных основаниях магистральных переносов в системе языка и речи; о связи вектора переноса со структурным типом многокомпонентного концепта, который содержит знание о соответствующем денотате, называемом или определяемом словом; о важнейшей роли когнитивного метонимического механизма в речевой деятельности и его широкой представленности в картине функционирования любых единиц; о «вездесущности», универсальности, многофункциональности и экспансии языковой метонимии, обусловленных ее когнитивным основанием; о возможности использования метонимии в качестве основы для других тропов.

Монография представляет большой интерес для исследователей, занимающихся проблемами метонимии, когнитивной лингвистики, семасиологии, семантики дискурса.

Библиографический список

- Rozenfeld 2017 – *Rozenfeld J.* Efficiency in teaching English as a foreign language // *Romanian Journal of English Studies*. 2017. № 14 (1). С. 132–140. DOI: <http://doi.org/10.1515/rjes-2017-0016>.
- Rozenfeld 2021 – *Rozenfeld J.* The ideologization of the millennial dream in the context of global challenges // *Studia Culturae*. 2021. Вып. 2 (48). С. 17–27. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49395870>.
- Rozenfeld 2019 – *Rozenfeld J.* Walls – the new symbols of culture wars in documentary discourse // *SKASE Journal of Literary and Cultural Studies*. 2019. Т. 1, № 2. URL: http://www.skase.sk/Volumes/SJLCS02/pdf_doc/06.pdf.
- Rozenfeld, Tomaščíková 2023 – *Rozenfeld J., Tomaščíková S.* The lovable machine. Social implications of implementing artificial intelligence: a cultural studies perspective // *Ostrava Journal of English Philology*. 2023. Т. 15, № 2. С. 77–92. DOI: <http://doi.org/10.15452/OJoEP.2023.15.0014>.
- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Москва: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с. URL: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(275\)1.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(275)1.pdf).
- Болдырев 2002 – *Болдырев Н.Н.* Концептуальная метонимия на разных уровнях языка: система и реализация // *Форма, значение и функции единиц языка и речи: материалы докладов Международной научной конференции: в 3 ч. Минск, 16–17 мая 2002 года / отв. ред. Н.П. Баранова. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2002. Ч. 1. С. 11–14. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=23871296&pf=1. EDN: https://elibrary.ru/ucjtrr.*
- Гальперин 1958 – *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. Москва: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 459 с. URL: [https://dl.booksee.org/genesis/290000/540cda658c88989bcd30a7f4232bb133/_as/\[Galperin_I.R.\]_Ocherki_po_stilistike_anglyskogo_y\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/290000/540cda658c88989bcd30a7f4232bb133/_as/[Galperin_I.R.]_Ocherki_po_stilistike_anglyskogo_y(BookSee.org).pdf).
- Ефремов 1974 – *Ефремов Л.П.* Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата: КазГУ, 1974. 191 с.
- Илюхина 2021 – *Илюхина Н.А.* О проекциях ментальной структуры на язык и речь (на примере концепта-пропозиции) // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2021. № 1. С. 70–79. DOI: <http://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-1-70-79>.

Илюхина 2015 – Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2015. № 7 (129). С. 36–48. URL: <https://vestniksamsu.ssau.ru/index.php?c=issueArticle&serieId=2&issueId=45&articleId=1275>.

Кубрякова 1992 – Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. Москва: ИНИОН РАН, 1992. С. 2–38.

Падучева 2003 – Падучева Е.В. К когнитивной теории метонимии // Диалог XXI век. Интерактивный сайт российских философов.

Протченко 1985 – Протченко И.Ф. Лексика и словообразование в русском языке советской эпохи: социолингвистический аспект. Москва: Наука, 1985. 352 с.

Телия 1977 – Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: виды наименований. Москва: Наука, 1977. С. 129–222.

Томашевский 1958 – Томашевский Б.В. Стих и язык. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 62 с. URL: <https://djvu.online/file/03g2VC0sr9gNh>.

Чернявская 2016 – Чернявская Н.А. Метонимическое обозначение субъекта в спонтанной речи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3–2. С. 208–212. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27667037>. EDN: <https://elibrary.ru/xhljsb>.

References

Rozenfeld 2017 – Rozenfeld J. (2017) Efficiency in teaching English as a foreign language. *Romanian Journal of English Studies*, no. 14 (1), pp. 132–140. DOI: <http://doi.org/10.1515/rjes-2017-0016>. (In English)

Rozenfeld 2021 – Rozenfeld J. (2021) The ideologization of the millennial dream in the context of global challenges. *Studia Culturae*, no. 2(48), pp. 17–27. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49395870>. (In English)

Rozenfeld 2019 – Rozenfeld J. (2019) Walls – the new symbols of culture wars in documentary discourse. *SKASE Journal of Literary and Cultural Studies*, vol. 1, no. 2. Available at: http://www.skase.sk/Volumes/SJLCS02/pdf_doc/06.pdf. (In English)

Rozenfeld, Tomaščíková 2023 – Rozenfeld J., Tomaščíková S. (2023) The lovable machine. Social implications of implementing artificial intelligence: a cultural studies perspective. *Ostrava Journal of English Philology*, vol. 15, no. 2, pp. 77–92. DOI: <http://doi.org/10.15452/OJoEP.2023.15.0014>. (In English)

Apresyan 1995 – Apresyan Yu.D. (1995) Selected works. Vol. I. Lexical semantics. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 472 p. Available at: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(275\)1.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(275)1.pdf). (In Russ.)

Boldyrev 2002 – Boldyrev N.N. (2002) Conceptual metonymy on various levels of language: system and representation. In: *Form, meaning and functions of language and speech units: proceedings of International scientific conference: in 3 parts, Minsk, May 16–17, 2002*. Minsk: Minskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, part 1, pp. 11–14. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23871296&pff=1>. EDN: <https://elibrary.ru/ucjtrr>. (In Russ.)

Galperin 1958 – Galperin I.R. (1958) Essays in English language stylistics. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 459 p. Available at: [https://dl.booksee.org/genesis/290000/540cda658c88989bcd30a7f4232bb133/_as/\[Galperin_I.R.\]_Ocherki_po_stilistike_anglyskogo_y\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/290000/540cda658c88989bcd30a7f4232bb133/_as/[Galperin_I.R.]_Ocherki_po_stilistike_anglyskogo_y(BookSee.org).pdf). (In Russ.)

Efremov 1974 – Efremov L.P. (1974) Basics of lexical calquing theory. Alma-Ata: KazGU, 191 p. (In Russ.)

Ilyukhina 2021 – Ilyukhina N.A. (2021) About projections of mental structure into language and speech (on the example of the concept-proposition). *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1, pp. 70–79. DOI: <http://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-1-70-79>. (In Russ.)

Ilyukhina 2015 – Ilyukhina N.A. (2015) On the typology of lexical metonymy in the light of cognitive principle. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, no. 7 (129), pp. 36–48. Available at: <https://vestniksamsu.ssau.ru/index.php?c=issueArticle&serieId=2&issueId=45&articleId=1275>. (In Russ.)

Kubryakova 1992 – Kubryakova E.S. (1992) Problems of knowledge representation in modern science and role of linguistics in these problems' solution. In: *Language and structures of knowledge representation*. Moscow: INION RAN, pp. 2–38. (In Russ.)

Paducheva 2003 – Paducheva E.V. (2003) On cognitive theory of metonymy. In: *Dialogue of the XXI century. Russian philosophers' interactive website*. (In Russ.)

Protchenko 1985 – Protchenko I.F. (1985) Words and word-building in the Russian language of the Soviet epoch: sociolinguistic aspect. Moscow: Nauka, 352 p. (In Russ.)

Teliya 1977 – Teliya V.N. (1977) Secondary nomination and its types. In: *Language nomination: types of denomination*. Moscow: Nauka, pp. 129–222. (In Russ.)

Tomashevsky 1958 – Tomashevsky B.V. (1958) Verse and language. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 62 p. Available at: <https://djvu.online/file/03g2VC0sr9gNh>. (In Russ.)

Chernyavskaya 2016 – Chernyavskaya N.A. (2016) Metonymical nomination of the subject in colloquial language. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, no. 3–2, pp. 208–212. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27667037>. EDN: <https://elibrary.ru/xhljsb>. (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в выпусках журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology» (прежнее название – «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

В журнале публикуются научные статьи теоретического, исследовательского и практического характера, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу по профилю журнала.

Тематика журнала: исторические науки и археология (5.6.1; 5.6.2; 5.6.4; 5.6.5; 5.6.7), педагогические науки (5.8.1; 5.8.7), языкознание (5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) двойное слепое рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Правила оформления

Текст статьи

• Статья предоставляется на русском или английском, французском, немецком и испанском языках в электронном виде (на сайте <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp> или по эл. почте murzinova.tatjana@yandex.ru), заполняется лицензионный договор.

• Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.

• Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, звание, должность, место работы, индекс и адрес места работы, электронная почта, ORCID – регистрация на сайте www.orcid.org), аннотация, ключевые слова, названия рисунков и таблиц, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.

• Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.

• Объем основного текста не должен превышать 30 страниц. Аннотация создана по IMRAD (200–250 слов), ключевых слов – не менее 8, текст статьи структурирован (минимальная структура – введение, основная часть, заключение)

• Рисунки и таблицы предполагают наличие названия на русском и английском языках и сквозную нумерацию.

• Библиографический список на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по алфавиту и содержит только научную литературу (источники, архивные документы, диссертации, словари помещаются в источники фактического материала только в русском варианте в круглых скобках, иностранные – на языке оригинала), сначала размещается иностранная литература, потом русская, по образцу: Иванов 2018 – *Иванов В.В.* Название. Город (полностью): Издательство, год. X с. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [Иванова 2017, с. 28; Память истории... 2019]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

• Reference оформляется по гарвардскому стилю, но без транслитерации и квадратных скобок. Например, Roediger, Wertsch 2008 – *Roediger H.L. and Wertsch J.V.* (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*, vol. 1, issue 1, pp. 9–22. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698007083884>. Saveleva, Poletaev 2005 – *Saveleva I.M. and Poletaev A.V.* (2005) «Historical memory»: on the issue of the boundaries of the concept, in *Phenomenon of the past*. Moscow: GU VShE, pp. 170–220. Available at: http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya. (In Russ.) Если у журнала есть английское название, то оно указывается курсивом, если его нет, то курсивом дается транслитерированное название, если журнал указывает и транслитерированное, и английское названия, то они даются курсивом через знак «=»: *Vestnik Samarskogo...* = *Vestnik of Samara...* Желательно указывать DOI или URL. Наличие иностранных источников (около 30 %) говорит о знакомстве автора с освещением проблемы статьи за рубежом.

Допускается не более 30–40 источников в научной статье, 70–100 – в обзоре.

Графика

• Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат JPEG.

• Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Подробные требования, шаблон статьи размещены на сайте журнала <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp>.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.